ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

орд. акад. И. В. Ягича.

Выпускъ 11.1.

А. А. Шахматовъ. Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка.

ПЕТРОГРАДЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

В.Іс. Остр., 9 лин., № 12.

1915.

СССР. 1957

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Май 1915 г. Непремѣнный Секретарь Академикъ *С. Ольденбургъ*.

490
37

Памяти дорогихъ учителей

Филиппа Ѳедоровича Фортунатова

и

Ѳедора Евгеніевича Корша

посвящаетъ авторъ.

Содержаніе.

стран

ПРЕДИСЛОВІЕ..... I—II

ВВЕДЕНІЕ..... III—L

ОТДѢЛЪ I. **Звуковой составъ общеславянскаго праязыка**..... **1—98**

Глава I. Гласные звуки..... 1—30

§ 1: Общія замѣчанія.

Гласныя чистыя. § 2: Перечень гласныхъ. § 3: Гласная a. § 4: Гласная o; *прим.:* данныя въ пользу нижняго образованія o. § 5: Гласная ô; *прим.:* данныя, доказывающія существованіе закрытаго o. § 6: Гласная u. § 7: Гласная y; *прим.:* природа звука y по даннымъ слав. языковъ. § 8: Гласная i. § 9: Гласная e. § 10: Гласная ê; *прим.:* данныя, доказывающія существованіе закрытаго e. § 11: Гласная a; *прим.:* данныя, доказывающія существованіе звука ä. § 12: Гласная o; *прим. 1:* данныя, доказывающія существованіе звука ô; *прим. 2:* случаи, гдѣ общеслав. имѣлъ ö закрытое. § 13: Гласная ü; *прим.:* данныя, доказывающія существованіе звука u.

Дифтонги. § 14: Дифтонгизація ē и замѣстителя oi̯; *прим. 1:* данныя въ пользу дифтонгическаго произношенія ѣ; *прим. 2:* о томъ, какъ монофтонгизировался дифтонгъ oi̯. § 15: Двоякое произношеніе ѣ въ зависимости отъ сосѣднихъ звуковъ; *прим.:* данныя въ пользу двоякаго произношенія.

Гласныя носовыя. § 16: Перечень носовыхъ общесл. праязыка. § 17: Гласная o̧; *прим.:* доказательства въ пользу закрытаго произношенія o носового. § 18: Гласная o̧ средняго ряда за j и смягч. согласными; *прим.:* данныя въ пользу такого звука. § 19: Гласная ę; *прим.:* данныя въ пользу открытаго произношенія ę. § 20: Гласная ä носовое; *прим. 1:* данныя въ пользу существованія такого звука; *прим. 2:* переносъ ä носового на мѣсто u въ прич. наст. вр. § 21: Гласная ѣ носовое; *прим. 1:* данныя въ пользу существованія такого звука; *прим. 2:* замѣна носового ѣ носовымъ e въ прич. наст. вр.

Гласныя редуцированныя. § 22: Происхожденіе редуцированныхъ гласныхъ ъ и ь; *прим. 1:* указанія на природу звуковъ

стран.

ъ и ь: *прим. 2:* случаи, гдѣ ъ и ь восходятъ къ ў (й) и ѵ, замѣнившимъ индоевр. редуцированныя гласныя. § 23: О томъ, что редукція не поражала ў (й) и ї передъ i̯ (j), а также ї послѣ i̯ (j) и въ началѣ слога; *прим.:* ъ и ь передъ i̯ переходили въ ў и ї. § 24: Полукраткое и краткое ъ. § 25: Полукраткое и краткое ь; *прим.:* переходъ i̯й въ і и чередованіе і съ jь (откуда въ новослав. яз.: је, ја). § 26: Переходъ ь въ лабіализованное ь послѣ смягч. согл. передъ твердыми; *прим.:* доказательства въ пользу лабіализованнаго ь. § 27: О сочетаніяхъ ъ и ь съ предшествующими сонорными. § 28: О переносѣ ударенія съ редуцированныхъ гласныхъ. § 28[1]: О выпаденіи ъ и ь въ словахъ слабоударяемыхъ.

Гласныя долгія, полудолгія и краткія. § 29: Дѣленіе гласныхъ по количеству. § 30: Два вида долготы. § 31: Происхожденіе полудолготъ. § 32: Происхожденіе краткости гласныхъ; *прим.:* сокращеніе долготы въ концѣ слова и сокращеніе передъ i̯. *Гласныя полукраткія.* § 33: Полукраткость и краткость редуцированныхъ гласныхъ. § 34. Полукраткость и краткость у и і, не подлежавшихъ, въ силу своего положенія, редукціи. § 35: Происхожденіе полукраткаго і въ началѣ слова; *прим. 1:* ударяемость ї охраняла его отъ перехода въ полукраткій звукъ; *прим. 2:* замѣна ї черезъ і полукраткое въ началѣ слова. § 36: Происхожденіе полукраткаго і въ началѣ слога; *прим. 1:* появленіе і краткаго вмѣсто полукраткаго; *прим. 2:* сохраненіе j передъ ї въ ударяемомъ слогѣ. § 37: Происхожденіе полукраткаго і передъ i̯; *прим. 1:* переносъ ударенія съ сокращавшагося ѵ̆; *прим. 2:* различная судьба ѵ̆ передъ i̯ и передъ j; *прим. 3:* появленіе ѵ̆ вм. полукраткаго і передъ слогомъ съ полукраткимъ і. § 38: Происхожденіе полукраткаго і въ концѣ слова. § 39: Происхожденіе полукраткаго у передъ i̯; *прим. 1:* переносъ ударенія съ сокращавшагося ў; *прим. 2:* появленіе ў вм. полукраткаго у передъ слогомъ съ полукраткимъ і. § 40: Діалектическое полукраткое и въ соотвѣтствіи сочетаніямъ vъ, vь; *прим. 1:* судьба полукраткаго и въ славянскихъ языкахъ; *прим. 2:* возможность существованія діалектическаго полукраткаго ӥ. § 41: Полукраткое и на мѣстѣ и послѣ гласной; *прим.:* замѣна полукраткаго и черезъ vъ, vь въ слав. языкахъ.

Гласныя неслоговыя. § 42: Неслоговыя і и и. § 43: Чередованіе i̯ съ j. § 44: Послѣ согласной являлся j. § 45: Въ ударяемыхъ слогахъ являлся j. § 46: Выпаденіе i̯ послѣ гласной передъ гласной передняго ряда. § 47: Замѣна u̯ черезъ v, w. § 48: Діалектическое сохраненіе u̯ и отраженіе такого u̯ въ славянскихъ языкахъ. § 49: Переходъ u̯ въ діалектахъ въ ӥ неслоговое передъ гласными передняго ряда. § 50: Неслоговыя ъ и ь;

стран.

прим.: процессы, измѣнившіе сочетаніе ji въ i полукраткое и діалектическое сочетаніе ju въ u полукраткое.

Глава II. Согласные звуки . . . . . 30—40

§ 51: Общія замѣчанія.

Сонорныя согласныя. § 52: Природа сонорныхъ. § 53: Звукъ r. § 54: Звуки латеральные (ł, l); *прим. 1:* доказательства въ пользу существованія l въ сочетаніяхъ ol, el, ъl, ьl; *прим. 2:* ǒł въ общеслав. словѣ, откуда человѣкъ. § 54¹: Звуки латеральные (l полумягкое, l мягкое). § 54²: Долгота l въ сочетаніяхъ съ предш. гласными; слоговыя l и l полумягкое; замѣна слоговыхъ плавныхъ глухими. § 55: Носовыя n и m. § 56: Слоговыя n и m; замѣна ихъ глухими.

Шумныя согласныя. Гортанныя: § 57: Звонкое фрикативное h изъ индоевр. h; *прим.:* мѣстоименный корень he чередовался съ ho и съ je; числительное hedinъ при jedinъ. § 58: h позднѣйшаго происхожденія, на мѣстѣ придыхательнаго приступа. § 59: h въ формѣ род. над. мѣстоименнаго склоненія; *прим.:* происхожденіе окончанія род. над. -ho.

Задненёбныя. § 60: Общія замѣчанія; смягченіе передъ палатальными звуками. § 61: Перечень задненёбныхъ; *прим.:* природа промежуточнаго звука между s и x. § 62: Происхожденіе фрикативнаго γ; *прим.:* сочетаніе γv въ гвприти, гвьрста.

Передненёбное j. § 63: Чередованіе j съ i̯.

Шипящія (альвеолярныя). § 64: Фрикативныя š и ž мягкія; мягкія аффрикаты č и ǯ; ихъ происхожденіе. § 65: Звуки š и ž мягкія; *прим.:* ž замѣнило g черезъ посредство ǯ. § 66: Звуки č и ǯ. § 67: Долгое или двойное č; *прим.:* доказательство существованія такой аффрикаты; судьба группы kt. § 68: Долгое или двойное ǯ; *прим.:* доказательство существованія такой аффрикаты.

Зубныя. § 69: Мгновенныя t и d, фрикативныя s и z; аффрикаты. § 70: Мягкое s; *прим.:* доказательство существованія мягкаго s. § 71: Происхожденіе мягкихъ c и ʒ; переходъ мягкаго ʒ въ мягкое z; *прим.:* переходъ ʒ въ z совершился не въ общеслав. праязыкѣ.

Губнозубныя. § 72: Фрикативное v; происхожденіе изъ u̯.

Губныя. § 73: Мгновенныя p и b. § 74: Діалектическое фрикативное w.

Глава III. Сочетанія звуковъ . . . . . 41—66

Дифтонги и дифтонгическія сочетанія. § 75: Дифтонги нисходящіе и восходящіе; дифтонги eă и ie (ѣ). § 76: Сокращеніе долгой гласной въ положеніи передъ i̯ + гласная. § 77: Общія замѣчанія относительно дифтонгическихъ сочетаній. § 78:

СТРАН

Происхожденіе дифтонгическихъ сочетаній: слоговая плавная или носовая + ъ или ь неслоговое; *прим. 1:* свидѣтельства славянскихъ языковъ въ пользу такихъ сочетаній съ слоговыми плавными; *прим. 2:* свидѣтельства въ пользу сочетаній съ слоговыми носовыми; *прим. 3:* краткость слоговыхъ плавныхъ и позднѣйшая ихъ долгота въ сербско-хорватскомъ. § 79: Въ сочетаніяхъ плавная + ъ, ь плавная оставалась неслоговой, когда ъ, ь были кратки, вслѣдствіе положенія передъ слогомъ съ полукраткими ъ, ь; замѣна слоговыхъ плавныхъ и носовыхъ глухими; *прим.:* форма раснъ вм. разнъ въ церковнослав. памятникахъ. § 80: Сочетанія or, ol, er, el съ долгими r, l; природа звука r, его лабіализація послѣ o, палатализація послѣ e. § 81: Природа l въ сочетаніяхъ ol, el; переходъ e сочетанія el въ o передъ непалатальной гласной слѣд. слога; *прим. 1:* доказательства въ пользу ol изъ el, извлекаемыя изъ новослав. языковъ; *прим. 2:* чешскій языкъ доказываетъ, что l въ ol не былъ лабіовеляризованнымъ звукомъ; *прим. 3:* возраженія противъ допущенія слогового характера долгихъ r, l въ сочетаніяхъ or, ol, er el. § 82: Перестановка въ сочетаніяхъ or, ol въ началѣ слова при экспираторной долготѣ плавныхъ; *прим. 1:* позднѣйшая перестановка olkъtь въ łokъtь въ русск. языкѣ доказываетъ, что l оставалось въ общеслав. въ сочетаніяхъ ol, el неслоговымъ; *прим. 2:* случаи какъ алъкати, алъдии; діалектическое старослав. ал въ серединѣ словъ. § 83: Сочетанія ър, ъl, ьр, ьl съ полукраткими ъ, ь и долгими r, l; природа звука r. § 84: Природа l въ сочетаніяхъ ъl, ьl; *прим. 1:* возраженія противъ допущенія слогового характера долгихъ r, l въ сочетаніяхъ ър, ъl, ьр, ьl; *прим. 2:* различіе судьбы звука l въ польскихъ wilk и reĺpy; *прим. 3:* ъ и ь въ указ. сочетаніяхъ оставались полукраткими и въ положеніи передъ слогомъ съ полукраткими ъ̆ и ь̆.

Сочетанія гласныхъ. § 85: Появившіяся въ общеслав. праязыкѣ сочетанія. § 86: Переходъ aiĭ, oiĭ и т. д. въ ai, oi при чемъ i, вообще полукраткое, замѣнялось краткимъ i передъ слогомъ съ полукр. гласной; *прим.:* сохраненіе i краткимъ въ сочетаніяхъ ai, oi подъ вл. аналогіи. § 87: Переходъ aie̯, oie̯ и т. д. въ ae, oe и т. д.; *прим.:* i̯ передъ гласными задняго ряда сохранялось, это вызывало поаналогіи сочетанія aie̯, oie̯ и т. д. § 88: Переходъ aie̯ē, äi̯ē въ aa, aa; *прим. 1:* формы, какъ имѣяше, умѣяхомъ, возникли подъ вл. аналогіи; *прим. 2:* aie̯ē непосредственно изъ āi̯ē. § 89: Измѣненіе aiĭ, oiĭ и т. д. въ aii, oii, откуда ai, oi съ полукраткимъ i. § 90: Діалектически au, ou и т. д. (съ полукраткимъ u) замѣняли au̯ŭ, au̯ĭ и т. д. (случаи, какъ прауда). § 91: Сочетанія, явившіяся въ результатѣ соеди-

нія двухъ словъ или срощенія предлога со слѣдующимъ именемъ или глаголомъ.

Сочетанія согласныхъ. § 92: Перечень допустимыхъ сочетаній; *прим. 1:* сочетанія, образовавшіяся вслѣдствіе встрѣчи двухъ слоговъ; *прим. 2:* замѣна въ соч. sĺ, sń, zĺ, zń звуковъ s, z черезъ š, ž; сочетанія t, d съ r мягкимъ; сочетаніе tvj; сочетаніе gd. § 93: Сочетанія согласная + j; измѣненіе сочетаній sĺ, sń, zĺ, zń; сочетанія s, z съ аффрикатами; сочетанія sš, zž; сочетанія губныхъ съ j. § 94: Сочетанія задненёбныхъ съ мягкими согласными; сочетанія зубныхъ съ мягкими согласными; сочетанія губныхъ съ j и ĭ: *прим.:* судьба сочетанія kt̆ передъ гласными передняго ряда. § 94[1]: Взаимное уподобленіе согласныхъ звонкихъ и глухихъ.

Начало слова. § 95: Общія замѣчанія. § 96: Придыхательный приступъ передъ начальными гласными. § 97: Гласныя передняго ряда получали передъ собой i̯ (j). § 98: Примѣры сочетанія i̯ (j) съ слѣдующею переднею гласною, начальною въ словѣ; *прим. 1:* отпаденіе i̯ (j) передъ e начала слова въ новослав. языкахъ; начальное he въ чередованіи съ je; *прим. 2:* сочетанія jĭ и i̯ĭ въ началѣ слова. § 99: Примѣры для начальнаго ji (изъ i), откуда еще въ общеслав. i; *прим.:* судьба начальнаго jě и i̯ě (jasli при ěda). § 100: Гласныя u и ъ получали передъ собой v. § 101: Гласная a получала передъ собой j; *прим.:* начальное a восходитъ къ ha. § 102: Гласныя задняго ряда получали передъ собой придыханіе, откуда v или γ; *прим. 1:* замѣна h черезъ v стоитъ, быть можетъ, въ зависимости отъ потери гласною ея лабіализаціи; *прим. 2:* придых. приступъ въ новослав. языкахъ. § 103: Появленіе краткихъ ъ, ь, i и діалектически u въ началѣ слова подъ вл. ударенія. § 104: Начальныя сочетанія or, ol съ экспир. долготой подверглись перестановкѣ. § 105: Сочетанія rj, lj въ началѣ слова измѣнили j въ ĭ.

Конецъ слова. § 106: Общія замѣчанія о нѣкоторыхъ явленіяхъ въ концѣ слова. § 107: Конечныя ъ, ь передъ i̯ мѣстоименныхъ формъ 3 л. переходили въ u, i.

Взаимное вліяніе гласныхъ и согласныхъ въ предѣлахъ одного слога. Палатализація. Лабіовеляризація. § 108: Общія замѣчанія о вліяніи гласныхъ на согласныя и о вліяніи согласныхъ на гласныя. § 109: Гласныя передняго ряда измѣняли предшествующія задненёбныя въ смягченныя. § 110: Гласныя передняго ряда измѣняли предш. зубныя, губныя и плавныя въ соотв. полумягкія; *прим.:* объ отвердѣніи полумягкихъ согласныхъ въ славянскихъ языкахъ. § 111: Гласныя задняго ряда (еще до перехода ū и ŭ въ u и ъ) измѣняли предш. согласныя въ лабіовеляризованныя; *прим.:* лабіовеляризованныя и лабіали-

СТРАН

зованныя согласныя; постепенное исчезновеніе веляризаціи и лабіализаціи въ новославянскихъ языкахъ. § 112: Вліяніе гласныхъ на измѣненіе природы r въ тавтосиллабическихъ сочетаніяхъ er. ьr. or, ъr. § 113: Вліяніе согласныхъ на слѣдующія гласныя: ассимиляціонный переходъ заднихъ лабіализованныхъ въ передніе нелабіализованныя; диссимиляціонный переходъ ē чистаго и носового въ ā и носовое ą; диссимиляціонный переходъ e и ь въ лабіализованныя e и ь передъ слогомъ съ гласной непередняго ряда; *прим. 1:* повидимому, въ сочетаніяхъ i̯ + гласная передняго ряда (въ противоположность сочетаніямъ j + такая гласная) не происходило диссимиляціонныхъ процессовъ; *прим. 2:* переходъ jo въ jó и je въ jó: тождество обоихъ jó; *прим. 3:* въ сочетаніяхъ мягкая согласная (c, s, z) + монофтонгъ изъ дифтонга oi̯ этотъ монофтонгъ не переходилъ въ a; но въ началѣ слова oi̯, измѣнившись въ ó, переходило затѣмъ въ jo, jē и далѣе въ jā.

Взаимное вліяніе сосѣднихъ слоговъ. § 114: Общія замѣчанія. § 115: joi̯i измѣнилось въ joi̯i и далѣе въ jei, kirьkoть — въ kirьśóть и далѣе въ kirьśeть; vidimъ i — въ vidimy i; распредѣленіе группы согласныхъ между двумя сосѣдними слогами. § 116: Переходъ задненёбныхъ въ палатальныя свистящія въ положеніи за гласными передняго ряда; вѣроятность наличности тѣхъ или иныхъ ограничительныхъ условій. § 117: Гласная задняго ряда вызывала замѣну e черезъ ó въ предш. слогѣ въ положеніи за j и смягченными согласными; чередованіе žona — ženѣ; *прим.:* подобное же чередованіе въ нѣкоторыхъ новослав. языкахъ зависитъ отъ согласной, слѣдующей за исканной гласной e. § 118: Переходъ полукраткихъ ъ и ь въ ь и ъ подъ вліяніемъ звуковъ ъ или ь въ слѣдующемъ слогѣ; вліяніе e, i на переходъ ъ въ ь въ слѣдующемъ слогѣ (bezdьna, istьba); *прим. 1:* дьно подъ вліяніемъ бездьна; *прим. 2:* переходъ полукраткихъ ъ, ь въ o, e въ случаяхъ, какъ золоба, серебро, возникъ въ отд. славянскихъ языкахъ.

Глава IV. Количество и удареніе ..... 67—98

§ 119. Общія замѣчанія.

Древнѣйшія отношенія. § 120: Перечень исконно краткихъ, исконно долгихъ гласныхъ, дифтонговъ, дифтонг. сочетаній съ носовыми и плавными; два вида долготы; *прим. 1:* термины экспираторно-музыкальная и музыкально-экспираторная долгота; *прим. 2:* частичное сохраненіе различія долготъ въ литовскомъ, греческомъ, древне-индійскомъ. § 121: Мѣсто удареніа и различные виды удареніа; *прим.:* совпаденіе общеслав. характера удареніа съ древне-прусскимъ. § 122: Экспираторная долгота еще въ литовско-славянскую эпоху перетягивала на себя удареніе съ

предш. музыкальной долготы и съ краткаго слога; *прим.:* недоказанность предположенія Г. Педерсена о переносѣ ударенія и съ несосѣдняго слога.

Частичныя измѣненія въ природѣ звуковъ. § 123: Перечень относящихся сюда явленій. § 124: Сокращеніе и редукція звуковъ ŭ (изъ ū) и ĭ; условія сохраненія ими краткости и основной ихъ природы. § 125: Редукція ū и ī вызывала переходъ предш. плавныхъ въ слоговыя; въ предш. слогѣ ŏ и ĕ переходили въ полудолгія закрытыя o и e. § 126: Утрата ударенія полукраткими звуками; сохраненіе ударенія подъ вл. аналогіи удерживало звуки ъ, ь, у, і краткими. § 127: Перечень полукраткихъ, краткихъ, полудолгихъ и долгихъ гласныхъ, дифтонговъ, долгихъ носовыхъ и дифтонг. сочетаній; *прим.:* въ началѣ слова сохранились or, ol только при музыкальной долготѣ.

Древнѣйшія измѣненія въ количествѣ и удареніи. § 128: Экспираторная долгота перетягивала на себя удареніе съ слѣд. слога краткаго или музыкально долгаго. § 129. Сокращеніе экспираторной долготы до полудолготы; *прим. 1:* доказательства въ пользу такого сокращенія; *прим. 2:* экспир. долгота сохранялась только въ односложныхъ словахъ. § 130: Музыкальное пониженіе гласныхъ въ закрытыхъ слогахъ (krầa перешло въ krá̀a, trȍ̀e въ trò̀ę); *прим. 1:* доказательство въ пользу общеслав. krá̀a вм. krầa; *прим. 2:* сокращеніе у и і передъ i̯ до полукраткости и переносъ съ нихъ ударенія. § 131: Въ сочетаніяхъ гласныхъ долгота ихъ сокращалась; *прим.:* сократившіяся ī и ū подлежали дальнѣйшему сокращенію до полукраткости (dai, zautra съ полукраткими i и u). § 132: Утрата музыкальной высоты передъ группой согласная + j (sûšŏ изъ suxjo, при sûxo). § 133: Переносъ ударенія съ экспираторной полудолгой гласной вызывалъ удлиненіе ея до сверхдолготы; *прим.:* указаніе на сверхдолготу даютъ новослав. языки; случаи, гдѣ имѣлъ мѣсто переносъ ударенія и гдѣ развивалась сверхдолгота. § 134: Новый типъ восходящаго ударенія на сверхдолгой гласной; *прим. 1:* на основаніи сербскохорв. данныхъ вѣроятно возвести русское сторожа, словенское stráža къ общеслав. storža съ удареніемъ восходящимъ на сверхдолгомъ сочетаніи or; *прим. 2:* двоякая возможность объяснить общеслав. vȍl'a вм. vȍl'a. § 135: Удареніе восходящее на сверхдолгой гласной въ концѣ слова.

Позднѣйшія явленія. § 136: Утрата музыкальной высоты конечными слогами; она сопровождалась ихъ сокращеніемъ. § 137: Въ связи съ такимъ сокращеніемъ находится переходъ дифтонга ie ьь і (mati, nesi), откуда въ неударяемомъ положеніи полукраткое і (neseši, sędi съ полукр. і); *прим. 1:* доказательства, извлекаемыя изъ новославянскихъ языковъ, въ пользу сокращенія

стран.

конечныхъ гласныхъ; *прим. 2:* доказательства въ пользу замѣны въ концѣ слова музыкальныхъ удареній экспираторнымъ. § 138: Общія замѣчанія относительно послѣдствій музыкальнаго пониженія и сокращенія конечныхъ слоговъ. § 139: Музык. пониженіе ударяемаго конечнаго слога вызвало повышеніе предпослѣдняго слога; *прим.:* чешск. ruka заимствуетъ ú изъ вин. ruku. § 140: Указанное повышеніе предпослѣдняго слога вело къ пониженію третьяго и четвертаго отъ конца слога; *прим.:* но пониженіе не сопровождалось сокращеніемъ, какъ видно изъ русскихъ полногласныхъ формъ, напр. соромота, беремена. § 141: Въ заударномъ предпослѣднемъ слогѣ происходило повышеніе подъ вліяніемъ пониженія конечнаго слога. § 142: Въ начальномъ слогѣ двусложныхъ словъ ударенія музыкальныя нисходящія остались безъ перемѣны; *прим.:* доказательства въ пользу сохраненія такихъ удареній изъ новославянскихъ языковъ. § 143: Въ начальномъ слогѣ двусложнаго слова удареніе ´ восходящее на полудолгомъ слогѣ осталось безъ измѣненія; *прим. 1:* соотвѣтствія въ сербскомъ, словенскомъ и русскомъ; *прим. 2:* такова же судьба ударенія ´ вм. ^ въ закрытомъ слогѣ. § 144: Въ началѣ двусложнаго слова ` измѣнилось въ ´; *прим.:* объ удареніи восходящемъ на сверхдолготѣ при краткости конечнаго слога. § 145: Въ начальномъ слогѣ трехсложнаго слова удареніе нисх. на кр. слогѣ сохранялось, а долгій слогъ подъ нисх. удареніемъ сокращался до полудолготы; *прим.:* доказательства въ пользу сохраненія нисх. ударенія въ такомъ положеніи. § 146: Въ начальномъ слогѣ трехсложнаго слова удареніе ´ удерживалось; *прим.:* свидѣтельства словенскаго, сербскаго и русскаго. § 147: Удареніе ` въ начальномъ слогѣ трехсложнаго слова растянулось въ ´; *прим.:* отсутствіе достовѣрныхъ примѣровъ. § 148: Въ серединныхъ слогахъ нисх. ударенія не удерживались; различаются два случая, въ зависимости отъ того, предшествовалъ ли ударяемому слогу краткій или долгій слогъ. § 148[1]: Если ударяемому слогу предшествовалъ краткій слогъ, удареніе переносилось на него; *прим. 1:* свидѣтельства русскаго, сербскаго, словенскаго; *прим. 2:* переносъ съ третьяго отъ конца слога на предлогъ; *прим. 3:* подъ вліяніемъ этого явился переносъ нисх. ударенія и съ односложныхъ словъ. § 149: Если ударяемому слогу предшествовалъ долгій слогъ, то въ ударяемомъ слогѣ вмѣсто музыкальнаго нисх. ударенія являлось восход. экспираторное удареніе; *прим. 1:* свидѣтельства русскаго, сербскаго, словенскаго; *прим. 2:* объ удареніи nesète, nosíte вм. ожидаемаго nȅsete, nȍsīte. § 150: Экспираторное восход. удареніе на серединномъ слогѣ, усиливаясь, вызывало пониженіе предш. слога (въ livâda, ƚopâta нач. слоги низкіе); *прим.:* свидѣтельства сербскаго, русскаго и словенскаго языка. § 151: Экспир. восх. удареніе на краткомъ серединномъ

СТРАН.

слогѣ удлиняло гласную до полудолготы; *прим.:* передъ слогомъ съ удареніемъ восх. на сверхдолгой гласной были извѣстны только низкіе слоги.

Нарушеніе полученныхъ новыхъ отношеній. § 152: Нарушенія вызывались вліяніемъ аналогіи. § 153. Проникновеніе долготы вм. полудолготы въ третій отъ конца слова слогъ; *прим.:* примѣры изъ сербскаго и словенскаго. § 154. Повышеніе краткаго слога третьяго отъ конца подъ вл. высокаго предпослѣдняго въ словѣ слога. § 155: Музык. долгота, проникнувъ въ третій отъ конца слова слогъ, перетягивала удареніе съ конечнаго слога на предпослѣдній; *прим.:* свидѣтельство шокавскаго нарѣчія. § 156: Музык. долгота, перенесенная въ ударяемый слогъ съ нисх. удареніемъ на полудолгой гласной, растягивала полудолготу до сверхдолготы и получала восх. удареніе; *прим.:* свидѣтельства русскаго, сербскаго и словенскаго. § 157: Вліяніе глагольныхъ образованій, получившихъ восх. удареніе на сверхдолготѣ вмѣсто нисх. ударенія на полудолгой гласной, вызывало въ родств. образованіяхъ восх. удареніе на полудолгой гласной вмѣсто нисх. на краткой гласной *прим.:* свидѣтельства русскаго и словенскаго языка. § 158: Вліяніе krādéte, hvālíli вызвало neséte, nosíli вмѣсто nȇsete, nȏsīli; *прим. 1:* возможность объясненія neséte изъ nesetȇ; *прим. 2:* остатки старыхъ ударній въ причастіяхъ, какъ рóдил, прóстил. § 159: Переносъ долготы изъ слога, слѣдующаго за слогомъ съ нисх. удареніемъ, въ слогъ слѣдующій за восх. удареніемъ. § 160: Замѣна долготы полудолготой въ слогѣ, слѣдующемъ за слогомъ съ нисх. удареніемъ. § 161: Краткая гласная предлога могла по аналогіи замѣняться долгой и обратно.

Количественныя отношенія, связанныя съ сокращеніемъ и редукціей ъ и ь. § 162: Появленіе полудолгихъ о и е въ слогахъ заударныхъ и предударныхъ. § 163: Переносъ ударенія съ краткихъ i и u: предшествующіе слоги получали восх. удареніе на полудолготѣ или сверхдолготѣ; *прим.:* свидѣтельства малорусскаго, сербскаго, словенскаго, чешскаго; примѣры для переноса на слѣд. слогъ изъ русскаго и сербскаго; сохраненіе ударенія обязано вліянію аналогіи. § 164: Переносъ ударенія на полукраткую гласную предшествующаго слога; *прим.:* свидѣтельства сербскаго и словенскаго языка. § 165: Измѣненіе ударяемаго слога, къ которому примкнулъ слогъ съ редуцированною гласной (dъvâ, sъtȏ); *прим.:* свидѣтельства сербскаго и русскаго языка. § 166. Конечный слогъ многосложнаго слова (rodьstvȏ); *прим.:* неясность происхожденія долготы въ случаяхъ, какъ чакавск. trojstvó, слов. ļudstvó. § 167: Въ нач. слогѣ двусложнаго слова ъ и ь оставались краткими и сохраняли нисх. удареніе, когда въ слѣд. слогѣ была полукр. гласная. § 168: Гласныя о, е въ нач. слогѣ двусложнаго слова переходили въ полудолгія,

СТРАН.

когда въ слѣд. слогѣ была полукр. гласная, и получали нисх. удареніе: *прим.:* свидѣтельства малор., сербскаго и словенскаго языка. § 169: Долгія гласныя подъ нисх. удареніемъ сохраняли свою природу и удареніе, несмотря на полукраткую гласную въ слѣдующемъ слогѣ; *прим.:* свидѣтельства сербскаго, словенскаго и русскаго языка. § 170: Нисх. удареніе въ третьемъ отъ конца слогѣ, при наличности полукраткой гласной въ предпослѣднемъ слогѣ, сохранялось: *прим 1:* свидѣтельство русскаго языка; сербскія и словенскія отношенія; *прим. 2:* вліяніе аналогіи вызывало здѣсь восх. удареніе на сверхдолготѣ. § 171: Восх. удареніе на полудолгомъ слогѣ въ началѣ двусложнаго слова переходило въ нисх. удареніе, когда въ слѣдующемъ слогѣ была полукраткая гласная; *прим.:* свидѣтельства русскаго, сербскаго, словенскаго и чешскаго языка. § 172: Восх. удареніе на полудолгомъ слогѣ въ началѣ трехсложнаго слова сохранялось какъ восх. удареніе; *прим.* несогласованность этого случая съ судьбой восх. ударенія въ началѣ двусложнаго слова; свидѣтельства русскаго, сербскаго и словенскаго языка. § 173: Нисх. удареніе на серединномъ слогѣ въ положеніи передъ слогомъ въ полукраткой гласной переходило въ восходящее на сверхдолгомъ слогѣ. § 174: Восх. удареніе на полудолгомъ серединномъ слогѣ передъ слогомъ съ полукраткой гласной переходило въ нисх. удареніе; *прим.:* свидѣтельства сербскаго, словенскаго и русскаго языка.

Обобщеніе предыдущихъ положеній. § 175: Слоги низкіе, полувысокіе и высокіе. § 176: Ударенія восходящія (экспираторное, экспираторно-музыкальное, музыкально-экспираторное) и нисходящія.

ОТДѢЛЪ II. **Явленія, имѣвшія мѣсто въ эпоху единства южныхъ и восточныхъ славянскихъ языковъ** . . . . . **99—108**

§ 177: Общія замѣчанія.

Измѣненіе сочетаній tl, dl, и т. д. § 178: Переходъ указ. сочетаній въ l, ĺ, ľ; *прим.* суффиксъ -dło замѣнилъ исконное -tło. § 179: Сохраненіе dl, tl и т. д. въ діалектахъ словенскаго и русскаго языка; появленіе такихъ сочетаній въ случаяхъ новаго происхожденія; *прим.:* чешск. и луж. šel; діалект. польское gĺ, gl вм. dĺ, dl. § 180. Словенскіе говоры сѣверозападные сохраняютъ tl, dl; вѣроятная причина. § 181: Древненовгородскія гл, кл изъ дл, тл свидѣтельствуютъ о ляшскомъ вліяніи; *прим.:* аналогичные случаи перехода дл, тл въ гл, кл въ другихъ русскихъ говорахъ. § 182: Такія же гл, кл имѣются и въ нѣкоторыхъ другихъ сѣверно-русскихъ говорахъ; *прим.:* формы пришодъ, ушодъ. § 183. Позднѣйшія заимствованія изъ польскаго съ дл; *прим.:* угрорусское

СТРАН.

мыдло; южнорусск. тлустпй; западнорусск. подлугъ. § 184: Случаи, гдѣ тл, дл восходятъ къ тьл, дьл; олонецк. видли; *прим.:* сочетанія tn, dn еще въ общеслав. перешли въ n.

Измѣненіе сочетаній kvь, gvь. § 185: Переходъ указ. сочетаній въ cvѣ, ʒvѣ (zvѣ). § 186: Вѣроятность того, что cvѣ, ʒvѣ непосредственно изъ kuѣ, guѣ (съ неслоговымъ u); *прим.:* малор. дзьвізда указываетъ на измѣненіе gvѣ въ ʒvѣ, откуда позже zvѣ. § 187: Переносъ ćv, ʒ́v изъ сочетаній cvѣ, ʒvѣ въ положеніе передъ другими гласными; сохраненіе kv, gv передъ гласными передняго ряда (кромѣ ѣ); это вызываетъ появленіе и kvѣ, gvѣ въ русскихъ говорахъ; *прим. 1:* неясно отношеніе zvizdati къ западнослав. gvizdati; *прим. 2:* появленіе zv вм. gv въ звоздик; *прим. 3:* угрор. гвізда, бѣлор. гвяздачки; неясно гвязда въ олон. был.; *прим. 4:* тв въ твѣт.

Діалектическое измѣненіе сочетаній губная + j. § 188: Измѣненіе pj, bj, vj, mj въ pĺ, bĺ, vĺ, mĺ; уклоненія въ болгарской и словенской области; *прим. 1:* русскія сочетанія пя, бя, мя вм. пля, бля, мля и т. д. обязаны вліянію аналогіи; *прим. 2.* вм. успеніе подъ вліяніемъ аналогіи успленіе.

ОТДѢЛЪ III. **Явленія общерусскаго праязыка**.....108—160

§ 189: Общія замѣчанія; планъ изслѣдованія.

Потеря носовыхъ. § 190: Перечень общеслав. носовыхъ; общая утрата носовыми гласными ихъ носовой природы; переходъ носового o въ u; *прим.:* послѣ мягкихъ согласныхъ o носовое средняго ряда перешло въ u ср. ряда. § 191: Носовыя e и ä перешли въ a; *прим. 1:* діалектическое e (въ случаяхъ, какъ зеть) новаго происхожденія изъ a; *прим. 2:* замѣчанія объ отдѣльныхъ словахъ (ястребъ, лебедь, дёсны); *прим. 3:* причастія на a (нда, неса). § 192: Общеславянское носовое ѣ перешло въ ѣ. § 193: Существовали ли носовыя въ историческое время жизни русскаго народа?; *прим. 1:* появленіе носовыхъ въ древнеболгарскихъ заимствованіяхъ изъ греческаго; *прим. 2:* носовыя въ славянскихъ заимствованіяхъ западнофинскихъ языковъ.

Судьба общеславянскаго ъ. § 194: Дифтонгъ ѣ послѣ j̯ перешелъ въ e еще въ общерусскомъ праязыкѣ, *прим. 1:* граммат. аналогія удерживала однако и ѣ въ указ. положеніи; *прим. 2:* позднѣйшее измѣненіе ѣ въ je, вызвавшее изображеніе его буквой ѥ; *прим. 3:* переходъ ѣ въ e за j̯ имѣлъ мѣсто и въ южнорусскомъ нарѣчіи. § 195: Дифтонгъ ѣ перешелъ въ i передъ слогомъ съ ударяемымъ i; *прим. 1:* древнерусск. цоловати; древнерусск. телеса; *прим. 2:* переходило въ i то ѣ, которое звучало какъ ie.

СТРАН.

Лабіализація звука ъ § 196: Общеслав. ъ—нелабіализованный звукъ средняго ряда — перешелъ въ общерусскомъ въ лабіализованный звукъ ср. ряда.

Измѣненіе гласной о нижняго образованія въ о средняго образованія. § 197: Такой переходъ имѣлъ мѣсто на почвѣ отд. слав. языковъ; замѣна начальнаго иноземнаго а черезъ о.

Измѣненіе гласной а въ а. § 198: Переходъ а въ а стоялъ въ связи со смягченіемъ предш. согласной. § 199: Примѣры для такого перехода въ суффиксѣ прилаг. -an-; *прим.:* написанія, какъ мѣдѣнъ; церковнославянизмы, какъ каменъ, рамено; румѣный южновелик. подъ вл. зелёный. § 200. Примѣры для суффикса -an-, -anin-; *прим. 1:* написанія, какъ моавитѣне, египтенина; *прим. 2:* словѣнинъ, словѣне. § 201: Примѣры для -aa- изъ -äa- въ имперфектѣ; *прим. 1:* формы какъ имѣху; новообразованія, какъ имѣяше. § 202. Слово pŕamo вм. prämo; *прим.:* написанія, какъ прѣмо; при samo было и sѣmo.

Измѣненіе о, ŭ, ъ лабіал. въ гласныя средняго ряда лабіал. о, и, ъ. § 203: Переходъ žǒna, ĭubĭtъ и т. д. въ žona, ĭubĭtъ (съ о, и ср. ряда); доказательства въ пользу перехода о въ о ср. ряда; *прим.:* примѣры для написаній съ о въ пятникахъ. § 204: Доказательства перехода ь лабіал. въ ъ. § 205: Доказательства перехода и въ и средняго ряда.

Измѣненіе звука ẑ въ ź. § 206: Переходъ этотъ имѣлъ мѣсто въ общерусскомъ праязыкѣ, повидимому, за исключеніемъ нѣкоторыхъ юго-западныхъ діалектовъ, гдѣ ẑ сохранилось въ началѣ слова; *прим.:* доказательства въ пользу діалектическаго сохраненія начальнаго ẑ.

Измѣненіе č и ẑ долгихъ въ č и ẑ. § 207: Переходъ čč (изъ tj и kt) въ č; *прим.:* аналогично появленіе ч въ чан изъ ччан (дъщанъ). § 208: Переходъ ẑẑ (изъ dj) въ ẑ; сохраненіе ẑ въ діалектахъ. § 209: Измѣненіе ẑ въ ž восходитъ къ общерусскому праязыку. § 210: Примѣры для ž изъ ẑẑ; *прим.:* особо стоитъ судьба ẑ за звукомъ ž; джерело могло быть извлечено изъ сочетанія ижджерела.

Переходъ l въ ł. § 211: Сохранявшееся въ общеслав. передъ согласными l перешло въ общер. въ ł; *прим. 1:* отсутствіе измѣненія l въ ł; *прим. 2:* слово скользкій; *прим. 3:* въ сочетаніи el послѣ смягченной согласной l также перешло въ ł.

Переходъ полумягкихъ согласныхъ въ мягкія. § 213: Общій переходъ полумягкихъ согласныхъ въ мягкія; доказательства; *прим. 1:* малорусское отвердѣніе мягкихъ согласныхъ передъ исконными і и е; *прим. 2:* отвердѣніе мягкихъ согласныхъ въ нѣкоторыхъ великор. говорахъ; московская запись XVII в., приведенная Л. Л. Васильевымъ, не доказываетъ твердости согласъ-

ныхъ передъ e, а свидѣтельствуетъ объ особомъ произношеніи Ь. § 213: Переходъ полумягкаго г въ мягкое въ сочетаніяхъ er, ьr.

Переходъ полулабіализованныхъ согласныхъ въ лабіализованныя. § 214: Общія замѣчанія; сохраненіе лабіализаціи въ позднѣйшемъ языкѣ передъ u, o, y. § 215: Доказательства въ пользу лабіализаціи согласныхъ передъ o; дифтонгизація o въ великорусскихъ говорахъ; *прим. 1:* неясно, извѣстна ли такая дифтонгизація въ бѣлорусскихъ говорахъ; *прим. 2:* замѣна o черезъ u въ великорусскихъ говорахъ. § 216: Доказательства въ пользу лабіализаціи согласныхъ передъ u. § 217: Доказательства въ пользу лабіализаціи согласныхъ передъ ъ; *прим.:* замѣститель звука ъ — o не дифтонгизируется въ великорусскихъ говорахъ. § 218: О вѣроятности лабіализаціи согласныхъ передъ a.

Переходъ e и ь въ o и ъ передъ ł изъ l въ сочетаніяхъ el, ьl. § 219: Переходъ l въ ł повлекъ за собой измѣненіе предшествующихъ въ томъ же слогѣ e и ь въ o и ъ. § 220: Послѣ смягченныхъ согласныхъ вмѣсто ól и ьl (съ лабіализ. ь) явились ołˊ (съ oˊ средн. ряда) и ъł. § 221: Сочетанія el, ьl послѣ смягченныхъ согласныхъ передъ слогомъ съ гласной передняго ряда перешли также въ ołˊ, ъł: *прим. 1:* о западнослав. сочетаніяхъ dlu, žłu; *прим. 2:* форма измълъ въ древнерусскомъ.

Переходъ e, ь въ ȯ, ь лабіализованный подъ вліяніемъ слѣдующей согласной. § 222: Такой переходъ былъ ассимиляціоннымъ процессомъ гласной въ направленіи къ слѣдующей лабіализованной согласной; *прим. 1:* лабіализованный ь позже перешелъ въ ȯ, откуда далѣе o; o изъ e, ь въ южновелик. и бѣлор. только подъ удареніемъ; частичный переходъ ȯ въ o въ малорусскомъ; *прим. 2:* сопоставленіе процесса измѣненія e въ ȯ съ измѣненіемъ e въ ȧ; *прим. 3:* послѣ j и смягч. согласныхъ e перешло въ ȯ еще въ общеслав.; послѣ j̨ звукъ e сохранялся. § 223: Нефонетическая замѣна ê черезъ ȯ закрытое подъ вл. аналогіи; *прим.:* малорусское n'uos свидѣтельствуетъ объ общерусскомъ ńȯsła, ńȯsło.

Переходъ e въ ȧ въ концѣ слова. § 224: Диссимиляціонный процессъ привелъ къ переходу конечнаго e въ ä. § 225: Примѣры для различныхъ категорій случаевъ a изъ a (e) въ сѣверновеликорусскомъ; *прим. 1:* въ малорусскомъ ȧ перешло въ e средняго ряда; бѣлор. и южновеликор. языки не даютъ достовѣрныхъ указаній на изслѣдуемое явленіе; *прим. 2:* подъ удареніемъ ȧ измѣнилось въ e; откуда o вм. конечнаго ударяемаго e въ сѣверновеликорусскомъ; *прим. 3:* появленіе j̨a вм. j̨e въ концѣ слова въ великорусскомъ; малор. переходъ j̨e въ j̨a.

Измѣненіе сочетанія je·(j̨e) въ началѣ слова. § 226: Начальное je перешло въ e, откуда o и далѣе o; *прим. 1:* при-

стран.

чина исчезновенія j передъ e; *прим. 2:* условія, ограничивающія переходъ je въ o: древнеболгарское діалектическое e вм je; однородное измѣненіе je въ e и далѣе въ ĥe въ нижнелужицкомъ. § 227: Примѣры для начальнаго o изъ je; *прим. 1:* слово овинъ; нѣкогорые случаи, гдѣ чередованіе начальныхъ e и o можетъ имѣть иное объясненіе; *прим. 2:* русское одинъ; слова ежевика, ежъ; *прим. 3:* въ ель e сохранялось и переносилось въ косв. падежи; малор. ja въ ялина; *прим. 4:* измѣненіе e въ o въ началѣ греч. словъ; переходъ греч. jo въ o; *прим. 5:* ĥeto сохранило свое e, какъ не начальное.

Измѣненіе сочетанія ju (ju) въ началѣ слова. § 228. Процессъ, приведшій къ такому измѣненію, однороденъ съ утратой j передъ e въ началѣ слова. § 229: Примѣры для такого измѣненія; *прим. 1:* слово югъ; малор. и бѣлор. юха; чередованіе утро и ютро восходитъ къ общеславянскому; *прим. 2:* переходъ ju въ u въ началѣ греч. словъ.

Потеря придыханія въ началѣ слова. § 229[1]: Придых. приступъ исчезъ передъ o и u, но сохранился передъ ô; въ малор. и бѣлор. придыхательный приступъ развился вновь.

Лабіализація начальныхъ гласныхъ. § 230: Лабіализація начальныхъ e и a. § 231: Примѣры для измѣненія начальнаго e въ o въ заимств. словахъ; *прим. 1:* je въ такихъ словахъ сохраняется подъ церковнослав. вліяніемъ; въ малорусскомъ je перешло въ ja; *прим. 2:* лабіализація e въ началѣ слога въ словахъ заимствованныхъ (вполеомѣ). § 232: Примѣры для измѣненія начальнаго a въ o въ заимств. словахъ.

Измѣненіе начальныхъ группъ or, ol. § 233: Перестановка or, ol въ ro, ło съ полудолгимъ o. § 234: Примѣры для ro, ło такого происхожденія; *прим.:* малор. o вм. i въ роля, ровно, лодя и т. д.

Измѣненіе сочетаній or, er, oł и др. въ серединѣ словъ (полногласіе). § 235: Сочетанія or, er, ol и т. д. въ общеслав. праязыкѣ; количественныя и акцентныя отношенія. § 236: Сокращеніе долгихъ и полудолгихъ плавныхъ вознаградилось замѣной ихъ сочетаніями ro, re, ło, le; *прим. 1:* нѣтъ основанія для предположенія, что r, l въ сочетаніяхъ or, er, oł были слоговыми; *прим. 2:* o, e въ ro, re и т. д. оставались краткими и передъ слогомъ съ полукраткою гласной. § 237: Примѣры для oro. § 238: Примѣры для ere. § 239: Примѣры для eŕo. § 240: Примѣры для oło изъ oł. § 241: Примѣры для oło изъ el. § 242: Примѣры для ełо изъ el послѣ шипящихъ. § 242[1]: Нѣкогорыя особенныя слова съ полногласіемъ. § 243: Слово человѣкъ. § 244: Полногласіе въ заимствованныхъ словахъ; *прим.:* слово наполома. § 245: Слова какъ челенковъ, шелемъ, ожеледь,

СТРАН.

пелевня, пелескаться. § 246: Появленіе аго, его въ результатѣ звуковой контаминаціи; слово муравей; слово шорохъ; *прим.:* діалект. керез, короз. § 247: Сочетанія ога, ола въ произв. глаголахъ; малор. оli, егі; *прим.:* первоначальное ого въ относящихся сюда образованіяхъ въ древнерусскомъ. § 248. Заимствованныя слова съ га, ła въ книжномъ языкѣ; такія же заимствованія въ угрорусскомъ; *прим.:* слова хобръ, хвабръ. § 249: Заимствованныя изъ польскаго слова съ сочетаніями го, ło; *прим.:* ро, ло вм. оро, оло въ древнерусскихъ памятникахъ. § 250 Ссылка на измѣненіе аг, el и др. въ заимств. словахъ; ссылка на оры, олы въ словахъ, какъ спорынья, полынья.

Измѣненіе сочетаній ъr, ьr, ъl съ полукраткими ъ, ь и долгими плавными въ ър, ьr, ъl съ краткими ъ, ь и краткими плавными. § 251: Древнѣйшія измѣненія въ указ. общеславянскихъ сочетаніяхъ. § 252: Дальнѣйшее измѣненіе этихъ сочетаній въ результатѣ сокращенія плавныхъ; *прим.:* ссылка на второе полногласіе. § 253: Примѣры для сочетанія ъr. § 254: Примѣры для сочетанія ьr съ лабіализ. ь и ъr (послѣ шипящихъ). § 255: Примѣры для сочетанія ьĺ. § 256: Примѣры для сочетаній ъł изъ ьl. § 257: Примѣры для сочетаній ъł изъ ьl послѣ смягч. согласной. § 258: Особенныя слова: четвьргъ, гьртань, скьрблю, дoржать, кърста, кербь, мовити, бревно. § 259: Бѣлорусскія слонца, подлух, полугъ.

О нѣкоторыхъ другихъ измѣненіяхъ сочетаній or, ol, ър, ъł. § 260. Появленіе огу, оlу въ случаяхъ, какъ полынья, скорынья, полымя, шолымя, голымень *прим.:* въ значительномъ числѣ случаевъ здѣсь было иисх. удареніе. § 261: Появленіе олу, огу вм. ол, ог въ случаяхъ, какъ молынья, тарынка. § 262: Слово алынья; *прим.:* ага, ała въ случаяхъ, какъ барахло, маланья; глаголы съ звукоподражательнымъ значеніемъ.

Измѣненія въ количествѣ и удареніи. § 263: Сокращеніе плавныхъ въ сочетаніяхъ ог, ол, ъг, ъł и др.; удареніе въ полногласныхъ сочетаніяхъ.

ОТДѢЛЪ IV. Звуковой составъ древнерусскаго языка ..... 160—200

§ 264: Общія замѣчанія. § 265: Памятники XI—XII в. древнерусскаго языка. § 266: Вліяніе древне-болгарскаго и другихъ языковъ.

Глава I. Гласные звуки ..... 163—171

§ 267: Перечень гласныхъ. § 268: Звукъ а. § 269: Звукъ о. § 270: Звукъ ô. § 271: Звукъ и. § 272: Звукъ у. § 273: Звукъ ъ (лабіализованный). § 274: Звукъ о средняго ряда. § 275: Звукъ о средняго ряда напряженный. § 276: Звукъ и

СТРАН.

средняго ряда. § 277: Звукъ i. § 278: Звукъ ь. § 279: Звукъ e. § 280: Звукъ ê. § 281: Звукъ ä. § 282: Звукъ ь лабіализованный. § 283: Звукъ o. § 284: Звукъ o напряженный. § 285: Звукъ ѣ.

Сочетанія гласныхъ. § 286: Перечень сочетаній гласныхъ; *прим.:* происхожденіе нѣкоторыхъ изъ такихъ сочетаній. § 287: Діалектическія au, ou и т. д. съ u полукраткимъ. § 288: Сочетанія a̯ u и i̯a; ссылка на чередованіе i̯a и ja.

Глава II. Согласные звуки . . . . . 171—181

§ 289: Перечень согласныхъ. § 290: Звукъ r. § 291: Звуки l и Ľ. § 292: Звукъ n. § 293: Звукъ m. § 294: Звуки p и b. § 295: Звукъ v; діалектическое u полукраткое вм. vъ, vь; діалектическое u̯ вм. v. § 296: Звукъ f. § 297: Звуки t и d. § 298: Звукъ s. § 299: Звукъ z. § 300: Звукъ ć. § 301: Звукъ ǯ. § 302: Звукъ š. § 303: Звукъ ž. § 304: Звукъ č. § 305: Звукъ ǯ̌. § 306: Сочетанія śk̀ вм. sć, źg вм. źǯ; *прим. 1:* неясное кѝвцы; токило вм. точило; *прим. 2:* дъмъкѣ; ркя, повергя. § 306[1]: Средненебныя k, g, x въ иноязычныхъ словахъ. § 307: Звукъ j; ссылка на жг вм. žǯ̌. § 308: Звуки k и g. § 309: Звукъ x. § 310: Звукъ γ; *прим. 1:* γ въ сѣверновеликорусскихъ заимств. словахъ; *прим. 2:* слово осподарь. § 311: Діалектическое h.

Сочетанія согласныхъ. § 312: Новое сочетаніе cv; упрощеніе двойныхъ č и ǯ̌; смягченіе согласныхъ передъ мягкими согласными; *прим.:* полумягкость губныхъ передъ Ľ. § 312[1]: Письменное изображеніе нѣкоторыхъ сочетаній. § 312[2]: Изображеніе мягкости и полумягкости согласныхъ посредствомъ ь. § 312[3]: Мягкое r передъ твердыми согласными; мягкость r, l, v въ такомъ же положеніи въ словахъ заимствованныхъ. § 312[4]: Сочетаніе зн изъ згн; зн′ переходитъ въ жн′.

Глава III. Дифтонгическія сочетанія . . . . . 181—183

§ 313: Сочетанія rъ, rь, lъ, lь съ слоговыми плавными и неслоговыми ъ, ь. § 314: Сочетанія ъr, ьr, ъl̀; *прим. 1:* о написаніяхъ ьрь, ъръ, ълъ, ьръ; *прим. 2:* появленіе скьрбь; дърва, заоутьрнии, стьрмление; *прим. 3:* ссылка на діалектическое второе полногласіе. § 314[1]: Переходъ ar, or и т. д. въ ara, oro въ заимств. словахъ; переходъ an, in въ ana, ini въ заимств. словахъ.

Глава IV. Недифтонгическія сочетанія согласныхъ съ гласными . 183—187

§ 315: Палатализація и лабіовеляризація; изображеніе мягкости согласныхъ передъ гласными. § 316: Диссимиляціонный процессъ привелъ къ измѣненію e въ ö, ь въ лабіализ. ь, e въ ä, носового e въ a. § 317: Измѣненіе e въ ö, ь въ лабіализ. ь пред-

СТРАН.

полагаетъ одновременный ассимиляціонный процессъ. § 318: Переходъ ki въ ky и т. п. въ запмств. словахъ. § 319: Подобный же переходъ въ русскихъ словахъ съ суффиксомъ -in-; у вм. і въ ордынской, товарыщь. § 320: Переходъ і въ у послѣ согласной предлога; *прим.:* възыграся можетъ восходить и къ възыграся.

Глава V. Количественныя и акцентныя отношенія .....187—192

§ 321: Сохраненіе вообще исконныхъ количественныхъ отношеній. § 322: Сохраненіе различія между восх. и нисх. удареніями. § 322[1]: Дифтонгизація о въ великор. говорахъ подъ восх. удареніемъ. § 323: Вѣроятность того, что такая дифтонгизація произошла до перехода краткаго ъ въ о. § 324: Старыя отношенія стали стираться еще до паденія глухихъ: гласныя подъ экспир. удареніемъ произносились съ полудолготой, а подъ нисх. удареніемъ кратко; *прим.:* связь дифтонгизаціи о съ установленнымъ Л. Л. Васильевымъ явленіемъ Обоянск. говора, по которому рядомъ съ пяро произносится пиром.

Глава VI. О нѣкоторыхъ звуковыхъ законахъ, дѣйствовавшихъ въ древнерусскомъ языкѣ .....192—195

§ 325: Перечень звуковыхъ законовъ, обнаруженныхъ предшествующимъ изслѣдованіемъ: гласныя. § 326: Продолженіе перечня: группы согласныхъ. § 327: Продолженіе перечня: дифтонгическія сочетанія. § 328: Продолженіе перечня: смягченіе и лабіализація согласныхъ. § 328[1]: Вліяніе гласной слѣдующаго слога на измѣненіе гласной предш. слога. § 329: Количественныя отношенія.

Глава VII. Дополнительныя замѣчанія относительно древнерусской графики.....195—200

§ 330: Передача на письмѣ гласныхъ звуковъ; *прим.:* объ удвоеніи буквъ въ сложеніяхъ съ предлогами. § 331: Буквы, связанныя съ представленіемъ о нѣсколькихъ звукахъ. § 332: Изображеніе мягкихъ согласныхъ. § 333: Буквы, означавшія всегда мягкіе согласные звуки. § 334: Буква ь, какъ знакъ мягкости; *прим.:* ссылка на написанія ьрь, ьръ. § 334[1]: Написанія ьѣ, ью и т. д. въ древнерусскихъ памятникахъ. § 334[2]: Нѣкоторыя данныя относительно надстрочныхъ знаковъ.

ОТДѢЛЪ V. Паденіе глухихъ и другихъ полукраткихъ гласныхъ. 200—286

§ 335: Общія замѣчанія; планъ дальнѣйшаго изслѣдованія.

Глава I. Частичный переходъ ъ и ь въ о и е подъ вліяніемъ слѣдующаго слога.....200—202

§ 336: Случаи, какъ серебро, золоба, золодѣи, монога; *прим.:* иноязычное манасъ. § 337: Ассимиляція конечнаго ъ

СТРАН.

предлога гласной слѣд. слова; *прим. 1:* аналогичное явленіе въ старослав. языкѣ; слова вообще, сообща; *прим. 2:* появленіе уі вм. ъі, іі вм. ьі.

Глава II. Діалектическая замѣна неслоговыхъ ъ и ь краткими. 202—203

§ 338: Измѣненіе сочетаній гъ, гь, ѣъ, ѣь съ слоговыми г, ѣ и неслоговыми ъ, ь въ сочетанія гъ, гь, ѣъ, ѣь. § 339: Сочетаніе согласная + v + ь полукр. измѣнилось въ сочетаніе согласная + v + ь краткое; діалектическій переходъ и полукраткаго послѣ согласной въ vъ, vь.

Діалектическая замѣна і и и полукраткихъ черезъ і и и краткія въ началѣ слова. § 339[1]: Переходъ і полукр. въ началѣ слова въ і. § 339[2]: Переходъ и полукр. въ началѣ слова въ и.

Глава III. Доказательства въ пользу существованія ъ и ь въ древнерусскомъ языкѣ XI и XII вѣка.....203—216

§ 340: Случайныя и единичныя свидѣтельства. § 341: Показанія памятниковъ; старославянскіе оригиналы могли отражать паденіе глухихъ въ древнеболг. языкѣ. § 342: Методологическія соображенія, касающіяся разныхъ категорій отступленій отъ правильнаго употребленія глухихъ. § 343: На основаніи ряда памятниковъ XI—XII в. можно утверждать, что глухія до середины XII в. не пали; *прим.:* кажущіяся и случайныя исключенія. § 344: Искусственное церковное произношеніе ъ и ь могло быть источникомъ нѣкоторыхъ отступленій отъ правильнаго употребленія глухихъ. § 345: Пропускъ ъ и ь въ Галицк. ев. 1144 и Христин. ап. XII в.; *прим.:* сходное граф. явленіе въ старославянскихъ памятникахъ. § 346: Памятники русскаго происхожденія свидѣтельствуютъ о сохраненіи глухихъ въ XI—XII в. § 347: Оригинальные русскіе памятники XIII и нач. XIV в. § 348: Вторая часть Синод. списка Новгородской I-й лѣт. § 349: Графическія осложненія при опредѣленіи паденія полукраткаго і. § 350: Выдержанность написаній иа, ие, ию въ русскихъ памятникахъ XI—XII в.; *прим.:* написанія -шь во 2 л. ед., -ть въ инф., -ь вм. и во 2 л. пов. являются не раньше XIII в. § 351: Въ южнорусскихъ памятникахъ XI в. и первой пол. XII в. нѣтъ написаній ѣ вм. е передъ слогомъ съ ь, и это доказываетъ наличность глухихъ; *прим.:* діалектическое полукраткое и могло изображаться черезъ у (прауда).

Глава IV. Паденіе полукраткихъ гласныхъ.....217—229

§ 352: Паденіе глухихъ началось діалектически не раньше середины XII вѣка; послѣдовательность моментовъ паденія глухихъ, зависѣвшая отъ положенія въ словѣ. § 353. Опущеніе глухихъ въ начальномъ слогѣ слова по памятникамъ XII в. § 354: Возможная причина выпаденія глухихъ въ нач. слогѣ;

СТРАН.

прим.: въ старослав. памятникахъ выпадали глухія также сначала въ нач. слогѣ. § 355: Полукраткія глухія древнерусскаго языка и результаты ихъ паденія. § 356: Примѣры для выпаденія ъ и ь полукраткихъ въ нач. слогѣ. § 357: Примѣры для выпаденія ихъ въ серединѣ слова. § 358: Примѣры для отпаденія ихъ въ концѣ слова. § 359: Примѣры для отпаденія діалектическаго і полукраткаго въ началѣ слова; *прим.:* случаи отпаденія полукр. і въ великорусской области; малор. і въ началѣ слова. § 360: Примѣры для отпаденія і полукраткаго въ концѣ слова; *прим. 1:* сохраненіе конечнаго і въ діалектахъ вызвано аналогіей; *прим. 2:* случаи, какъ стукни, крыгни допускаютъ двоякое объясненіе для сохраненія і. § 361: Примѣры для выпаденія полукр. і послѣ согласной передъ і; *прим.:* ссылка на выпаденіе і̯ въ великор. завтря. § 362: Примѣры для паденія полукр. і послѣ гласной въ концѣ и серединѣ слова; *прим. 1:* въ великор. нарѣчіи находимъ і вм. і̯ подъ вліяніемъ случаевъ, гдѣ полукр. і перешло въ і; *прим. 2:* опущеніе і̯ въ малор., бѣлор. и великор. области; *прим. 3:* въ случаяхъ пју, бју полукр. і замѣняло долгое і подъ вл. аналогіи. § 363: Примѣры для выпаденія полукраткаго у послѣ согласной передъ і̯; сюда относятся между прочимъ случаи какъ въдале; *прим. 1:* возможно, что другою приблизительною передачей сочетанія ѣ́ было ло; *прим. 2:* въ случаѣ мју, умју полукр. у замѣняло долгое у подъ вл. аналогіи. § 364: Примѣры для выпаденія діалектическаго и полукраткаго въ началѣ словъ; *прим. 1:* слово завтра; *прим. 2:* нач. и полукраткое замѣнено черезъ и въ великорусскихъ говорахъ, замѣнившихъ полукр. и послѣ гласныхъ черезъ неслоговое и; *прим. 3:* нач. и въ малор. и бѣлор. сохранилось подъ вл. аналогіи; *прим. 4:* малор. и бѣлор. озьму непосредств. вмѣсто зьму. § 365: Примѣры для выпаденія полукраткаго ŭ въ положеніи за группой согласная + неслоговое и; *прим. 1:* переходъ указ. группы въ vi; *прим. 2:* слѣдствіемъ выпаденія полукр. ŭ было появленіе группы ev или ov; *прим. 3:* о формахъ вдова, внукъ въ малор. § 366: Паденіе глухихъ на югѣ произошло раньше, чѣмъ на сѣверѣ; примѣры изъ Добр. ев. 1164 г.; новгор. памятники XIII в.; памятники XIV в.

Глава V. Паденіе неслоговыхъ ъ и ь въ положеніи за слоговыми плавными . . . . . 229—243

§ 367: Устраненіе слоговой плавной, оставшейся послѣ выпаденія неслоговыхъ глухихъ ъ, ь, происходило двоякимъ путемъ. § 368: Устраненіе слоговыхъ плавныхъ въ нач. слова и концѣ его: онѣ перешли въ неслоговыя, повидимому, путемъ нефонетическимъ. § 369: Примѣры фонетическаго измѣненія слоговыхъ плавныхъ въ

СТРАН.

концѣ слова (сочетанія or, er, oĺ и др.); *прим.:* чередованіе or и er въ случаяхъ хоробор, вітор, вѣдор, узел, вёсел. § 370: Примѣры фон. изм. слоговыхъ плавныхъ въ серединѣ слова (сочетанія or, er, oĺ и др.); *прим. 1:* случаи замѣны слоговой плавной неслоговою и ея выпаденія; случаи перехода слоговыхъ плавныхъ въ го, ło. ŕe и т. д. подъ вл. аналогіи; *прим. 2.* ол вм. ожидаемаго ел въ мітолки; *прим. 3:* перенесеніе гу, ły, ŕi, Ї (на мѣстѣ слоговыхъ r, l) въ положеніе передъ слогомъ съ полукр. глухой: р. мн. яблык (что вызывало яблыко). § 371: Въ началѣ слова вм. слоговыхъ плавныхъ являлись сочетанія ar, aĺ, or, oĺ, ir, iĺ; примѣры; *прим. 1:* назв. Гжатскъ; *прим. 2:* малор. иллють; *прим. 3:* назв. Азна при Лзна; *прим. 4:* начальныя гу, ły, Ї неяснаго происхожденія; начальныя го, ło, Ŕe, обязанныя вліянію аналогіи. § 372: Діалектически сохранившіяся сочетанія гъ, ły, ŕь, Ї̆ъ съ слог. плавными и неслоговыми глухими послѣ согл. въ нач. слогѣ перешли послѣ выпаденія глухого въ гу, ły, ŕi, Ї; примѣры изъ малор. и бѣлор. области, также изъ южновеликор. говоровъ и изъ древнерусскаго; *прим. 1:* проникновеніе гу, ły и т. д. въ положеніе передъ слогомъ съ полукр. глухой (крышка); *прим. 2:* малор. рі при ри; *прим. 3:* малор. глибокий, великор. глыбко; стержень; гортань. § 373: Діалектическое (западномалорусское) измѣненіе слоговыхъ плавныхъ въ уг, уł, ег. § 374: Замѣна слоговыхъ плавныхъ послѣ согласной неслоговыми при неясныхъ условіяхъ въ малор. и бѣлор. области; *прим. 1:* въ великор. области это непзвѣстно; кстить; Псковъ; трогать при тревога; *прим. 2:* антихъста въ памятникахъ; *прим. 3:* дърва— это искусств. передача написанія дрѣва оригинала.

Паденіе неслоговыхъ ъ и ь въ положеніи за слоговыми носовыми. § 375: Положеніе въ концѣ слова послѣ согласной (сочетанія en, em, on, om); *прим.:* слово псаломъ. § 376: Въ серединѣ слова фонетическій переходъ въ en, em, on, om; *прим.:* ńe, ḿe въ серединѣ слова объясняются вліяніемъ аналогіи. § 377: Въ началѣ слова передъ n находимъ m неслоговое вм. m слогового; но вообще—сочетанія om, am, im; примѣры; *прим. 1:* произношеніе мгла, мстить и т. д. по аналогіи; *прим. 2:* неясно мызда, Мистиславъ; мезда, мегла, моховой, и т. д.; *прим. 3:* великор. муравей; діалект. наров, индрав.

Глава VI. Переходъ краткихъ глухихъ въ гласныя полнаго образованія. . . . . 243—247

§ 378: Соотвѣтствіе гласныхъ полнаго образованія краткимъ глухимъ. § 379: Примѣры изъ памятниковъ; *прим.:* случаи съ ро, ло, ре, ле въ слогѣ передъ слогомъ съ полукр. гласной. § 380: Ударяемыя глухія въ началѣ слова; *прим.:* случаи съ ро,

СТРАН

ло, ре, ле въ нач. слогѣ подъ удареніемъ. § 381: Сочетанія ъг, ъі, ьг и т. д. перешли въ ог, оі, ег; *прим.:* скербь вм. скьрбь. § 382: Діалектическія гъ, къ, гь и т. д. послѣ согл. въ нач. слогѣ перешли въ го, ко, ге; *прим.:* малор. и бѣлор. го, ко, ге объясняются вліяніемъ аналогіи. § 383: Діалектическія ѵ̀ь перешли въ ѵ́е; *прим.:* малор. и бѣлор. представляютъ ві; ѵ́е—подъ вліяніемъ аналогіи.

Судьба глухихъ въ группахъ слоговъ, содержавшихъ глухія. § 384: Примѣры для словъ типа жьрьць, ръпътъ; слова перецъ, бревно, почва, Мещовскъ, Мценскъ.

Глава VII. Нарушеніе старыхъ отношеній подъ вліяніемъ аналогіи . . . . . 248—266

§ 385: Общія замѣчанія.

Опущеніе о, е, ѳ изъ ъ, ь, ѣ лабіал. подъ вліяніемъ аналогіи. § 386: Имена городовъ на -еск; формы р. мн. ж. р.; взметь; *прим.:* нѣкоторыя искусств. книжныя формы.

Появленіе о, е, ѳ на мѣстѣ выпавшей полукраткой гласной. § 387: Общія замѣчанія. § 388: Сложныя группы согласныхъ содѣйствовали возстановленію гласной; другія причины, вліявшія на возстановленіе гласной. § 389: Новообразованія въ им. подъ вл. косв. падежей; новообразованія въ косв. подъ вл. им. падежа; возможность дальнѣйшихъ новообразованій (типа Смоленеску); словъ ж. р. со вставной гласной. § 390: Обосложненная кор. часть слова переходитъ въ производныя. § 391: Суффиксъ -ьск послѣ шипящихъ переходитъ въ -еск; въ стар. языкѣ то же и послѣ другихъ согласныхъ; суффиксъ -ьство послѣ шипящихъ переходитъ въ -ество; въ древнемъ языкѣ и послѣ другихъ согласныхъ; *прим.:* неясно о въ ликоствовати, нагоствовати §392: Вставка о въ приставкахъ. § 393: Предлоги со, во, ко внѣ сложеній; *прим. 1:* во, со въ нѣк. случаяхъ заимствуются изъ церк. языка; *прим. 2:* ссылка на аналогичное появленіе сы, вы, кы. § 394: Сохраненіе о, е во многихъ случаяхъ зависѣло отъ церк. произношенія. § 395: Большинство сложныхъ съ во, воз, со заимствованы изъ книжнаго языка; *прим.:* фонетически въз- переходило въ вз-. § 396: Конечныя ъ и ь не переходили въ о и е; односложныя слова; все вмѣсто вьсь. § 397: есте вм. есть; имена на -о; имена на -е; отечественныя на -е; неясные случаи.

Опущеніе исконныхъ о, е подъ вліяніемъ аналогіи. § 398: Случаи какъ льда, камня, потолка; игумна, архангла; шти вм. шести.

Чередованіе уі, іі съ ві, гі и переходъ ві, гі въ оі, еі. § 399: Случаи, гдѣ общер. праязыкъ имѣлъ ъі, ьі. § 400: ѣі, ѕі вмѣсто ѣуі, ѕіі; *прим.:* ссылка на сербск. тај. § 401: ьі въ

стран.

им. м. р., какъ solovьi; *прим.:* ссылка на сербск. Јурај; -еи въ Евген. псалт. XI в. § 402: ьі въ окончаніи р. мн. м. и ж. рода.

Примѣры для чередованія је (изъ jь) и і. § 403. Причина чередованія въ случаяхъ, какъ заѣм и заим. § 404: Примѣры подобнаго чередованія; *прим. 1:* примѣры для і изъ јі (избу, пиц); *прим. 2:* вытѣсненіе і черезъ је въ случаяхъ, какъ Троицкой; ематн вм. имати; егрецъ, ездебка и т. п.

Судьба ї, ў *передъ j.* § 405: Случаи, какъ бпю, течия, чпя, пияный; отсюда въ великор. ей, напр. печея, гнеетъ; *прим. 1:* случаи, какъ великор. піявка, пріятель, сіять, грубіянъ, забіяка, ріясь; *прим. 2:* ей въ заимств. словахъ: еюнь, кюпреянъ и т. п.; южнорусск. деяци съ искусств. е; неясное завтрее, завтря; *прим. 3:* верея, веретея, колея.

Чередованіе ї *и і, ь полукратких передъ j.* § 406: Исконное ьj и исконное ij; примѣры; *прим. 1:* русск. гостея при гостья ср. со словенск. gostija при gostja; *прим. 2:* шею, шея имѣютъ ударепіе перенесенное; *прим. 3:* Дрюцкъ и Дреютескъ.

Появленіе сочетанія ји вм. ij подъ вліяніемъ аналогіи. § 407: Три категоріи случаевъ (р. мн. волостьи, им. ед. Юрьи, уменьш. платьице).

Появленіе предлоговъ sy, vy, ky. § 408: Происхожденіе сы, вы, кы; примѣры; *прим. 1:* неясные случаи; *прим. 2:* выз вм. вз; ср. ив, ис, ик вм. в, с, к; ссылка на да ста вм. до ста.

Нефонетическая замѣна е изъ ь черезъ о и обратно. § 409: Случаи какъ Шидловоскыи, Витобескъ; Помостье; чимось; попряникъ; солночный; непонятное изетялъ; певно; кревный.

Редукція и утрата о и е въ слабоударяемыхъ словахъ. § 410: так, сѣм, проч; занже; для; дсять.

Глава VIII. Графическія явленія въ памятникахъ, вызванныя паденіемъ глухихъ ..... 267—270

§ 411: Сохраненіе буквъ ъ и ь; ь для—обозначенія мягкости согласной; *прим.:* опущеніе ъ и ь въ концѣ слова. § 412: Буквы ъ и ь въ значеніи слогоотдѣлителей. § 413: Двѣ функціи буквъ ъ и ь; *прим.:* обозначеніе ї черезъ ль не было обязательно въ древности. § 414. Написанія какъ кото, конеца и т. п., гдѣ о, е графически на мѣстѣ ъ, ь; обратная замѣна о, е черезъ ъ, ь. § 415: Смѣшеніе буквъ ъ, ь съ о, е въ позднѣйшихъ памятникахъ, вызванное паденіемъ глухихъ. § 415[1]: Неясно, почему і изображается иногда черезъ ѥ; графическое опущеніе і; изображеніе звука ц.

Глава IX. Звуковыя послѣдствія паденія глухихъ . . . . . 270—286

§ 416: Общія замѣчанія.

Удлиненіе гласныхъ въ слогѣ передъ слогомъ, утратившимъ полукраткую гласную. § 417: Паденіе полукраткихъ удлиняло предшествующій слогъ на полморы. § 418: Переносъ ударенія на гласную, удлинившуюся вслѣдствіе выпаденія въ слѣдующемъ слогѣ глухого. § 419: Переходъ уі, іі въ оі, еі въ великорусскомъ былъ результатомъ усиленія или удлиненія звуковъ у, і. § 420. Дифтонгизація о, е, ѳ въ южнорусскомъ; *прим.:* ссылка на то, что о, е во второй части полногласныхъ сочетаній не дифтонгизировались.

Удлиненіе плавныхъ въ сочетаніи съ [illegible] гомъ, утратившимъ полукраткую гласную. (Второе полногласіе). § 421: Полудолгія плавныя діалектически развивали полногласіе. § 422: Ограниченіе предѣловъ распространенія втораго полногласія. § 423: Второе полногласіе развивалось послѣ паденія глухихъ и вслѣдствіе этого паденія; удареніе полногласныхъ сочетаній. § 424: Примѣры изъ древнерусскаго, сѣверноруссскаго, великорусскаго, малорусскаго и бѣлорусскаго языка. § 425: Перенесеніе полногласныхъ сочетаній передъ слогъ съ гласною полнаго образованія: вліяніе имен. п.; уменьшительныя; вліяніе косв. на имен. п.; другіе случаи. § 426: Неясные случаи. § 427: ол, ор, ер вмѣсто оло, оро, ере; *прим. 1:* золовка. придолоб, надолоб, толонуть, ослоп; *прим. 2:* малор. и бѣлор. ове, оре вм. оло, оро.

Измѣненіе гласной передняго ряда, вызванное вліяніемъ предшествующей твердой согласной. § 428: і послѣ согласной предлога переходило въ у; *прим. 1:* случаи какъ ув ыгната; *прим. 2:* случаи, какъ отнмаеть, обязаны книжному вліянію. § 429: Звукъ е переходилъ послѣ согласной предлога въ е средняго ряда; сюда же случаи, какъ купилэ. § 430: Звукъ ѣ (іе) послѣ утраты передъ нимъ полукраткаго у перешелъ въ уё; бѣлор. э въ валэ.

Появленіе новыхъ сочетаній гласныхъ съ согласными и согласныхъ между собой. § 431: Отпаденіе конечныхъ согласныхъ; діалектическая утрата звонкости согласной; отвердѣніе мягкихъ согласныхъ. § 432: Упрощеніе группъ согласныхъ въ концѣ слова. § 433: Новыя сочетанія согласныхъ въ началѣ словъ. § 434: Ассимиляціонные процессы. § 435: Новыя сочетанія въ серединѣ слова. § 436: Ассимиляціонные процессы. § 436[1]: Смягченіе согласной, утратившей за собой ъ, передъ мягкой согласной. § 436[2]: Отвердѣніе согласной передъ твердой зубной; случаи сохраненія мягкости согласной въ древнерусскомъ. § 437: Сочетанію согласная + і въ великорусскомъ противополагается сочетаніе согласная + j въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ.

СТРАН.

ОТДѢЛЪ VI. **Древнерусскія нарѣчія**. . . . . 287—354

§ 438: Общія замѣчанія; древнѣйшія діалектическія отличія; старшія нарѣчія.

Глава I. Древнѣйшія діалектическія явленія . . . . . 288—297

§ 439: Общія замѣчанія.

Чередованіе v, ŭ и ц. § 440: Три типа говоровъ; въ первомъ типѣ ц замѣнено черезъ v, а на мѣстѣ и полукраткаго явились vъ, vь; во второмъ ц замѣнено черезъ v, а на мѣстѣ и полукраткаго явилось ŭ; примѣры для говоровъ второго типа; *прим. 1:* начальное и полукр. замѣнено въ великор. гов. черезъ u; *прим. 2:* вм. предлога vo явилось uvo; *прим. 3:* вм. u передъ гласной явилось uv. § 441: Свидѣтельство великор. памятниковъ относительно говоровъ второго типа; смѣщеніе оу и въ; *прим. 1:* появленіе оу вм. во; *прим. 2:* ув вм. вв. § 442: Относящіеся сюда памятники южнорусскіе и западнорусскіе; *прим.:* въ нѣкоторыхъ южнор. памятникахъ отсутствуетъ смѣшеніе оу и въ. § 443: Говоры третьяго типа сохранили ц передъ гласными. § 444: Выпаденіе v (ц) между гласными; пропускъ v передъ гласной u. § 445: Замѣна ц черезъ w.

Чередованіе g, γ, h. § 446: Общія замѣчанія. § 447: Двѣ группы сѣверноруссскихъ говоровъ, не измѣнившихъ h въ v: въ первой h и g различаются; во вгорой h перешло въ g; *прим.:* примѣры съ во вмѣсто го восходятъ къ XIV в. § 448: Примѣры для говоровъ, измѣнившихъ h въ g. § 449: Южновеликор., бѣлор. и малор. измѣненіе g въ γ; *прим. 1:* g въ латинскихъ грамотахъ, писанныхъ въ Галиціи; *прим. 2:* ощущеніе γ въ южновелик. и галицкихъ говорахъ.

Чередованіе ӂ и ž, ӂ и *ʒ.* § 450: Въ нѣкоторыхъ говорахъ сохранялось ӂ, которое вообще перешло въ ž. § 451: Въ нѣкоторыхъ говорахъ сохранялось ӂ въ началѣ слова.

Глава II. Явленія южнорусскія . . . . . 297—317

§ 452: Древнѣйшія отличія южнорусскихъ говоровъ; южнорусскія явленія хронологически противоставляются малорусскимъ. § 453: Два древнѣйшія южнорусскія явленія.

Дифтонгизація о, е, о средняго ряда, ѳ. § 454: Вопросъ о бѣлорусскихъ дифтонгахъ. § 455: Хронологія явленія; дифтонгизація засвидѣтельствована южнорусскими памятниками XII в. § 456: Кажущіяся исключенія изъ общаго закона о дифтонгизаціи е. § 457: Дифтонгизація передъ твердою согласной; замѣна ê черезъ ö и о средняго ряда напряженныя; *прим.:* слово мед. § 458: ѣ въ церк. словахъ въ результатѣ дифтонгизаціи звука е; *прим.:* ѣ можетъ имѣть другое объясненіе; вѣроятность отнести сюда нѣкоторые случаи. § 459: Дифтонгизація ê неизвѣстна послѣ j. § 460: Примѣры изъ

совр. языка для дифтонга іе и его замѣстителей. § 461: Дифтонгизація о, о средняго ряда и о. § 462: Примѣры для дифтонга uo и его замѣстителей; *прим.:* укр. кімната, Вівдя. § 463: Примѣры для uo (въ и ч з средняго ряда) и üö и ихъ замѣстителей; *прим.:* малор. матюр. § 464: замѣна дифтонговъ звуками о и е и обратная замѣна, вызванная вліяніемъ аналогіи; *прим. 1:* дифтонгъ uo въ открытыхъ слогахъ подъ вліяніемъ аналогіи; *прим. 2:* дифтонгъ въ словѣ много; *прим. 3:* отрицаніе нѣ передъ гласной о и передъ согласными.

Измѣненіе i̯ въ j послѣ согласной. § 465: Переходъ bratia (изъ bratiia) въ bratja. § 466: Ассимиляція j предшествующей согласной; примѣры изъ малор. и бѣлор.; *прим.:* діалектическія и единичныя явленія, сюда относящіяся.

Переходъ ł въ u̯ въ концѣ слога. § 467: Условія, ограничивающія такой переходъ. § 468: Переходъ этотъ, судя по памятникамъ, явился въ XV в.; причастія на -въ. § 469: Примѣры изъ совр. языка, малор. и бѣлор.; *прим. 1:* u̯ вм. ł въ словахъ на -ъk; *прим. 2:* перенесеніе u̯ (откуда v) передъ гласную.

Придыхательный приступъ передъ начальными гласными. § 470: Общія замѣчанія. § 471: Придых. приступъ къ начальнымъ a, o, u; примѣры изъ малор. и бѣлор. § 472: Придых. приступъ къ начальному i.

Переходъ сочетаній ky, gy, xy *въ* ki, gi, xi. § 473: Объ этомъ переходѣ свидѣтельствуютъ всѣ малорусскіе говоры, включая и угорусскіе. § 474: Физіологическая причина перехода. § 475: Южнорусскіе и бѣлорусскіе памятники; *прим.:* написанія кы, гы, хы въ позднѣ. южнорусскихъ памятникахъ.

Явленія, свойственныя сѣвернымъ говорамъ южнорусскаго нарѣчія. § 476: Ляшскія особенности этихъ говоровъ. § 477: Бѣлорусское цеканье и дзеканье. § 478: Шепелявое произношеніе мягкихъ s и z; смѣшеніе š, ž и s, z. § 479: Бѣлорусское отвердѣніе r мягкаго.

Глава III. Явленія сѣверноруссіія . . . . . 317—330

§ 480: Сѣверноруссая эпоха противопоставляется сѣверновеликорусской; дѣленіе сѣверноруссаго нарѣчія на восточную и западную вѣтви. § 481: Исконныя явленія, отличавшія сѣверное нарѣчіе отъ восточнаго и южнаго.

Смѣшеніе ч и ц. § 482: Вліяніе ляшскихъ мазуракающихъ говоровъ было причиной этого смѣшенія; *прим.:* дополнительныя замѣчанія въ пользу того, что смѣшеніе ч и ц черта заимствованная. § 483: Смѣшеніе ч и ц проводится уже въ древнѣйшихъ сѣверноруссихъ памятникахъ. § 484: Оно извѣстно не только въ Новгородѣ, но также на Сѣверной Двинѣ и въ Суздальской области;

СТРАН.

прим.: указаніе на то же явленіе на сѣверозападѣ. § 485: Современные говоры.

Діалектическое отвердѣніе конечнаго ť въ 3 л. § 486: Древность этого явленія: примѣры изъ XIII в. § 487: Причина отвердѣнія; *прим. 1:* въ нѣк. памятникахъ -тъ обязано вліянію церковнослав.; ť отвердѣю и въ нѣк. малор. говорахъ; *прим. 2:* возможно, что вытѣсненію ť черезъ t содѣйствовала связь съ формой указ. мѣстоименія тъ.

Діалектическое измѣненіе сочетаній šč *и* žž. § 488: Переходъ въ этихъ сочетаніяхъ č и ž въ c и z мягкія шепелявыя; отсюда позже šś и žj. § 489: Сочетаніе žj передавалось на письмѣ черезъ жг. § 490: Примѣры для жг изъ памятниковъ; *прим.:* жг на мѣстѣ церковнослав. жд въ заимств. словахъ. § 491: Примѣры для ж и ш, обозначающихъ žj и šś; *прим.:* объясненіе замѣны шт черезъ ш графическою причиной.

Діалектическое измѣненіе ь въ і. § 492: Сѣверноруссное Ѣ исконно отличалось отъ восточнорусскаго; различная судьба сѣверноруссkаго Ѣ въ говорахъ. § 493: Примѣры для говоровъ съ і передъ мягкой согласной и съ ê въ концѣ слова и передъ твердой согласной. § 494: Замѣна Ѣ черезъ и въ древнихъ сѣверноруссkихъ памятникахъ; *прим.:* замѣна и черезъ Ѣ на письмѣ доказываетъ произношеніе Ѣ какъ и. § 495: Памятники, свидѣтельствующіе о раннемъ совпаденіи Ѣ съ е; *прим. 1:* е вмѣсто Ѣ въ нѣкоторыхъ памятникахъ можетъ быть обязано и церковнослав. вліянію и графическимъ причинамъ; *прим. 2:* въ рядѣ сѣверноруссkихъ памятниковъ Ѣ употребляется правильно; *прим. 3:* о произношеніи Ѣ въ началѣ слога.

Явленія, свойственныя западнымъ и южнымъ говорамъ сѣверноруссkаго нарѣчія. § 496: Причина лингвистическаго обособленія Кривичей отъ Словѣнъ. § 497: Общія явленія для западныхъ и восточныхъ говоровъ. § 498: Шепелявыя мягкія s и z; смѣшеніе с, з и ш, ж въ псковскихъ памятникахъ; смѣшеніе с, з и ш, ж въ совр. псковскихъ говорахъ. § 499: Отвердѣніе г. § 500: Цеканье и дзеканье. § 501: Сочетанія gl, kl изъ dl, tl. § 502: Однородныя явленія въ юговосточныхъ говорахъ сѣверноруссkой области.

Глава IV. Явленія восточноруссkія . . . . . 330—349

§ 503: Восточноруссkіе говоры легли въ основаніе и южновеликоруссkаго и бѣлоруссkаго нарѣчія.

Редукція неударяемыхъ гласныхъ а, о, е. § 504: Редукція гласныхъ въ общеслав. праязыкѣ; редукція въ восточноруссkомъ нарѣчіи поразила сначала неударяемыя а, о, е при всѣхъ положеніяхъ; *прим.:* ссылка на позднѣйшую замѣну редуцированныхъ

СТРАН.

гласныхъ полными въ предударномъ положеніи. § 505: Редукція поразила въ восточнорусскомъ только краткія гласныя, не распространяясь на долгія; отсюда слѣдуетъ, что ā сократилось. § 506: Въ результатѣ редукціи удлинялась гласная ударяемаго слога, если она была закрытою (напряженною); послѣдующее сокращеніе удлинившейся гласной вызывало переходъ редуцированной предударной гласной въ гласную полнаго образованія (а и ѐ, е). § 507: Природа ударяемыхъ гласныхъ въ отношеніи къ ихъ напряженности и ненапряженности. § 508: Два звука о; звукъ ѣ. § 509: Данныя изъ совр. южновеликорусскаго и бѣлорусскаго, подтверждающія выставленныя выше положенія. § 510: Позднѣйшія системы «аканья» въ южновеликор. и бѣлор. говорахъ. § 511: Еще рядъ доводовъ въ пользу предложенной выше гипотезы. § 512: Редукція а, о, е въ концѣ слова и діалектическая замѣна редуцированныхъ гласныхъ гласными полнаго образованія. § 513: Редукція начальной гласной; редукція гласной въ конечномъ закрытомъ слогѣ. § 514: Сильное аканье бѣлорусскихъ говорахъ и возстановленіе въ нихъ этимологическихъ гласныхъ въ заударныхъ слогахъ. § 515: Нефонетическая замѣна ε черезъ α въ грамматическихъ окончаніяхъ.

Судьба звука ъ. § 516: Различная судьба ѣ въ зависимости отъ ударяемаго и неударяемаго положенія. § 517: Совпаденіе е и ѣ подъ удареніемъ.

Переходъ е въ ѐ подъ вліяніемъ слѣдующей палатальной согласной. § 517: Произношеніе е какъ ѐ передъ мягкой согласной въ южновеликорусскомъ и малорусскомъ; *прим.:* ссылка на смѣшеніе е и ѣ въ нѣкоторыхъ западнорусскихъ памятникахъ.

Переходъ ai̯ въ ѐi̯ подъ удареніемъ. § 519: Случаи какъ тэй, аднэй; *прим.:* южновеликорусское тэк.

Отвердѣніе ć. § 520: Возможность отнесенія этого явленія къ восточнорусской эпохѣ.

Явленіе, свойственныя сѣверньмъ говорамъ восточнорусскаго нарѣчія. § 521: Наличность ляшскихъ чертъ въ сѣверныхъ говорахъ южновеликор. нарѣчія. § 522. Цеканье, дзеканье въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Московской и Рязанской губерніи. § 523: Шепелявость свистящихъ въ тѣхъ же и сосѣднихъ говорахъ § 524: Отвердѣніе č.

Глава V. О древнѣйшихъ явленіяхъ, общихъ сѣверномусскому и великорусскому нарѣчіямъ. . . . . 349—354

§ 525: Переходъ уі, іі въ оі̯, еі̯; *прим.:* ссылка на предложенное выше объясненіе этого перехода. § 526: Примѣры изъ древняго и совр. языка; *прим. 1:* переходъ уі̯ въ оі̯ произошелъ раньше великор. измѣненія ку, гу, ху въ кі, ǵі, хі; *прим. 2:* совр. строгый, дикый восходятъ къ строгой, дикой; *прим. 3:*

СТРАН.

написанія -кин, -гин, -хин въ памятникахъ; *прим. 4:* малор. и бѣлор. той, сей, -ей въ род. мн. § 527: Сохраненіе ѣ̨ въ нѣкоторыхъ говорахъ восточнорусскихъ (отсюда бѣлор. и сѣвернор. -эй); *прим. 1:* -еи вм. -ыи въ памятникахъ; *прим. 2:* чередованіе -эй и -ый въ бѣлор. говорахъ вызывало вытѣсненіе ы черезъ э въ грамм. окончаніяхъ; чередованіе -эй и -ой въ великор. вызывало вытѣсненіе о черезъ э въ грамм. окончаніяхъ; *прим. 3:* ссылка на особое происхожденіе -эй въ тэй, аднэй. § 528: Южновеликорусское діалектическое о̨і вм. оі.

ВАЖНѢЙШІЕ ТРУДЫ ПО ИЗУЧЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА.....355—361

ТРАНСКРИПЦІЯ.....362—363

УКАЗАТЕЛЬ.....364—367

ВАЖНОЕ ДОПОЛНЕНІЕ..... 368

ОПЕЧАТКИ..... 369

Предисловіе.

Въ составъ Энциклопедіи славянской филологіи предположено включить «Очеркъ исторіи русскаго языка». Предлагаемый трудъ выполняетъ лишь часть намѣченной программы; онъ содержитъ очеркъ исторіи звуковъ русскаго языка и при томъ только древнѣйшаго періода его жизни, предшествовавшаго обособленію трехъ главныхъ русскихъ нарѣчій. Такимъ образомъ продолженіями настоящаго изслѣдованія будутъ очерки звуковъ нарѣчій великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго. Осуществленіе же всей программы потребуетъ еще составленія историческихъ очерковъ морфологіи и синтаксиса русскаго языка.

Предпославъ своему краткому очерку древнѣйшаго періода исторіи звуковъ русскаго языка Введеніе, гдѣ изложены нѣкоторыя данныя, касающіяся образованія русскихъ племенъ и русскихъ нарѣчій, я самый очеркъ расположилъ въ слѣдующихъ шести отдѣлахъ. I отдѣлъ разсматриваетъ звуковой составъ общеславянскаго праязыка, изученіе котораго служитъ необходимымъ преддверіемъ въ исторію русскаго языка. Во II отдѣлѣ изложены звуковыя явленія, имѣвшія мѣсто въ эпоху общей жизни южнаго и восточнаго славянства, по отдѣленіи отъ него западной вѣтви общеславянской языковой семьи. III отдѣлъ перечисляетъ явленія, возникшія въ эпоху совмѣстной жизни всѣхъ русскихъ племенъ, слѣдовательно, въ эпоху общерусскую. IV отдѣлъ предлагаетъ итоги предшествующаго изслѣдованія, изображая звуковой составъ древнерусскаго языка. Въ V отдѣлѣ изслѣдуется паденіе полукраткихъ звуковъ, происшедшее не ранѣе двѣнадцатаго вѣка, слѣдовательно, уже послѣ распаденія общерусскаго праязыка. VI отдѣлъ излагаетъ древнѣйшія діалектическія явленія русскаго языка и опредѣляетъ главнѣйшія звуковыя отличія всѣхъ трехъ древнерусскихъ нарѣчій.

Мнѣ приходится сожалѣть о томъ, что я не сумѣлъ включить въ свое изслѣдованіе, законченное въ рукописи еще лѣтомъ 1913 года, всего матеріала, имѣющагося въ моемъ распоряженіи; далѣе виню себя за то, что не успѣлъ воспользоваться въ должной степени выводами и указаніями предшествующихъ изслѣдователей; мнѣ приходится сожалѣть и о многихъ другихъ упущеніяхъ и ошибкахъ. Тѣмъ не менѣе рѣшаюсь посвятить этотъ трудъ своимъ покойнымъ учителямъ Ф. Ѳ. Фортунатову († 20 сентября 1914 г.) и Ѳ. Е. Коршу († 16 февраля 1915 г.) и украсить ихъ славными именами начальную страницу изданія.

Печалюсь о томъ, что, по обстоятельствамъ военнаго времени, мой учитель, академикъ И. В. Ягичъ могъ проредактировать только первые семь листовъ настоящаго выпуска основанной имъ Энциклопедіи славянской филологіи.

22 марта 1915 г.

Введеніе.

Въ предлагаемомъ трудѣ изложены главнѣйшія звуковыя явленія въ жизни общерусскаго праязыка и выдѣлившихся изъ него непосредственно нарѣчій. *Общерусскимъ* праязыкомъ называемъ то славянское нарѣчіе, которое, обособившись отъ другихъ славянскихъ языковъ, заняло восточные предѣлы славянскаго міра; этотъ праязыкъ можетъ быть возстановленъ путемъ сравнительнаго изученія современныхъ русскихъ языковъ — великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго въ ихъ исторіи. Слѣдовательно, общерусскій праязыкъ—это тотъ языкъ, которымъ говорили предки Великорусовъ, Бѣлорусовъ и Малорусовъ въ то время, когда они, въ соотвѣтствіи съ тѣсной областью своихъ первоначальныхъ поселеній, составляли одно этнографическое цѣлое. Терминомъ общерусскій *праязыкъ* означаемъ, во-первыхъ, то, что этотъ языкъ не дошелъ до насъ въ историческихъ памятникахъ, во-вторыхъ то, что онъ родоначальникъ всѣхъ русскихъ языковъ со всѣми ихъ нарѣчіями и говорами. Такимъ образомъ не отождествляемъ общерусскаго праязыка съ древнерусскимъ языкомъ, дошедшимъ до насъ въ скудныхъ данныхъ въ церковнославянскихъ и нѣкоторыхъ русскихъ по происхожденію, но церковнославянскихъ по языку памятникахъ домонгольскаго періода (XI—XIII в.). Въ этихъ памятникахъ содержатся свидѣтельства о томъ, что въ историческую эпоху своего существованія русскій языкъ уже не былъ единымъ, а распался на нѣсколько діалектическихъ группъ: изслѣдователь отличаетъ памятники, писанные въ XI вѣкѣ на новгородскомъ сѣверѣ, отъ памятниковъ южныхъ. Слѣдовательно, свидѣтельства памятниковъ служатъ доказательствомъ того, что общерусскій періодъ окончился до появленія на Руси письменности, т. е. до XI в. Но къ тому же самому приводятъ и другія соображенія.

По лѣтописнымъ даннымъ XI и начала XII в. мы можемъ составить себѣ представленіе о площади, занятой русскимъ племенемъ въ IX—X в.: площадь эта включала въ себѣ пространство отъ береговъ Чернаго моря,

гдѣ жили русскіе Угличи и Тиверцы, до Ильменскаго озера: здѣсь сидѣли новгородскіе Словѣне: западная граница русскихъ поселеній едва ли не проходила за Днѣстровскимъ бассейномъ, а о томъ, какъ далеко ушла восточная ихъ граница, можно судить по тому, что Донъ назывался мусульманскими писателями средневѣковья Славянскою рѣкой и что южная часть бассейна Оки уже въ XI вѣкѣ заключала въ себѣ значительное русское населеніе. Невѣроятно допустить, чтобы на такомъ обширномъ пространствѣ языкъ могъ сохранить свое единство. Даже въ тѣсныхъ границахъ волости и прихода языкъ вообще не представляетъ полнаго единства; такія мѣстныя и индивидуальныя различія не нарушаютъ еще, однако, представленія объ единомъ языкѣ; они не нарушаютъ единства языковой жизни, проявляющагося въ общихъ переживаніяхъ и общихъ измѣненіяхъ въ этомъ языкѣ. Но разселеніе на обширной территоріи, въ особенности при отсутствіи возможности тѣснаго общенія, создаваемой сложными культурными условіями, ведетъ неминуемо къ разрушенію единства въ языковой жизни раздробившагося племени и создаетъ нѣсколько новыхъ жизней на мѣстѣ прежней, отошедшей въ исторію. Вотъ почему вопросъ о томъ, можно ли признавать русскій языкъ въ IX—X в. единымъ, живущимъ одною общею жизнью, находитъ себѣ рѣзкій отрицательный отвѣтъ въ томъ обстоятельствѣ, что въ IX—X в. русскія племена разошлись далеко другъ отъ друга: единство между Древлянами и Словѣнами, Угличами и Вятичами существовало уже только въ прошедшемъ; потребовались неимовѣрныя усилія и труды не одного поколѣнія прежде, чѣмъ создались такія условія, которыя объединили опять всѣ эти племена въ одной общей государственной и культурной жизни. Но эти новыя объединяющія условія, имѣя противъ себя, во-первыхъ, различія, создавшіяся въ прошломъ, во-вторыхъ, мѣстную обособленность, питаемую разнообразными факторами, уже не могли привести этнографическую, въ частности языковую жизнь русскаго племени къ сколько-нибудь полному единству. Тѣмъ не менѣе значеніе объединительныхъ, центростремительныхъ движеній въ жизни русскаго народа и его языка весьма велико. Историку языка необходимо считаться съ ними такъ же, какъ историку культуры и государства. Было бы сильной ошибкой преувеличивать результаты центробѣжныхъ движеній русскихъ племенъ, ибо съ самыхъ первыхъ моментовъ исторической жизни русскаго народа, мы видимъ имъ противовѣсъ въ стремленіяхъ объединиться: стремленія эти находили себѣ выраженіе въ созданіи общаго государства, подчиненіи общимъ культурнымъ центрамъ и поддерживались инстинктивными передвиженіями народныхъ массъ, временами вынуждавшихся сокращать площадь разселенія, для того чтобы сплотиться въ

болѣе тѣсное и крѣпкое цѣлое. Въ области государственной и въ культурной жизни это приводило къ созданію политическихъ организацій, не соотвѣтствовавшихъ раздробленности объединявшихся при этомъ племенъ, въ области этнографической и лингвистической — къ созданію новыхъ народностей и нарѣчій, совмѣщавшихъ черты, нѣкогда раздробленныя и обособленныя.

Историку языка приходится такимъ образомъ считаться не только съ центробѣжными, но и съ центростремительными явленіями. Изъ древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ онъ убѣждается въ томъ, что единство языка, періодъ общерусскій, должно отнести далеко за предѣлы исторической эпохи, ибо въ этихъ памятникахъ содержатся уже всѣ тѣ звуковыя черты, которыя опредѣляютъ обособленность русскаго языка въ составѣ славянской семьи языковъ, объединяя вмѣстѣ съ тѣмъ въ прошломъ весь современный составъ этого языка въ его нарѣчіяхъ, поднарѣчіяхъ, говорахъ: до начала своей исторической, засвидѣтельствованной памятниками жизни русскій языкъ успѣлъ утратить носовые звуки, развить полногласіе, смягчить согласныя передъ гласными передняго ряда, измѣнить первоначальныя tj и dj въ звуки *ч* и *ж*, и т. д. Въ области звуковъ нельзя назвать ни одного такого явленія, общаго всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ, поднарѣчіямъ, говорамъ, которое не восходило бы къ эпохѣ доисторической. Исключеніемъ является паденіе глухихъ *ъ* и *ь* и замѣна ихъ въ извѣстномъ положеніи черезъ *о* и *е*. Памятники свидѣтельствуютъ о томъ, что глухіе существовали еще въ XII в., а между тѣмъ процессы, связанные съ исчезновеніемъ глухихъ, оказываются общими для русскаго языка во всемъ его составѣ. Но это не можетъ служить доказательствомъ единства русскаго языка въ XII в., когда происходило исчезновеніе глухихъ, ибо, во-первыхъ, эти процессы были подготовлены въ предшествующій періодъ общей жизни русскаго языка (а частью еще въ періодъ общеславянскій, ср. сходство тѣхъ же процессовъ во всѣхъ славянскихъ языкахъ); во-вторыхъ, имѣются явныя указанія на существенныя различія въ отдѣльныхъ русскихъ нарѣчіяхъ въ отношеніи къ нѣкоторымъ сопутствовавшимъ паденію глухихъ или предшествовавшимъ ему явленіямъ. Такъ великорусское нарѣчіе, въ противоположность малорусскому, не представляетъ дифтонгизаціи *о* и *е* въ слогахъ, предшествовавшихъ выпавшимъ *ъ* и *ь*, малорусское и бѣлорусское нарѣчія измѣнили слоговыя *р* и *л* (за которыми исчезли *ъ* и *ь* неслоговыя) иначе, чѣмъ великорусское нарѣчіе. И тѣмъ не менѣе уже самое хронологическое совпаденіе паденія глухихъ въ разныхъ русскихъ нарѣчіяхъ въ предѣлахъ одного столѣтія (XII—XIII в.) указываетъ на существованіе общей всѣмъ имъ

языковой жизни. Общая жизнь свидѣтельствуется также цѣлымъ рядомъ явленій морфологическихъ въ склоненіи и спряженіи: нѣтъ никакихъ основаній отнести, напримѣръ, распространеніе женскихъ окончаній -ам, -ами, -ах въ склоненіе именъ мужескаго и средняго рода къ эпохѣ доисторической, а между тѣмъ оно обще для всѣхъ русскихъ нарѣчій. Очевидно, и это явленіе, и многія другія явленія морфологическія, такъ же какъ паденіе глухихъ, восходятъ къ эпохѣ промежуточной между эпохой общерусскаго языкового единства и эпохой полнаго раздробленія русскаго языка, когда изъ него выдѣлились дожившія до нынѣшняго времени обособленныя нарѣчія—современные намъ русскіе языки: великорусскій, бѣлорусскій и малорусскій. Эту промежуточную эпоху я совершенно условно называю въ предлагаемомъ трудѣ древнерусскою. Она отличается отъ предшествующей, общерусской эпохи тѣмъ, что на мѣсто единаго языка вводитъ нѣсколько раздробившихся нарѣчій; но отъ послѣдующей эпохи она отдѣляется тѣмъ, что эти нарѣчія объединены еще общими языковыми процессами, позже уже неизвѣстными. Исторія русскаго языка въ эту послѣдующую эпоху переходитъ въ исторію трехъ современныхъ намъ русскихъ нарѣчій, между тѣмъ какъ раньше она имѣетъ дѣло или съ общими для всего русскаго языка процессами или съ развивавшимися параллельно общимъ процессамъ явленіями діалектическими, мѣстными.

Ошибочно было бы думать, что современные русскіе языки, а именно великорусскій, бѣлорусскій и малорусскій, произошли непосредственно изъ общерусскаго праязыка. Анализъ элементовъ и изученіе нарѣчій, составляющихъ эти языки, доказываютъ, что мы имѣемъ въ лицѣ ихъ весьма сложныя явленія, результатъ сложныхъ культурно-историческихъ факторовъ. Великорусскій языкъ обнимаетъ двѣ группы говоровъ, весьма отличныхъ между собою въ самыхъ своихъ основаніяхъ: сѣверновеликорусскую и южновеликорусскую; въ этой послѣдней видимъ редукцію (сильное сокращеніе) неударяемыхъ гласныхъ *а*, *о*, *е* и зависящее отъ нея аканье (переходъ неударяемаго *о* въ *а*); какъ убѣдимся ниже, есть основаніе думать, что эти явленія относятся къ той эпохѣ, когда языкъ еще не утратилъ нѣкоторыхъ старыхъ количественныхъ отношеній. Отсюда явствуетъ, что различіе между сѣверновеликорусскимъ и южновеликорусскимъ нарѣчіемъ относится къ весьма отдаленной эпохѣ. Такимъ образомъ становится невѣроятнымъ предположеніе о выдѣленіи великорусскаго нарѣчія непосредственно изъ общерусскаго праязыка и о послѣдующемъ распаденіи его на сѣверное и южное поднарѣчія. Въ бѣлорусскомъ языкѣ ясно обнаруживаются въ звуковомъ его составѣ элементы двоякаго рода: одни изъ нихъ тѣсно связываютъ

этотъ языкъ съ южновеликорусскимъ нарѣчіемъ (редукція неударяемыхъ *а*, *о*, *е* и аканье), другіе съ малорусскимъ (судьба слоговыхъ *р* и *л*, переходъ *л* въ неслоговое *у* въ концѣ слога, придыхательный приступъ къ гласнымъ, дифтонгизація *о* и *е* въ южныхъ говорахъ); въ бѣлорусскомъ языкѣ слились такимъ образомъ два различныя нарѣчія: одно изъ нихъ—близко родственно южновеликорусскому, другое малорусскому. Такимъ образомъ область первоначальнаго распространенія нарѣчія, соотвѣтствующаго въ одной части своей южновеликорусскому, была нѣкогда иная, чѣмъ теперь, ибо она захватывала и современную бѣлорусскую территорію. Но и малорусскій языкъ, какъ видно изъ предыдущаго, утратилъ часть своего первоначальнаго объема, уступивъ свои сѣверные говоры другому языку — бѣлорусскому.

Итакъ выясняется, что современному діалектическому дѣленію русскаго языка на три нарѣчія — великорусское, малорусское и бѣлорусское предшествовало другое его дѣленіе на такія нарѣчія, которыя претворились въ позднѣйшихъ нарѣчіяхъ, образовавшихся частью изъ новаго соединенія элементовъ, входившихъ въ составъ этихъ древнихъ нарѣчій. Совершенно отчетливо выдѣляется судьба среднерусскихъ говоровъ, подѣленныхъ между двумя, очевидно, позднѣйшими нарѣчіями — великорусскимъ и бѣлорусскимъ. Великорусское нарѣчіе составилось изъ соединенія сѣвернорусскихъ говоровъ съ среднерусскими; бѣлорусское — изъ соединенія южнорусскихъ говоровъ съ среднерусскими. Передъ терминомъ «среднерусскіе» говоры я даю однако предпочтеніе термину говоры «восточнорусскіе», ибо рядъ данныхъ, между прочимъ лингвистическихъ, заставляетъ предполагать, что серединное положеніе этихъ говоровъ (серединное — между сѣвернымъ и южнымъ нарѣчіемъ) — положеніе позднѣйшее: данныя лингвистическія не позволяютъ считать среднерусскіе говоры (т. е. предковъ южновеликорусскихъ говоровъ) промежуточными между южными и сѣверными говорами; они указываютъ, напротивъ, на ихъ нѣкогда обособленное положеніе среди прочихъ русскихъ говоровъ (сравните редукцію неударяемыхъ *а*, *о*, *е*, приведшую къ аканью). Кромѣ того оказывается, что общее южновеликорусскому и бѣлорусскому нарѣчію явленіе — редукція неударяемыхъ *а*, *о*, *е* и аканье сохранилось въ болѣе чистомъ и первоначальномъ видѣ не на западѣ, а на востокѣ бѣлорусской территоріи; слѣдовательно, самое явленіе шло съ востока. Историческія соображенія, какъ увидимъ, позволяютъ думать, что существовало движеніе съ восточныхъ, точнѣе юговосточныхъ окраинъ русской территоріи къ западу, точнѣе къ сѣверозападу; результатомъ этого движенія было то серединное положеніе, которое заняли сидѣвшія нѣкогда

на востокѣ и юговостокѣ племена. Изъ предидущаго видно, что общерусскій праязыкъ выдѣлилъ изъ себя первоначально три нарѣчія: южное, сѣверное и восточное. Развитіе этихъ нарѣчій принадлежитъ періоду, опредѣляемому мною какъ древнерусскій. Новая діалектическая группировка, приведшая къ образованію великорусскаго нарѣчія изъ соединенія сѣвернаго нарѣчія съ восточною группой восточнаго нарѣчія и къ образованію бѣлорусскаго нарѣчія изъ соединенія сѣверной группы южнаго нарѣчія съ западной группой восточнаго, знаменуетъ собой наступленіе новаго періода, остающагося внѣ предѣловъ настоящаго изслѣдованія.

Считаю необходимымъ остановиться здѣсь на главнѣйшихъ моментахъ того историческаго процесса, который привелъ къ образованію современныхъ трехъ русскихъ народностей и трехъ русскихъ языковъ. Какъ указано выше, процессъ этотъ опредѣлялся факторами двоякаго рода: центробѣжнаго и центростремительнаго; взаимодѣйствіе между ними было постоянное; это вело къ перемѣщенію центровъ и къ различному распредѣленію движеній. Центрами оказывались тѣ области и города, откуда направлялась культурная и экономическая жизнь страны. Пока эти центры — внѣ территоріи племени, центростремительныя движенія не могутъ имѣть сколько-нибудь прочнаго основанія; они становятся устойчивыми только тогда, когда образуются мѣстные, племенные центры; въ нихъ народная жизнь начинаетъ биться усиленнымъ темпомъ, притягивая къ себѣ, подчиняя себѣ жизнь широкой округи. Такимъ образомъ устанавливается тѣсная связь между этнографическими и культурно-экономическими явленіями.

Исторія русской народности и русскаго языка начинается съ того момента, когда восточнославянскія племена отдѣлились отъ своихъ соплеменниковъ и зажили обособленною жизнью. Для историка, въ частности и для историка языка не безразличны вопросы о времени такого раздѣленія и о первоначальной территоріи, ставшей удѣломъ восточнаго славянства. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ зависитъ отъ тѣхъ данныхъ, которыми располагаетъ наука при опредѣленіи древнѣйшихъ судебъ славянства, когда предки современныхъ Славянъ составляли одно племенное цѣлое съ однимъ общимъ языкомъ, называемымъ въ научныхъ трудахъ общеславянскимъ праязыкомъ. Изученіе внутренняго развитія этого языка, возстанавливаемаго путемъ сравненія славянскихъ языковъ въ ихъ исторіи, и сопоставленіе извлекаемыхъ изъ такого изученія данныхъ со сравнительнымъ изученіемъ другихъ родственныхъ праславянскому языковъ индоевропейской семьи пока-

зываютъ, что обособленная отъ прочихъ индоевропейцевъ жизнь Славянъ была весьма продолжительна. Въ области фонетики, морфологіи и синтаксиса въ праславянскомъ періодѣ было внесено столько измѣненій, столько новаго сравнительно съ предшествующими эпохами, когда Славяне составляли въ отношеніи языка одно цѣлое съ прочими Индоевропейцами, что предположеніе о значительной продолжительности этого періода не требуетъ специальныхъ доказательствъ. Обособленность Славянъ зависѣла, конечно, прежде всего отъ обособленности ихъ территоріи, а также и отъ возникновенія среди нихъ такого культурно-экономическаго центра, который поддерживалъ единство племенной ихъ жизни.

Территорію славянской прародины приходится искать во всякомъ случаѣ въ восточной Европѣ, ибо западная принадлежала Германцамъ, Кельтамъ, Ѳракійцамъ, Иллирійцамъ, Грекамъ, Италикамъ; эта территорія сосѣдила или находилась по близости съ территоріей другого индоевропейскаго племени — балтійскаго (къ которому принадлежатъ современные Литовцы и Латыши, а также древніе Прусы). Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію особая близость между собой славянскаго и балтійскаго праязыка. Близость эта не можетъ быть случайною и не можетъ зависѣть только отъ общаго ихъ происхожденія изъ индоевропейскаго праязыка; и въ балтійскихъ, и въ славянскихъ языкахъ замѣчается рядъ общихъ отклоненій отъ исконныхъ отношеній, и эти общія отклоненія свидѣтельствуютъ объ общей ихъ жизни въ такую эпоху, когда они уже отдѣлились отъ остальныхъ индоевропейскихъ языковъ. Слѣдовательно, приходится допустить происхожденіе Славянъ и Балтійцевъ отъ одного общаго родоначальника, по языку уже отличнаго отъ племени, говорившаго индоевропейскимъ праязыкомъ: родоначальникомъ славянскихъ и балтійскихъ языковъ, который можно назвать балтійско-славянскимъ праязыкомъ, былъ языкъ того индоевропейскаго племени, которое, выдѣлившись изъ индоевропейской семьи, только впослѣдствіи разбилось на двѣ вѣтви: славянскую и балтійскую. Рядъ данныхъ позволяетъ думать, что первоначальная территорія балтійскаго племени близко подходила своими границами къ территоріи современныхъ балтійскихъ племенъ (литовскаго и латышскаго); она лежала въ сѣверозападной Россіи и на значительномъ протяженіи граничила съ территоріей финскихъ племенъ, что ясно вытекаетъ изъ тѣхъ заимствованій, которыя вошли въ финскіе языки изъ языковъ балтійскихъ. Такія заимствованія имѣются не только въ западнофинскихъ языкахъ (въ суоми, эстонскомъ, водскомъ, ливскомъ, вепскомъ), но также и въ восточныхъ (мордовскомъ, черемисскомъ). Анализъ заимствованныхъ изъ балтійскихъ языковъ словъ съ

звуковой стороны доказываетъ, что они восходятъ къ глубокой древности, когда еще не произошли тѣ или иныя измѣненія въ балтійскихъ звукахъ. Вопросъ о томъ, съ какой стороны Финны граничили съ Балтійцами, представляется особенно существеннымъ при возстановленіи этнографической карты восточной Европы первыхъ вѣковъ нашей эры.

Западное положеніе Финновъ относительно Балтійцевъ исключается само собой, такъ какъ на западъ отъ Балтійцевъ сидѣли Германцы, передававшіе Балтійцамъ свою культуру и вмѣстѣ съ нею рядъ словъ для многихъ культурныхъ понятій. Едва ли можно допустить, чтобы Финны сосѣдили съ Балтійцами съ сѣвера: мы не имѣемъ данныхъ въ пользу того, чтобы Финны въ доисторическое время заходили далеко на сѣверъ и чтобы восточнофинскія племена (сосѣдившія, какъ указано, съ Балтійцами) могли быть выведены изъ сѣверной или сѣверозападной Россіи; напротивъ, имѣются вѣскія указанія на то, что нѣкогда Финны жили южнѣе и восточнѣе теперешнихъ поселеній западнофинскихъ племенъ; на это указываетъ между прочимъ живое общеніе Финновъ съ Арійцами (предками Древнеиндійцевъ и Иранцевъ), а затѣмъ съ Иранцами (въ лицѣ сначала Скиѳовъ, потомъ Сарматовъ), занимавшими югъ и юговостокъ Россіи, а это общеніе свидѣтельствуется проникновеніемъ въ финскіе языки (не только въ восточные, но и въ западные) цѣлаго ряда словъ изъ арійскаго праязыка и изъ иранскихъ языковъ для обозначенія многихъ культурныхъ понятій[1]). Въ виду отсутствія въ языкѣ Балтійцевъ заимствованій изъ иранскихъ языковъ, представляется вѣроятнымъ, что Финны сидѣли между Балтійцами, съ одной стороны, и Иранцами, съ другой, и что слѣдовательно, они были восточными, юговосточными или южными сосѣдями Балтійцевъ. Зависимость Финновъ и отъ Иранцевъ и отъ Балтійцевъ указываетъ на серединное ихъ положеніе между двумя культурными мірами; опредѣляя культуру южнорусскихъ Иранцевъ какъ черноморскую, мы естественно подходимъ къ опредѣленію культуры Прусо-Литво-Латышей, какъ культуры балтійской. Очевидно, балтійскія племена стояли на довольно высокой степени культуры, если получили возможность воздѣйствія на сосѣднія финскія племена; а это ведетъ къ заключенію, что они сидѣли у Балтійскаго моря, простираясь болѣе или менѣе широкой полосой въ глубь страны. Предполагаю поэтому,

---

1) Отмѣчу особенно указанное проф. Э. Сетэлэ заимствованіе слова sarajas, сохранившагося въ финской поэзіи и въ карельскихъ старинныхъ пѣсняхъ въ значеніи «море», а также, повидимому, «южное море», изъ арійскаго (индоиранскаго) источника, откуда слѣдуетъ, что между Финнами и моремъ сидѣли Арійцы (или Иранцы). См. E. Setala, Eine arische Bezeichnung des Meeres in der finn. Volkspoesie (Festschrift W. Thomsen .. dargebracht, L. 1912).

вслѣдъ за другими, что прародину Балтійцевъ надо искать у Балтійскаго моря, всего вѣроятнѣе въ бассейнѣ Нѣмана: съ юга и юговостока къ ней примыкали поселенія Финновъ; бассейны Березины, сѣвернаго теченія Днѣпра, Припяти были заняты предками современныхъ западныхъ Финновъ; бассейнъ Оки и верхнее Поволжье — восточными финскими племенами.

Опредѣляя территорію славянской прародины, я исхожу изъ предположенія, что Славяне были исконными сосѣдями Балтійцевъ: въ этомъ, какъ указано, убѣждаетъ близость языковъ праславянскаго и прабалтійскаго. Вѣроятно, съ теченіемъ времени создались такія условія, благодаря которымъ Славяне и Балтійцы, оставаясь сосѣдями, утратили болѣе тѣсную нѣкогда связь, обособляясь въ отдѣльныя одна отъ другой народности. Эти условія естественнѣе всего искать не въ физическихъ свойствахъ занятой ими территоріи, а въ культурно-экономическихъ причинахъ, обособившихъ двѣ сосѣднія страны. Славяне не могли быть западными сосѣдями Балтійцевъ, ибо, какъ мы видѣли, на западѣ отъ послѣднихъ сидѣли Германцы; исключена возможность предположенія, чтобы Славяне были южными или юговосточными сосѣдями Балтійцевъ, въ виду приведенныхъ выше соображеній о томъ, что на югъ и юговостокъ отъ Балтійцевъ сидѣли Финны. Но кромѣ того, допустивъ, что славянская прародина лежала на юговостокъ отъ балтійской территоріи, т. е. въ бассейнѣ Оки и верхнемъ Поволжьѣ, мы должны были бы признать, что Славяне жили въ исконномъ сосѣдствѣ съ Финнами: между тѣмъ, судя по даннымъ языка, взаимнаго общенія Славянъ и Финновъ восточныхъ во времена доисторическія не было [1]); далѣе мы должны были бы признать культурную зависимость Славянъ отъ Балтійцевъ, если бы эти послѣдніе сидѣли между ними и Балтійскимъ моремъ, подобно тому какъ подобная зависимость устанавливается для восточныхъ Финновъ; но доказать культурную зависимость Славянъ отъ Балтійцевъ во времена историческія мы не можемъ. Такая зависимость создала бы несомнѣнно, при близости языка Славянъ и Балтійцевъ, прочныя племенныя между ними связи и повела бы къ образованію переходныхъ говоровъ отъ балтійскаго языка къ славянскому. Между тѣмъ во времена доисторическія мы видимъ моментъ разобщенія Славянъ и Балтійцевъ и совсѣмъ не въ силахъ установить моментовъ общенія, которые были бы немину емы при куль-

1) Мордовское orta можетъ выходить и не къ общеславянскому vorta, а къ русскому ворота; всѣ гласныя, кромѣ а, слога неначальнаго подлежали въ мордовскомъ сильному сокращенію и выпаденію.

турной зависимости Славянъ отъ Балтійцевъ. По этимъ же основаніямъ отвергаю возможность того, чтобы Славяне были южными сосѣдями Балтійцевъ: примыкая къ балтійской культурѣ черезъ посредство Прусо-Литво-Латышей, Славяне оказались бы въ зависимости отъ послѣднихъ; эта зависимость сказалась бы и въ языкѣ—въ наличности заимствованныхъ изъ прусо-литво-латышскаго праязыка словъ для обозначенія культурныхъ понятій. Если мы допустимъ, что Славяне, будучи южными сосѣдями Балтійцевъ, примыкали къ иной культурѣ — черноморской, то не сумѣемъ обойти слѣдующихъ возраженій: во-первыхъ, въ славянскомъ праязыкѣ почти не отыскивается иранскихъ заимствованій; число ихъ было бы несомнѣнно велико, если бы Славяне были непосредственными сѣверными сосѣдями Скиѳовъ и Сарматовъ, какъ велико число иранскихъ элементовъ въ языкѣ Финновъ, которыхъ мы опредѣлили выше, какъ сѣверныхъ сосѣдей южнорусскихъ Иранцевъ; правда, общеславянскій праязыкъ содержитъ нѣсколько иранскихъ заимствованій, но ихъ очень немного, и проникновеніе ихъ къ Славянамъ могло произойти или во время позднѣйшихъ передвиженій Славянъ къ югу (напр., въ область Повислинья), или черезъ посредство Финновъ (замѣчательно, что большая часть иранскихъ заимствованій, проникшихъ въ общеславянскій праязыкъ, имѣется и въ финскихъ языкахъ, напр. слова богъ, топоръ). Во-вторыхъ, культурная зависимость Славянъ отъ Чернаго моря, тяготѣніе Славянъ къ югу не объяснила бы намъ ни того сильнаго вліянія, которое оказали на Славянъ Германцы, ни также движенія Славянъ въ Повислинье и еще далѣе на западъ, а мы увидимъ, что Повислинье надо признать второю славянской прародиной. Въ-третьихъ, не забудемъ, что Славяне Индоевропейцы: позднее выступленіе ихъ на историческую сцену удовлетворительно объясняется при допущеніи, что они были отдѣлены отъ цивилизаціи стѣною Германцевъ; допустивъ же ихъ общеніе съ черноморскою культурой, а слѣдовательно, неминуемое ихъ тяготѣніе къ югу и югозападу, мы могли бы ждать появленія Славянъ въ предѣлахъ греко-римскаго міра гораздо раньше первыхъ вторженій туда Германцевъ; но раньше конца V в. по Р. Х. рѣшительно ничто не обнаруживаетъ Славянъ въ указанныхъ предѣлахъ [1]).

---

1) М. Р. Фасмеромъ въ Rocznik slaw. VI, 176—177 предложена остроумная этимологія древнерусскаго слова ирій, южнорусск. малорусск вырей, ирей, ирій, ирица (по Далю: какой-то сказочный, загадочный край; земной рай; теплыя страны; волшебное царство); онъ объясняетъ его какъ «арійскую, южную страну», сопоставляя начальное і (сравн. авест. airya— «арійскій») съ осет. ir «Осетинцы», iron «осетинскій». «Если бы это слово было извѣстно изъ другихъ славянскихъ языковъ, замѣчаетъ М. Р. Фасмеръ, то съ математическою точностью можно было считать доказаннымъ, что славянская прародина находилась въ бассейнѣ

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній я признаю Славянъ сѣверными сосѣдями Балтійцевъ. Ихъ прародину я ищу поэтому также у Балтійскаго моря, въ бассейнѣ Западной Двины; возможно, что поселенія Славянъ уходили болѣе или менѣе далеко въ глубь материка, доходя до великихъ озеръ, но главнымъ центромъ ихъ племеннаго и культурнаго единства было Балтійское побережье. Въ пользу выставленнаго положенія приведу еще нѣсколько доказательствъ. Во-первыхъ, разъединеніе Славянъ съ Балтійцами могло создаться именно на почвѣ культурно-экономической: сѣверная часть Прибалтійскаго края, бассейнъ Западной Двины, благодаря Скандинавамъ, могла стать въ иныя условія, сравнительно съ южной его частью, бассейномъ Нѣмана, которая тяготѣла къ германскому Повислинью: вліяніе Скандинавовъ шло не только морскими путями, но также и сухимъ путемъ, ибо Финляндія съ ея бѣднымъ лопарскимъ населеніемъ стала быстро заселяться выходцами изъ Швеціи и Норвегіи. Во-вторыхъ, вторженіе обильныхъ германскихъ элементовъ въ общеславянскій праязыкъ особенно понятно при указанномъ территоріальномъ положеніи славянства: сѣверные Германцы, захватившіе Балтійское море, стали единственными проводниками общеевропейской, средиземно-морской культуры въ среду славянства. Въ-третьихъ, наличность общихъ для всего славянства словъ, обозначающихъ Taxus baccata L. (общеслав. тисъ) и Hedera helix L. (общеслав. блющь, плющь и бырстанъ, бършлинъ), свидѣтельствуетъ о томъ, что оба эти растенія были извѣстны на праславянской территоріи; между тѣмъ тисъ и плющъ въ Восточной Европѣ растутъ только у Балтійскаго побережья[1]). Въ-четвертыхъ, знакомство Славянъ съ моремъ, а слѣдовательно, сосѣдство съ нимъ, доказывается наличностью въ общеславянскомъ праязыкѣ слова «море»[2]).

Припяти». Связать Приднѣпровье съ представленіемъ о теплыхъ странахъ, откуда прилетаютъ птицы, могли бы скорѣе жители болѣе далекаго сѣвера, знакомые съ Приднѣпровьемъ не непосредственно, а только по наслышкѣ.

1) Восточная граница распространенія плюща идетъ теперь черезъ о. Эзель на Курляндію (при чемъ въ западной части Курляндіи плющъ извѣстенъ), далѣе черезъ западныя части Ковенской и Виленской губерніи на Гродно, Каменецъ-Подольскъ и Кишиневъ; впрочемъ, плющъ встрѣчается мѣстами и въ Лифляндіи. — Согласно указаніямъ Хр. Мельдера, область распространенія тиса почти совпадаетъ съ областью распространенія плюща (Лѣсной Журналъ, 1911, в. 3—4).

2) Западные Финны называютъ море meri; это слово заимствовано всего вѣроятнѣе изъ германскаго, хотя звуковая сторона и мѣшаетъ отождествленію meri съ готск. marei, mari-(въ mari-saivs), древнесѣв. marr, древневерхненѣм. mari, meri, почему возможно заимствованіе финскаго слова изъ литовскаго (гдѣ marės означаетъ спеціально Куршъ-Гафъ) или славянскаго. Ср W. Thomsen, Ueber den Einfluss der germ. Spr., 155; V. Thomsen, Beröringer mellem de finske og baltiske Spr., 198—199.

Обоснованными мнѣ представляются слѣдующія два возраженія противъ отнесенія славянской прародины такъ далеко на сѣверъ. Во-первыхъ, въ общеславянскомъ праязыкѣ отыскиваются нѣкоторыя слова греческаго происхожденія; присоединивъ къ нимъ отмѣченныя выше иранскія, получаемъ основанія для утвержденія исконной связи славянства съ черноморскою культурой; но мнѣ кажется, что пока подобныхъ греческихъ словъ указано слишкомъ мало для того, чтобы вывести изъ нихъ какое-нибудь положительное заключеніе; единственное слово, останавливающее на себя вниманіе, это корабль (общеслав. korabjь), ср. греч. καράβιον; передача греческой β черезъ б доказываетъ древность заимствованія [1]); но ничто не мѣшаетъ предположить, что это слово попало къ Славянамъ черезъ тѣхъ или другихъ посредниковъ, во второй ихъ прародинѣ, въ Повислиньѣ, когда, еще задолго до движенія части Славянъ къ Дунаю, ихъ взоры и стремленія уже направлялись на югъ, къ новому для нихъ южному морю. Во-вторыхъ, въ западнофинскихъ языкахъ оказываются слова славянскаго происхожденія, не поддающіяся объясненію изъ русскаго языка, но звуковымъ своимъ составомъ ведущія къ эпохѣ общеславянскаго праязыка; имѣю въ виду такія слова, какъ совр. финск. palttina (полотно), taltta (долото), varpu (воробей), talkoo (толока), värttinä (веретено), karsta (чесотка) и др., которымъ въ древнерусскомъ языкѣ и еще въ общерусскомъ праязыкѣ соотвѣтствовали содержащія полногласіе слова: полотьно, долото, воробии, толока, веретено, короста; сочетанія oro, oło не могутъ перейти въ финскомъ въ ar, al; въ виду этого остается предположить, что приведенныя слова заимствованы западнофинскими языками изъ общеслав. праязыка, гдѣ они звучали poltьno, dolto, vorbii, tolka, verteno, korsta [2]). Такое заключеніе устанавливало бы тѣсную связь Финновъ съ Славянами въ прародинѣ послѣднихъ и не согласовалось бы съ выставленнымъ положеніемъ, которое предполагаетъ непосредственное

---

1) Ср. М. Р. Фасмеръ въ Rocznik slaw. VI, 177. Слово это было заимствовано у Грековъ не только Славянами; ср. среднелат. carabus (греч. κάραβος), исп. carabela. Въ древнерусскомъ рядомъ съ корабль, имѣвшимъ повидимому діалектическое распространеніе (югъ), держались названія лодия, насадъ или носадъ. Другимъ слав. словомъ для корабля было nava (изъ лат.).

2) То же заключеніе можно бы вывести изъ финскихъ словъ, восходящихъ къ славянскимъ съ носовой гласной въ корнѣ (напр. финск. suntia: церковный служитель, ливск. sund: судить, ср. древнеболг. сѫдити; эст. und крючокъ для уженія, ср. жда; финск. kuontalo: кудель, ср. кѫдѣль), а также изъ эст. словъ mugl, mogl: мыльный щелокъ (гдѣ gl восходитъ къ dl, ср. польск. mydło), vigl. вилка (ср. польск. widły, widelce), если бы была исключена возможность предположенія, что источникомъ заимствованія подобныхъ словъ былъ польскій языкъ, — быть можетъ, черезъ посредство древнепсковскаго нарѣчія. Относительно vigl см. H. Ojansuu въ Vnitt, XV, 34—5 (ссылка въ Roczn. slaw. V, 324).

сосѣдство Славянъ только съ Балтійцами, Германцами и Лопарями. Но мнѣ представляется возможнымъ возводить эти заимствованныя слова къ позднѣйшей эпохѣ общеславянскаго единства, когда Славяне сидѣли уже не въ бассейнѣ Западной Двины, а въ бассейнѣ Вислы; занявъ исконно германскія поселенія, они оказались при этомъ восточными сосѣдями Финновъ, еще не продвинувшихся къ сѣверу, а доживавшихъ послѣднее время въ бассейнахъ Припяти, Березины и сѣвернаго Днѣпра; вліяніе Славянъ на Финновъ пошло естественно путями, проложенными Германцами, и сообщило Финнамъ нѣсколько культурныхъ понятій и словъ. Слѣдовательно, присутствіе въ западнофинскихъ языкахъ нѣсколькихъ заимствованій изъ общеслав. праязыка не можетъ свидѣтельствовать противъ того, что первой славянской прародиной былъ бассейнъ Западной Двины.

Не придавая тому обстоятельству, что въ общеславянскомъ праязыкѣ можно отыскать два-три заимствованія изъ греческаго языка, значенія доказательства въ пользу прародины Славянъ на югозападѣ Россіи, я не вижу основанія искать ея, вслѣдъ за нѣкоторыми изслѣдователями (напр. за Ростафинскимъ), въ совр. Бѣлоруссіи; славянская прародина знала и тисъ и плющъ, которые неизвѣстны Полѣсью; славянская прародина соприкасалась съ моремъ; Славяне попали на Дунай не изъ Полѣсья, а изъ Повислинья, что само по себѣ свидѣтельствуетъ о болѣе сѣверной ихъ прародинѣ.

Второй славянской родиной считаю Повислинье. Едва ли какая-нибудь другая область можетъ быть съ меньшими затрудненіями признана за исходный пунктъ славянскихъ движеній: Повислинье открывало Славянамъ путь и на западъ, къ Одеру и Эльбѣ, и на югъ, къ Дунаю. Попали Славяне въ Повислинье такъ же, какъ позже въ среднюю часть современной Германіи: Повислинье было территоріей, оставленною Германцами, устремившимися къ югу, къ Средиземному морю, для овладѣнія Балканскимъ и Аппенинскимъ полуостровомъ. Повислинье выслало послѣдовательно нѣсколько германскихъ роевъ къ югу, къ Дунаю и къ Черному морю; отгуда вышли Бастерны и Скиры, занявшіе въ III и II в. до Р. Х. господствующее положеніе въ бассейнахъ южнаго Днѣстра и Днѣпра и нижняго теченія Дуная; въ первые вѣка нашей эры оттуда вышли Готы; они пошли по пути Бастерновъ и покорили ихъ себѣ; вѣроятно думать, что подъ Іорнандовыми Спалами разумѣются Бастерны, жившіе нѣкогда по близости Славянъ, называвшихъ ихъ Сполами, Исполами[1]). Опустѣніе Повислинья,

1) Отсюда общеслав. сполинъ, исполинъ. Ср. общеслав. tjudъ (древнеболг. шгоудъ) въ значеніи исполинъ изъ германскаго этническаго названія þiuda (означаетъ собственно народъ, отсюда прилагательное þiudisk, древневерхнѣм. diutisc, deutsch).

удаленіе изъ него Готовъ имѣло послѣдствіемъ появленіе здѣсь Славянъ; ясно, что Славяне были или восточными или, согласно предидущему, сѣверовосточными сосѣдями Готовъ. Славяне заняли однако Повислинье прежде всего для того, чтобы двинуться изъ него къ югу, туда, куда ушли изъ Повислинья Готы; вотъ почему они осаживаются преимущественно въ среднемъ и южномъ Повислиньѣ, уступая сѣверное Повислинье балтійскому племени Прусовъ. Такимъ образомъ, появленіе Прусовъ въ сѣверномъ Повислиньѣ, когда остальныя части Повислинья были заняты Славянами, доказываетъ, какъ мнѣ кажется, что Прусы и прочіе Балтійцы жили исконно въ сосѣдствѣ Славянъ. Возможно, что Прусы опередили Славянъ въ ихъ движеніи на югозападъ и заняли ближайшую къ исконнымъ своимъ поселеніямъ область сѣвернаго Повислинья. Оставленное Славянами побережье Балтійскаго моря стало достояніемъ другой вѣтви балтійскаго племени — Латышей, а также западнофинскихъ Эстовъ, бывшихъ вѣроятно исконными южными сосѣдями Латышей. Движеніе Латышей и Эстовъ передалось остальнымъ Балтійцамъ и Западнофиннамъ: послѣдніе окончательно втянулись въ сферу балтійской культуры и, оторвавшись отъ неблагодарныхъ для труда земледѣльца мѣстностей въ бассейнѣ сѣвернаго Днѣпра и его притоковъ, стали постепенно придвигаться къ Балтійскому морю и къ области великихъ озеръ, нѣкогда отдѣленнымъ отъ Финновъ поселеніями Балтійцевъ и Славянъ.

Славяне, занявши поселенія Готовъ и другихъ восточныхъ Германцевъ въ Повислиньѣ, этимъ самымъ были вовлечены въ германскій міръ и въ его интересы[1]). Но, какъ только что указано, эти интересы должны были-бы увлечь Славянъ туда, куда стремились ушедшіе изъ Повислинья Готы. Движеніе Славянъ на югъ встрѣтило однако серьезныя препятствія. Совершенно естественно обратились поэтому Славяне на западъ и стали отвоевывать себѣ германскія земли. Повидимому, рѣзкое движеніе части Славянъ къ западу, къ Одеру и за Одеръ къ Эльбѣ было началомъ распаденія славянской семьи, ибо рядомъ съ тяготѣніемъ на западъ существовало, какъ указано, иное тяготѣніе — къ югу, куда вели пути, проложенные изъ Повислинья Бастернами, Скирами, Готами, Гепидами. Славянская семья распалась въ Повислиньѣ на двѣ вѣтви — западную и южную. Югъ для движенія туда южной вѣтви Славянъ открылся не скоро; съ IV в., въ области

1) Замѣчу кстати, что Славяне во второй своей родинѣ познакомились съ букомъ, неизвѣстнымъ въ прародинѣ (ибо восточная граница бука проходитъ западнѣе Прегеля, направляясь къ устьямъ Дуная черезъ Ломжинскую и Холмскую губерніи); это дерево они назвали словомъ, заимствованнымъ изъ германскаго (ср древневерхненѣм. buohha, нѣм. Buche).

средняго теченія Дуная господствовали Гунны, сдерживавшіе желѣзной рукой не только покоренныхъ ими Германцевъ, но и Славянъ. Только паденіе Гунновъ послѣ смерти Аттилы (453 г.) открыло Славянамъ возможность двигаться на югъ. Въ концѣ V вѣка южная вѣтвь славянства разсталась съ Повислиньемъ и устремилась къ нижнему Дунаю. Въ составѣ этой вѣтви были предки южныхъ и восточныхъ Славянъ. По отдѣленіи отъ нихъ въ Повислиньѣ западной вѣтви славянства, предки южныхъ и восточныхъ Славянъ жили еще общею жизнью; это видно изъ тѣхъ звуковыхъ измѣненій, которыя общи южному и восточному славянству, но не извѣстны западному (см. §§ 177—188 предлагаемаго «Очерка»). Движеніе изъ Повислинья къ югу, совершившееся, вѣроятно, нѣсколькими путями, раскололо этихъ Славянъ на двѣ части. Имѣемъ свидѣтельство византійскихъ историковъ о томъ, что на нижнемъ Дунаѣ въ первой четверти VI вѣка появляются двѣ вѣтви славянскаго племени, занимая угрожающее въ отношеніи къ имперіи положеніе: одну изъ нихъ, западную, они называютъ Словѣнами (Σκλαυηνοί, Σκλαβηνοί), а другую, восточную, Антами (Ἄνται). Дѣленіе это напоминаетъ распаденіе Готовъ въ тѣхъ же предѣлахъ на двѣ вѣтви — Вестготовъ и Остготовъ, при чемъ границей между ними служилъ Днѣстръ. Та же граница, а можетъ быть болѣе западная, по рѣкѣ Пруту, отдѣляла предположительно Антовъ, т. е. восточныхъ Славянъ, Русскихъ, отъ Словѣнъ, т. е. Славянъ южныхъ: южными они могутъ быть названы по дальнѣйшимъ своимъ движеніямъ и позднѣйшимъ поселеніямъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ бассейнѣ Дуная. Византійцы сообщаютъ о появившихся скоро между обѣими вѣтвями славянства несогласіяхъ, приведшихъ къ разрыву. Антамъ и Словѣнамъ пришлось размежеваться окончательно; борьба съ Византіей, овладѣніе Балканами выпадаетъ на долю Словѣнъ; Анты, какъ и Остготы, осаживаются въ Поднѣстровьѣ и части Поднѣпровья. Вотъ, слѣдовательно, гдѣ мы полагаемъ прародину русскаго племени.

Остготамъ въ III—IV в. по Р. Х. удалось утвердиться не только въ Поднѣстровьѣ; они захватили и нижнее Поднѣпровье, продвинулись и къ Азовскому морю, основавъ на югѣ Россіи мощную политическую организацію. Подъ властью тѣхъ самыхъ стремленій, которыя привели ихъ изъ Повислинья къ Дунаю, Остготы пытаются теперь овладѣть Византіей морскимъ путемъ и совершаютъ рядъ экспедицій къ берегамъ Босфора и Малой Азіи. Анты несомнѣнно еще въ VI вѣкѣ старались осуществить тѣ самыя задачи, которыя ставили себѣ Остготы, но условія, окружавшія ихъ, были менѣе благопріятны, чѣмъ тѣ, что застали Остготы на югѣ Россіи. Южнорусскія

степи были во власти турецкихъ ордъ, придвигавшихся къ Европѣ вслѣдъ за нашествіемъ туда Гунновъ; впрочемъ, здѣсь кочевали и могущественные Кутригуры и Угригуры, остатки изгнанныхъ изъ Подунавья Гунновъ; потомъ появились здѣсь Болгары, съ теченіемъ времени подошедшіе къ Дунаю и покорившіе часть южныхъ Славянъ; далѣе шли Авары, овладѣвшіе старою территоріей Гунновъ. Подъ напоромъ турецкихъ ордъ восточные Славяне рано должны были потерять южное Поднѣпровье. Есть указаніе на то, что Анты уже въ VI вѣкѣ сидѣли частью недалеко отъ Азовскаго моря, но вѣроятно думать, что это движеніе на сѣверовостокъ было движеніемъ вынужденнымъ, а не естественнымъ распространеніемъ численнаго племени Антовъ. Можно предполагать, что Антамъ въ первые вѣка ихъ появленія въ южной Россіи пришлось сжать свои предѣлы, сосредоточившись на тѣсной и менѣе всего подверженной нападеніямъ степныхъ ордъ территоріи. Естественно предположить, что, потерявъ нижнее Поднѣстровье и Черноморское побережье, Анты продвинулись нѣсколько къ сѣверу и заняли лѣсистыя мѣстности между Днѣстромъ и Днѣпромъ, сѣверную часть современной Подольской губерніи, Волынь и сѣверную часть Кіевской. Движеніе Антовъ къ сѣверу засвидѣтельствовано данными современной географической номенклатуры: Русскіе называли Десной лѣвый притокъ Южнаго Буга и еще сѣвернѣе лѣвый притокъ Днѣпра. Сосредоточеніе на тѣсной территоріи доказывается тѣмъ, что русскій языкъ во всемъ своемъ составѣ, до выдѣленія изъ него нарѣчій, успѣлъ пережить рядъ весьма существенно измѣнившихъ его фонетику явленій (см. §§ 189—263). Выдѣлившіяся изъ него въ IX, а можетъ быть, еще и въ VIII в. нарѣчія представляются вѣтвями одного общаго цѣлаго, весьма обособившагося отъ остальнаго славянства.

На вопросъ, кого же застали въ Полѣсьѣ восточные Славяне, отвѣтить, конечно, не такъ легко. Но согласно съ предложенными выше соображеніями, думаю, что Полѣсье, страна геродотовскихъ Невровъ, было нѣкогда заселено западными Финнами. Благопріятно сложившіяся на сѣверѣ у Балтійскаго побережья условія, послѣ удаленія оттуда Славянъ, стали привлекать къ себѣ сидѣвшихъ южнѣе, въ современной Бѣлоруссіи, Финновъ; но окончательно опредѣлилось удаленіе западныхъ Финновъ на сѣверъ, повидимому, лишь тогда, когда на югѣ появились восточные Славяне. Впрочемъ, какъ кажется, одновременно Финнамъ пришлось подпасть подъ удары еще и другихъ Славянъ, двигавшихся съ запада. Опустѣніе Повислинья послѣ удаленія изъ него предковъ южныхъ и восточныхъ Славянъ вызвало обратное движеніе на востокъ нѣкоторыхъ вѣтвей западнаго сла-

вянства. Движеніе это, обусловленное частью отпоромъ, который зап. Славянамъ пришлось испытать отъ Германцевъ, усиливавшихъ свои ряды по мѣрѣ своихъ пораженій и неудачъ на югѣ Европы, не остановилось въ Повислиньѣ; оно пошло дальше къ востоку. Сначала современная Бѣлоруссія и не только правобережная въ отношеніи къ Днѣпру, но и лѣвобережная, а затѣмъ и бассейны верхнихъ теченій Оки и Волги начинаютъ заселяться западнославянскими, ляшскими племенами. Объ этомъ свидѣтельствуетъ прежде всего русская лѣтопись. Подъ 6492 (984) годомъ она сообщаетъ о походѣ Владиміра противъ Радимичей, сидѣвшихъ, какъ увидимъ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, между Днѣпромъ и Сожемъ; походъ окончился пораженіемъ Радимичей. «Быша же Радимичи отъ рода Ляховъ,—прибавляетъ лѣтописецъ,—прешедъше ту ся вселиша, и платятъ дань Руси, повозъ ведуть и до сего дне». Въ другомъ мѣстѣ лѣтописи, въ географическо-этнографическомъ введеніи къ ней, составленномъ преп. Несторомъ, читаемъ: «Радимичи бо и Вятичи отъ Ляховъ. Бяста бо 2 брата в Лясѣхъ, Радимъ, а другій Вятко, и пришедъша сѣдоста Радимъ на Съжю, и прозвашася Радимичи, а Вятко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ негоже прозвашася Вятичи». Не имѣемъ основанія заподозрить двукратное свидѣтельство лѣтописцевъ; этнографическая освѣдомленность Нестора заставляетъ съ довѣріемъ отнестись къ его показанію, а ляшское происхожденіе Радимичей, очевидно, бросалось въ глаза жителямъ Кіева, куда Радимичи тянули податями и повинностями. Кромѣ указаній лѣтописныхъ въ пользу того, что средняя полоса Россіи была занята ляшскими племенами, говорятъ еще данныя языка: мы увидимъ, что польскія звуковыя черты не только укоренились въ Бѣлоруссіи, гдѣ жили Радимичи, а на западѣ отъ нихъ, конечно, и другія ляшскія племена, но проникли также въ область сѣверноруссkаго нарѣчія.

Возвращаюсь къ восточнославянской прародинѣ. Звуковыя черты, объединяющія русскій языкъ во всемъ его составѣ, могутъ свидѣтельствовать о тѣсномъ единеніи населенія въ предѣлахъ этой прародины. Трудно сомнѣваться въ томъ, что жизнь его сосредоточивалась вокругъ какого-нибудь племенного центра, ставшаго основаніемъ и для политической организаціи: даже въ глубинѣ лѣсовъ Полѣсья отсиживаться отъ враговъ можно было только вооруженною силой. Всего вѣроятнѣе, что такимъ центромъ была Волынь, Волынская область. Здѣсь сложились тѣ силы, которыя не замедлили перейти въ наступленіе, какъ только это позволили окружающія условія.

Съ водвореніемъ на югѣ Россіи Хазаръ наступило относительное успокоеніе. Хазары не стремились къ овладѣнію Византіей, къ проникновенію

на Балканы. Они прочно осаждаются въ бассейнѣ Дона и Волги, воспринимая культурныя теченія, шедшія изъ Малой Азіи, Персіи, Кавказа. Встрѣча этихъ теченій съ византійскимъ вліяніемъ у Азовскаго моря подняла торговое и культурно-экономическое значеніе появившихся тамъ центровъ. Это имѣло послѣдствіемъ тяготѣніе одной изъ отраслей русской семьи—восточной, перешедшей при благопріятныхъ условіяхъ за Днѣпръ, къ Азовскому морю. Удаленіе Мадьяръ очистило значительныя пространства на юговостокѣ, манившія къ себѣ трудъ земледѣльца. Русская колонизація стала такимъ образомъ придвигаться къ бассейну Дона, съ теченіемъ времени спускаясь къ самому Азовскому морю. Этимъ движеніямъ покровительствовала, повидимому, хазарская власть, озабоченная укрѣпленіемъ своей западной границы. Но главнымъ средоточіемъ восточной отрасли русскаго племени является, какъ можно думать, сѣверное Подонье. Указанныя колонизаціонныя движенія положили начало распаденію русской семьи. Связь географическая между племенами, заселившими Подонскія земли, и племенами, оставшимися въ Подиѣпровьѣ, не была нарушена, но ихъ разъединили культурно-экономическія условія: восточныя племена стали тяготѣть къ Азовскому морю, къ хазарской цивилизаціи, между тѣмъ какъ племена Подиѣпровья, уже не сдерживаемыя старымъ племеннымъ центромъ, въ Волыни, искали себѣ новой точки опоры, новыхъ центровъ, приспособленныхъ ко вновь открывавшимся горизонтамъ. Замиреніе черноморскаго юга, занятіе его русскими племенами Угличей (сѣвшихъ между Днѣпромъ и Бугомъ) и Тиверцевъ (спустившихся по Днѣстру до самаго моря и устьевъ Дуная) открыло путь для греческаго вліянія на Подиѣпровье. Сначала стихійное, потомъ организованное тяготѣніе къ югу, къ черноморскимъ центрамъ, оживило жизнь южной отрасли русскихъ племенъ, и они создали себѣ торговыя и политическія средоточія на Днѣпрѣ: торговыя сношенія вели къ Черному морю, куда сбывался хлѣбъ, скотъ и сырье, откуда шли оружіе, вино и всякіе другіе продукты цивилизаціи; опасность грозила русскимъ племенамъ съ востока, отъ Хазаръ, простиравшихъ свои руки, черезъ головы покоренныхъ народностей, къ днѣпровскимъ берегамъ и горамъ кіевскимъ. Кіеву, лежавшему на границѣ старой территоріи, лѣсной области, и вновь открывавшихся для колонизаціи и торговыхъ сношеній пространствъ, естественнымъ образомъ выпадало на долю значеніе племеннаго и торговаго центра. Первые моменты его жизни ознаменовываются борьбой съ Хазарами. Но вскорѣ на очередь становится новая борьба. Кіевъ оказывается на пути къ единенію двухъ культуръ, двухъ цивилизацій: черноморской, греко-византійской, и балтій-

ской, германо-скандинавской. Восточные Славяне сыграли въ дѣлѣ этого культурнаго единенія рѣшительную роль и удачно использовали его въ своихъ интересахъ.

Какъ мы видѣли, господство Скандинавовъ на Балтійскомъ морѣ относится къ глубокой древности. Оно не было нарушено и вновь сложившимися на восточномъ побережьѣ этого моря отношеніями, послѣ ухода оттуда Славянъ и появленія тамъ Финновъ. Прибрежныя племена становятся данниками Скандинавовъ, основывающихъ торговые и политическіе центры для эксплоатаціи страны и управленія покоренными племенами вездѣ, гдѣ это предписывается торговыми и экономическими выгодами. Къ Балтійскому морю и его цивилизаціи пріобщаются не только западнофинскія и балтійскія племена; вліяніе Скандинавовъ идетъ дальше; они проникаютъ и къ восточнымъ Финнамъ, пользуясь ведущими къ нимъ водными путями и втягивая въ кругъ своихъ торговыхъ интересовъ почти весь сѣверовостокъ Россіи. Къ Балтійскому морю тяготѣютъ такимъ образомъ и Сумь и Чудь и Емь, также Бѣлозерская Весь, Ростовская Меря и пріокская Мурома. Эти Финны называли своихъ покорителей и просвѣтителей, Шведовъ и Норвежцевъ, Русью (ср. совр. финское названіе для Швеціи Ruotsi, для Шведовъ Ruotsalainen). Происхожденіе этого имени неизвѣстно, но не исключена возможность того, что Финны перенесли на Скандинавовъ то имя, которымъ назывались ихъ исконные сосѣди съ сѣверозапада, когда они сидѣли еще въ совр. Бѣлоруссіи,— балтійскіе Пруссы.

Кипучая дѣятельность Скандинавовъ передалась и въ бассейнъ верхняго теченія Днѣпра; къ балтійскимъ центрамъ пріобщились и ляшскія племена, сидѣвшія въ совр. Могилевской губерніи. Южнѣе ихъ простирались уже восточнославянскія поселенія. И ихъ успѣла втянуть въ свои торговые и промышленные интересы балтійская культура. Это является вторымъ толчкомъ къ раздробленію русскаго племени. Первый привелъ къ отдѣленію отъ него восточной вѣтви, потянувшейся къ Дону и Азовскому морю; второй — отдѣлилъ отъ него сѣверную вѣтвь, которая направила свою колонизацію по пути, расчистившемуся для ея экономическихъ интересовъ, къ истокамъ Днѣпра и далѣе къ западу, сѣверу и востоку по теченіямъ рѣкъ, сближающихся своими истоками съ началомъ Днѣпра. Всего вѣроятнѣе къ сѣверу потянулись племена, сидѣвшія въ сѣверной части русской территоріи, въ такъ называемой Сѣверщинѣ, современной Черниговщинѣ. Можно думать, что Сѣвернорусы встрѣтили на своемъ пути не мало препятствій: осѣвшія раньше ихъ въ сѣверномъ Поднѣпровьѣ ляшскія племена должны были оказать имъ сопротивленіе. Массовое вторженіе Сѣвер-

норусовъ не только сломило эти племена, но и увлекло ихъ за собой. Какъ укажемъ въ §§ 482—485, 495—502, въ языкѣ Сѣверорусовъ имѣются такія звуковыя явленія, которыя легче всего понять какъ результатъ вліянія на ихъ говоръ польскихъ мазуракающихъ говоровъ: смѣшеніе *ч* и *ц*, діалектическая шепелявость мягкаго *ц*, діалектическое смѣшеніе *ш*, *ж* и *с*, *з*, сопровождаемое шепелявостью мягкихъ *с*, *з* — это все наносныя черты, обязанныя вліянію той ляшской среды, черезъ которую должны были пройти Сѣверорусы, когда они двинулись къ сѣверу, въ районъ балтійской культуры. Данныя языка позволяютъ думать, что, дойдя до истоковъ Днѣпра, Сѣверорусы раздѣлились на двѣ вѣтви: одна направилась къ западу по теченію Западной Двины, не теряя своего юговосточнаго базиса — это Кривичи, которыхъ мы въ историческое время застаемъ въ Смоленскѣ, Полоцкѣ, Витебскѣ, Псковѣ; другая, не отрываясь отъ своего южнаго базиса, заняла сѣверъ и сѣверовостокъ: это Словѣне, которыхъ видимъ въ Новгородѣ, на Бѣлоозерѣ и въ верхнемъ Поволжьѣ. Западная вѣтвь выдержала болѣе упорную борьбу съ ляшскими элементами, чѣмъ восточная; въ западной вѣтви видимъ смѣшеніе *ш*, *ж* съ *с*, *з*, шепелявость мягкихъ *с*, *з*, видимъ и другія польскія черты; въ восточной вліяніе Ляховъ сказывается только въ смѣшеніи *ч* съ *ц* и діалектической шепелявости мягкаго *ц*. Впрочемъ, между Волгой и Окой Словѣне должны были застать ляшскія поселенія: здѣсь число наносныхъ ляшскихъ чертъ могло быть значительнѣе; вліянію Ляховъ можно приписать встрѣчающуюся мѣстами здѣсь шепелявость мягкихъ *с*, *з*, цеканье и дзеканье и нѣкоторыя другія особенности (ср. §§ 521—524).

Несторъ предпослалъ русской лѣтописи, разсказу объ основаніи русскаго государства, обстоятельный этнографическій очеркъ древней Руси IX вѣка, возсозданный имъ частью по преданіямъ, частью по еще живымъ въ его время отношеніямъ. Восточнославянскія племена выводятся имъ съ Дуная; возможно, что онъ руководился при этомъ письменнымъ памятникомъ южнославянскаго происхожденія, вышедшимъ изъ среды учениковъ Кирилла и Меѳодія, которые первые сознали языковое единство Славянъ; но возможно, что Нестору были извѣстны и народныя преданія, связывавшія Дунай съ прошлыми судьбами русскаго племени; вспомнимъ то значеніе, которое имѣетъ Дунай въ русской народной поэзіи. Во всякомъ случаѣ утвержденіе Нестора совпадаетъ съ выставленнымъ нами положеніемъ, по которому заселеніе Руси шло съ юга, направляясь отъ устьевъ Дуная, гдѣ Анты разошлись со Словѣнами. Въ дальнѣйшемъ изложеніи Несторъ называетъ рядъ русскихъ племенъ, которыя мы можемъ распредѣлить по выяснившимся выше группамъ. Это Поляне, сидѣвшіе по Днѣпру, Древляне,

занимавшіе Полѣсье, Дреговичи, поселившіеся между Припятью и Двиною, Дулѣбы, жившіе по Бугу, иначе Бужане, Уличи и Тиверцы, расположившіеся по Днѣстру до Дуная и до моря, Сѣверяне, сѣвшіе по Деснѣ, Семи и Сулѣ. Всѣ эти племена, судя по географическому ихъ положенію, принадлежали къ *южной* группѣ, тянувшей къ Кіеву и частью посредствомъ Кіева, частью непосредственно — къ черноморской культурѣ. Мѣстами сбивчивое изложеніе Нестора, сопоставленное съ другими источниками, заставляетъ думать, что Несторъ хотѣлъ въ своемъ очеркѣ совмѣстить картину современныхъ ему отношеній (начала XII вѣка) съ тою этнографическою картиной, которая развертывалась раньше, въ IX—X вѣкѣ, и возстанавливалась по народнымъ преданіямъ. «Дулѣбы—читаемъ мы—живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Вельняне»—слѣдовательно, во времена Нестора, имя Дулѣбовъ уже успѣло исчезнуть, а сами они, быть можетъ, разселились среди другихъ племенъ. Выше находимъ: «Бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣже же Вельняне». Итакъ Дулѣбовъ смѣнили Бужане, прозвавшіеся Волынянами или уступившіе имъ свое мѣсто. «А Улучи и Тиверьци, — продолжаетъ Несторъ, — сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви. Бѣ множьство ихъ: сѣдяху бо по Днѣстру оли до моря, суть гради ихъ и до сего дне». Ясно, что во времена Нестора Уличи и Тиверцы уже не простирались до моря и не доходили до Дуная; на берегу Чернаго моря стояли еще ихъ города, но вѣроятно, въ развалинахъ, какъ комментировалъ это мѣсто позднѣйшій лѣтописецъ («и есть градъ ихъ и нынѣ спы», Лѣт., т. п. Переясл. Сузд.). Однако Несторъ уже не помнитъ того, о чемъ сообщалъ болѣе древній лѣтописный сводъ: «И бѣша сѣдяще Улицѣ по Днѣпру вънизъ, и но семъ приидоша (вар. прендоша) межи Богъ и Днѣстръ, и сѣдоша тамо». (Новг. 1-я по Комм.). Эти постепенныя передвиженія Угличей съ востока на западъ ярко освѣщаютъ, какъ увидимъ, судьбу южнорусской вѣтви.

Къ *сѣверной* вѣтви относятся упоминаемые Несторомъ Словѣне, сидѣвшіе вокругъ озера Ильменя, Кривичи, жившіе по верхней Волгѣ, верхней Двинѣ и верхнему Днѣпру, Полочане, поселившіеся по Двинѣ. Что къ области Кривичей относился и Псковъ, видно изъ позднѣйшихъ источниковъ, опредѣлявшихъ близкій къ Пскову Изборскъ, какъ городъ Кривичей.

Зналъ ли Несторъ племена, входившія въ составъ *восточной* вѣтви? Мы видѣли, что они сосредоточивались въ бассейнѣ Дона и тянули къ Азовскому морю. Мы ссылались на свидѣтельства Арабовъ, опредѣленно говорящія о многочисленныхъ славянскихъ поселеніяхъ по берегу Дона. Въ историческое время видимъ Русскихъ въ Тмуторокани: это не только резиденція русскаго князя, покорившаго себѣ сосѣднихъ Касоговъ и Ясовъ, —

это русскій островъ среди инородческаго моря, ищущій себѣ русскаго князя, когда остается безъ него, связанный національными, впослѣдствіи и церковными узами съ далекимъ Поднѣпровьемъ. Можно думать, что въ Тмуторокани уцѣлѣли остатки Восточнорусовъ, сидѣвшихъ нѣкогда густыми массами у Азовскаго моря. Во времена Нестора восточнорусскихъ племенъ на Дону уже не было, но изъ разсказа старшаго лѣтописца, повторенаго и Несторомъ, видно, что Восточнорусы сидѣли тамъ еще на памяти современниковъ XI вѣка. Подъ 6472 (964) годомъ сообщается въ лѣтописи о походѣ Святослава на Хазаръ; Хазары сидѣли на Волгѣ; на своемъ пути, не доходя очевидно Бѣлой Вежи [1]), Святославъ нашелъ Вятичей, платившихъ дань Хазарамъ; оставивъ Вятичей за собой, Святославъ двигается дальше и вступаетъ въ сраженіе съ Хазарами; побѣдивъ Хазаръ, взявъ ихъ городъ Бѣлую Вежу, побѣдивъ затѣмъ Ясовъ и Касоговъ, Святославъ на обратномъ пути покоряетъ Вятичей и облагаетъ ихъ данью [2]). Ясно, что Вятичи были тѣмъ восточнорусскимъ племенемъ, которое сидѣло въ бассейнѣ Дона, оторванное отъ днѣпровскихъ сородичей и тяготѣвшее къ иному, чѣмъ они, міру. Несторъ знаетъ Вятичей уже на Окѣ; позднѣйшіе лѣтописцы, дополняя Нестора, комментировали его сообщеніе указаніемъ, что Вятичи — это Рязанцы. Дѣлаю отсюда выводъ: Вятичи въ концѣ X или въ теченіе XI вѣка оставили свои прежнія поселенія въ сѣверномъ Подоньѣ и удалились къ сѣверу, въ бассейнъ Оки, куда ихъ приводило теченіе Донца и южныхъ притоковъ Оки. Но этотъ выводъ встрѣчается со значительнымъ затрудненіемъ: Несторъ выводитъ Вятичей изъ Ляховъ; они попали, слѣдовательно, на Оку не съ юга, а съ запада. Едва ли однако передъ нами и здѣсь не результатъ смѣшенія старыхъ и новыхъ отношеній: Нестору было извѣстно преданіе о ляшскомъ происхожденіи жителей бассейна Оки, но то были не Вятичи; Вятичи — это новые насельники въ этой мѣстности, поглотившіе старое ляшское населеніе, уже стѣсненное, какъ мы видѣли, и Сѣвернорусами и ассимилировавшееся имъ на сѣверѣ, въ Поволжьѣ. Преданіе о ляшскомъ происхожденіи было естественно перенесено на Вятичей, когда послѣдніе появились на Окѣ и сѣли среди Ляховъ. Какъ увидимъ въ §§ 521—523, сѣверные рязанскіе говоры сохраняютъ до сихъ поръ нѣкоторыя такія особенности въ своей рѣчи, которыя легко возвести къ вліянію Ляховъ, напр. цеканье и

1) Вѣроятно близъ совр. станицы Цымлянской.

2) Таковою представляется первоначальная редакція разсказа, еще не разбитаго на года,—читавшагося внѣ хронологической сѣти. Слова «на Оку рѣку» передъ словами «на Волгу» являются вставкой позднѣйшаго лѣтописца (конца XI в.), знавшаго, что Вятичи сидятъ на Окѣ.

дзеканье, шепелявыя *с*, *з*, *ц* и др. Мы вернемся ниже еще разъ къ появленію Вятичей на сѣверѣ, къ удаленію ихъ съ Дона.

Итакъ, вѣроятно, къ IX вѣку восходитъ распаденіе единаго русскаго племени на три племенныя группы: южную, сѣверную и восточную[1]). Быть можетъ, онѣ сохраняли территоріальную связь между собою, но каждая изъ нихъ живетъ въ обособленномъ кругѣ экономическихъ интересовъ, примыкая къ тремъ различнымъ культурнымъ мірамъ. Въ это время уже складывались древнѣйшія звуковыя явленія, опредѣлившія разный характеръ діалектическаго развитія названныхъ трехъ группъ: ср. смѣшеніе *ч* и *ц* на сѣверѣ, редукцію неударяемыхъ *а*, *о*, *е* на востокѣ. Одновременно съ этими центробѣжными движеніями происходили, конечно, и центростремительныя, но уже не во всемъ составѣ распавшагося языка, а въ предѣлахъ отдѣльныхъ племенныхъ группъ. Кіевъ на югѣ сосредоточиваетъ вокругъ себя рядъ южныхъ племенъ: они тянутъ къ нему экономически, и такимъ образомъ подготовляются условія для политическаго единства. Такимъ же центромъ для славянскаго міра на сѣверѣ оказывается Новгородъ: онъ является тѣмъ мѣстомъ, которое связываетъ сѣверныя племена съ моремъ и пріобщаетъ ихъ къ балтійской культурѣ. Вѣроятно, и на юговостокѣ образовывался племенной центръ, имѣвшій значеніе въ объединеніи Славянъ, сидѣвшихъ въ бассейнѣ Дона. Въ IX вѣкѣ видимъ нарожденіе новыхъ явленій, приведшихъ къ образованію русскаго государства и къ объединенію всего восточнаго славянства.

Для объясненія причинъ, содѣйствовавшихъ образованію русскаго государства, недостаточно, какъ кажется, указанія на торговый путь, шедшій по Днѣпру изъ Варягъ въ Греки и привлекшій на себя вниманіе вооруженныхъ торговцевъ — Скандинавовъ; недостаточно также для этого отмѣтить фактъ объединенія всего этого воднаго пути въ рукахъ завладѣвшихъ имъ восточныхъ Славянъ. Во-первыхъ, торговый путь изъ Варягъ въ Греки, какъ вѣрно утверждаетъ новѣйшій изслѣдователь, В. А. Пархоменко, путь сравнительно новый; самое появленіе его требуетъ для себя объясненія; во-вторыхъ, племенное единство восточныхъ Славянъ само по себѣ могло бы и

1) Можемъ указать на одно свидѣтельство XI или XII вѣка о томъ, что русскія племена представлялись сгруппированными въ трехъ большихъ вѣтвяхъ. Въ русской передѣлкѣ Симеонова Златоструя, извѣстной по списку XII в., читаемъ: «(Приде) токмо рече въ овьца погыбъшая домоу Израилева. Тѣхъ ли единѣхъ тѣло възя, и человѣкъ бысть, и такы строя състави, да тъкъмо единоу страноу спасеши и тоуже погыбноути хотящоу, а миръ вьсь поустъ: Скуѳе, Ѳраке, Инде, Мавре, Кападоке, Соури, и Роусь, и Кривичи, Вятичи, и елико же съльнце объзираеть землю»; по гречески: Σκύθαι, Θρᾷκες, Ἰνδοί, Μαῦροι, Κίλικες, Καππάδοκες, Σύροι, Φοίνικες. (И. И. Срезневскій, Свѣд. и зам. XXII). Итакъ объемъ всего русскаго племени опредѣляется тремя главными его вѣтвями: Русью (Южнорусами), Кривичами (Сѣверорусами) и Вятичами (Великорусами).

не привести ихъ къ политическому объединенію при той раздробленности ихъ, которая соотвѣтствовала разнороднымъ областямъ, ими занятымъ. Объясненіе происхожденія русскаго государства ищемъ въ тѣхъ явленіяхъ, вокругъ которыхъ сосредоточивалась жизнь югозападной и сѣверозападной Россіи въ IX—X в. Мы видимъ именно, что въ этотъ періодъ, отъ времени до времени, на сѣверѣ образуется значительное скопленіе народовъ, и они двигаются къ югу съ прямою цѣлью овладѣть Царьградомъ. Такъ въ 860 году подъ стѣнами Царьграда появляется безчисленная флотилія Русскихъ (свидѣтельство Византійцевъ); можно вслѣдъ за нашимъ лѣтописцемъ сопоставить этотъ походъ съ появленіемъ въ Кіевѣ варяжскихъ предводителей Аскольда и Дира, двинувшихся на югъ изъ Новгорода. Лѣтъ черезъ двадцать послѣ этого, судя по нашей лѣтописи, другой варяжскій предводитель, собравъ полчища Варяговъ, Чуди, Словѣнъ, Мери, Веси и Кривичей, подошелъ изъ Новгорода къ Кіеву и, овладѣвъ Кіевомъ, черезъ извѣстное время съ тѣми же полчищами, усиленными южнорусскими племенами, устремился на добываніе Царьграда. Черезъ 35 лѣтъ послѣ похода Олега, по соображенію лѣтописца съ данными греческой хроники, Игорь, во главѣ опять таки Варяговъ, Словѣнъ, Кривичей и племенъ южнорусскихъ, дѣлаетъ новую попытку овладѣть Царьградомъ. Сынъ Игоря Святославъ преслѣдуетъ ту же цѣль, но двигается на Балканскій полуостровъ сухимъ путемъ черезъ Дунай. Внукъ Игоря Владиміръ, предводительствуя Варягами, Словѣнами, Чудью, Кривичами, добываетъ себѣ изъ Новгорода Кіевъ, а черезъ нѣкоторое время двигается на Царьградъ, направляясь однако прежде всего на греческій городъ Корсунь. Походы Владиміра и Святослава уже не имѣютъ того стихійнаго характера, какъ походы Аскольда и Дира, Олега и Игоря; это зависѣло отъ того, что Святославъ и Владиміръ направляли свои движенія изъ организованнаго уже государства. Повидимому, юное государство поддавалось по инерціи тѣмъ самымъ стихійнымъ движеніямъ, которыя передъ этимъ создали это самое государство. Стихійныя движенія народовъ сѣвера на югъ для добыванія Царьграда можно сопоставить съ тѣми движеніями индоевропейскихъ племенъ, которыя въ предшествующія эпохи приводили ихъ съ сѣвера на Балканскій и Аппенинскій полуостровъ; какъ тамъ, такъ и здѣсь народы сѣвера влекутся къ овладѣнію сказочными богатствами юга; разбившись о непреодолимую мощь Византіи, народы сѣверной Россіи основываютъ на югѣ государства, подобно тому какъ у границъ Балканскаго полуострова возникали въ свое время государства Кельтовъ и Германцевъ, а еще раньше у границъ Греціи государства Ѳракійцевъ и Иллирійцевъ.

Броженіе народовъ, приведшее къ интересующимъ насъ движеніямъ, началось, повидимому, на сѣверѣ: объ этомъ громко говоритъ лѣтописное преданіе; на то же указываютъ нѣкоторые опредѣленные факты. Южнорусы были втянуты въ это движеніе и сумѣли затѣмъ воспользоваться его результатами, но движеніе началось не съ нихъ. Съ Царьградомъ, съ византійскою культурой пришли въ столкновеніе впервые, конечно, Южнорусы; въ ихъ преданіяхъ самое основаніе Кіева, точнѣе, самый основатель Кіева, ставится въ связь съ греческимъ царемъ и съ мирною поѣздкой Кія въ Царьградъ, гдѣ онъ былъ принятъ съ великою честью. Черезъ Южнорусовъ стали доходить въ верхнія земли (такъ называли въ Кіевѣ верхнее Поднѣпровье) цѣнные предметы византійской культуры и соблазнительные разсказы о богатствахъ Царьграда. Единоплеменные Полянамъ Кривичи и Словѣне съ жадностью прислушивались къ этимъ разсказамъ. Возможно, что эти южныя теченія не произвели бы сколько-нибудь замѣтнаго результата среди народовъ сѣвера, если бы здѣсь не было могучаго бродильнаго элемента въ лицѣ Варяговъ. Прирожденные пираты и «находники», они сумѣли возбудить броженіе и стать во главѣ народныхъ движеній. Славянамъ принадлежало начало движенія, организація его перешла къ Варягамъ, широко втянувшимъ въ него и покорныя имъ финскія племена.

Стихійное движеніе сильно всколыхнуло весь славяно-финскій сѣверъ; оно подняло и всю Русь, т. е. всѣхъ туземныхъ Скандинавовъ, поспѣшившихъ стать во главѣ движенія. Когда именно двинулись на югъ первыя несмѣтныя полчища Сѣвернорусовъ и Финновъ на югъ, опредѣлить трудно, но есть основаніе думать, что это произошло въ тридцатыхъ годахъ IX столѣтія. Предводительствуемыя Скандинавами полчища естественно назвались Русью, и подъ этимъ именемъ ихъ узнали и южная Россія, и херсонесскіе Греки, и Византія. Цѣлью похода было овладѣніе Царьградомъ. Мы видимъ, что цѣль не была достигнута; но возможно, что попытка осуществить ее зашла довольно далеко; возможно, что Русь пустилась на лодьяхъ къ Царьграду и достигла тѣхъ или иныхъ результатовъ, пожившись на малоазіатскомъ берегу или въ городахъ западнаго Черноморскаго побережья; но, повидимому, первый набѣгъ Руси не произвелъ въ Константинополѣ особеннаго впечатлѣнія, ибо византійскіе историки его не отмѣтили; быть можетъ, Грековъ охранила и въ этотъ разъ, какъ неоднократно впослѣдствіи, морская стихія, потопивъ бурей русскія лодьи. Вѣроятнымъ представляется, что разбитыя полчища вернулись на сѣверный берегъ Чернаго моря и осѣли здѣсь, или въ южномъ Поднѣпровьѣ, или восточнѣе, у береговъ Азовскаго моря; ср. здѣсь, при устьѣ Дона, городъ Росія (Ῥωσία), извѣстный въ XII в.

и находившійся тогда подъ властью Грековъ вмѣстѣ съ Тмуторокапью. Выставленный здѣсь рядъ предположеній имѣетъ въ виду объяснить какъ послѣдующія явленія, такъ и нѣкоторыя данныя, указывающія на присутствіе Руси въ южной Россіи задолго до перваго засвидѣтельствованнаго византійскими источниками морского набѣга Руси на Царьградъ. Такъ лѣтописи Бертинскія повѣствуютъ о прибытіи въ Константинополь осенью или зимою 838 года пословъ отъ народа, именуемаго Русью; въ маѣ 839 года въ Ингельгеймъ, ко двору Людовига Благочестиваго, прибыло греческое посольство съ грамотой императора Ѳеофила о скрѣпленіи союза; греческіе послы ходатайствовали между прочимъ о пропускѣ пословъ, которые «называли себя, т. е. свой народъ, Русью»; послы эти прибыли въ Константинополь отъ имени ихъ царя Хакана (Chacanus) съ цѣлью завязать дружественныя отношенія съ императоромъ; послы эти затруднялись воротиться на родину ближайшимъ путемъ по причинѣ опасностей, которыя угрожали со стороны варварскихъ и свирѣпыхъ народовъ. Франки отнеслись къ пришельцамъ подозрительно; въ результатѣ допросовъ оказалось, что эти представители Руси были Шведами. Имѣя въ виду самый фактъ прибытія русскихъ пословъ въ Константинополь, далѣе титулъ ихъ царя «каганъ», обычный въ южной Руси (гдѣ такъ долго господствовали Турки, а въ IX в. турецкое племя Хазаровъ), едва ли можно усомниться въ томъ, что эти Русскіе прибыли въ Константинополь изъ южной Россіи. Слѣдовательно, Русь сидѣла тамъ уже въ первой половинѣ IX в.; по происхожденію своему — это были Скандинавы, Шведы. Посольство прибыло въ Константинополь съ двоякою цѣлью: во-первыхъ, чтобы завязать дружбу съ Греками; во-вторыхъ, чтобы опредѣлить путь въ Швецію черезъ Западную Европу. Это показываетъ, что Русь въ то время сравнительно только недавно утвердилась въ южной Россіи и что она была озабочена обезпеченіемъ себѣ связи съ далекими родичами. Послѣднее обстоятельство свидѣтельствуетъ о томъ, что путь по Днѣпру закрылся для воспользовавшихся имъ для движенія съ сѣвера на югъ полчищъ: восточные Славяне — Поляне, Сѣверяне, Кривичи были вынуждены пропустить эти полчища на югъ, но не допустили возвращенія разбитыхъ полчищъ на сѣверъ.

Броженіе сѣверныхъ племенъ, ихъ стихійное стремленіе на югъ, не могло остановиться и послѣ ухода съ сѣвера тѣхъ полчищъ, которыя повела за собой Русь. Напротивъ, броженіе должно было усилиться. Крѣпкій укладъ, прочно сложившіяся экономическія и политическія отношенія — все это было разрушено вмѣстѣ съ уходомъ на югъ господствующихъ элементовъ и организованныхъ ими военныхъ дружинъ. Смутное преданіе объ

этихъ новыхъ условіяхъ дошло до насъ черезъ посредство лѣтописи: «и почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ въ нихъ правьды, и въста родъ на родъ, и быша въ нихъ усобицѣ, и воевати начаша сами на ся». Сообщеніе это относится къ племенамъ сѣвера — Словѣнамъ, Кривичамъ, Чуди, Веси и Мерѣ, изгнавшимъ будто Варяговъ за море и отказавшимъ имъ въ дани. Но не изгнаніе Варяговъ, едва ли вообще возможное и осуществимое, привело сѣверныя племена къ описанному въ лѣтописи состоянію, а удаленіе съ сѣвера на югъ — Руси и лучшихъ мужей, завербованныхъ Русью въ свои полчища. И водворившаяся на сѣверѣ смута имѣла слѣдствіемъ не призваніе Варяговъ сбросившими съ себя ихъ иго племенами, а появленіе заморскихъ Варяговъ по собственному ихъ почину. Если кто могъ призвать Варяговъ, то только ихъ сородичи, оставшіеся среди славянскихъ и финскихъ племенъ: Славяне и Финны воспользовались ихъ малочисленностью и сбросили или пытались сбросить съ себя чужеземное иго. Какъ я только что указалъ, свидѣтельство о смутѣ въ восточномъ Славянствѣ и о сверженіи русскаго (шведскаго) ига на сѣверѣ можно извлечь и изъ Бертинскихъ анналовъ; присоединимъ сюда и то еще обстоятельство, что искорененіе самаго имени Русь на сѣверѣ можетъ указывать на истребленіе оставшихся здѣсь Скандинавовъ. Есть рядъ данныхъ для утвержденія, что особенно активно выступили въ этомъ движеніи именно славянскія племена — Словѣне и Кривичи; но они были поддержаны и Мерею, т. е. болѣе восточными финскими племенами; ср. подъ 882 годомъ въ Повѣсти вр. лѣтъ сообщеніе о дани, наложенной кіевскимъ (русскимъ) княземъ на Словѣнъ, Кривичей и Мерю. Изгнанные Скандинавы скрылись, повидимому, среди западно-финскихъ племенъ, Чуди и Веси, и оттуда искали помощи за моремъ, призывая Варяговъ.

Прибывшіе на зовъ ихъ Скандинавы были для Финновъ тѣми же Ruotsalaiset, что прежніе ихъ покорители, ибо самая Скандинавія, Швеція называлась Финнами Ruotsi; но для Словѣнъ и Кривичей — это были уже не Русскіе, не Русь, удалившаяся на югъ и тамъ оставшаяся, а Варяги, ибо Швеція называлась ими Варяжскою землей, а Балтійское море — моремъ Варяжскимъ. Варяги появились на славянскомъ сѣверѣ въ качествѣ завоевателей; поддержанные финскими племенами, они утвердили свое господство надъ Словѣнами, Кривичами и Мерей, обложили ихъ данью. Вѣроятно, что утвержденіе Варяговъ въ Новгородѣ, Изборскѣ, Полотскѣ, Бѣлоозерѣ и Ростовѣ относится къ серединѣ IX столѣтія. Въ завоеванныхъ странахъ они застали все тоже броженіе въ народныхъ массахъ, которое за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ привело къ образованію многочисленныхъ полчищъ, дви-

пувшихся на югъ подъ водительствомъ Руси. Броженіемъ поспѣшили воспользоваться наиболѣе предпріимчивые изъ варяжскихъ вождей. Имена двоихъ такихъ вождей сохранило народное преданіе до XI в.: Аскольдъ и Диръ около 860 года стали во главѣ сѣверныхъ полчищъ и по пути, использованному предшествующимъ нашествіемъ, устремились къ добыванію Царьграда. Лѣтопись представляетъ ихъ себѣ боярами Рюрика, испросившимися со своими родами къ Царьграду. Но признаніе Аскольда и Дира боярами Рюриковыми, вышедшими изъ повиновенія князю, стоитъ въ прямой зависимости отъ теоріи лѣтописца объ единствѣ княжеской власти на Руси, теоріи, исключавшей возможность иныхъ въ Кіевѣ князей, кромѣ князей Рюрикова дома; а мысль о поѣздкѣ Аскольда и Дира въ Царьградъ съ цѣлью предложить тамъ службу заимствована изъ современныхъ лѣтописцу отношеній: ср. образованіе въ XI в. при дворѣ императора служилаго класса Варяговъ, Варягорусовъ. Однако стремленіе Аскольда и Дира въ Царьградъ вѣрно угадано лѣтописцемъ, и возможно, что онъ не ошибся, когда въ разсказанный имъ ниже по хроникѣ Амартола русскій походъ на Царьградъ онъ вставилъ имена Аскольда и Дира. Въ виду предшествующихъ соображеній можно думать, что Аскольдъ и Диръ направили приведенныя ими полчища прямо къ Черному морю для морского набѣга на Царьградъ. Набѣгъ 860 г. былъ гибельнымъ для Русскихъ. Можно думать, что Аскольдъ и Диръ соединились съ Русью, т. е. съ остатками тѣхъ полчищъ, которыя до 838 года были приведены съ сѣвера неизвѣстнымъ предводителемъ, осѣвшимъ на югѣ Россіи и принявшимъ титулъ кагана. Оставшимся въ живыхъ, уцѣлѣвшимъ отъ катастрофы, вызванной морской бурей, варяго-русскимъ дружинамъ Аскольда и Дира пришлось основаться въ южной Россіи, при чемъ онѣ не оставляли вѣроятно надежды на возобновленіе похода, на завладѣніе Царьградомъ. Съ увѣренностью можно утверждать, что опорнымъ пунктомъ на этотъ разъ былъ избранъ Кіевъ; мы видѣли, что разбитыя до 838 года полчища могли утвердиться и не въ Кіевѣ, а гдѣ-нибудь на юго-востокѣ. Возможно, что удаленіе безпокойныхъ дружинъ отъ моря было результатомъ соглашенія Византіи съ Хазарами. О дружественныхъ отношеніяхъ императора съ хазарскимъ каганомъ свидѣтельствуютъ многія современныя данныя; о столкновеніяхъ Руси съ Хазарами въ тѣ отдаленныя времена сохранились въ нашей лѣтописи преданія; преданія эти какъ-будто противорѣчивы: съ одной стороны, лѣтопись сообщаетъ, что Хазары взимали дань съ Сѣверянъ, Радимичей, Вятичей и Полянъ (о дани съ Полянъ дукратно — подъ 859 и 862 г.), а съ другой, въ вводныхъ статьяхъ лѣтописи читаемъ о томъ, какъ Хазары отказались отъ обложенія Кіевскихъ Полянъ данью,

когда послѣдніе въ видѣ дани предложили свои (обоюдоострые) мечи. Представляется вѣроятнымъ, что Поляне были дѣйствительно обложены Хазарами данью и при томъ такою же данью, какъ Радимичи и Вятичи («по щьлягу отъ рала»); но Русь не поддалась хазарскому владычеству и освободила отъ него также и Полянъ. Итакъ въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ Аскольдомъ и Диромъ, осѣли Варяги и Русь; ср. въ лѣтописи подъ 862 годомъ: «Асколдъ же и Диръ остаста въ градѣ семь, и многи Варяги съвъкуписта, и начаста владѣти Польскою землею»; ср. рядомъ съ этимъ «Русь» въ сообщеніи о походѣ Аскольда и Дира на Византію; ср. еще сообщеніе Новгор. 1-й лѣтописи о томъ, что позже варяжскія и словѣнскія дружины Игоревы, сѣвъ въ Кіевѣ, прозвались Русью. Численное преобладаніе Руси, успѣвшей передать свое имя и подчиненнымъ ей полчищамъ, обезпечило перевѣсъ ея имени передъ именемъ Варяговъ. Русью стало называться основанное Варягами въ Кіевѣ государство.

Этому новому государству пришлось занять совершенно исключительное положеніе въ отношеніи къ народамъ сѣвера. Возникши въ результатѣ по крайней мѣрѣ двукратно отраженныхъ экспедицій сѣверныхъ народовъ, снаряженныхъ ими для овладѣнія Царьградомъ, русское государство стало на пути, ведшемъ съ сѣвера на югъ, къ Царьграду. Путь этотъ оказался такимъ образомъ закрытымъ, ибо конечною мечтой осѣвшихъ въ Кіевѣ Варяговъ и Русскихъ было собираніе новыхъ силъ для новаго похода на Грековъ. Это обстоятельство привело русское государство въ столкновеніе съ сѣверомъ. Тамъ еще не улеглось броженіе, вызвавшее двукратное движеніе народныхъ полчищъ на югъ. Появленіе энергичнаго предводителя во главѣ быстро образовывавшихся новыхъ дружинъ должно было открыть имъ путь на Царьградъ. Вѣроятно, въ началѣ X вѣка (хронологія Повѣсти вр. лѣтъ, относящей походъ Олега на югъ къ 882 году, не имѣетъ подъ собой фактической почвы), подъ предводительствомъ Олега двинулись на Царьградъ полчища Словѣнъ, Кривичей, Мери, Чуди и Веси; на пути лежало русское государство; оно было покорено Олегомъ; Кіевъ къ тому времени сталъ, вѣроятно, виднымъ политическимъ и торговымъ центромъ. Политическое его значеніе опредѣлялось тѣмъ, что мѣстный князь стремился подчинить своей власти окрестныя русскія племена (лѣтописи говорятъ о столкновеніяхъ Аскольда съ Древлянами и Угличами), а торговое значеніе Кіева обезпечивалось ему его географическимъ положеніемъ, а быть можетъ, и дружественными сношеніями съ Византіей; Аскольдъ и Диръ могли ихъ завязать по примѣру русскаго кагана 838 года. Это обстоятельство дѣлаетъ вѣроятнымъ, что Олегъ избралъ Кіевъ исходною точкой для своего похода на

Царьградъ. Объ его походѣ до насъ не дошло византійскихъ извѣстій, но русское народное преданіе, вошедшее въ лѣтопись, сообщаетъ о побѣдныхъ результатахъ, достигнутыхъ вѣщимъ Олегомъ. Самая личность этого князя представляется исторически вполнѣ достовѣрною, что видно изъ договора его съ Греками, а также изъ недавно найденнаго еврейскаго документа, гдѣ упоминается Халгу (Halgu или Helgu), царь Русіи, напавшій, по подстрекательству греческаго царя Романа, на хазарскій городъ Самбараю. Дѣятельностью энергичнаго Олега было обезпечено развитіе могущества русскаго государства; едва ли безъ достаточныхъ основаній, почерпнутыхъ хотя бы изъ народныхъ преданій и пѣсенъ, лѣтопись представила Олега собирателемъ русской земли. «И бѣ обладая Олегъ Поляны и Деревляны и Сѣверяны и Радимичи». Но мало вѣроятнымъ представляется, чтобы ему были покорны также Кривичи и Словѣне, т. е. новгородскій, полоцкій и смоленскій сѣверъ; имѣются основанія думать, что Олеговъ договоръ упоминалъ только о трехъ русскихъ городахъ Поднѣпровья — Кіевѣ, Переяславлѣ и Черниговѣ и что, слѣдовательно, границы Олеговыхъ владѣній опредѣлялись областями, прилегавшими къ этимъ городамъ[1]). Повѣсть вр. лѣтъ говоритъ, правда, о дани, наложенной Олегомъ на Словѣнъ, Кривичей и Мерю, но старшій сводъ, сохранившійся въ отрывкахъ въ Новгородской 1-й лѣтописи, установленіе такой дани приписываетъ Игорю.

Упорная лѣтописная традиція заставляетъ признать Игоря преемникомъ Олега. Но отношенія Игоря къ Олегу не ясны. Въ Начальномъ сводѣ (Новгор. 1-й лѣтописи) Олегъ изображается воеводой Игоря; при жизни Олега Игорь дѣйствуетъ совмѣстно съ нимъ, и только послѣ смерти Олега, видимъ Игоря дѣйствующимъ самостоятельно; въ Повѣсти вр. лѣтъ Олегъ — родственникъ и опекунъ Игоря, ставшій княземъ во время малолѣтства послѣдняго, но продолжавшій управлять и послѣ того, что Игорь возмужалъ и пришелъ въ зрѣлый возрастъ. Эта неопредѣленность отношеній даетъ основаніе думать, что Игорь связанъ съ Олегомъ только хронологически. Возможно, что Игорь былъ дѣйствительно сыномъ Рюрика, князя новгородскаго. Но въ такомъ случаѣ становится вѣроятнымъ, что Олегъ былъ такимъ же независимымъ и самозваннымъ княземъ, какимъ лѣтопись представляетъ Аскольда и Дира; Олегъ сталъ на сѣверѣ во главѣ народнаго движенія на Царьградъ и порвалъ съ Рюрикомъ такъ же, какъ до него пор-

1) Въ дошедшемъ текстѣ къ словамъ «ис Киева и паки ис Чернигова и ис Переяславля» прибавлено: «и прочии гради», но рядъ данныхъ свидѣтельствуютъ о томъ, что прибавка эта позднѣйшая.

вали съ новгородскимъ сѣверомъ первые варяжскіе князья Кіева Аскольдъ и Диръ. Смерть Олега, а можетъ быть и борьба съ нимъ привела Игоря на кіевскій столъ. Игорь пришелъ на югъ съ такими же полчищами, какія раньше увели съ сѣвера Аскольдъ и Диръ, позже Олегъ. Игоревы полчища сначала осаживаются въ Кіевѣ, а затѣмъ, и притомъ вѣроятно въ скоромъ времени устремляются къ югу на добычу Царьграда. Объ этомъ можно догадываться по послѣдующимъ событіямъ: приведенные съ сѣвера Владиміромъ и Ярославомъ Варяги, не засиживаясь въ Кіевѣ, пролагаютъ себѣ путь въ Константинополь. Отсюда можно заключить, что водвореніе Игоря въ Кіевѣ относится ко времени около 940 года, ибо походъ Игоревъ на Царьградъ падаетъ на 941 годъ по опредѣленному указанію продолжателя Амартола; наша лѣтопись полагаетъ что Олегъ умеръ въ 912 году и что съ этого года въ Кіевѣ правилъ Игорь; но такая ранняя смерть Олега опровергается упомянутымъ выше еврейскимъ документомъ, гдѣ Олегъ упомянутъ, какъ современникъ Романа, Романъ же вѣнчанъ на царство только въ 920 году. Ошибочная хронологія лѣтописи произошла отъ того, что она продолжительность царствованій Олега и Игоря опредѣляла эпическимъ числомъ, заимствованнымъ, очевидно, изъ пѣсни или былины, числомъ 33. Игорь скончался въ 945 году по лѣтописи (что, возможно, соотвѣтствуетъ дѣйствительности); начало его княженія относится поэтому на 912 годъ, а начало княженія его предшественника Олега на 879 годъ. Игоря можно признать сыномъ новгородскаго князя Рюрика еще по тому соображенію, что впервые при немъ произошло объединеніе подъ одною властью Кіева съ Новгородомъ; о такомъ объединеніи говоритъ, напр., Константинъ Багрянородный, о немъ свидѣтельствуютъ и русскія преданія: такъ княгиня Ольга, вдова и преемница Игоря, связала свое имя не только съ Кіевомъ, но и съ Сѣверскимъ Поднѣпровьемъ, а также съ Новгородскою областью, гдѣ на Мстѣ и Лугѣ въ XI вѣкѣ сохранялись слѣды ея административной дѣятельности.

Государственная мощь Кіева при Святославѣ достигла значительной высоты; но она была направлена не на внутреннее строительство, а на завоеванія. Очевидно, еще не улеглось великое броженіе народовъ сѣвера, и пополняемыя выходцами оттуда княжескія дружины искали примѣненія своимъ силамъ. Съ Византіей русская держава была въ договорныхъ отношеніяхъ. Игорь въ 945 году возобновилъ договоръ своего предшественника Олега; Ольга совершила двукратное путешествіе въ Константинополь и получила оттуда крещеніе. Святославу не приходилось поэтому мечтать о набѣгѣ на греческіе предѣлы. Его вниманіе направляется на востокъ, гдѣ онъ

наноситъ удары хазарской державѣ; это ведетъ къ распространенію русскаго господства далеко на востокъ и юговостокъ; Святославу покоряются Вятичи и, очевидно, также Тмутороканская область. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это ставитъ Кіевъ лицомъ къ лицу съ печенѣжскими ордами; послѣднія кочевали на югѣ Россіи уже давно, появившись здѣсь послѣ ухода Мадьяръ, но они сдерживались Хазарами, и, быть можетъ, стояли въ подчиненномъ отношеніи къ хазарскому кагану; паденіе каганата освободило Печенѣговъ, и они начинаютъ тревожить Кіевъ и его южные предѣлы постоянными набѣгами. Изъ анализа лѣтописной статьи 968 года, начинающейся словами «Придоша Печенѣзи на Руску землю первое», ясно слѣдуетъ, что Печенѣги совершили свой набѣгъ на Кіевъ въ то время, когда Святославъ былъ на востокѣ, очевидно, сражаясь съ Хазарами, и приводя подъ свою власть Ясовъ и Касоговъ; составитель Начальнаго свода пріурочилъ набѣгъ къ походу Святослава на Грековъ, но едва ли Претичъ, воевода Святослава, переѣхавъ на кіевскую сторону съ лѣваго берега Днѣпра, могъ бы объявить себя предводителемъ передового отряда, если бы князь былъ на западѣ, а не на востокѣ. Печенѣги воспользовались въ другой разъ походомъ Святослава на Грековъ, загородили ему путь по Днѣпру и затѣмъ избили остатки Святославова войска. Несмотря на свое отвлеченіе на востокъ и на грозныя тучи, вызванныя паденіемъ хазарскаго царства и собиравшіяся въ южной Россіи въ лицѣ Печенѣговъ, Святославъ все таки втянулся въ походъ на Византію. Этотъ походъ, какъ я уже говорилъ, мало напоминаетъ стихійныя движенія полчищъ, предводительствуемыхъ предшественниками Святослава; онъ предпринятъ изъ Болгаріи, куда Святослава призвали сами Греки; но характерно то, что побудительными причинами къ походу являются тѣ самыя, что имѣли мѣсто раньше, когда шли народныя волны съ новгородскаго сѣвера на югъ, къ Черному морю. Святославъ и его дружина ищутъ добычи и готовы осѣсть въ покоренной странѣ, если она дастъ имъ богатство и приволье; завладѣвъ Болгаріей и объявивъ Преславъ своей столицей, Святославъ двигается затѣмъ на Царьградъ; онъ засѣлъ бы и тамъ, если бы походъ его увѣнчался успѣхомъ; двигателями оказываются не государственные интересы, а хищническіе инстинкты.

Смерть Святослава, а, можетъ быть, и все его бурное княженіе привели къ распаденію кіевской державы; повгородскій сѣверъ освобождается отъ кіевскаго господства. Вѣроятно, въ связи съ этимъ стоитъ усиленіе здѣсь пришлыхъ варяжскихъ элементовъ. Такъ къ полоцкимъ Кривичамъ приходитъ Варягъ Рогволодъ и основываетъ здѣсь свое княженіе; Варяги проникаютъ и южнѣе, въ землю Дреговичей и Древлянъ: въ Туровѣ садится

варяжскій князь Туры. Новгородскій князь Владиміръ, сынъ Святослава, пользуясь тѣми или иными благопріятными условіями, объединяетъ сѣверъ подъ своею властью (ср. его походъ на Полотскъ) и затѣмъ направляетъ свои полчища, состоявшія изъ Словѣнъ, Кривичей, Чуди и Варяговъ, на югъ для добыванія Кіева. Возможно, что этимъ полчищамъ представлялась иная цѣль похода — добываніе Царьграда. Варяги, участвовавшіе въ походѣ, обложили Кіевъ поголовною данью; чтобы избавиться отъ Варяговъ, Владиміръ, по ихъ требованію, отправилъ ихъ въ Грецію; они пошли туда съ предложеніемъ своихъ услугъ императору. Такъ выродились въ новыя формы тѣ стихійныя движенія, которыя нѣкогда приводили къ великимъ завоевательнымъ экспедиціямъ.

Владиміръ былъ настоящимъ основателемъ русскаго государства; онъ объединилъ подъ своею властью всѣ восточнославянскія племена. Пріобщеніемъ государства къ византійской цивилизаціи Владиміръ далъ ему опредѣленный обликъ и создалъ могущественныя средства для внутренняго единенія. Походъ Владиміра на Грековъ преслѣдовалъ ясно обозначившіяся государственныя цѣли — онъ долженъ былъ, очевидно, закрѣпить тѣ торговыя связи, которыя налаживались между Русскими и Греками со временъ Олега, и установить непосредственное общеніе съ греческой культурой, проникавшею раньше черезъ посредство Болгаріи. Владиміръ поставилъ себѣ рядъ задачъ для внутренняго государственнаго строительства; онъ не стремился къ завоеваніямъ; Корсунь, имъ покоренный, онъ отдалъ Грекамъ за вѣно греческой царевны Анны; столкновеніе его съ Ляхами изъ-за Червенскихъ городовъ было послѣдствіемъ собиранія восточно-славянскихъ земель, ибо галицкіе Хорваты и названные города тѣснѣйшимъ образомъ примыкали къ южнорусскимъ племенамъ; одною изъ главныхъ заботъ Владиміра было обезпеченіе южныхъ и юговосточныхъ границъ своей державы; для этого онъ строилъ города по Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ; для заселенія пограничныхъ городовъ, для защиты государства онъ призывалъ къ югу тѣ самые элементы, которые нѣкогда стремились на югъ для завоеваній и для добыванія Царьграда. «И поча нарубати мужѣ лучшиѣ отъ Словенъ и отъ Кривичь и отъ Чюди и отъ Вятичь,— говоритъ лѣтописецъ, — и отъ сихъ насели грады; бѣ бо рать отъ Печенѣгъ, и бѣ воюяся с ними и одалая имъ». Объединеніе всѣхъ восточныхъ Славянъ подъ державой Владиміра ясно вытекаетъ изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній о распредѣленіи земель между его сыновьями; въ составъ ихъ удѣловъ входятъ и Полотскъ, и Туровъ, и Ростовъ, и Муромъ, и Тмуторокань.

Мнѣ пришлось такъ долго остановиться на вопросахъ, относящихся къ

образованію русскаго государства, главнымъ образомъ потому, что я хотѣлъ подчеркнуть то значеніе, какое оно имѣло въ этнографической и лингвистической жизни восточнаго славянства. Исторія восточнаго славянства начинается съ разсѐленія входящихъ въ составъ его племенъ; распаденіе восточнославянскихъ племенъ и ихъ языка относится къ VII и VIII в.; историкъ языка, допустивъ такое раннее раздробленіе восточнославянскаго единства, останавливается передъ вопросомъ, какъ же могла сохраниться въ теченіе многихъ вѣковъ значительная близость между восточнославянскими нарѣчіями, почему историческія данныя устанавливаютъ близость и общность между ними въ первые вѣка нашей письменности, почему, наконецъ, отошедшія нѣкогда далеко другъ отъ друга племена стали переживать и въ позднѣйшее время общія явленія въ своемъ языкѣ? И вотъ ясно обозначаются отвѣты на эти вопросы. Центробѣжнымъ стремленіямъ эпохи доисторической противополагаются центростремительныя движенія въ эпохи историческія. Распаденію племенъ, ихъ раздробленнымъ колонизаціоннымъ движеніямъ, ихъ разселенію въ областяхъ, разъединенныхъ группами инородцевъ, послѣдующая жизнь противопоставляетъ рядъ объединяющихъ началъ. Однимъ изъ наиболѣе значительныхъ по своимъ результатамъ центростремительныхъ началъ должно признать образованіе русскаго государства. Его объединительное значеніе выразилось не только въ томъ, что благодаря ему отдѣльныя русскія племена втянулись въ общую политическую жизнь; — значеніе это зависѣло прежде всего отъ того, что самое созданіе государства было результатомъ совмѣстныхъ дѣйствій и движеній нѣсколькихъ русскихъ племенъ. Мы видѣли, что оно возникло на югѣ Россіи, какъ слѣдствіе того броженія, въ какомъ находились народы сѣвера и прежде всего восточнославянскіе Кривичи и Словѣне, стремившіеся на югъ къ овладѣнію Царьградомъ; въ стихійномъ своемъ движеніи къ этой цѣли сѣверныя племена увлекали и южныя: къ Кривичамъ и Словѣнамъ въ походахъ Олега и Игоря присоединились Сѣверяне, Древляне, Поляне, Дулѣбы и Тиверцы. Русское могущество у Чернаго моря основано совокупными дѣйствіями многихъ восточнославянскихъ племенъ; равнымъ образомъ кіевское государство создано не одними Полянами и окрестными южными племенами, но также и племенами сѣвера; Владиміръ обезпечивалъ безопасность своей державы, привлекши къ оборонѣ восточныхъ и южныхъ ея границъ и восточныхъ Вятичей и сѣверныхъ Кривичей и Словѣнъ. Всѣ эти передвиженія и совокупныя дѣйствія русскихъ племенъ создавали живое между ними общеніе; подъ его вліяніемъ стиралась этнографическая и діалектическая обособленность, которая не преминула бы развиться при гео-

графическомъ разъединеніи разошедшихся по обширному пространству Россіи восточнославянскихъ племенъ. Обособленность эта должна была выступить особенно рѣзко, какъ только эти племена, удалившись изъ первоначальной своей общей родины, втягивались въ сферу различныхъ культурныхъ районовъ. Мы видѣли, что южныя племена оставались въ сферѣ возможнаго на нихъ воздѣйствія со стороны культуры византійской и черноморской, восточныя втягивались въ сферу хазарской культуры, сѣверныя заняли районы, гдѣ вліяла культура балтійская. Образованіе кіевскаго государства, объединеніе подъ его властью сначала водная пути изъ Варягъ въ Греки, а затѣмъ всѣхъ вообще земель, занятыхъ восточными Славянами, имѣло послѣдствіемъ культурное объединеніе всего восточнаго славянства. Этому его объединенію, такъ же какъ самому образованію государства предшествовало знаменательное явленіе, разсмотрѣнное нами выше: стихійное броженіе племенъ сѣвера и неудержимое стремленіе ихъ на югъ, въ области византійской культуры. Понятно, что создавшееся въ результатѣ этихъ движеній государство, основавшись въ предѣлахъ, естественно тянувшихъ къ Византіи, стало проводникомъ единой, византійской культуры на всемъ пространствѣ объединенныхъ имъ племенъ. Яснымъ доказательствомъ, что культура восточнославянскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ кіевскаго государства, была едина, служитъ исторія принятія Русью христіанства: вслѣдъ за Кіевомъ пріобщается къ христіанской вѣрѣ Новгородъ; связанныя съ именами св. Бориса и Глѣба легенды заставляютъ думать, что не болѣе какъ черезъ двадцать пять лѣтъ со времени оффиціальнаго принятія христіанства въ Кіевѣ, оно проникло и утвердилось въ предѣлахъ Ростовской области и совр. Тверской губерніи. Лѣтописецъ конца XI в. представляетъ себѣ всю русскую землю крещеной, и лишь среди восточныхъ Вятичей, быть можетъ, подъ дѣйствіемъ восточныхъ на нихъ вліяній, христіанство утверждается уже только въ XII в. Удаленіе «лучшихъ» людей съ сѣвера на югъ ослабило связь сѣвера съ центрами балтійской культуры и повернуло Новгородъ лицомъ къ Кіеву и Царьграду; разрушеніе хазарскаго царства оторвало Вятичей отъ восточныхъ вліяній и повернуло также и ихъ лицомъ къ югозападу.

Кіевъ, объединяя русскія племена Поднѣпровья и сосѣднихъ сѣверныхъ областей, является проводникомъ особой культуры, которую можно назвать южнорусскою. Ее создалъ сложный рядъ явленій, только отчасти отмѣченныхъ выше. Сѣверные берега Чернаго моря, несмотря на всѣ опустошенія ихъ смѣнявшими другъ друга варварами, представлялись почвой съ глубоко заложенными въ ней элементами цивилизаціи; это зависѣло отъ

непрерывнаго воздѣйствія на югъ Россіи со стороны греческой — византійской и малоазіатской культуры, имѣвшей никогда не угасавшіе, вѣчные проводники въ городахъ Крыма. Небольшое пространство этого полуострова, защищеннаго особенными физическими условіями отъ вторженія варваровъ, укрывало рядъ народностей, осколковъ, уцѣлѣвшихъ отъ прокатившихся по Южной Россіи бурь; это способствовало живому культурному общенію. Здѣсь кромѣ Грековъ жили Готы, Черные Болгары, Евреи. Лишь только на материкѣ наступало успокоеніе, Крымъ возобновлялъ свои сношенія съ нимъ и оживлялъ его торговыми и промышленными связями. Поднѣпровье находилось въ постоянномъ общеніи съ этимъ ближайшимъ аванпостомъ греческой культуры. Частью черезъ Крымъ, частью непосредственно шло вліяніе на Поднѣпровье съ востока, гдѣ сидѣли Хазары съ ихъ пестрой и сложной культурой; вліяніе это облегчалось тѣмъ, что подъ властью Хазаръ въ тѣсномъ съ ними сосѣдствѣ сидѣли восточнославянскія племена, не порывавшія своего сосѣдства съ поднѣпровскими сородичами. Черезъ нихъ шли также кавказскія вліянія: Ясы, Касоги были непосредственными сосѣдями пріазовской Руси. Еще значительнѣе были тѣ культурныя вліянія, которыя шли въ Кіевъ съ югозапада, изъ славянской Болгаріи; послѣдняя къ X вѣку достигла высокой степени культурнаго развитія, благодаря воздѣйствію на нее греко-романской цивилизаціи; благосостояніе этой страны картинно изображено въ рѣчи, вложенной лѣтописью въ уста Святослава передъ отправленіемъ его во второй походъ противъ Болгаръ. Когда благопріятныя условія позволили русскимъ племенамъ (Тиверцамъ, которыхъ на Руси называли тълковинами, т. е. переводчиками, что указываетъ на ихъ двуязычность) продвинуться къ Дунаю и Черному морю, они вошли въ непосредственныя сношенія съ Болгарами, едва ли особенно близкія въ предшествующія эпохи. Болгарское вліяніе усилилось, конечно, послѣ походовъ Святослава: съ одной стороны, походы эти проложили на Балканы путь «горою», а съ другой совпали съ появленіемъ на востокѣ Печенѣговъ, ослабившихъ связь Кіева съ востокомъ и затруднившихъ его сношенія съ Греками черезъ Крымъ. Съ западнымъ славянствомъ, Поляками и Чехами, кіевскому государству пришлось неминуемо столкнуться, какъ только къ Кіеву потянули югозападныя русскія племена: это привело къ спору изъ-за Червенскихъ городовъ и къ войнѣ съ Хорватами. Чехи и Поляки, ставши въ живыя общенія съ русскимъ государствомъ, становились проводниками туда западноевропейской, романо-германской культуры. Весьма живо и, конечно, близко къ дѣйствительности представлялъ себѣ, при описаніи крещенія Владиміра,

лѣтописецъ международное положеніе Кіева и тѣ перекрестныя вліянія, которыя въ немъ встрѣчались; Владиміра, ищущаго вѣры, посѣщаютъ со своими предложеніями: Болгары «вѣры Бохмичѣ», преемники хазарской, поволжской культуры, Евреи изъ земли хазарской. Нѣмцы и, наконецъ, Греки. Владиміръ по дальнѣйшему сообщенію лѣтописи поддерживалъ добрыя отношенія съ Уграми, Поляками и Чехами. Лѣтописецъ XI вѣка забываетъ совсѣмъ про дунайскихъ Болгаръ: это объясняется тяжелыми обстоятельствами, переживавшимися Болгаріей въ XI вѣкѣ, когда она утратила свою самостоятельность и попала подъ владычество Грековъ. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что Владиміръ принялъ вѣру именно отъ Болгаръ и что въ X вѣкѣ Кіевъ поддерживалъ самыя оживленныя сношенія именно съ Болгаріей.

Для историка русской культуры, а въ частности и языка это обстоятельство имѣетъ большое значеніе: Кіевъ получилъ черезъ Болгарію то могущественное орудіе духовнаго просвѣщенія, которое сдѣлало его духовнымъ центромъ всѣхъ русскихъ племенъ и содѣйствовало ихъ объединенію. Получивъ изъ Болгаріи христіанство, Кіевъ одновременно заимствовалъ оттуда книжный языкъ. Русскіе стали смотрѣть на этотъ языкъ какъ на свое достояніе; произнося его звуки, употребляя его для своихъ нуждъ, они не справлялись съ законами живого болгарскаго произношенія или синтаксиса, а подчиняли его требованіямъ своего языка. Съ XI вѣка начинается почти тысячелѣтняя исторія развитія русскаго книжнаго языка. Инославянскій по своему происхожденію, онъ съ теченіемъ времени становится все болѣе и болѣе русскимъ, постоянно общаясь и смѣшиваясь съ живымъ языкомъ господствующихъ центровъ и такимъ образомъ воспринимая и специфическія черты отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій. Книжный языкъ XI вѣка — это непосредственный родоначальникъ нашего современнаго великорусскаго книжнаго языка; до сихъ поръ обнаруживается инославянская основа послѣдняго; онъ содержитъ въ себѣ еще и теперь на половину слова, формы, обороты древнеболгарской книжной рѣчи; его русскіе элементы отражаютъ различныя этнографическія среды, черезъ которыя онъ проходилъ; впрочемъ, элементы южнорусскіе отступаютъ все больше на задній планъ, давая мѣсто элементамъ великорусскимъ, какъ и въ живой рѣчи великорусскихъ центровъ и прежде всего Москвы мы видимъ здѣсь тѣсное единеніе элементовъ сѣверорусскихъ съ южновеликорусскими. Мы отступили, однако, отъ послѣдовательнаго хода изложенія. Указавъ на принятіе христіанства отъ Болгаръ и на заимствованіе отъ нихъ же книжнаго языка, я хотѣлъ отмѣтить и этотъ весьма важный моментъ, сыгравшій чрезвычайную роль

въ дѣлѣ объединенія русскихъ племенъ, въ созданіи единой для всего русскаго народа южнорусской культуры.

Пути единенія въ области языка ясны и опредѣленны. правящіе классы, интеллигенція, духовенство получаютъ изъ центра и просвѣщеніе, и языкъ и проводятъ ихъ дальше въ народныя массы. Вмѣстѣ съ новыми словами для новыхъ понятій въ народный русскій языкъ проходили и новые звуки; вышедшіе изъ народа княжескіе дружинники, боярскіе тіуны, монастырскіе слуги воспринимали языкъ господствующихъ классовъ и становясь, такъ сказать, двуязычными, передавали особенности своей рѣчи и дальше, широкимъ народнымъ массамъ. Все тянется къ свѣту, просвѣщенію, культурѣ: и какъ только въ странѣ складываются основанія для своей мѣстной, національной культуры, странѣ обезпечивается національное единство. Появленіе кіевскаго государства и южнорусской культуры стало противовѣсомъ тѣмъ центробѣжнымъ стремленіямъ, которыя опредѣлились въ предшествующую эпоху — разселенія и раздробленія восточныхъ Славянъ.

Былъ еще одинъ факторъ, способствовавшій единенію распавшейся семьи, сблизившій разошедшіяся далеко другъ отъ друга ея вѣтви: это внѣшняя опасность, удары извнѣ. Правда, сбивъ зашедшія далеко на востокъ племена, эти удары направились на русскій центръ, Кіевъ, и ослабивъ его, способствовали образованію новыхъ центровъ на сѣверозападѣ и сѣверовостокѣ; правда, такимъ образомъ получилось новое дробленіе русскихъ племенъ; но всетаки именно этотъ факторъ сыгралъ рѣшительную роль въ объединеніи племенъ, въ образованіи великорусской народности, великорусскаго государства и затѣмъ великой Россіи. Я указалъ уже на гибельныя для юговостока послѣдствія, которыя имѣло разрушеніе хазарскаго царства; восточнорусскія племена оказались на пути движенія новыхъ турецкихъ ордъ на западъ; имъ грозило разореніе и истребленіе. Едва ли однако они сдались бы безъ борьбы; мы видѣли, что Вятичи были покорены Святославомъ Кіеву; это обязывало русскаго князя защищать ихъ отъ внѣшняго врага. Но уже при томъ же Святославѣ Печенѣги оказываются у стѣнъ Кіева, очевидно, смявъ Вятичей, разоривъ ихъ или обложивъ данью. Владиміръ велъ борьбу съ Печенѣгами, но они тревожили при немъ своими набѣгами не отдаленныя окраины русской земли, а ближайшее къ Кіеву Поднѣпровье; Владиміръ бился съ ними у Переяславля и даже у самаго Василева и Бѣлгорода. Что же сталось съ Вятичами? Они не могли быть оставлены Кіевскимъ княземъ на произволъ судьбы. Это видно изъ того, что сынъ Владиміра, Мстиславъ, получаетъ въ удѣлъ Тмуторокань; но Тму-

торокань — это русскій островъ среди инородческаго моря. Что же сталось съ русскимъ племенемъ, нѣкогда густо населявшимъ бассейнъ Дона?

Представляется вѣроятнымъ, что оно отошло къ сѣверу, къ Окѣ, направляемое туда княжескою властью. Возможно, что это движеніе произошло не сразу, что оно началось по почину отдѣльныхъ единицъ; но съ теченіемъ времени оно стало общимъ, захватывая все русское населеніе. Быть можетъ, въ связи съ этимъ движеніемъ стоитъ основаніе города Владиміра на Клязьмѣ. Онъ сталъ на южной границѣ территоріи, захваченной въ предшествовавшую эпоху Сѣверорусами. Рязанская земля, куда направились съ юга Восточнорусы, не была безлюдною мѣстностью въ то время: ее населяла Мещера и Мордва, которыхъ приходилось покорять или оттѣснять къ востоку и сѣверовостоку. Объ упорной борьбѣ, происходившей въ Рязанской землѣ съ Мордвой, мы узнаемъ изъ лѣтописи очень поздно (ср. подъ 1103: «бися Ярославъ с Мордвою, мѣсяца марта въ 7 день, и побѣженъ бысть Ярославъ»); но для насъ особенно важны были бы указанія на то, что русскіе шли первоначально на Мордву, въ мордовскіе предѣлы не съ сѣвера, а съ юга. Южная, югозападная колонизація Рязанскаго края можетъ объяснить намъ тотъ фактъ, что онъ оказывается при распаденіи русской земли на удѣлы, послѣ смерти Ярослава Владиміровича, въ удѣлѣ не Всеволода, которому достается между прочимъ Ростовъ и Муромъ, а въ удѣлѣ Святослава черниговскаго: къ этому удѣлу примыкала и Тмуторокань, безъ законнаго права оспаривавшаяся у Святослава княземъ-изгоемъ Ростиславомъ. Суздальская и Рязанская земли находятся въ антагонизмѣ; онъ прорывается наружу уже въ серединѣ XII вѣка, когда Юрій и Андрей ведутъ побѣдоносную войну съ рязанскими князьями (ср., подъ 1154 г., сообщеніе о томъ, что Юрій сажаетъ въ Рязани своего сына), и въ особенности въ послѣдней четверти XII вѣка при Михалкѣ, а затѣмъ Всеволодѣ Юрьевичѣ. Едва ли бы такъ сложились отношенія Владиміра къ Рязани, если бы колонизація ея шла изъ Суздаля и Рязань была бы пригородомъ, младшимъ братомъ Владиміра или еще старшаго Ростова. Суздальская земля была населена Словѣнами, быть можетъ, какъ мы видѣли, поглотившими сидѣвшихъ здѣсь раньше ихъ ляшскихъ выходцевъ; Рязанская земля заселилась Вятичами. Суздальская область, т. е. современныя Владимірская и Ярославская губерніи, населена теперь Сѣверорусами, ибо населеніе здѣсь окаетъ; Рязанская губернія принадлежитъ акающимъ Южновеликорусамъ. Итакъ Рязань колонизована не съ сѣвера. Но она могла быть колонизована съ запада. Лѣтопись знаетъ Вятичей въ современной Тульской, Калужской и Орловской губерніяхъ. Ихъ область

тѣсно примыкаетъ къ области Сѣверянъ, Вятичи живутъ какъ будто неразмежевавшись съ этимъ племенемъ на сѣверѣ Черниговскаго княжества. Можно было бы предположить, что Вятичей привело въ Рязань движеніе по Окѣ, вверхъ по ея теченію, и что слѣдовательно, они жили нѣкогда въ сѣверномъ Поднѣпровьѣ. Но допустивъ это, мы встрѣтимся съ большими лингвистическими затрудненіями. Если Вятичи пошли изъ Сѣверской земли, то почти неизбѣжно признать ихъ отраслью южнорусскаго племени, къ которому принадлежали Сѣверяне; языкъ Вятичей обличаетъ въ нихъ, однако, иное племя, далеко отошедшее въ своемъ составѣ отъ языка южнорусскаго. Что Сѣверяне были Южнорусами, въ этомъ убѣждаетъ ихъ географическое положеніе: мѣстомъ ихъ жительства была та самая лѣсная полоса, Полѣсье, которая на правомъ берегу Днѣпра была занята Древлянами; этнографическая близость обѣихъ областей, лѣвобережнаго и правобережнаго Полѣсья, въ настоящее время доказываетъ, что такая же близость существовала и раньше. Сходство языка Вятичей въ отношеніи къ основной чертѣ вокализма (редукціи неударяемыхъ *а*, *о*, *е* и аканью) съ языкомъ Бѣлорусовъ ставитъ вопросъ еще опредѣленнѣе. Признавъ рязанскихъ Вятичей выходцами изъ сѣвернаго Поднѣпровья и Бѣлоруссіи, мы должны будемъ признать, что исконно южновеликорусское и бѣлорусское нарѣчія занимали серединное положеніе между сѣвернорусскимъ и южнорусскимъ, а между тѣмъ это не оправдывается никакими данными; указанная выше основная черта, выработавшаяся, очевидно, въ очень давнее время (ибо она обща и рязанскому и бѣлорусскому нарѣчію), свидѣтельствуетъ, напротивъ, объ обособленномъ положеніи языка Вятичей. Кромѣ того, какъ указано выше, это фонетическое явленіе въ самой бѣлорусской области въ болѣе первоначальномъ видѣ сохраняется не на западѣ, а на востокѣ, ибо, во-первыхъ, востоку чуждо то сильное аканье, которое характеризуетъ западные и югозападные бѣлорусскіе говоры, во-вторыхъ, восточные говоры не представляютъ противорѣчащаго редукціи гласныхъ западнаго и югозападнаго явленія — возстановленія этимологическихъ *о*, *е* въ заударныхъ слогахъ. Рядъ данныхъ ведетъ къ предположенію, что редукція неударяемыхъ гласныхъ и аканье попали на западъ въ чуждую исконно этому явленію діалектическую среду и здѣсь видоизмѣнились въ самыхъ своихъ основаніяхъ. Подробнѣе эти положенія развиты ниже, въ §§ 504—514. Засимъ еще одно соображеніе: въ правобережномъ и также въ лѣвобережномъ Полѣсьѣ видимъ мѣстами пестрое совмѣщеніе особенностей малорусскихъ и бѣлорусскихъ (частью просто южновеликорусскихъ — къ востоку): аканье рядомъ съ дифтонгами или замѣнившими ихъ монофтонгами, цеканье и дзеканье рядомъ со

смѣшеніемъ *ы* и *и*, и т. п. Совершенно ясно, что сожительство между Бѣлорусами и Малорусами новое, ибо давнее сожительство привело бы къ образованію между ними переходныхъ нарѣчій, а не къ смѣшенію говоровъ въ широкой пограничной полосѣ. Все это убѣждаетъ въ томъ, что аканье и и другія типическія особенности южновеликорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій являются въ этихъ пограничныхъ полосахъ лѣвобережнаго и правобережнаго Полѣсья наносными чертами, шедшими при этомъ не съ запада, гдѣ онѣ имѣютъ характеръ чего-то наноснаго даже и теперь въ чисто бѣлорусскихъ областяхъ, а съ востока, гдѣ ихъ дѣйствительно можно отнести къ основнымъ для всего вокализма чертамъ. Это заключеніе ведетъ помимуемо къ предположенію, что въ прошломъ имѣла мѣсто діалектическая волна, пронесшаяся съ востока на западъ. Я веду это волну съ юговостока: въ сѣверное Поднѣпровье и Бѣлоруссію пошло населеніе не изъ Рязани, а изъ донецкихъ степей, опустошенныхъ набѣгами Печенѣговъ, затѣмъ смѣнившихъ ихъ Половцевъ. Часть застигнутаго этими набѣгами русскаго населенія юговостока двинулась къ сѣверу, къ Рязани, а часть направилась на сѣверозападъ, повидимому, подъ руководствомъ черниговской княжеской власти. Въ XII вѣкѣ видимъ Вятичей мятущимися въ области сѣвернаго Подесенья и въ прилегающихъ частяхъ Окскаго бассейна: осаливаясь здѣсь, они, руководимые, вѣроятно, тѣми или иными экономическими соображеніями, своими или мѣстнаго княжескаго и боярскаго землевладѣнія, двигаются и дальше на западъ, сѣверозападъ и сѣверовостокъ, заселяя всю Бѣлоруссію, проникая на югъ и за Припять, а на сѣверѣ за Двину, въ Псковскую область, съ одной стороны, въ верхнее Поволжье, съ другой. Быть можетъ, памятью о далекой родинѣ у Азовскаго моря объясняются нѣкоторыя названія мѣстностей, данныя Восточнорусами въ новыхъ ихъ поселеніяхъ: ср. Суражъ въ совр. Витебской губерніи съ крымскимъ Сурожемъ (совр. Судакъ), Корчеву въ Тверской губ. съ крымскимъ Керчевъ, какъ въ XI в. называлась совр. Керчь. Сопоставленія эти сдѣланы А. И. Соболевскимъ, предполагающимъ здѣсь прихоть мѣстныхъ жителей или княжеской власти, желавшихъ воспользоваться славными топографическими названіями, но, можетъ быть, передъ нами явленіе этнографическаго характера: перенесеніе названій, напоминающихъ о прежней родинѣ, на мѣста новаго жительства.

Итакъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ ударовъ въ теченіе X—XII вѣка сильно измѣняется этнографическая картина въ средней Россіи. Средняя Россія получаетъ густое и сплоченное русское населеніе, между тѣмъ какъ раньше русскія племена тянулись къ югу и юговостоку. Среднюю Россію занимали раньше

одни Сѣверноруссы, захватившіе верхнее теченіе Волги и продвинувшіеся такимъ путемъ къ Окѣ: теперь къ нимъ подходятъ съ юга и юговостока Восточноруссы. Спорною областью между ними становится бассейнъ Оки. Распространенію Сѣверноруссовъ полагаются предѣлы. Экстенсивныя движенія должны смѣниться интенсивными. Начинается неимовѣрно быстрый ростъ центровъ Окскаго бассейна и верхняго Поволжья: Владиміра, Москвы, Твери, а дальше на востокѣ Нижняго Новгорода. Едва ли можно сомнѣваться, что эти явленія стоятъ въ той или иной причинной связи съ одновременно совершавшимся паденіемъ старыхъ центровъ южнаго и средняго Поднѣпровья: Кіева, Переяславля, Чернигова. Паденіе ихъ вызвано тѣми самыми причинами, которыя обусловили отливъ населенія съ юговостока въ среднюю Россію, т. е. появленіемъ турецкихъ ордъ въ южной Россіи, нашествіемъ Печенѣговъ, Торковъ, Половцевъ и, наконецъ, Татаръ.

Выше указано, что мѣстожительство Уличей, которыхъ Несторъ застаетъ на Днѣстрѣ, было нѣкогда дальше на востокѣ. Въ первоначальной кіевской лѣтописи сообщалось, что Уличи жили раньше между Днѣпромъ и Бугомъ, а потомъ сѣли между Бугомъ и Днѣстромъ[1]). Это ихъ передвиженіе вызвано, конечно, напоромъ съ востока со стороны Печенѣговъ; послѣдніе утвердились въ нижнемъ Поднѣпровьѣ еще во времена Святослава и Владиміра. Въ началѣ двѣнадцатаго вѣка, судя по прошедшему времени въ сообщеніи Нестора, Уличи были уже отрѣзаны отъ устьевъ Дуная («сѣдяху»); отступая сначала къ западу, они должны были тогда вмѣстѣ съ Тиверцами удалиться къ сѣверу. Въ связи съ приливомъ русскаго населенія въ среднее и сѣверное Поднѣстровье стоитъ, вѣроятно, возвышеніе Галича, которое по дошедшимъ историческимъ даннымъ наблюдаемъ въ первой половинѣ XII вѣка. Галичъ становится въ это время значительнымъ княжествомъ, соперничающимъ съ Кіевскимъ: только Венгры, оказывающіеся естественными союзниками Кіева, могутъ сдержать его завоевательныя стремленія и расширяющееся могущество. Князь-изгой Ростиславъ гибнетъ на восточной окраинѣ русской земли въ Тмутороканѣ, а съ нимъ падаетъ окончательно и этотъ послѣдній оплотъ Восточноруссовъ у Азовскаго моря; черезъ тридцать лѣтъ въ головѣ другого князя-изгоя, сына Ростиславова, Василька, попавшаго на западную русскую окраину, зрѣютъ мысли, сви-

1) Ср. Комм. сп. Новг. 1-й. Составитель второй редакціи Повѣсти вр. лѣтъ, какъ видно изъ списковъ Ипатьевской лѣтописи, а также Радзивиловскаго и Моск.-Академическаго, въ виду извѣстнаго и ему о томъ преданія, исправилъ слова Нестора: «сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви» на «сѣдяху по Бугу и по Днѣпру».

дѣтельствующія о громадныхъ матеріальныхъ силахъ, сосредоточившихся въ его рукахъ: онъ хочетъ опустошить землю Ляховъ и отомстить имъ за русскую землю, хочетъ принудить Дунайскихъ Болгаръ переселиться въ свою Теребовельскую волость, мечтаетъ о походѣ на Половцевъ, чтобы снискать себѣ славу или сложить свою голову за русскую землю. Очевидно, на глазахъ смѣлаго князя происходитъ ростъ югозападной окраины, туда отливаютъ силы и средства изъ разоренной и поруганной русской земли. Черезъ пять или шесть десятилѣтій судьба Кіева и русской земли оказывается въ рукахъ Суздальскаго и Галицкаго князя. Это очевиднымъ образомъ обнаруживаетъ паденіе Приднѣпровскаго центра и перенесеніе его значенія на два новые центра, возникшіе на крайнемъ сѣверовостокѣ и крайнемъ югозападѣ. Возвышеніе обоихъ новыхъ центровъ стоитъ въ прямой зависимости отъ прилившаго къ нимъ русскаго населенія — съ одной стороны, съ юга, съ другой, съ востока. Но приливъ этого населенія къ новымъ центрамъ, а не къ старому средоточію русскаго племени — къ Поднѣпровью указываетъ на ослабленіе и паденіе послѣдняго. Половцы обезсилили своими набѣгами среднее Поднѣпровье, доканчивая дѣло Печенѣговъ, разорившихъ и опустошившихъ бассейнъ нижняго теченія Днѣпра. Въ свѣдѣніяхъ русскихъ людей конца XI вѣка, дошедшихъ до насъ черезъ лѣтописи, едва ли много преувеличенія: «городи вси опустѣша и села; прейдемъ поля, идеже пасоми бѣша стада конь, овця и волове, все тоще нынѣ видимъ, нивы поростъше звѣремъ жилища быша» (Лавр. подъ 1093); «за наше несытьство навелъ Богъ на ны поганыя; а и скоты наши и села наши и имѣния за тѣми суть» (Предисловіе къ Соф. Вр.).

Замѣчательно, что паденіе Кіева и другихъ центровъ средняго Поднѣпровья не имѣло послѣдствіемъ усиленія сѣвернаго Поднѣпровья, или Новгорода, Полоцка, Пскова: раньше жизнь русскаго племени, казалось, сосредоточивалась между Чернымъ и Балтійскимъ моремъ,—ослабленіе черноморскихъ центровъ повело бы къ усиленію балтійскихъ. Теперь отношенія осложнились новымъ факторомъ: появленіемъ въ среднемъ Поднѣпровьѣ неустойчивой, не осѣвшей этнографической массы въ лицѣ прилившихъ сюда Восточнорусовъ. Только гораздо позже, когда Восточнорусы, осѣвъ въ Бѣлоруссіи и смѣшавшись съ туземнымъ населеніемъ, образовали вмѣстѣ съ нимъ одно болѣе или менѣе сплоченное цѣлое, здѣсь, на русскомъ сѣверозападѣ, закладываются основанія литовско-русскаго государства, къ которому естественно переходитъ власть надъ всѣмъ Поднѣпровьемъ. Но въ XII вѣкѣ Кіевъ долженъ былъ передать свое значеніе инымъ центрамъ, создавшимся при иныхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, которыя создали первое русское государство.

Населенная Сѣверянами Суздальская земля, какъ только къ ней примкнули съ юга Восточнорусы, образовала могущественную политическую организацію, ибо вмѣстѣ съ княжеской властью перепяла отъ Кіева его культуру и просвѣщеніе. Въ теченіе недолгаго своего существованія Кіевъ успѣлъ выработать идею національной княжеской власти, положить основанія своеобразной и устойчивой культурѣ, пріобщить всѣ русскія племена къ христіанству и создать національную церковь. Всѣ эти блага цивилизаціи стали общимъ достояніемъ русской земли; они открыли возможность роста и развитія новымъ центрамъ, создававшимся при тѣхъ или иныхъ новыхъ условіяхъ народной жизни. И Владиміръ, и Галичъ могли перенять на себя политическое и культурное значеніе Кіева, благодаря тому что въ Кіевѣ создались и выработались основанія государственной и гражданской жизни, воспринятыя всѣмъ русскимъ народомъ.

Паденіе Кіева не знаменовало собой ни полнаго обезлюденія области древнихъ Полянъ, ни тѣмъ болѣе переселенія Полянъ на западъ или на суздальскій сѣверовостокъ. Южнорусская семья потеряла, правда, какъ мы видѣли, свои южныя поселенія; Уличи удалились оттуда къ сѣверозападу; весьма вѣроятно, что область за Росью, южною границей Кіевской земли, не могла обезпечить своего населенія отъ опасности со стороны степи; эта опасность могла быть причиной временнаго передвиженія сидѣвшихъ южнѣе племенъ къ сѣверу. Но едва ли подобныя передвиженія коснулись области Полѣсья, слѣдовательно, сѣверной Кіевщины, гдѣ населеніе находило себѣ естественное прикрытіе въ физическихъ условіяхъ страны. То же имѣло мѣсто на востокѣ южнорусской территоріи, на правомъ берегу Днѣпра; и здѣсь лѣсная полоса укрыла населеніе, зашедшее раньше далеко на югъ, въ степи. Особенно настоятельны были эти передвиженія въ XIII вѣкѣ при нашествіи Татаръ. Прямыхъ потомковъ Полянъ, Древлянъ, Сѣверянъ можно признать въ населеніи современныхъ сѣверныхъ уѣздовъ Кіевской губерніи и современной Волыни, южныхъ уѣздовъ Черниговщины и сѣверной Полтавщины. Что до населенія болѣе южныхъ мѣстностей, то оно въ значительной своей части представляется прибывшимъ съ югозапада, откуда пошла колонизаціонная волна на востокъ, какъ только новая государственная власть литовско-русскихъ князей обезпечила здѣсь сколько-нибудь сносныя условія существованія. Основаніемъ для такого утвержденія служатъ звуковыя различія между южными и сѣверными малорусскими говорами: въ южныхъ видимъ монофтонгъ *і* на мѣстѣ исконнаго *о* полудолгаго, между тѣмъ какъ болѣе сѣверные говоры представляютъ иные монофтонги (u, ü, ö, y, и т. д.), а также дифтонги; монофтонгъ *і* находимъ не только въ Слободской Украйнѣ,

въ Полтавщинѣ и Кіевщинѣ, но также и въ Подольской губерніи и въ Галиціи. Слѣдовательно, говоры съ *і*, занявшіе на востокѣ на памяти исторіи новыя мѣста, до тѣхъ поръ не заселенныя, идутъ съ югозапада и изъ Галиціи, гдѣ должно было, согласно съ вышеуказаннымъ, сосредоточиться значительное по своей численности населеніе. Южнорусское племя такимъ образомъ сидитъ до сихъ поръ въ тѣхъ предѣлахъ, которые обезпечило ему кіевское государство, но кромѣ того оно расширило свои поселенія на востокѣ, въ лѣвобережной окраинѣ. Но если Южнорусы не потерпѣли этнографически, сохранивши свой языкъ и не утративъ своей территоріи, то въ отношеніи культурномъ паденіе Кіева и другихъ приднѣпровскихъ центровъ имѣло для нихъ роковое значеніе. Южнорусское племя было, можно сказать, обезглавлено; въ великомъ крушеніи, причиненномъ татарскимъ нашествіемъ, которому предшествовали такія катастрофы, какъ двукратное разореніе Кіева въ 1169 и 1203 году, оно потеряло правящіе классы, свое боярство, духовенство и житыхъ людей; они были или перебиты или, спасая животы, удалились въ иные центры, между прочимъ во Владиміръ; ср. удаленіе во Владиміръ кіевскаго митрополита, вынужденнаго къ тому татарскимъ насиліемъ и полнымъ разореніемъ земли. Правда, Южнорусы, какъ мы видѣли, нашли себѣ новый оплотъ на западѣ; галицко-русское государство продолжало свой ростъ и въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣка: геніальный Романъ подготовлялъ основанія для новой монархіи; его имя окружалось царскимъ ореоломъ; южная Русь на западной своей окраинѣ воскресала для новой жизни, но нашествіе Татаръ пресѣкло эту жизнь въ самыхъ ея основаніяхъ, разрушивъ Кіевъ, опустошивъ Поднѣпровье и разорвавъ этимъ ту связь, которая соединяла новую жизнь съ колыбелью русской государственности и гражданственности. Галицкая Русь, не видя на востокѣ ничего кромѣ разоренія и смертной опасности, бросилась въ объятія иноземной культуры, тѣснѣйшимъ образомъ связывая свои судьбы съ Польшей. Кратковременность роста и самостоятельнаго развитія не позволила галицко-русскимъ центрамъ воспользоваться всѣмъ духовнымъ и культурнымъ наслѣдіемъ Кіева.

Совершенно иное видимъ на сѣверовостокѣ: паденіе Кіева, затѣмъ татарское разореніе, полное смятеніе на западѣ настойчиво вызываютъ образованіе тамъ самостоятельнаго, національнаго центра; уровень цивилизаціи понижается, не находя себѣ поддержки со стороны міровыхъ центровъ торговли и просвѣщенія; но за то бережно подбираются осколки старой кіевской культуры; все опредѣленнѣе складываются національныя стремленія, ибо только въ нихъ, какъ инстинктивно сознаютъ народныя массы, можетъ быть спасеніе

отъ грозящаго иноплеменнаго засилія. Центростремительныя усилія доводятся до высшей степени напряженія: не позже какъ черезъ сто лѣтъ послѣ татарскаго нашествія опредѣлились очертанія новаго политическаго центра съ ярко намѣченнымъ стремленіемъ собиранія вокругъ себя русской земли. Эти стремленія находили себѣ противовѣсъ только въ господствующихъ классахъ иныхъ центровъ, другихъ областей: народные низы шли имъ, напротивъ, навстрѣчу, парализуя усилія правящихъ слоевъ поддержать сепаратизмъ, сохранить обособленность. Тѣмъ не менѣе дѣло объединенія представляло непмовѣрныя трудности: ему противилось все прошлое, всѣ тѣ формы жизни, которыя оно создало, всѣ тѣ экономическіе и культурные интересы, которые въ прошломъ раздѣлили русскія племена и ихъ области. Въ самой Москвѣ встрѣтились два различныхъ въ своихъ основаніяхъ нарѣчія — восточное и сѣверное; различію въ языкѣ соотвѣтствовали, конечно, и другія рѣзкія этнографическія различія между обоими племенами. Но инстинктивное стремленіе къ единенію привело и здѣсь къ опредѣленному результату: въ Москвѣ, такъ же какъ и въ другихъ центрахъ, гдѣ встрѣчались Сѣверноруссы и Восточноруссы, такъ же какъ въ колонизуемыхъ обоими племенами окраинахъ стали создаваться смѣшанныя нарѣчія, совмѣщавшія особенности сѣверной и восточной рѣчи. Нѣкоторыя изъ такихъ нарѣчій, въ частности московское, успѣваютъ вылиться въ стройное цѣлое, легко усвояемое и Сѣверноруссами и Восточноруссами. Появленіе подобныхъ нарѣчій свидѣтельствуетъ о сліяніи обоихъ племенъ въ одну націю. Нація опредѣляется общимъ языкомъ и общими культурными и политическими учрежденіями. Великорусская нація, явившаяся результатомъ сліянія сѣверноруссскаго и восточноруссскаго племени, въ области политической создала московское государство и рядомъ съ діалектическимъ разнообразіемъ мѣстныхъ говоровъ выработала одинъ общій великорусскій языкъ. Это языкъ великорусскаго политическаго центра Москвы; какъ языкъ культурнаго центра, онъ тѣсно связанъ съ тѣмъ книжнымъ языкомъ, который Москва получила изъ Кіевской Руси, но его основаніемъ являются живые языки сѣверноруссскаго и восточноруссскаго племенъ.

Близкое сожительство обоихъ этихъ племенъ въ области языка произвело не одно только московское нарѣчіе и другія, подобныя ему упомянутыя выше смѣшанныя нарѣчія; оно имѣло кромѣ того слѣдствіемъ, во-первыхъ, рядъ общихъ языковыхъ явленій, прошедшихъ черезъ обѣ языковыя группы — сѣверноруссскую и восточноруссскую (иначе сѣверновеликорусскую и южновеликорусскую), слѣдовательно, рядъ общевеликорусскихъ языковыхъ явленій, во-вторыхъ, рядъ діалектическихъ явленій, переходящихъ границу,

лежавшую между обѣими языковыми группами. Къ явленіямъ перваго рода относится, напримѣръ, переходъ дифтонговъ *ый* и *ій* въ *ой* и *ей*; или исчезновеніе въ склоненіи и спряженіи свистящихъ звуковъ, находившихся въ чередованіи съ заднепебными согласными (рукѣ, пеки вм. руцѣ, пеци). Къ явленіямъ второго рода относится, напримѣръ, переходъ γ въ в въ род. падежѣ мѣстоименнаго склоненія (тово, злово), не коснувшійся только югозападныхъ и южныхъ говоровъ южновеликорусскихъ и нѣкоторыхъ окраинныхъ сѣверновеликорусскихъ говоровъ; или переходъ *к* въ мягкое средненебное *к* въ положеніи за мягкимъ звукомъ (чайкю вм. чайку), извѣстный и въ центральныхъ, и въ южныхъ, и въ сѣверовосточныхъ губерніяхъ Великороссіи.

Разсмотрѣніе этихъ великорусскихъ звуковыхъ явленій ставитъ передъ изслѣдователемъ важный вопросъ хронологическій: къ какому времени они восходятъ, какъ далеко вглубь прошлаго могутъ быть прослѣжены начатки великорусскихъ явленій? Какъ увидимъ въ §§ 525—528, нѣкоторыя изъ этихъ явленій можно возвести къ эпохѣ паденія глухихъ и къ непосредственно предшествовавшему паденію глухихъ времени, слѣдовательно, къ XII вѣку. Это согласуется съ предположеніемъ о томъ, что Восточнорусы уже въ концѣ X вѣка, покинувъ насиженныя на Дону мѣста, оказались въ бассейнѣ Оки въ соприкосновеніи съ Сѣвернорусами; XI вѣкъ, время Ярослава, положилъ начало сліянію обоихъ племенъ сѣверовосточной Руси и образованію великорусской народности.

Восточнорусы, удаляясь изъ бассейна Дона, пошли въ среднюю Россію по двумъ направленіямъ — сѣверному и сѣверозападному. Это было началомъ и позднѣйшаго ихъ раздѣленія. Часть Восточнорусовъ, какъ мы видѣли, примкнула къ Сѣвернорусамъ и вмѣстѣ съ ними слилась въ новую народность—великорусскую. Другая часть, достигнувъ сѣвернаго Поднѣпровья и оттуда попавъ въ Бѣлоруссію, слилась съ населявшимъ въ то время Бѣлоруссію населеніемъ, представлявшимся соединеніемъ южнорусскихъ элементовъ съ ляшскими. Результатомъ сліянія явилась народность бѣлорусская.

Какъ указано, исторія бѣлорусскаго языка въ позднѣйшей его стадіи, когда онъ сталъ языкомъ бѣлорусской народности,—а народность эта образовалась путемъ сліянія восточнорусскихъ элементовъ съ южнорусскими, воспринявшими въ свой составъ и ляшскіе элементы, стоитъ внѣ рамокъ настоящаго труда. Внѣ ихъ остается и исторія великорусскаго языка. Я ограничиваюсь исторіей составныхъ элементовъ бѣлорусскаго языка, хотя, впрочемъ, хронологическія соображенія заставили меня коснуться нѣкоторыхъ древнѣйшихъ явленій, общихъ восточнорусскимъ и сѣвернорусскимъ говорамъ, сливавшимся въ одинъ великорусскій языкъ. Исторія малорусскаго языка подле-

литъ нашему изслѣдованію только въ отношеніи тѣхъ древнѣйшихъ ея эпохъ, которыя предшествовали вторженію Восточнорусовъ въ Бѣлоруссію и оттор-женію южнорусскихъ племенъ, населившихъ Бѣлоруссію, отъ прочихъ Юж-норусовъ; эти древнѣйшія эпохи жизни малорусскаго языка можно опредѣлить терминомъ «эпоха южнорусская». Малорусскій, бѣлорусскій, великорусскій языки должны въ Энциклопедіи славянской филологіи получить обработку въ отдѣльныхъ самостоятельныхъ очеркахъ. Настоящій трудъ не заходитъ за предѣлы эпохъ, опредѣляемыхъ какъ сѣвернорусская, восточнорусская и южнорусская, и остается въ хронологическихъ рамкахъ до татарскаго на-шествія.

Энциклопедія Славянской Филологіи.
Выпускъ 11

Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка.

Отдѣлъ I. Звуковой составъ общеславянскаго праязыка.

Предстоящая мнѣ задача сводится къ опредѣленію тѣхъ звуковъ, которые общеславянскій праязыкъ имѣлъ въ эпоху, непосредственно предшествовавшую его распаденію (оно началось, какъ мы видѣли во введеніи, съ выдѣленія изъ общеславянской семьи западной вѣтви). Звуковая система общеславянскаго праязыка сложилась въ результатѣ ряда измѣненій, которымъ подверглись звуки, унаслѣдованные этимъ языкомъ изъ балтійско-славянскаго праязыка, а черезъ его посредство изъ праязыка индоевропейскаго. Эти измѣненія подлежатъ нашему разсмотрѣнію только въ томъ случаѣ, если безъ того не могутъ быть обоснованы тѣ или иныя предположенія относительно природы общеславянскихъ звуковъ.

Глава I. Гласные звуки.

§ 1. Гласныя общеславянскаго праязыка были по мѣсту своего образованія трехъ рядовъ: задняго, средняго и передняго. Нѣкоторыя исконно долгія гласныя передняго ряда распались въ дифтонги. Заднія и переднія гласныя являлись какъ въ чистомъ, такъ и въ носовомъ видѣ. Среднія и переднія гласныя, кромѣ полнаго вида, были извѣстны и въ редуцированномъ видѣ, при которомъ утрачивались нѣкоторые существенные признаки ихъ образованія. Среди чистыхъ гласныхъ были исконно краткія и исконно долгія гласныя; носовыя были исконно долгими. Исконно краткія при извѣстныхъ условіяхъ растягивались и переходили въ полудолгія; исконно долгія, сокращаясь при извѣстныхъ условіяхъ, становились полудолгими. Редуцированныя гласныя, равно какъ и нѣкоторыя нередуцированныя, при извѣстныхъ условіяхъ были полукратки. При опредѣленныхъ условіяхъ редуцированныя гласныя, равно какъ и нѣкоторыя нередуцированныя, становились неслоговыми.

Такимъ образомъ мы разсмотримъ: гласныя чистыя, дифтонги, гласныя носовыя, гласныя редуцированныя; далѣе — гласныя краткія, долгія и полудолгія; загѣмъ — гласныя полукраткія; наконецъ — гласныя неслоговыя.

Гласныя чистыя.

§ 2. Общеславянскій праязыкъ имѣлъ слѣдующія гласныя: задняго ряда — a, o, ô, u; средняго ряда — y; передняго — i, e, ê, ȧ, o (ô), ü.

§ 3. Гласная a, вѣроятно, нижняго образованія восходитъ къ индоевропейскимъ ā и ō. Была извѣстна послѣ твердыхъ и мягкихъ согласныхъ: sl̓ava, ср. старослав. слава, польск. sława, чешск. sláva, сербск. сла̏ва; voľa, ср. старослав. волѫ, велшкор. воля, чешск. vůle, словенск. vǫ̣la; koń̓a р. ед., ср. старослав. коня, малор. коня, сербск. коња; jarić̓a, ср. велшкор. ярица, словенск. jarica, нижнелуж. jarica. Послѣ мягкихъ согласныхъ можетъ восходить къ ē черезъ посредство долгаго ä: ć̓asъ, ср. старослав. часъ, польск. czas, малор. час, изъ *ć̓ēsos, восходящаго къ *kēsos. Въ началѣ слова получала передъ собой j, напр. jagoda, ср. велшкор. ягода, словенск. jagoda, верхнелуж. jahoda, изъ *ag-oda (литовск. ûga, лат. ūva изъ ūgvā). Мѣстоименный корень ā, который находимъ также въ союзѣ a, имѣлъ передъ собой придыханіе h (см. § 101).

§ 4. Гласная o нижняго образованія, слѣдовательно, собственно å, восходитъ къ индоевропейскимъ ă и ŏ. Была извѣстна не въ началѣ слова, при томъ только послѣ твердыхъ согласныхъ (послѣ мягкихъ измѣнялась въ o и далѣе въ e): proso, ср. старослав. просо, словенск. proso, нижнелуж. pšoso; р. ед. poľa, ср. старослав. поля, малор. поля, сербск. поља; sъ̑to, ср. старослав. съто, древнерусск. съто, сербск. сто. Въ началѣ слова получала передъ собой придыханіе h (см. § 102).

Примѣчаніе. Опредѣляя общеслав. o какъ å, имѣю въ виду главнымъ образомъ передачу южнославянскаго o черезъ a въ словахъ, перешедшихъ изъ славянскаго въ греческій. Ср. Kretschmer въ Archiv fur sl. Ph. XXVII, 228 и сл. Такое же указаніе извлекается изъ того, что въ древнѣйшихъ западнофинскихъ заимствованіяхъ изъ русскаго языка звукъ o передается черезъ a, въ противоположность позднѣйшимъ заимствованіямъ. Ср. Mikkola, Berührr. zw. den westfinn. und slav. Spr. I, 36—37.

§ 5. Гласная ô, т. е. закрытое (узкое, напряженное) o, вѣроятно, средняго образованія замѣняетъ o въ положеніи передъ слогомъ съ полукраткою гласною (ъ̆, ь̆, ĭ); гласная o въ этомъ положеніи удлинялась до полудолготы, измѣняясь и въ самой своей природѣ. Примѣры: dvôrъ̆, ср. ста-

рослав. дворъ, чешск. dvůr, польск. dwór, малор. двір; kostь, ср. старослав. кость, сербск. кост, малор. кість; moï, ср. велікор. мой. чешск. můj, словенск. moj. Въ началѣ слова и эта гласная имѣла передъ собой придыханіе h (см. § 102).

Примѣчаніе. Возводя къ общеслав. праязыку гласную ô полудолгую, имѣю въ виду показанія большей части славянскихъ языковъ въ пользу того, что o въ указанномъ положеніи, передъ полукраткой гласной, не было краткимъ: мы видимъ ō напр. въ сербск. дôм, мôст, нôс, вôз, кôст, мôj, словенск. nôs, vôz, rôg, plôd, sôk, gôd, bôg, tvôj;—въ польск. bóg, bób, wóz, bór, sól, чешск. bůh, dům, kůň, sůl, верхнелуж. kóń, bóh находимъ гласныя. восходящія къ ō; точно такъ же украинск. і въ дім, ніж, віз, ніс, сіль и т. д. ведетъ къ дифтонгу uo изъ ō. Правда, можно предположить, что ō вмѣсто ô явилось въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ въ связи съ выпаденіемъ именно въ нихъ, а не въ общеслав. праязыкѣ полукраткихъ ъ, ь и др.: но болѣе вѣроятнымъ представляется допустить два момента въ развитіи долгихъ o, полученныхъ отдѣльными славянскими языками· первый моментъ относится къ общеслав. праязыку, гдѣ ô переходило въ ô полудолгое вслѣдствіе своего положенія передъ слогомъ съ полукраткою гласной; второй моментъ — къ отдѣльнымъ славянскимъ языкамъ, гдѣ ô полудолгое переходило въ ô долгое вслѣдствіе утраты въ слѣдующемъ слогѣ полукраткой гласной. Указаніе на то, что нельзя обойтись безъ предположенія двухъ моментовъ, извлекается изъ малорусскаго: малор. *рōр (откуда пуон, пун, пін, піп) нельзя объяснить изъ общерусскаго роръ съ краткимъ, открытымъ o, ибо напр. общерусскія koroľь, morozъ (гдѣ o въ предпослѣднемъ слогѣ новое, возникшее на русской почвѣ) не перешли въ малор. въ *koriľ, *moriz, а являются въ видѣ koroľ, moroz; слѣдовательно, піп восходитъ или къ общерусскому и общеславянскому роръ съ ō, или къ общер. и общеслав. роръ съ o полудолгимъ; первое предположеніе отвергаемъ въ виду краткости o напр. въ сербск. и словенск. рôр, а также въ виду o въ чешск. и польск. рор, и останавливаемся поэтому на второмъ. Въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ ō указаннаго происхожденія было закрытымъ: это видно изъ распаденія его въ этихъ языкахъ въ uo; отсюда заключаемъ, что закрытымъ было уже и полудолгое o, предшествовавшее долгому o.

§ 6. Гласная u, вѣроятно, закрытая восходитъ обыкновенно къ индоевропейскому дифтонгу ou; извѣстна въ положеніи послѣ твердыхъ соглас-

ныхъ. Примѣры: дат. ед. drugu, ср. старослав. дроугоу, сербск. другу, чешск. druhu; р. ед. synu. ср. старослав. сѣноу; р.-мѣстн. дв. boku, ср. старослав. бокоу. Послѣ мягкихъ согласныхъ на мѣстѣ u является, какъ увидимъ, ü. Въ началѣ слова u получало передъ собой придыхание h (§ 102).

§ 7. Гласная у средняго ряда, вѣроятно, напряженная и нелабіализованная восходитъ обыкновенно къ индоевропейскому ū; была извѣстна только послѣ твердыхъ согласныхъ. Примѣры: synъ, ср. старослав. сѣнъ, польск. syn, малор. син; род. ед. ryby, ср. старосл. рѣбы, польск. ryby, чешск. ryby, великор. рыбы. Послѣ мягкихъ согласныхъ на мѣстѣ y изъ ū является i, а на мѣстѣ y изъ сочетанія ъns (восходящаго къ ons) — ѧ̑ (см. § 21). Въ началѣ слова y получало передъ собой u̯, откуда v (§ 100).

Примѣчаніе. Опредѣляя y какъ гласную средняго ряда нелабіализованную, я имѣю въ виду переходъ его въ гласную передняго ряда i во многихъ славянскихъ языкахъ (сербско-хорватскомъ, болгарскомъ, словенскомъ, чешскомъ и др.), а также совпаденіе его съ i въ большей части малорусскихъ говоровъ. Но согласныя передъ y произносились лабіализованно (§ 111): это послужило причиной измѣненія y въ гласныя задняго ряда въ нѣкоторыхъ малорусскихъ (угрорусскихъ) говорахъ; ср. указаніе О. Брока на то, что этимологическое y подъ удареніемъ перешло въ нарѣчіи села Убли въ звукъ задняго ряда; также сообщеніе Верхратскаго о томъ, что угрорусское ы — «низкій гортанный звукъ», мѣстами близкій къ ō (Znadobi, I, 13—14; II, 6); далѣе сходное указаніе Огоновскаго (Studien, 39); — Вагилевича, сближавшаго произношеніе карпаторусскаго ы съ дифтонгами oi̯ или ui̯ (Gramatyka jęz. małor., Lwów, 1845, c. XVIII);—Гнатюка, отмѣчающаго «сильное» и «твердое» произношеніе угрорусскаго ы, переходящаго иногда въ o (Етн. збірн. III; ср. вóйти вмѣсто вы́йти);— Верхратскаго, указывающаго, что ы въ говорѣ Замішанцевъ звучитъ иногда какъ громкое долгое o, напр. мыш какъ мōш (Про говор Замішанців). — Однороденъ переходъ y въ u въ бѣлорусскихъ говорахъ, послѣ губныхъ, напр. въ Рѣчицкомъ, Мозырскомъ и Бобруйскомъ уѣздахъ.

§ 8. Гласная i передняго ряда, вѣроятно, напряженная восходитъ обыкновенно къ индоевропейскимъ ī и дифтонгу ei̯; была извѣстна какъ послѣ несмягченныхъ согласныхъ (какъ увидимъ, становившихся въ этомъ положеніи полумягкими), такъ и послѣ смягченныхъ, причемъ въ этомъ положеніи i можетъ восходить и къ ū (см. § 7). Примѣры: siła, ср. старослав. сила, польск. siła, сербск. сила; им. мн. rodi, ср. древнерусск. роди;

род. ед. kosti, ср. старослав. кости, польск. kości, великор. кости: ńiva, ср. старослав. нива, сербск. њива, великор. нива, малор. нива; тв. мн. końi, ср. старослав. и древнерусск. кони. Въ началѣ слова і получало передъ собой i̯ или j (§ 97).

§ 9. Гласная е передняго ряда непапряженная, незакрытая восходитъ обычно къ индоевропейскому e: извѣстна какъ послѣ несмягченныхъ согласныхъ (ставшихся въ этомъ положеніи полумягкими), такъ и послѣ смягченныхъ, хотя при извѣстныхъ условіяхъ въ послѣднемъ положеніи на мѣстѣ е являлся звукъ o (§ 12). Примѣры для e: 3 л. ед. nese, ср. сербск. nese, польск. niesie, чешск. nese, малор. несе: pero, ср. великор. перо, сербск. перо, чешск. pero; 2 л. мн. vedete, ср. старослав. ведете, сербск. ведете, чешск. vedete. Въ началѣ слова е получало передъ собой i̯ или j (§ 27). Звукъ е въ мѣстоименномъ указательномъ корнѣ e-, напр. въ великор. это, эво, сербск. ево, восходитъ къ he (§ 57).

§ 10. Гласная ê, т. е. закрытое (узкое, напряженное) е, замѣняетъ е въ положеніи передъ слогомъ съ полукраткою гласною (ъ, ь, ĭ): гласная е въ этомъ положеніи удлинялась до полудолготы, измѣняясь и въ самой своей природѣ. Подобно звуку е открытому ê употреблялось не только послѣ согласныхъ несмягченныхъ (гдѣ оно соотвѣтствовало при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ звуку e), но такіе и послѣ смягченныхъ согласныхъ (гдѣ оно соотвѣтствовало частью звуку e, частью же o). Примѣры: grebênь, ср. малор. гребінь, болгарск. гребен, словенск. grebên, чешск. hřeben; šêstь, ср. старослав. шесть, малор. шість, сербск. шêст; žênъka, ср. чешск. ženka, великор. жонка.

Примѣчаніе. Звукъ ê, бывшій полудолгимъ, замѣнилъ въ общеслав. праязыкѣ е при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ общеслав. ô полудолгое замѣнило здѣсь o (см. § 5 и прим.). Сопоставленіе словенск. mẹ̑d, lẹ̑d, jẹ̑ť, pẹ̑č, сербск. мêд, лêд, пêћ и т. д. доказываетъ, что въ общеслав. праязыкѣ слова medъ, ledъ, jeľь и т. д. могли имѣть е некраткое; малор. ie (откуда укр. і) въ укр. піч, шість, ль возводится непосредственно къ ē. Въ малорусскомъ, какъ видно изъ словъ берег, череп, черéд, перéд, новое ĕ не переходило въ ē (откуда ie, і) передъ слогомъ съ выпавшею полукраткою гласною (ъ); слѣдовательно, прамалорусское *šēsť (откуда шиесť—шисť) нельзя возвести къ šestь съ ĕ; оно возводится поэтому къ šêstь съ ê полудолгимъ; удлиненіе ĕ, бывшее послѣдствіемъ положенія его передъ слогомъ съ полукраткой гласной, вело его къ закрытому оттѣнку. — Данныя малорусскаго языка въ его исторіи свидѣтельствуютъ какъ будто о томъ, что ê по-

лудолгое, удлиняясь передъ слогомъ съ выпавшимъ ь̆, переходило въ ê долгое (отсюда ie), между тѣмъ какъ передъ слогомъ съ выпавшимъ ъ̆ оно переходило въ ô̂ долгое (отсюда uo), ср. съ одной стороны, šieśť, ṕieć́, kaḿień, съ другой, ḿüöd, ľuod, ńüosť (отсюда въ сѣверномалорусскомъ мюод, нюос, люод). Но, повидимому, ê полудолгое измѣнялось фонетически только въ ê долгое, откуда ie; подъ вліяніемъ аналогіи со стороны родственныхъ формъ, представлявшихъ въ соотвѣтствіи съ ie звукъ o, это ie замѣнялось дифтонгомъ uo, т. е., напримѣръ, mêď фонетически переходило въ ḿêd-ḿied; ḿêd-ḿied подъ вліяніемъ *ḿodu замѣнялось затѣмъ черезъ ḿöd-ḿüod; *ńiesť замѣнено черезъ ńuosť подъ вліяніемъ ńośťa, ńosu (ср. § 420, 457). Въ пользу такого предположенія говорятъ между прочимъ слѣдующія обстоятельства: во-первыхъ, въ верхнелужицкомъ находимъ въ формѣ имен. měd (при mjeda) тотъ же звукъ, что въ pěc, šěsć, cèrc, jěž, а между тѣмъ e передъ твердой согласной переходитъ здѣсь въ o (напр. ćorľu, sotra, sodmy, lodu). Во-вторыхъ, находимъ въ нѣкоторыхъ великорусскихъ говорахъ произношеніе ḿел (вм. мёл), напр. Рязанск. (Тоньш.), Задонск. (Тростянск.). Звукъ e легко возвести здѣсь къ ê, но его невозможно объяснить ни изъ o, ни изъ ö; слѣдовательно, въ общерусскомъ праязыкѣ существовали двѣ формы: ḿêľъ и ḿôľъ (изъ второй формы малор. мюол, великор. ḿол); первая изъ нихъ обязана существованіемъ звуковому закону, а вторая звуковой аналогіи. Въ-третьихъ, произношеніе mied, отмѣченное въ нѣкоторыхъ сѣверномалорусскихъ говорахъ (mi͡ed Бѣльск.: Бессараба; бѣлор. miед Бобруйск.: Карск. II, 223), ведетъ насъ также къ предположенному прамалорусскому ḿêd изъ ḿêdъ. На основаніи тѣхъ самыхъ соображеній, которыя приведены для предположенія общерусскихъ формъ ńêsľъ, ḿêdъ, я признаю, что звукъ ê, не ô, имѣлъ мѣсто въ общеслав. праязыкѣ въ случаяхъ, какъ žênъka, žênъ, žêstъko, bъćêľъka, šêstъ, при чемъ рядомъ могли возникать и формы žônъka, šôstъ (ср. велікор. самъ-шостъ) и т. п. На формы съ ê указываетъ великор. діалектическое жёнка.

§ 11. Гласная передняго ряда нижняго образованія ä была извѣстна только послѣ несмягченныхъ согласныхъ въ нѣкоторыхъ грамматическихъ категоріяхъ (словообразовательныхъ суффиксахъ) и въ нѣкоторыхъ единичныхъ словахъ; а именно ä долгое замѣняло въ опредѣленныхъ случаяхъ подъ вліяніемъ грамматической аналогіи первоначальное ē; изъ двухъ родственныхъ образованій съ ā и ē звукъ ā переносился на мѣсто ē; но, попавъ въ положеніе за полумягкою согласною (а согласныя передъ ē, какъ

и передъ другими гласными передняго ряда, были полумягки), ā измѣнялось въ ä долгое. Такъ, во-первыхъ, объясняется ä долгое въ суффиксѣ именъ прилагательныхъ -ān-: общеслав. ledä́nъ, kostä́nъ, solmänъ, dervä̀nъ явились вмѣсто ledēnъ, kostēnъ, solmēnъ, dervēnъ подъ вліяніемъ kožānъ, snѣžānъ, vošćānъ, и т. п. (a-ān- въ этихъ и подобныхъ словахъ вмѣсто -ēn- подъ вліяніемъ предшествующей смягченной согласной). Такъ, во-вторыхъ, существительныя на -ānin̆ъ, -āne замѣнили этимъ окончаніемъ первоначальное -ēnin̆ъ, -ēne подъ вліяніемъ родственныхъ существительныхъ на -ānin̆ъ, -āne: śeläńin̆ъ явилось вмѣсто śeläńin̆ъ подъ вліяніемъ roľańin̆ъ, dervjańin̆ъ, goŕańin̆ъ. Такъ, въ-третьихъ, формы имперфекта на -āахъ, -āaśe, -āaxǫ и т. д. замѣнили первоначальныя формы на -ēахъ, -ēaśe, -ēaxǫ подъ вліяніемъ формъ на -āахъ, -āaśe, -āaxǫ: letāахъ, itāaśe, neśāaxǫ явились вмѣсто letēахъ, itēaśe, neśēaxǫ подъ вліяніемъ rytāахъ, korāахъ, slavjāахъ, nośāaxǫ. Такъ, въ-четвертыхъ, слова śāmo, prāmo замѣнили первоначальныя śēmo, prēmo подъ вліяніемъ tāmo. kāmo, onāmo.

Примѣчаніе. Указаніе на общеславянское ä въ приведенныхъ категоріяхъ извлекается не только изъ русскаго языка, гдѣ вмѣсто ä находимъ а (напр. ледяной, овсяный, деревяный, полотняный; великор. прямо. сям), но также и изъ другихъ славянскихъ языковъ. Сербское е въ слáмен, лéден, мjéден, сýкнен не можетъ восходить къ ѣ; оно могло бы восходить къ первоначальному е, но предполагаемое въ такомъ случаѣ ledenъ стояло бы отдѣльно отъ русскаго ледяной, что само по себѣ невѣроятно; сербское е могло бы восходить къ ę, но предположеніе для общеславянскаго произношенія ledęnъ (откуда объяснялось бы и русское а въ ледяной) невѣроятно въ виду старослав. ледѣнъ. Поэтому приходится возвести сербское е къ общеславянскому ä. То же должно сказать объ е въ словенскихъ strupę̑n, ledę̑n, prosę̑n, ovsę̑n. Верхнелужицкое а въ drjewjany, słomjany, suknjany не можетъ быть объяснено ни изъ е, ни изъ ѣ; а можно бы возвести къ ę, но предположеніе формы suknęnъ опровергается нижнелужицкимъ языкомъ. Нижнелужицкое а въ drjéjany, słomjany, suknjany, rušany не можетъ быть возведено ни къ е, ни къ ѣ, ни къ ę (случаи, какъ jacmjeń, tśasć, въ нижнелуж. совершенно единичны, а частью они діалектическіе, см. Mucke, Hist. u. vergl. Laut- und Formenlehre der niedersorb. Spr., с. 61, 64, 65); остается предположить, что какъ нижнелужицкое, такъ и верхнелужицкое а восходятъ къ ä. Въ польскомъ языкѣ находимъ въ соотвѣтствующихъ образованіяхъ звукъ a (słomiany, wełniany): a можетъ восходить къ звуку ä, ср. польское a изъ ѣ, непосредственно же

изъ ā. То же можно сказать о старослав. ѣ въ камѣнъ, роумѣнъ, дрѣвѣнъ, рамѣнъ, мидѣинъ, израильтѣинъ: общеслав. ѣ измѣнилось въ старославянскомъ въ ā и совпало такимъ образомъ по звуку съ исконнымъ ā.

§ 12. Гласная передняго ряда лабіализованная средняго образованія ȯ замѣнила еще въ общеслав. праязыкѣ звукъ e при извѣстныхъ условіяхъ, а именно въ положеніи его послѣ смягченной согласной какъ въ концѣ слова, такъ и передъ твердой согласной, слѣдовательно, въ положеніи не передъ слогомъ съ гласною передняго ряда. Примѣры: jȯmu, ср. старослав. ємоу, польск. jemu, укр. йому; žȯna, ср. старослав. жена, польск. żona, сѣверновеликор. жона, бѣлор. жана; čotyre, ср. старослав. четыре, укр. чотири.

Примѣчаніе. Измѣненіе e въ ȯ послѣ j и смягченныхъ согласныхъ явилось въ результатѣ диссимиляціоннаго процесса, задерживавшагося присутствіемъ гласной передняго ряда въ слѣдующемъ за тѣмъ слогѣ. Предположеніе о томъ, что общеслав. e звучало какъ ȯ въ положеніи не передъ слогомъ съ гласной передняго ряда, высказано впервые Ф. Ѳ. Фортунатовымъ. Онъ основывался между прочимъ на переходѣ общеслав. сочетаній čel, žel, šel въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ въ čla, žla, šla (ср. сербск. члан, чешск. žlab, старослав. жладѫ), переходѣ, свидѣтельствующемъ объ измѣненіи e въ čel, žel, šel въ направленіи къ o. Въ пользу общеславянскаго измѣненія e въ ȯ говоритъ появленіе o за смягченными согласными на мѣстѣ исконнаго e какъ въ русскомъ, такъ и въ западнославянскихъ языкахъ: въ польскомъ o замѣняетъ e передъ твердыми согласными зубными (переднеязычными); въ лужицкихъ находимъ o вмѣсто e вообще передъ твердыми согласными (польск. żona, czoło, szosty, żoraẃ, верхнелуж. čoło, pčoła, žona, wčora, нижнелуж. coło, coła, žona, cora, šosty). Правда, въ тѣхъ же языкахъ находимъ измѣненіе e въ o и послѣ исконно несмягченныхъ согласныхъ (ср. великор. сóло, польск. siostra, верхнелуж. lodu, klonu, нижнелуж. rjobro, śota, śopły), но данныя малорусскаго языка показываютъ, что въ исторіи русскаго языка надо различать два ȯ: одно изъ нихъ являлось послѣ согласныхъ, ставшихъ мягкими уже только на почвѣ русскаго языка (напр. въ mȯdu); другое являлось послѣ исконно мягкихъ согласныхъ (напр. въ žȯna); первое ȯ измѣнилось въ малорусскомъ въ e средняго ряда, и передъ этимъ e отвердѣла предшествующая согласная (мэду); второе ȯ перешло въ o (жона). Въ виду этого вѣроятно думать, что въ эпоху измѣненія mȯdu въ mėdu, žȯna звучало въ малорусскомъ уже какъ

ž̈ona. А отсюда слѣдуетъ, что ö въ ž̈ona развилось изъ e раньше, чѣмъ ö въ m̀ödu, и ко времени появленія ö въ m̀ödu уже успѣло перейти въ o. Это обстоятельство дѣлаетъ вѣроятнымъ, что появленіе ö въ ž̈ona и т. п. принадлежитъ къ эпохѣ общеславянской. Разумѣется, невозможно допустить, чтобы общеслав. праязыкъ пошелъ дальше звука ö, т. е. измѣнилъ бы его въ ȯ (звукъ между ö и o), а тѣмъ болѣе въ o: сербск. e въ жена или польск. e въ czego, czemu можно возвести къ ö, но понять ихъ какъ результатъ измѣненія o или o невозможно. Польскій языкъ не даетъ прямыхъ указаній на общеслав. измѣненіе e въ ȯ въ концѣ слова послѣ смягченныхъ согласныхъ: это зависѣло отъ того, что ȯ переходило здѣсь въ o только при наличности благопріятныхъ условій (вліянія слѣдующей твердой зубной согласной), вообще же оно измѣнялось въ e. Но русскій языкъ свидѣтельствуетъ объ одновременномъ переходѣ e въ ȯ какъ въ концѣ слова, такъ и передъ твердой согласной: ср. древнерусск. сѣверозап. кнажо, емъшо, шедъшо, малор. охочо, діалект. зв. ед. царыцé. Возможно признать, что въ общеславянскимъ roĭo, ložö и т. п. звукъ ȯ не изъ e, а изъ o, измѣнявшагося послѣ мягкихъ согласныхъ въ ö, если допустить, что появленіе ö изъ e предшествовало указанному измѣненію o въ ö или явилось одновременно съ нимъ.

Примѣчаніе 2. Въ числѣ гласныхъ общеслав. праязыка я указалъ въ § 2 ô, основываясь на высказанныхъ въ прим. къ § 10 соображеніяхъ; возможно именно, что въ извѣстныхъ случаяхъ ê замѣнялось черезъ ô подъ вліяніемъ звуковой аналогіи: žênъ, cêlъka переходили въ žônъ, côlъka подъ вліяніемъ žönа, cölo.

§ 13. Гласная передняго ряда лабіализованная верхняго образованія ü являлась въ положеніи послѣ j и смягченныхъ согласныхъ, соотвѣтствуя частью индоевр. ou послѣ мягкой согласной, частью индоевр. діфтонгу eu: 1 л. мн. ĭübimъ, ср. великор. любимъ, старослав. любимъ, польск. lubimy; šümъ, ср. старослав. шюмъ, словенск. šum, польск. szum; д. ед. nožü, ср. старослав. ножю, чешск. noži, русск. ножу; д. ед. liću, ср. старослав. лицю, древнерусск. лицю.

Примѣчаніе. То упорство, съ которымъ въ нѣкоторыхъ старославянскихъ памятникахъ пишется буква ю послѣ ж, ш, ч, щ, ц (при чемъ рядомъ являются написанія жа, ша, ча, ща, ца), побудило Фортунатова предположить, что въ старослав. говорахъ за соотвѣтствующими согласными звуками слышалось ü, а не u (если бы произносилось u, то неизбѣжны были бы написанія жоу, чоу и т. д.); ясно, что

ю (въ написаніяхъ лю, чю и т. д.) обозначало не мягкость предшествующей согласной (которая оставалась невыраженною въ сочетаніяхъ съ а), а особый звукъ, не тождественный съ и. Такое же различіе между написаніями чю, шю, жю, щю, цю, съ одной стороны, ча, ша, жа, ща, ца (не чѫ, чѧ, шѫ, шѧ и т. д.), съ другой, держалось весьма долго и въ русскихъ памятникахъ: отсюда заключаемъ, что и въ русскомъ языкѣ за смягченными согласными слышался не звукъ и, а другой отличный отъ него звукъ; можно допустить, что это было или и или ы (т. е. средній между и и ӥ звукъ).—Для общеслав. праязыка считаю вѣроятнымъ принять именно и между прочимъ потому, что это и въ извѣстной части случаевъ соотвѣтствовало индоевропейскому дифтонгу ei̯; предполагая, что ei̯ измѣнилось въ монофтонгъ черезъ посредство ii̯, допускаю, что такимъ монофтонгомъ было именно и, а не ы.

Дифтонги.

§ 14. Дифтонги замѣнили еще въ общеслав. праязыкѣ какъ монофтонгъ ē, такъ и тотъ монофтонгъ, который явился въ результатѣ монофтонгизаціи дифтонга oi̯ (изъ индоевроп. ai̯ и oi̯).

Примѣчаніе 1. О дифтонгическомъ произношеніи въ общеслав. праязыкѣ замѣстителей монофтонговъ ē и ō (замѣнившаго предположительно oi̯) заключаемъ изъ слѣдующихъ данныхъ. Русскій языкъ, въ частности малорусскій, въ его исторіи доказываетъ дифтонгическое произношеніе замѣстителей ē и ō уже въ XII вѣкѣ, ибо въ одномъ съ ними звукѣ совпалъ дифтонгъ, замѣнившій ê долгое изъ ê полудолгаго (ср. § 10 прим., а также §§ 454 и сл.): это видно изъ написаній какъ шѣсть, сѣмь, камѣнь и т. д. въ южнорусскихъ памятникахъ (чит.: шиесть, сием, камиен); дифтонгъ ie держится до сихъ поръ въ сѣверномалорусскихъ говорахъ. Дифтонгъ i̯e на мѣстѣ общеслав. ie сохраняется до сихъ поръ подъ удареніемъ въ нѣкоторыхъ великорусскихъ говорахъ. Сербско-хорватскій языкъ ведетъ также къ дифтонгу ie на мѣстѣ указанныхъ исконныхъ монофтонговъ: изъ него объясняется какъ произношеніе съ e (напр. сено), такъ и произношеніе съ i (напр. сино); дифтонги ie (въ долгихъ слогахъ), i̯e (въ краткихъ) сохраняются до сихъ поръ въ юго-западныхъ говорахъ (напр. сијено, мјесто). Чешско-словацкій языкъ также указываетъ на дифтонгъ ie: ie стянулось въ чешскомъ въ ě (въ краткихъ слогахъ), í (въ долгихъ), а въ словацкомъ держится до сихъ поръ ie (въ долгихъ слогахъ). Въ лужицкихъ языкахъ звуку ě въ ударяемыхъ слогахъ соотвѣтствуетъ дифтонгъ ie (пишется ě). Правда,

имѣются основанія для признанія ѣ въ старослав. языкѣ монофтонгомъ (ср. § 266, 279), равнымъ образомъ издревле ему соотвѣтствуетъ монофтонгъ въ польскомъ, но старославянскіе (болгарскіе) и польскіе монофтонги не трудно объяснить какъ результатъ позднѣйшаго измѣненія дифтонговъ.

Примѣчаніе 2. Вопросъ о томъ, какъ дифтонгизировался монофтонгъ, замѣнившій исконный дифтонгъ o̯i̯, требуетъ разрѣшенія другого вопроса: перешло ли ō, замѣнившее дифтонгъ o̯i̯, въ ē (и отсюда въ дифтонгъ) или само распалось непосредственно въ uo̯ (и отсюда уже дифтонгъ, тождественный съ тѣмъ, который возникалъ въ результатѣ распаденія ē). Считаю болѣе вѣроятнымъ предположеніе о посредствующей ступени uo̯, въ виду особенно тѣхъ соображеній, которыя вызываются исторіей сочетаній kṵo̯i̯, gṵo̯i̯ въ южнославянскихъ и русскомъ языкахъ (ср. §§ 185, 186).

§ 15. Дифтонги указаннаго въ § 14 происхожденія были двухъ родовъ въ зависимости отъ положенія въ словѣ: въ положеніи передъ твердыми (лабіализованными) согласными это былъ дифтонгъ e͡ä; обозначимъ его буквой ѣ; въ положеніи передъ палаталізованными согласными (полумягкими и смягченными), а также въ концѣ слова это былъ дифтонгъ ie; обозначимъ его буквой ѣ̂. Примѣры для ѣ: sѣno, ср. старослав. сѣно, польск. siano, укр. сіно, сербск. сијено; mѣra, ср. старослав. мѣра, польск. miara, великор. мера, сербск. мјера; krѣpъkъ, ср. старослав. крѣпъкъ, великор. крепок. Примѣры для ѣ̂: rѣ́ć, ср. старослав. рѣчь, сербск. ријеч, польск. rzecz; им. мн. sѣ̂mena, ср. старослав. сѣмена, сербск. сјемена, великор. сѣ́мена; дат. ед. vodѣ̂, ср. старослав. водѣ, укр. воді, польск. wodzie.

Примѣчаніе. Указаніе на исконное различіе ѣ и ѣ̂ въ зависимости отъ отмѣченныхъ условій извлекается, во-первыхъ, изъ польскаго языка, гдѣ звуку ѣ въ положеніи передъ твердыми зубными соотвѣтствуетъ a, между тѣмъ какъ звуку ѣ̂, а также ѣ не передъ твердыми зубными—e; во-вторыхъ, изъ восточно-болгарскихъ говоровъ, гдѣ ѣ измѣняется въ a, а ѣ̂ въ e; въ-третьихъ, изъ нѣкоторыхъ сѣверновеликорусскихъ говоровъ, измѣняющихъ ѣ въ e, а ѣ̂ въ i. Въ частности произношеніе дифтонга какъ ѣ̂ (ie) въ концѣ слова доказывается общеслав. переходомъ его въ i при извѣстныхъ условіяхъ: имѣю въ виду случаи, какъ mati, им. мн. rodi, 2 л. пов. nesi (ср. ѣ во 2 л. мн. пов. nesѣ̂te). Чередованіе ie и e͡ä было обусловлено вліяніемъ на элементъ e (дифтонга ie) слѣдующей лабіализованной согласной (ie передъ такой согласной переходило въ e͡ä); мы не можемъ сопоставить его съ чередованіемъ e и o

послѣ смягченной согласной (см. § 12), такъ какъ переходъ e въ ǒ былъ слѣдствіемъ диссимиляціоннаго процесса между согласной и слѣдующимъ e; этотъ процессъ задерживался положеніемъ e передъ согласной палатализованной (полумягкой и смягченной).

Гласныя носовыя.

§ 16. Общеслав. праязыкъ имѣлъ три носовыя гласныя, одну задняго ряда ǫ (носовое o) и двѣ передняго ряда: ę (e носовое) и ѭ (т. е. назалированный дифтонгъ ie). Впрочемъ, ǫ за j и смягченными согласными звучало какъ носовой звукъ средняго ряда ǫ̇, промежуточный между o и ǒ. Звукъ ę въ подобномъ же положеніи звучалъ какъ носовое ȧ.

§ 17. Гласная ǫ восходитъ обычно къ сочетаніямъ ān, ām, ōn, ōm, являясь послѣ твердыхъ согласныхъ: dǫbъ, ср. старослав. дѫбъ, сербск. дуб, словенск. dǫb, польск. dąb; tǫča, ср. старослав. тѫча (дождь), сербск. туча, чешск. tuče, словенск. toča (градъ), польск. tęcza; вин. ед. vodǫ, ср. старослав. водѫ, сербск. воду, великор. воду, польск. wodę. Въ началѣ слова ǫ получало передъ собой или придыханіе, или u̯ (ср. § 102).

Примѣчаніе. Согласное въ сербско-хорв., чешско-слов., лужицкихъ и русскомъ языкахъ измѣненіе ǫ въ u свидѣтельствуетъ, повидимому, о закрытомъ произношеніи общеславянскаго ǫ.

§ 18. Гласная ǫ̇ замѣняетъ ǫ въ положеніи за j и смягченными согласными: в. ед. jǫ̇, ср. старослав. ѭ, древнерусск. ю; 1 л. ед. nošǫ̇, ср. старослав.ношѫ, польск. noszę, великор. ношу.

Примѣчаніе. На звукъ ǫ̇, отличный отъ ǫ, указываютъ между прочимъ данныя русскаго языка; памятники представляютъ правописаніе кожю, ношю, свидѣтельствующее о звукѣ u̇ или u; u̇ замѣнило въ общер. праязыкѣ ǫ̇ такъ же, какъ u замѣнило ǫ. Какъ ǫ такъ и ǫ̇ были въ общеслав. закрыты; слѣдовательно, ǫ̂. Указаніе на ǫ̇ можно извлечь также изъ смѣшенія въ средне-болгарскихъ памятникахъ буквъ ѧ и ѫ послѣ j и смягченныхъ согласныхъ: лабіализація ę вела его къ переходу въ ǫ̈ и далѣе въ ǫ̇.

§ 19. Гласная ę восходитъ обычно къ сочетаніямъ ēn, ēm, ēn̄, ēm̄, являясь послѣ полумягкихъ согласныхъ: męso, ср. старослав. мѧсо, сербск. месо, чешск. maso, польск. mięso, верхнелуж. mjaso, нижнелуж. mjeso; rędъ, ср. старослав. рѧдъ, словенск. red, чешск. řad, польск. rząd. Въ началѣ слова ę принимало передъ собой i̯ или j (см. § 97).

Примѣчаніе. Звукъ ę былъ въ общеслав. открытымъ, какъ можно заключить изъ перехода его въ a въ русскомъ, чешско-словацкомъ и верхнелужицкомъ.

§ 20. Гласная ą замѣняетъ ę въ положеніи за j и смягченными согласными: jęduxa, ср. верхнелуж. jaducha, малор. ядуха; ćęsto, ср. старослав. часто, великор. часто, сербск. често; sѣmę, ср. старослав. сѣмѧ, сербск. сјеме, укр. сімъя.

Примѣчаніе 1. Переходъ ę въ ą былъ результатомъ того самаго диссимиляціоннаго процесса, въ силу котораго ē перешло въ ā послѣ j и смягченныхъ согласныхъ въ общеслав. праязыкѣ. Указаніе на ą извлекается изъ сербскихъ діалектическихъ ja, ča, ža и т. д. вмѣсто ожидаемыхъ и обычныхъ въ сербскомъ je, če, že: чакавск. prijati, jazik, žatva, počati, древнесербск. приѧти, заѧсмо.

Примѣчаніе 2. Возможно, что еще въ общеслав. праязыкѣ ą могло въ окончаніи прич. наст. вр. переноситься на мѣсто у подъ вліяніемъ аналогіи, при чемъ предшествующая согласная оставалась твердой, что повело къ переходу ą въ ą: nesą, idą вм. nesy, idy подъ вліяніемъ pľaćą, oŕą, steĺą; ср. древнерусск. неса, древнечешск. nesa. Но такъ какъ подобный переносъ могъ имѣть мѣсто и въ жизни отдѣльныхъ славянскихъ языковъ, то трудно настаивать на существованіи въ указанной грамматической категоріи звука ą въ общеслав. праязыкѣ.

§ 21. Гласная ѭ являлась въ нѣсколькихъ грамматическихъ окончаніяхъ въ положеніи послѣ j и смягченныхъ согласныхъ, восходя непосредственно къ ȍns изъ ons (ons переходило въ ȍns вслѣдствіе общаго перехода o въ ȏ за j и смягченными согласными). Такому ѭ въ положеніи послѣ твердыхъ согласныхъ соотвѣтствовалъ звукъ y (непосредственно изъ ъns, замѣнившаго ons). Такое ѭ являлось въ окончаніи р. ед. ж. р., напр. voĺѭ, ср. старослав. волѧ, древнерусск. волѣ, укр. волі; въ окончаніи им.-вин. мн. ж. р.: duśѭ, ср. старослав. доуша, древнерусск. доушѣ, укр. душі; въ окончаніи вин. мн. м. р.: końѭ, ср. старослав. коня, древнерусск. конѣ.

Примѣчаніе 1. Впервые А. И. Соболевскій доказалъ существованіе въ общерусскомъ праязыкѣ окончанія ѣ въ указанныхъ грамматическихъ формахъ (см. его Изсл. въ обл. р. грамм., В. 1881); русское ѣ не можетъ быть выведено изъ ę, которое переходило въ a; но объясненіе ѣ изъ общеслав. ѣ носового вполнѣ естественно, въ виду общей утраты носовыхъ звуковъ въ русскомъ. Польское e въ wole, dusze, ziemie р. ед. (въ старомъ языкѣ и въ діалектахъ), также въ panie,

dusze им.-вин. мн. не можетъ восходить къ ę; но объясненіе его изъ ѧ̨ возможно при допущеніи утраты назализаціи именно дифтонгомъ ie. Въ старославянскомъ языкѣ ѣ переходило въ ie или въ iä (отсюда позже монофтонги); слѣдовательно, и ѧ̨ должно было измѣниться въ ię или въ ią̈, совпадая такимъ образомъ съ ę и замѣнявшимъ его послѣ смягченныхъ согласныхъ ą.

Примѣчаніе 2. Въ окончаніи причастій звукъ ѧ̨ (на мѣстѣ ons-ons, напр. въ случаяхъ какъ igraję, pŀaćѧ̨) еще въ общеслав. праязыкѣ замѣнялся звукомъ ę (точнѣе ą) подъ вліяніемъ ę въ причастіяхъ, какъ nosę, vidę. Ср. замѣну y черезъ ę и черезъ его замѣстители a въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ въ причастіяхъ, какъ dada вмѣсто dady. Какъ указано выше, въ прим. 2 къ § 20, возможно, что нефонетическая замѣна y черезъ ä, ą имѣла мѣсто еще въ общеслав. праязыкѣ.

Гласныя редуцированныя.

§ 22. Редуцированными, т. е. гласными неполнаго образованія, утратившими нѣкоторыя специфическія черты своего образованія, что зависѣло отъ чрезвычайнаго ихъ сокращенія, были въ общеслав. праязыкѣ замѣстители исконныхъ ŭ и ĭ, слѣдовательно, двухъ краткихъ гласныхъ верхняго образованія. Можно думать, что редукція поразила ŭ не непосредственно, а черезъ посредство того звука полнаго образованія, въ который перешло ŭ. Мы видѣли въ § 7, что индоевр. u долгое перешло въ общеслав. праязыкѣ въ y долгое, т. е. въ гласную средняго ряда и при томъ нелабіализованную; можно заключить отсюда, что аналогичному измѣненію подверглось ŭ, перешедши въ y краткое. Такимъ образомъ передъ нами редукція y̆ и ĭ. Редуцируясь, эти звуки становились, во-первыхъ, короче краткихъ, иначе полукраткими звуками, во-вторыхъ, утрачивали свойственное имъ верхнее образованіе; результатомъ редукціи звука y̆ (изъ ŭ) явился звукъ ъ, который согласно предыдущему опредѣляемъ какъ гласную редуцированную средняго ряда средняго образованія; результатомъ редукціи ĭ явился звукъ ь, который опредѣляемъ какъ гласную редуцированную передняго ряда средняго образованія.

Примѣчаніе. Что звукъ ъ былъ звукомъ средняго ряда средняго образованія и при томъ нелабіализованнымъ, видно изъ перехода его въ e (звукъ средняго образованія передняго ряда) или въ ė (звукъ средняго образованія средняго ряда) въ чешскомъ, польскомъ и лужицкихъ языкахъ; на среднее образованіе указываетъ и переходъ ъ въ o въ русскомъ и словацкомъ языкахъ, въ старославянскихъ и лужицкихъ гово-

рахъ; этому переходу предшествовала лабіализація ъ, а причину его лабіализаціи надо искать во вліяніи на ъ предшествовавшихъ ему лабіализованныхъ согласныхъ. Такимъ образомъ Мука правильно предполагалъ, что звукъ общеславянскаго ъ былъ близокъ къ звуку ĕ въ нижнелужицкихъ словахъ měch, tĕn, nĕp, rĕž и т. п., опредѣляя послѣдній звукъ какъ ĕ² Сиверса (Mucke, Hist. u. vergl. L. u. F., стр. 47). Что звукъ ь былъ звукомъ передняго ряда средняго образованія, видно изъ перехода его въ е русскомъ, чешско-словацкомъ, польскомъ, лужицкихъ языкахъ, а также въ говорахъ старослав. языка.—Въ сербско-хорватскомъ произошло совпаденіе ъ и ь въ одномъ звукѣ, который въ полномъ своемъ образованіи былъ нижняго ряда: это ä, переходившее затѣмъ въ a.

Примѣчаніе 2. Редуцированные звуки ъ и ь восходятъ вообще къ ў (изъ ŭ) и ĭ; ŭ и ĭ соотвѣтствовали не только индоевр. ŭ и ĭ, но также при извѣстныхъ условіяхъ индоевр. редуцированнымъ звукамъ; эти редуцированные звуки являлись, въ положеніи передъ плавными и носовыми, слоговыми, когда эти послѣднія стояли передъ гласной, неслоговыми когда плавныя или носовыя стояли передъ согласной; но сопоставленіе съ литовскимъ языкомъ доказываетъ, что уже въ балтійско-славянскую эпоху эти редуцированные звуки были замѣнены гласными ŭ и ĭ; ср. общеслав. tьma съ лит. timsras; vьi̯ǫ (кипію) съ лит. viriaũ (я варилъ); vьlkъ съ лит. vil̃kas; gъrdło съ лит. gurklỹs; кромѣ того въ извѣстныхъ случаяхъ ъ и ь восходятъ къ индоевр. слоговому редуцированному звуку въ сочетаніи не съ плавными и не съ носовыми: čьtyre, čьtvьrtъ, ср. чешск. čtyři, čtvrtý, польск. cztéry, czwarty: греч. діалект. πίσυρες; kъtorъ, ср. чешск. který, польск. który: древнеинд. katara; kъda, ср. старослав. никъда, сербск. kàda: древнеинд. kadà; rьći, tьći 2 л. пов. при pekǫ, tekǫ, ср. старослав. пьци, тьци; dьsęte въ dъvadьsęte, dъvanadьsęte, ср. великорусск. двадцать, двѣнадцать, чешск. dvadcet, dvanáct, польск. dwanaście, сербск. двоест, дванаест. Ср. Ф. Фортунатовъ, Индоевр. плавныя согласныя въ др.-инд. яз. (Сборникъ Χαριστηρια, М. 1896, стр. 487—488), Hirt, Ablaut, § 28.

§ 23. Редукція поражала ў (изъ ŭ) и ĭ при всякомъ ихъ положеніи въ словѣ, кромѣ однако положенія ихъ обоихъ передъ i̯(j), а также положенія ĭ за i̯(j) и въ началѣ слога (ĭ восходитъ здѣсь къ jĭ или i̯ĭ, ср. § 25. Очевидно, вліяніе i̯(j) препятствовало утратѣ звуками ў (изъ ŭ) и ĭ ихъ верхняго образованія. Впрочемъ, и въ этомъ положеніи ў и ĭ становились полукраткими; мы разсмотримъ эти полукраткіе звуки ниже, въ §§ 33 и сл.

Примѣчаніе. Звуки ъ и ь въ положеніи передъ i̯ переходили въ ў и ĭ, что особенно ясно указываетъ на невозможность редукціи ў и ĭ передъ i̯ и дальнѣйшаго перехода ихъ въ ъ и ь. Ср. общеслав. dobrу-ì изъ dobrъ-i̯i, vidѣxotu-ĭ изъ vidѣxotъ-i̯i, prodami-ì изъ prodamь-i̯i. Въ виду этого появленіе ъĭ напр. въ tъĭ (отсюда въ малор. той, въ сербск. taj), или ьĭ напр. въ sьĭ (отсюда въ малор. сей, цей) надо относить уже насчетъ явленій отдѣльныхъ слав. языковъ, въ которыхъ лабіализація ъ или иное измѣненіе ъ и ь дѣлали допустимымъ соединеніе ихъ съ слѣдующимъ i̯.

§ 24. Гласная ъ, опредѣленная нами выше, была, какъ увидимъ ниже, въ однихъ положеніяхъ полукраткою, становясь краткою въ другихъ: итакъ ѣ и ъ. Восходя обычно къ индоевр. ŭ, она была извѣстна только послѣ твердыхъ согласныхъ; въ положеніи послѣ j (i̯) и смягченныхъ согласныхъ вмѣсто ъ являлось или ĭ (послѣ j, i̯) или ь (послѣ смягченныхъ согласныхъ) съ дальнѣйшимъ его измѣненіемъ при изв. условіяхъ въ ь (см. § 26); равнымъ образомъ ъ не былъ извѣстенъ и передъ j (i̯). Примѣры: sъnъ̌, ср. старослав. сынъ, сербск. сан, польск. и чешск. sen, верхнелуж. son; rъžž̌, ср. старослав. ръжь, сербск. раж, польск. reż, верхнелуж. rož; dъ̑ska, вин. dъ̑skǫ, ср. старослав. дъска, дъскѫ, польск. deska, сербск. да̑ску, великорусск. до̑ску. Въ началѣ слова й получало передъ собой й (v); поэтому вмѣсто ъ находимъ vъ, напр. vъ́šь̌, ср. сербск. ваш, нижнелуж. veš, voš (корень ŭs-).

§ 25. Гласная ь, опредѣленная нами выше какъ редуцированный звукъ передняго ряда, была, какъ увидимъ ниже, въ однихъ положеніяхъ полукраткой, становясь краткою въ другихъ: итакъ ѣ и ь. Восходя обычно къ индоевр. ĭ, она была извѣстна только послѣ полумягкихъ и мягкихъ согласныхъ, хотя, какъ указано въ § 26, послѣ мягкихъ согласныхъ она въ извѣстныхъ случаяхъ измѣнялась въ ĭ (лабіализованное ь), а послѣ i̯ (j) звукъ ĭ не редуцировался; ь не былъ однако извѣстенъ и передъ i̯, ибо и въ этомъ положеніи, какъ указано въ § 23, ĭ сохраняло свой звукъ, а ь конечный измѣнялся въ ĭ передъ i̯ слѣдующаго слова (§ 23 прим.). Примѣры: lьnъ̌, ср. старослав. льнъ, польск. len, сербск. лан, нижнелуж. ľan; dьnь̌, ср. старослав. дьнь, польск. dzień, нижнелуж. źeń, сербск. дан; tьma, ср. старослав. тьма, польск. ćma. Въ началѣ слова ь былъ непзвѣстенъ потому, что начальное ĭ принимало передъ собой i̯, послѣ котораго оно, согласно предыдущему, не подлежало редукціи; напр. *ĭtǫ перешло въ *i̯ĭtǫ и отсюда, послѣ сокращенія ĭ до полукраткости, ĭtǫ. Равнымъ образомъ и по той же причинѣ ь не былъ извѣстенъ вообще въ началѣ слога, ибо ĭ въ началѣ слога имѣло передъ собой всегда i̯ (j), а i̯ĭ пе-

реходило въ ї: znaї изъ znaji, kraї изъ kraji. Въ виду этого и обобщая положеніе ї въ началѣ слова и послѣ гласной, принимаю, что ї не редуцировалось, не переходило въ ь въ началѣ слога. Сохраняясь какъ ї тамъ, гдѣ за нимъ слѣдовалъ слогъ съ полукраткой гласной, въ другомъ положеніи ї переходило, какъ увидимъ, въ і (і полукраткое).

Примѣчаніе. Только что выставленное положеніе о недопустимости въ общеслав. праязыкѣ сочетаній j̯ + ь, а также ь + j̯ основывается между прочимъ на замѣнѣ j̯ї черезъ і въ такихъ слогахъ, гдѣ і не могло стать полукраткимъ: ср. старослав. и въ нашъ. вошьство, ташъ, тапбыно, трошъ, грончыно, достошъ, пришъ: русск. и въ ящ, ячко, изба, древнее истъба; сербск. и въ изба: польск. і въ izba, діалект. izdba. Далѣе это положеніе основывается на тѣхъ говорахъ, отражающихся въ памятникахъ старослав. языка, которые систематически представляли і, не ь передъ сочетаніями j̯ + гласная; ср. костиѫ, гостию, ялтиѥ и т. д. Напротивъ, ему противорѣчитъ то, что во многихъ случаяхъ данныя отдѣльныхъ славянскихъ языковъ свидѣтельствуютъ о сохраненіи въ общеслав. сочетаній j̯ь или jь безъ измѣненія, ибо на мѣстѣ ихъ находимъ сочетанія j̯е или je, j̯а или ja. Такъ находимъ: сербско-хорв. на́јам, за́јам, ја̀јачкӣ (прилаг. отъ Јајце: назв. крѣпости въ Босніи), велікор., малор., бѣлор. яецъ, яец, яечко, яешня, великор. наем, заём, польск. jajeczny, najem, najemny, малор. ездебка, старослав. ѥмъше Супр. 40, прінѥмъша Супр. 14, приемъше Клоц. сб. строка 75, наемъникъ, богоприемца Ассем. св., неоустроенъ, недостоенъ, въ таиноемыихъ, подъемъ, приемъ Син. молитв., среднеболг. заемъ, приемъ Трновск. ев., вьзаемь Добромир. ев. Согласовать эти противорѣчивыя указанія можно при предположеніи, что судьба ї различалась въ зависимости отъ того, предшествовало ли ему j̯ или j: сочетаніе j̯ї переходило бы въ і и ї, а сочетаніе jї измѣнялось бы въ jь. Такимъ образомъ подходимъ къ предположенію о различеніи j̯ и j: различеніе этихъ звуковъ могло стоять въ зависимости отъ ударенія; j могло являться въ слогахъ ударяемыхъ, а j̯ въ неударяемыхъ: ја̀ѓсӧ, ја̀јьсѣ, ја̀ѓса, ја̀ѓсѣ; отсюда въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ: въ одних ја̀ѓс, въ другихъ ја̀јеѓс, въ одних ја̀јеѓско, въ другихъ ја̀ѓско.

§ 26. Мы видѣли въ § 12, что е въ положеніи за j и смягченными согласными измѣнялось въ о, когда за нимъ не слѣдовалъ слогъ съ гласной передняго ряда; переходъ е въ о представляется слѣдствіемъ диссимиляціоннаго процесса, приведшаго къ лабіализаціи е. Вѣроятно, что такому же

диссимиляціонному процессу подвергались сочетанія j или смягченная согласная + ь, при чемъ ь, лабіализируясь, переходилъ въ соотвѣтствующій лабіализованный звукъ, который обозначимъ буквой ѣ. Итакъ допускаю, что ь переходилъ въ ь за j (не за i̯, ср. § 25 прим.) и за смягченными согласными, когда за нимъ не слѣдовалъ слогъ съ гласной передняго ряда. Примѣры: najьtъ, ср. сербск. најам, великор. наём; počьtъ, ср. великор. почот; rʹačь, ср. старослав. плачь, діалект. плачъ, древнерусск. плачь.

Примѣчаніе. Въ пользу существованія въ указанномъ положеніи ѣ въ общеслав. праязыкѣ можно привести не только соотвѣтствіе ему въ русскомъ звука о, ср. наём, почот, шол, прочол, сѣверновеликор. пóжонка (уменьш. отъ пожня), шов, счот, шопот, и т. д.; на ѣ указываетъ еще и то, что въ случаяхъ, какъ пирожок, рожок, сапожок, дурачок, лишок, мошок, кусочек, кошка, овечка, печка, сербск. грáшак, врʹшак, сврʹчак, бòјак, лàжак, мòљак, сохраняется k, не измѣняясь въ ć, какъ оно измѣняется въ положеніи за i и ь (напр. лице изъ liko, отьць изъ otьkъ); очевидно, звуку k предшествовалъ не ь, а именно лабіализованный звукъ i̯, не способный вліять на слѣд. задненёбныя такъ, какъ вліяли на нихъ нелабіализованныя гласныя передняго ряда. Что до -ьц- въ старослав. лъжьць, рожьць, сербск. грàшац, смòчац, вàшац, тòчац, то онъ заимствованъ изъ такихъ случаевъ, гдѣ ему предшествовала согласная несмягченная. Въ польскомъ языкѣ ѣ потеряло свою лабіализацію, ср. отсутствіе здѣсь лабіализаціи ъ; но въ лужицкихъ языкахъ находимъ o на мѣстѣ ь (обычно передъ l и губными) напр. верхнелуж. worjoł, kozoł, wosoł, wučobny, нижнелуж. swaźobny, kjarcomny, также rožon.

§ 27. Сочетанія плавныхъ и носовыхъ въ началѣ слова и послѣ согласныхъ съ редуцированными ъ, ь измѣнялись въ сочетанія слоговая плавная или носовая съ неслоговыми ъ и ь; объ этихъ сочетаніяхъ скажемъ ниже въ § 40. Сочетанія ѣ и ѣ съ долгими плавными (передъ согласными) разсмотримъ ниже въ § 83. Діалектическое измѣненіе u̯ѣ, u̯ѣ въ ŭ см. ниже въ § 40.

§ 28. Послѣдствіемъ сокращенія ў (изъ ŭ) и ї и ихъ редукціи въ ѣ и ѣ были утрата ими своего ударенія и перенесеніе его на предшествующій слогъ; слогъ этотъ удлинялся и усиливался вслѣдствіе происшедшаго за нимъ сокращенія и перетягивалъ удареніе на себя съ ъ и ь. Такъ еще въ общеслав. праязыкѣ bobў (изъ bobŭ), nožї, šestї, umĭremŭ, vŭzĭmetї, nasŭpetї, počĭnete измѣнились въ bóbъ, nóžь, šéstь, úmьremъ, vъzьmemъ, násъpetь, póčь-

nete. Если й и ĭ стояли въ начальномъ слогѣ слова и имѣли на себѣ ударе-ніе, то оно переносилось на слѣдующій слогъ: такъ им. мн. vȗši переходило въ vẽší, р. ед. tĭsti въ tẽstí. Но иногда на ѣ, ѣ начальнаго слога ударе-ніе переносилось подъ вліяніемъ грамматической аналогіи: они становились при этомъ краткими вм. полукраткихъ: такъ явились, быть можетъ, еще въ общеслав. праязыкѣ dě́skǫ при dẽská (ср. vódǫ при vodá), stě́kla при stẽklǒ (ср. séla при selǒ). Ударе-ніе съ краткихъ ъ, ь (въ положе-ніи передъ слогомъ съ полукр. гласной) не переносилось на предшествующій слогъ: поэтому sъ̀nь́mъ̀ (изъ sŭnĭ́mŭ) при sъ̀nь̀ma (изъ sŭnĭma).

§ 28[1]. Въ словахъ слабоударяемыхъ ъ и ь могли выпадать еще въ общеслав. эпоху. Такъ объясняются формы tъgda, kъgda, togda, kogda, явившіяся непосредственно изъ tъgъda, kъgъda и т. д., а это вмѣсто tъgodá, togodá.

Гласныя долгія, полудолгія и краткія.

§ 29. Какъ увидимъ ниже, ко времени распаденія общеслав. праязыка, въ количествѣ гласныхъ произошли сильныя измѣненія: долгія гласныя при однихъ условіяхъ сократились, а именно въ концѣ слова, при другихъ переходили въ полудолгія; въ извѣстныхъ случаяхъ, напротивъ, долгота замѣнялась сверхдолготой; краткія гласныя въ опредѣленномъ звуковомъ положе-ніи измѣнялись въ полудолгія. Тѣмъ не менѣе, въ особенности въ виду показанія родственныхъ индоевр. языковъ, общеславянскія гласныя могутъ быть раздѣлены на исконно долгія и исконно краткія: имъ соотвѣтствовали долгія гласныя (дифтонги) и краткія гласныя индоевр. праязыка. Исконно долгими были: a, u, y, i, ȁ (замѣнявшее въ изв. случаяхъ a), ŭ; къ долгимъ принадлежали и дифтонги ѣ и ѫ (замѣнившія первоначальныя ē и oi̯); долгими были кромѣ того носовыя ǫ и ę (восходящія непосредственно къ сочетаніямъ гласныхъ o, e съ долгими носовыми согласными); носовое ō или ē распалось на назализованный дифтонгъ ѭ. — Исконно краткими были: o, e, ŏ (изъ e).

§ 30. Долгота общеслав. гласныхъ была нѣкогда двухъ видовъ: экспираторно-музыкальная или короче экспираторная съ преобладаніемъ экспираторнаго, выдыхательнаго элемента (—сопровождавшаяся усиленіемъ) и музыкально-экспираторная или короче музыкальная съ преобладаніемъ музыкальнаго элемента (—сопровождавшаяся высотой). Какъ увидимъ ниже, музыкальная долгота сохранялась въ предпослѣднемъ, слѣдующемъ за ударе-ніемъ слогѣ, въ предударномъ слогѣ и въ начальномъ слогѣ двусложнаго слова подъ ударе-ніемъ: xódĭte, pĭ́ší, pĭvo.

§ 31. Полудолгота въ общеслав. праязыкѣ была двоякаго происхожденія: или она являлась на мѣстѣ первоначальной долготы—долготы экспираторной во всякомъ положеніи въ словѣ кромѣ конечнаго слога (brāta, stāvīte, zābāva),—долготы музыкальной въ слогѣ передъ ударѐніемъ, не предшествующемъ ударѐнію непосредственно, и въ слогѣ за ударѐнемъ, не послѣдшемъ въ словѣ (krāsotá, gólǭbьmъ): или полудолгота замѣнила краткость (въ гласныхъ o, e) въ положеніи передъ слогомъ съ полукраткой гласной: nŏsъ, medъ, kămēnь, slābŏstь (звуки o, e полудолгіе были закрытыми, узкими).

§ 32. Краткость гласныхъ была троякаго происхожденія: во-первыхъ, исконная для гласныхъ o, e, o: vodǫ, medu, ženа: во-вторыхъ, краткія гласныя замѣняли всякія долгія въ концѣ слова: līpa, rodi, nosa, stolъ, drūgu, rǭkǫ, sѣmę; также еще въ положеніи передъ j: znājǫ, krўjǫ, dŭjǫ, korājete и т. д.; наконецъ, въ положеніи безъ ударѐнія за другой гласной stoīte изъ stoījīte перешло въ stoīte и далѣе въ stoite; zaūtra перешло въ zaŭtra и далѣе въ zaŭtra (§ 41); въ-третьихъ, краткія гласныя ъ, ь, у, і замѣняли полукраткія ъ̆, ь̆, ў, ĭ въ положеніи какъ подъ ударѐнемъ въ начальномъ слогѣ слова, такъ и передъ слогомъ съ полукраткой гласной: sъ̆nъ, rьsъ̆, žь̆nьśь̆, šьvь̆śa, sъ̆nьmъ̆, rъ̆rъtъ̆, lьstь̆, istъ̆ba, jáiśь̆, dobryĭ, sińiĭ, dostoinъ̆, dъskǫ.

Примѣчаніе. Основанія для признанія краткими исконно долгихъ въ концѣ слова указаны въ §§ 136 и сл. Сокращеніе гласныхъ передъ j̯ принимаю, во-первыхъ, по соображеніямъ, указаннымъ въ §§ 37, 130 (появленіе ĭj̯ на мѣстѣ īj̯, ўj̯ на мѣстѣ ūj̯ можно объяснить, только допустивъ сокращеніе ī, ū передъ j̯); во-вторыхъ, на основаніи краткости гласной напр. въ штокавск. kŭjḕ изъ kūje, ср. рядомъ діалект. у Крижанича kŭjé, чакавск. kūjȅ (долгота передъ j не сокращалась); также въ пльўјем у Крижанича; въ-третьихъ, на основаніи переноса ударѐнія въ штокавск. ȍбујē, ȉзујēш.

Гласныя полукраткія.

§ 33. Въ §§ 22—23 указаны условія, при которыхъ происходила редукція краткихъ у (изъ ŭ) и і; она имѣла мѣсто для ў всюду кромѣ положенія передъ j̯, а для ĭ всюду кромѣ положенія передъ j̯ и послѣ j̯; положеніе послѣ j̯, въ виду выпаденія j̯, равносильно положенію въ началѣ слога: ĭ не редуцировалось въ началѣ слога. Редуцированныя гласныя были вмѣстѣ съ тѣмъ полукраткими. Такъ явились ъ̆, ь̆, а послѣ j и смягченныхъ согласныхъ ь̆: domъ̆, tъ̆ma, ledъ̆, mь̆lь̆ko, konь̆śi, koń̆ь̆, noź̆ь̆ и т. д. Полукраткіе ъ̆, ь̆, ў, согласно § 32, становились краткими, когда въ слѣдующемъ за ними слогѣ

находилась полукраткая гласная или когда они стояли въ начальномъ слогѣ слова подъ удареніемъ. Въ главѣ о редуцированныхъ гласныхъ изложены важнѣйшія явленія, относящіяся къ гласнымъ ъ, ь, ѣ.

§ 34. Въ указанныхъ двухъ положеніяхъ послѣ i̯ (въ началѣ слога) и передъ i̯ звуки y̆ (изъ ŭ) и ĭ редукціи не подлежали, но они сокращались и въ этихъ положеніяхъ, переходя въ полукраткіе звуки y̯ и i̯. Разсмотрѣнію явленій, связанныхъ со звуками y̯ и i̯, посвящено содержаніе настоящей главы. Подобно полукраткимъ ъ и ь, переходившимъ при указанныхъ выше условіяхъ въ ъ и ь, полукраткія y̯ и i̯ при тѣхъ же условіяхъ измѣнялись въ у и і (ср. § 32).

§ 35. Звукъ і въ началѣ слога могъ имѣть различное происхожденіе. Во-первыхъ, въ началѣ слова і можетъ восходить какъ къ i̯i, такъ и къ j̯i (согласно § 25 прим. i̯—передъ неударяемымъ i, а j̯ передъ ударяемымъ), ибо j̯i въ силу сокращенія звука ĭ теряю свое удареніе, перенося его на слѣдующій слогъ въ порядкѣ, указанномъ въ § 28, а это вело къ переходу j̯ въ i̯; сочетаніе i̯i переходило въ і въ силу сокращенія i. Такъ i̯igrá перешло въ ĭgrá, ср., съ выпаденіемъ ĭ, польск. gra, чешск. hra; i̯imę́ перешло въ ìmę́, ср. древнечешск. jmě, нижнелуж. mě; i̯iskrá въ ìskra, ср. польск. skra, верхнелуж. škra; j̯i̯go въ i̯igó и далѣе ìgó, ср. чешск. jho; i̯imѣ̀ti перешло въ ìmѣ̀ti, ср. чешск. míti, нижнелуж. měś, польск. mieć.

Примѣчаніе 1. Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, і въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ подлежало отпаденію, но въ другихъ оно переходило въ началѣ слова въ i. Рядомъ съ ìgó, ìmę́, еще въ общеслав. праязыкѣ возникали параллельныя формы ígo, ímę (подъ вліяніемъ slóvo, nébo или sěmę, bermę), ср. великор. и́го, и́мя, словенск. igọ̑ непосредственно изъ ì̯go. Ударяемость і охраняла его отъ перехода въ полукраткій звукъ; ср. сказанное въ § 28 объ ударяемыхъ ъ и ь въ начальномъ слогѣ.

Примѣчаніе 2. Звукъ ī изъ j̯i̯ въ началѣ слова могъ замѣняться въ нѣкоторыхъ случаяхъ черезъ і подъ вліяніемъ і въ родственныхъ словахъ и формахъ, гдѣ оно восходитъ (согласно § 36) къ i̯i̯ фонетически. Такъ подъ вліяніемъ poìskati, poìšćǫ, быть можетъ, еще въ общеслав., но возможно, что уже на почвѣ отдѣльныхъ слав. наро́чій, явилось ìskati вм. īskati, ср. малор. ськати.

§ 36. Во-вторыхъ, въ началѣ слога послѣ гласной і можетъ имѣть троякое происхожденіе: оно восходитъ или къ сочетанію i̯i̯ какъ въ серединѣ, такъ и въ концѣ слова, при чемъ i̯ исчезало въ положеніи между гласной и ĭ, а ĭ сокращалось до полукраткаго ì, напримѣръ: kraì изъ kraj̯i̯,

boì изъ boi̯ĭ, boĭko изъ boi̯ĭko, dostoìno изъ dostoi̯ĭno, taĭno изъ tai̯ĭno и т. д.; или къ сочетанію jí (j согласно § 25 прим.), которое, потерявъ вслѣдствіе сокращенія i ударенie, переходило непосредственно въ i̯ì: mój, tvój изъ mojí, tvojí, náìma изъ najíma (ср. najьmъ, отсюда великор. наём), pójdǫtь изъ pojídǫtь (ср. ídǫtь), záìmǫtь изъ zajímǫtь (ср. ímǫtь); или, наконецъ, къ сочетанію jĭ. Это сочетаніе теряло i̯, исчезавшее вообще между гласной и i, а ĭ послѣ гласной по общему правилу (§ 32) переходило въ ĭ, сокращаясь затѣмъ, какъ всякое ĭ, до полукраткаго ĭ. Такъ táìna изъ tai̯ĭna, tróĭća изъ troi̯ĭća, šuĭća изъ šui̯ĭća, vóĭna род. ед. м. р. изъ vój̆ĭna, myì 2 л. пов. изъ mý̆i̯ĭ, daì изъ dái̯ĭ, koraì изъ korái̯ĭ, stoìte 2 л. пов. мн. изъ stoi̯ĭte.

Примѣчаніе 1. И въ первомъ и въ третьемъ изъ только что разсмотрѣнныхъ случаевъ на мѣстѣ ĭ является ĭ, когда въ слѣдующемъ затѣмъ слогѣ была полукраткая гласная; ср. общеслав. dostoiňъ им. ед., taiňъ им. ед., jáiči̯ko, jáiči̯ъ р. мн.; и также: taiňъ р. мн., voiňьstvo, troiči̯ka. Формы, какъ древнерусск. достоенъ, великор. я́ец, трóечка, трóецкой, покоен заимствовали свое е изъ формъ яéц, троéцкой, спéн и т. п. Ср. § 25 прим.

Примѣчаніе 2. Звукъ j (въ ударяемомъ слогѣ) не выпадалъ между гласными. Поэтому krojí, krojíte 2 л. ед. и мн. пов., stojíte 2 л. мн. наст., pojíti инф., mojí им. мн. и т. д., при чемъ во всѣхъ этихъ случаяхъ i (краткое въ концѣ и полудолгое въ другихъ случаяхъ) восходитъ къ ī. Слѣдовательно, видимъ сохраненіе сочетанія jī, между тѣмъ какъ jĭ переходило въ i̯ĭ и далѣе въ ĭ; сопоставьте им. ед. moĭ съ им. мн. mojí.

§ 37. Въ положеніи передъ i̯ звукъ ĭ, откуда далѣе ĭ, имѣлъ разное происхожденіе. Во-первыхъ, ĭ восходило къ исконному, индоевр. ĭ, напр. tretĭi̯e изъ tretĭi̯e, kolĭi̯e изъ kolĭi̯e, pěnĭi̯e изъ pěnĭi̯e; во-вторыхъ, къ исконному, индоевр. ĕ, напр. pǫtĕi̯e изъ pǫtĭi̯e, а это изъ ponteies, срав. греч. πόλεις изъ πολεῐες; въ-третьихъ, къ исконному, индоевр. ī, напр. вин. ед. mьlnĭi̯ǫ изъ mьlnīi̯ǫ, bĭi̯ǫ 1 л. ед. непосредственно изъ bī̆i̯ǫ, а это изъ bīi̯ǫ; им. мн. svinĭi̯ę̆ изъ svinīi̯ę̆, а это изъ svinīi̯ę̆. Причина сокращенія ī передъ i̯ лежитъ въ томъ, что въ общеслав. праязыкѣ передъ i̯ сокращались вообще всѣ долгія гласныя (см. § 32 прим.).

Примѣчаніе 1. Сокращеніе ī передъ i̯ имѣло мѣсто также и подъ ударeніемъ. Удареніе съ ĭ, сокращавшагося до полудолготы, примѣнительно къ указаніямъ, даннымъ въ § 28, переносилось на предшествующій слогъ; такъ явились: pólĭi̯ete (шток. по̏лијете), úbĭi̯ǫtь (шток. у̏бијӯ, укр. подíбъютця), nášĭi̯e (шток. 3 ед. на̏шије). Съ начальнаго слога

ударе́ніе должно было переноси́ться на слѣ́дующій слогъ: такъ яви́лись bĭję́ вмѣ́сто bíję, šĭję́ вмѣ́сто šíję (великор. бью, шью, бьёте, шьёт); равнымъ образомъ šíja должно было измѣ́ниться въ šijá (ср. древнерусск. шыи, Новг. 1-ая Синод., т. е. шеи, также назв. рѣки Шья въ Егор. уѣ́здѣ, притока Пры). Но вліяніе аналогіи содѣ́йствовало перенесе́нію ударе́нія на начальный слогъ въ рядѣ случаевъ; такъ pīšǫ́-píšetь, poí́ǫ-pó́ŕešĭ вызывало при bĭję́—bíjetь, при šĭję́—šíješĭ (ср. серб. бӣје́, шӣје́ш), вѣроятно, еще въ общеслав. праязыкѣ (въ его діалектахъ). Равнымъ образомъ при šíjá возникало въ вин. ед. и им.-вин. мн. šíjǫ, šíjь̀ (ср. vodá-vódǫ, vódy), а это приводило къ ударе́нію šíja и въ имен. ед. (великор. шéя, серб. шӣ́ја).

Примѣ́чаніе 2. Не имѣ́емъ основанія думать, чтобы j могъ задержать редукцію ĭ въ ь такъ, какъ задерживало ее j̀. Поэтому вѣ́роятно, что приведенныя въ предыдущемъ примѣ́чаніи формы какъ bĭję́, šĭję́, šĭjá стали звучать въ общеслав. праязыкѣ bьjǫ́, šьjǫ́, šьjá. Рядомъ съ pę̀nìje, imę̀nìje, korabìje являлись съ наконе́чнымъ ударе́ніемъ: žitьjö, bytьjö, pitьjö. Равнымъ образомъ у насъ нѣ́тъ основанія допускать, чтобы долгія гласныя сокращались передъ j (они сокращались передъ j̀). Поэтому принимаю напр. произношеніе svinījá въ им. ед. при svínìjь̀ въ им. мн. (ср. болг. діалектическія сфиния, зъмия, ср. В. Щепкинъ, Разсужденіе о языкѣ Савв. книги, 237—238); также въ 1 л. ед. lījǫ́, pījǫ́, vījǫ́ при líjetь, píjemъ, víjete (формы, обязанныя вліянію аналогіи, вмѣ́сто фонетическихъ lьjetь, pьjemъ, vьjete, ср. предыдущее примѣ́чаніе).

Примѣ́чаніе 3. Въ положеніи передъ слогомъ съ ì звуку ĭ (изъ ĭ, ě, ī передъ j̀) соотвѣ́тствовалъ звукъ i: siníi изъ siníĭ-jì, pǫtìi изъ pǫteji̇̀, svinìi изъ svinījì.

§ 38. Звукъ ĭ, кромѣ́ указанныхъ въ трехъ предыдущихъ параграфахъ положеній, возникалъ въ общеслав. праязыкѣ еще при одномъ условіи. Ко́нечное ī въ позднѣ́йшую эпоху жизни общеслав. праязыка сократилось въ ĭ вмѣ́стѣ съ остальными долгими гласными. Это ĭ сократилось затѣ́мъ до полукраткости,—перешло въ ĭ, въ томъ случаѣ, когда оно не было защищено ударе́ніемъ (въ предшествовавшую эпоху сокраще́ніе ĭ, вызывая усиле́ніе предшествующаго слога, вело къ перенесе́нію на него ударе́нія съ ĭ, переходи́вшаго тогда въ ĭ, §§ 28, 37 прим.); подъ ударе́ніемъ сохранялось ĭ. Указа́ніе на такое ì извлека́ется изъ всѣ́хъ славянскихъ языковъ, представляющихъ формы, гдѣ́ оно отпало, подобно тому какъ въ нихъ отпали и другія

полукраткія гласныя: ѣ и ъ. Примѣры для общеслав. ì изъ ī (непосредственно же изъ ī) въ концѣ слова находимъ въ нѣсколькихъ грамматическихъ окончаніяхъ. Окончаніе 2 л. ед. -šī, всегда неударяемое, измѣнилось въ -šì: отсюда -š во всѣхъ славянскихъ языкахъ: великор. ходиш, польск. niesiesz, чешск. prosíš, верхнелуж. pleśeš, сербск. питаш; въ старославянскихъ памятникахъ находимъ -ши (ходиши, видиши и т. д.), но ши обозначаетъ въ древнѣйшихъ изъ нихъ (не отражающихъ еще паденія полукраткихъ гласныхъ) šì, ибо буква и служила для выраженія не только ī, но и ì; ср. въ тѣхъ же памятникахъ имѣнїе, свинїа и т. п. Окончаніе инфинитива -tī, измѣнившись въ -tĭ, сохранялось въ такомъ видѣ подъ ударе́ніемъ. а въ неударяемыхъ слогахъ переходило въ -tì; ср. ť, t изъ tì въ разныхъ славянскихъ языкахъ: великорусск. дать, словенск. діалект. plest, brat, чешск. dělat, польск. lubić, сербск. діалект. чинит, чуват, вуѣ (ср. напр. M. Rešetar, Der štokavische Dialekt, c. 198; T. Maretić, Gramatika, c. 233), и т. д.; рядомъ съ -tì упорно держалось, держится и теперь -ti, заимствовавшее свое i изъ формъ на -tí съ окончательнымъ ударе́ніемъ. Окончаніе 2 л. повел. ī замѣнилось черезъ ì, что видно изъ такихъ формъ, какъ великор. броć, остáв, польск. bądź, чешск. nes, toň, chval; рядомъ сохранялось окончаніе i подъ вліяніемъ ударяемыхъ формъ на -í (ср. напр. въ сербскомъ: гȉни, гȁзи, сjȅди). Окончаніе дат. ед. -ovī перешло въ -ovì, ср. древнерусск. домовь, доловь (т. е. домо́в, доло́в), древнечешск. domóv, dolóv (Gebauer, Hist. mluvn. III, 1, 327, 328); рядомъ съ -ovì существовало и -ovi, заимствовавшее свое ĭ изъ формъ, какъ gosti, zvěri (а въ этихъ и подобныхъ формахъ i сохранялось подъ вліяніемъ ударяемаго окончанія í).

§ 39. Звукъ ў явился въ положеніи передъ i̯, во-первыхъ, на мѣстѣ ў, замѣнившаго исконное ŭ, напр. ľubimŭi̯ǫ (рядомъ: ľubimъ i̯ǫ), во-вторыхъ, на мѣстѣ ȳ, сократившагося въ силу указаннаго въ § 32 закона передъ i̯: вин. мн. dobrŷi̯ę изъ dobrȳi̯ę (отсюда фонетически въ малор., съ выпаденіемъ ў, dobrѣ, укр. добрі, а нефонетически подъ вліяніемъ формы dobry въ именномъ склоненіи — dobryi̯ę, великор. добрые); pómўi̯ete изъ pomўi̯ete (ср. сербск. по̏мијēте), zákrўi̯e изъ zakrўi̯e (ср. сербск. за̏кријē); čьrtórўi̯a изъ čьrtorȳi̯a (ср. древнерусск. Черторья).

Примѣчаніе 1. Въ приведенныхъ выше примѣрахъ видимъ переносъ ударе́нія на предыдущій слогъ съ сократившагося до полукраткости у. Въ словѣ какъ помби изъ pomўi̯ę видимъ новое ударе́ніе подъ вліяніемъ аналогіи другихъ подобныхъ словъ, ср. русск. посу́да, пору́ка, доса́да при сербск. по̏мије, по̏суда, по̏рука, до̏сада. Когда уда-

реніе падало на начальный слогъ, оно переносилось на слѣдующій: mў̯ǫ, mў̯ętь измѣнялись въ mў̯ǫ́, mў̯ętь (ср. древнерусск. и діалект. великор. мью); параллельныя формы mý̯ǫ, mý̯ętь представляются новообразованіями при инф. myti, ср. znati-znа́ǫ, duti-dúǫ и т. п. Неясно, вслѣдствіе именно древности памятника. оумъю въ Новг. тріоди XI в. (Др. пам. Срезн., 151, 152).

Примѣчаніе 2. Въ положеніи передъ слогомъ съ і звуку ў (изъ ŭ, ȳ передъ i̯) соотвѣтствовалъ звукъ у: dobrуі изъ dobrў̄-i̯ї; 2 пов. mуі изъ mў̯ї.

§ 40. Кромѣ і и ў общеслав. праязыкъ имѣлъ діалектически еще одинъ полукраткій передуцированный звукъ, а именно звукъ ŭ Какъ увидимъ, въ значительной части говоровъ общеслав. праязыка неслоговое u̯ передъ гласными не скоро уступило мѣсто спиранту, губногубному w, откуда губнозубное v. Когда въ этихъ говорахъ происходила редукція ў (изъ ŭ) и ĭ, редуцированные звуки ъ и ь оказывались въ рядѣ случаевъ за u̯ Краткіе ъ и ь сохраняли при этомъ свой звукъ, напр. общеслав. діалект. u̯ьśь (въ другихъ діалектахъ vьśь), pra̯ьdьno (въ другихъ діалектахъ pravьdьno), u̯ъпъ (въ другихъ діалектахъ vъпъ), u̯ъ́ś́ь (въ другихъ діалектахъ vъ́ś́ь). Но полукраткіе ъ и ь ассимилировались предшествующему u̯ и переходили въ ŭ (полукраткое u), передъ которымъ выпадало u̯ (какъ i̯ выпадало передъ і). Такъ явились діалектическія: synoŭ (при synovъ другихъ діалектовъ), dѣŭka (при dѣvъka), łoŭko (при łovъko), praŭda (при pravьda), słaŭno (при słavьno) и т. д. Равнымъ образомъ находимъ ŭ въ началѣ словъ: ŭdova (при vьdova), ŭćeга (при vьćeга), ŭśa (при vьśa), ŭпukъ (при vъпukъ), ŭśi (при vъśi).

Примѣчаніе 1. Полукраткое ŭ при общемъ паденіи полукраткихъ перешло въ u̯, какъ полукраткое ĭ измѣнилось въ i̯; ср. великор. діалект. дамоў, сыноў, деўка, малор. діўка, синіў, бѣлор. дзѣўка, ноў, гатоў, словенск. діалект. noų. Въ началѣ слова ŭ измѣнилось частью въ u полнаго образованія (какъ і измѣнялось въ і полнаго образованія), частью отпадало: великор. діалект. удова, усё, унук, малор. унук, уся, учора, звар, зяў, схід, сербск. ȕнук, унȕтра, у град, удовица, jȕчēра (вмѣсто учера, подъ вліяніемъ jутро?), восточноболг. учѐра, утѐрник, унук, улезла, у старо време. Написаніе праоуда въ Сб. 1073 ведетъ не къ pra̯uda, а къ praŭda, ибо въ XI в. полукраткія гласныя еще сохранялись въ древнерусскомъ языкѣ.

Примѣчаніе 2. Возможно, что сочетаніе u̯ѣ измѣнялось въ общеслав. діалектахъ, сохранившихъ u̯, непосредственно въ полукраткое u (или полукраткое ŭ, т. е. звукъ средній между u и ü), причемъ

полукраткое и перешло въ положеніи передъ твердой согласной и въ концѣ слова въ й, удерживаясь какъ й полукраткое передъ согласной полумягкой; отсюда еще въ общеслав. ì. Указаніе на такое измѣненіе сочетанія u̯ì можно видѣть въ словѣ ivьlga (отсюда русск. йволга), восходящемъ къ общеслав. u̯ьu̯ьlga, при чемъ начальный слогъ u̯ь изъ u̯i представляется удвоеніемъ коренного слога; ср. рядомъ безъ удвоенія старослав. влъга, сербск. вуга, польск. wilga, чешск. vlha. Польское wywilga повидимому вмѣсто wwilga изъ общеслав. vьvьlga.

§ 41. Звукъ u̯ являлся въ общеслав. праязыкѣ во всѣхъ его говорахъ на мѣстѣ u послѣ гласной. Слово zaūtra измѣнилось въ zaŭtra по закону о сокращеніи долгой гласной въ положеніи за гласной; ŭ подлежало въ этомъ положеніи и дальнѣйшему сокращенію до полукраткаго ŭ: zaŭtra. Полукраткое ŭ, сохраняясь въ говорахъ, не измѣнявшихъ u̯ въ w, v, замѣнялось сочетаніемъ vĕ въ говорахъ, проведшихъ такое измѣненіе. Такимъ образомъ напр. форма zaŭtra отражается въ совр. zau̯tra, напр. малор. заўтра, восточноболг. zau̯tra (L. Miletić, Das Ostbulgarische, 82); форма же zavĕtra отражается въ совр. zavtra; великор. зафтра, зафтря, восточноболг. zaftra (Miletić, ib.). Рядомъ существовали въ общеслав. и формы zaūtra, гдѣ ū сохранилось подъ ударе̇ніемъ, и záutrĭje, гдѣ u не перешло въ ŭ вслѣдствіе положенія передъ слогомъ съ ì.

Примѣчаніе. Изъ замѣны ŭ въ одной части слав. говоровъ, а именно не знающихъ u̯, черезъ vĕ въ словѣ zavĕtra слѣдуетъ, что vĕ въ этихъ говорахъ вообще замѣняетъ ŭ; vĕnukъ въ этихъ говорахъ можно возвести къ ŭnukъ, vĕdova (не vĕdova) къ ŭdova. Это надо имѣть въ виду потому, что и послѣ распаденія общеслав. праязыка отдѣльные говоры, унаслѣдовавшіе изъ общесл. эпохи u̯, стали замѣнять его черезъ v.

Гласныя неслоговыя.

§ 42. Общеслав. праязыкъ получилъ изъ индоевроп. праязыка двѣ неслоговыя гласныя i̯ и u̯. Эти неслоговые звуки являлись только передъ гласными; впрочемъ, какъ увидимъ, u̯ въ нѣкоторыхъ образованіяхъ могло попадать передъ j. Разсмотрю отдѣльно судьбу каждой изъ обѣихъ гласныхъ въ общеслав. праязыкѣ.

§ 43. Рядомъ съ i̯ общеслав. языкъ получилъ изъ индоевр. праязыка согласную j. Находились ли тамъ i̯ и j во взаимномъ чередованіи при тѣхъ или иныхъ условіяхъ, мнѣ неясно. Но въ общеслав. праязыкѣ они совпали въ одномъ звукѣ, который являлся въ однихъ случаяхъ въ видѣ согласной j, въ дру-

гихъ въ видѣ i̯; отличіе же j отъ i̯ заключалось, повидимому, въ бо̀льшемъ трепіи выдыхаемаго воздуха при j, въ меньшемъ при i̯. Представляется вѣроятнымъ, что j замѣняло i̯ въ слѣдующихъ двухъ положеніяхъ: во-первыхъ, послѣ согласной, во-вторыхъ, передъ ударяемой гласной. Въ томъ и другомъ случаѣ требовалась болѣе энергичная артикуляція, вызывавшая переходъ i̯ въ j.

§ 44. Что въ положеніи послѣ согласной въ общеслав. праязыкѣ являлся именно j, а не i̯, видно изъ тѣхъ измѣненій, которымъ подверглись здѣсь сочетанія согласной +j: измѣненія эти приводили къ взаимному уподобленію обоихъ элементовъ и къ поглощенію j: отсюда, изъ такого уподобленія ясно, что послѣ согласной былъ j, а не i̯; ср. переходъ kj въ ć, tj въ ćć, nj въ ń, lj въ ĺ, rj въ ŕ, и др. Впрочемъ, сочетанія губная +i̯ сохранялись въ общеслав. праязыкѣ не въ началѣ слова. То обстоятельство, что въ началѣ слова сочетанія губная +i̯ измѣнялись въ губная +ĺ въ общеслав. праязыкѣ (общеслав. bĺudo, pĺujǫ), при чемъ ĺ замѣнило несомнѣнно согласную j, а не гласную i̯, равнымъ образомъ и то, что въ отдѣльныхъ слав. языкахъ имѣлъ мѣсто дальнѣйшій переходъ j въ ĺ (случаи какъ ĺubĺǫ изъ общеслав. ĺubjǫ, которое изъ ĺubi̯ǫ), дѣлаетъ вѣроятнымъ, что и послѣ губныхъ i̯ систематически переходило въ j.

§ 45. Что въ ударяемомъ слогѣ являлось j, въ противоположность неударяемому, гдѣ держалось i̯, было предположено выше въ § 25 пр., гдѣ различіемъ j отъ i̯ объяснено различное измѣненіе сочетаній i̯ь, j̯ь въ славянскихъ языкахъ: i̯ь въ неударяемыхъ слогахъ переходило въ i, а j̯ь въ ударяемыхъ сохраняло ь (отсюда въ отд. слав. языкахъ je, jo, ja). Далѣе въ §§ 32, 37 пр., 39 пр. указывалось на сокращеніе въ общеслав. праязыкѣ долгой гласной передъ i̯ при сохраненіи долготы передъ j: и здѣсь чередованіе долгой и сокращенной гласной совпадаетъ съ предположеннымъ различеніемъ i̯ и j; ср. чакавск. kūjéš при штокавск. kȕješ, ā въ чакавск. dājú 3 л. мн. Третьимъ основаніемъ для утвержденія нашего является различная судьба сочетаній jé и i̯e; jé въ концѣ слова и передъ твердыми согласными переходило въ jö; между тѣмъ i̯e сохраняло свое e въ общеславянскомъ, измѣняя его въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ въ ja. Подробнѣе остановимся на этихъ явленіяхъ ниже (§§ 117, 222, 224); укажу здѣсь на сѣверновеликор. жи́тjо́ (житi̯о) при ко́ńja, малор. насіння, гілля, пруття (въ життя видимъ перенесеніе i̯e, отсюда ja, на мѣсто фонетическаго jo); подобнымъ образомъ находимъ и въ лужицкихъ языкахъ: съ одной стороны отвлеченныя и собирательныя на -je (восходитъ къ -i̯e), напр. dawanje, daće, (daśe), strowje, pjerje, съ другой, слова на -jo (восходящее къ -je), напр. morjo,

lico, słonco (słyńco), polo, hrabišco (grabišćo), и т. д., при чемъ jo лишь діалектически и спорадически замѣняетъ подъ вліяніемъ аналогіи je въ словахъ на исконное -ĭje (ср. Muka, l. c., p. 52, 49).

§ 46. Въ общеслав. праязыкѣ неслоговое i̯, въ противоположность j, исчезало при извѣстномъ условіи въ междугласномъ положеніи. Можно именно думать объ исчезновеніи i̯ въ положеніи передъ гласными передняго ряда; въ § 36 было уже отмѣчено выпаденіе i̯ передъ ĭ и передъ ī; выпаденіе передъ e находимъ, напримѣръ, въ случаяхъ, какъ dobraeho вмѣсто dobraje̯eho (отсюда дальше dobraaho, dobraho), или imaetъ вмѣсто imaje̯etъ (отсюда imaatъ); выпаденіе передъ ē, измѣнявшимся послѣ i̯ въ ä, откуда a, видимъ въ igraašo вм. igraje̯ēšo, vidѣaxǫ вм. vidѣje̯ēxǫ. Правда, въ рядѣ случаевъ видимъ сохраненіе i̯, напр. передъ e въ dobroje̯, moje̯eho, koraje̯emъ, imѣje̯emъ, но можно думать, что здѣсь i̯ удерживалось или вставлялось подъ вліяніемъ аналогіи со стороны тѣхъ формъ, гдѣ оно сохранялось фонетически: dobroje̯ измѣнялось фонетически въ dobroe (ср. отсюда въ отдѣльныхъ слав. языкахъ: dobre польск., малор.), но рядомъ продолжало существовать dobroje̯ подъ вліяніемъ dobraja, dobrǫjǫ; moje̯eho измѣнялось фонетически въ moeho (отсюда дальше moho или meho), но рядомъ сохранялось и moje̯eho подъ вліяніемъ moja, mojǒ; точно также удерживалось koraje̯emъ подъ вліяніемъ koraje̯ǫ, koraje̯ǫtъ.

§ 47. Возможно, что u̯ діалектически замѣнилось черезъ w, v еще въ балтійско-славянскую эпоху. Но мнѣ представляется болѣе вѣроятнымъ, что это явленіе имѣло мѣсто уже только на славянской почвѣ, ибо и до сихъ поръ въ слав. языкахъ сохраняется произношеніе u̯, доказывающее, какъ упорно оно должно было держаться раньше. Ходъ измѣненія u̯ въ v, быть можетъ, былъ таковъ: u̯ переходило въ ударяемыхъ слогахъ въ спирантъ w (ср. переходъ i̯ въ j); такимъ образомъ рядомъ съ u̯odá являлось wódǫ; дальнѣйшій переходъ губнозубного w въ губнозубное v нарушилъ возможность чередованія u̯ со спирантомъ (въ виду большого различія между u̯ и v); vódǫ (вмѣсто wódǫ) вызвало при себѣ vodá, а это (т. е. чередованіе u̯ и v въ u̯odá и vodá) повело къ полному вытѣсненію звука u̯ черезъ v. Къ общеслав. діалектамъ, замѣнившимъ u̯ черезъ v, восходятъ многіе славянскіе языки, а именно всѣ тѣ, которые не сохранили u̯ послѣ гласной (на мѣстѣ болѣе древняго ŭ); таковы западнослав. языки, почти не представляющіе слѣдовъ исконнаго произношенія u̯; таковы многіе великорусскіе говоры и сѣверные и южные (рязанскіе). Мы видимъ здѣсь замѣну не только u̯ черезъ v, но также ŭ черезъ vъ: zavъtra (отсюда zavtra, zaftra) вмѣсто zaŭtra (см. § 41).

§ 48. Славянскіе языки, восходящіе къ такимъ діалектамъ общеслав.

праязыка, которые сохраняли старое произношеніе u̯. въ настоящее время распадаются на три неравныя группы. Въ одной части ихъ u̯ передъ гласными перешло въ v, въ началѣ же слова сохранилось произношеніе u на мѣстѣ ŭ (изъ u̯ĕ и u̯ě): сюда относятся напр. сербскій и болгарскій языки, гдѣ, какъ мы видѣли въ § 40, сохраняется произношеніе удова, унук, у (предлогъ): также нѣкоторые сѣверновеликор. говоры, представляющіе при обычномъ v (также и въ концѣ слога, откуда въ изв. случаяхъ f) звукъ u вмѣсто ŭ въ началѣ слова. Можно думать, что въ этихъ говорахъ замѣна u̯ черезъ v произошла тогда, когда начальное ŭ уже измѣнилось въ u. Въ другой части славянскихъ языковъ u̯ перешло въ v только передъ гласными, сохраняясь какъ u̯ въ концѣ слога и какъ u, ŭ въ началѣ слова: сюда относятся, напр., языки малорусскій, бѣлорусскій и многіе южновеликорусскіе говоры: здѣсь находимъ vodá (vadá), vódu, но koroų̯ (karoų̯), ɣotoų̯ (ɣatoų̯), ďeų̯ka (ďių̯ka). Наконецъ, незначительная часть говоровъ сохраняетъ старое произношеніе съ u̯ (чередуя его съ w) также передъ гласными; такъ въ нѣкоторыхъ масальскихъ и жиздринскихъ, смоленскихъ говорахъ встрѣчается произношеніе u̯otka, wotka, karowa, karoų̯a; тоже въ нѣкоторыхъ малорусскихъ, напр. въ миргородскомъ (ср. В. Г. Ярошенко въ Изв. Отд. р. я. и сл. 1909 г., кн. 1-я. 238—240).

§ 49. Въ положеніи передъ гласными передняго ряда согласныя, какъ будетъ указано въ § 110, звучали въ общеслав. праязыкѣ полумягко: можно думать, что u̯ въ тѣхъ говорахъ общеслав. праязыка, гдѣ оно сохранялось, переходило въ этомъ положеніи въ ŭ или u̯: u̯ĕśora, u̯idimъ. u̯ĕra, u̯ьśь, и т. д. Указаніе на ŭ или u̯ извлекается изъ исторіи сочетаній ku̯, gu̯ передъ ě въ той отрасли общеслав. праязыка, которая легла въ основаніе южныхъ и восточныхъ слав. языковъ: здѣсь, какъ увидимъ, ku̯ě, gu̯ě перешли въ ću̯ě, ʒu̯ě (ʒu̯ě), что доказываетъ произношеніе u̯ какъ ŭ или какъ u̯.

§ 50. Кромѣ неслоговыхъ u̯ и i̯ общеславянскій праязыкъ имѣлъ въ извѣстномъ положеніи также неслоговые ъ и ь. А именно полукраткіе ъ и ь въ положеніи за плавными и носовыми, становившимися передъ ъ и ь слоговыми, когда имъ не предшествовало гласной (слѣдовательно, въ началѣ слова и послѣ согласной), измѣнялись въ ъ̯ и ь̯. Подробнѣе остановлюсь на такихъ сочетаніяхъ ниже, въ § 78. Примѣры: rъ̯ći, rъ̯ʒi, rъ̯ta, lь̯na, lь̯sti, krъ̯vavě, slь̯za, trь̯voga, drъ̯ʒati, nesěъ̯, mysl̥ь̯ и т. д.; также mъ̯nogъ, mь̯stiti, osmь̯, ʒizn̥ь̯.

Примѣчаніе. Описанные въ §§ 35 и 40 процессы измѣненія сочетаній i̯i̯ въ i и діалектическаго измѣненія сочетаній u̯ŭ (изъ u̯ŭ) въ ŭ, быть можетъ, происходили путемъ перехода неслоговыхъ i̯ и u̯ въ сло-

говыя (ср. вокализацію r, l) и исчезновенія за ì и ŭ (замѣнившихъ i̯ и u̯) неслоговыхъ ъ, ь.

Глава II. Согласные звуки.

§ 51. Въ общеслав. праязыкѣ видимъ развитой консонантизмъ, лишь отчасти соотвѣтствующій унаслѣдованной изъ индоевр. праязыка системѣ согласныхъ. Рядомъ съ сонорными, въ составъ которыхъ входятъ плавныя и носовыя, видимъ обширный классъ шумныхъ согласныхъ, принадлежащихъ къ разрядамъ гортанныхъ (представленныхъ, впрочемъ, однимъ звонкимъ фрикативнымъ h), задненёбныхъ, переднепёбныхъ (представленныхъ, впрочемъ, только звонкимъ фрикативнымъ j), шипящихъ (альвеолярныхъ), зубныхъ, губнозубныхъ и губныхъ. Нѣкоторыя изъ сонорныхъ и шумныхъ согласныхъ извѣстны были не только въ несмягченномъ видѣ, но также и въ смягченномъ (палатализованномъ) видѣ: такія палатализованныя согласныя назовемъ мягкими, характеризуя этимъ тотъ высокій шумъ, съ которымъ онѣ произносятся. Исключительно мягкими были согласныя шипящія и j. Въ зависимости отъ гласныхъ передняго ряда согласныя пріобрѣтали еще среднюю степень мягкости (полумягкость). Подъ вліяніемъ гласныхъ задняго ряда они веляризировались (лабіализировались), т. е. при произношеніи приспособлялись къ гласнымъ o, u. Нѣкоторыя согласныя относятся къ аффрикатамъ, представляющимъ соединеніе редуцированныхъ мгновенныхъ согласныхъ съ соотвѣтствующими фрикативными: аффрикаты имѣлись въ ряду шипящихъ и мягкихъ зубныхъ. Разсмотрю сначала сонорныя согласныя, затѣмъ шумныя; тѣ и другія распредѣляю на разряды по условіямъ физіологическаго ихъ образованія; въ каждомъ разрядѣ указываю на разновидности, вызвавшія полнымъ и неполнымъ смягченіемъ согласныхъ, а также ихъ веляризаціей (лабіализаціей). Къ неполной палатализаціи и веляризаціи согласныхъ вернусь ниже, въ III главѣ.

Сонорныя согласныя.

§ 52. Основное свойство сонорныхъ — отсутствіе шума, вызываемаго смыканіемъ или суженіемъ органовъ рѣчи, приближаетъ сонорныя гласныя къ гласнымъ. Въ общеслав. праязыкѣ эта близость ихъ къ гласнымъ выражалась между прочимъ въ томъ, что сонорныя согласныя, во-первыхъ, употреблялись не только въ краткомъ, но и въ долгомъ видѣ, во-вторыхъ, въ томъ, что при извѣстныхъ условіяхъ онѣ могли становиться носителями

слога. Впрочемъ, общеслав. языкъ уже не знаетъ долгихъ носовыхъ (они въ соединеніи съ предшествующими гласными слились въ носовыя гласныя); но долгія плавныя въ немъ существовали (см. § 80, 83); слоговыми становились не только плавныя, но и носовыя (§§ 50, 56).

§ 53. Общеславянское r было, повидимому, звонкимъ зазубнымъ звукомъ: radъ. Мягкое ŕ изъ rj являлось напр. въ словѣ buŕa. Полумягко r было напр. въ tŕi, kŕěrъkъ, rędъ, čotyŕe, sьŕръ. Веляризованно въ ryba, radъ, rosa, rusъ, rǫgati и также въ tъrgъ. Долгое r(ŕ) являлось въ сочетаніяхъ or, er, ъr, ьr передъ согласными: vorna (ворона), gordъ (городъ), tъrgъ, sьŕръ. Слоговымъ было r (ŕ) передъ ъ. ь въ положеніи его не послѣ гласной: kŗ̆ъxa, xŗ̆bьtъ. ŗ̆ьta. ļ̆ьnu.

§ 54. Общеславянскій праязыкъ имѣлъ четыре латеральныхъ звука. Во-первыхъ, это велярное ł, произносившееся, повидимому, такъ же, какъ русское и польское ł; оно являлось передъ гласными задняго ряда, а также передъ u и ъ (восходящими къ заднимъ лабіализованнымъ гласнымъ) и унаслѣдовано едва ли не изъ литовскославянской эпохи. На общеславянское ł въ указанномъ положеніи даютъ указаніе не только русскій и польскій языки, но также оба лужицкіе и древнечешскій языкъ; уже на почвѣ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ ł вытѣснено было черезъ l подъ вліяніемъ сосѣднихъ, неславянскихъ языковъ. Примѣры для общеслав. ł: łoviti, bуła, łyko, łubъ, łъbъ. Во-вторыхъ, l невелярное и неполумягкое — въ сочетаніяхъ ьl, ъl, el, ol передъ согласными: vьlkъ, mъlva, melko, golva.

Примѣчаніе 1. Что l въ словахъ какъ vьlkъ, melko было невелярно, видно изъ польск. wilk, луж. wjelk, восточноболг. vъĺk (L. Miletić, Das Ostbulgarische, 95); на то, что l не было здѣсь полумягко, указываетъ русскій языкъ: въ общерусскомъ на мѣстѣ общеславянскихъ vьlkъ, melko находимъ vъłkъ, mołko (отсюда молоко), а между тѣмъ полумягкое l никогда не переходило въ ł, измѣняясь въ ĺ (ср. § 212, 84). О томъ, что l было невелярно въ mъlva, golva, заключаю по аналогіи, принимая, что ł въ общеслав. являлось только передъ гласными задняго ряда.

Примѣчаніе 2. Въ словѣ čołvěkъ (откуда русское человѣкъ) находимъ особаго происхожденія сочетаніе oł. См. ниже § 243.

§ 54[1]. Въ-третьихъ, общеслав. праязыкъ имѣлъ l невелярное и полумягкое (l̓) въ положеніи передъ гласными передняго ряда, напр. l̓isa, l̓ěsъ, l̓oda р. ед., l̓stь, gl̓ęděti; этому l̓ въ польскомъ, русскомъ, лужицкихъ языкахъ соотвѣтствуетъ ĺ, т. е. l мягкое. Въ-четвертыхъ, l мягкое являлось въ общеслав. праязыкѣ въ результатѣ, съ одной стороны, измѣненія сочетанія

lj. напр. voľa изъ volja, съ другой, въ результатѣ измѣненія j послѣ губной въ началѣ слова: bľudo изъ bjudo, pľüjǫ изъ pjüjǫ.

§ 54². Долгое l (невелярное) являлось въ сочетаніяхъ ьl, el, ъl, ol передъ согласными: vьlkъ, mъlva, melko, golva. Слоговое ł—въ сочетаніи łъ и слоговое i̯ въ сочетаніи i̯ь въ началѣ слова и послѣ согласной: łъba, i̯ьma, bi̯ъxa, si̯ьza, vedi̯ъ. О возможности замѣны слоговыхъ плавныхъ r, l, ł неслоговыми глухими r, l, ł см. § 79.

§ 55. Носовая зубная n и носовая губная m употреблялись вообще только въ положеніи передъ гласными; впрочемъ, m (полумягкое) являлось еще и передъ j: nosъ, my, zeṁja. Полумягкія n, m — въ положеніи передъ гласными передняго ряда, а полумягкое m — еще въ положеніи передъ j: nebo, nizъ, sѣmę, milъ, medu, ľomjǫ. Лабіовеляризованныя n, m — въ положеніи передъ гласными задняго и средняго ряда: noẑъ, maľo, domъ, mydľo. Мягкое n — на мѣстѣ сочетанія nj: końa изъ konja, ńiva, kъ ńomu.

§ 56. Слоговыя n, m въ сочетаніяхъ n̯ъ, m̯ъ и слоговыя n, m полумягкія въ сочетаніяхъ n̯ь, m̯ь являлись въ началѣ слова и послѣ согласной: m̯ьzda, kazn̯ь, osm̯ъ, osm̯ь. О возможности замѣны слоговыхъ n, m неслоговыми глухими n, m см. § 79.

Шумныя согласныя. Гортанныя.

§ 57. Звонкое фрикативное h имѣло въ общеслав. праязыкѣ двоякое произношеніе. Во-первыхъ, оно восходитъ къ индоевр. h, какъ это впервые указалъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ, основывавшійся на слѣдующихъ соображеніяхъ. Славянскіе языки, между ними великорусскій, сербскій, словенскій, болгарскій, имѣютъ мѣстоименный указательный корень e: велікор. это, эво, эко, сербск. ѐто, ѐно, ѐво, вопрос. частица ѐда, словенск. evo, etu, eta, etak, etej (eta, eto), esej (esa, eso), болг. eva, evo, eto, частица ede (напр. едекак: кое какъ); въ старослав. памятникахъ, отличающихъ на письмѣ е и ѥ, находимъ еи, еда, есе; тотъ же корень — въ числительномъ edinъ, edьnъ, что видно изъ словенскихъ формъ édən, éna, éno, чешск. діалектическихъ enom, enem, eden. Возвести корень e къ общеслав. e нельзя, ибо начальное e получало передъ собой i̯ (j). Въ виду этого необходимо предположить, что этотъ корень звучалъ въ общеслав. праязыкѣ не съ начальнымъ e, а съ he. Подтвержденіемъ для такого предположенія является наличность he- и рядомъ ge- въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ въ этомъ же мѣстоименномъ корнѣ: ср. малор. ген, геп-то, бѣлор. гэтый, гэто, чешск. hen, henky, польск. hen, нижнелуж. hyn, hynga. Сходныя соображенія ве-

дутъ къ признанію, что слова, какъ a, ako, amo начинались въ общеслав. праязыкѣ съ h, ибо начальное a принимало здѣсь передъ собой i̯ (j). Мѣстоименный корень he- ho- hā- находитъ себѣ соотвѣтствіе и въ другихъ индоевр. языкахъ, ср. напр. латинск. hŏdie, hic изъ heic. Итакъ въ этомъ случаѣ общеслав. h въ началѣ слова получено изъ индоевр. праязыка.

Примѣчаніе. Возможно, что he- въ нѣкоторыхъ словахъ чередовалось съ родственнымъ ho- (откуда въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ o), ср. древнерусское осе при старослав. есе. Корень he- имѣлъ при себѣ родственный по значенію корень je-: ср. старослав. ксе. Чередованіе he-, ho- съ одной стороны, je- съ другой, имѣло мѣсто въ парѣчіи he‧śśo (отсюда великор. діалект. эще, польск. діалект. eszcze. словенск. діалект. ešče. нижнелуж. hyšći). hoś́śo (древнерусск. още, болг. оште) и je‧śśo (великор. ещо, чешск. ještè, польск. jeszcze); форма jošče, извѣстная изъ южнослав. языковъ (болг jošte, сербск. јоште, још), явилась въ результатѣ контаминаціи ošče и ješče. — Ошибочно было бы думать о существованіи hod- при hed- въ числительномъ hedinъ; при hedinъ существовало jedinъ; русское odinъ, какъ увидимъ (§ 227), восходитъ къ общеслав. jedinъ; *hodinъ не подтверждалось бы другими славянскими языками; а hedinъ дало бы въ русскомъ эдин.

§ 58. Во-вторыхъ, общеслав. h возникало въ результатѣ позднѣйшихъ звуковыхъ явленій. Какъ увидимъ ниже, начальныя гласныя общеслав. праязыка получали передъ собой придыхательный приступъ; въ числѣ согласныхъ, развившихся изъ такого приступа, было h. Слѣды такого h дошли до насъ въ современныхъ славянскихъ языкахъ и свидѣтельствуютъ о томъ, что h въ діалектахъ общеслав. праязыка держалось особенно упорно передъ ǫ. На общеслав. hǫ́žь, hǫ́žьvь указываютъ словенск. gǫ̑ž, gǫ̑žva. болг. гъжва, сербск. гу̑жва, чешск. houž, houžev, польск. gążwa, великор. гуж, малор. гуж, гужов, гужва (при уж, ср. напр., колы узявся за уж, не кажи, не дуж: Нѣж., Черниг. губ. вѣд. 1853, № 39, при ек узявсь за гуж: Козелецк. ib. № 40). На hǫ́žь въ значеніи «ужъ» указываютъ словенск. gǫ̑ž (при vǫ̑ž), верхнелуж. huž, нижнелуж. huž, huženc (червякъ), при чемъ нижнелуж. h едва ли объяснимо изъ γ. На hǫsьnica указываютъ старослав. гѫсѣница (при ѫсѣница), словенск. gosę̑nka, gosę̑nica, болг. гъсѣница, гъсѣнък, сербск. гусјеница, чешск. húsenka, польск. gąsienica, верхнелуж. husańca, нижнелуж. guseńca, великор. гусеница, малор. гусень, гусеница.

§ 59. Въ одномъ случаѣ h вставлено для избѣжанія зіянія между гласными oo, oo, eo. Это имѣло мѣсто въ формѣ род. над. мѣстоименій: toho,

moi̯eho, vě̯šöho, i̯eho изъ too, moi̯eo, vě̯xoo, i̯eo. Указаніе и на это h сдѣлано было впервые Ф. Ѳ. Фортунатовымъ, который, обративъ вниманіе на то, что окончаніе род. пад. мѣстоименій и прилагательныхъ звучитъ въ нѣкоторыхъ сѣверновеликор. говорахъ -γo (восходящее къ общеслав. -ho), объяснилъ велікор. -vo изъ -ho (-vo нельзя понять какъ результатъ измѣненія -go) и показалъ, что и кашубское -vo въ окончаніи род. (-ovo, -evo рядомъ съ -oo, -eo) ведетъ къ общеслав. -ho. Болѣе подробное обоснованіе доказательной силы русскихъ данныхъ предложу ниже (§§ 310, 311).

Примѣчаніе. Допуская существованіе въ общеслав. too, откуда toho, имѣю въ виду слѣдующее объясненіе этой формы. Нѣкогда въ общеслав. праязыкѣ окончаніемъ род. падежа въ мѣстоименіяхъ муж. и ср. рода было -so; ср. -so, сохранившееся въ старослав. чесо, чьсо; окончаніе -so было извѣстно и въ прагерманскомъ: род. *þiso. Въ общеслав. праязыкѣ въ склоненіи мѣстоименій звукъ s, извѣстный и въ другихъ падежныхъ окончаніяхъ, опускался съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ той или другой аналогіи; такъ находимъ въ дат. ед. -mū вмѣсто первоначальнаго -smū (др.-инд. -smāi): tomu; въ мѣстн. ед. -mь вмѣсто -smь (др.-инд. -smin): tomь. Подъ тѣмъ же вліяніемъ, подъ которымъ *tosmu, *tosmь измѣнились въ tomu, tomь, первоначальное *toso измѣнилось въ too. Что до ć̑so, то оно не перешло въ *ć̑so, потому, что при немъ не было формъ *ć̑smu, *ć̑smь, которыя восходили бы къ *ć̑smu, ć̑smь. Изъ too нетрудно объяснить toho. Это -oho въ нѣкоторыхъ діалектахъ общеслав. праязыка перешло въ -oγo, какъ можно заключить изъ -ogo южнославянскихъ и западнославянскихъ языковъ; но діалектически сохранялось -oho; отсюда далѣе уже въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ -oo; ср. такое -oo въ говорахъ Кирилл. у. (отв. на прогр. № 167, 170, 215), Бѣлоз. ib. (№ 166), а также и въ кашубскихъ. Но не буду отрицать возможности объяснять -oo, равно и -oǫo, -ovo прямо изъ -oγo.

Задненёбныя.

§ 60. Общеслав. праязыкъ имѣлъ задненёбныя согласныя только въ веляризованномъ, быть можетъ, даже лабіовеляризованномъ видѣ. Такой характеръ этихъ звуковъ объясняетъ намъ, какъ кажется, позднѣйшіе процессы въ звуковой жизни отдѣльныхъ славянскихъ языковъ, приводившіе къ переходу ky, gy, xy и т. д. въ ki, ǵi, x́i, а также kė, gė въ польскомъ (ė обозначаетъ е средняго ряда, замѣнявшее ъ) въ ke, ge; ky, gy, kė, gė держались до тѣхъ поръ, пока задненёбныя сохраняли свою лабіове-

ляризацію; потеря ими этого ихъ свойства вела къ уподобленію ихъ слѣдующимъ гласнымъ средняго ряда и къ переходу въ средненёбныя (смягченныя) согласныя. Въ общеслав. праязыкѣ задненёбныя употреблялись передъ гласными задняго ряда и передъ гласными средняго ряда, происшедшими изъ гласныхъ задняго ряда, слѣдовательно, при тѣхъ же условіяхъ, что веляризованное ł; кромѣ того задненёбныя употреблялись и передъ согласными, а именно передъ сонорными (плавными и носовыми) и передъ v изъ u̯. Передъ согласной j (изъ i̯) равно какъ и передъ гласными передняго ряда задненёбныя въ древнѣйшую эпоху существованія общеслав. праязыка перешли въ мягкія альвеолярныя фрикативныя согласныя и аффрикаты (k, g, x въ ć, ǵ, ʒ́—откуда ź, ś), въ позднѣйшую же эпоху (передъ явившимися позже гласными передняго ряда, а также послѣ гласныхъ того же ряда) они перешли въ мягкія зубныя фрикативныя согласныя и аффрикаты (k, g, x въ ć, ǵ — откуда діалектически ź, ś).

§ 61. Общеславянскій праязыкъ имѣлъ слѣдующія задненёбныя согласныя: мгновенныя: k глухое и g звонкое; фрикативныя: x глухое и γ звонкое. Звуки k и g восходятъ какъ къ индоевр. чистымъ k, g, gh, такъ и къ веляризованнымъ k, g, gh. Примѣры: koĭva (отсюда русское корова) kostь, krъvь, gostь, nogъtь, gǫba, krasa, klętь, ognāmь, gręzь и т. д. Звукъ x является вообще замѣстителемъ звука s, который послѣдовательно переходилъ, быть можетъ, еще въ дославянскую эпоху въ звукъ ś лабіализованный въ положеніи послѣ звуковъ i, u, r, k; изъ ś лабіализованнаго на славянской почвѣ явилось x, причемъ k выпадало передъ x. Примѣры: ūxo, domъxъ, vьĭxъ, gostьxъ, rodьxъ (ь изъ oi̯), rьxъ, xromъ.

Примѣчаніе. Предполагаемое посредствующее звено между s и x было палатализованнымъ и вмѣстѣ лабіализованнымъ s вродѣ звука š въ нѣмецкомъ и французскомъ междометіи št (ср. Jespersen, Lehrbuch der Phonetik, 23). Такой смѣшанный характеръ этого звука объясняетъ, почему онъ возникалъ какъ за i, такъ и за u, какъ за задненебнымъ k, такъ и за r, которое было лабіализовано или палатализованно въ зависимости отъ предшествующей гласной.

§ 62. Происхожденіе общеслав. γ и область его распространенія остаются недостаточно выясненными. Наличность въ общеслав. праязыкѣ этого звука доказывается, какъ кажется, тѣмъ широкимъ распространеніемъ, которое онъ получилъ въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ: малорусскій, бѣлорусскій, южновеликорусскій, чешско-словацкій, верхнелужицкій, а также сѣверные говоры словенскаго языка вытѣснили звукомъ γ (h) перво-

начальное g. Возможно, что полное вытѣсненіе g черезъ γ произошло уже въ діалектахъ общеслав. праязыка, впрочемъ, только въ позднѣйшую эпоху его жизни (ср. § 71 прим.). Выше (§ 59 прим.) указано, что общеслав. γ можно возвести въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ болѣе первоначальному h. Возможно, что γ замѣняло рѣдкое, впрочемъ, индоевропейское z при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ s замѣнилось черезъ x. Такъ можно предположить, что въ словахъ γvorĭbii, γvorĭblь общеслав. праязыкъ имѣлъ именно γ, а не g. ср. γ (которое можно объяснить и изъ g) въ южновеликор. γарабеи (гырабей. Ряз.-Сапожк., Тр. Моск. діал. комм., серія 2, № 11), малор. γоробець, γоробець; ср. появленіе v вмѣсто γv въ старослав. врабии, русск. воробей, бѣлор. веребей; въ литовскомъ соотвѣтствующее слово звучитъ žvirblis, žvirbulis; представляется вѣроятнымъ славянское γv и литовское žv въ этомъ словѣ возвести къ индоевроп. gzv или ghzv, при чемъ gz дало въ славянскомъ γ такъ же, какъ ks давало x (напр. въ гѣхъ изъ *гѣksъ). Во всякомъ случаѣ только наличность нѣсколькихъ категорій, гдѣ общеслав. праязыкъ развилъ звукъ γ, можетъ объяснить его послѣдующее широкое распространеніе насчетъ g.

Примѣчаніе. Такое же γv можно предположить въ общеслав. γviriti, откуда сербск. гвúрити и вúрити (глазѣть, пристально смотрѣть); ср. литовск. žvairėti (косить глаза), žvaĩras (косой). Далѣе — въ общеслав. γvьrsta, ср. петрозаводск. гверста (крупный песокъ, гравій), повѣнецк. гверста, гверсливой, названіе мѣстностей Гверездка Гдовск., Гверездно Лужск. и Кронштт., Гверздонь Гдов., Малая Гверстонь Псковск.; ср. литовск. žvirgždas. Общеславянскому γvězda, ср. польск. gwiazda, старослав. звѣзда, соотвѣтствуетъ въ литовскомъ žvaigždė̃, žvaizdė̃.

Передненёбное j.

§ 63. Звукъ j, какъ указано въ § 43, въ опредѣленныхъ случаяхъ замѣнялъ i̯. Примѣры для j въ положеніи послѣ согласной губной (за другими согласными j, въ результатѣ уподобленія имъ, исчезъ): zemja, ľubję, kupję, stavję (діалектически staųję). Примѣры для j передъ ударяемой гласной: jūnъ, jedlь, moja, mojó, jama, jíxъ.

Шипящія (альвеолярныя).

§ 64. Сюда относятся фрикативныя согласныя мягкія: ś глухое и ź звонкое; далѣе мягкія аффрикаты: ć (т. е. t̑ś) глухое и ʒ́ (т. е. d̑ź) звонкое. Аффрикаты были извѣстны и въ долгомъ (удвоенномъ) видѣ: ć̄ долгое, ʒ́̄ долгое, или ć ć, ʒ́ ʒ́, какъ мы и будемъ ихъ изображать. Всѣ эти мягкія соглас-

ныя явились уже на славянской почвѣ въ результатѣ какъ вліянія j, полумягкихъ согласныхъ и гласныхъ передняго ряда на задненёбныя согласныя, такъ и вліянія j на предшествующія зубныя t и d: въ первомъ случаѣ являлись краткія мягкія аффрикаты и фрикативныя согласныя, во второмъ долгія мягкія аффрикаты и фрикативныя согласныя.

§ 65. Звукъ ś восходитъ какъ къ x въ положеніи передъ гласной передняго ряда и j, такъ и къ sj: grěšiti, šelmъ (отсюда русское шеломъ, старослав. шлѣмъ), paš̨, kryša; noš̨, piš̨. Кромѣ того въ сочетаніи ść звукъ ś восходитъ къ s, ассимилировавшемуся послѣдующему ć: śćitъ, iść̨. Звукъ ź восходитъ какъ къ g въ положеніи передъ гласной передняго ряда и j, такъ и къ zj: źona, źlьa, źarъ (изъ źērъ). źęti: liź̨, niźo. Кромѣ того въ сочетаніи źʒ́ звукъ ź восходитъ къ z, ассимилировавшемуся послѣдующему ʒ́: dъźʒ́ь. iźʒ́iti.

Примѣчаніе. Звукъ ź получился изъ g вѣроятно черезъ посредство ʒ́, ср. ʒ́ въ iźʒ́iti и т. д., а также соотвѣтствующее глухое ć изъ k; слѣдовъ ʒ́ изъ g послѣ гласныхъ въ слав. языкахъ не сохранилось. Отсюда слѣдуетъ, что ʒ́ между гласными и въ началѣ слова еще въ общеслав. праязыкѣ измѣнилось въ ź.

§ 66. Звукъ ć восходитъ къ k въ положеніи передъ гласной передняго ряда и j: ćьto, ćistъ, зв. ед. raco, 1 л. ед. rьać̨, iść̨. Въ положеніи послѣ ś звукъ ć можетъ восходить и къ tj: puść̨ при pustiti. Звукъ ʒ́ въ краткомъ видѣ—только въ сочетаніи źʒ́, которое восходитъ или къ zg передъ j и гласной передняго ряда, или къ zdj: viźʒ́ǫ (изъ vizgjǫ), drožʒ́ije (изъ drozgije), požʒ́ö (изъ pozdje).

§ 67. Долгое или двойное ć̄ явилось въ результатѣ, во-первыхъ, измѣненія группы kt передъ гласной передняго ряда и j: noć̄ь изъ nokti, teć̄i изъ tekti, pleć̄ö изъ plektjom; во-вторыхъ, измѣненія сочетанія tj (не послѣ s): svѣć̄a изъ svѣtja, leć̄ǫ изъ letjǫ, ć̄ćudь изъ tjudi (готск. þiuda: народъ); onuć̄a ср. лит. autas (онуча).

Примѣчаніе. Что въ результатѣ измѣненія указанныхъ сочетаній получилось въ общеслав. праязыкѣ именно ć̄, особенно ясно изъ процесса измѣненія группы kt: t, подобно всѣмъ вообще согласнымъ, въ положеніи передъ гласными передняго ряда было полумягко; результатомъ ассимиляціи k послѣдующему t (а такая ассимиляція имѣла мѣсто въ сочетаніи kt и передъ гласными задняго ряда, ср. pletǫ изъ plettǫ-plektǫ) была прежде всего потеря звукомъ k своей лабіовеляризаціи и затѣмъ переходъ его въ k полумягкое, k средняго ряда; это k переходило въ ć подобно тому, какъ въ ć перешло k пе-

редъ гласными передняго ряда; ć въ сочетаніи čt, ассимилируя себѣ слѣдующее полумягкое t, превращало его въ ć. Такъ явилось čć. Изъ tj это же сочетаніе получалось благодаря измѣненію tj въ tť; tť измѣнялось въ čť и далѣе въ čć. Сочетаніе stj перешло въ śtj и отсюда šćj, šć. Изъ предполагаемаго общеслав. сочетанія čć легко объясняется старославянское št (непосредственно изъ šć, ср. переходъ въ št такого исконнаго šć изъ sk, § 65); русское ć представляетъ упрощеніе сочетанія čć, западнославянское c изъ ć восходитъ, вѣроятно, къ ćć изъ čć, и т. д.

§ 68. Долгое или двойное ʒ́ явилось въ результатѣ измѣненія сочетанія dj (не послѣ z): viʒ́ʒ́ǫ изъ *vidjǫ, prędʒ́ʒ́a изъ *prędja.

Примѣчаніе. Существованіе общеслав. ʒ́ʒ́ въ результатѣ измѣненія dj доказывается ссылкой на процессъ, приведшій къ измѣненію tj въ čć (§ 67 прим.), и на данныя слав. языковъ: старослав. žd объясняется изъ ʒ́ʒ́ безъ затрудненія при предположеніи посредствующаго сочетанія ʒ́š́ (а что žš́ первоначальное, т. е. происшедшее изъ zg и zdj, § 66, перешло въ žd, видно изъ случаевъ, какъ дъждь, ѣздити); русское діалектическое ʒ́ (напр. галицк. помедяи, передже) представляетъ упрощеніе сочетанія ʒ́ʒ́; западнославянское ʒ изъ ʒ́ восходитъ, вѣроятно, къ ʒ́ʒ́ изъ ʒ́ʒ́ и т. д. Итакъ dj измѣнилось, вѣроятно, въ ďď, отсюда далѣе ʒ́ď и ʒ́ʒ́. Сочетаніе zdj перешло въ ź́dj, откуда ž́ž́j и далѣе ž́ž́. — Ошибочно было бы на основаніи русскаго ž (въ vìžu, pŕaža) или западнославянскаго z (чешск. nouze, pŕíze, лужицк. nuza) заключать о діалектическомъ переходѣ ʒ́ʒ́ въ ž́ž́ въ общеслав. праязыкѣ (ср. переходъ ʒ́ въ ż въ этомъ языкѣ). Западнославянское z нельзя объяснить изъ діалектическаго общеслав. ž́ž́, ибо ž́ž́ могло бы дать путемъ перехода въ ź́ź́ только ź́, не z. Что русское ż восходитъ къ ʒ́, видно изъ діалектическаго ʒ́, которое нельзя объяснить изъ ż.

Зубныя.

§ 69. Общеслав. праязыкъ имѣлъ зубныя, точнѣе верхнезубныя, мгновенныя: t глухое и d звонкое; фрикативныя: s глухое и z звонкое. Эти согласныя были извѣстны въ двухъ видахъ: лабіовеляризованномъ передъ гласными задняго и средняго ряда, полумягкомъ передъ гласными передняго ряда. Примѣры: tako, darъ, doľa, tǫča, ty, mostъ, za, zǫbъ, sova, и т. д.; tìχo, dervo, vodъ, mѣdъ, žima, śѣno, sędǫ, kośьcь и т. д. Звукъ s былъ извѣстенъ кромѣ того въ мягкомъ видѣ. Среди зубныхъ были и аффрикаты — мягкія ć и ʒ́.

§ 70. Мягкое ś явилось уже въ позднѣйшую эпоху жизни общеслав. праязыка въ результатѣ измѣненія x, во-первыхъ, передъ монофтонгомъ передняго ряда, явившимся изъ дифтонга oi̯; этотъ монофтонгъ, звучавшій, быть можетъ, какъ долгое o, перешелъ впослѣдствіи не въ концѣ слова въ дифтонги eă и ie (ě и ě̂), а въ концѣ слова при одномъ качествѣ долготы въ ie (ě̂), а при другомъ въ i. Примѣры: śě̂rъ, дат. ед. muśě̂, им. мн. pě̂taśi, mě̂śi. Во-вторыхъ x измѣнилось въ ś въ положеніи послѣ гласныхъ передняго ряда: vьśъ (изъ vьxъ), vě̂śakъ (изъ vьxakъ), nasmiśatisę при smě̂xъ, и т. п.

Примѣчаніе. Что ś изъ x звучало въ общеслав. праязыкѣ мягко, а не полумягко (при чемъ. слѣдовательно, s въ śě̂rъ или duśě̂ звучало иначе, чѣмъ s въ sě̂no или bě̂sъ), вытекаетъ изъ показаній западослав. языковъ: въ нихъ ś перешло въ ṡ, между тѣмъ какъ s полумягкое измѣнилось въ ś, откуда при извѣстныхъ условіяхъ въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ s твердое; ср. š изъ ś въ польск. szary, musze, włoszy, wszędy, wszak: чешск. mouše, mniši, všude, však, лужицк. šery, všon, и т. д.

§ 71. Мягкія аффрикаты ć (т. е. t́ś) глухое и ź (т. е. d́ź) звонкое явились также въ позднѣйшую эпоху жизни общеслав. праязыка въ результатѣ измѣненія k и g, во-первыхъ, передъ монофтонгомъ передняго ряда изъ дифтонга oi̯ (откуда ě̂, ě̂, i). Примѣры: ćě̂lъ (изъ koi̯los), ćě̂na (изъ koi̯na), vьlći (изъ vilkoi̯), źě̂lo (изъ goi̯lom), noźě̂ (изъ nogoi̯), boźi (изъ bogoi̯). Во-вторыхъ, k и g измѣнились въ ć и ź въ положеніи послѣ гласныхъ передняго ряда: ovь̆ća (изъ ovьka), lićo̯ (изъ liko), otь̆ćь̆ (изъ otьkъ), polь̆źa (изъ polьga), kъ̆nęźь̆ (изъ kъnęgъ) и т. д. Звукъ ć (отсюда c) засвидѣтельствованъ въ этихъ и подобныхъ случаяхъ всѣми славянскими языками; напротивъ, звукъ ź (ʒ) сохранился только въ немногихъ, а именно въ польскомъ: nodze, srodzy (им. мн.), ksiądz (изъ kъnęźь), древнепольское (у Linde) ciądzać (старослав. тазати); въ діалектахъ совр. болгарскаго: врадзи, нодзе, помодзи, а также въ древнеболгарскомъ (старославянскомъ) языкѣ, гдѣ ʒ изображалось буквами s или ʒ: sě̂lo, nosě̂, bosi. Въ остальныхъ славянскихъ языкахъ ʒ перешло въ z. Впрочемъ, возможно, что ź въ этихъ языкахъ удерживалось дольше въ положеніи послѣ ź; ср. группу źź въ результатѣ измѣненія zg передъ ě̂, і въ случаяхъ, какъ дат. ед. dręźźě̂, им. мн. moźźi.

Примѣчаніе. Едва-ли было бы правильно считать измѣненіе źź въ ź явленіемъ, восходящимъ къ общеслав. эпохѣ и имѣвшимъ мѣсто въ діалектахъ общеслав. праязыка. Какъ увидимъ ниже, źź оставило слѣды

и въ нѣкоторыхъ русскихъ (малорусскихъ) говорахъ; это дѣлаетъ вѣроятнымъ возведеніе ź изъ ʒ не къ общеслав., а къ общерусской эпохѣ. Ошибочно было бы думать, что ź при ʒ стоитъ въ связи съ чередованіемъ γ и g въ діалектахъ общеслав. праязыка, при чемъ ź восходило бы къ γ, а ʒ къ g. Мы находимъ z и въ тѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, гдѣ сохранилось произношеніе g, напр. въ сѣверновеликорусскомъ, сербскомъ, словенскомъ, нижнелужицкомъ. Напротивъ, изъ того, что между чередованіемъ z и ʒ и чередованіемъ γ и g нѣтъ прямой связи, можно, кажется, заключить о томъ, что γ во время такъ называемаго второго смягченія еще не замѣнило g въ діалектахъ общеслав. праязыка. Во всякомъ случаѣ западнославянское z, напр. въ чешскомъ или верхнелужицкомъ noze, ведетъ къ общеслав. ʒ, а не къ ź (явившемуся непосредственно изъ γ), ибо γ перешло бы, конечно, въ такое ź, которое измѣнилось бы дальше въ ź, ž, какъ x измѣнилось въ ś, откуда š, š.

Губнозубныя.

§ 72. Общеслав. праязыкъ имѣлъ только одну губнозубную согласную — фрикативное v звонкое; она замѣнила ų въ значительной части его діалектовъ, вѣроятно, черезъ посредство губногубного w (см. § 47). Звукъ v былъ велярізованъ передъ сонорными согласными, задними и средними гласными; передъ передними онъ былъ полумягкимъ; передъ j v произносилось также полумягко. Примѣры: общеслав. діалект. voda, svoi, novъ, vьśь, vaśь; vьra, vino, vьlkъ, pravьda, vьdova, prosłavjǫ. Соотвѣтствующее глухое f не было извѣстно въ общеслав. праязыкѣ; германское f въ заимствованныхъ словахъ передавалось, можно думать, черезъ p.

Губныя.

§ 73. Сюда относятся мгновенныя согласныя: p глухое, b звонкое. Эти звуки восходятъ къ индоевр. p и b, bh. Передъ задними и средними гласными, а также передъ согласными (сонорными) они были велярізованы, передъ передними и j они были полумягки; вѣроятно, они были полумягки также и передъ ʼ изъ j въ началѣ слова. Примѣры: puxъ, postь, byłь, nebo, pasǫ, ryba, bratъ; ṗero, piła, ľubiti, bьsь, ľubjǫ, kuṕja, bludo, płьvati.

§ 74. Въ діалектахъ общеслав. праязыка было извѣстно фрикативное губногубное w, замѣнявшее ų и ле вытѣсненное черезъ v. Велярізованное передъ сонорными согласными, задними и средними гласными, оно было полумягко передъ j и передними гласными: wamъ, woła, wy, nowъ, prawьda, wьsь, ćołwьkъ, łowjǫ.

Глава III. Сочетанія звуковъ.

Дифтонги и дифтонгическія сочетанія.

§ 75. Подъ дифтонгомъ разумѣется сочетаніе двухъ гласныхъ въ одномъ слогѣ: одна изъ этихъ гласныхъ является носителемъ слога, другая является въ неслоговомъ видѣ. Сообразно съ этимъ дифтонги могутъ быть нисходящими, когда носителемъ слога оказывается первая изъ вошедшихъ въ сочетаніе гласныхъ, или восходящими, когда носителемъ слога оказывается вторая гласная. Общеслав. праязыкъ утратилъ всѣ нисходящіе дифтонги, замѣнивъ ихъ монофтонгами: оu̯ перешло въ ū, ei̯ въ ī, eu̯ въ ū, oi̯ въ ō долгое (отсюда дальше uo, ie). Въ діалектахъ, сохранившихъ u̯, не измѣнившихъ его въ v, дифтонги au̯, ou̯ и т. д. находимъ передъ j, замѣнившимъ i̯ по общему правилу послѣ согласныхъ и вообще послѣ неслоговыхъ звуковъ: ľoudjǫ, tъrgoujа, kroujа, staujǫ, protiujǫ sę, и т. д.: очевидно, это новые дифтонги, ибо u̯ было раньше интервокальнымъ. — Напротивъ, дифтонги восходящіе были общеслав. праязыкомъ сохранены: ja̯, je̯, ju̯ (jī перешло, повидимому, въ ī, i̯ въ i и ì); впрочемъ, какъ мы видѣли, подъ ударѐніемъ ja̯, je̯, ju̯ перешли въ ja, je, jo̯, ju, равнымъ образомъ i̯ въ j̓ь. Діалектически сохранялись ua̯, uo̯, ue̯, uī (отсюда ůe̯, ůī), чередуясь въ нѣкоторыхъ говорахъ съ wa, wo, we, wī (§ 74). — Что до дифтонговъ eă (ѣ) и ie (ѣ), о происхожденіи которыхъ см. § 14, то врядъ ли ихъ можно опредѣлить какъ восходящіе или нисходящіе дифтонги: обѣ части ихъ были равносильны, произносясь, вѣроятно, нѣсколько короче, чѣмъ звуки e и ă, i и e въ недифтонгическихъ соединеніяхъ eă и ie; возможно, что слоговыми звуками были собственно e и i, но что сила ихъ уравновѣшивалась большею полнотою звуковъ e и ă, попавшихъ въ положеніе неслоговыхъ звуковъ.

§ 76. Есть основаніе думать, что въ сочетаніяхъ aja̯, uju̯, ľja̯, ľjǫ (съ ударѐніемъ не на гласной послѣ j, ибо ajá и т. д. переходили, какъ мы знаемъ, въ ajá) слогораздѣленіе въ общеслав. праязыкѣ было не тамъ, гдѣ оно въ настоящее время въ русскомъ языкѣ; мы произносимъ a-ja, между тѣмъ въ общеслав. праязыкѣ было или aj̓-ja или aj̓-a. Заключаю это изъ того, что въ положеніи передъ i̯ долгія гласныя сократились въ общеслав. праязыкѣ (между тѣмъ какъ передъ j сохранялась ихъ долгота); сокращеніе было вызвано положеніемъ передъ тавтосиллабическимъ i̯. Впрочемъ, aj̓ въ aj̓-a или aj̓-ja нельзя признать дифтонгомъ настоящимъ; прилегающій къ i̯, слѣдующій за нимъ слоговой звукъ препятствовалъ отношенію i̯ всецѣло къ предшествующей гласной.

§ 77. Подъ дифтонгическими сочетаніями разумѣемъ такія соединенія

гласныхъ съ сонорными согласными, въ которыхъ эти послѣднія или являются носителями слога или произносятся дольше тавтосиллабическихъ гласныхъ. Общеслав. праязыкъ имѣлъ двоякаго рода дифтонгическія сочетанія: это, во-первыхъ, сочетанія слоговыхъ r, l, ł, n, m съ послѣдующими неслоговыми ь, ъ: во-вторыхъ, сочетанія звуковъ o, e, ъ, ѣ съ долгими r, l, ł.

§ 78. Сочетанія ŗъ, ŗь, l̥ъ, l̥ь, u̯ъ, u̯ь, i̯ъ, i̯ь являлись на мѣстѣ первоначальныхъ rŭ, rĭ, łŭ, lĭ, nŭ, nĭ, mŭ, mĭ въ началѣ слова и послѣ согласныхъ, въ результатѣ редукціи ŭ (точнѣе, замѣнившаго его ў) и ĭ; редукція ў и ĭ вела къ переходу ихъ въ полукраткія ъ и ь: это вызывало усиленіе предшествующихъ сонорныхъ согласныхъ, которыя такимъ путемъ переходили въ слоговыя. Переходъ сонорныхъ въ слоговыя не могъ имѣть мѣста въ положеніи сонорныхъ за гласными вслѣдствіе экспираторнаго перевѣса гласной въ непосредственномъ соединеніи ея съ послѣдующею согласной. Слоговыя сонорныя были въ указанныхъ сочетаніяхъ кратки. Примѣры такихъ сочетаній приведены въ § 50.

Примѣчаніе 1. Что въ сочетаніяхъ ŗъ, ŗь, l̥ъ, l̥ь звуки r, ł, l были въ общеслав. праязыкѣ слоговыми, видно, во-первыхъ, изъ южнослав. языковъ, гдѣ имъ соотвѣтствуютъ слоговыя ŗ, l̥ (съ утратой ъ, ь, вызванною общимъ паденіемъ глухихъ). Такъ уже въ старослав. памятникахъ встрѣчаются написанія крстъ Клоц. сб., крвъ Мар. ев., крста Клоц. сб. Въ среднеболгарскомъ находимъ: плть Ев. Григоровича, крве Карп. ев., сълза Лѣт. Манассіи. Въ совр. македонскихъ говорахъ находимъ слоговыя r, l, напр. въ яблка, блхи, слзи, прокпа (ср. Oblak въ Archiv, XVI, 198); вообще же ŗ, l̥ перешли въ болгарскомъ въ ър, ъл или въ гъ, лъ, откуда діалектически га, ла, ер, ол, ал: слъза, дръво, кръстиш, кълна, кърви, ябалка, длабоко, голтат, колни, яболка, дерво (примѣры у Лаврова, Обзоръ, 44—46); въ концѣ слова (послѣ согласныхъ) находимъ ър, ъл, откуда діалектически ал, ол, ер: вятър, мисъл, несъл, рекал, рекол, ветер (Лавровъ, ib., 41—42); въ началѣ словъ являются сочетанія ръ, лъ, діалектически ър, восходящія къ ŗ, l̥: лъжа́, лъжи́ца, лъжли́въ, лъстиж, ръвж, ръжда́, ържа, ържав. Въ совр. сербскохорватскомъ всегда ŗ: кр̀ви, др̀во, тр̀бух, р̀зати, р̀жи, р̀жањ, р̀скати, р̀вати, р̀ђа; слоговое l̥ перешло вообще въ u, но удерживается на островахъ Хорватскаго побережья: plt, blhà, slzà, jàblko, poglknût (Oblak въ Archiv, XVI, 200—201), а также и въ другихъ сербскихъ говорахъ, напр. Тимочскомъ и Лужничскомъ (А. Белић, Дијалекти источне и јужне Србије, с. 90 и сл.). Въ словенскомъ ŗ: krvâv, kȓv, kȓt, kŕta, kŕstiti, trstên, ȓž, ržî, ŕta, ŕžem;

діалектически ardeči, arja, arženi; въ концѣ словъ находимъ əl, əg, а подъ удареніемъ al: čîsəł, vę́səĺ (и vesâl), sę́stər (и sestâr). Во-вторыхъ, наличность указанныхъ сочетаній съ слоговыми плавными доказывается малорусскимъ и бѣлорусскимъ языкомъ, измѣнившими ихъ послѣ гласной не въ концѣ слова въ ry, ŕi (откуда ry). ĺy, li, между тѣмъ какъ ъ, ь вообще не переходили здѣсь въ у, і: на слоговыя r̥, l̥ указываетъ и великор. языкъ, гдѣ они перешли въ ro, ĺo, ŕe, ĺe, между тѣмъ какъ въ положеніи не передъ слогомъ съ полукраткою гласной по общему правилу ъ и ь выпадаютъ. не замѣняясь черезъ о, е; существованіе начальныхъ слоговыхъ плавныхъ доказывается всѣми вообще русскими языками, измѣнившими ихъ въ такомъ положеніи въ ir, ar, or. ał, ił. oĺ и т. д. (см. подробнѣе § 371). Правда, въ западнослав. языкахъ r. l, l, замѣнившія предположенныя общеслав. сочетанія r̥ъ, r̥ь, l̥ъ, l̥ь—звуки неслоговые (противополагаясь слоговымъ плавнымъ иного происхожденія, подвергавшимся и различнымъ звуковымъ измѣненіямъ); но вѣроятно думать, что переходъ слоговыхъ плавныхъ въ неслоговыя произошелъ уже на почвѣ западнославянскихъ языковъ (слоговыми плавныя удерживались тогда, когда были долгими).

Примѣчаніе 2. Существованіе слоговыхъ носовыхъ доказывается для общеслав. праязыка, во-первыхъ, такими южнослав. явленіями, какъ сербск. màgla, ȍsam, сȅдам; во-вторыхъ, русскими явленіями, какъ мгла, Мстиславъ, огонь, восемь. Впрочемъ, слоговыя носовыя въ слав. языкахъ не держались такъ устойчиво, какъ слоговыя плавныя; m̥nogo перешло въ сербскомъ въ mnogo, между тѣмъ какъ r̥žanъ въ r̥žań.

Примѣчаніе 3. Слоговыя плавныя были въ общеслав. праязыкѣ краткими, ибо образовались изъ краткихъ неслоговыхъ плавныхъ. Долгота плавной въ сербск. р̑ж, кр̑в и т. п. при р̑жи, кр̑ви явилась по аналогіи случаевъ, какъ нȏћ-нȏћи, пе̑ћ-пе̑ћи, сȏ-сȏли и др.

§ 79. Слоговыя плавныя возникали только передъ полукраткими ъ и ь, слѣдовательно, не передъ слогомъ съ полукраткою гласной, ибо полукраткія ъ и ь въ положеніи передъ такимъ слогомъ переходили въ краткія ъ и ь; передъ краткими ъ и ь плавныя оставались неслоговыми. Такъ при kr̥̆sta, kr̥̆ve, kr̥̆ха, dr̥̆žati, и т. д. являлись krъstъ, krъvь, krъstьka, drъžь. Возможно, что еще въ общеслав. праязыкѣ это вызывало замѣну слоговыхъ плавныхъ звуками неслоговыми и при томъ незвонкими, а глухими (r̥̆, ĺ̥̆, l̥̆), ибо звонкія r, ĺ, l въ положеніи передъ ъ, ь перешли бы не-

мнуемо въ r̥, l̥, l: втакъ при krьstъ явилось krь̊sta, при krъvь-krь̊ve, и т. д. Равнымъ образомъ въ причастіяхъ подъ вліяніемъ -l̥ъ, напр. въ dal̥ъ, pil̥ъ, sl̥dl̥ъ, а также подъ вліяніемъ неслоговыхъ i̯, u̯ въ формахъ какъ nesla, neslo, nesli, mogli, vedli, сочетаніе l̥ъ въ nesl̥ъ, mogl̥ъ, vedl̥ъ, greb̥l̥ъ и т. д. могло замѣняться черезъ l̥ъ: nesl̥̊ъ, mogl̥̊ъ, greb̥l̥̊ъ, vedl̥̊ъ. Указаніе на такое произношеніе причастій извлекается изъ русскаго языка во всемъ его составѣ, а указаніе на возможность существованія въ общеслав. праязыкѣ формъ kr̥̊sta, kr̥̊ve дается малорусскимъ языкомъ (§§ 78 пр. 1, 372). Точно такіе и при тѣхъ же условіяхъ слоговыя носовыя могли замѣняться неслоговыми и при томъ глухими носовыми: ǵiz̨n̨̊ь подъ вліяніемъ ǵizni переходило въ ǵiz̨n̨̊ь, sed̨n̨̊ь подъ вліяніемъ sedmi въ sed̨m̨̊ь.

Примѣчаніе. Возможно, что форма расть вмѣсто разть въ церковнослав. памятникахъ, напр. въ житіи Бориса и Глѣба по Усп. сп. XII в.: отъ расть женъ, обязана своимъ появленіемъ именно тѣмъ, что n въ rasn̨̊ъ (по-русски rosn̨̊ъ) было глухое.

§ 80. Сочетанія or̄, ol̄, er̄, el̄ получили r̄ и l̄ еще изъ балтійско-славянской эпохи; долготу плавныя имѣли такъ же, какъ и долгія гласныя, двоякаго вида: экспираторную и музыкальную (§§ 119, 120); въ общеслав. праязыкѣ различіе въ долготѣ r и l отразилось на двухъ, точнѣе на трехъ различныхъ видахъ ударенія въ приведенныхъ сочетаніяхъ (§ 120). Что до природы r, то она различествовала здѣсь въ зависимости отъ предшествующей гласной: въ сочетаніи or̄ r было лабіализовано, а въ сочетаніи er̄ онъ было палатализовано (полумягко). Доказательствомъ въ пользу лабіализаціи и палатализаціи r въ сочетаніяхъ or, er служитъ то обстоятельство, что индоевр. s перешло послѣ такихъ сочетаній въ x; имѣя въ виду, что s переходило въ x кромѣ того еще послѣ u (ū, ŭ, o̯u̯, e̯u̯) и i (ī, ĭ, o̯i̯, e̯i̯), а также послѣ способной къ лабіализаціи согласной k, можно думать, что x восходитъ непосредственно къ ś лабіализованному (§ 61 прим.); если на измѣненіе s въ такое лабіализованное ś (откуда x) вліяло также предшествующее r (въ сочетаніяхъ or, er), то ясно, что самое r было въ сочетаніи or лабіализовано, а въ сочетаніи er палатализовано. Примѣры для сочетаній or̄, er̄: gor̄dъ, stor̄na, vor̄ta, kor̄va, sor̄ka, stor̄ź̊ь, ber̄za, der̄vo, ser̄da, ver̄dъ; передъ x. vor̄xъ, por̄xъ, gor̄xъ, mer̄xъ 1 л. ед. аор.

§ 81. Что касается природы l въ сочетаніяхъ ol, el, то мы не имѣемъ основанія допускать, чтобы l въ сочетаніи ol было лабіо-веляризовано, а l въ сочетаніи el палатализовано; лабіо-веляризація l (переходъ его въ ł) обусловливалась въ общеслав. праязыкѣ вліяніемъ слѣдующей гласной не передняго ряда; не вижу основаній принимать появленіе ł вмѣсто l въ положеніи передъ

согласной; допустить, чтобы l въ сочетаніи el было палатализовано, мы не можемъ въ виду показаній русскаго языка, гдѣ l въ этихъ сочетаніяхъ перешло въ l, измѣнивъ при этомъ e въ o (см. выше § 54). Что до звука e въ сочетаніи el, то онъ, согласно § 12, долженъ былъ перейти въ ȯ въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ ć. ź. ś. когда въ слѣдующемъ слогѣ не было гласной передняго ряда. Примѣры для сочетаній ol. el· golva, solma. kolsъ, delto, pelnъ, melko; послѣ смягченныхъ согласныхъ: съ одной стороны: źolbъ, ćolnъ, śolmъ. źolza. а съ другой: źelbiti. ćelnъ мѣстн. ед.. šelmъ мѣстн. ед.. źelzѣ мѣстн. ед.

Примѣчаніе 1. Указанія западнослав. и южнослав языковъ свидѣтельствуютъ въ пользу ol въ положеніи послѣ согласной смягченной. Дѣйствительно. только изъ o. переходившаго далѣе въ ȯ, можно объяснить ā напр. въ чешско-слав. žlab. član-, žláza, старочешск. šlapati (скакать), сербск. члан, старослав. кладѧ; ср. ā изъ o въ сочетаніи lā изъ ol, между тѣмъ какъ el даетъ при перестановкѣ только lѣ (старослав. млѣко, сербск. млијеко, чешск. mlíko). То обстоятельство. что рядомъ съ lā находимъ изъ el послѣ смягченныхъ согласныхъ и lѣ (ср. старослав. клѣдѧ, шлѣмъ, члѣнъ, сербск. клијеб, чешск. žleb). заставляетъ принять чередованіе ol и el еще для общеслав. праязыка, при чемъ чередованіе это обусловливалось, конечно, вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ. Польское ło въ człon, żłób свидѣтельствуетъ также въ пользу общеслав. ćolnъ, źolbъ, при чемъ замѣна ȯ, откуда ȯ, черезъ o стоитъ въ связи съ переходомъ l въ ł.

Примѣчаніе 2. Чешскій языкъ даетъ ясное указаніе на то, что въ сочетаніяхъ ol, el, а въ частности и въ ȯl звукъ l не былъ лабіовеляризованъ въ общеславянскомъ: član, žlab восходятъ къ древнечешскимъ član, žlab, съ l, не ł (а древнечешскій языкъ, въ противоположность новочешскому различалъ l отъ ł); это видно изъ того. что въ Кралицкой библіи 1579—1593 года, выдерживающей различіе l отъ ł, въ словахъ žlábkowé, sslapati пишется l (Gebauer, Hist. ml. I, 360). Слѣдовательно. ȯl подверглось перестановкѣ или до какого-либо измѣненія природы l, или послѣ перехода его въ l полумягкое; древнечешское la въ указанныхъ словахъ звучало или la или ła (но не ła. которое сохранило бы свою мягкость).

Примѣчаніе 3. Мы увидимъ ниже, что разсматриваемыя сочетанія съ долгою плавной перешли въ общерусскомъ праязыкѣ въ сочетанія съ слоговою плавною за сократившеюся неслоговою плавной: golva перешло въ gollva (отсюда golova). Ф. Ѳ. Фортунатовъ

возводилъ сочетанія orr̥, olˌ, errˌ и т. д. къ общеслав. праязыку. Не могу согласиться съ этимъ по слѣдующимъ основаніямъ: во-первыхъ, переходъ or̄ и т. д. въ orr̥ въ общерусскомъ представляется своего рода разложеніемъ долгаго r: оно распалось на rr̥, слѣдовательно, на два краткіе звука; если бы такое распаденіе имѣло мѣсто уже въ общеславянскомъ, неясно было бы, отчего происходило удлиненіе гласной при перестановкѣ въ отдѣльныхъ слав. языкахъ: orr̥ едва ли перешло бы въ rā; во-вторыхъ, самая перестановка въ сочетаніи orr̥ представлялась бы непонятною; напротивъ, перестановка or̄ въ однихъ языкахъ въ rā, а въ другихъ въ rō объясняется вполнѣ удовлетворительно стремленіемъ, съ одной стороны, сократить плавную согласную, а съ другой сохранить долготу во второй части звукового сочетанія; ср. перестановку въ старослав. лакъть, чешск. laket изъ olkъtь, причемъ la никакъ нельзя объяснить изъ olˌ, такъ какъ общеслав. olˌ въ русскомъ дало бы oło, между тѣмъ какъ мы находимъ здѣсь ło (локоть); въ-третьихъ, переходъ напр. ćelnъ при однихъ условіяхъ въ ćolnъ и сохраненіе его при другихъ условіяхъ стоитъ, какъ предположено, въ зависимости отъ вліянія гласной слѣдующаго слога (ćolnu, по ćelnъ); такое вліяніе едва ли было бы возможно, если бы между этой гласной и сочетаніемъ ćel находился еще одинъ слогъ съ слоговымъ l.

§ 82. Сочетанія or̄, ol̄ въ началѣ слова сохранялись въ общеслав. праязыкѣ, какъ это указано Ф. Ѳ. Фортунатовымъ, только со старой музыкальной долготой l, которая имѣла на себѣ нисходящее удареніе. Примѣры: общеслав. olkъtī, orvьnъ̄, orstъ̄, olni, orbiti, oldija, oržьnъ̄. Перестановка въ этихъ словахъ произошла уже въ отдѣльныхъ слав. языкахъ, ср. въ русскомъ локоть, лодья, рожон и т. д.; въ западнославянскихъ языкахъ и нѣкоторыхъ южнославянскихъ говорахъ находимъ также ro, ło, между тѣмъ въ южнославянскихъ языкахъ и въ словацкомъ является rā, lā. Напротивъ, сочетанія or̄, ol̄ въ началѣ слова, когда l̄ имѣло старую экспираторную долготу, которой соотвѣтствовало восходящее удареніе, подверглись перестановкѣ еще въ общеслав. праязыкѣ и перешли въ rā, lā. Сюда относятся, напримѣръ, случаи, какъ общеслав. rādło изъ ordło, ср. русск. рало, сербск. ра̀ло, чешск. radlo, польск. и луж. radło; łānъ изъ olnъ, ср. русск. лань, чешск. laň, старослав. лань; rāmę изъ ormę, ср. бѣлор. рамя, малор. рамя́ (Слов. Желех.), рамено, польск. ramię, нижнелуж. ramje, чешск. rámě; łākomъ изъ olkomъ, ср. русск. лакомъ, польск. łakomy, чешск. lakomý, верхнелуж. lačny, и т. д.

Примѣчаніе 1. То обстоятельство, что oĭkъtь при перестановкѣ дало въ русскомъ языкѣ ŀokъtь, доказываетъ, какъ мнѣ кажется, что перестановка гласной и плавной вообще не предполагаетъ посредствующихъ сочетаній: гласная, неслоговая и слоговая плавная; если бы oĭkъtь перешло въ oĭlkъtь, мы имѣли бы въ русскомъ oŀokъtь (ср. § 81, пр. 3).

Примѣчаніе 2. Что касается старослав. словъ какъ алькати, алънь, алъни, алъдии, то они указываютъ, какъ кажется, что діалектически въ общеслав. праязыкѣ сочетанія oĭ съ экспираторной долготой и діалектически въ старослав. языкѣ сочетанія oĭ съ музыкальной долготой перешли въ āl (алькати, алънь предполагаютъ oĭ съ экспираторной долготой, а алъдии — oĭ съ музыкальной долготой). Быть можетъ, въ тѣхъ же старослав. діалектахъ oĭ и въ серединѣ слова переходило въ āl: ср. слова, какъ залтаршъ χρυσοχόος въ сп. XV в. соч. Аѳанасія Александр. противъ Аріанъ (Оп. Горск. и Нев. № 111, с. 38).

§ 83. Сочетанія ъr̆, ьr̆, ъĭ, ьĭ восходятъ въ общеслав. праязыкѣ къ первоначальнымъ ur̆, ir̆, uĭ, iĭ, унаслѣдованнымъ съ r̄, ī изъ балтійско-славянской эпохи; ъ, ь замѣнили исконныя ŭ (откуда ў), ĭ по общему закону о редукціи краткихъ ŭ. ĭ. Что касается природы r въ сочетаніяхъ ъr̆. ьr̆. то, сообразно съ сдѣланными въ § 80 замѣчаніями касательно природы r въ сочетаніяхъ or, er, принимаю, что r было лабіовеляризовано послѣ ъ и палатализовано (полумягко) послѣ ь. Кромѣ тѣхъ замѣчаній я долженъ сослаться на показанія великорусскаго языка, нѣкоторыхъ малорусскихъ говоровъ, а также польскаго и верхнелужицкаго языковъ, не оставляющія сомнѣнія въ томъ, что r въ общеслав. сочетаніи ьr было вообще палатально, ибо мы находимъ здѣсь въ соотвѣтствіи съ общеслав. r мягкое r (въ польскомъ rz изъ rj, ŕ) не только передъ мягкими согласными, гдѣ мягкость r можно было бы объяснить, какъ явившуюся позднѣе, но также передъ твердыми губными и задненёбными, гдѣ мягкость можетъ быть вызвана только предшествующею гласною; ср. великорусск. верьх, серьп, верьба, зерькало, перьвый, стерьва, черьпать, церьковь, и т. д., верхнелуж. šćeŕba, wjeŕba, wjeŕch, pjeŕchać, sćeŕpnyć (оцѣпенѣть), čeŕrać, польск. wierzch, wierzba, pierzchnąć. Передъ твердыми зубными мы находимъ въ указанныхъ языкахъ r, не ŕ, но признаю возможнымъ, что отвердѣніе r произошло позже, уже на почвѣ отдѣльныхъ слав. языковъ, въ силу ассимиляціи зубнаго ŕ слѣдующей твердой зубной. Едва ли однако въ общеслав. праязыкѣ r въ сочетаніи ьr было мягко, какъ оно мягко въ русскомъ и верхнелужицкомъ; вѣроятнѣе думать, что оно было полумягко: это легче объяснило бы намъ его твердость въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ. Примѣры для общеслав. соче-

тапи ъ̄г и ь̄г: gъ̄rdło, bъ̄rzyì, gъ̄rdyì, mъ̄rgati, tъ̄rknǫti; dь̄rnъ̆, mь̄rtvyì, vь̄rsta, vь̄rba, sь̄rdьćo, ćь̄rvь̆, źь̄rtva.

§ 84. Что касается природы ī въ сочетаніяхъ ъ̄ī, ь̄ī, то необходимо, думаю, признать l невеляризованнымъ послѣ ъ и неналатализованнымъ послѣ ь. Дѣйствительно, русское ł въ древнерусскомъ сочетаніи ъ̄ł изъ ъ̄l (отсюда oł) было бы непонятно, если бы l звучало какъ l полумягкое, ибо полумягкое l переходило въ русскомъ языкѣ въ l мягкое. Правда, въ западнославянскихъ языкахъ (польскомъ и лужицкихъ) находимъ ľ въ соотвѣтствіи съ общеславянскимъ ī въ сочетаніи ь̄ī, напр. польск. wilk, milczeć, нижнелуж. mjelcaś, верхнелуж. mjelčeć, верхнелуж. и нижнелуж. wjelk, но, какъ указано ниже, въ прим. 1, сочетаніе ь̄ī перешло въ западнослав. языкахъ въ ī̯, и l смягчилось такимъ образомъ въ положеніи передъ ь; такъ же объясняется ľ въ восточноболг. vъ̄ľk, которое изъ vī̯k, восходя далѣе къ vlьkъ, ср. старослав. влькъ. Звукъ ь̆ передъ l, предположительно передъ слогомъ, не содержавшимъ гласной передняго ряда, переходилъ въ полукраткое ь въ порядкѣ, указанномъ въ § 28, а именно въ положеніи за смягченной согласной. Примѣры для общеслав. сочетаній ъ̄ī и ь̄ī: mъ̄īva, rъ̄īkѣ, kь̄ībasa; vь̄īkъ̆, mь̄īčati, rь̄īstь̆, rь̄īnъ̆; послѣ смягченныхъ согласныхъ: śь̄īkъ̆, ćь̄īnъ̆.

Примѣчаніе 1. Раньше я принималъ вслѣдъ за Ф. О. Фортунатовымъ, что въ общеслав. праязыкѣ приведенныя выше сочетанія звучали ъ̄r̥̄, ь̄r̥̄, ъ̄l̥̄, ь̄l̥̄, но теперь вижу, что слав. языки не даютъ достаточныхъ основаній для признанія плавныхъ слоговыми въ этихъ сочетаніяхъ. Русскій языкъ не даетъ никакихъ указаній на слоговой характеръ плавныхъ (относительно т. н. второго полногласія см. ниже, §§ 421, 422). Южнослав. языки имѣютъ въ соотвѣтствующихъ случаяхъ слоговыя плавныя, но изъ старославянскихъ памятниковъ ясно вытекаетъ, что въ южнослав. языкахъ произошла перестановка гласной и плавной (старослав. врьхъ, прьвъıи, влькъ, плъıнъ и т. д.), ср. происшедшую въ тѣхъ же языкахъ перестановку сочетаній oī, oī, eī, eī; въ результатѣ перестановки плавная оказывалась передъ полукраткими ъ̆, ь̆ (ъ̆, ь̆ при перестановкѣ не удлинились вслѣдствіе редуцированности этихъ звуковъ); въ связи съ этимъ удержалась долгота плавныхъ; это имѣло слѣдствіемъ слоговой характеръ плавной и переходъ ъ̆, ь̆ въ ъ̄, ь̄ (южнослав. vī̯kъ̆, rī̯kъ̆, vī̯hъ̆); ср. общеслав. сочетанія ŗъ̆, ŗь̆, ĺъ̆, ĺь̆ на мѣстѣ исконныхъ ru, ri, lu, li. Итакъ слоговыя плавныя въ этихъ случаяхъ въ южнослав. языкахъ новаго происхожденія. Раньше я думалъ, что западнослав. языки, въ частности лехитскіе и

лужицкіе, указываютъ также на общеслав. слоговыя плавныя: такъ польск. martwy я возводилъ къ mr̥tvyĭ, откуда mr̥tvyŭ; но теперь принимаю и для всѣхъ западнослав. языковъ перестановку ъr, ьr, аналогичную южнославянской перестановкѣ, а также перестановкѣ or, er, ol, el въ западнослав. языкахъ; въ результатѣ перестановки получились r̄ъ, r̄ь, l̄ъ, l̄ь, т. е. тѣ же сочетанія, что въ южнославянскихъ; отсюда дальше съ исчезновеніемъ ъ, ь явились r̄, r̄′, l̄, l̄′; при этомъ l̄, замѣнившее l̄ъ (ибо l веляризировалось передъ ъ), а послѣ зубныхъ также и l̄ь (ибо dl̄ь, tl̄ь подъ вліяніемъ d, t перешли въ dl̄ъ, tl̄ъ). — перешли въ ła во всѣхъ западнослав. языкахъ; вообще же въ лехитскихъ и лужицкихъ языкахъ (гдѣ въ противоположность чешско-словацкому не сохранились слоговыя плавныя) долгія r̥̄ (изъ ъr̄, ьr̄ и ьr̄) и l̥̄ (изъ ьl̄ и ьl̄) измѣнялись въ сочетанія гласная + r, ł, ł′ (ar, or, ir, er, oł, il, el, и т. д.), ср. польск. martwy, wilk, pełny, wierzch, верхнелуж. twjerdy, korčma, hordy, wjerch, pjelnić, połny, нижнелуж. sarna, cart, kjarcma, twardy, serp, pjerwy, wjelk, wałma. Отсюда видно, что допущеніе общеслав. сочетаній ьr̄, ъl̄ и т. д. затрудняло бы объясненіе перестановки въ южныхъ и западныхъ слав. языкахъ.

Примѣчаніе 2. Различіе между польск. wilk и pełny объясняется тѣмъ, что l̥′ въ западнослав. vl̥′kъ, pl̥′nъ осталось мягкимъ передъ задненебными, губными и смягченными согласными, но отвердѣвало и переходило въ ł передъ твердыми зубными.

Примѣчаніе 3. Не имѣемъ основанія думать, чтобы положеніе передъ слогомъ съ гласной полукраткой сколько-нибудь отличало судьбу сочетаній, нами разсматриваемыхъ, отъ положенія ихъ передъ слогомъ съ гласной неполукраткой: vьl̄kъ и vьl̄ka; такимъ образомъ въ случаяхъ какъ vьl̄kъ, sь̄r̄ъ, cь̄r̄vь̄ и т. д. видимъ ь̆, ъ̆ въ слогѣ передъ слогомъ съ полукр. ъ, ь; ясно, что ь̆, ъ̆ въ этихъ словахъ составляли въ количественномъ отношеніи одно цѣлое съ слѣдующими r̄, l̄; они не могли перейти въ ь, ъ именно вслѣдствіе долготы слѣдующаго плавнаго.

Сочетанія гласныхъ.

§ 85. Въ общеслав. праязыкѣ изъ индоевр. праязыка не было получено такихъ соединеній слоговъ, гдѣ бы рядомъ стояли двѣ принадлежащія разнымъ слогамъ гласныя. Въ общеслав. эпоху такія соединенія явились въ результатѣ трехъ слѣдующихъ процессовъ: во-первыхъ, i̯ интервокальное исчезало передъ гласными передняго ряда ī, ĭ, ē, ĕ; отсюда сочетанія aī, aĭ,

аē, ае съ дальнѣйшими ихъ измѣненіями, при чемъ аї переходило въ аї (но только тогда, когда въ слѣдующемъ слогѣ не было полукраткой гласной), аї въ аї и далѣе въ аі (при томъ же условіи), аē перешло въ аа, и т. д.; во-вторыхъ, сочетаніе jі, редуцируя свое і, переходило въ jь только передъ слогомъ съ полукраткою гласною; въ другомъ положеніи оно утрачивало ударепіе, перенося его на предшествующій слогъ, и вслѣдствіе этого переходило въ i̯ і, откуда і; въ-третьихъ, діалектически результатомъ редукціи ў (изъ й) и і въ положеніи послѣ u̯ являлись сочетанія u̯ъ, u̯ь, откуда дальше й; такъ образовались на мѣстѣ діалектическихъ au̯й, au̯ї, ou̯и, ou̯ї сочетанія аи, ой (но только тогда, когда въ слѣдующемъ слогѣ не было полукраткой гласной). Оба эти процесса разсмотрѣны нами выше, въ §§ 36, 25. Ограничусь здѣсь примѣрами.

§ 86. Сочетанія aдї, oдї и т. д. перешли въ аї, ої и при извѣстныхъ условіяхъ въ аі, оі. Примѣры: kraї, troїka, voїsko, dostoїno; jáiśь, dostoinъ, ґuinъ. Сочетанія aдї, oдї и т. д. перешли въ аї, ої, откуда аї, ої, и далѣе при извѣстныхъ условіяхъ аі, оі: taіna, дат. ед. voїnu, troіća, šüіća, дат. ед. toї, 2 л. пов. daі, znaі, род. мн. taінъ, voінъ; troićьka, novyіxъ, novyімъ, novyіmь.

Примѣчаніе. Въ дат. ед. stáдi вм. ожидаемаго staї или им. мн. kráдi вмѣсто kraі сказалось вліяніе другихъ падежей, гдѣ i̯ удерживалось фонетически: staдa, staдo, kraдa, kraдu. Вмѣсто novyimi мы ожидали бы въ тв. мн. novyіmi; форма novyimi обязана вліянію аналогіи novyімъ, novyіxъ.

§ 87. Сочетанія aдe, oдe и т. д. переходили въ ае, ое и т. д. Примѣры: dobraeho, dobruemu, dobrѣemъ, dobroe изъ dobradeho, dobrьdemu, dobrѣdemь, dobrode. Отсюда въ старослав. добрааго, доброуоумоу; добрѣемь сохранялось или переходило въ добрѣ̈мь (откуда добрѣамь); dobroe замѣнялось обычно черезъ dobrode (доброѥ) подъ вліяніемъ dobrada, а также mojö; въ польскомъ dobraégo, dobruému стянулись въ dobrego, dobremu; вмѣсто dobroe явилось въ результатѣ стяженія dobre; также и въ малорусскомъ dobroe стянулось въ dobre. Сочетаніе aдe въ спряженіи наст. вр. перешло въ ае: общеслав. dѣ̈laešї, dѣ̈laetѣ, dѣ̈laemъ, dѣ̈laete; отсюда въ старослав. аа: подобаатъ, гнѣваашн, прѣбъіваашн, знаате, обрѣзаате; позднѣе аа стянулось въ а: прѣбъівате, отвѣщаваши; сербск. pîtāš, kȏpāmo; также въ западнослав. языкахъ: польск. działasz, działamy, чешск. děláš, dělá. Сочетаніе ēдe въ спряженіи, откуда ѣдe, перешло въ ѣе: имѣетѣ, имѣемъ; отсюда, напр., въ старослав. ѣѣ, ѣа: оумѣатъ, оумѣате. Сочетаніе ūдe въ спряженіи перешло въ ие: отсюда въ старослав. ии: радоуоутъ, вѣроуоуте. Сочетаніе ўдe (изъ ўдe, йдe)

въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ такое сочетаніе было, перешло въ ѷe: на ǫбщеслав. ѷe указываетъ напр. польск. byłeś изъ общеслав. byĭѷesì (а это изъ *būlŭ jesì). Сочетаніе yi̯ѣ перешло въ ѷѣ: dobrѷѣ; отсюда въ отдѣльныхъ слав. языкахъ ѣ, напр. малор. добрі. Сочетаніе i̯ie перешло въ ie: mtѣnie, prǫtie. Сочетаніе ѣi̯ѣ перешло въ ѣѣ, откуда въ отдѣльныхъ слав. языкахъ ѣ, напр.малор. сині.

Примѣчаніе. Передъ a, u, ǫ звукъ i̯ не подлежалъ выпаденію. Этимъ объясняются сочетанія ai̯e, oi̯e. yi̯e, yi̯ѣ, возникавшія подъ вліяніемъ аналогіи, частью еще, быть можетъ, въ общеслав. праязыкѣ, а частью уже въ отдѣльныхъ слав. языкахъ: dobraja, dobrǫjǫ, dobruju вызывали dobroje вм. dobroe; dѣłaǫ. dѣłaję̇tь вызывали dѣłaješi, dѣłaiete. mtѣjǫ вызывало mtѣjetѣ: prǫtija, mtѣnìju вызывали prǫtije, mtѣnìje: такъ же являлись dobrѷi̯ѣ и dobryi̯ѣ: siи́ѣi̯ѣ вм. siи́ѣѣ.

§ 88. Въ виду того, что интервокальное i̯ не исчезало передъ a, сочетанія aa, ѣa въ общеслав. формахъ имперфекта, какъ dѣłaaśŏ, imѣaxǫ, едва ли восходятъ непосредственно къ ai̯a, ѣi̯a; естественнѣе объяснить aa, ѣa изъ aē, ēē и, слѣдовательно, принять, что ē въ положеніи послѣ гласныхъ (гласной a?) переходило въ ā. Въ сочетаніяхъ āē, ēē между обѣими гласными исчезло j, очевидно, еще до перехода ē въ ā послѣ смягченныхъ согласныхъ и j, хотя возможно допустить, что ē въ положеніи послѣ j (въ противоположность положенію послѣ j) сохраняло свой звукъ. Примѣры для сочетанія aa изъ āi̯ē: dѣłaaxǫ, pytaaśŏ изъ dѣłāi̯ēxǫ, pytāi̯ēśŏ. Сочетаніе ēi̯ē въ имперфектѣ было, согласно § 11, замѣнено черезъ āi̯ē подъ вліяніемъ родственныхъ образованій съ āi̯ē; отсюда āē, āa. Примѣры для сочетанія āa: xotaaśŏ, imāaxǫ, ср. старослав. хотѣаше, имѣахѫ, древнерусск. хотѣаше, имѣахоу.

Примѣчаніе 1. Формы, какъ имѣѣше, оумѣѣахѫ и т. п., въ древнерусскихъ памятникахъ можно разсматривать какъ новообразованія подъ вліяніемъ наст. времени.

Примѣчаніе 2. Согласно § 32 ā и ā въ сочетаніяхъ āi̯ē, āi̯ē должны были бы сократиться въ положеніи передъ i̯. Поэтому, если законъ о сокращеніи долгой гласной передъ i̯ дѣйствовалъ раньше закона о выпаденіи i̯ между гласными, мы должны исходить изъ сочетаній ai̯ē, āi̯ē; ē, откуда ā, сократилось въ положеніи послѣ гласной, согласно закону, указанному въ § 32.

§ 89. Второй изъ указанныхъ процессовъ былъ причиной появленія сочетаній oĭ, uĭ, aì и т. д. вмѣсто oji̯, uji̯, aji̯, напр. въ moì, suĭ, daì. Посредствующими сочетаніями были oi̯i, ui̯i, ai̯i, являвшіяся въ результатѣ пере-

носа ударенія съ подлежавшаго сокращенію и редукціи ĭ на предшествующій слогъ.

§ 90. Діалектическія сочетанія aй, oй, ий, ѣй и т. д. замѣняли aŋй. aŋĭ, oŋй и т. д., напримѣръ, въ случаяхъ, какъ graŋda, słaŋno, łoŋka, ńiŋka, dѣŋka.

§ 91. Кромѣ того сочетанія гласныхъ появлялись въ результатѣ соединенія двухъ словъ или сращенія предлога съ именемъ или глаголомъ. Ср. соединенія какъ połuostrovъ, za oči̯u, naustiti, priobrѣsti. При этомъ долгія гласныя передъ слѣдующей гласной сокращались. Сочетаніе aи переходило въ aй съ и полукраткимъ; сочетаніе oi въ oì и т. д.: zaùtra, poìti, poìskati.

Сочетанія согласныхъ.

§ 92. Благодаря значительнымъ звуковымъ измѣненіямъ, происшедшимъ на славянской почвѣ въ упаслѣдованныхъ изъ индоевр. праязыка группахъ согласныхъ звуковъ, а именно выпаденію въ нихъ согласныхъ, число группъ согласныхъ, допустимыхъ въ общеслав. праязыкѣ, было весьма ограниченно. Сюда относятся: сочетанія шумныхъ мгновенныхъ согласныхъ и фрикативнаго x съ послѣдующими сонорными: tri, drozdъ, krikъ, grѣxъ, pravo, bratъ; pletła, vedli, klinъ, głumъ, płakati, blizu, bl̥do; metnǫti, stydnǫti, umьlknǫti, gnѣvъ, skripnǫti, gybnǫti; xromъ, xlѣvъ, xłǫdъ, xmura, vьrxńii. Сочетанія sn, sm, sl, sł, zn, zm, zl, zł: snѣgъ, smѣxъ, osmyĭ, nesłъ, poslѣ, znati, zmiĭ, kozła, vezli. Сочетанія шумныхъ зубныхъ и заднепебныхъ съ послѣдующимъ v (діалектически съ w, u̯): tvoì, dvigati, svoì, zvѣrь, kvasъ, kvѣtъ, gvozdь, xvostъ. Сочетаніе vr: kovriga. Сочетанія s, z съ послѣдующими зубными и задненебными: stydъ, uzda, blѣskъ, vizgъ. Сочетанія губныхъ съ j не въ началѣ слова: ľubjǫ, kapja, zemja, łovjǫ. Сочетанія ś, ź съ аффрикатами ć, ʒ́ и š́, ž́ съ аффрикатами č́, ǯ́: vośćѣ мѣстн. ед., oŕźʒ́ѣ (розгѣ), išč́ǫ, ѣžǯ́ǫ. Сочетанія š́, ź съ ľ, ń: pomyšľǫ, bliźńii. Сочетанія st, zd, sk, zg съ послѣдующими r, n, v: straxъ, nozdŕa, skripъ, vozgŕa, svistnǫti, rodьstvo, orzgva (отсюда малор. розгва), skvьrna. Сочетанія sk, zg съ послѣдующимъ l: tъsklivъ.

Примѣчаніе 1. Кромѣ указанныхъ группъ согласныхъ, встрѣчающихся въ предѣлахъ одного слога, въ общеслав. были сочетанія, образовавшіяся въ результатѣ встрѣчи двухъ слоговъ; сюда относятся сочетанія r̆, ĭ предшествующаго слога съ шумными и носовыми согласными слѣдующаго слога.

Примѣчаніе 2. Допуская переходъ sľ, sń, zľ, zń въ šľ, šń, žľ, žń, я исхожу какъ изъ данныхъ старослав. языка, гдѣ находимъ, напр.,

кажнѫ, оутѣшнѧти, помѣышлѧ и т. д., такъ и изъ русскаго языка; ср. здѣсь ближній, вышній, вешній, нижній, порожній. Замѣнившія эти сочетанія—śĭ, śń, źń, źĭ, напр. въ казню, мыслю, соблазнять, выяснять новаго происхожденія; kaźńitь 3 л. ед. вытѣсняло въ русск. яз. kažńu 1 л. ед. формой kaźńu.—Мнѣ неясно, смягчались ли t, d въ общеслав. передъ ŕ, ср. сохраненіе d въ nozdŕa; старослав. utǫždŕati объясняю изъ utǫdŕati подъ вліяніемъ смягченія d въ žd, напр. въ utrǫždati. Равнымъ образомъ сомнительно, чтобы смягченіе t передъ vj, ср. старослав. umrъštvĭati, восходило къ общеслав. эпохѣ; и здѣсь, для объясненія вытѣсненія t́ черезъ št́ въ старослав. надо прибѣгнуть къ вліянію аналогіи. — Сомнѣваюсь, чтобы общеслав. праязыкъ зналъ сочетаніе gd: мы находимъ его въ старослав. и древнерусск. tъgda, kъgda; въ общеслав. эти слова звучали, вѣроятно, еще tъgъda, kъgъda, ср. тъгъда, къгъда въ нѣкоторыхъ старослав. памятникахъ.

§ 93. Нетерпимы были въ общеслав. праязыкѣ сочетанія согласныхъ негубныхъ съ j: j ассимировался предшествующей согласной и исчезалъ. Такъ rj, lj, nj перешли въ ŕ, ĭ, ń; sj, zj въ šj, žj и далѣе въ š, ž; kj, gj, xj измѣнялись въ čj, žj, šj и далѣе въ č, ž, š. Сочетанія tj, dj претерпѣли болѣе сложныя измѣненія, благодаря тому, что въ возникшихъ отсюда t́t́, d́d́ звуки t́ и d́ передъ слѣдующими t́ и d́ измѣнились въ č и ǯ; такъ явились čt́, ǯd́, и далѣе čč, ǯǯ. Итакъ сочетанія čt́, ǯd́ переходили въ čč, ǯǯ; čt́ восходитъ не только къ tj, но также къ kt передъ гласной передняго ряда. Сочетанія sĭ, sń, zĭ, zń (изъ slj. и т. д.) переходили, какъ мы видѣли, въ šĭ, šń, žĭ, žń, ср. kažńǫ при kazniti, древнерусск. кажню Гр. 1362—89 (Г. Др. I, р. IV, № 2), кажненымъ Суд. Ив. Вас. Унд. XVI в., 73 в.; также: беж нѣго Гал. ев. 1144, 180a, иж него Ев. 1270, 56b, 65 d, иж нихъ же Минея 1095 г., 50a; оутѣшнаютъ Ев. Тип. № 6, 112b, Ев. 1270, 77a. Сочетанія sč, zǯ, sć, zǯ переходили въ šč, žǯ, ść, źǯ. Сочетанія ss, zz переходили въ šč, žǯ, ср. древнерусск. ищьло Гр. 1284 (Р. Л. А). Сочетанія губныхъ съ j въ началѣ слова переходили въ сочетанія губныхъ съ ĭ. Примѣры для всѣхъ этихъ сочетаній будутъ даны ниже, въ §§ 188, 312.

§ 94. Изъ предыдущаго видно, что въ извѣстныхъ сочетаніяхъ мягкія согласныя измѣняли предшествующія согласныя, прежде всего смягчая ихъ. Такъ sń перешло сначала въ śń и потомъ въ šń. Но, напримѣръ, задненёбныя оставались не измѣненными передъ мягкими согласными, напр. vozgŕa, gńüsъ. Неясно, палатализировались ли зубныя передъ мягкими согласными; возможно, что они становились въ этомъ положеніи только полумягкими: utǫdŕati. Губныя передъ j, слѣдовательно, и передъ ĭ изъ j, а вѣроятно и

вообще передъ мягкими согласными становились полумягкими. Нѣтъ основанія думать, чтобы полумягкія согласныя смягчали предшествующія имъ твердыя согласныя: въ tři, střigǫ, mǫdřiti, vѣtři t, d оставались твердыми.

Примѣчаніе. Какъ указано въ § 67 прим., измѣненіе pekťь въ peśť и отсюда peśś не показываетъ само по себѣ смягченія k передъ полумягкимъ t; въ группѣ kt звукъ k вообще подвергался ассимиляціи слѣдующему t (ср. pletǫ вм. plektǫ); вслѣдствіе этого наступило измѣненіе k въ k полумягкое и далѣе въ ć.

§ 94[1]. При встрѣчѣ двухъ согласныхъ, изъ которыхъ одна глухая, другая звонкая, предшествующая гласная уподоблялась послѣдующей; такимъ образомъ получались сочетанія двухъ звонкихъ или двухъ глухихъ. Такъ конечное z предлоговъ iz, vъz, orz измѣнялось въ s передъ начальной глухой слѣдующаго слога: ispraviti, istokъ, vѣstokъ, orskazъ, is kǫta.

Начало слова.

§ 95. Въ началѣ слова гласныя и согласныя могли претерпѣвать такія измѣненія, которыя обусловливались именно началомъ слова. Такъ гласныя, благодаря приступу, которымъ сопровождалось ихъ произношеніе, могли получать передъ собой на мѣстѣ придыхательнаго приступа tѣ или другія согласныя; напротивъ, нѣкоторыя согласныя, какъ h, i̯ (j), u̯ (v) могли исчезать въ началѣ слова передъ гласной; нѣкоторыя сочетанія согласныхъ, терпимыя въ серединѣ слова, измѣнялись въ началѣ его. Разсмотрю отдѣльно всѣ эти явленія.

§ 96. Въ извѣстную эпоху жизни общеслав. праязыка всѣ начальныя его гласныя стали произноситься съ придыхательнымъ приступомъ, переходившимъ затѣмъ при извѣстныхъ условіяхъ въ h, i̯, u̯. А именно u̯ (откуда, какъ мы знаемъ, діалектически v) развивалось передъ гласными средняго ряда: ȳ, ў (откуда ъ); i̯ (j) передъ гласными передняго ряда: ī, ь (изъ ĭ), e, ê (изъ ĕ передъ слогомъ съ полукраткою гласной), ē, ę, а также передъ ā; наконецъ, h развивалось, какъ кажется, передъ гласными задняго ряда: o, ô (изъ ŏ передъ слогомъ съ полукраткою гласной), ǫ и u. Такимъ образомъ, передъ переднимъ гласными i̯, передъ среднимъ u̯, передъ нелабіализованными заднимъ i̯, передъ лабіализованными h. Это положеніе нуждается въ нѣкоторыхъ дополненіяхъ и разъясненіяхъ.

§ 97. Едвали подлежитъ сомнѣнію, что всѣ гласныя передняго ряда имѣли передъ собой въ общеслав. праязыкѣ i̯ (j); это слѣдуетъ изъ современныхъ слав. языковъ, въ которыхъ до сихъ поръ нетрудно прослѣдить результаты появленія i̯ (j) передъ e и ę, ср. сочетаніе je въ jeśtь: великор.

есть, малор. е, есть, польск. jest, сербск. је; сочетанія је, ја изъ ję въ великор. ятровь, сербск. јетрва, польск. jątrew; је, јо, ја изъ јь: великор. ёмкой, малор. емкий, сербск. јамачно, и т. д. Правда, мы не находимъ вообще ji на мѣстѣ начальнаго i, ср. русское, южнославянское и польское произношеніе словъ, какъ iva, iи̯ъ, iti; но то обстоятельство, что и ископное ji переходитъ здѣсь въ i, напр. великор. діалект. их, малор. их, им, сербск. има, польск. ich (въ великор. јіх можно видѣть вліяніе j въ jevo, jemu, ср. діалект. јон вм. он подъ тѣмъ же вліяніемъ), даетъ намъ основаніе предположить, что i замѣнило ji въ результатѣ новаго, быть можетъ, какъ предположилъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ, общеславянскаго процесса. Равнымъ образомъ слав. языки и между ними старославянскій указываютъ на отсутствіе j передъ исконнымъ ѣ, ср. старослав. ѣдь (им. ед.), ѣмъ (1 л. мн.), ѣдъшихъ и др. (Савв. кн.), сербск. ӣјем (въ югозап. парѣчіи); но оказывается, что и ископное сочетаніе jѣ, напр. въ jѣxati, jѣdǫ (ср. литовское jo въ joti), утратило j, ср. ѣдшахж, прѣѣхавъше Остр. ев. Въ виду этого принимаю, что въ общеслав. праязыкѣ, въ древнѣйшую эпоху его жизни, дѣйствовалъ законъ, по которому всѣ гласныя передняго ряда въ началѣ слова получали передъ собой i̯, а подъ удареніемъ, согласно §§ 25 прим. и 43, j. Но позже i̯ (j) исчезло передъ ī и ѣ.

§ 98. Приведу примѣры для сочетаній i̯ (j) съ слѣдующею переднею гласною, начальною въ словѣ. Сочетаніе је изъ е: общеслав. jezero, jesenь, i̯elenь. Сочетаніе јо изъ е: 3 л. ед. jo, вин. jodǫ. Сочетаніе јѣ изъ е: общеслав. jѣžь, jѣdlь. Сочетаніе ję изъ ę: общеслав. jętro, i̯ęduxa, i̯ęzy̆a. Сочетаніе јь изъ ĭ: общеслав. jьmъ, jьmъšǒ, jьmъko.

Примѣчаніе 1. Уже въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ, какъ увидимъ, произошло отпаденіе j (i̯) передъ е въ началѣ слова (отсюда русское о). — Начальное he-, о которомъ сказано въ § 57, восходитъ къ индоевр. he-; чередованіе его съ je (i̯e), напр. въ hedinъ при i̯edinъ, hedъva при i̯edъva, heščǒ при i̯ešcǒ, зависѣло отъ чередованія указательныхъ корней he- и i̯e-.

Примѣчаніе 2. Сочетанія i̯ĭ и jĭ въ началѣ слова перешли, какъ мы видѣли въ §§ 25, 35, въ ì, когда въ слѣдующемъ слогѣ не было полукраткой гласной, а иначе на мѣстѣ i̯ĭ явилось i, а на мѣстѣ jĭ —jь.

§ 99. Сочетанія ji изъ i, напр. въ общеслав. jiva, jiti, jiи̯ъ; отсюда однако еще въ общеслав. праязыкѣ iva, iti, iи̯ъ, ср. великор. ил, ива, ити, малор. ил, ива, ити, ишéй, инó, словенск. ikati, igrá, iskra, iI, сербск. искати, ива, инје, ићати, польск. iskać, ilm, iwa, ino. Что касается чешскихъ jíl,

jikra, jilm, jíní, jíva, jizba и др., то здѣсь ji новаго происхожденія, зависѣвшаго отъ принятія начальными гласными новаго придыхательнаго приступа: также объясняются верхнелуж. jи̓, jiwa и т. д.

Примѣчаніе. Начальное jѣ̆ какъ изъ исконнаго начальнаго ē и oi̯ (откуда ō), такъ и изъ исконнаго jē подверглось въ общеслав. праязыкѣ̆ двоякому измѣненію: въ ѣ̆ и въ ja. Примѣры ниже. Думаю, что различіе зависѣло отъ слѣдующей причины. Изъ предыдущаго мы знаемъ, что рядомъ съ j являлось въ общеслав. праязыкѣ̆ i̯· j передъ ударяемой гласной, а i̯ передъ неударяемой. Въ § 113 обоснуемъ предположеніе о томъ, что только j, а не i̯ влияло на измѣненіе слѣдовавшихъ за нимъ e въ o̯, ē въ ā. Въ силу этого предположенія jē̆ измѣнялось въ já̆, а i̯ē̆ сохранялось и позже переходило въ i̯ѣ̆, откуда затѣмъ ѣ̆; и точно такъ же o̯ (изъ oi̯), перейдя въ ē, подъ ударе̇ніемъ принимало передъ собой j и измѣнялось далѣе въ já̆; между тѣмъ въ неударяемыхъ слогахъ развивалось i̯ē̆, сохранявшее свое ē и позже распадавшееся въ i̯ѣ̆, откуда далѣе ѣ̆. Такимъ образомъ являлись: jāsli при i̯ѣ̆da (и отсюда, согласно §§ 97 и 99, ѣ̆da), ср. великор. ясли, сербск. jасли, верхнелуж. jasła при великор. jедá, словенск. jêd ж. р., верхнелуж. jědź; jazъ при р. ед. i̯ѣ̆zá, ср. великор. и малор. яз, сербск. jаз при великор. ѣ̆з, древперусск. ѣ̆зъ, малор. із, словенск. jêz; jādъ при i̯ѣ̆dovitъ̆, ср. великор. яд, малор. яд при древперусск. ѣ̆дъ, малор. ід, сербск. ӣjед, верхнелуж. jěd; jazva при i̯ѣ̆zvá, ср. великор. язва, малор. я́зва и язвá при древнерусск. ѣ̆зва, старочешск. jiezva. Отмѣчу еще ѣ̆зъ въ знач. язъ(я) Гр. 1148(сп. не позже XIV в.); ср. словенск. jez, jest (Валявецъ, Rad, т. 121). Въ отдѣльныхъ слав. языкахъ происходило понятное смѣшеніе ѣ̆ и ja; такъ, быть можетъ, еще въ общеслав. при ѣ̆dité, ѣ̆dętъ̆ являлось ѣ̆mъ̆ вм. jamъ̆; въ русск. при яз явилось ѣ̆з, при яд — ѣ̆д и т. д. Въ старослав. начальное ѣ̆ перешло въ ꙗ: поэтому здѣсь не различаются исконныя ja и ѣ̆. Но въ нѣкоторыхъ памятникахъ это различіе сохранилось (Савв. кн., Остр. ев.).

§ 100. Гласныя средняго ряда ȳ и ъ (изъ u̯) развивали передъ собой u̯, откуда въ большей части діалектовъ общеслав. праязыка v: vydra, vysokъ̆, vy, vyknǫti и т. д.; vъ, vъ̈nѣ̆, vъ̈torъ̆, vъ̈nukъ̆. Діалектически, какъ мы знаемъ, u̯ѣ̆ измѣнилось въ ǔ: ǔtorъ̆, ǔnukъ̆. Если предположимъ, что нѣкогда заднія гласныя лабіализовавшыя получали передъ собой ŭ, то u̯ въ сочетаніяхъ u̯ȳ, u̯ў замѣнило ŭ, быть можетъ, именно вслѣдствіе перехода заднихъ гласныхъ въ среднія и утраты ими лабіализаціи.

§ 101. Гласная задняго ряда нелабіализованная ā получала передъ собой j (i̯): jagoda, jaśćörъ, jastrębъ, jaje, jabłъko, jaboĭnь, jagnę, jarьmъ. Едва ли на основаніи чешск. vajce (совр. vejce) можно признать существованіе при jaje параллельной формы vaje (изъ u̯aje); vaje могло быть извлечено изъ какого-нибудь сложнаго слова.

Примѣчаніе. Начальное a, не получившее передъ собой i̯ (j), восходитъ, согласно §§ 3, 58, къ hā: aky, aśćö.

§ 102. Гласныя задняго ряда лабіализованныя получали передъ собой предположительно всѣ придыханіе h: общеслав. ho, напр. въ *hostrovъ, *hosina; hô, напр. въ *hôsь, *hôtъ, *hôvьća: hu, напр. въ *humъ, *huhća, *hurokъ, *hućiti; hǫ, напр. въ *hǫsy, *hǫzъkъ, *hǫda. Возможно, что уже въ общеслав. праязыкѣ h въ указанномъ положеніи было не особенно устойчиво. Вотъ почему напр. h передъ o во многихъ славянскихъ языкахъ совсѣмъ не нашло себѣ соотвѣтствія: таковы сербскіе, болгарскіе, великорусскіе, польскіе и другіе говоры; точно также находимъ въ большей части славянскихъ говоровъ u, не hu. Но hô нашло себѣ соотвѣтствіе въ великорусскомъ vo, напр. въ словахъ: вотчина, вот, воспа, восемь, востр. Сочетаніе hǫ доказывается польскимъ языкомъ, гдѣ всякому начальному ǫ соотвѣтствуетъ wą или wę: wąż, wągry (угри), wątły, węda, węgieł, wąs;—верхнелужицкимъ, гдѣ находимъ wu: wutk, wutroba, wuzki;—также словенскимъ языкомъ, гдѣ ему соотвѣтствуетъ всегда vo: vǫza, vǫdica, vǫtək, vǫgoł, vǫtəł. Кромѣ того существованіе общеславянскаго hǫ доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что рядомъ съ корнемъ hǫz- (отсюда старослав. жзы) является vęz- (vęzati), гдѣ v, не находящее себѣ этимологическаго основанія, можетъ быть объяснено только какъ результатъ переноса h передъ гласную передняго ряда; невѣроятно допустить vǫz- изъ hǫz- уже въ общеславянскомъ; этому противорѣчили бы показанія великорусскаго, сербскаго, чешскаго, болгарскаго, въ частности и старославянскаго языка; въ послѣднемъ находимъ всегда ж (жзы, жхати, жтроба, жродъ, и др.), едва ли объяснимое изъ vǫ, но легко возводящееся къ hǫ. Въ нѣсколькихъ словахъ h передъ ǫ измѣнилось въ γ: ср. γǫźь, γǫsěnića вмѣсто ожидаемыхъ ǫźь, ǫsěnića, какъ мы видѣли выше, въ § 62: это служитъ подтвержденіемъ того, что ǫ въ началѣ слова получало передъ собой h.

Примѣчаніе 1. Замѣна h черезъ ŭ (v) могла стоять въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ зависимости отъ потери слѣдующею гласною ея лабіализаціи; ср. переходъ hū въ vȳ; также hǫ въ польск. wǫ, wę; также hô въ великор. vo. Ср. съ этимъ переходъ h въ v передъ гласной передняго ряда ę (vęzati).

Примѣчаніе 2. Нѣкоторые слав. языки уже въ позднѣйшее время развили вновь, усиливъ или возстановивъ его, придыхательный приступъ къ начальнымъ гласнымъ; таковы языки малорусскій и бѣлорусскій: нарѣчія польскія и чешскія, также великорусскія; поэтому малор. вулиця, ворати и горати, гострий, вузкий и т. п. не даютъ прямыхъ указаній на придыхательный приступъ въ общеслав. праязыкѣ: ср. въ малор. также и гаспид, гарбуз. Оставляю въ сторонѣ по той же причинѣ нижнелужицкій языкъ, гдѣ мы находимъ напр. систематическое hu на мѣстѣ начальныхъ u и ǫ: hutk, hutšoba, huzki, huznaś, huzda.

§ 103. Относительно начальныхъ слоговъ отмѣчу еще, что въ нихъ замѣчалось такое зависѣвшее отъ ударенія чередованіе гласныхъ, которое не было извѣстно ни въ концѣ, ни въ серединѣ слова. Это относится къ звукамъ, происшедшимъ изъ редуцированныхъ ĭ и ŭ (послѣднее изъ u), а также въ самомъ началѣ слова изъ подлежавшаго сокращенію (до полукраткости) ī. Въ начальномъ слогѣ полукраткія ь и ъ, получивъ на себя ударепіе, переходили въ краткія ь и ъ, между тѣмъ ни въ концѣ слова, ни въ серединѣ его на ь и ъ не было терпимо удареніе, если въ слѣдующемъ слогѣ не было полукраткой гласной; такъ при dьskа̀ являлось dь́skǫ, при stьkĭo-stь́kĭa, при tьstь̆ въ род. tь́sti, и т. д. (ср. выше, § 28). Въ началѣ слова, ĭ, получивъ на себѣ удареніе, переходило въ i, между тѣмъ какъ въ серединѣ и концѣ слова ĭ подъ удареніемъ было извѣстно только передъ слогомъ съ полукраткой гласной; такъ при ĭdǫ являлось ídeši, ídǫtь̆, при ĭmę́—ímene (ср. выше § 35 прим.). Равнымъ образомъ при діалектическомъ ŭ въ неударяемомъ начальномъ слогѣ подъ удареніемъ являлось u: ŭdová-údovǫ.

§ 104. Въ началѣ слова сочетанія or̆, ol̆, какъ мы видѣли въ § 82, подлежали при экспираторной долготѣ плавной перестановкѣ въ общеслав. праязыкѣ, между тѣмъ какъ тѣ же сочетанія въ серединѣ слова оставались безъ измѣненія; начальныя or̆, ol̆ переходили въ rā, ļā.

§ 105. Сочетанія pj, bj въ началѣ слова еще въ общеслав. праязыкѣ измѣнялись въ pʼ, bʼ, сохраняясь какъ pj, bj въ серединѣ слова: bʼudo, bʼujǫ, bʼudǫ, pʼüju при kupjǫ, ľubjǫ.

Конецъ слова.

§ 106. Въ концѣ слова въ общеслав. праязыкѣ имѣли мѣсто нѣкоторыя такія явленія, которыя были чужды началу и серединѣ его. Къ числу ихъ относится, напримѣръ, сокращеніе долгихъ гласныхъ, между тѣмъ какъ не въ концѣ слова исконная долгота уступала мѣсто только полудолготѣ. Конечное ī, какъ мы видѣли, сократившись въ ĭ, переходило дальше въ i по-

лукраткое: nesesi̯ вмѣсто nesesī; такимъ образомъ только въ концѣ слова въ положеніи послѣ согласной на мѣстѣ ī являлось i̯ (непосредственно изъ ĭ). Сочетанія os, om только въ концѣ слова переходили въ ъs, ъm (а изъ ъm—ъ носовое). откуда дальше ъ. Въ концѣ слова отпали всѣ согласныя въ общеслав. праязыкѣ, почему здѣсь въ концѣ слова являлись только открытые слоги. Дифтонгъ ie изъ oi̯ переходилъ въ концѣ слова, когда онъ имѣлъ музыкальную долготу. въ i, сохраняясь какъ ie (ѣ) при долготѣ экспираторной; въ другомъ положеніи въ словѣ ѣ не измѣнялось въ i.

§ 107. Нѣкоторыя конечныя гласныя слова при встрѣчѣ съ слѣдующимъ словомъ, съ которымъ предыдущее слово входило въ тѣсное сближеніе, претерпѣвали болѣе или менѣе значительныя измѣненія. Такъ конечныя гласныя глагольныхъ формъ ъ, ь передъ i̯ мѣстоименныхъ формъ 3 л. переходили въ общеслав. праязыкѣ въ u и i, напр. vidĭxomu i̯, prijęty i̯, ǩubiti i̯, ukradǫty i̯ и т. д. (см. §§ 23, 37, 39).

Взаимное вліяніе гласныхъ и согласныхъ въ предѣлахъ одного слога. Палатализація. Лабіовеляризація.

§ 108. Какъ мы видѣли изъ предыдущаго, гласныя передняго ряда палатализовали предшествующія имъ согласныя, а также слѣдующее за ними тавтосиллабическое r (§§ 51 и сл., 80 и 83). Сходно съ этимъ вліяли гласныя задняго ряда (изъ нихъ u и ū перешли въ средній рядъ), лабіовеляризуя предшествующія согласныя, а въ сочетаніяхъ or, ъr тавтосиллабическое r (см. тамъ же). Въ свою очередь нѣкоторыя согласныя оказывали вліяніе на произношеніе слѣдующихъ за ними гласныхъ: сюда относится прежде всего измѣненіе лабіализованныхъ гласныхъ задняго ряда въ гласныя передняго ряда въ положеніи за i̯, j и смягченными согласными, а также переходъ нѣкоторыхъ гласныхъ передняго ряда въ болѣе открытыя гласныя и даже въ гласныя задняго ряда, а также въ лабіализованныя гласныя того же передняго ряда. Сообразно съ этимъ разсмотрю сначала вліяніе гласныхъ на предшествующія согласныя, затѣмъ на слѣдующее за ними тавтосиллабическое r; далѣе вліяніе согласныхъ на слѣдующія лабіализованныя гласныя задняго ряда; наконецъ, вліяніе согласныхъ на слѣдующія гласныя передняго ряда.

§ 109. *Гласныя передняго ряда*, ассимилируя себѣ предшествующія согласныя, измѣняли ихъ въ полумягкія. Особенно рѣзко сказалось это на задненёбныхъ: k, g, x въ положеніи передъ гласными передняго ряда, теряя свойственную имъ лабіализацію, переходили въ соотвѣтствующія полумягкія средненёбныя согласныя; эти согласныя тутъ же при самомъ своемъ появленіи измѣнялись въ древнѣйшую эпоху жизни общеслав. праязыка въ ć, ź, ś,

напр. *kędo перешло въ ć̨do, *gena въ ź̨ena, *xestь въ śestь, *sɫyxite въ sɫyśite; въ позднѣйшую же эпоху жизни общеслав. праязыка, характеризуемую измѣненіемъ дифтонга oi̯ въ монофтонгъ передняго ряда, k, g, x переходили передъ этимъ монофтонгомъ въ ć, ź̨, ś: *koi̯na перешло въ ć̄na, отсюда ć̨na, *goi̯ɫo въ ź̨ɫo, отсюда ź̨ɫo, *duxoi̯ им. мн. въ *duś̄, откуда *duśь и далѣе duśi.

§ 110. Согласныя зубныя, губныя и плавныя r, l переходили передъ гласными передняго ряда также въ соотвѣтствующія полумягкія; полумягкость ихъ не привела къ измѣненію самаго мѣста ихъ образованія; вслѣдствіе этого о полумягкости указанныхъ согласныхъ въ общеслав. праязыкѣ передъ гласными передняго ряда мы можемъ только догадываться, указывая въ подтвержденіе такой догадки на позднѣйшія явленія отдѣльныхъ славянскихъ языковъ, въ частности русскихъ и западнославянскихъ, развившихъ полумягкія согласныя въ мягкія. Изъ западнослав. языковъ отмѣчу мягкость t, d, n въ чешско-словацкомъ передъ звукомъ a изъ ę, мягкость ихъ въ чешско-словацкомъ передъ i, а въ словацкомъ передъ e, мягкость зубныхъ, губныхъ и l въ польскомъ передъ всѣми гласными передняго ряда, включая сюда и ь, исчезнувшее изъ произношенія; то же находимъ и въ лужицкихъ языкахъ. Совокупныя указанія западнославянскихъ и русскихъ языковъ (въ малорусскомъ отмѣтимъ мягкость согласныхъ передъ рефлексами ѣ, ę, ē изъ ê, наконецъ, передъ исчезнувшимъ ь и рѣдкимъ его рефлексомъ o) достаточны для утвержденія, что согласныя въ указанномъ положеніи не могли быть тверды въ общеслав. праязыкѣ. Допустить, однако, чтобы они были мягки, нельзя въ виду южнославянскихъ языковъ, которые въ значительной своей части представляютъ твердыя согласныя передъ гласными передняго ряда при сохраненіи исконно мягкихъ согласныхъ мягкими (напр. исконно мягкихъ ĺ, ń); между тѣмъ нѣкоторые болгарскіе говоры имѣютъ мягкія согласныя, очевидно, также развившіяся изъ полумягкихъ.

Примѣчаніе. Очевидно, въ нѣкоторыхъ слав. языкахъ произошло отвердѣніе полумягкихъ согласныхъ; отвердѣніе ихъ передъ i произошло, вѣроятно, на почвѣ передвиженія звука y въ направленіи къ переднему ряду и вызваннаго этимъ совпаденія y, передъ которыми согласны были тверды, съ i, передъ которыми они были полумягки. Отвердѣніе согласныхъ передъ i и e въ малорусскомъ совершенно особаго рода, ибо здѣсь отвердѣли не полумягкія, а мягкія согласныя, какъ будетъ указано въ § 212.

§ 111. *Гласныя задняго ряда*, еще до перехода ū и ŭ въ средній рядъ, измѣняли предшествующія имъ согласныя въ лабіовеляризованныя. Указа-

ніе на это находимъ, какъ указано въ § 54, между прочимъ въ произношеніи l какъ ɫ въ положеніи какъ передъ гласными задняго ряда, такъ и передъ гласными средняго ряда y и ъ, восходящими къ гласнымъ задняго ряда; о такомъ произношеніи ɫ въ общеслав. праязыкѣ свидѣтельствуютъ и русскіе и западнослав. языки, включая сюда и чешскій, еще въ XVI в. отличавшій ɫ отъ l; къ ɫ ведутъ насъ, повидимому, и нѣкоторыя явленія южнослав. языковъ (напр. переходъ ɫ въ концѣ слога въ u̯ въ словенскомъ, переходъ ɫ слогового въ u въ сербскохорватскомъ). Лабіовеляризація согласныхъ, не измѣнявшихъ однако подъ ея вліяніемъ основныхъ чертъ своего произношенія, доказывается цѣлымъ рядомъ явленій славянской фонетики; лабіовеляризація задненёбныхъ доказывается тѣмъ, что сочетанія ky, gy, xy не перешли въ ki, gi, xi еще въ общеслав. праязыкѣ: сочетаніе задненёбной согласной съ гласной средняго ряда было возможно только вслѣдствіе того, что лабіализація задненёбной препятствовала ассимиляціи ея слѣдующей за нею гласной средняго ряда. Лабіовеляризація задненёбныхъ и губныхъ въ общеслав. праязыкѣ доказывается ихъ лабіализаціей въ совр. славянскихъ языкахъ. Такъ о лабіовеляризаціи ихъ въ нижнелужицкомъ заключаемъ изъ перехода o въ uo (пишется ó) въ ударяемомъ слогѣ послѣ губныхъ и задненёбныхъ въ положеніи не передъ губными и задненёбными: wóla, bósy, kóza, mórjo, pólo. О лабіовеляризаціи ихъ и въ верхнелужицкомъ заключаемъ изъ произношенія звука o какъ протяжное закрытое o передъ губными, свойственнаго обоимъ лужицкимъ языкамъ: верхнелуж. hłōwa, нижнелуж. głōwa, верхнелуж. и нижнелуж. nōwy, верхнелуж. khudōba, нижнелуж. chudōba, верхнелуж. pōmohać, нижнелуж. pōmogać и т. д. (E. Mucke, Hist. u. vergl. Laut- und Formenlehre, §§ 52 и 53). Лабіовеляризація всѣхъ вообще согласныхъ передъ исконнымъ o доказывается произношеніемъ o какъ ô и u̯o въ ударяемомъ слогѣ во многихъ сѣверновеликорусскихъ и южновеликорусскихъ говорахъ, при чемъ такому измѣненію не подвергается o изъ ъ (ср. § 322[1]). Въ польскихъ говорахъ видимъ u̯o вмѣсто o послѣ всякихъ твердыхъ согласныхъ (очевидно, нѣкогда лабіализованныхъ) и при томъ не только въ закрытыхъ, но и въ открытыхъ слогахъ. Лабіовеляризація согласныхъ въ общеслав. праязыкѣ передъ ъ доказывается между прочимъ переходомъ этой нелабіализованной гласной средняго ряда въ o, т. е. въ гласную лабіализованную задняго ряда, въ отдѣльныхъ слав. языкахъ. Лабіовеляризаціей всѣхъ вообще твердыхъ согласныхъ передъ гласными задняго ряда можно объяснить общерусскій переходъ e въ ö передъ твердыми согласными, при чемъ e, очевидно, уподобилось слѣдующей согласной. Наконецъ, лабіализованное произношеніе губныхъ можно прослѣдить въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ и южновелико-

русскихъ говорахъ, гдѣ находимъ, напримѣръ, переходъ у въ u послѣ губныхъ (въ Мозырскомъ и Бобруйскомъ уѣздахъ), а также переходъ редуцированной гласной въ u также послѣ губныхъ (пупа, бугачи и т. д. въ Смоленскихъ говорахъ).

Примѣчаніе. Умышленно употребляю болѣе сложный терминъ «лабіовеляризація», не опредѣляя въ каждомъ случаѣ, имѣемъ ли мы дѣло съ приспособленіемъ согласныхъ къ произношенію лабіализованныхъ гласныхъ или съ приспособленіемъ ихъ къ произношенію гласныхъ задняго ряда. Польскій языкъ даетъ основаніе различать эти два вида согласныхъ: согласныя зубныя ł, n, r, t, d, s, z вліяютъ на измѣненіе предшествующихъ имъ e въ o и ѣ въ a (niosę, las), между тѣмъ какъ губныя и задненёбныя такого вліянія не оказываютъ (piekę, lekarz); отсюда заключаемъ, что лабіализованныя согласныя не оказали здѣсь на предшествующія имъ гласныя того вліянія, какое оказали веляризованныя. Лабіовеляризація l, переходъ его въ ł, даетъ также основаніе думать именно о веляризаціи, а не лабіализаціи зубныхъ въ общеславянскомъ. И веляризація и лабіализація согласныхъ исчезала въ слав. языкахъ постепенно, въ разное время въ разныхъ говорахъ и не сразу во всѣхъ группахъ согласныхъ. Такъ въ обоихъ лужицкихъ языкахъ лабіализація губныхъ сохраняется до сихъ поръ, что видно изъ перехода o въ ō передъ губными; но только въ верхнелужицкомъ сохранилась лабіализація и задненёбныхъ (k, x, kh, а также h, послѣдняго, однако, только передъ u и o), почему тамъ является ō и въ такихъ случаяхъ, какъ bōk, Bōhu, pō khlěwje, mōch (E. Mucke, l. c., 98). Въ польскомъ x сохраняло свою лабіализацію дольше, чѣмъ k и g: это видно изъ того, что слоги chy, che сохраняются въ польскомъ до сихъ поръ, между тѣмъ какъ ky, gy, ke, ge (послѣднія изъ kъ, gъ) перешли въ ki, ǵi, ke, ǵe.

§ 112. *Вліяніе гласныхъ на тавтосиллабическое* r разсмотрѣно было выше, въ § 83: r становилось полумягкимъ въ сочетаніяхъ er, ьr; оно лабіализовалось въ сочетаніяхъ or, ъr. Палатализованность r въ сочетаніи ьr доказывается, какъ мы видѣли, изъ русскихъ и западнославянскихъ языковъ, представляющихъ на мѣстѣ ьr сочетаніе eŕ (отсюда въ польскомъ erž, ež); впрочемъ, передъ твердыми зубными и въ тѣхъ и въ другихъ языкахъ найдемъ er (or, ar) и при томъ съ лабіализованнымъ r, какъ можно заключить изъ великорусскаго or (напр. въ дёрн). Думаю, что отвердѣніе r полумягкаго здѣсь сравнительно позднее; оно было результатомъ уподобленія r полумягкаго слѣдующей лабіализованной зубной (ср. еще болѣе позднее отвер-

дѣніе r мягкаго передъ отвердѣвшимъ ž, напр. въ великор. діалект. удержут, задéржка. По аналогіи съ ьr заключаю о томъ, что и въ er плавная была палатализованна, а также и о томъ, что плавная сочетаній ъr, or была лабіализованна; впрочемъ, какъ указано въ §§ 80, 83, на то же явленіе указываетъ замѣна s черезъ x послѣ этихъ сочетаній.

§ 113. *Вліяніе согласныхъ на гласныя.* Лабіализованныя и палатализованныя согласныя, насколько послѣднія не стали мягкими, вообще не могли оказать въ общеслав. праязыкѣ замѣтнаго вліянія на гласныя. Только ā, какъ указано въ § 11, переходило въ ā въ положеніи послѣ полумягкихъ согласныхъ (напр. ledāmъ, возникавшее по аналогіи вмѣсто ledēnъ, измѣнялось въ ledāmъ). Вліяніе на слѣдующую гласную оказали мягкія согласныя, т. е. j, ŕ, ľ. ń, мягкія шипящія и мягкія свистящія. При этомъ различаются три явленія. Во-первыхъ, гласныя o, o̧, o̧j, т. е. лабіализованныя гласныя задняго ряда, и ȳ (изъ ū), ъ (изъ ŭ), т. е. нелабіализованныя гласныя средняго ряда, переходили въ соотвѣтствующія гласныя передняго ряда: e, ȩ (отсюда u), ȩj (отсюда i), i, ь; примѣры: jeĭ дат. ед. вм. joi (ср. toĭ), nožü дат. ед., kѣnę́žü (ср. rodu), nožì мѣстн. ед. (ср. rodѣ изъ rodoi), nožì тв. мн. (ср. rody), nožь, kѣnę́žь им. (ср. rogъ, rodъ). Итакъ передъ нами ассимиляціонный процессъ. Во-вторыхъ, гласныя передняго ряда ē, ę̄, въ положеніи послѣ тѣхъ же согласныхъ переходили (ē вѣроятно чезъ посредство ā) въ гласныя задняго ряда: ā и носовое ą̄; примѣры: słyšati изъ *słyxēti (ср. vidēti), časъ изъ kēsъ; žą̇tva, poča̧ti (ср. § 20 прим.). Здѣсь передъ нами диссимиляціонный процессъ: гласная теряла то верхнее образованіе, которое сближало ее съ палатальною согласною, и такимъ образомъ переходила въ задній рядъ. Наконецъ, въ-третьихъ, послѣ тѣхъ же согласныхъ гласная e переходила въ ö, однако, только въ положеніи не передъ слогомъ съ гласной передняго ряда: čötyre, imѣašö, зв. ед. dušö, kѣnę́žö и т. д. Равнымъ образомъ ь перешло въ такомъ же положеніи въ лабіализованное ь: šьdła, počьtъ (см. § 26). Въ этомъ случаѣ видимъ опять диссимиляціонный процессъ: гласная, расподобляясь съ предшествующею мягкою согласною, становилась лабіализованною.

Примѣчаніе 1. Оба процесса, ассимиляціонный и диссимиляціонный, какъ кажется, отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что только первый изъ нихъ распространился и на j, которое требовало такого же перехода за собой гласныхъ задняго ряда лабіализованныхъ въ передній рядъ, какой наблюдался за j и смягченными согласными. dobroje изъ dobroio, svinie (изъ svinio) зв. ед. Диссимиляціонный процессъ не касался, какъ можно думать, сочетаній je, je. Указаніе на сохраненіе je

при jā (изъ jē) дано въ § 99 прим. Сохраненіе e послѣ i̯ доказывается, напр., малорусскимъ языкомъ, гдѣ находимъ доброе, общерусскимъ праязыкомъ, гдѣ находимъ kolĭje (отсюда великор. колья, малор. кілля), лужицкими, гдѣ окончаніемъ им. ед. словъ ср. р. на ĭje является ie, между тѣмъ какъ послѣ согласныхъ e въ концѣ слова произносится какъ o; ср. верхнелуж. wjesele, pjerje, нижнелуж. wjasele, śernje, zele, nazymje, lěśe и т. д.; только въ западныхъ діалектахъ верхнелуж. языка e, очевидно, по аналогіи замѣняется черезъ o: dawanjo, wjeselo (въ другихъ верхнелуж. говорахъ единичные случаи: pjerjo, zelo, lèćo; также въ нижнелуж. korjo, roždžo, wótšo, причемъ korjo, wótšo могутъ восходить къ общеслав. korьjò, ostrьjò, русск. копьё, остре). Ср. рядомъ: верхнелуж. morjo, polo, wojo, lico, plecо, нижнелуж. mórjo, pólo, wójo, placo, słyńco, mojo, našo, зв. ед. kněžo, 3 ед. dawašo, parĺčnie jużo.

Примѣчаніе 2. Оба процесса—переходъ jo въ jö и переходъ je въ jö, приводили къ тождественному результату: poĺo можетъ восходить и къ poĺo и къ poĺe. Думаю, что переходъ o въ ö послѣ i̯, j и смягченныхъ согласныхъ предшествовалъ переходу e въ ö въ результатѣ его лабіализаціи. Слѣдовательно: poĺö, liću, otьćovo, vьšömu, našömu, sińńho явились въ результатѣ перваго — ассимиляціоннаго процесса. Какъ увидимъ, o изъ o въ положеніи передъ смягченными согласными и ì переходило въ e: такъ явилось jeì изъ jöì.

Примѣчаніе 3. Замѣчательно, что монофтонгъ, замѣнившій oi̯, не подлежалъ переходу въ ā послѣ мягкихъ согласныхъ, ср. ćьna, śьrъ, noźь. Отсюда можно заключить, что oi̯ (непосредственно измѣнившееся въ ō) не дошло въ своемъ измѣненіи до ē, что распаденію въ новый дифтонгъ (ie, eä) подверглось ō, давъ üö и далѣе ѣ. Но въ началѣ слова oi̯ указываетъ какъ бы на измѣненіе въ ē, ибо на его мѣстѣ находимъ jā (непосредственно изъ jē), ср. § 99 прим. Вѣроятно, oi̯ измѣнилось и здѣсь въ ō, но ō въ силу закона о придыхательномъ приступѣ измѣнялось подъ ударе̇ніемъ въ jō и далѣе въ jē, а въ неударяемомъ положеніи въ i̯ō; сочетаніе jē перешло дальше въ jā, а i̯ō (также черезъ посредство i̯ē) въ дифтонгъ ie, eä (ѣ).

Взаимное вліяніе сосѣднихъ слоговъ.

§ 114. Здѣсь имѣютъ мѣсто слѣдующія различныя явленія: во-первыхъ, гласная въ концѣ предшествующаго слога измѣнялась подъ вліяніемъ начальнаго звука слѣдующаго слога; во-вторыхъ, согласная въ началѣ слѣдующаго слога измѣнялась въ зависимости отъ гласной въ концѣ предше-

ствующаго слога, въ-третьихъ, гласная предшествующаго слога подпадала подъ зависимость гласной слѣдующаго слога, не соединенной съ нею непосредственно; быть можетъ, были случаи, гдѣ, обратно, гласная слѣдующаго слога измѣнялась подъ вліяніемъ гласной предыдущаго слога.

§ 115. Вліяніе начальнаго звука второго слога на окончаніе перваго слога видимъ, напримѣръ, въ переходѣ ö (изъ o послѣ j, j и смягченной согласной) въ e въ положеніи передъ j, j, смягченной и полумягкой согласной слѣдующаго слога: jojі измѣнилось въ jöji и далѣе въ jeï; zemjoję въ zemjeję, poľoть въ poľeть, kupьśoть (изъ kupьkoть) въ kupьśeть. Звуки ъ, ь переходили въ y, i передъ j слѣдующаго слога: vidimy ï, pogubiti ï и т. д. (§ 107). Относительно различныхъ сочетаній гласныхъ см. §§ 85 и сл., сочетаній согласныхъ §§ 93 и сл. Относительно сочетаній согласныхъ между гласными отмѣчу, что они всего вѣроятнѣе относились въ цѣломъ своемъ составѣ ко второму слогу, не распредѣляясь на два слога: i-spraviv̆ъ, не is-praviv̆ъ.

§ 116. Согласныя задненёбныя въ положеніи за гласными передняго ряда предшествующаго слога переходили, смягчаясь, въ палатальныя свистящія (ć, ź, ś). Имѣя въ виду, что въ рядѣ случаевъ задненёбныя сохранялись безъ измѣненія, И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ высказалъ предположеніе, что переходъ задненёбныхъ въ мягкія свистящія имѣлъ мѣсто только въ ударяемыхъ слогахъ: ср. liśö (изъ liko) при likъ. Возможно, что ограничительныя условія были иного рода, а именно, что переходъ задненёбныхъ могъ ограничиваться положеніемъ ихъ передъ нелабіализованными гласными (передъ a, y, ъ), не распространяясь на положеніе передъ гласными лабіализованными, которыя поддерживали лабіализованный характеръ задненёбныхъ (§ 111) и препятствовали его утратѣ: утрата лабіализованнаго характера задненёбныхъ вела за собой переходъ ихъ въ смягченныя свистящія. Ср., слѣдовательно, ovьśa, otьśь, otьśa, тв. мн. otьśi, но вш. ед. *ovьko, дат. ед. *otьku, тв. ед. *otьkomь. Смѣшеніе чередовавшихся между собой, въ силу указанныхъ ограничительныхъ условій, задненёбныхъ и мягкихъ свистящихъ было, конечно, неизбѣжно: такъ явились ovьśǫ, otьśu, otьśeть. Обратно, задненёбныя проникали и въ такіе случаи, какъ polьga, stьga, nasmixati sę. — Такое же измѣненіе задненёбныхъ имѣло мѣсто и послѣ полумягкихъ согласныхъ, какъ можно заключить изъ общеслав. mьŕśati (русск. мерцать): оно восходитъ къ mьŕkati, ср. чешск. mrkati.

§ 117. Вліяніе гласной слѣдующаго слога на гласную предшествующаго видимъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ. Во-первыхъ, какъ мы знаемъ, гласная передняго ряда e послѣ j и смягченныхъ соглас-

ныхъ переходила въ ŏ (§ 113); такой переходъ не имѣлъ однако мѣста, когда въ слѣдующемъ слогѣ находилась гласная передняго ряда. Рядомъ съ čоło, žona, šostyi, сохранялись čelѣ, ženiхъ, šesti; точно также рядомъ съ čolnъ, žolbъ являлись čelnъ, želbѣ. Это ясно слѣдуетъ изъ данныхъ совр. славянскихъ языковъ, гдѣ сохранилось различіе между обоими положеніями, какъ напр. въ великор.: сам шост, но шестеро; жоны, но женщи; чосан, но чешет: жостко, но жесть и т. д., въ польск. czoło, но na czele; żona, но żenich.

Примѣчаніе. Въ русскомъ и западнослав. языкахъ чередованіе о и е въ подобныхъ указаннымъ случаяхъ зависитъ не отъ вліянія гласной въ слѣд. слогѣ, а отъ вліянія непосредственно слѣдующей за е согласной: передъ твердой согласной является о, передъ мягкой е: великор. шесть, но сам шост.

§ 118. Во-вторыхъ, какъ это впервые указано А. И. Соболевскимъ (Ж. М. Н. П. 1893 № 11), полукраткіе ъ и ь переходили въ ъ и ѣ подъ вліяніемъ звуковъ ь или ъ въ слѣдующемъ слогѣ. Видимъ здѣсь уподобленіе полукраткой гласной краткой гласной слѣд. слога. Примѣры: общеслав. rьdьrъ вмѣсто rъdьrъ (ср. древнеинд. rudhirás, греч. ἐρυθρός), великорусск. рѣдрой; общеслав. mьdьlъ вмѣсто mъdьlъ (ср. польск. zmuda, mudzić), русск. медлить; dovьlьnъ, ср. старосл. довльнъ, вм. dovъlьnъ, ср. недовльнъ Христ. апост. 103; tъpъkъ вм. tьpъkъ, ср. великорусск. тóпкой при польск. ciеńki.— На основаніи такихъ случаевъ, какъ bezdьna вмѣсто bezdъna (безденъ Син. псалт., безденна Супр. и Син. требн.), ср. dъno, или istьba вм. istъba (ср. польск. діалект., źba, нижнелуж. śpa, истьбу Ипат. 105г, во истьбу 84а, выстебцѣ 88г; другіе примѣры см. у Б. М. Ляпунова, Изсл. о яз. Новг. 1-й лѣт., с. 236 и сл.), можно, кажется, заключить о переходѣ полукраткой гласной ъ въ ь въ положеніи послѣ слога съ краткими е, і. Быть можетъ, ъ въ донъдеже Сб. 1073, 101а и др. замѣнило ь подъ вліяніемъ предшествующаго о.

Примѣчаніе 1. Изъ словъ бездна, бездьнье ь переносилось въ дьно, ср. малор. деньце (do deńćia Новоградвол. Zb. VII, 156, do dyńćià Бѣлая Церк. Zb. V, 46). Сомнительно, чтобы бездьна замѣнило бездъна подъ вліяніемъ суффикса -ьн (Щепкинъ, Разс., 136).

Примѣчаніе 2. Переходъ ь, ѣ въ е, о передъ слогомъ съ е, о (въ случаяхъ, подобныхъ древнерусскимъ серебро, золоба, безо отьца) отношу къ явленіямъ, возникшимъ уже въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ.

Глава IV. Количество и удареніе.

§ 119. Чтобы уяснить количественныя отношенія общеслав. праязыка и систему его удареній, необходимо принять во вниманіе, во-первыхъ, исконныя дославянскія отношенія, опредѣляемыя сравнительнымъ изученіемъ индоевроп. языковъ, въ частности языковъ—славянскихъ и балтійскихъ, во-вторыхъ, тѣ новыя явленія, которыя на славянской почвѣ видоизмѣнили унаслѣдованныя отношенія. Въ виду этого сначала изложу гипотетически ту систему удареній и тѣ количественныя отношенія, которыя господствовали въ общеслав. праязыкѣ до наступленія явленій, нарушившихъ эту систему и эти исконныя отношенія, а затѣмъ перейду къ опредѣленію самыхъ этихъ явленій. При этомъ необходимо различать болѣе древнія явленія отъ болѣе позднихъ, связанныхъ между собой одною общею причиной — сокращеніемъ и потерей музыкальной высоты конечными слогами. Вопросы, относящіеся къ количеству и ударенію, я разсмотрю нѣсколько подробнѣе, такъ какъ рядъ явленій въ области удареній, ихъ чередованіе въ словахъ, останется въ русскомъ языкѣ непонятнымъ безъ разъясненія происхожденія этихъ явленій въ общеслав. праязыкѣ.

Древнѣйшія отношенія.

§ 120. Общеслав. праязыкъ получилъ изъ индоевр. праязыка слѣдующія краткія гласныя: o, e, u, i; долгія гласныя ā, ē, ū, ī; дифтонги ou, eu, oi, ei; дифтонгическія сочетанія краткихъ и долгихъ гласныхъ съ n, m, долгими или краткими; дифтонгическія сочетанія краткихъ и долгихъ гласныхъ съ r, l, долгими или краткими. Въ долгихъ гласныхъ, дифтонгахъ и дифтонгическихъ сочетаніяхъ были извѣстны въ общеслав. праязыкѣ два вида долготы, унаслѣдованные изъ старшей эпохи: долгота экспираторно-музыкальная съ преобладаніемъ экспираторнаго элемента (произносившаяся со значительнымъ усиленіемъ) и долгота музыкальная, музыкально-экспираторная (произносившаяся со значительнымъ повышеніемъ). Слоговъ вполнѣ экспираторныхъ общеслав. праязыкъ не имѣлъ; краткіе слоги произносились всѣ съ музыкальной высотой.

Примѣчаніе 1. Термины экспираторно-музыкальный и музыкально-экспираторный, опредѣляющіе самую природу общеславянскихъ долготъ, я предпочитаю терминамъ, предложеннымъ Ф. Ѳ. Фортунатовымъ: длительная и прерывистая долгота; эти термины соотвѣтствуютъ терминамъ акутированная и циркумфлектированная долгота другихъ линг-

вистовъ (у нѣмцевъ: gestossene und geschleifte Intonation). Вполнѣ возможно, что природа долгихъ гласныхъ въ старшую, до славянскую эпоху была иная, чѣмъ въ общеслав. праязыкѣ, почему и термины экспираторно-музыкальная и музыкально-экспираторная долгота къ той эпохѣ непримѣнимы. Экспираторный или точнѣе экспираторно-музыкальный характеръ одной изъ обѣихъ долготъ особенно ясно вытекаетъ изъ того, что долгота эта сократилась въ сербско-хорватскомъ языкѣ подъ ударсніемъ въ начальномъ слогѣ двусложныхъ словъ (гдѣ сохраняется долгота, опредѣляемая, какъ музыкальная), при чемъ на краткой гласной получалось экспираторное удареніе (такъ называемое рѣзкое). Буду обозначать музыкально-экспираторную долготу знакомъ долготы надъ буквой гласной или согласной, а экспираторно музыкальную — знакомъ подъ соотв. буквой.

Примѣчаніе 2. Нѣкоторые индоевр. языки сохраняли и сохраняютъ, частью въ ограниченныхъ особыми условіями случаяхъ, старое различіе между обѣими долготами до сихъ поръ; это различіе, какъ увидимъ, обнаруживается кромѣ того въ явленіяхъ, свойственныхъ почти всѣмъ слав. языкамъ. Такъ въ совр. литовскомъ старое различіе долготъ сохраняется только подъ удареніемъ: одинъ видъ долготы (соотвѣтствующій общеслав. экспираторному виду) имѣетъ нисходящее удареніе; другой видъ (соотвѣтствующій общеслав. музыкальному виду) имѣетъ восходящее удареніе: ср. литовск. wýras, nóras, wárna, káĩnas при wỹnas, põnas, daĩžas, р. ед. raĩkos, и т. д. Въ греческомъ языкѣ (въ конечныхъ слогахъ) различіе двухъ видовъ долготы сохранялось, напримѣръ, въ дифтонгахъ и притомъ не только подъ удареніемъ, ср. ποταμοί при Ἰσθμοῖ, но также и въ неударяемыхъ слогахъ, ср. οἶκοι им. мн. при οἶκοι «до́ма» (различныя ударенія въ предпослѣднемъ слогѣ указываютъ на различный характеръ долготъ). Въ древнеиндійскомъ различіе между долгими экспираторно и долгими музыкально i и u сказалось въ томъ, что первыя при sandhi не подвергались измѣненію, а вторыя переходили въ y (i̯) и v; ср. сохраненіе ī, ū въ окончаніи дв. числа.

§ 121. Мѣсто ударенія въ общеслав. праязыкѣ было свободное; удареніе падало какъ на краткій слогъ, такъ и на долгіе слоги съ обоими видами долготы. При этомъ рядъ основаній заставляетъ думать, что характеръ ударенія краткихъ и музыкально-экспираторныхъ слоговъ былъ однороденъ, отличаясь отъ ударенія экспираторно-музыкальныхъ слоговъ. Совпаденіе общеславянскихъ и древнепрусскихъ отношеній побуждаетъ признать удареніе на музыкально-

экспираторной долготѣ нисходящимъ, а ударение на экспираторно-музыкальной долготѣ восходящимъ. Нисходящее ударение на долгомъ музыкальномъ слогѣ буду обозначать знакомъ ˆ; нисходящее ударение на краткомъ слогѣ знакомъ ˜; восходящее ударение на долгомъ экспираторномъ слогѣ знакомъ ´.

Примѣчаніе. Отсылаю къ статьѣ Ф. Ѳ. Фортунатова о древнепрусскихъ удареніяхъ въ Р. Ф. В. т. XXXIII, с. 254. и сл. и въ Beiträge zur Kunde der indg. Spr., B. XXII, 14 и сл. Литовскій языкъ, какъ мы видѣли, представляетъ обратныя отношенія: нисх. ударение на искомно длительной (экспираторно-музыкальной) долготѣ, восх. ударение на искомно прерывистой (музыкально-экспираторной) долготѣ.

§ 122. Впрочемъ, свободное употребленіе удареній было ограничено еще въ литовско-славянскую эпоху закономъ, по которому длительная (экспираторно-музыкальная) долгота перетягивала на себя ударение съ предшествующаго слога краткаго и прерывистаго (музыкально-экспираторнаго). Законъ этотъ былъ открытъ одновременно Фортунатовымъ и Де-Сосюромъ. Онъ объясняетъ, почему въ общеслав. праязыкѣ им. ед. имѣлъ ударение rǭkā̀ (русск. рукá, чакавск. rūkà), ср. литовск. rankà, между тѣмъ какъ вин. ед. rǫ̂kǭ (русск. рýку, чакавск. rûku), ср. литовск. rañką; далѣе им. дв. rogā́ (русск. рогá), ср. литовск. ragù, между тѣмъ какъ род. ед. rǫ̃gā (русск. рóга, сербск. рȍга), ср. литовск. rãgo; общеслав. мѣстн. ед. vodě, rǭcě́, въ nočí, na kostí, въ domú, въ sādú, рядомъ съ дат. ед. vódě (ср. сербск. вȍди), nóčī, род. dómū; общеслав. 1 л. ед. наст. вр. mogǫ́, nošǫ́, pīšǫ́ рядомъ съ mȍžemъ, nȍsīte, pīšǫtě; общеслав. инфинитивы: xodíti, koráti, gorě́ti, tonǫ́ti и т. д. Очевидно, окончанія a въ им. ед. ж. р. и им. дв. м. р., окончанія oi̯, ei̯, ou̯ въ мѣстн. ед., окончаніе on въ 1 л. ед. имѣли длительную (экспираторную) долготу, между тѣмъ какъ окончанія род. ед. ā и ou̯, дат. oi̯ и ei̯ и т. д. имѣли прерывистую (музыкальную) долготу.

Примѣчаніе. Предположеніе Педерсена о томъ, что экспираторно-музыкальная долгота перетягивала на себя ударение не только съ сосѣдняго слога, но и со слога, отдѣленнаго отъ нея другимъ слогомъ, представляется мнѣ недоказаннымъ (ср. H. Pedersen въ Zeitschr. f. vergl. Sprachforsch. 38, 307); zelenā́, при zélenъ, им. дв. mĕsę̀cā̀ при mĕsę̀cь могутъ объясняться изъ zelẽna, zelẽnъ, mĕsę̃cā, mĕsę̃cь.

Частичныя измѣненія въ природѣ звуковъ.

§ 123. Звуки ŭ и ū, потерявъ свою лабіализацію, перешли въ звуки средняго ряда ў и ӯ. Дифтонги ei̯, ei̯, ou̯ измѣнились въ монофтонги ī, ū, ū.

Дифтонгъ oi монофтонгизировался въ ō. Звуки ē и ō распались въ дифтонги ie (eă), которые обозначаемъ буквой ѣ. Звукъ o послѣ мягкихъ согласныхъ перешолъ въ o и далѣе при извѣстныхъ условіяхъ въ e; e послѣ мягкихъ согласныхъ при извѣстныхъ условіяхъ переходило въ o. Звуки ў (изъ ŭ) и ӯ (изъ ū) послѣ мягкихъ согласныхъ переходили въ ĭ и ī. Сочетанія on, om въ концѣ слова перешли въ un, ŭm (ўn, ўm), а сочетанія краткая гласная (слѣдовательно ў, ĭ) + носовая утрачивали въ концѣ слова носовую и переходили въ ў, ĭ. Въ серединѣ слова передъ согласной на мѣстѣ сочетаній гласная + носовая и также въ концѣ слова на мѣстѣ сочетаній долгая гласная + носовая явились носовые долгіе звуки: носовыя ӯ, ī утратили свой носовой характеръ, а ǭ и ę̄ сохранили его. Сочетаніе ons послѣ мягкой согласной перешло въ ǿns, отсюда ō носовое, распавшееся въ дифтонгическое сочетаніе ǭ. Сочетанія гласной съ плавной были извѣстны какъ въ видѣ or, er, ol, el, такъ и въ видѣ ĭr, ўr (изъ ŭr), ĭl, ўl (изъ ul): плавныя были здѣсь передъ согласными всегда долгими и также съ двоякимъ видомъ долготы, экспираторно-музыкальнымъ и музыкально-экспираторнымъ.

§ 124. Звуки ў (изъ ŭ) и ĭ подверглись сокращенію и редукціи. Они сократились до полукраткости. Полукраткія ў, ĭ сохранили свой звукъ только въ положеніи передъ слѣдующимъ i̯, а ĭ кромѣ того въ началѣ слога (первоначально послѣ i̯). Во всякомъ иномъ положеніи они, подвергшись редукціи, перешли въ звуки ъ̆, ь̆. Вмѣсто полукраткихъ ў, ĭ, ъ̆, ь̆ явились краткія ў, ĭ, ъ, ь, когда въ слѣдующемъ слогѣ находилась полукраткая гласная или когда эти звуки въ начальномъ слогѣ слова получали на себя удареніе. При извѣстныхъ условіяхъ ь измѣнялось въ лабіализованный звукъ ъ̆.

§ 125. Редукція ў и ĭ имѣла послѣдствіемъ переходъ предшествующихъ звукамъ ъ̆, ь̆ сонорныхъ согласныхъ въ слоговыя, а это вело къ переходу ъ, ь въ неслоговые звуки: сочетанія rĭ, rĭ, lĭ, lĭ; nĭ и т. д. перешли въ r̯ъ̆, r̯ь̆, l̯ъ̆, l̯ь̆; n̯ъ̆ и т. д. Появленіе полукраткихъ звуковъ вызвало удлиненіе краткихъ гласныхъ въ предшествующемъ слогѣ: при этомъ ŏ и ĕ перешли въ полудолгія закрытыя ŏ̄ и ĕ̄.

§ 126. Сокращеніе и редукція ў и ĭ повели за собой потерю ими удареніе, которое переносилось на предшествующій долгій, полудолгій (согласно съ § 125) или краткій (согласно съ § 124) слогъ; съ начальнаго слога удареніе переносилось на слѣдующій слогъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно подъ вліяніемъ апалогіи удерживалось на начальномъ слогѣ, при чемъ і въ началѣ слова, а также ъ и ь становились (согласно съ § 124) краткими. На і, у, ъ, ь краткихъ, въ силу слѣдовавшаго за ними слога съ полукраткой гласной, удареніе удерживалось.

§ 127. Такимъ образомъ общеслав. праязыкъ имѣлъ: *краткія* гласныя: o, e, ŏ, y, i, ъ, ь, ĕ; *полукраткія* y̆, i̯, ъ̆, ь̆; *долгія* ā, ū, ȳ, ī, ü; *полудолгія* ŏ̄, ĕ̄; *дифтонги* eă (e̯), ie (i̯e); *долгія носовыя* o̰. ḛ, ę̰; *дифтонгическія сочетанія* съ краткими слоговыми плавными или носовыми и неслоговыми ъ, ь: i̯ъ, i̯ь, ɪ̯ъ, l̥ь, u̯ъ, u̯ь, m̥ъ, m̥ь; *дифтонгическія сочетанія* съ полукраткими ъ, ь и долгими плавными: ъ̆r̄, ъ̆l̄, ь̆r̄, ь̆l̄; *дифтонгическія сочетанія* съ краткими o, e и долгими плавными: er̄, or̄, el̄, ol̄, ōl̄.

Примѣчаніе. Согласно сдѣланному въ § 126 указанію, въ началѣ слова сохранились только тѣ сочетанія or̄. ol̄. которыя имѣли музыкальную долготу, ибо or̄, ol̄ съ долготой экспираторной подверглись перестановкѣ въ ra̰, la̰.

Древнѣйшія измѣненія въ количествѣ и удареніи.

§ 128. Экспираторно-музыкальная долгота, какъ указано Ф. Ѳ. Фортунатовымъ и A. Meillet (Р. Ф. В. за 1902 г.), перетянула на себя ударѐніе съ слѣдующаго сосѣдняго слога, краткаго или музыкально-долгаго, и получала при этомъ нисходящее ударѐніе, что указываетъ на переходъ ея въ музыкально-экспираторную долготу. Такъ род. ед. synû, ср. литовск. sunaũs, перешло въ sȳnu, *synȏvĕ дат. ед. въ *sȳnovi; golvǫ̀ вин. ед. въ gõlvǫ; въ литовскомъ gálvą̀ переносъ ударѐнія произошелъ вслѣдствіе вообще потери окончаніемъ вин. -ą̀ своего ударѐнія. Точно также rodiĭȏ, *xodilĕ, *koralĕ (въ причастіяхъ на -lъ) перешли въ rodîĭo, xodîlĕ (отсюда позже xodili), korâlĕ (отсюда позже korali).

§ 129. Въ извѣстную эпоху жизни общеслав. праязыка произошло сокращеніе экспираторно-музыкальной долготы до полудолготы. Оставляя въ сторонѣ конечные слоги, ибо здѣсь имѣли мѣсто особыя явленія, которыя разсмотримъ ниже, остановлюсь сначала на ударяемыхъ слогахъ (въ неударяемомъ положеніи экспираторно-музыкальная долгота не въ концѣ слова встрѣчалась рѣдко, такъ какъ согласно § 128 она перетягивала на себя ударѐніе съ слѣдующаго сосѣдняго слога, а согласно § 122 она еще въ старшую эпоху перетянула на себя ударѐніе съ предшествующаго слога). Восходящее ударѐніе осталось безъ измѣненія; опредѣляемъ его какъ полудолгое восходящее экспираторное ударѐніе: slă̰va, rýba, kor̆va, brăta перешли въ sláva, rýba, kor̆va, bráta. Въ слогахъ предударныхъ экспираторно-музыкальная долгота переходила также въ полудолготу: lĕtá, beĭrmenâ.

Примѣчаніе 1. Что общеслав. праязыкъ въ подобныхъ случаяхъ, въ соотвѣтствіи съ нѣкогда экспираторно-музыкальною долготой, имѣлъ не долготу, видно, напр., изъ сербско-хорватскаго, гдѣ находимъ крат-

кость и при томъ подъ (рѣзкимъ) экспираторнымъ удареніемъ: slȁva, rȉba, krȁva, brȁta. Также въ серединѣ слова: koryto, ɫopáta, kolẽno перешли здѣсь въ kopȉto, lopȁta, kolẽno (отсюда въ шток. kòpito, lòpata, kòleno). Экспираторный характеръ свидѣтельствуется также словенскимъ и чешскимъ, которые въ предпослѣднемъ ударяемомъ слогѣ имѣютъ здѣсь новую долготу, вызвавшую удареніемъ: словенск. kráva,ríba, bráta, sláva, lopáta, koléno, kopíto: чешск. sláva, kráva, rýba. Діалектически такую же долготу находимъ въ сербскомъ, и при томъ преимущественно—долгое a. Ср. полудолготу a въ словахъ brata, bratova, krava, rame въ Босн. Посавинѣ и большей части чакавскихъ говоровъ (Rešetar, Die Serbokr. Betonung südwestl. Mundarten, c. 28; Arch. f. slav. Ph. VII, 195, 196). Но что здѣсь въ общеслав. не было краткости, а была именно полудолгота, видно изъ русскаго языка: полногласіе въ словахъ корóва, ворóна, сорóка, колóда, морóз, горóх и т. п. свидѣтельствуетъ о томъ, что r, l въ сочетаніяхъ or, ol въ соотвѣтствующихъ словахъ общеслав. праязыка не было краткимъ (ср. § 236).

Примѣчаніе 2. Экспираторно-музыкальная долгота не теряла своей музыкальности только въ одномъ положеніи: въ односложныхъ словахъ. Заключаю объ этомъ изъ личныхъ мѣстоименій ja, ty, my, vy, которыя въ сербскомъ шток. звучатъ jȃ, tȋ, mȋ, vȋ, что̀, въ виду já, tí, mí, ví у Берлича, а также удареній à mī, à tī, pà vī у Мажуранича (Sl. hèrv. 22), ведетъ къ праштокавскимъ jā, mȳ, tȳ, vȳ (знакъ ˜ — знакъ долгаго восх. ударенія). Чешское já восходитъ также къ jā. Чакавск. jȁ, словенск. jȁz, jèz, чешск. my, ty, vy получили краткія гласныя въ неудар. положеніи. Неясными остаются чакавскія mȋ, tȋ, vȋ (Беличъ), словенскія mȋ, tȋ, vȋ (повидимому, здѣсь новое удареніе на формахъ mī, tī, vī, возникавшихъ въ неударяемомъ положеніи).

§ 130. Въ извѣстную эпоху жизни общеслав. праязыка сталъ дѣйствовать законъ, по которому въ слогахъ закрытыхъ не стала терпима музыкальная высота, удерживавшаяся, слѣдовательно, только въ концѣ слога: это повело къ переходу музыкальной краткости въ экспираторную краткость и музыкальной долготы въ экспираторную долготу. Оставляя въ сторонѣ конечные слоги, о которыхъ ниже, отмѣчу, что въ серединѣ слова закрытый слогъ имѣлъ мѣсто, во-первыхъ, когда за гласною слѣдовало интервокальное j̨, примыкавшее, очевидно, къ предшествующей гласной, во-вторыхъ, когда за гласною слѣдовала группа изъ согласной + j̨, изъ которыхъ согласная примыкала къ предидущей гласной, а j̨ (превращавшееся въ j) къ послѣдующей. И въ томъ и другомъ случаѣ

происходило музыкальное пониженіе соотвѣтствующихъ гласныхъ предыдущаго слога. Такъ вмѣсто krâi̯-a, râi̯-a, plǔi̯-etъ, dȍbrāja явились въ общеслав. krái̯-a, rái̯-a, plúi̯-etъ, dȍbrai̯-a (′ обозначаетъ восходящее полудолгое экспираторное удареніе). Вмѣсто trȍi̯-e, prostȍi̯-e, stȍi̯-ę прич. явились trȍi̯-e, prostȍi̯-e, stȍi̯-ę съ удареніемъ экспираторнымъ вмѣсто музыкальнаго (знакомъ ` обозначимъ восходящее краткое экспираторное удареніе).

Примѣчаніе 1. Общеславянскія krája, rája доказываются какъ сербскими krȁja, rȁja, такъ и словенскими krája, rája; между тѣмъ общеславянскимъ krâja, râja соотвѣтствовали бы въ сербскомъ krâja, râja, а въ словенскомъ krajâ, rajâ. Что коренное a въ kraja, raja имѣло нѣкогда музыкальную долготу (требовавшую на себѣ согласно § 121 нисходящаго ударенія), видно изъ ударенія мѣстн. ед.: русск. на краю, въ раю, штокавск. krȁju, rȁju: чередованіе *krâja-krājú вызвано закономъ, изложеннымъ въ § 122. Правда, общеслав. krajú, rajú могли бы представлять и старое мѣсто ударенія, если бы допустить исконную экспираторность долготы ихъ коренныхъ слоговъ, но и въ этомъ случаѣ, въ силу указаннаго въ § 128 закона, удареніе въ род., дат. и другихъ падежахъ было бы нисходящимъ: krâja, krâju (какъ sȳnu).

Примѣчаніе 2. Звуки ȳ, ī сокращаясь, въ силу указанной причины, не сохранили полудолготы, а переходили въ краткія, а затѣмъ и въ полукраткія y̆, ĭ. Полукраткость ихъ доказывается утратой ими ударенія, напр., въ случаяхъ, какъ prìšĭèšĭ, ùmy̆je (сербск. пришијеш, y̆mijē), гдѣ удареніе переносилось на предшествующій слогъ, или mȳjǫ́, šĭjá (великор. діалект. мью), гдѣ удареніе перенесено на слѣдующій слогъ. Краткими y, i удерживались въ слогѣ передъ слогомъ съ полукраткою гласной, а также въ начальномъ слогѣ, гдѣ подъ вліяніемъ аналогіи они могли получать на себя удареніе: 2 л. пов. mȳĭ, 1 л. наст. mȳi̯ǫ, им. ед. šĭja.

§ 131. Какъ указано было въ § 88, есть основаніе думать, что при сочетаніи двухъ гласныхъ долгота гласной не удерживалась: dumaašȍ звучало съ двумя краткими a, не смотря на то, что сочетаніе aa восходитъ къ āi̯ē.

Примѣчаніе. Сократившіяся этимъ путемъ ī и ū и здѣсь подлежали дальнѣйшему сокращенію до полукраткости, если, впрочемъ, на нихъ не падало перенесенное по аналогіи удареніе. Ср. daĭ вм. daĭ̆, taĭna вм. taĭ̆na, zaŭtra вм. zaū̆tra. Ср. §§ 89, 90.

§ 132. Утрату музыкальной высоты передъ группой согласная + j (отсюда j, ассимилировавшееся предшествующей смягчившейся согласной) находимъ, напримѣръ, въ такихъ словахъ, какъ voľa, suša, которыя въ формѣ вин. падежа звучали нѣкогда vȍl-jǫ, sûx-jǫ. Отсюда vòl-jǫ, súx-jǫ и далѣе vòlǫ, súšǫ. Ср. въ словенскомъ языкѣ vǫ́lo, súšo (послѣднее при sûh, suhȏ изъ sûho, сербск. сȳхо); на экспираторное удареніе въ словѣ vòlǫ указываетъ и чешск. vůlí. Такъ же явились kòžǫ (ср. слов. kǫ́žo, чешск. kůži), vòńǫ (ср. слов. vǫ́ńo, чешск. vůni); doržö, súšö (ср. сербск. дрàже, сȳше, русск. дорòже) при dorgo, sûxo (ср. сербск. дрâго, сȳхо, русск. дóрого); вин. goržžǫ (русск. горòжу, словенск. grájo) изъ gord-jǫ, žę́žǫ (словенск. žę́jo) изъ žędjǫ. Итакъ здѣсь, какъ и въ случаяхъ, разсмотрѣнныхъ въ § 130, на мѣстѣ ˋ являлось ˋ, на мѣстѣ ˆ являлось ´.

§ 133. Въ извѣстныхъ случаяхъ удареніе экспираторное полудолгое переносилось съ падежнаго окончанія на предыдущій слогъ подъ вліяніемъ той или иной грамматической аналогіи. Это удареніе являлось въ видѣ экспираторнаго ударенія (краткаго или долгаго) на предшествующемъ слогѣ; въ видѣ компенсаціи полудолгая экспираторная гласная, потерявши удареніе, переходила въ *сверхдолгую* музыкальную (обозначаю ее изъ типографскихъ соображеній двумя буквами). Въ примѣчаніи къ этому § объяснены причины переноса ударенія въ отдѣльныхъ случаяхъ, каковы слѣдующіе: им. мн. selá, vortá, gnězdá перешли, утративъ удареніе конечнаго слога, въ sèłaa, vorťaa, gnězdaa; р.-мѣстн. дв. rǫkú, nogú измѣнялись въ rǫ́kuu, nòguu; тв. мн., zǫbý, rody измѣнялись въ zǫ́byy, ròdyy. Точно также слова женск. рода, имѣвшія смягченную согласную передъ ă, переносили въ им. ед. удареніе на предидущій слогъ: storžá, vòłá измѣнились въ storžaa, vòłaa. Прич. ж. рода, какъ nosiłá, korałá, rodiłá переходили въ nosíłaa, koráłaa, rodíłaa.

Примѣчаніе. Указаніе на сверхдолгую гласную въ концѣ приведенныхъ формъ извлекаемъ изъ совр. слав. языковъ, которые (частью діалектически) не сократили этой гласной, между тѣмъ какъ долгота въ концѣ слова вообще сокращалась и при томъ, какъ увидимъ, еще въ общеслав. праязыкѣ.—Окончаніе им.-вин. ср. рода а имѣло долготу экспираторно-музыкальную; это было причиной перенесенія на него ударенія съ сосѣднихъ краткихъ и музыкально-долгихъ слоговъ: selá, gnězdá, ustá, veslá (а въ им. ед. удареніе нѣкогда было предположительно: sȅło, vȅsło, gnȇzdo). Но подъ вліяніемъ окончанія им. мн. ж. р. ā (впослѣдствіи вытѣсненнаго окончаніемъ вин. мн. ȳ), которое имѣло долготу музыкальную, а потому на себя ударенія не перетягивало, окончаніе им.-вин. мн. ср. р. ā стало переносить свое удареніе на

предшествующій слогъ; ср. обратное перенесеніе ударенія на конечный слогъ въ им.-вин. ед. ср. рода подъ вліяніемъ словъ женскаго рода общеслав. vodá—vòdā повело къ переходу sȇlo—seĺá въ seĺò—sèĺaa Такъ явились vesĺò—vèsĺaa, gnȇzdò—gnȇzdaa, però—pèraa, čȋsĺò—čísĺaa; такъ же ústaa, voŕtaa вмѣсто ūstá, voŕtá (ср. русск. ворòта и воротà, сербск. чакавск. vrātà при vráta). На сверхдолготу ā въ общеслав. указываетъ долгота его въ сербскихъ діалектахъ, напр. въ славонскомъ парѣчіи, судя по грамматикѣ Берлича: njȇdrā (njȇdrà 263), kȍlā (kolà 321), stâdā (stàdà 39), sȓdcā (sȇrdcà 39); въ совр. Посавинѣ по сообщенію Ivšić'a слышится dlītă, krīlă, plătnă, vīnă, sȇlā, rȅbrā (Rad. т. 187). Такое же указаніе извлекается изъ словенскаго: lêta (при léto), zŕna (при zŕno), sêdla (при sédlo), sêla (при sélo), bŕda (при bŕdo), kolêna (при kolẹ́no), govẹ̑da (при govẹ́do) и т. д. доказываютъ, что въ концѣ этихъ формъ была долгая гласная, ибо ´ переходитъ въ словенскомъ языкѣ въ ^ передъ слогомъ съ долгой гласной (ср. krâvo, lîpo, dolīno тв. ед. при kráva, lípa, dolína; krâvar, kopîtar при kráva, kopíto; vîdim, sẹ̑dem при шток. вȉдӣм, сjȅдēм). Форму р.-м. дв. nòguu предполагаетъ сербск. nȍgū, при переносѣ kòd nogū, что указываетъ на происхожденіе " изъ `; форму rǫ́kuu находимъ въ сербск. діалект. rûku (pŝkȣ у Крижанича), гдѣ ^ замѣнило, какъ увидимъ, восходящее ударение; nògȕ, rǫ́kȕ вмѣсто nogú, rǫkú подъ вліяніемъ ударенія род. мн.—Формы тв. мн. ròdyy, zǫ́byy явились подъ вліяніемъ ударенiй: ròdi, zǫ̑bi, ròdomъ, zǫ̑bomъ и т. д.—Переносъ ударенія въ имен., какъ vòĺaa, kòžaa, stoŕžaa, súšaa, вызванъ вліяніемъ формы вин. п. ед., а также и другихъ падежей съ музыкально-долгими окончаніями (о происхожденіи въ нихъ ударенія vòĺǫ, súšǫ вмѣсто vȍĺǫ, sūšǫ см. въ § 131); voĺá, sūšá им. ед. не могли ассоціироваться съ vòĺǫ, súšǫ вин. ед., ибо въ первомъ случаѣ — неударяемые музыкально высокіе слоги, а во второмъ ударяемые экспираторные слоги; поэтому стали непзбѣжны новообразованія. Ср. появленіе при dūšà—dūšǫ въ вин. падежѣ (вопреки § 131). На сверхдолгое ā въ им. ед. подобныхъ словъ указываетъ польскій языкъ, гдѣ долго сохранялось ā въ им. словъ на -ja, ср. старопольск. wolá, dolá (а подъ вліяніемъ им. ед. явились особыя окончанія и въ косв. падежахъ: вин. wolą вм. wolę, род. wolej, rolej, żǫ́dzej, puszczej, и т. д.). Въ словинцскомъ находимъ также окончаніе å изъ ā: vuqlȃ, mjìęzȃ. Обычное объясненіе польскаго á въ случаяхъ, какъ wolá, изъ словъ какъ braćá (а это изъ bratïja) не удовлетворяетъ; braćá перешло бы въ braća, если бы въ языкѣ не существовало уже окончанія им. ед. на á. — Въ причастіяхъ отъ глаголовъ на

-iti и -ati въ муж. и ср. р. было удареніе -îlъ, -îlo, -îli, -âlъ, -âlo, -âli (изъ -ilъ̀, -alъ̀, какъ указано въ § 128); между тѣмъ въ ж. р. -ilá, -alá: ср. въ русск. остатки такого чередованія въ роди́л, роди́ло, при роди́ла, въ сербск. чакавск. rȍdīl, rȍdīlo (что замѣнило фонетически, какъ увидимъ, rodīl, rodīlo) при rodīlà; zvȏnīl, zvȏnīlo при zvonīlà (Беличъ); въ словенскомъ rodîl, rodîlo, lovîl, lovîlo, orâl, orâlo, kovâl, kovâlo (изъ rȍdil, lȍvilo, kȍval по словенскому закону о перенесеніи стараго ицх. ударенія), между тѣмъ въ ж. р.: rodíla, lovíla, orála, kovála (что́ восходитъ къ rodilà, lovilà, oralà, kovalà). Но вообще, какъ видно изъ того же словенскаго языка, изъ сербскаго и изъ русскаго, формы ж. р. причастій на -lъ еще въ общеслав. могли получать то же удареніе, что формы м. и ср. рода; слѣдовательно, въ общеслав. происходило передвиженіе ударенія, сопровождавшееся и появленіемъ сверхдолгаго окончанія: ср. русск. ходи́ла, хвали́ла, чеса́ла, шток. нòсила, вòдила, кòпала, чакавск. kopȁla, igrȁla, solīla, krogīla. Общеслав. xodíaa, pisáaa, ľubíaa, drěmáaa доказываются словенскими hodīla, pisāla, ļubīla, drèmāla: ^вм.′ свидѣтельствуетъ о долгомъ окончаніи.

§ 134. Въ связи съ указаннымъ въ § 132 переносомъ ударенія съ конечнаго слога на предыдущій, гдѣ такимъ образомъ оказывались экспираторныя восходящія ударенія на нѣкогда высокихъ, теперь низкихъ слогахъ стоитъ замѣна экспираторнаго ударенія на краткомъ слогѣ экспираторно-музыкальнымъ на полудолгомъ (т. е. ударенія па′) и также замѣна экспираторно-музыкальнаго ударенія на полудолгомъ слогѣ новымъ типомъ ударенія: восходящимъ на *сверхдолгой* гласной. Это удареніе обозначимъ знакомъ ˘. Указанная замѣна стоитъ въ связи съ сокращеніемъ сверхдолготы въ слѣдующемъ слогѣ, вызваннымъ вліяніемъ аналогіи. Такъ явились къ общеслав. séła, vésła, kóża, vóľa, nóša. Отсюда въ чешскомъ: vůle, kůže, vůně, nůše, въ словенскомъ: vǫ́ļa, kǫ́ža, nǫ́ša, vǫ́na; также діалектически въ великорусскомъ (ср. § 142 пр.): вўоля, кўожа, нўоша. Такъ же явились въ общеслав. sŭ̃ša, voř̃ta, goř̃žа, stoř̃ža. Указаніе на то, что подъ удареніемъ сверхдолгота, дано въ § 135. Что въ общеслав. праязыкѣ различались два некраткихъ восходящихъ ударенія, а именно удареніе ′ на полудолгой и удареніе ˘ на сверхдолгой гласной, видно изъ того, что на мѣстѣ ихъ въ совр. сербскомъ являются два разныхъ ударенія; въ соотвѣтствіи съ удареніемъ ′ на полудолгой гласной находимъ ″ на краткой (ср. выше, § 129 прим.), а въ соотвѣтствіи съ удареніемъ ˘ въ чакавскомъ и праштокавскомъ находимъ восходящее удареніе на долгой гласной, которое въ штокавскомъ должно было перейти въ нисходящее. Ср. чакавск. grája (шток. грâђа), súša (шток.

сȳша), stráža (шток. стрâжа), žéja и žája (шток. жѣ̂ја), vráta, ústa, čréva; въ Славоніи, согласно грамматикѣ Берлича: žédja, stráža, grádja, ústà, vrátà, crjévà.

Примѣчаніе 1. Что касается словенскихъ grája, dáča (шток. dâča), stráža (шток. стрâжа), jéža (шток. jâжа), súša, žéja, tę́ža (шток. тѣ̂жа), vráta, ústa, то въ нихъ ударѐніе можетъ восходить не только къ общеслав. ˜, но и къ ´; ср. словенск. gǫ́šča въ соотвѣтствіи съ шток. гȳшта, вм. котораго можно бы ожидать и гȳшта. — Равнымъ образомъ русскія сторо̀жа, горо̀жа, воро̀та могутъ восходить какъ къ общеслав. -oŕ-, такъ и къ -oȓ-. Но въ виду показаній сербскохорватскаго языка, вѣроятно и словенское ´ въ приведенныхъ словахъ и русское оро̀ въ сторо̀жа, горо̀жа возвести къ общеславянскимъ ˜ и oȓ.

Примѣчаніе 2. Въ § 144 увидимъ, что vòĺa перешло бы и безъ всякаго вліянія аналогіи въ vóĺa; но и появленіе vòĺa изъ vòĺaa вызвало бы, какъ только что указано, vóĺa. Рядомъ съ vóĺa сохранялось въ общеслав. и vòĺaa, откуда vóĺaa (ср. польск. яз., § 133 прим.).

§ 135. Если сверхдолгая гласная должна была получить подъ вліяніемъ аналогіи ударѐніе, то оно являлось на ней въ видѣ ˜, откуда мы и заключаемъ, что долгая гласная подъ этимъ ударѐніемъ была сверхдолгая. Такъ находимъ ударѐніе ˜ на общеслав. сверхдолгомъ окончаніи им.-вин. мн. ср. р. aa; а именно тамъ, гдѣ ударѐніе сохранялось на окончаніи a, оно согласно общему закону о конечныхъ слогахъ, должно было сократиться; но вліяніе аналогіи могло перенести сверхдолготу, получавшуюся въ порядкѣ, указанномъ въ § 133, на мѣсто краткаго ударяемаго a; и эта сверхдолгая гласная получала ударѐніе ˜: imenà подъ вліяніемъ sèĺaa переходило въ imenã. Такъ явились формы žitá, blatá, sljemená, vrjemená у Берлича; imená, brimená, slimená, nebesá въ чакавскомъ.

Позднѣйшія явленія.

§ 136. Совершенно измѣнились старыя количественныя и акцентныя отношенія, когда произошла утрата музыкальной высоты конечными слогами. Мы видѣли подобную утрату и въ слогахъ не конечныхъ, гдѣ, во-первыхъ, исконно экспираторно-музыкальная долгота перешла въ экспираторную, а, во-вторыхъ, краткія и музыкально-долгія гласныя, теряя прѝзвѣстныхъ условіяхъ высоту, получали экспираторную интонацію. Но въ этомъ послѣднемъ случаѣ у насъ нѣтъ основанія принимать сокращенія долготы количественнаго, и рядомъ съ экспираторною краткостью мы допускали экспираторную полудолготу. Музыкальное паденіе конечныхъ слоговъ сопровождалось и ихъ сокращеніемъ. Согласно предыдущему въ концѣ слова были извѣстны: краткіе музыкаль-

ные слоги, полудолгіе экспираторные слоги, долгіе музыкальные слоги и сверхдолгіе музыкальные слоги. Подъ удареніемъ краткіе и долгіе музыкальные слоги имѣли нисходящую интонацію, полудолгіе экспираторные и сверхдолгіе музыкальные — восходящую интонацію: perõ, perâ, vodá, nebesã. Законъ о потерѣ высоты и сокращеніи конечныхъ слоговъ не коснулся только сверхдолгихъ гласныхъ; на мѣстѣ краткихъ и долгихъ музыкальныхъ слоговъ, равно и на мѣстѣ полудолгихъ экспираторныхъ явились краткіе экспираторные слоги. Въ отношеніи къ ударенію всѣ краткіе слоги стали представлять одинъ типъ—восходящій: però, perà, vodà. На сверхдолгихъ слогахъ сохранился типъ ˇ: nebesã.

§ 137. Въ связи съ указаннымъ сокращеніемъ музыкально-долгихъ слоговъ стоитъ отмѣченный выше, въ § 106, переходъ дифтонга ie (изъ ē и oi) въ концѣ слова въ i: vьlći, mati, dъ̑cc̑i, nesi; такое измѣненіе ie въ i, неизвѣстное въ серединѣ слова, поражаетъ только музыкально-долгое ie (ȋ). Подобно тому какъ въ случаяхъ, указанныхъ въ §§ 130 пр. и 131 пр., і въ своемъ сокращеніи шло дальше, чѣмъ другія долгія гласныя, оно, сократившись въ концѣ слова въ силу закона, приведеннаго въ § 136, точно также сокращалось до полукраткости, но только тамъ, гдѣ на него не падало ударенія (см. § 38). Такимъ образомъ на мѣстѣ i, какъ исконнаго, такъ и восходящаго къ дифтонгу ie, видимъ въ слогахъ неударяемыхъ ĭ: neseš̆ĭ, xoditĭ, matĭ, sędĭ. Оба отмѣченныя здѣсь явленія свидѣтельствуютъ именно о сокращеніи конечныхъ гласныхъ.

Примѣчаніе 1. Признаніе краткими всѣхъ конечныхъ гласныхъ общеслав. праязыка основывается прежде всего на показаніи тѣхъ слав. языковъ, которые довольно точно въ общемъ сохранили старыя количественныя отношенія. Сербско-хорватскій и чешско-словацкій языки на мѣстѣ исконно долгихъ гласныхъ экспираторныхъ и музыкальныхъ имѣютъ всегда только краткія гласныя, между тѣмъ въ предпослѣднемъ слогѣ слова сербско-хорв. языкъ сохраняетъ музыкальную долготу, а чешско-словацкій замѣняетъ здѣсь долготой экспираторную полудолготу. Такъ находимъ сербск. nogă, чешск. noha̋ (изъ исконнаго noga̲), сербск. и чешск. дат. ед. bobŭ (изъ общеслав. bobū), сербск. и чешск. vodŭ вин. ед. (изъ общеслав. vodǭ); сербск. rakă, чешск. raka̋, р. ед. (изъ общеслав. ra̲kā); сербск. и чешск. nesi 2 л. пов. (изъ общеслав. nesi, которое изъ nesẽ); сербск. ženĕ, чешск. ženy̋ им. мн. (изъ общеслав. ženȳ); сербск. vodĭ, чешск. vodě мѣстн. ед. (изъ общеслав. vodẽ̲). Словенская долгота подъ перенесеннымъ съ предшествующаго слога нисх. удареніемъ (bogâ, bogû, vodô) новаго происхожденія, ср. долготу и на мѣстѣ крат-

кости (напр. въ nebô, suhô). — Долгота конечныхъ гласныхъ, наблюдаемая въ нѣкоторыхъ грамматическихъ окончаніяхъ въ совр. слав. языкахъ, восходитъ частью къ общеслав. сверхдолготѣ. Ср. отмѣченныя въ § 133: ā въ им.-вин. мн., ū въ р.-мѣст. дв., ā въ им. ж. р. и др. Укажу еще на ū въ мѣстн. ед., нѣкогда долгомъ въ словенскомъ (какъ видно изъ случаевъ: prі kmêtu, orĉhu, brâtu, klîmu, hlêbu, na obrâzu, trebûhu, sosẽdu, kožûhu и др.); также -mū въ діалект. сербск. tòmū, tẽmū. Частью же такая долгота новаго происхожденія: въ 3 ед. korá въ чешск., kònā въ сербск., также въ чешск. dobrá, сербск. добрā долгое а обязано своимъ происхожденіемъ стяженію. Въ 3 л. ед. nosī, hvālī долгота, восходящая къ общеслав. праязыку, можетъ быть обязана или формамъ nosīš, nosīte, hvālīm, или же такимъ формамъ, какъ 3 ед. lomī, letī, гдѣ ì замѣнено черезъ ii подъ вліяніемъ lomīte, letīte. Долгота въ окончаніяхъ 3 л. мн. ū и ē (изъ ǭ и ę̄), быть можетъ, еще въ общеслав. праязыкѣ въ формахъ какъ nesǭ, letę̄ заимствовалось изъ nesǭtъ, letę̄tъ.—У насъ нѣтъ основаній думать, чтобы рядомъ съ selò въ общеслав. являлось selá (съ долгой или полудолгой гласной въ окончаніи): и въ чешскомъ и въ сербскомъ одинаково находимъ sela съ краткимъ а (нѣкогда долгимъ) при selo. Равнымъ образомъ, какъ мы видѣли, нѣтъ основанія допускать сохраненія ā въ общеслав. vodá: совр. слав. языки имѣютъ здѣсь voda съ такимъ же краткимъ звукомъ въ концѣ, какъ sela, selo.

Примѣчаніе 2. Въ пользу того, что старыя ударенія ˆ и ˜, свойственныя высокимъ слогамъ (съ музыкальною долготой и краткостью), замѣнились экспираторными удареніями въ концѣ слова, можно привести слѣдующее соображеніе: въ общеслав. праязыкѣ, въ извѣстную эпоху его жизни, нисходящія ударенія ˆ и ˜ не удерживались, когда имъ предшествовалъ другой слогъ, и переносились на этотъ другой слогъ; между тѣмъ наконечное удареніе и краткихъ и музыкальнодолгихъ гласныхъ сохранялось, какъ видно изъ русскихъ селò, неслò, женȕ, несй, попà, чакавскихъ selò и т. д. Въ общеслав. selъ̀, porъ̀ въ извѣстный моментъ перешли бы въ sèlo, pòra, если бы еще раньше не измѣнили своихъ ударенiй на ˋ: selъ̀, porъ̀. Если бы такой моментъ не наступилъ въ общеслав. праязыкѣ, онъ долженъ былъ бы наступить въ сербскомъ, гдѣ до сихъ поръ удерживаются ˜ и ˆ не иначе, какъ на начальномъ слогѣ; между тѣмъ мы находимъ здѣсь porà, selò чакавск. (и отсюда уже позже въ прашток.: porà, selò и далѣе pòra, sèlo).

Примѣчаніе 3. Допуская сокращеніе долготъ въ концѣ слова, мы должны думать, что также сократился дифтонгъ ie (ѣ); вѣроятно допустить, что ѣ въ концѣ слова (согласно §§ 106, 137, изъ ѣ съ старой экспир. долготой) произносилось какъ i̯e, между тѣмъ какъ въ серединѣ слова оно произносилось ie, eä: poŗie, но pieli, sieno. — Ср. § 194.

§ 138. Разсмотрю тѣ послѣдствія, какія имѣло музыкальное паденіе и сокращеніе конечныхъ слоговъ. Въ главныхъ чертахъ они сводятся къ соотвѣтственному повышенію предшествующихъ, предпослѣднихъ въ словѣ, слоговъ. Это повышеніе вызывало пониженіе слога третьяго отъ конца. Но при этомъ скрещивалось нѣсколько различныхъ явленій, приведшихъ къ передвиженіямъ ударенія и къ замѣнѣ старыхъ типовъ новыми. Разсмотрю сначала слоги предударныя неударяемыя, перейду затѣмъ къ заударнымъ слогамъ; далѣе къ ударяемымъ начальнымъ и серединнымъ слогамъ, наконецъ, къ слогамъ, предшествующимъ ударенію въ серединѣ слова.

§ 139. *Слоги предударные при удареніи на концѣ слова.* Экспираторное пониженіе конечныхъ ударяемыхъ слоговъ, повлекшее за собой замѣну всѣхъ старыхъ типовъ ударенія (кромѣ ˜) новымъ типомъ `, повело къ музыкальному повышенію предпослѣдняго слога. Ясныхъ указаній на такое повышеніе не видимъ, но заключаемъ о немъ изъ музыкальнаго паденія третьяго отъ конца слога, а также изъ того, что въ предударномъ предконечномъ слогѣ сохраняется долгота и въ сербскомъ и въ чешскомъ языкѣ: чакавск. vīnò, kl̨ūčà, hvālà, strānà, pīlà, dūšà, чешск. víno, klíče, chvála, strána, píla, douše; также словенск. языкъ представляетъ здѣсь долгую гласную съ перепесеннымъ на нее ударѣніемъ.

Примѣчаніе. Чешское ruka имѣетъ краткое u, заимствуя его изъ вин. пад. (ruku).

§ 140. Въ третьемъ отъ конца слогѣ при ударѣніи на концѣ слова долгота не сохранялась въ общеслав. праязыкѣ: это видно изъ сербскаго (который въ чакавскомъ нарѣчіи и въ праштокавскомъ періодѣ не знаетъ долготы въ указанномъ положеніи), а также изъ чешскаго языка. Заключаемъ отсюда о музыкальномъ пониженіи третьяго отъ конца слога и ставимъ его въ связь съ повышеніемъ предконечнаго слога. Едва ли однако долгота (музыкальная и полудолгота экспираторная, ср. § 129) сократилась при этомъ до краткости; вѣроятнѣе допустить сокращеніе ея до полудолготы (слѣдовательно, сохраненіе полудолготы экспираторной). Такъ общеслав. dobrotà имѣло высокій слогъ bro и низкій do; такъ krāsotá перешло въ krăsotà съ высокимъ слогомъ so и низкимъ kra. Ср. краткость гласной перваго слога въ словахъ krasotà, sramotà, rukāvà, trubītè, tresetè въ сербскомъ и чеш-

скомъ. — Равнымъ образомъ понижался музыкально и четвертый отъ конца слогъ.

Примѣчаніе. Не могу допустить полнаго сокращенія въ этихъ случаяхъ (т. е. общеслав. krăsotà, sŏrmotà) между прочимъ въ виду того, что русское полногласіе развивалось въ подобномъ положеніи: соромота, беременà.

§ 141. *Въ заударномъ предконечномъ слогѣ* происходило музыкальное повышеніе подъ вліяніемъ пониженія конечнаго слога; предшествующій предконечному неударяемый слогъ неизбѣжно долженъ былъ понизиться, т. е. между прочимъ сократить свою музыкальную долготу до полудолготы. Въ общеслав. olovo слогъ lo былъ высокій, а слогъ vo низкій. Ср. сохраненіе долготы въ общеслав. golǫbi, mьsęca, pečivo: сербск. гȍлӯба, мjȅсēца, пѐчӣво. О слогѣ, слѣдующемъ за ударяемымъ экспир. слогомъ, см. § 146.

§ 142. *Въ начальномъ слогѣ двусложнаго слова* ударенія ˋ и ˆ (восходящія на краткомъ и долгомъ слогѣ) остались безъ измѣненія. Общеслав. bòga, slȍvo, ròdu, vòdǫ, pròso, pròsto, gòsti, kòsti, 3 аор. nȅse, vȅde и т. д.; drûga, tȇsto, sȇno, dâli. sŷnu, dâra, 3 аор. trȇse, xvâli и т. д.

Примѣчаніе. Со всею очевидностью сохраненіе восходящаго ударенія въ начальномъ слогѣ доказывается сербскохорватскимъ языкомъ, гдѣ во всѣхъ указанныхъ словахъ оно держится до сихъ поръ. Указаніе на это удареніе извлекается и изъ словенскаго, который послѣдовательно переноситъ восх. удареніе на слѣдующій слогъ въ видѣ восходящаго ударенія: bogâ, slovâ, prosô, kostî, drugâ, senô и т. д. Въ русскомъ языкѣ въ словахъ съ полногласіемъ находимъ въ соотвѣтствіи съ oȓ, olȉ, eȓ, elȉ сочетанія òро, òло, èре, èло: такое удареніе этихъ сочетаній (на первомъ слогѣ сочетаній) свидѣтельствуетъ о восх. удареніи; ср. русскія вòрон, стòрону, гòлову, гòлос, вѐред, чѐреп, сѐреду, жòлоб, гòлод, гòрод, вòлосы.—Впрочемъ, русскій языкъ даетъ еще одно цѣнное указаніе на краткое восх. удареніе въ начальномъ слогѣ двусложныхъ словъ. Во многихъ великорусскихъ говорахъ исконное о ударяемое измѣняется въ дифтонгъ цо или въ гласную ô, û; такое измѣненіе въ начальномъ слогѣ словъ проводится непослѣдовательно; изслѣдованіе относящихся сюда случаевъ показываетъ, что только подъ восх. удареніемъ звукъ о подвергается дифтонгизаціи: пӯоп, кӯожа, вӯоля, пӯосни, и т. д.; между тѣмъ ô дифтонгизаціи не подвергается: слово, воду, просо, гости, поле. Примѣры заимствую изъ изслѣдованія О. Брока о Тотемскомъ говорѣ (Сб. Отд. р. яз. и сл., т. 83), изъ записей В. И. Тростянскаго изъ Землянскаго и Задонскаго уѣздовъ Воронежской губер-

ніи (Арх. Г. О.), изъ изслѣдованій Вилio Мансикка надъ говорами Грязовецкаго уѣзда (Р. Ф. В. 1912 г., № 4) и Никольскаго уѣзда (любезное его письменное сообщеніе), изъ отвѣтана программу Ф. М. Тонышина по Рязанскому уѣзду (Р. Ф. В. 1912, № 3) и изъ моихъ наблюденій надъ однимъ изъ говоровъ Егорьевскаго уѣзда. (Изв. Отд. р. я. и сл. 1913, кн. 4). Тождественныя данныя можно привести еще изъ Вятскихъ говоровъ, Обоянскаго Курской губ., Ефремовскихъ Тульской губ. и нѣкоторыхъ другихъ. — Въ чешскомъ и другихъ западнослав. языкахъ долгота подъ нисх. удареніемъ сокращалась, въ противоположность долготѣ подъ восх. удареніемъ: чешск. hlad, hlas, vlasy, druha, synu и т. д.

§ 143. Въ начальномъ слогѣ двусложнаго слога удареніе ′ (восходящее на полудолгомъ слогѣ) оставалось безъ измѣненія, несмотря на пониженіе слѣдующаго слога. Общеслав. bráta, koŕva, sĺáva, síĺa, gýba, mĺ́ga.

Примѣчаніе 1. См. указанія, данныя въ § 129 прим. Въ сербскомъ ′ сократилось въ удареніе ˋ, отсюда далѣе (въ штокавскомъ) удареніе ˝: brȁta, krȁva, mjȅra и т. д. Въ словенскомъ сохранилось ′: bráta, kráva, méra, ríba и т. д. Въ русскомъ языкѣ сочетанія оро́, оло́, ере́, ело́ свидѣтельствуютъ о восх. характерѣ ударенія общеслав. сочетаній or и т. д. въ словахъ ворóна, коробá, горóх и т. д., ибо при восх. удареніи усиливается именно вторая часть долгаго звука или звукового сочетанія.

Примѣчаніе 2. Такова же судьба ′, восходящаго къ исконному удареніюˆ въ закрытомъ слогѣ (§ 132): сербск. шток. kȃša (при káša), gȗšta, чакавск. grȁja, русск. чȁща (при чащà).

§ 144. Въ начальномъ слогѣ двусложнаго слова удареніе (восходящее на краткомъ слогѣ), замѣнившее˝ въ закрытомъ слогѣ (§ 132), вслѣдствіе повышенія этого предконечнаго слога, измѣнялось въ ′, что сопровождалось удлиненіемъ краткой гласной до полудолготы. Слова vòĺǫ, kòžǫ и т. д. должны были перейти въ vóĺǫ, kóžǫ (а отсюда и въ имен. явились vóĺa, kóža). См. объ этихъ словахъ, въ формѣ имен. падежа допускающихъ и иное объясненіе, § 134.

Примѣчаніе. Удареніе ˜, т. е. восходящее на сверхдолгой гласной, не было извѣстно въ положеніи нами разсматриваемомъ, ибо сопровождалось въ конечномъ слогѣ сверхдолготой, если только не признать вѣроятнымъ объясненіе, предложенное въ § 134 пр., гдѣ имѣется въ виду возможность произношенія ũsta и т. п.

§ 145. *Въ начальномъ слогѣ трехсложнаго слова* ударенія нисходящія ̏ и ̂, несмотря на повышеніе предконечнаго слога, не теряли своего характера, но на мѣстѣ долгой гласной подъ удареніемъ ̂ являлась полудолгая въ результатѣ, очевидно, нѣкотораго пониженія третьяго отъ конца слога. Такъ явились въ общеслав. jèzero, plètīvo, gȍvora, sȏčīvo, vȅčera, tètetīva, jȅseni съ высокимъ предконечнымъ слогомъ и нисх. ударéніемъ на первомъ слогѣ. Съ сокращеніемъ коренной гласной до полудолготы: sȳnove, dȅveri, mȏldosti, mȇsę̄cь и т. п.

Примѣчаніе. Что въ сербскихъ словахъ, какъ jȅзеро, вȅчера, гȏвора и т. п. ударéніе исконно нисходящее, видно изъ переноса его на предшествующій предлогъ: чакавск. pȏd večēr, vȁ popel. Равнымъ образомъ нисх. ударéніе въ mjȅsēc свидѣтельствуется чакавскимъ nȁ misēc. Краткость въ сȉнове, djȅvēr, mjȅsēc, mlȁdōst свидѣтельствуетъ о полудолготѣ подъ нисх. ударéніемъ, ибо долгота подъ этимъ ударéніемъ не сокращалась. Цѣнны показанія словенскаго языка въ пользу нисх. ударенія (которое, какъ мы знаемъ, переносилось по общему правилу на слѣд. слогъ): večȇr, perȇl, jesȇn, jezȇro, tetrȇv, sočîvo, melîvo, pecîvo, devȇr, modrôst, mladôst (шток. мȕдрōст, млȁдōст). Словенское mêsec вм. ожидаемаго mesêc получило свое удареніе изъ косв. падежей, какъ mêsca, при и вмѣсто meseca. Важны также показанія русскаго языка: мо̀лодость, мо̀лодежь, ко̀локолъ указываютъ на ̂ на долгомъ или полудолгомъ слогѣ (сочетаніе о̀ло съ удареніемъ на первой части). Егорьевск. о̀лово, го̀споди, о̀корок, ско̀враду, со̀колы и др. свидѣтельствуютъ своимъ о, не ӧ, о нисход. ударéніи на начальномъ слогѣ (см. § 142 прим.).

§ 146. Въ начальномъ слогѣ трехсложнаго слова ударéніе ́ удержалось: повидимому, въ этомъ случаѣ пониженіе конечнаго слога не вызвало соотвѣтственнаго повышенія предконечнаго слога; его пониженіе скорѣе всего повело къ повышенію экспираторнаго ударяемаго слога; здѣсь, какъ и въ случаѣ, разсмотрѣнномъ въ § 143, сохранилось поэтому ́. Слѣдующій затѣмъ слогъ, предконечный, въ противность указанному въ § 141 случаю, не повышался, а напротивъ, понижался. быть можетъ, даже сокращался, во всякомъ случаѣ онъ не сохранялъ долготы, которая, если не сокращалась совсѣмъ, то переходила въ полудолготу. Общеслав. jágoda, ľáłoka, mǫ́čila, gľáditi и т. д. съ низкимъ предконечнымъ слогомъ: i въ послѣднихъ двухъ примѣрахъ было, если не кратко (что вѣроятнѣе), то полудолго.

Примѣчаніе. На восходящее ударéніе въ подобныхъ случаяхъ указываетъ словенскій языкъ: jágoda, máčeha, kášica, kládica, ríbica,

zŕkalo, grášišče, pr̥úniti, víděti, gládити, bégati, dẹ̑lati, sípati. Такое же указаніе извлекается изъ того обстоятельства, что подобныя слова не переносятъ своего ударенія на предыдущій слогъ (предлога) въ русскомъ и сербскомъ: чакавск. na jȁgodu (шток. вслѣдствіе позднѣйшаго переноса: нà јагоду), русск. на я́году. Русск. горо́шина, морбзить, коло́дить, пере́чить, соло́мшика также свидѣтельствуютъ объ общесл. восх. удареніи на полудолгомъ слогѣ въ такомъ положеніи. Въ чешскомъ находимъ jahoda, rybíce и т. д. съ краткою гласной потому, что долгота замѣняла полудолготу только въ начальномъ слогѣ двусложныхъ словъ. Что предконечный слогъ въ подобныхъ словахъ былъ въ общеслав. низокъ, видно изъ краткости гласной (въ предконечномъ слогѣ музык. долгота вообще не сокращалась) въ случаяхъ, какъ пра̏дјед, кра̏вина, ју̏жина, пти̏чина, ри̏бица, бре̏зица, ли̏пица, прич. ба̏вили, дје̏лала, ла̏зила, па̏дали, гле̏дала и др.; то же находимъ въ сербск. ли̏пама, кра̏вама. Словенск. lípami, krávami указываютъ также на краткость предконечнаго слога, ибо передъ долгимъ слогомъ ´ измѣнилось бы въ ˆ въ словенскомъ языкѣ.

§ 147. Ударѐніе ` въ третьемъ отъ конца слогѣ, являвшееся напр. въ такомъ словѣ какъ kòžíća (§ 132), перешло въ ´ съ растяженіемъ краткой гласной до полудолготы: общеслав. kóžíća; гласная предконечная сокращалась и здѣсь совсѣмъ или до полудолготы.

Примѣчаніе. Достовѣрныхъ примѣровъ въ подтвержденіе этого явленія найти трудно, ибо словенск. kǫ́žica могло заимствовать свое ударѐніе изъ kǫ́ža, какъ заимствовало свое û изъ kûže чешское kûžice.

§ 148. *Въ серединномъ слогѣ* ударенія исходящія ˆ и ˝ вообще не удерживались. Причину вижу въ томъ, что пониженіе конечнаго слога здѣсь, какъ и тамъ, гдѣ эти ударенія находились въ начальномъ слогѣ (§§ 142 и 145), не могло видоизмѣнить ни природы этихъ ударѐній, ни вызвать повышенія ударяемаго слога. Пониженіе конечнаго слога нашло себѣ поэтому компенсацію въ повышеніи неударяемаго слога, предшествующаго ударѐнію. При этомъ, однако, должно различать два случая: первый, когда этотъ неударяемый слогъ кратокъ; второй, когда онъ дологъ. Въ первомъ случаѣ ударѐніе переносилось на предшествующій краткій слогъ, во второмъ оно оставалось на прежнемъ мѣстѣ, измѣняя однако свой характеръ. Возможно, что повышенію подверглись оба предшествующихъ конечному слога: если первый слогъ былъ кратокъ, то ударѐніе переносилось на него: ˘ ˆ ˘ переходило въ ˆ — ˘; если первый слогъ былъ дологъ, ударѐніе оставалось на второмъ: — ˆ ˘ переходило въ — ˇ ˘.

§ 148[1]. Итакъ, если передъ слогомъ съ удареніемъ ˝ или ˆ въ серединѣ слова находился слогъ съ краткою гласной, удареніе переносилось на этотъ предшествующій слогъ, а потерявшій удареніе слогъ произносился съ повышеніемъ, свойственнымъ по § 141 заударному слогу. Такъ porǫ̑kǭ, dovo̍dā. prodā̍lī, po vo̍dǭ, po ûxū. na ûxo перешли въ общеслав. въ pǫ̑rǭkǫ, do̍voda, prǫ̑dā̍li, pǫ̑ vodǫ, pǫ̑ ûxu, na̍ ûxo.

Примѣчаніе. Русскій, сербскій и словенскій языки представляютъ безчисленное количество случаевъ, доказывающихъ переносъ удареній ˝ и ˆ съ предпослѣдняго слога на предшествующій. Въ русскомъ отмѣчу соединенія съ предлогами, какъ: на́ небо, на́ слово. по́ уху. на́ ухо; по́ воду, за́ руку, на́ версту, на́ зиму, на́ сѣну, на́ весну, на́ гору, за́ бороду, на́ сторону, на́ голову; по́ мосту, о́тъ роду, со́ смѣху, по́ дому, и́зъ виду, по́ носу, за́ волосы, за́ лѣсомъ, за́ мужемъ. на́ бокъ, на́ волосъ, за́ городъ, за́ зубъ, на́ полъ, на́ годъ, за́ воротъ. Въ сложныхъ существительныхъ: о́стровъ, до́водъ, по́логъ, ро́счеркъ, при́ступъ, о́тпускъ; по́честь, о́тмель, о́ттепель. Въ сложныхъ глаголахъ, а именно въ причастіяхъ: про́дали, про́жилъ, про́пилъ, по́былъ, на́лилъ, на́звали; про́данъ, у́знанъ; за́витъ, за́жито, на́лито. Въ малорусскомъ до́ лису, на́ очи, пі́д руку, за́ щоку, чере́з стину, пере́д носом, о́ світі, по́ ночи, по́ лугу, за́ боки, зо́ сміху, о́б землю, на́д вечир; сложн. сущ.: за́города, за́сіка, при́сяга, по́хорон, за́хід, о́гляд, при́клад; сложн. глаголы: оді́рван, оді́мкнуто, при́нят, попро́дав, по́дан, по́мер, на́слано, у́брана; за́гиб, за́гніт, за́жив, за́зив, за́із, за́кид, за́клад, на́лет, на́ліг, на́кидом, на́черт, и т. д. Въ сербскомъ языкѣ видимъ соединенія съ предлогами, какъ: чакавск. o̍d boga, na̍ vozi, na̍ mosti, na̍ rogi, pǫ̑ brodu; въ діалектахъ Тимочскомъ и Южно-моравскомъ: у́ груди, пре́з ноч, пре́д зору, у́ гости, за́ врат, на́ јутро, ни́з брдо (А. Белићъ, Дијалекти источне и јужне Србије, 278—282); въ югозападныхъ говорахъ: o̍d zlāta, o̍d krvi, za̍ zvono, na̍ uļe, po̍d oblāke (Rešetar, Serbo-kroatische Betonung südwestlicher Mundarten, c. 203—206); у Крижанича: на́ град, кро́з зид, чре́з мост, во́ мрак, на́ пир, на́ свит, о́т врага, на́ вриме; въ штокавск.: о̏д бога, на̏ воду, на̏ небо, бе̏з дрȕга, на̏ жрвањ, бе̏з мȉсли, ȕ мēсо, ȕ глāву, на̏ рȕке, ȕ поље, на̏ дрво, и̏з неḥи, на̏ земљу, ȕ цијев и т. д. Въ сложныхъ существительныхъ: о̏ток, по̏дпор, пре̏пона, ȕпора, о̏пека, по̏твора, по̏длога, при̏года. Въ глагольныхъ сложеніяхъ: по̏лȉт, по̏вȉт, до̏бȉли, ȕвȉло, про̏дāли, по̏знāт, про̏клēт, на̏чēто, на̏сȗто, ȕмр̄ли, за̏клēло, ȕзēли. Въ словенскомъ языкѣ, какъ мы уже знаемъ, удареніе исходящее переносилось на слѣдующій слогъ;

поэтому относимъ сюда такіе типы удареній, какъ: od bôga, na nȇbo, na vôdo, na nôge, na môst, brez bôga, od grâda, za lâse, pod zȇmljo. Въ сложныхъ существительныхъ: posȏda, naslâda, pokôra. Въ глагольныхъ сложеніяхъ: obût, zašît, zalît, zaklêt. (Въ праславянскомъ было, очевидно, ȏd boga, и т. д.). — На основаніи случаевъ, какъ сербск. за̏слуга, ȏбрана, са̏храна, по̏рука, по̏суда, ȏблака, по̏злата, по̏длата, за̏хвата, за̏града, ра̏сада, при̏каза, можно бы думать о томъ, что слогъ, переносившій свое ударѐніе, терялъ свою долготу или по крайней мѣрѣ сокращалъ ее до полудолготы, но вѣроятнѣе объяснять здѣсь краткость или полудолготу вліяніемъ параллельныхъ образованій съ долгой гласной въ предлогѣ: zāslùga, zāgràda, pōrùka и т. д. (ср. § 160).

Примѣчаніе 2. Такой же переносъ имѣлъ мѣсто и съ третьяго отъ конца слога на предшествующій предлогъ, при чемъ нисходящее ударѐніе на слогѣ, терявшемъ свое ударѐніе, могло или исконно на немъ находиться, или попасть сюда въ результатѣ перенесенія, вызваннаго разсматриваемымъ закономъ. Ср. въ русск. яз. за́говоръ, про́повѣдь, ро́спродали, не́ приняли. Въ сербск. ко̏д гаврāна, пре̏ко јасе̄на, ȏд болести, ȏд жалости (Данич.), ȏд олова, у̏ Дунаво (Решетаръ); на́ пролет, на́ вечер (Беличъ), пре̏порука, пре̏облака, пре̏обука, ра̏згово̄р, при̏гово̄р; за̏добӣли, по̏днапӣт; 3 аор. при̏находӣ; прич. у̏зорāн, у̏зорā́ла и т. д.

Примѣчаніе 3. Такимъ путемъ сложился законъ, по которому нисходящія ударенія вообще были не терпимы не въ начальномъ слогѣ. Этотъ законъ нашелъ себѣ примѣненіе и въ такихъ случаяхъ, гдѣ нисходящее ударѐніе было не на срединномъ слогѣ, а на конечномъ; ср. общеслав. переходъ na trî въ nȁ trī (великор. на́ три).

§ 149. Если передъ слогомъ съ удареніями ̋ или ̂ въ серединѣ слова находился слогъ съ долгой гласной, ударенія эти переходили въ соотвѣтствующія экспираторныя: ̀ на краткомъ и ́ на полудолгомъ слогѣ. Такъ измѣнились въ общеслав. nārȍda, zārȍka, prīnȏsa въ nāròda, zāròka, prīnòsa. Равнымъ образомъ: trē̏sẽte 2 мн. пов., peĭgoĭ́dǫ вин. ед., xvālīli, pȳtâli, pīsâli измѣнились въ trē̏sẽte, peĭgoĭ́dǫ, xvālíli, pȳtáli, pīsáli.

Примѣчаніе. Великорусскія сложныя слова, какъ наро́да р. ед., заслу́га, розса́да, нау́ка, запла́та, малор. загоро́да, нагоро́да, напоро́ха, нару́га, налу́да, павя́за и т. п. восходятъ къ общеслав. словамъ типа nārò̀da, zāslúga. Долгота предлоговъ za, na, prĭ, u передавалась въ предлоги o, po, do, pro (ср. сербск. pō, prō въ приводимыхъ ниже примѣрахъ, также чешск. půchod, působ, průměr, průhon, důkaz, dů-

klad); отсюда: пору́ка, посу́да, поро́да, проро́къ, дохо́дъ, позоло́та, огоро́дъ, оборо́на (послѣднія три слова указываютъ на восх. удареніе на полудолгомъ слогѣ); русскія глагольныя формы, какъ трясёте, трясѝте, хвали́ли, пыта́ли относятся сюда же. Діалект. великорусскія нару́от, поку́ос, полу́ом, зару́ок, прогу́он и т. п. указываютъ на полудолгое о изъ краткаго подъ вліяніемъ восх. ударенія. Въ сербскомъ находимъ: штокавск. на́вала, на́хлада, на́ука, на́рука, за́друга, на́тега, на́бор, на́род, на́сип, прије́пис. при́нос, при́лог, за́лог, за́врат, за́вјет, у́лом, также про́рок; чакавск. pōròd. pōtrès, pōròk. prōsèk, prīlika: сюда же относятся глагольныя формы, какъ тре́сите, хва́лите. хва́лили. пи́тали, чакавск. pīsàli, pītàli, pādīte, pīšite. — Въ словенскомъ находимъ: naróda р. ед., poróda, prorǫ́ka, presáda (им. présad и т. д.); глагольныя формы: hvalíli, ļubíli, pisálo, dręmálo, hvalíte, tresíte, pišíte: словенская долгота подъ удареніемъ восходитъ къ общеслав. полудолготѣ.

Примѣчаніе 2. Объ удареніи nesète, nosíte, nosíli, вмѣсто ожидаемыхъ по § 148[1] nȅsete. nȏsite, nȏsili, см. ниже § 158 и прим.; о сербск. штокавск. зàклада, чакавск. navàda, presìka, zabàva, naȕk см. § 161.

§ 150. Если въ одномъ изъ серединныхъ слоговъ находилось удареніе экспираторное восходящее, то въ связи съ пониженіемъ конечнаго слога оно становилось интенсивнѣе, а это вызывало пониженіе сосѣднихъ слоговъ; если тутъ была музыкальная долгота, она сокращалась до полудолготы. Такимъ образомъ въ словѣ ľoráta слогъ ľo былъ въ общеслав. низкимъ: въ rǫkámi, moldíća, liváda, solnína и т. д. передъ ударяемымъ слогомъ явилась полудолгота на мѣстѣ долготы: въ ľorátami, livádami полудолгимъ было а въ предконечномъ слогѣ.

Примѣчаніе. Сербскій языкъ даетъ ясное указаніе на то, что въ слогѣ передъ удареніемъ исконно восходящимъ не удерживалась старая долгота; такъ находимъ краткость, которую можно понять изъ полудолготы, въ словахъ, какъ штокавск. рȕкама, слȕгама, стрјѐлама, брàдама, стрàнама, чакавск. rukàmi, штокавск. крàвица. млàдица, глàвица, дȕшица, звјѐздица, грѐдица, бјѐлика, глàсина, глàвина. слàнина. кнѐгиња, рàкита. хвàлиша, зȕбача, рàтаја, р. ед. цвјѐтића, кљȕчића, сȕдића, грàдића; им. ед. цјѐдило, сȕшило, сȕдиште и т. д. (Подборъ относящихся сюда случаевъ см. у Лескина въ Untersuchungen über Quant. u. Betonung, стр. 169, 119, 121 и т. д.). Что въ общеслав. здѣсь была именно полудолгота, а не краткость, видно изъ русск. молоди́ца, горожа́не, голоси́на, солони́на, и т. п.; полногласное сочетаніе не можетъ восходить

ьь or, ol краткимъ. — Восходящій характеръ удареніе едва ли подлежитъ сомнѣнію въ виду словенскаго языка, гдѣ находимъ ′, напр. въ lopáta, kopíto, kolẹ́no, polẹ́no, govẹ́do, starúha, nevẹ́sta, rakíta, kobíla, lisíca, kraļíca, род. kožúha, jezíka, želǫda.

§ 151. Экспираторное удареніе ` на краткомъ слогѣ переходило въ серединѣ слова въ удареніе ′ на полудолгомъ слогѣ, по общему правилу о переходѣ ` въ ′ не въ конечномъ слогѣ (ср. § 144). Такъ na vòľǫ, za kòžǫ измѣнялись въ na vóľo, za kóžǫ.

Примѣчаніе. Передъ слогомъ съ удареніемъ ˜ на сверхдолгой гласной были вообще терпимы только низкіе (краткіе и полудолгіе) слоги.

Нарушеніе полученныхъ новыхъ отношеній.

§ 152. Въ рядѣ случаевъ полученныя общеслав. праязыкомъ отношенія претерпѣли существенныя измѣненія подъ дѣйствіемъ грамматической аналогіи. Они вызывались въ особенности проникновеніемъ долготы изъ родственныхъ образованій на мѣсто краткости, а также вліяніемъ сочетаній ¯ ˘ на передвиженіе ударенія въ сочетаніяхъ ˘ ˘ родственныхъ словъ съ перваго слога на второй: ˘ ˘ переходило въ ˘ ˘.

§ 153. Благодаря закону о пониженіи слоговъ передъ удареніемъ ′, въ рядѣ словъ при измѣненіи ихъ по грамматическимъ категоріямъ оказывалось чередованіе полудолгаго слога передъ ′ съ долгимъ передъ ` (удареніемъ конечнаго слога); вслѣдствіе этого полудолгота замѣнялась долготой. Итакъ сочетаніе ˘ ˊ переходило въ ¯ ˊ подъ вліяніемъ ¯ ` въ родственныхъ словахъ. Такъ въ склоненіи имень: dūšáma, rǭkámi подъ вліяніемъ dūšà, rǭkà переходили въ dūšáma, rǭkámi. Въ спряженіи глаголовъ: xvāliti, ľūbit переходили въ xvāliti, ľūbíti подъ вліяніемъ xvāľǫ̀, ľūbjǫ̀.

Примѣчаніе. Новыя отношенія обнаруживаются напр. въ шток. хва́лити, бијѐлити, пи́сати, сту́пати, чакавск. pīsȁti, ļūbȉti; шток. ду́шама, і гла́вама, пе́тама, гре́дама, чак. krūpȁmi, trāvȁmi. Также въ словенск. hválit, stǫ́pat, písat (словенск. hvalíti, stopáti, pisáti могутъ также восходить къ hvālíti и т. д.).

§ 154. Аналогично съ этимъ краткій низкій слогъ замѣнялся краткимъ высокимъ слогомъ передъ удареніемъ ′, т. е. ˘ ˊ переходило въ ˘ ˊ, подъ вліяніемъ ˘ ˋ въ родственныхъ словахъ. Такъ nogámi съ низкимъ no перешло въ nogámi съ высокимъ no подъ вліяніемъ nogà съ высокимъ no. Такъ ľomíti съ низкимъ ľo перешло въ ľomíti съ высокимъ ľo подъ вліяніемъ ľomjǫ̀ съ высокимъ ľo.

§ 155. Музыкальная долгота, какъ мы знаемъ, была терпима только въ предударномъ слогѣ (первоначально только въ предконечномъ, но въ силу § 153 и въ третьемъ отъ конца). Если подъ вліяніемъ грамматической аналогіи эта долгота попадала въ слогъ третій отъ ударяемаго, ударение передвигалось съ конечнаго слога на предконечный, и долгота оказывалась опять въ предударномъ слогѣ. Такъ измѣнились orbotà, zvotà подъ вліяніемъ orbíti, zváti въ orbóta, zvóta. Ср. велікор. робóта, звóта. Такъ же trǫbītè подъ вліяніемъ trǫbjǫ. trǫbíti могло измѣниться въ trǫbíte.

Примѣчаніе. Ср. праштокавск. trūbímo, slēdímo (ср. trūbíti, slēdíti) при lomīmò, но zvonīmò (ср. lomíti, zvoníti).

§ 156. Музыкальная долгота подъ удареніемъ была согласно предыдущему извѣстна только подъ нисходящимъ удареніемъ въ первомъ слогѣ двусложнаго слова; въ первомъ слогѣ трехсложнаго она, въ силу § 145, сократилась до полудолготы. Если подъ вліяніемъ родственныхъ словъ и образованій полудолгота подъ нисх. удареніемъ ˆ должна была замѣниться долготой, то взамѣнъ полудолгой гласной съ удареніемъ нисходящимъ являлась сверхдолгая съ восходящимъ удареніемъ. Такой случай имѣлъ мѣсто напр. въ спряженіи глаголовъ. Согласно съ § 145 формы xvâlīšĭ, xvâlīte, pīšete должны были сократить начальный слогъ до полудолготы; но подъ вліяніемъ xvā́ǫ xvā́líti съ полной долготой въ предударномъ слогѣ указанная полудолгота смѣнялась сверхдолготой, получавшею при этомъ восх. удареніе ˜. Такъ явились еще въ общеслав. удареніа типа xvā̃līšĭ, xvā̃līte, pīšete. — Сходнымъ образомъ уступало мѣсто сверхдолготѣ съ удареніемъ ˜ нисходящее удареніе на полудолгомъ и даже краткомъ слогѣ въ первомъ слогѣ сложныхъ съ предлогами словъ: напр. nâvolka подъ вліяніемъ nā въ nāródъ, nābórъ и т. п. замѣнялось черезъ nā̃volka.

Примѣчаніе. Славянскіе языки своими дружными показаніями не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что явленіе, указанное выше, принадлежитъ общеслав. праязыку. Въ русскомъ языкѣ сочетанія or, ol. er съ удареніемъ ˜ переходили въ орò, олò, ерè: сюда относятся напр. случаи, какъ полòщете, волòчить, теребить, хорòшимъ, колòтятъ, молòтите, горòдитъ, ворòшатъ и т. п.; такіе малор. перèгорода, перèволока, перéполох, перéруб, перéворот, перéписка, перéрив, перéсип, перéгода. Въ серб.-хорв. удареніе ˜, сохраняясь какъ ′ въ чакавскомъ, въ штокавскомъ измѣняется въ нисх. удареніе; чакавское ′ въ соотвѣтствіи штокавскому ˆ и штокавское ˆ въ соотвѣтствіи чакавскому ′ находимъ, напр., въ глагольныхъ формахъ, какъ чак. hránīn, vrátīn, kúpī, súdī, pálē,

píšēn, píšemo, ríče, drímļe, skáčēn, kážēn; шток. хра̂нӣ, вра̂тӣ, сӯдӣ, пӣшē, ка̂жē, вē̂жē: въ сложныхъ существительныхъ: чак. nábor, prébor, národ, náčin, zátor, náklon, záruki, prílika, въ шток.: за̂става, ра̂справа, на̂влака, ӯгон, ра̂зор, прӣје̂ров. Также въ словенскомъ, гдѣ ударенію ˜ соотвѣтствуетъ ′: strúžem, hrámļem, dišem, kážem, mášem, dręmļem; náuk, р. ед. náuka, prę́laz, р. ед. prę́laza и т. д.

§ 157. Аналогична съ замѣной нисходящаго ударенія удареніемъ ˜ на сверхдолгомъ слогѣ, разсмотрѣнною въ предыдущемъ §, замѣна нисходящаго ударенія ″ на краткомъ слогѣ удареніемъ ′, превратившимъ краткую гласную въ полудолгую. Этотъ случай имѣлъ мѣсто въ глагольныхъ формахъ съ краткой гласной, соотвѣтствующихъ только что разсмотрѣннымъ случаямъ съ долготой въ корнѣ. Подъ вліяніемъ перехода ˜ въ xvā̀līte, pī̀šete въ ˜ (xvā̃līte, pīšete) вмѣсто nȍsīte, prȍsīte, ćē̏šete, kȍļete явились nósīte, prósīte, ćéšete. kóļete.

Примѣчаніе. Указаніе на такое удареніе дается русскимъ и словенскимъ языкомъ. Въ русскомъ, какъ отмѣчено въ § 142 прим., рядъ великорусскихъ говоровъ, измѣнили о въ ӯо именно подъ восходящимъ удареніемъ. Въ нихъ находимъ: нӯ́сиш, прӯ́сите, вӯ́зит, кӯ́лют, глӯ́жут, пӯ́лем, и т. д. Въ словенскомъ восх. удареніе сохранилось до сихъ поръ: čę́šem, klę́pļem, tę́šem, stę́ļem, kǫ́ļem, nǫ́sim, hǫ́dim и т. д. Эти словенскія формы соотвѣтствуютъ штокавскимъ чӗ̏шēм, кȍльēм, нȍсӣм, хȍдӣм. Замѣчательно, что рядомъ въ соотвѣтствіи съ шток. вӣдӣм, гла̏дӣм, ма̀жēм, па̀шēм находимъ въ словенскомъ vîdim, glâdim, mâžem, pâšem. Думаю, что nǫ́sim, čę́šem удержали свое удареніе подъ вліяніемъ случаевъ, какъ sǫ́dim, píšem (а ′ изъ ˜ не переходило въ ^ передъ слѣд. долгимъ слогомъ).

§ 158. На основаніи § 148 мы ожидали бы на мѣстѣ общеслав. первоначальныхъ формъ, какъ 2 пов. мн. nesȇte, прич. nosîli (по § 133 изъ исконнаго nosilí) ударѐніе nȇsȅte, nȍsīli. Между тѣмъ дружное свидѣтельство славянскихъ языковъ доказываетъ, что общеславянскимъ было другое ударѐніе, именно nesété, nesȅte, nosíli, ср. великор. неси́те, носи́ли, малор. несе́те, носи́ли, штокавск. нѐсите, нòсили. Въ виду этого вѣроятно, что подъ вліяніемъ trę̄sȅte, xvālíli, sādíli явилось произношеніе nesété, nesȅte, nosíli.

Примѣчаніе 1. Если допустить исконность ударѐнія nesetȅ, которое перешло бы въ nesetè, то появленіе nesété можно было бы объяснить только вліяніемъ trę̄sété, которое замѣнило trę̄setè по закону, указанному въ § 155.

Примѣчаніе 2. Старшее, законное удареніе (xȏdīli изъ xodīli) видимъ въ слабыхъ остаткахъ въ слав. языкахъ; въ русскомъ сюда относятся ро́дил, ро́дили, пу́стил, пу́стили, про́стили, древнерусск. до́ложилъ. Въ чакавск. rȏdīl, zvȏnīl. Болѣе многочисленны случаи со старымъ удареніемъ въ прич. на -аѣ̀ъ въ сербскомъ. Въ штокавск. находимъ послѣдовательно ко́пао, ко́пали и т. д.

§ 159. Изъ заударнаго слога, слѣдующаго за удареніемъ шсходящимъ ˆ, долгота могла переноситься въ положеніе за слогомъ съ удареніями ´ и ˜. Такъ подъ вліяніемъ *gȏrām, *dȗsām, *žȅnām (ср. ниже § 162) долгота а переносилась въ сербскомъ и въ кра̏ва̄ма, пу̏шка̄ма, ви̏ла̄ма, са̏бља̄ма, гу̏слица̄ма Черног. (Rešetar, 33, 86, 87), также въ Бѣлградскомъ говорѣ, описанномъ Мазингомъ: сла̏ва̄ма, ли̏па̄ма, ри̏ба̄ма (Die Hauptformen des serbich-chorw. Accents, c. 79). Точно также подъ вліяніемъ čȅsā̏la, kȍpā̀li, nȍsīli явились rȁnīla, plȁkāla, vȉdijela Черног. (Rešetar, 33). Подъ вліяніемъ tȏnūli и т. п. явились kȉnūli, dvȉgnūli, а отсюда и kȉnūti, dvȉgnūti въ дубровницкомъ говорѣ (у Мажуранича въ Sl. Hèrv.). Возможно, что такой переносъ долготы происходилъ уже діалектически въ общеслав. праязыкѣ, ср. окончаніе -ǭtì, свидѣтельствуемое западнослав. языками: польск. dwignąc, чешск. dvihnouti.

§ 160. Обратно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ полудолгота могла замѣнять ожидаемую долготу въ слогѣ заударномъ подъ вліяніемъ полудолготы ударяемой въ родственныхъ образованіяхъ. Мы знаемъ, что zāsâda и парал. форма zȁsâda измѣнялись—первая въ zāsáda, а вторая въ zȁsāda. Въ этой послѣдней формѣ долгота а могла замѣняться полудолготой подъ вліяніемъ zasáda съ полудолгимъ ударяемымъ а. Такъ объясняется, думаю, краткость (изъ полудолготы) предконечнаго слога въ штокавск. nȁvlaka, nȁtega, dȏsada, ȏgrada, nȏxvala, nȏsuda, nȏruka, nȁslada, ȏdluka, и т. д.—Ср. § 148[1] пр. 1.

§ 161. Вмѣсто краткой гласной предлоговъ могла являться, какъ мы видѣли, долгая подъ вліяніемъ предлоговъ съ исконно долгою гласной: o, do, po, pro замѣнялись въ сложеніяхъ черезъ ō, dō, pō, prō, подъ вліяніемъ zā, nā, ū (см. § 149 прим.). Но несомнѣнно являлась и обратная замѣна zā, nā, ū черезъ za, na, u, тѣмъ болѣе, что во многихъ положеніяхъ zā, nā, ū, prī и т. д. сокращались и до полудолготы. Такъ вмѣсто zāsáda, zādrúga, prīstǫ́pъ возникали zasáda, zadrúga, pristǫ́pъ. Ср. штокавск. zȁklada, сȕпруга, прѝступ; словенск. zaklàd, p. zakláda, nasàd, p. nasáda, nadèl', p. nadéla, naslèd, p. nasléda и т. д. Чередованіе zȁsāda (вм. zȁsāda по § 160), zȁdrūga съ zasáda, zadrúga вызвало появленіе вмѣсто и при prosláva, pomáma, sqsl'da, prìprāva—prȏslava, pȏmama, sȏsl'da, prìprava: ср. шток. прȏслава, рȁсправа,

сȳ̀сjеда, пȍмама, велшкор. дóставка, óтправка и т. д. Понятно, что формы какъ pōtókъ, dōxódъ. pōsǫ́da, dōpísъ. pōvorítъ и т. д., обязанныя своимъ восходящимъ ударешемъ на предконечномъ слогѣ долготѣ въ предлогѣ, особенно легко получали при себѣ параллельныя образования potókъ, doxódъ. posǫ́da, povórtъ съ краткостью въ предлогѣ; ср. сербск. чакавск. posȕda. pokòra, словенск. potòk, р. potóka, dopìs, р. dopísa, povràt, р. povráta и т. д.

Количественныя отношенія, связанныя съ сокращеніемъ и редукціей ĭ и ŭ.

§ 162. Въ § 126 указаны послѣдствія сокращенія и редукціи ĭ и ŭ. Разсмотрю здѣсь тѣ измѣненія, которыя повело за собой въ отношеніи какъ ударяемыхъ, такъ и неударяемыхъ слоговъ положеніе этихъ слоговъ передъ полукраткими гласными. Относительно неударяемыхъ слоговъ мы можемъ ограничиться лишь немногими замѣчаніями. На мѣстѣ ŏ, ĕ въ слогахъ заударныхъ являлись полудолгія o, e; указаніе на нихъ находимъ въ рядѣ слав. языковъ, гдѣ они замѣнены долгими o, e, въ связи съ утратой въ слѣдующемъ слогѣ полукраткихъ гласныхъ. Ср. сербск. вȅчēр, гȍвōр, jȁвōр, дjȅвēр (въ род. вȅчера, дjȅвера и т. д.). Словенск. jâgod р. мн. при jágoda указываетъ также на jágōd (изъ jágŏdъ), ибо ´ переходило въ ^ передъ слѣдующимъ долгимъ (впослѣдствіи сократившимся) слогомъ. Малор. я́вір, ве́чір, го́мін, на́ріст, и т. д. указываютъ точно также на общеслав. полудолготу, смѣнившуюся долготой въ связи съ отпаденіемъ ъ. Возможно, что сокращеніе ĭ и ŭ отражалось и на количественномъ измѣненіи долгихъ гласныхъ предшествующаго слога (которыя, быть можетъ, переходили въ сверхдолгія), но прямыхъ указаній на это въ явленіяхъ совр. слав. языковъ, кажется, не имѣется. — Въ слогахъ предударныхъ o, e, вѣроятно, также удлинялись въ общеслав. праязыкѣ до полудолготы; но послѣ утраты полукраткой гласной долгота въ предударномъ слогѣ развивалась при иныхъ условіяхъ, чѣмъ въ слогѣ заударномъ. Въ малор. долгота развивалась и здѣсь, напр. kŏsь̆ća, ŏtь̆ća перешли въ кісця, вітця; въ сербскомъ долгота развивалась только въ закр. слогѣ передъ сонорными, j и v, напр. штокавск. óвца, но чакавск. ofcā̀, шток. òца, кòсца, чак. oсā̀, koscā̀. Искошедолгія гласныя, становившіяся, быть можетъ, сверхдолгими, сохраняли свою долготу, сообразно съ § 139, ср. напр. чакавск. cvītkā̀, чешск. vínek, kvítek.

§ 163. Удареніе съ полукраткихъ гласныхъ неначальнаго слога переносилось на предшествующій слогъ, а съ начальнаго слога на слѣдующій. Примѣры: bobŭ́, konĭ́, sūnovŭ́, grь̆xŭ́, rǫkāvŭ́ перешли въ bobъ̆, konь̆, grь̆xъ̆, synovъ̆, rǫkavъ̆ съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ; удареніе это было

экспираторнымъ восходящимъ: краткія o, e переходили въ полудолгія и получали ударе́ніе ´: bóbъ, kónь, synóvъ: долгія гласныя становились сверхдолгими и получали ударе́ніе ˜: grě̃xъ, koľ̃ь, rǫkã̀vъ. Такой же переходъ имѣлъ мѣсто и въ серединѣ слова, напр. ūtь̆retь вм. ūtĭretĭ, prórь̆nete вм. prorĭ́nete, zãbl̥i̯ǫtь вм. zãbĭ̯i̯ǫtĭ, pómy̆jete вм. pomy̆́jete и т. п. (вмѣсто ūtь̆retь, zãbl̥i̯ǫtь являлись понятно: útь̆retь, zábl̥i̯ǫtь). На слѣдующій слогъ ударе́ніе съ полукраткой гласной начальнаго слога переносилось въ видѣ экспираторнаго ударе́нія: sъ̀lе́te, ìmété, ìdéte и т. д. (изъ súlete и т. д.).

Примѣчаніе. Въ малорусскомъ и въ этихъ случаяхъ полудолгія o, e измѣнялись въ долгія и потомъ дифтонгизировались, напр. бі̯о́, кі̯нь, спів. пі̯о́ють. Въ сербскомъ, гдѣ восход. полудолгота не переходила въ долготу послѣ паденія полукраткой гласной въ слѣд. слогѣ, kónь, pómy̆jete, bóbъ, pórъ и т. д. являются въ видѣ kȏń, pȏmijete, bȏb, pȏr и т. д. Но передъ плавными, носовыми, j и v полудолгота замѣнялась долготой: восх. ударе́ніе на долгой гласной, сохранявшееся въ чакавскомъ, переходило въ штокавскомъ въ нисходящее: чакавск. dvór, kóń, stól, vól, шток. двȏр. Неясно, почему такое же удлиненіе явилось передъ ž въ чакавск. nóž, шток. нȏж. (Изъ имен. падежа долгота проникала и въ косвенные; въ шток. двора. двору. чакавск. nȏžà). Въ словенскомъ видимъ вообще систематическое сокращеніе полудолготы въ концѣ слова: stòl, vòl, kòń, dvòr, gròb, pòst (ср. brât, bratâm). Въ чешскомъ долготу находимъ при тѣхъ же условіяхъ, что въ сербскомъ, т. е. передъ плавными, носовыми и j: kůň. dvůr, kůl. můj. но bob, pop. Примѣры для ˜ указаннаго происхожденія: чакавск. gríh, kl̥úč, súd, pláš́, шток. грӣjех, кљу̑ч, су̑д, кра̑љ, словенск. gréh, kl̥úč, sǫ́d, kǫ́t, pláš̀, král̥. Примѣры для переноса въ серединѣ слова: шток. ўмрēш, ўзмēмо, по̆чнēте, йзбијēте, о̆ткријў, чак. zâmemo, zâpne, древнерусск. у́премъ. по́йдутъ. Что касается великорусск. умрём, убью́т, то здѣсь ударе́ніе явилось по аналогіи формъ, не сложенныхъ съ предлогами. — Примѣрами переноса ударе́нія съ полукраткой начальнаго слога на слѣдующій слогъ могутъ служить: великор. р. ед., им. мн. вши, древнерусск. р. ед. льсти, чти, цти (отъ тьсть), 2 л. ед. шлёшь, 2 л. мн. шлёте, идёте, 3 л. мн. иму́т; сербск. шљȇш (при шâљēш). Какъ указано было выше, аналогія родств. формъ вліяла на перенесеніе ударе́нія на первый слогъ, напр. великорусск. до́ску, сербск. да̑ску указываютъ на общеслав. dъskǫ съ ударе́ніемъ на первомъ слогѣ и притомъ нисходящимъ, ср. vȏdǫ, pȏrǫ, gȏrǫ. Такъ же объясняются новообразованія: великорусск. лести при лесть, чести при честь, тестя при тесть, сербск. та̑ста, ла̑ва: великор. сте́кла.

§ 164. На гласныя полукраткія (ъ, ь, і, у) удареніе съ полукраткой гласной слѣдующаго слога переносилось въ видѣ экспираторнаго ударенія ˋ, при чемъ полукр. гласная становилась краткою. Такъ sŭnŭ̀, otĭcĭ̀, pĭsŭ̀, šĭvŭ̀ перешли въ sъ̀nъ, otь̀cь̀, pь̀sъ, šь̀vъ; р. мн. gostĭjĭ̀ измѣнилось въ gostìì и т. д.

Примѣчаніе. Въ соотвѣтствіи съ общеслав. ˋ находимъ ˝ въ сербск. sȁ͡n, pȁ͡c, šȁ͡v; чакавск. otȁ͡c, konȁ͡c, vinȁ͡c; словенск. pь̀s, šь̀v, lь̀b, kupь̀c, zь̀l, cvętь̀k, bręžь̀k, (cvę́tьk, brę́žьk при cvętь̀k, bręžь̀k представляютъ переносъ ударенія подъ вліяніемъ предшеств. долгой гласной).

§ 165. Перехожу къ ударяемымъ слогамъ, къ которымъ примкнули слоги съ полукраткой гласной. Отдѣльно должно разсмотрѣть конечные ударяемые слоги (къ которымъ примкнули, слѣдовательно, предшествующіе слоги съ полукр. гласной), начальные ударяемые слоги и серединные. Конечные ударяемые слоги представляютъ двѣ группы: къ первой принадлежатъ двусложныя слова (ставшія послѣ выпаденія полукраткой гласной односложными), ко второй слова многосложныя. Въ первой изъ этихъ группъ на мѣстѣ краткой гласной съ удареніемъ ˋ, восходящей согласно § 136 какъ къ исконно краткой, такъ и къ исконно экспираторно-долгой, и къ исконно музыкально-долгой, мы находимъ послѣ слога съ полукраткой гласной долгую гласную подъ нисх. удареніемъ; думаю, однако, что въ общеслав. праязыкѣ здѣсь, какъ слѣдствіе растяженія краткой гласной, была полудолгая гласная подъ указаннымъ удареніемъ (полудолгота въ сербскомъ послѣ выпаденія полукраткой гласной переходила въ долготу). Такъ sŭtô, dŭvą̂ (конечное a въ им. дв. съ исконной экспир. долготой), также старшее dŭktḗ (конечное ē въ этомъ словѣ, какъ видно изъ лит. duktė́, съ исконной музык. долготой) измѣнились въ общеслав. въ sŭtò, dŭvà, dŭc̑̀c̑̀, откуда sъ̀tô, dъ̀vâ, dъ̀c̑̀c̑̀î съ гласными o, a, і полудолгими.

Примѣчаніе. На основаніи предыдущаго находимъ въ сербскомъ: шток. stô, чакавск. stô, словенск. stô; русское на́ сто свидѣтельствуетъ о нисх. удареніи. Также шток. dvâ, чакавск. dvâ, словенск. dvâ; русск. на́ два, по́ два указываетъ на нисх. удареніе. Наконецъ, шток. h̄ī̂, чакавск. hc̑̀î. Сохраненіе въ общеслав. sъ̀tô и т. д. нисх. ударенія ср. съ сохраненіемъ его здѣсь въ словахъ односложныхъ, какъ напримѣръ trī̂. Въ сербск. spī̏, восходящемъ къ sъ̀pì, краткая гласная замѣнила долгую подъ вліяніемъ случаевъ, какъ nosì, vedì; въ род. psa a кратко подъ вліяніемъ случаевъ, какъ bobà.

§ 166. Въ словахъ многосложныхъ едва ли могла удержаться полудолгота въ концѣ слова; мы знаемъ, что конечные слоги сокращались и теряли свою высоту. Принимаю поэтому для общеслав. rodьstvò, pitьjò.

Примѣчаніе. Мнѣ неясно происхожденіе долготы подъ восходящимъ удареніемъ (соотвѣтствующимъ общеславянскому ˜) въ чакавск. kunstvó, božanstvó, trojstvó, у Крнж. божствô: у Мажур. ljùdstvō, bánstvō (с. 116, 117), въ словенск. ļudstvó, rojstvó, р. ļudstvá: также въ чакавск. pīćé. zelí. Возможно, что выпаденіе полукр. гласной измѣняло гласную краткую въ долгую. Ср. и въ неударяемомъ положеніи: чакавск. bogàstvō. pérjē, у Мажураншча: pògānstvō, djètinstvō, grôzdjē, pêrjē, lîstjē; слов. sinmí изъ synъmì.

§ 167. *Въ начальномъ слогѣ* двусложнаго слова гласныя, подлежавшія редукціи и сокращенію, оставались краткими передъ слогомъ съ полукраткой гласной и получали на себѣ нисходящее удареніе, точнѣе сохраняли его. Такъ tìstĭ, rûžĭ перешли въ tȇstъ, rъ̑žъ: ясное указаніе на нисх. удареніе извлекаемъ изъ сербск. и слов. языковъ, гдѣ въ нѣсколькихъ словахъ подъ вліяніемъ аналогіи растянулась гласная полудолгая. замѣстившая краткія ъ, ь послѣ отпаденія полукраткой гласной въ слѣд. слогѣ (сербск. tâst, pâж, словенск. tâst; tâšč въ соотвѣтствіи съ общеслав. tъšč̑ь).

§ 168. Гласныя o. e въ начальномъ слогѣ двусложнаго слова, подъ вліяніемъ полукраткой гласной въ слѣд. слогѣ, переходили въ полудолгія гласныя, сохраняя при этомъ свое нисходящее удареніе. Принимаю поэтому для общеслав.—напр. bôgъ, rôdъ, kôstь, lêdъ, pêč̑ь съ полудолгими o, e.

Примѣчаніе. Въ малор. находимъ въ соотвѣтствіи съ полудолгими o, e долгія o, e, въ результатѣ отпаденія ъ, ь въ конечныхъ слогахъ: долгія o, e распались на дифтонги: ср. кість, рід, вiз, лід, нic, бік и т. д. Въ сербск. являются долгія o, e подъ нисходящимъ удареніемъ: бȏг, мȇд, чакавск. rôd, vôz, môst, rôg, bôk, lêd. Въ словенскомъ тоже: kôst, nôč̑, gôd, grôm, mę̑d, lę̑d, pę̑č̑.

§ 169. Долгія гласныя подъ удареніемъ нисходящимъ, повидимому, сохраняли свою природу и свое удареніе, несмотря на присутствіе полукр. гласной въ слѣдующемъ слогѣ. Слѣдовательно, общеслав. volsъ, sy̑nъ; rȇč̑ь, dârъ, dâl̓ъ и т. д.

Примѣчаніе. Основываюсь при этомъ на такихъ случаяхъ, какъ шток. и чакавск. grâd, vlâs, drûg. sîn, словенск. grâd, vlâs, drûg, sîn, русск. во́лос, го́род, по́рох, во́рот, бо́ров, го́лос, жо́лоб. Удареніе общеслав. род. мн. vôlsъ, ср. русск. воло́с, чакавск. vlás, словенск. vlás, могло бы навести на предположеніе, что ^ передъ слогомъ съ полукр. гласной переходило въ ˜, но вѣроятнѣе думать, что volsъ восходитъ къ volsŭ; также zǫ̑bъ (слов. zǫ̑b), rǫ̑kъ (чакавск. rúk, слов. rǫ̑k), bord̃ъ (русск. боро́д, чакавск. brád. слов. brád) восходятъ къ zǫ̑bŭ, rǫ̑kŭ,

bo͡rdŭ. Чешскія им. ед. hrad, vlas, sin, druh также ведутъ къ нисх. ударенію, при чемъ мало вѣроятно, чтобы это нисх. удареніе было заимствовано изъ косв. падежей (т. е. чтобы hrad, syn, vlas, druh замѣнили hrádˊ, sýn, vlás, sýn подъ вліяніемъ hradu, syna, vlasa, syna), такъ же мало вѣроятно, какъ то, что русск. во́лос, сербск. вла̑с, слов. vlâs произносились бы такъ, вмѣсто воло́с, vlás подъ вліяніемъ во́лоса, вла̑са. Ср. измѣненіе vo͡lsŭ въ vo͡lsĕ въ § 163.

§ 170. Нисходящее удареніе на третьемъ отъ конца слогѣ въ началѣ слова сохраняло, повидимому, свою природу, хотя положеніе не въ предконечномъ слогѣ было, вѣроятно, причиной того, что долгій слогъ измѣнялся въ полудолгій. Итакъ общеслав. bo͡rs̆ĕno (древнерусск. бо́рошно), ko͡rtĕko (великор. ко́ротко), slôvĕno (великор. діалект. словно съ о, а не ŭo).

Примѣчаніе 1. Заключаю объ этомъ явленіи преимущественно изъ русскаго языка; ср. бе́режно, сто́рожко, хо́лодно, го́лодно, ко́ротко, и т. д., представляющія полногласіе съ исконно нисходящимъ удареніемъ. Далѣе въ великор. говорахъ, измѣняющихъ о въ ŭo подъ восх. удареніемъ, находимъ о, напр. въ ловко, громко, словно, робко, больно, ночка. — Сербскій языкъ свидѣтельствуетъ о восх. удареніи на полудолготѣ; но повидимому, восх. удареніе замѣнило здѣсь нисх. послѣ выпаденія полукраткой гласной подъ вліяніемъ положенія передъ группой согласныхъ; ср. сербск. gûska, sûkńa; передъ сонорными и звонкими спирантами и здѣсь вмѣсто ударенія ˊ (откуда ˝) являлось ˜ (отсюда въ шток. ˆ): чакавск. právda, шток. prâvda, крйвда, также р. ед. сйпка при им. сйнак (сынокъ). Въ словенскомъ ˊ передъ группой согласныхъ перешло въ ˆ: sûkńa, pâsńa.

Примѣчаніе 2. Если на мѣстѣ полудолгой гласной подъ нисх. удареніемъ являлась долгая, то и здѣсь, какъ и въ случаяхъ, указанныхъ въ § 163, появлялась сверхдолгая гласная съ восх. удареніемъ: ko͡rtĕkyĭ (съ or полудолгимъ) подъ вліяніемъ ko͡rtĕkà переходило въ ko͡rtĕkyĭ (ср. велнкор. коро́ткой; также голо́дной, холо́дной).

§ 171. Восходящее удареніе на полудолгомъ слогѣ въ началѣ двусложнаго слова переходило въ нисх. удареніе передъ слогомъ съ полукраткой гласной. Такъ brátŭ, go͡rxŭ, klínŭ (ср. въ род. bráta, go͡rxa, klína) должны были бы измѣниться въ brâtĕ, go͡rxĕ, klînĕ; но въ им. ед. нисх. удареніе вытѣснялось вліяніемъ косв. падежей: такъ уже въ общеслав. праязыкѣ явились формы brátĕ, go͡rxĕ, klínĕ. Но это новое нисх. удареніе сохранялось, напримѣръ, въ род. мн.: ć̑âsĕ, kôrvĕ.

Примѣчаніе. На общеслав. brátъ, goíxъ въ им. ед. согласно указываютъ и русскій и сербскій и словенскій языки: русск. горóх, порóг, словенск. brȁt, klȋn. hlèb (не brât, klîn). сербск. брâт, прâг. jȕг. клȉн, грâх. Род. мн. čâsъ свидѣтельствуется и сербскимъ и словенскимъ и чешскимъ языкомъ: чакавск. р. мн. čâs (при р. ед. čâsa), krâv (при им. ед. krâva). словенск. lîp (при lípa): чешск. krav при kráva, lip при lípa. sil при síla восходятъ къ krâv и т. д. Лишнее доказательство въ пользу указаннаго перехода находимъ въ судьбѣ восх. ударенія передъ полукраткимъ слогомъ въ серединѣ слова (§ 174).

§ 172. Восходящее удареніе на полудолгомъ слогѣ въ началѣ трехсложнаго слова сохранялось какъ восх. ударение. Общеслав. р. ед. goíšьka, pušьka. žę́tъva.

Примѣчаніе. Здѣсь видимъ такимъ образомъ несогласованность съ судьбой того же ударенія въ начальномъ слогѣ двусложнаго слова. На восх. удареніе указываютъ: русск. р. ед. горóшка, им. ед. черéшня. солóмка; шток. р. ед. грâшка, им. ед. пȕшка, брȉтва, жȅтва, тȉква, грȕдва, бȉтка, трȅшња. Въ словенскомъ удареніе ′ передъ группой согласныхъ измѣнилось въ ˆ: bûkva. brîtva. bîtka. črẽšńa.

§ 173. Нисходящее удареніе на серединномъ слогѣ въ положеніи передъ слогомъ съ полукраткою гласной переходило, какъ кажется. въ восходящее на сверхдолгомъ слогѣ. О такомъ переходѣ могутъ свидѣтельствовать такія явленія, какъ общеслав. sokõlъ при sõkoła, что восходитъ къ sokõlŭ, sokõla, ср. русск. сокóл (при сóкол) — сóкола (при сокола́).

§ 174. Восходящее удареніе на полудолгомъ серединномъ слогѣ въ положеніи передъ слогомъ съ полукраткою гласной переходило, какъ и въ начальномъ слогѣ двусложнаго слова, въ нисходящее удареніе. Такъ р. мн. ł̀orátŭ перешло въ ł̀orâtъ, а отсюда ł̀õrātъ.

Примѣчаніе. Подобный переносъ ударенія, связанный съ появленіемъ нисх. ударенія вмѣсто восходящаго подъ вліяніемъ слѣд. полукр. слога, находимъ и въ штокавскомъ и въ словенскомъ. Ср. въ штокавскомъ: jẽzīkā, lõpātā, bẽcjēda, õrāxā; словенскія lopât, kobîl, lisîc явились вмѣсто lõpat, kõbil, lîsic по извѣстному закону о переносѣ нисх. ударенія. Чакавскія р. мн. susêd, kraļîc представляютъ новое удареніе, явившееся по аналогіи такихъ случаевъ, какъ čâs — čâs, krâva — krâv. Вѣроятно, что удареніе русск. жóнам, вóдам, вúлам, дóсках, сéстрах обязано своимъ появленіемъ тому же закону: vodámŭ, vodáxu перешли въ vodâmъ, vodâxъ, и отсюда еще въ общеслав.: võdāmъ, võdāxъ.

Обобщеніе предыдущихъ положеній.

§ 175. Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что въ общеслав. праязыкѣ одни слоги произносились съ музыкальною высотой, другіе произносились низко, третьи, наконецъ, произносились съ незначительной высотой. Низкими и при томъ краткими слогами были слоги подъ ударѐніемъ ̀: это ударѐніе являлось, во-первыхъ, въ концѣ слова на мѣстѣ всѣхъ другихъ исконныхъ ударѐній, въ результатѣ понижѐнія и сокращѐнія конечнаго слога, напр. vodà, però, bobà; во-вторыхъ, на звукахъ ъ, ь, ĭ, ў въ предпослѣднемъ слогѣ слова: pь̀sĕ, kosь̀cь̀, sь̀nĕ, sь̀nь̀mĕ. Съ незначительною высотой произносились, во-первыхъ, подъ ударѐніемъ восходящимъ на полудолгой гласной (изъ исконно экспираторно-долгой и исконно краткой) многіе слоги начальные и серединные: jáma, jágoda, ɫopáta, porǫ́ka, zābóta, nósītĕ, čéše te, kóńĕ; во-вторыхъ, не подъ ударѐніемъ полудолгіе и краткіе слоги передъ ударяемымъ слогомъ съ ударѐніемъ восходящимъ: lĭváda, vŏldýka, kŏlĕ́no, kŏrýto, также полудолгіе и краткіе слоги предконечные послѣ ударѐнія ′: jágŏda, rýbă̆mi. Со значительною высотой произносились, во-первыхъ, сверхдолгія гласныя, какъ подъ ударѐніемъ восходящимъ ˜: jā, pīšemъ̆, koľľĕ, xoľnīśi, lĕtā, такъ и въ концѣ слова не подъ ударѐніемъ: voľtaa, scĺaa; во-вторыхъ, долгія гласныя подъ нисходящимъ ударѐніемъ въ односложныхъ словахъ и въ первомъ слогѣ двусложныхъ словъ: trî, drûga, bôgъ̆; въ-третьихъ, полудолгія гласныя подъ нисх. ударѐніемъ какъ въ первомъ слогѣ многосложнаго слова: mȏldostĕ, mẽsęca, такъ и въ конечномъ слогѣ послѣ слога съ полукраткой гласной: dъ̀vâ, sъ̀tô; въ-четвертыхъ, краткія гласныя подъ нисх. ударѐніемъ въ начальномъ слогѣ: vŏ̂dǫ, prŏ̂vody; въ-пятыхъ, долгія и краткія гласныя въ предударномъ слогѣ и заударномъ предконечномъ слогѣ: grĕ̂xà, nāróda, gôłǫbi, skŏ̂voľdǫ; vŏdà, nŏśǫ́, nā̆ vŏdǫ, ôstrŏvu.

§ 176. Общеславянскій праязыкъ имѣлъ восходящія ударѐнія: экспираторное ̀ на краткомъ слогѣ: però, lь̀stĕ; экспираторно-музыкальное на полудолгомъ слогѣ: vóĺa, bráta; музыкально-экспираторное ˜ на сверхдолгомъ слогѣ: sūśaa, xvālītĕ; нисходящія ударѐнія: ̏ на краткомъ слогѣ: vŏ̏dǫ, pŏ̏logъ̆; ̂ на полудолгомъ: pîsārĕ, boľšĕno, dъ̀vâ; ̂ на долгомъ: sŷnu, rǫ̂kǫ.

Отдѣлъ II. Явленія, имѣвшія мѣсто въ эпоху единства южныхъ и восточныхъ славянскихъ языковъ.

§ 177. Эпоха совмѣстной жизни южнаго и восточнаго славянства, отдѣлившагося отъ западнославянской вѣтви, была, какъ мы видѣли во введеніи, непродолжительна. Соотвѣтственно съ этимъ явленій, объединяющихъ южные и восточные славянскіе языки въ противоположность западнымъ, оказывается немного: всѣ они относятся къ консонантизму. Только два изъ этихъ явленій охватили весь составъ говоровъ южнославянскихъ и восточнославянскихъ: это выпаденіе t, d передъ l, ł, ľ и переходъ k, g въ ć, ʒ́ передъ u: третье явленіе — переходъ j послѣ губныхъ въ ľ имѣлъ мѣсто лишь въ одной части южнославянскихъ говоровъ, получивъ въ восточнославянскомъ языкѣ полное господство.

Измѣненіе сочетаній tl, dl, и т. д.

§ 178. Въ сочетаніяхъ tl, dl и т. д. звуки t, d произносились въ общеслав. праязыкѣ со взрывомъ, совпадавшимъ по времени и мѣсту съ образованіемъ слѣдующихъ l, ł. ľ: это способствовало ассимиляціи t, d слѣдующимъ за ними плавнымъ: въ результатѣ такой ассимиляціи сочетанія tł, dl, tľ, dľ, tl, dl перешли въ разсматриваемую эпоху въ ł, ľ, l. Примѣры: общеслав. modlitì (ср. чешск. modliti. польск. modlić) перешло въ molitì (великор. моли́ть, старослав. молити, сербск. молити, словенск. moliti); vedłъ, vedla, vedli (ср. польск. wiódł, чешск. vedl) перешли въ veľъ, vela, veli (великор. вёл, вела, вели, сербск. вео, вела, вели, болг. вел, вела, вели); sadło (ср. польск. и верхнелуж. sadło, чешск. sádlo) — въ saľo (малор. и великор. сало, болг. и сербск. сало, словенск. salo); radlo (ср. польск., верхнелуж. и нижнелуж. radlo)—въ raľo (древнерусск. рало, малор. рало, старослав. рало, сербск. рало); vidły (польск. widły, чешск. vidly, верхнелуж. и нижнелуж. vidły)—въ viľy (болгар. ед. ч. вила, сербск. виле, великор. вилы, вилка, малор. ед. ч. вила); pletłъ, a, o, pletli (ср. чешск. pletl. польск. płótł, верхнелуж. pletł) — въ pleľъ, a, o, pleli (старослав. плелъ, великор. плёл, сербск. плёо, словенск. plel); ʒ́ordło (ср. польск. źrzódło, чешск. žřídlo, нижнелуж. ʒ́rjedło) — въ ʒ́oreľo (малор. жерело, старослав. жрѣло, ждрѣло), и т. д. Сюда же относятся: ель, елина, ср. польск. jodła, чешск. jedla; жалить, угрор. жали́ва (крапива), старослав. жало, ср. польск. żądło; простыло, постылый, ср. стыдъ, чешск. stydnouti; малор. цвіль (плѣснь), цвільий (заплѣснѣвѣлый), ср. цвѣтъ; галицк. повѣвъ, повѣла, повѣли (въ значеніи ска-

залъ, напр. у Игн. з Никл. 66, 33, 15), ср. повѣдати, повѣсть; Дулѣби, ср. чешск. Doudleby.

Примѣчаніе. Общеслав. суффиксъ -dĭo замѣнилъ, повидимому, исконное -tĭo въ положеніи послѣ гласныхъ и послѣ r; ср. словенскій діалект. переходъ tl въ dl въ medla, cvedla (отъ mesti, cvesti). Поэтому находимъ, съ одной стороны: sadło, šidło, gъrdło, а съ другой: vesło, masło, изъ vestło, mastło; лит. arklys, gurklys имѣютъ kl также изъ tl.

§ 179. Выставленное положеніе о томъ, что разсматриваемое явленіе обще всему составу южныхъ и восточныхъ славянскихъ языковъ, нуждается въ дополнительныхъ разъясненіяхъ: во-первыхъ, сочетанія dĭ, tĭ, dĭ, tĭ извѣстны діалектически въ словенскомъ языкѣ и были извѣстны также діалектически въ русскомъ языкѣ; во-вторыхъ, современные южнославянскіе языки и русскій представляютъ въ нѣсколькихъ случаяхъ группы dĭ, tĭ, dĭ, tĭ новаго происхожденія.

Примѣчанія. Въ чешск. šel, луж. šel l вмѣсто dl явилось вѣроятно въ формахъ šla, šli; ср. также šel въ горенскихъ говорахъ словенскаго языка. Діалектически въ польск. вм. dĭ, dl является gł, gl: żągło, moglić się.

§ 180. Въ словенскомъ языкѣ значительная часть говоровъ сохраняетъ въ причастіяхъ на -łъ коренной звукъ t, d, а именно говоры сѣверо-западные—хорутанскіе и горенскіе; при этомъ на мѣстѣ tl находимъ и dl: jedel, jedlo, padli, sedla, predli, godel, zabredel, obvedel, zbodla, pletel, cvetli—medlo, cvedel, cvedla; напротивъ, юговосточные — доленскіе представляютъ ł, l: krał, sęł, pleł, и т. д.; такое же ł, l въ кайкавскихъ и угрословенскихъ говорахъ. Рѣже удерживается dł въ горенскихъ говорахъ въ другихъ образованіяхъ (не въ причастіяхъ), напр. motovidlo. Эту особенность хорутанскихъ и горенскихъ говоровъ сопоставляютъ съ тѣмъ, что вмѣсто g въ нихъ произносится γ, h, т. е. такъ же, какъ въ чешскомъ, между тѣмъ какъ γ, h вмѣсто g неизвѣстно ни другимъ словенскимъ говорамъ (кромѣ, однако, резьянскихъ), ни вообще южнославянскимъ языкамъ. Сближеніе горенскихъ и хорутанскихъ говоровъ съ западнославянскими, точнѣе съ чешскими говорами, завислѣло, быть можетъ, отъ того, что нѣкогда территорія этихъ говоровъ входила въ составъ говоровъ чешско-словацкой группы; вторженіе южныхъ славянъ и отторженіе этой территоріи отъ чешско-словацкой обусловили преобладаніе здѣсь южнославянскаго языка, но кое-что было воспринято изъ стараго западнославянскаго говора. Языкъ древнѣйшаго памятника словенскаго языка (вѣроятно, хорутанскаго

говора) — Фрейзингенскихъ отрывковъ представляетъ также dl, напр. modliti ze, vzedli (т. е. vsedli: вселитъ. collocabit). Возможно, что dl, tl въ причастіяхъ поддерживалось вліяніемъ t, d въ основѣ глаголовъ.

§ 181. Сочетанія dĭ, tĭ, dĭ. tĭ. въ русскомъ языкѣ были извѣстны преимущественно въ древнепсковскомъ нарѣчіи. Л. Л. Васильеву, впервые отмѣтившему сочетаніе -гли вм. -дли въ причастныхъ формахъ въ псковскомъ памятникѣ XVI в., это открытіе должно быть поставлено въ особенную заслугу (Р. Ф. В. 1908 г., № 4). Приведенныя имъ изъ Псковской 1-й лѣтописи данныя (блюглисѧ. привегли, оуссегли, вм. блюлисѧ, привели, възсѣли) были вскорѣ дополнены и значительно умножены Н. М. Каринскимъ («Языкъ Пскова и его обл. въ XV в.» Спб. 1909) изъ другихъ псковскихъ памятниковъ: всегли, повегли, соустрѣкли Псков. 1-я лѣт., привегли Палея въ разн. сп. XV в., чьклн Сб. Соф. библ. XV в. № 1262. А. И. Соболевскій отмѣтилъ въ Синод. спискѣ XIV в. Новгор. 1-й лѣтописи подъвегли подъ 1228 годомъ (дѣло идетъ, какъ отмѣтилъ А. И. Соболевскій. о псковскихъ событіяхъ, и потому указанная форма могла быть занесена въ новгородскій сводъ изъ псковской лѣтописи). Отмѣчу еще форму «отъ жерегла» въ псковскомъ актѣ второй половины XVII в., изданномъ А. Я. Лихтерманомъ (Тр. Псков. Археол. Общ. 1912 г., № 8). Изъ современнаго живого языка отмѣчу тётунька прицклáсь, въ значеніи причлась, въ записи изъ Великолуцкаго уѣзда (А. Г. О. XXXII, 33); также перецокъ вмѣсто перецоклъ въ значеніи перечелъ въ одной сказкѣ, записанной въ Псковскомъ уѣздѣ (А. Г. О. XXXII, 28). Не подлежитъ сомнѣнію, что гл, кл въ приведенныхъ здѣсь формахъ восходятъ къ дл, тл: объяснить тл, дл, тлн, длн (отсюда к, кли, гли) въ причастіяхъ, какъ новообразованія, едва ли возможно, въ виду формы жерегло въ псковскомъ актѣ XVII в. Слѣдовательно. въ древнепсковскомъ говорѣ, въ отличіе отъ другихъ древнерусскихъ говоровъ, существовали нѣкогда сочетанія дл, тл, замѣненныя, какъ мы видѣли, еще въ эпоху, предшествовавшую эпохѣ общерусскаго единства, звуками ĺ, l, ĺ. Наличность въ псковскомъ нарѣчіи подобныхъ формъ съ нерусскими сочетаніями дл, тл можно объяснить такъ же, какъ формы съ tl, dl въ горенскихъ и хорутанскихъ говорахъ словенскаго языка: сѣверозападная Россія была нѣкогда заселена ляшскими племенами; вторженіе въ эту область Сѣверноруссовъ повело къ смѣшенію ляшскихъ племенъ съ Русскими, передавшими имъ свой языкъ, но позаимствовавшими у Ляховъ нѣсколько звуковыхъ чертъ; къ числу таковыхъ относится и сохраненіе сочетаній dl, tl, особенно упорно державшихся, какъ и у сѣверозападныхъ Словенцевъ, въ причастіяхъ.

Примѣчаніе. Переходъ dĺ, tl, dĺ, tĺ въ kĺ, gĺ, kĺ, gĺ произошелъ, вѣроятно, на русской почвѣ, хотя онъ, какъ указано въ § 179 прим., не чуждъ и польскимъ говорамъ; ср. русск. гля, глядѣть, сьвякли́ца вм. свѣтлица Курск. (Халанскій въ Сб. Отд. р. яз. и сл., т. 76).

§ 182. Благодаря тому, что ляшскими племенами была занята въ сѣверозападной Россіи не одна Псковская область, но также сѣверное Подпѣпровье (ср. Радимичей отъ рода Ляховъ), естественно думать, что ляшскія особенности проникали вообще въ сѣверноруссніе говоры: Сѣверорусамъ во всемъ ихъ составѣ пришлось пробиться въ озерную область и область верхняго Поволжья черезъ ляшскія поселенія. Поэтому неудивительно, что, правда, весьма рѣдко находимъ формы сходныя съ разсмотрѣнными псковскими въ другихъ сѣверноруссніхъ говорахъ. Отмѣчу чьтли въ сп. Новг. лѣтописи по Архивск. списку (Новг. 2-я и 3-я лѣтописи по изд. Археогр. Комм., с. 111); чькли въ Хлудовскомъ спискѣ Стоглава (изд. Н. Субботина, с. 189); възмяклася или возмяклася (т. е. взмялася, отъ взмястися) вся земля русская въ Новг. 4-й лѣтописи по всѣмъ спискамъ; сочклись, сочклисе въ сѣверо-двинскихъ Лодомскихъ актахъ 1585 и 1571 года (изд. Археогр. Комм., №№ 178 и 95). Сюда же относится не́гла (лиственница) Каргоп. (Обл. слов.) изъ общеслав. *jòdĺa.

Примѣчаніе. Возможно, что сюда же должно отнести формы какъ пришёдъ, ушёдъ въ Боровичскомъ уѣздѣ (Тр. Моск. діал. комм., вып. 2, с. 13), ср. пришотъ, ушотъ въ Порховскомъ (А. Г. О. XXXII, 6); пришёдъ вмѣсто пришёдлъ, ср. выше: перецокъ вм. перечетлъ.

§ 183. Позднѣйшимъ вліяніемъ польск. языка объясняется дл въ рядѣ словъ западно-русскаго актоваго языка и современныхъ русскихъ (млр., блр., влр.) говоровъ. Приведу примѣры: с того свѣта сшедлъ Грам. 1412 г. (Палеогр. сн. А. Собол. и С. Пташицк.), módlicca Лидск. (Weryha, 46), strašydla (ib., 68), udzìdĺa załatòha Свенц. (Zb. XVII, 157), страшидло Канев. (Рудченко), видёлка (вилка) Рыльск. (Обл. сл. 95). Отмѣчу еще «Видлинка», названіе праваго притока рѣки Вильи, лѣваго притока Ресеты, впадающей справа въ Проню, въ Могилевской губерніи, слѣдовательно, въ области древнихъ Радимичей. Изъ польскаго заимствовано и заядлый, проникшее въ рядъ великор. говоровъ, напр. заядлэй (зловредный) Вытег. (Филим.).

Примѣчаніе. Угорусское мыдло, мыдлити (Верхр. II, 53) заимствовано изъ словацкаго. Иного, но также польскаго происхожденія сочетанія тл, дл въ тлуста Проскур. (Рудченко), отсюда клустого Бродск.

(Етн. Зб. I, 66); подлугъ, отсюда и «полугъ єго сознанья» Лит. метр. 1510 г., № 20.

§ 189. Большинство случаевъ, гдѣ восточнославянскіе и южнослав. языки имѣютъ сочетанія дл, тл, въ словахъ незаимствованныхъ, объясняются изъ дьл, тьл. Сюда относятся, напримѣръ: сербск. свјетлица (молнія), метла. седло, витлати (кружить), петља, сврдло; малор. свердлити, великор. свердьлы ї пилы въ Путеш. Аѳан. Ник. XV в., совр. фамилія Свердловъ: малор. на те падло Гадяч. (Рудченко), на тее свѣтло Проскур. (Рудченко). до ѣдла Галицк. (Иги. з Никл., 8), посидланы Козельск. (Черниг. Г. В. 1854, № 28). Неясно малор. и южновеликор. (Рыльск. и Судж.) кодло (порода, гнѣздо). Сербское подрijетло при порéкло, русское порекло, напр. порекломъ въ Пов. объ Азовск. спд. № 409 XVII в., пóрекло малор. (Желех.) неясны: быть можетъ, въ общеслав. при *porękťo изъ *porękťlo продолжало существовать подъ вліяніемъ корня rěk-rek произношеніе *porękťlo; отсюда, съ одной стороны, porękťo (ср. сербск. подрijетло), съ другой porękło (русск. порекло). Отмѣчу здѣсь еще нѣсколько новообразованій, содержащихъ сочетаніе дл: видла, видли Олон., видли Вытег. (Филим.) и др. замѣнили повидимому *вила, *вили подъ вліяніемъ видѣть (ср. древнерусск. прич. вида въ Пов. вр. л., см. § 191 пр. 3; 2 л. пов. вижь, старослав. виждь, какъ даждь); сидла Олон. (Рыбн. IV) вм. сѣла подъ вліяніемъ сидѣть; укр. похудла (вм. похудiла, напр. Кв. II, 294).

Примѣчаніе. Что касается сочетаній tn, dn, то они еще въ общеслав. праязыкѣ измѣнились въ n; это особенно ясно изъ того, что dm перешло въ m, напр., въ rumānъ вм. rudmānъ, damь вм. dadmь. На мѣстѣ такого n въ западнослав. языкахъ въ результатѣ аналогіи являлись, напр. въ глагольныхъ образованіяхъ на -nǫti: dn, tn (вмѣсто чего и gn, kn); то же, но гораздо рѣже въ русскомъ и южнославянскихъ языкахъ.

Измѣненіе сочетаній kvě, gvě.

§ 185. Въ русскомъ и южнославянскихъ языкахъ на мѣстѣ западнославянскихъ сочетаній kvě, gvě находимъ ćvě, ʒvě и źvě. Такъ польскому kwiat, чешск. květ, нижнелуж. kvjet, полабск. kjot противополагаются: великорусское цвѣтъ, малор. цьвiт, сербск. цвијет, словенск. cvẹt, болг. цвѣт, старослав. цвѣтъ; чешскому květiti, kvěl (вонль), польск. rozkwielić — малор. цьвiлити (бить, сѣчь), сербск. цвијелити, старослав. цвѣлити, древнерусск. мечи цвѣлити землю Половецкую (Сл. о п. Иг.); чешскому hvězda, польск. gwiazda, верхнелуж. hvjezda, полабск. gjozda — великор. звѣзда,

малор. зьвізда, сербск. звијезда, словенск. zvẹzda, болг. звѣзда и дзвѣзда. Едва ли можно сомнѣваться, что исконныя общеслав. kvѣ, gvѣ подверглись общему измѣненію въ періодъ единства южныхъ и восточныхъ славянъ; остается опредѣлить условія, при которыхъ произошло это звуковое измѣненіе. Конечно, передъ нами смягченіе k и g, происшедшее подъ вліяніемъ слѣдующаго v передъ ѣ, ср. смягченіе k, g въ ć, ź (ź) передъ ѣ въ позднѣйшую эпоху жизни общеслав. праязыка. Но такое смягченіе предполагало бы, во-первыхъ, значительную мягкость самаго v, а мы знаемъ, что согласныя въ общеслав. передъ гласными передняго ряда были только полумягки; палатализирующее вліяніе полумягкихъ согласныхъ на предшествующія согласныя вообще неизвѣстно общеслав. праязыку (переходъ kt въ ć̑t передъ гласными передняго ряда стоитъ совершенно особо, какъ мы видѣли въ § 94 прим.); во-вторыхъ, пришлось бы допустить переходъ kv, gv въ ćv, źv вообще передъ всякими гласными передняго ряда, между тѣмъ весьма вѣроятно, что онъ не имѣлъ мѣста передъ i, ь, e, ибо иначе остались бы непонятными тѣ русскія и южнославянскія слова, гдѣ kv, gv сохранились передъ гласной передняго ряда (см. ниже); въ-третьихъ, наконецъ, объясненіе разсматриваемаго явленія надо согласовать еще и съ тѣмъ, что оно было чуждо общеславянскому праязыку и западнославянскимъ языкамъ; западнославянскіе языки согласно съ русскимъ развили смягченіе согласныхъ на мѣстѣ ихъ полумягкости въ общеслав. праязыкѣ, между тѣмъ въ данномъ случаѣ они отступаютъ отъ русскаго, что было бы непонятно, если бы дѣйствительно смягченіе k, g было вызвано ставшимъ мягкимъ (изъ общеслав. полумягкаго) v. Въ виду этихъ соображеній надо, думаю, остановиться на предположеніи, что переходъ kv, gv въ ćv, źv вызванъ природой звука ѣ, а также особеннымъ произношеніемъ звука, слѣдовавшаго за k, g, свойственнымъ южнымъ и восточному славянскимъ языкамъ и чуждымъ западнославянскимъ.

§ 186. Какъ мы знаемъ изъ §§ 42, 47, исконнымъ произношеніемъ современнаго спиранта v было u̯; въ значительной части діалектовъ общеслав. праязыка удерживалось это старое произношеніе, постепенно смѣнявшееся на w, v. То обстоятельство, что измѣненіе u̯й въ й (ŭdova, пой) гораздо болѣе распространено въ южныхъ слав. языкахъ и въ русскомъ, чѣмъ въ западнославянскихъ, даетъ основаніе думать, что переходъ u̯ въ v произошелъ въ діалектахъ общеслав. праязыка, бывшихъ родоначальниками западнослав. языковъ, раньше, чѣмъ въ діалектахъ, легшихъ въ основаніе русскаго и южнославянскихъ языковъ. Дольше, чѣмъ въ другихъ положеніяхъ, могло удержаться u̯ въ сочетаніяхъ ku̯, gu̯, xu̯, благодаря именно лабіализован-

ному характеру заднеёбныхъ согласныхъ. Предполагаю, что эти сочетанія перешли и въ южно-восточную славянскую вѣтвь, сохраняясь и въ тѣхъ діалектахъ, которые успѣли измѣнить u̯ въ v въ иномъ положеніи; въ западнославянскіе языки эти сочетанія перешли уже въ измѣненномъ видѣ: kv, gv, xv. Сочетанія ku̯, gu̯ (для xu̯ не нахожу достовѣрныхъ примѣровъ) передъ гласными передняго ряда сохраняли вѣроятно свое u̯. Но передъ ѣ, т. е. дифтонгами ea и ie, на мѣстѣ ku̯, gu̯ являлись сочетанія kù̯, gù̯; думаю, что это стояло въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что монофтонгъ ō изъ oi̯ распался еще въ общеславянскомъ непосредственно въ ùa, ue (отсюда eа. ie): неслоговое u. ассимилируясь слѣдующему u, перешло въ u̯. Такая ассимиляція наступала, вѣроятно, діалектически еще въ общеслав. эпоху (но, конечно, она была чужда тѣмъ діалектамъ, которые произносили не ku̯, gu̯, а уже kv, gv). Въ южно-восточной славянской вѣтви произошло смягченіе k, g передъ неслоговой гласной передняго ряда ù: ku̯ѣ̀tъ, gu̯ѣ̀zda перешли въ ću̯ѣ̀tъ, ǯu̯ѣ̀zda; отсюда позже, сначала только въ нѣкоторыхъ діалектахъ: ćv̀ѣ̀tъ, ǯv̀ѣ̀zda или и ćv̀ѣ̀tъ, ǯv̀ѣ̀zda.

Примѣчаніе. Предполагая общій южному и восточному славянству переходъ gu̯ въ ǯu̯, а не źu̯, основываюсь на діалектическомъ малор. ǯvizda: галицк. дзьвізда́ (Ogonowski), угрор. дзьвізда (Верхр. Знад. I.). Отсюда, однако, еще въ общерусскомъ праязыкѣ явилось и ź; чередованіе ǯv и źv въ словахъ ǯvizda и źvizda имѣло слѣдствіемъ появленіе ǯv вмѣсто źv въ нѣкоторыхъ діалектахъ: ср. діалект. малор. дзвір, дзвін, дзвонити, дзвяга, дзвякати, и т. д. См. § 301 и др.

§ 187. Предложенное объясненіе появленія ćv, ǯv вмѣсто kv, gv исходитъ изъ предположенія, что фонетически оно имѣло мѣсто только передъ дифтонгомъ ѣ. Понятно, однако, что ćv, ǯv изъ сочетаній ćvѣ, ǯvѣ переносились и въ сочетанія передъ другими гласными въ родственныхъ словахъ, соотвѣтствовавшими звуку ѣ. Такъ объясняется напр. появленіе ćv вмѣсто kv еще въ эпоху единства южнаго и восточнаго славянства въ ćvьtǫ, ćvьsti, ćvisti, ćvьĭъ изъ ćvьtlъ, ср. старослав. цвьтѫ, цвисти, великор. цвел, бѣлор. цвисць, малор. цвіту, цвісти, цвилити XIII Сл. Гр. Бог. (плакать), болг. цви́лѫ. Сохраненіе kv, gv безъ измѣненія передъ гласными i, ь доказывается, напримѣръ, такими словами, какъ сербск. гви́рити, гви́рати, болг. кви́лити, малор. квіліти, квилити, великор. кви́литься и квёлиться (плакаться, жаловаться на боль) Псков. и Осташ. (Доп. къ Оп.), кви́лкій (раздражительный, чувствительный) Шенк., также бѣлор. квіту, квісць, малор. квінýти (изъ kvьnuti), кветноуть въ Пс. XVI в. (Карск. 200), роз-

квитне въ Пс. XVII в. (ib.). квелъ Петрозав., и др. Понятно, что kv изъ изъ сочетаній kvi, kvь могло переноситься и въ сочетанія kvѣ на мѣсто ćv. Такъ объясняются кажущіяся отступленія отъ закона, изложеннаго въ § 186: подъ вліяніемъ квилити явилось, напр., малор. квіль (Miklosich), великор. квéлить и квели́ть, т. е. квѣлить, въ значеніи дразнить, доводить до слезъ, квели́ть Скоп. (Будде), кéлить Онеж. (Подв.), розквелити въ Толк. Палеѣ 1494 г. (Тихонр. Пам. отреч. лит.); подъ вліяніемъ квылъ, квыту, квысти явились квѣтъ въ великор., напр. Опоч., Остр. (А. Г. О. XXXII, 11), Рыльск., Петроз. (въ Заонежьѣ: квѣт у рѣки), квѣткú Повѣн., квятóчик Бѣлев. (Будде). квѣтка Тульск.; также въ бѣлор. квет, kvetki Лидск. (Weryha): въ малор. квіт (квіти мої у Шевченка), квітка, квітень, квітник; квъеточку Сарны (Вол. Г. В. 1880), въ бѣлор. Пс. XVI в., квѣтье, квето᷍ (Карск. 200); въ Пс. XVII в.: квѣты (ib.).

Примѣчаніе 1. Неяснымъ представляется отношеніе южнославянскаго и русскаго źvizdati, źvizdati (сербск. звёзда, звúждати, словенск. zvízdati, zvízgati, старослав. ѕвиздати, русск. діалект. звиздать, звизнуть) къ западнославянскому gvizdati (верхнелуж. hwizdać, чешск. hvízdati, hvizd: свистъ); возможно, что źvi- и здѣсь подъ вліяніемъ źvѣ-; gvѣ- вм. źvѣ- является, повидимому, въ великор. огвѣздúть (сильно ударить) Бѣжецк., ср. звúзнуть (сильно ударить) Новоторжск. Вытѣсненіе gvizd- черезъ źvizd- (подъ вліяніемъ źvѣzd-) поддерживалось со стороны родственнаго по значенію корня svist-. Чередованіе обоихъ корней наблюдается, напримѣръ, въ русск. свищъ (червивый, пустой орѣхъ) при чешск. hvíždť, польск. gwiszcz (въ томъ же значеніи).

Примѣчаніе 2. Чередованіемъ źv, źv съ gv (очевидно, при опредѣленныхъ условіяхъ) объясняется замѣна gv черезъ zv въ нѣкоторыхъ русскихъ словахъ; напр., въ малор. при гвóздик (въ значеніи гвоздика) находимъ и звóздúк (Желех.), zwozdyki (Pokucie Kolberga I, 68).

Примѣчаніе 3. Угрор. гвізда (Верхр. Знад. II, 42) подъ вліяніемъ чешскаго hvězda; гвіздички Глух. (Литв.-Бартошъ, 78), также Золота гвізда въ сказкѣ, зап. въ Лубенск. у. (Етн. Зб. XIV, 104), заимствованы изъ польскаго, какъ доказываетъ g вм. γ. Еще яснѣе заимствованіе изъ польскаго бѣлорусскаго слова gvázdački Лидск. (Weryha, 32). — Неясно гвязда у Гильф. Он. был., с. 765.

Примѣчаніе 4. Что до тв въ великор. діал. твѣт, тваты, тваток, то ťv, согласно объясненію Б. М. Ляпунова (Нѣск. словъ о гов. Лукоян. у., Живъ. Ст. 1894), изъ ćv. Объяснять кв въ квѣт изъ тв не представляется мнѣ необходимымъ. Обратный переходъ гв въ дв ви-

димъ въ Петроз. дверста, ср. гверста, гверсливый Петроз., Новг.. Псков. (Даль).

Діалектическое измѣненіе сочетаній губная + j.

§ 188. Сочетанія pj. bj, vj, mj, переходившія въ началѣ слова въ pĭ, bĭ (примѣровъ для vĭ, mĭ въ началѣ слова не имѣется), въ общеслав. праязыкѣ оставались въ иномъ положеніи безъ измѣненія. Въ эпоху единства южныхъ и восточныхъ славянъ. въ значительномъ большинствѣ ихъ діалектовъ, произошло измѣненіе этихъ сочетаній въ pĭ. bĭ. vĭ. mĭ независимо отъ положенія ихъ въ словѣ. Въ діалектахъ. легшихъ въ основаніе русскаго языка, это измѣненіе было господствующимъ и совершенно устранило въ нихъ старыя сочетанія: то же должно сказать о діалектахъ, лежащихъ въ основаніи сербско-хорватской группы и значительной части словенской. Напротивъ, въ болгарскомъ языкѣ, какъ видно уже изъ древнѣйшихъ его памятниковъ, обнаруживалось значительное колебаніе, приведшее однако съ теченіемъ времени къ полному вытѣсненію новыхъ группъ съ ĭ, такъ что общеславянскимъ bj, pj, mj, vj здѣсь послѣдовательно соотвѣтствуютъ теперь b́, ṕ, ḿ, v́. Изъ старослав. памятниковъ одни, напр., Кіевскіе глагол. листки, Остр. ев., послѣдовательно представляютъ сочетанія pĭ. bĭ, vĭ, mĭ; въ другихъ эти сочетанія, сохраняясь вообще, отсутствуютъ нерѣдко передъ звуками ь, і, е (напр. Зогр. ев.), или только передъ ь, і (Мар. ев., Клоц. сб.); въ третьихъ сочетанія pj, bj, vj. mj господствуютъ вообще при всякихъ условіяхъ (Супр.). Въ виду этого можно думать. что въ діалектахъ, легшихъ въ основаніе болгарской группы, j, еще до дѣйствія закона о переходѣ его въ ĭ послѣ губныхъ, исчезъ передъ нелабіализованными гласными передняго ряда: это обстоятельство задержало послѣдовательное проведеніе перехода j въ ĭ въ бо́льшей части болгарскихъ говоровъ (корабь, кораби задержали переходъ korabja въ korabĭa). Въ словенской области говоры югозападные представляютъ старыя сочетанія pj, bj, vj, mj, напр. горицкій, венеціанскій, резьянскіе. Переходъ сочетаній pj, bj, vj, mj въ pĭ и т. д., происшедшій согласно предидущему въ эпоху единства южнаго и восточнаго славянства. остался совершенно чуждымъ западному славянству. Такимъ образомъ, напримѣръ, южнославянскому и восточнославянскому kupĭa (русск. купля, старослав. коуплѣ), kapĭa (русск. капля. старослав. каплѣ, сербск. капља, слов. kapļa), zemĭa (русск. земля, старослав. землѣ, сербск. земља, слов. zemļa), lovĭa (слов. lovļa, русск. ловля), lubĭǫ (старослав. люблѫ, русск. люблю) противопоставляются западнослав. kuṕa (чешск. koupě), zeḿa (чешск.

zemè, польск. ziemia, чешск. и верхнелуж. zemja), ľubǫ (польск. lubię, верхнелуж. lubju и т. д.).

Примѣчаніе 1. Сочетанія ѣa, ѣa, ѣa, ѣu и т. д. вмѣсто ожидаемыхъ ѣa, ѣa, ѣa, ѣu въ древнерусскомъ и въ совр. русскихъ говорахъ обязаны морфологической аналогіи. Сюда относятся напр. древнерусск. любѣше, славѣхоуть вм. любѣше, славѣхоуть, благословѣше Пут. ев. 43 (ср. посѣше, ходѣхоуть вм. ношаше, хожахоуть); также малор. любю, куню, великор. потрафю. Случаи, какъ благословенъ, представляются заимствованіями изъ церковнославянскаго. Также древнерусск. оумьрщвѣа Ж. Б. и Гл. XII в., оумѣзвѣашеса Стих. XII в. А. Н., 133а, оумьрщвенъ Требн. Шерем. XIV в., 141 б, оумъръщвающе Минея XI-XII в. авг. Тип. № 125, 44 и т. д. Въ молвю гр. 1285 (Р. А. А.), повидимому, новообразованіе подъ вліяніемъ молвить, молвять.

Примѣчаніе 2. Обратно, находимъ подъ вліяніемъ аналогіи въ церковныхъ словахъ вставку л: благословленіе при церк. благословеніе вызываетъ успленіе (вм. успеніе), напр. гр. ок. 1460 (А. А. Э. I, № 66).

Отдѣлъ III. Явленія общерусскаго праязыка.

§ 189. Сожительство восточныхъ славянъ въ одной общей языковой группѣ было продолжительно: это доказывается тѣмъ, что нарѣчія русскаго языка, впослѣдствіи обособившіяся въ отдѣльные языки, представляютъ рядъ общихъ явленій, значительно видоизмѣнившихъ унаслѣдованныя изъ общеслав. праязыка отношенія. Сильному измѣненію подвергся какъ вокализмъ, такъ въ особенности консонантизмъ; точно также измѣнились акцентныя и количественныя отношенія. Разсмотрю сначала измѣненіе звуковъ самихъ по себѣ, не зависѣвшее отъ вліянія сосѣднихъ звуковъ (§§ 190—210), затѣмъ измѣненіе согласныхъ подъ вліяніемъ слѣдующихъ гласныхъ (§§ 211—218), далѣе измѣненіе гласныхъ подъ вліяніемъ сосѣднихъ согласныхъ (§§ 219—225); затѣмъ измѣненіе начальныхъ сочетаній je и jü (§§ 226—229); измѣненія гласныхъ, зависѣвшія отъ положенія ихъ въ началѣ слова (§§ 229[1]—232); далѣе измѣненіе дифтонгическихъ сочетаній (§§ 233 — 262), наконецъ, измѣненія въ акцентныхъ и количественныхъ отношеніяхъ (§ 263).

Потеря носовыхъ.

§ 190. Какъ мы видѣли, общерусскій праязыкъ долженъ былъ получить изъ общеславянскаго праязыка слѣдующія носовыя гласныя: ǫ, ę, звучавшее послѣ смягченныхъ согласныхъ какъ ą, и дифтонгъ ѧ̨. Всѣ эти носовыя гласныя утратили въ общерусскомъ праязыкѣ свой носовой характеръ и перешли въ соотвѣтствующія неносовыя.

Звукъ ǫ, какъ мы видѣли, звучалъ въ общеслав. праязыкѣ какъ ô носовое; послѣ j и мягкихъ согласныхъ онъ произносился какъ ó закрытое носовое (§§ 17 и 18). Въ общерусскомъ праязыкѣ ǫ перешло въ u, а ǫ̑ въ ů. Такъ общеслав. sǫdъ, pǫtь, mǫka, noś̨ǫ̑, voĭǫ̑ перешли въ sudъ, putь, muka, noś̊u, voĭů. Примѣры изъ совр. языка излишни. Въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ находимъ, напр., въ Остр. ев.: лоукавьи. отъкоудоу, водоу могоу, ввьргоуть, ръпътаахоу, възлюблю, волю, свою, оубіють, въ послѣсловіи: пороученіѣ; въ Сб. 1073: ведоути и, моудрыхъ, трапезоу, бо̑ю, борю̑штеса, послю; въ Чуд. пс. XI в.: голоуби, доуба, моужь, поуть, оузы, вьсюдоу, отънюдъ, и т. д.

Примѣчаніе. Какъ мы видѣли въ § 18 прим., указаніе на u изъ ǫ послѣ мягкихъ согласныхъ извлекается изъ упорнаго правописанія кожю, ношю, хочю съ ю. рядомъ съ кожа, ноша, часть съ а.

§ 191. Носовыя ę и ą перешли въ общер. праязыкѣ въ a. Такое измѣненіе (можно было бы ожидать e и a, на мѣстѣ ę и ą, какъ въ сербскомъ) стоитъ въ связи съ вліяніемъ j и предшествующихъ мягкихъ (исконно мягкихъ и ставшихъ мягкими въ русскомъ языкѣ) согласныхъ на слѣдующіе звуки передняго ряда, ср. § 20. Примѣры: общеслав. jąduxa (ср. верхнелуж. jadušiwy: тяжело дышащій, узкогрудый, при чемъ начальное ję восходитъ къ ę изъ индоевр. отрицательной частицы an,—сопоставьте словенск. neduха, naduxa: астма, узкогрудіе), jątry, jątrъvь (старослав. ѩтры, польск. jątreẃ), ćąsto, źąti, suśątь — перешли въ jáduxa (малор. я́духа: астма, узкогрудіе, я́дух: подверженный астмѣ, я́душливый), jątrъvь (великор. ятровь), ćasto (великор. и малор. часто), źati (великор. жать, малор. жати), suśatь (сѣв.-великор. сушат, малор. сушять). Общеслав. pętь, męta, sędǫ, rędъ, letętь, smьrdęććь перешли въ pátь (великор. пять, малор. пять), mata (великор. мята, малор. мята), śadu (великор. и малор. сяду), ŕadъ (великор. рядъ, малор. ряд), leťatь (великор. летять, летят, малор. летять, летят), smьrďaćь (великор. смердячій, малор. smerdiaczyj Новоградвол. Zbiór, VII, 224), и т. д. Примѣры изъ древнѣйшихъ памятниковъ: Остр. ев.: ꙗзыкъ, ꙗчьнанѣшихъ, жьнѫ, почахъ, начала, родишаса, Сб. 1073 г.:

чадо, ослꙋшашасѧ, прїисте, Чуд. пс. XI в.: чада, жаждꙋ, оудьржать, бѣша.

Примѣчаніе 1. Встрѣчающееся въ различныхъ русскихъ говорахъ е, а на мѣстѣ а, въ соотвѣтствіи съ общеслав. ę, нельзя возвести къ непосредственной замѣнѣ ę; ср. сѣверновеликор.: седу, взел, зеть, петь, малор. галицк. седу, тєжко и т. п., моск. зя́ть, и т. д. Эти е, а несомнѣнно новаго происхожденія; они явились въ результатѣ измѣненія звука а (не только изъ ę, но также изъ исконнаго а) послѣ мягкихъ согласныхъ, а частью только между двумя мягкими согласными.

Примѣчаніе 2. Сдѣлаю нѣсколько замѣчаній относительно отдѣльныхъ словъ: въ ятреба, ятриба (утроба, животъ) Рыльск., Судж., Обоян., ятребо Бѣлгор. (А. Г. О. XIX. 44), при старослав. ѫтроба, польск. wątroba, верхнелуж. vutroba (сердце), чешск. útroba, вѣроятно видѣть вліяніе слова jętra, откуда по-русски было бы *ятра (печень, печенка). Въ ястребъ е восходитъ, вѣроятно, къ а въ неударяемомъ положеніи, ср. ѥстрабъ Русск. Пр. 1282 г., на ястряпца Посл. XVII в. (Сим. 81), а также параллельную форму яструбъ изъ jastrǫbъ: яструбъ Полт. (Шейк. Казки, 31), як яструби Черниг. (Г. В. 1860 № 17), од яструба Полт. (Рудч. II, 36), яструби́ Бучацк. (Етн. Зб. VI, 4); сербск. јастријеб указываетъ, впрочемъ, на возможность еще паралл. формы ѥстрѣбъ; ѥстребъ находимъ уже въ Комм. сп. Русск. Пр. (изд. Новг. 1-й л., с. 87). При lebędь (отсюда великор. прилаг. лебяжій) уже въ общеслав. существовали lebedь (старослав. лебедь, древнерусск. лебедь, напр. Русск. Пр. 1282, великор. лебедь, лебёдка, малор. лебедь, лебідь) и łabǫdь (польск. łabędź, чешск. labuť, сербск. лабуд, слов. labod). Вмѣсто ďasna, ďasny изъ общеслав. dęsna (ср. чешск. ďáseň, польск. dziąsło, діалект. dsiąsna, верхнелуж. dźasna) въ великор. на почвѣ звуковой аналогіи явилось десна — дёсны (ср. весна—вёсны); рядомъ находимъ ясны Рост. (Булычевъ), малор. я́сны, ясла́ (уже въ общеслав. при dęsna существовало jęsna, ср. чешск. jásna, полабск. jõ̆sna, едва ли не подъ вліяніемъ języкъ, а при и вмѣсто *dęzykъ, ср. древнеисл. tunga). — Вліяніемъ звуковой аналогіи объясняется о вмѣсто а въ великор. запрёг (ср. занёс, а также убёгъ вм. убѣгъ); равнымъ образомъ о въ застёжка, ср. бѣлор. засця́жку Рогач. (Ро. III, 178).

Примѣчаніе 3. Въ причастіяхъ наст. вр. на -а вмѣсто общеслав. -у (изъ -ъns) звукъ а перенесенъ изъ такихъ образованій, какъ leťa, хоďа, рłаťа, igraja, ср. указанную въ § 21 еще общеслав. замѣну звука ѣ въ рłаťѣ, igrajѣ черезъ ę, почему въ общеслав.: рłаťę, igraję.

Въ древнѣйшихъ формахъ на -а такого происхожденія находимъ передъ -а на мѣстѣ -у твердую согласную, очевидно, обязанную тѣмъ, что передъ -у стояла именно твердая согласная. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ памятниковъ: зова Минея XI в. № 221. 10 b, ида ib. 81a, чьта ib. 8 a, тека Мин. № 166, 46 b, не дада Сб. 1073, 83 d, ида Стих. 1157, 77 a, вьсемоган ib. 19 a, не невѣда Ефр. Кормч. 1 b, жга Новоросс. сп. Новг. 4-й, 271 b, ту буда Хожд. Дан. Пал. (изд. Венев. 102), вида ib. 14 (это указываетъ на *вимь), вида идеши на смерть Лавр. подъ 1071 г., также подъ 1037 г., како мога Вопр. Кирик. 24, не ида 34, блюда Радзив. лѣт. 123, хто ково смага то̑ тово и врага Послов. XVII в. (Сим. 149). кто помога Комм. сп. Новг. 1-й. 477, стерегась Ермолинск. лѣт. 60, не выйда 1398 (XVI) А. А. Э. I, № 13. ѣда Новор сп. Новгор. 4-й, 155 b, въпза 158 b. не помяна 171 в и т. д. Изъ современнаго языка отмѣчу: мога, напр. малор. яко мога (у Шевченка), як мóга (Эп. Котл.), що мóга (у Квитки, I, 213), скъульки мога грає Кролев. (Черн. Г. В. 1854, № 17), великор. какъ могá Сарат., нé смога Пошех. (Обл. сл. 171); также гляда (отъ основы гляд-): по дню гляда, по достатку гляда Солнкам. (Луканинъ), на это гляда Шадр. (Зыряновъ): гляда, въ значеніи «кажется»: Тотем. (Андреевъ). — Съ предшествующею мягкой согласной (заимствованною изъ случаевъ, какъ ľeťa, groša) находимъ: зова уже въ Минеѣ XI в. № 221, 10 b, зда вмѣсто жда въ Погод. сп. № 1413 Псковск. лѣт., 146 a, арка въ Комм. сп. Новг. 1-й, 359. поверга ib. 338, и т. д., совр. идя, неся. — Едва-ли русское -а восходитъ къ общеслав. -ą, которое явилось бы вмѣсто -ę послѣ твердой согласной, ср. особый носовой звукъ ѧ въ старослав. памятникахъ въ случаяхъ, какъ сам. Чешское -а въ причастіяхъ какъ nesa, řka можетъ быть такимъ же новообразованнымъ окончаніемъ, какъ разсматриваемое русское -а. — А. И. Соболевскій (Ж. М. Н. П. 1895 г.), ссылаясь на древнепольск. rzeka при rzekę, предложилъ другое объясненіе и русскому -а, но не исключена возможность видѣть въ древнепольскомъ rzeka чехизмъ. — Окончаніе -у вытѣснено было черезъ -а, повидимому, окончательно въ древнерусскомъ; формы на -у, какъ жды Новор. сп. Новг, 4-й, 369 a, крадый чюжая не обогатѣетъ Посл. XVII в. (Сим. 111), не вѣды Великолуцк. (А. Г. О. XXXII, 33) и т. д., можно признать церковнославянизмами.

§ 192. Общеславянское ѣ̨ (т. е. назалированный дифтонгъ ie) перешло въ общер. праязыкѣ въ ѣ (точнѣе въ ѣ̑, т. е. ie). Такъ общеслав. род. duśѣ̨, им. мн. ovьćѣ̨, вин. мн. mǫžѣ̨ перешли въ duśѣ̑, ovьćѣ̑, mužѣ̑. Примѣры на-

ходимъ уже въ древнѣйшихъ памятникахъ: отъ троицѣ Сб. 1073, 8 d, нозѣ ѥѣ 169 г, сто҃ѣ мц҃ѣ Минея 1095, 100 b, еѣ р. ед. 161 a, ѡвьцѣ в. мн. 168 b: кънлзъ лачѣ Стихир. XII в. № 279, 116 b, дѣвицѣ р. ед. Минея XI в. № 221 3 a, мч҃ницѣ гн҃ѣ ib. 54 a; ѡт чашѣ Христин. ап. XII в., 153, три мц҃ѣ ib. 234, на нѣ ib. 45; ключѣ Архапг. ев. 1092, 168 b, българѣнѣ И. Б. и Гл. XII в., моѥѣ ib., тоѣ пагоубьноѣ рати ib., недѣлѣ календ. прип. къ Остр. ев., 12 c, 19 d, 21 a, ѩко каплѣ кръви (ὡσεὶ θρόμβοι αἵματος) Остр. ев. 160 a, пр҃рка плнѣ Стих. 115 b, 15 a, еуфимнѣ Юрьевск. ев. до 1128, 20 b, мѣсацѣ ib. 203 c. То же найдемъ и въ позднѣйшихъ памятникахъ: опроче своѥѣ братьѣ Моск. догов. 1366, тоѣ землѣ Данн. до 1417 (С. М. № 26, 340), своеѣ ib., непотаговьскнѣ р. ед. ib.—Въ совр. языкѣ: малор. душі, кожі, землі р. ед. и им. мн., ножі, ключі, коні вин. мн., доброі, моєї р. ед. (малор. і изъ ѣ).

§ 193. Существовали ли носовыя въ историческое время жизни русскаго народа, т. е. въ IX—X в. (отсутствіе ихъ въ XI в. доказывается памятниками)? Имѣя въ виду, что распаденіе общерусскаго праязыка произошло не позже IX в., а утрата носовыхъ характеризуетъ общерусскую эпоху, я отвѣчаю на поставленный вопросъ отрицательно. Отмѣчу передачу русскаго и изъ ǫ черезъ греч. ου и а изъ ę черезъ греч. α у Константина Багрянороднаго (середина X в.): Βερούτζη названіе одного изъ Днѣпровскихъ пороговъ—это русск. вьроучии (въ древнеболг. было бы вьржштии); Νεάσητ названіе другого порога (въ древнеболг. было бы негасыть). Возраженія, основанныя на томъ, что сочетанія an, on, en, in въ иностранныхъ словахъ, переходившихъ въ древнерусскій языкъ, передаются черезъ u, ′a, не представляются мнѣ убѣдительными: въ древнѣйшую, но уже историческую эпоху жизни русскаго языка онъ не имѣлъ сочетаній on, an, en, in въ своихъ словахъ; замѣняя an и en черезъ ′a, русскіе просто опускали носовой звукъ, а предшествующую гласную передавали ближайшимъ соотвѣтствующимъ звукомъ. Древнесѣв. akkarі, *ankarі перешло въ *akorъ и далѣе въ jakorь (какъ древнесѣв. ask- въ ящикъ, Hakon, Акунъ, Ип. 55 в.—въ Якунъ Лавр.); mantel перешло въ mantelь и далѣе въ matelь, напр. в черни матли Ипат. 167 a, мателникоу Русск. Пр. 1282; такъ же явилось кълбѧгъ изъ kulfingr; ѧбетьникъ, ябеда изъ древнесѣв. aembaet(t)e, embaet(t)e, нѣмецк. Amt (Berneker, Slav. etym. Wörterb.).—Равнымъ образомъ Ongri, Ungri перешло въ Ugri.

Примѣчаніе. Иначе А. И. Соболевскій въ Лекціяхъ по ист. русск. яз.[4], с. 19—20. Рядъ словъ, относящихся къ христіанской терминологіи, также именъ собственныхъ, измѣнили сочетанія гласная + носовая въ носовую гласную на древнеболгарской почвѣ;

соотвѣтствующія русскія чистыя гласныя являются передачей болгарскихъ посовыхъ. Такъ греч. ἔμβολος перешло въ ѫболъ, и отсюда въ русскомъ: уболъ, ср. на черно̀ велико̀ уболѣ Пут. Ант. Новг., 43; греч. τέμπλον въ тѫбло, отсюда русск. тябло. Изъ древнеболгарскаго заимствованы также, напр., декябрь (декѫбрѧ Ипат. 96 г; декѫбрь Пут. ев. 224), ср. старосл. декамбрь (Супр.) и декѫбрь: ноябрь, ср. старослав. ноѫбрь (отсюда сербск. нокмбрь Шишат. ап., также древнер. ноѣмбрь и ноѥмьбрѧ Лавр. 173 в): Пятеплеймонъ. ср. старослав. пѫтелеимонъ (напр. пѫтелеимоноу у Іоанна Экз. Болг.), отсюда древнерусск. пѫтелѣмонъ Ипат. 114 г, Пятелеевъ Лодомск. актъ 1548 (№ XXXV): Костятинъ, ср. старослав. костѧтинъ и костѧнтинъ (Остр. ев. костѧнтина града), отсюда древнерусск. костѧнтинь Жит. Θеод., къснятинъ (къснятинъ Новг. 1-я подъ 1196), къснячько: пятикостия, ср. старослав. пѫтикостиѥ (пѫтикостью Поуч. Конст. Болг. 49 d, пѫтикостии Юрьевск. ев.): пѫндитомь прѣпоѥсася Пут. ев. 270 (греч. ἐπενδύτης): Климятъ и Климята (климѧнта Пут. ев. 223), ср. рядомъ и Климатино (назв. мѣсти. Тверск. губ., Сп. нас. м., № 1947); Ядрей (Ядреемь Новг. 1-ая по Синод. сп. подъ 1193, Добрына Ядрѣковиць ib. подъ 1193). Объ измѣненіи сочетаній гласная + посовая въ греч. словахъ скажемъ еще въ § 327.

Примѣчаніе 2. Тѣ немногія слова славянскаго происхожденія, попавшія въ западнофинскіе языки, которыя представляютъ сочетанія un, on, едва ли могутъ быть возведены къ русскому. Они заимствованы изъ ляшскихъ говоровъ, а м. б. частью еще изъ общеслав. праязыка. Сюда относятся: финск. kuontalo (прялка), ср. общеслав. kǫdělь, русск. кудель; suntia (церковный служитель, быть церковнымъ служителемъ, наказывать, принуждать), эст. sundima (мстить, судить, принуждать), ср. общеслав. sǫditi, sǫdija: эст. und (удочка), лив. ūnda (удочка), ср. общеслав. ǫda.

Судьба общеславянскаго ѣ.

§ 194. Дифтонгъ ѣ, т. е. ie, въ одномъ положеніи еще въ общерусскомъ праязыкѣ измѣнился въ e, а именно въ положеніи послѣ i̯. Это имѣло мѣсто только въ концѣ слова, гдѣ ѣ восходитъ къ общеслав. ѣ̯. Общеслав. svinii̯ѣ̯, sǫdii̯ѣ̯, dobrъ̆i̯ѣ̯, перейдя въ общер. svińii̯ѣ̯, sǫdi̯ii̯ѣ̯, dobrъ̆i̯ѣ̯, стали звучать svińii̯e, sudi̯ii̯e, dobrъ̆i̯ie, ибо конечное ѣ̯, какъ указано въ § 137 прим., уже въ общеслав. праязыкѣ переходило въ i̯e, отсюда далѣе svińi̯e, sudi̯e,

dobrŷje. Доказательства вижу, во-первыхъ, въ появленіи о въ случаяхъ какъ добрыё, сшіе, хорошіе; такое произношеніе распространено во многихъ сѣверновеликор. говорахъ; на древность его указываютъ и моск. её, самоё, твоеё р. ед.; jejo непосредственно изъ jejo, jeje, а это изъ jejje (если j и ĭ различались и въ древнерусскомъ языкѣ въ зависимости отъ ударенія, то je возникало на мѣстѣ jje только въ неудар. положеніи, но переносилось въ видѣ je и подъ удареніе). Во-вторыхъ, такой переходъ доказывается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ ѣ въ указанномъ положеніи передается черезъ ѥ; этотъ графическій пріемъ не можетъ быть сопоставленъ съ замѣной ѣ черезъ е въ другихъ случаяхъ, ибо послѣдняя замѣна была обусловлена произношеніемъ ѣ, какъ е, въ церковнослав. языкѣ на Руси, а замѣна ѣ черезъ ѥ въ грамм. окончаніяхъ не могла находить себѣ основанія въ этомъ произношеніи (здѣсь на мѣстѣ старослав. ję въ соотв. случаяхъ произносилось ja). Такъ находимъ: ѿ братиѥ Мстисл. ев. (по рядомъ правильно: отъ землѣ, отъ вонѣ, им. мн. овьцѣ), ѥдиноѥ Чуд. пс. XI в. 58г, одиноѥ ib. 148г, различьнꙑѥ в. мн. ж. ib. 28b (и только единично, тамъ же: падежде 92б), наталиѥ Стих. 1157, 185b, еупраксиѥ ib. 161a, еуфимиѥ Юр. ев. до 1128, 228b, еуфимиѥ Минея 1095, 100b, софьѥ Добрил. ев. 248c, ананьѥ ib. 248d, мр҃ьѥ магдалꙑнѣ ib. 267b, мѣхꙑ новꙑѥ ib. 47c (и только единично тамъ же: падеже 248c); тоже и въ болѣе позднихъ памятникахъ: бѣша бо оу насъ седмь братье Пут. ев. 144, им. мн. змье 147, до кръве захарье 147.

Примѣчаніе 1. Совершенно понятно, что рядомъ съ этимъ новымъ произношеніемъ возстанавливалось по аналогіи и старое: при фонетическомъ sof'ije, dobrŷje являлись и sof'ijѣ, dobrŷjѣ подъ вліяніемъ zemlѣ, dušѣ, mojѣ; ср. тоѣ, отъ неѣ Ж. Б. и Гл. XII в., илиѣ Стих. 1157г., 15a. Гр. 1445-46: им. мн. конскыѣ, оуглечьскыѣ (А. Кал. I № 31), Гр. 1447-53: тоѣ, сеѣ, с неѣ (А. Кал. I № 31), Гр. 1432-43: нашеѣ (А. Кал. I № 63), Гр. 1459: приданыѣ, оу духовныѣ, им. мн. старыѣ (А. Кал. I № 84) и т. д.; ср. совр. малор. доброї, сѣвернор. еé, самоé, одноé, при её, одноё.

Примѣчаніе 2. Въ другихъ положеніяхъ (не въ концѣ слова) ѣ произносилось въ общерусскомъ праязыкѣ какъ ie; поэтому здѣсь не имѣло мѣста смѣшеніе его съ сочетаніемъ je; лишь позже, въ отдѣльныхъ говорахъ появленіе je вмѣсто ie имѣло послѣдствіемъ изображеніе je (ѣ) черезъ ѥ; ср. ѥсти, ѥдать Арханг. ев. 1092, поѥсть Ев. чт. XII в. Одесск. Общ. ист. и др. (comedet, Б. М. Ляпуновъ); въ Хлѣбник. спискѣ лѣтописи, не смѣшивающемъ ѣ съ е, пишется съѥха 417 и др.

Примѣчаніе 3. Какъ увидимъ въ § 459. такой же переходъ ѣ (ie) въ е имѣлъ мѣсто за į въ южнорусскомъ нарѣчіи.

§ 195. Въ положеніи передъ слогомъ съ ударяемымъ і имѣлъ, повидимому, мѣсто переходъ дифтонга ѣ (ie) въ і. Такъ sѣditѣ, sѣdimъ, sѣdi перешли въ siditѣ, sidimъ, sidi — и уже отсюда получалось дальше sidѣti, siżu, при чемъ і переносилось даже въ ударяемый слогъ: sidźa. Ср. великор. сидѣ́ть, сижу́, си́дя, си́днем; сидѣ.ї 1391-1428 (А. Кал. I № 82), отъсидѣвъ 1391-1425 (А. Кал. I № 31). Малор. сиді́ти, сидьма́, сиднем, си́день, сидня́, сиду́ля, сиду́х. Бѣлор. сидзѣць Бых. (Ро. III. 191), siďèć Лидск. (Weryha. 58). Только при предложенномъ ограниченіи условій разсматриваемаго явленія можно понять сохраненіе ѣ (e) не только въ ударяемомъ положеніи, какъ великор. сѣл, сѣсть, малор. сі́сти, но также и въ неударяемомъ, напр. сѣдѣти Русск. Пр. 1282, седѣти Радзив. 89, сѣдѣлъ Хожд. Дан. 98, Путеш. Ант. Римл. 39, седити Судебн. Ѳед. Ив. 48, седѣ Новор. сп. Новг. 4-й, 207б, сѣдѣлъ 1459 (А. Кал. I № 84), седѣлъ 1462-64 (сп. XVI в.) (Акал. I № 103), сѣдѣть Послов. XVII в. (Симони, 86), далѣе: сяжу Масал. сядзи Ржев. (Э. С. I. 293), siadzìć Дисн. (Zb. XVIII, 207), Свенц. (Zb. XVII, 139), посядзѣвъ Бых. (Ро. III. 417), śaďèć Лидск. (Weryha, 16), śeďàć (ib. 16); малор. сі́дяг Старомѣст. (Етн. зб. 134), сиде́ць, сі́день, сидня́, сиду́ха, сі́дло; бѣлор. сѣ́днемъ сядѣла Рогач. (Ро. III. 391).—Въ виду этого принимаю, что въ основѣ дѣт- звукъ и вм. ѣ явился фонетически въ ďitina, ср. малор. дитя́на, и уже отсюда переносился въ дитя. дитёныш, ди́тятко великор., дитя́, дитя́тко малор., дзіцёнок Быхов. (Ро. III. 199), dzicià Волков. (Federowski, I, 36), ďića Лидск. (Weryha, 61); ср. ѣ въ ударяемомъ положеніи, напр. ді́ти малор., дѣти великор., а въ неударяемомъ: дѣтвора́ великор., детя Судебн. Ѳед. Ив. 48, дѣтяти Стогл. Хлуд. 60, бѣлор. ďaťèj Лидск. (Weryha, 64), дзацёнка Бых. (Ро. III, 199); малор. ді́тва́, дитво́ра, дитни́й, ді́точки́, дѣтво́; дьітя́ угрор. (Верхр. Знад. I. 70). — Равнымъ образомъ mѣzinyï (ср. старосл. мѣзиньць, сербск. мьезинац) перешло въ mizinyï: великор. мизинец, Мизиновка (назв. селенія), мизѣнні им. мн. Радзив. 220 об., малор. мизи́нний, мизе́льний; на мызыный Пересл. (Тр. II, 37), мезиный палецъ Новоградвол. (Тр. II, 17), мызынцемъ Каневск. (Рудч. II, 71); ср. рядомъ: людье мѣзинни Лавр. подъ 1176 г.; малор. мізинний палец Бродск. (Етн. зб. I, 19), мізи́нний, мізи́льний; угрорусск. мізи́лник (малый палецъ, Верхр. Знад. I, 37): ѣ сохранялось въ формѣ мѣзеный.

Примѣчаніе 1. Въ словѣ цѣловати, быть можетъ, еще въ общер. ѣ, ассимилируясь слѣдующему слогу, перешло діалектически въ о; ср. бе^{3} цоловань$_{A}$ Стогл. Хлуд. 293, не чолоую Новор. Новгор. 4-й, 327б, поцоло-

ваша Синод. сб. № 154 (Каринск.), поцолуюца Сарны (Вол. губ. вѣд. 1880 № 5); ср. еще дальнѣйшее измѣненіе о въ и подъ вліяніемъ слѣдующаго и въ спи҃ц҃ Бонк.-Стр (Zb. X, 36).—Быть можетъ, правъ А. И. Соболевскій, объяснявшій телесе, телеса съ упорно держащимся въ древнихъ памятникахъ е (при тѣло), какъ результатъ ассимиляціи ѣ слѣдующему е (Ж. М. Н. П. 1893 № 11).

Примѣчаніе 2. Согласно § 15, ѣ въ общеслав. произносилось какъ іе въ концѣ слова и передъ слогомъ съ гласной передняго ряда и какъ еа въ другомъ положеніи. Слѣдовательно, указанный въ наст. § переходъ относится именно къ іе.

Лабіализація звука ъ.

§ 196. Выше, въ § 22, были указаны основанія, по которымъ звукъ общеславянскаго ъ надо опредѣлить какъ звукъ средняго ряда неполнаго образованія и при томъ нелабіализованный. Въ общерусскомъ праязыкѣ ъ, оставаясь звукомъ неполнаго образованія средняго ряда, лабіализировался; мы заключаемъ объ этомъ изъ того, что ъ позже въ извѣстныхъ положеніяхъ переходилъ въ о, т. е. въ лабіализованный звукъ. Причину перехода надо искать во вліяніи предшествующихъ согласныхъ; эти лабіализованныя согласныя образовались сами подъ вліяніемъ слѣдовавшей за ними гласной лабіализованной й, до перехода ея въ средній рядъ (ў, откуда ъ). Такимъ образомъ разсматриваемое явленіе относится къ тѣмъ болѣе сложнымъ явленіямъ, гдѣ измѣненіе звука зависѣло отъ сосѣдняго съ нимъ звука; но я разсматриваю его здѣсь, а не ниже, потому что переходъ ъ нелабіализованнаго въ лабіализованный охватилъ вообще звукъ ъ, независимо отъ какихъ-либо иныхъ условій, кромѣ положенія его послѣ согласной, а внѣ этого положенія ъ былъ неизвѣстенъ. Особаго знака для лабіализованнаго ъ, въ отличіе его отъ нелабіализованнаго, я не ввожу.

Измѣненіе гласной ā въ о.

§ 197. Мы видѣли въ § 3 прим., что общеслав. праязыкъ имѣлъ звукъ о нижняго образованія; между тѣмъ во всѣхъ современныхъ славянскихъ языкахъ онъ предсгавляетъ среднее образованіе. Очевидно, такое измѣненіе его происходило на почвѣ отдѣльныхъ слав. языковъ. Славяне, а въ частности и русскіе далѣе въ позднѣйшія историческія эпохи передавали иноземное а черезъ о; это зависѣло отъ того, что ā было въ славянскихъ языкахъ неизвѣстно: въ эпоху распаденія славянства ā являлось только въ концѣ слова (изъ ā), между тѣмъ какъ въ другихъ положеніяхъ оно было долгимъ

или полудолгимъ. Въ русскомъ языкѣ X — XI вѣка, какъ увидимъ, иноземное а̄ въ началѣ слова систематически переходило въ о; то же было и въ серединѣ слова: удерживалось только ударяемое а: вѣроятно, это завис̾ѣло отъ того, что подъ удареніемъ ´ (обычнымъ удареніемъ серединныхъ и конечныхъ слоговъ, весьма обычнымъ и въ начальныхъ слогахъ) гласныя еще въ общеслав. праязыкѣ растягивались до полудолготы.

Измѣненіе гласной а въ а.

§ 198. Въ § 11 указаны условія появленія звука ā въ общеслав. праязыкѣ на мѣстѣ исконнаго ē. Въ общерусскомъ праязыкѣ, несомнѣнно въ связи съ переходомъ предшествовавшихъ звуку а полумягкихъ согласныхъ въ мягкія, звукъ а измѣнился въ а. Такимъ образомъ и здѣсь имѣемъ сложное явленіе, зависѣвшее отъ вліянія согласнаго звука на слѣдующую гласную, но мы разсмотримъ это явленіе здѣсь, а не ниже, въ виду того, что а̄ въ результатѣ смѣнилось вообще звукомъ а. Какъ мы знаемъ, употребленіе ā ограничивалось въ общеслав. праязыкѣ нѣкоторыми опредѣленными категоріями. Примѣры для звука а на мѣстѣ а распредѣлимъ по этимъ категоріямъ.

§ 199. Въ суффиксѣ прилагательныхъ (преимущественно вещественныхъ) находимъ -an- вмѣсто общеслав. -ān- уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ: Остр. ев. камнь, багъранѫ, грѣшанъ, ꙗчьнѧнъ. XIII Сл. Григ. Бог.: каманѣ 218б, мѣданаѧ 349а, власѧнихъ 65а: Сб. 1073 бисьраныѧ, камнами, багърано, багъранищеѫ: Сенг. минея 1095: мѣдѧнъ; Ноябр. минея 1097: пламѧныѧ: Путят. минея XI в. багърѧнищѫ. Пазд. Антіоха: дрѣванъ, зъданъ: Син. Патер. XII в.: трьстаноу трѣскоу, каманица, Христинон. ап.: пьрстанаго 160, каманаго 42, срѣдь плътанъ 166; Сб. 1076: мѣданоую, плътѧни; Юрьев. ев. оцьтано вино 189в: Чудовск. пс. XI в.: мѣданаѧ 80г, плътанъ 20а, глинанъı; Ефрем. корич.: камнъ, мѣданъ, дрѣванъ (С. Обнорск., 54), сукнану Требн. Шерем. XIV в., 1б, и т. д. Въ позднѣйшихъ памятникахъ: потырь его мраморянъ Пут. Ант. Новг. 42; телѣга сребряна ib. 14, сребрѧшкъ Волог. ев. XVI в. (Л. Васильевъ), витрана̀ ib.; каману и муромрану Ипат. 75б. Въ совр. языкѣ: великор. гли́няный, овся́ный, стекля́ный, полотня́ный, деревя́нный, волося́нка, склянка, сливянка, портянка, питья медянныя (у Кирши Дан.), Оловянка (мѣстность въ древн. Новгородѣ), Лубянка (въ Москвѣ). Бѣлор. сукня́ный, олова́нка, луба́нка. Малор. мі́дяный, гли́няный, ка́мяный, костя́ный, слива́ный, рутя́ный, соля́ный, соломя́ный, полотня́ный, румя́ный, румя́нець, масляни́й, водяни́й, портяни́й, водяни́к, масля́нка, ледя́нка, ка́мянка, мідя́нка, прося́нница, волося́нница, склянну (Иги. зъ Никл. 17).

Примѣчаніе. Написанія, какъ камѣнаѧ Чуд. пс., мѣдѣнѣ двѣ капищи Лавр., и т. д., заимствованы изъ старослав. оригиналовъ; ѣ и въ подобныхъ словахъ въ русскомъ церковномъ произношеніи передавалось черезъ е: такъ объясняются: городъ каменъ Ипат. 77в, церкѣвь камену ib. 109в, рамено Радзив. 121 об., багренаѧ Христин. ап. 38. Что до руменый Лемк., то оно фонетически изъ румяный (Arch. XIV, 608). Звуковой аналогіей объясняется. а мнѣ жаль румѣпаю Обоян. (Машк. А. Г. О. XIX, 33); также отсюда алыми румѣпами (ib.); румѣный ср. зелёный.

§ 200. Въ суффиксѣ -ап-, -аnin- вмѣсто общеслав. -ân-, -ânin- видимъ а, напр. въ древнихъ памятникахъ, какъ Сб. 1073: кѫпьтѧне; Сент. минея 1095: пінеуитѧнъ; Ефр. кормч.: самарѧне, агарѧне (С. Обнорск. 54); Христин. ап. XII в.: ефесѧнина 52, понтѧнина 42, дерванинъ 47; Чуд. пс. XI в. вавулонѧне, македонѧнъ, палестинѧны; Мстислав. ев. израильтѧнинъ: Гр. 1189-99 (ок. 1263): гтѧномъ. Въ болѣе позднихъ памятникахъ: египтяне Ипат. 104б, пиневыгитяны изд. 511; пирѧномъ Поуч. Ефр. Сир. 1377. 103б, перфяни Сб. Рум. муз. 1584 № 358, 183 об. Совр. островитяне, Псковитянка, Смольняне, дворяне, Египтяне. Сюда же относится полоняникъ, ср. полонѧникы Ипат. 12а, вм. полонешикъ, подъ вліяніемъ *полоняне.

Примѣчаніе 1. Написанія, какъ кгупьтѣнемъ Сб. 1073, пиневгитѣне XIII Сл. Гр. Б., островѣнѣхъ въ одномъ изъ сп. Амартола, перьсѣнѣни, мелетинѣнина Син. пат. XII в., аравѣне, островѣне, сурѣне, егуптѣне, измаилитѣне, моавитѣне Чуд. пс. XI в., илитѣнинъ Христин. ап. 128. излитѣнинъ Мстисл. ев., и т. п., заимствованы изъ старослав. оригиналовъ; передачу въ церковномъ произношеніи ѣ черезъ е находимъ, напр. въ случаяхъ, какъ издраилитены Ефр. кормч., пиневитены Хлѣбн., египтенина Радзив. 53.

Примѣчаніе 2. Только въ имени словѣнинъ, словѣне сохранялось ѣ въ общеслав. праязыкѣ, какъ видно и изъ словенск.: slovénac, slovénski, хорватск. slovinec, slovinski (у икавцевъ XVI в.), словацк. slovenka, slovenský. Это ѣ перешло и въ русск. языкъ, какъ заключаемъ изъ написаній: словѣнинъ Христин. ап. (Колосаямъ III, 11), словѣниноу Вопр. Кир. 33, Словѣнескъ (назв. города) Комм. сп. 448, Словѣньскоѥ озера Гр. 1395 (А. Кал. I № 53). Въ словенинъ Русск. Пр. по сп. 1282 е замѣнило ѣ вслѣдствіе общаго перехода ѣ въ е. Произношеніе Словяне, Славяне новое и книжное; оно явилось частью подъ вліяніемъ именъ народностей на -ан-, -анин-, а частью, быть можетъ, подъ вліяніемъ польск. słowianie.

§ 201. Въ имперфектѣ -а́а-, откуда -а́-, восходитъ къ общеслав. -āа-. Примѣры. Остр. ев.: бѣахѫ, живѣаше 9с, идѣаше 4с, имѣаше 23b. хотѣахѫ: Сб. 1073: довълѣаше, богатѣаше, имѣаше, ѣдѣахоу и др.: Сб. 1076: бѣаше; Ноябр. минея 1097: търпѣаше: XIII Сл. Гр. Бог. XI в.: велѣаше, вѣдѣаше, бѣаше, видѣахоу; Путят. минея XI в.: имѣаше: Евг. псалт. XI в.: имѣшете, ядѣаше, разоумѣахѫ: Мстисл. ев.: идѣаше: Юрьевск. ев.: живѣаше: Отр. изъ житія Ѳеклы XI в.: живѣше, идѣхѫ; Син. пат. XII в.: сѣдѣаше, хотѣаше, имѣаше, сѣдѣаше, идѣаше, владѣаше: Добр. ев.: бѣхъ, идѣста; Христин. ап.: живѣахъ 121, пловѣхомъ 65, сѣдѣаше 63, хотѣхоу 63, баховѣ 38: Чуд. пс. XI в.: зьрѣаше, живѣахъ: Панг. ев. 1317: смѣше. 127г.. и т. д. Въ оригинальныхъ русскихъ памятникахъ подобныя формы употребляются почти исключительно: Ж. Ѳеод.: боудѣше, имѣхоути и. сѣдѣше: Ж. Б. и Гл. по сп. XII в.: бѣше. хотѣше, мышѣхоу.

Примѣчаніе. Формы, какъ имѣху Лавр., совершенно единичны и едва ли не искусственны; формы, какъ имѣше Ж. Б. и Гл., имѣше, изумѣше Лавр., имѣхомъ послѣсл. писца въ Панд. Ник. Черногорца 1294 г., представляются новообразованіями подъ вліяніемъ основы наст. времени.

§ 202. Слово prāmo перешло въ общер. въ pŕamo. Примѣры. Сент. мин. 1095: прамо (изд. Ягича, 120, 121 и др.), Мстисл. ев.: прамо, Сб. 1073: прамь, Христин. ап.: прамо 48, Ефр. кормч.: прамо. Совр. великор. прямо́й, пря́мо, упря́мый; малор. пря́мий, пря́мо, прями́ти, прямува́ти. Слово sāmo перешло въ śamo, ср. великор. сям.

Примѣчаніе. Написанія, какъ прѣмо, прѣмь Чуд. пс. XI в., 141а, 110а, и т. д., восходятъ къ старослав. оригиналу. Рядомъ съ sāmo удерживалось и sēmo: древнерусск. сѣмо, малор. сім, чешскослов. sem, словенское sémo и sèm, хорв. sim. Не исключена возможность объяснить русское сям вліяніемъ там; ср. сяк подъ вліяніемъ так; ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ, вм. сихъ. Что до вьсямо, вьсякъ, то эти формы восходятъ къ общеслав. vьśamo, vьśakъ, ср. польск. wszak.

Измѣненіе гласныхъ o, ŭ, ь въ o, u, ъ.

§ 203. Мы видѣли выше, что въ общеслав. праязыкѣ ŏ замѣняло e въ положеніи за j и смягченными согласными передъ слѣдующею твердой согласной и въ концѣ слова, что въ тѣхъ же условіяхъ измѣнилось ь въ ĭ, т. е. лабіализованное ь, и наконецъ, что u звучало какъ ŭ вообще за j и смягченными согласными. Въ общерусскомъ праязыкѣ всѣ три звука, еще до перехода полумягкихъ согласныхъ въ мягкія, измѣнились въ звуки ŏ,

u, ъ, т. е. лабіализованные звуки средняго ряда, промежуточные между гласными задняго и передняго ряда: ъ, какъ мы видѣли, былъ въ общерусск. праязыкѣ звукомъ средняго ряда лабіализованнымъ. Такъ общеслав. ž̊ona, kъnę̊ži mьš̊ьkъ. ľubъmъ. otьc̊i перешли въ ž̊ona, kъń̊aži, mьš̊ъkъ, ľubъmъ, otьc̊i.

Привожу доказательства. Ниже увидимъ, что въ общер. праязыкѣ е послѣ мягкихъ согласныхъ (изъ общеслав. полумягкихъ) перешло въ положеніи передъ твердой согласной въ o: общер. ńosu, śolo, śostra; съ теченіемъ времени отсюда въ малорусскомъ nesu, sestra, seło (или точнѣе nesu, sestra, seło съ ė средняго ряда); между тѣмъ, рядомъ въ малорусскомъ: žona, čolo, šč̊oka; отсюда видно, что если малор. nesu возводить къ ńosu (а это необходимо въ виду общемалор. ńuós: несъ), то žona нельзя возвести къ ž̊ona, т. е. къ тому виду, какой это слово имѣло еще въ общеслав. праязыкѣ; поэтому признаю общерусскою форму не žona, а ž̊ona. Останавливаюсь именно на ž̊ona, не допуская для общерусскаго праязыка žona; хотя въ малорусскомъ найдемъ жона, чоло, пшоно, въ сѣверновеликор. жона, пшоно, южновеликор. жонка, пшонный, чолка, тѣмъ не менѣе препятствіемъ для признанія общерусскимъ произношенія съ o служитъ то обстоятельство, что древнерусскіе памятники пишутъ въ подобныхъ случаяхъ систематически e, а не o (жена, чело), слѣдовательно, за смягченными согласными въ древнерусскомъ слышалось не o, а другой звукъ. Правда, написанія съ e можно было бы объяснить церковнославянскою традиціей, но думаю, что живой русскій звукъ (если бы это было o) рано проявился бы на письмѣ; между тѣмъ въ памятникахъ XI—XII в. написанія чо, жо, шо почти неизвѣстны; позже, съ XIII в., эти написанія начинаютъ появляться только въ нѣкоторыхъ областяхъ, а именно въ западной Руси, гдѣ, повидимому, дальнѣйшій переходъ ǫ̊ въ o произошелъ раньше, чѣмъ въ другихъ говорахъ.

Примѣчаніе. Въ памятникахъ XI в. o вмѣсто e послѣ послѣ шипящихъ встрѣчается только въ видѣ описокъ: чоловѣка Сб. 1073, 179д; нюжо Сент. минея 1095, боудоущохъ ib. — Изъ памятниковъ XII в. отмѣчу единичные случаи: тожо Гал. ев. 1144, 104а, пославшомоу ib.; ковьчогъ Ев. Единов. мон. XI—XII в., жьрьцомъ ib., оуражонъ Жит. Саввы XII в., вълѣзоущомъ ib., имоущомоу Христинон. ап. 85, творящомоу 113, меньшомоу 125, свѣдѣтельствоующомоу 32. Часты такія написанія въ Словѣ Иппол. объ Ант. XII в.: блажонъ, дьржащомъ, раздѣливъшомъсѧ, хытрьцомъ, и др. Замѣчу, что o въ грамматическихъ окончаніяхъ могло вызываться на мѣстѣ ǫ̊ вліяніемъ основъ на твердую согласную; исключивъ поэтому o на мѣстѣ e въ грам-

матическихъ окончаніяхъ, найдемъ, что написанія съ о вмѣсто е въ памятникахъ XII в. чрезвычайно рѣдки.

§ 204. Сходныя разсужденія приводятъ къ необходимости предположить переходъ ь въ ъ въ общер. праязыкѣ. Въ общер. праязыкѣ вмѣсто рьсѣ, какъ увидимъ, явилось рѣсѣ: рѣсѣ перешло въ малор. въ pès; слѣдовательно, малор. мішок нельзя возвести къ тѣ̑сьькѣ (которое дало бы мішек), а надо допустить промежуточную форму тѣ̑съкѣ. Правда, въ русскихъ памятникахъ написанія шъ. жъ, чъ, щъ совсѣмъ неизвѣстны, но это зависѣло, думаю, отъ того, что съ представленіемъ о буквѣ ъ тѣсно сочеталось представленіе о предшествующей ей твердой согласной, почему постановка буквы ъ за буквой, означающей мягкую согласную, была недопустима.

§ 205. О переходѣ и въ и въ общерусскомъ праязыкѣ заключаю по аналогіи съ допущеннымъ на основаніи изложенныхъ выше соображеній переходомъ о въ о и ь въ ъ. Что сочетанія ši, ži, či, ći древнерусскій языкъ не измѣнилъ въ ši, ži, či, ći, видно изъ упорнаго правописанія шю, жю, чю. цю рядомъ съ ша, жа, ча, ца въ памятникахъ даже XIV и XV в.; очевидно, буквой ю обозначалась не мягкость согласной (остававшаяся невыраженною въ написаніяхъ жа, ша, ча, ца), а особый звукъ, отличный отъ звука, изображавшагося буквой у (оу).

Измѣненіе звука ѯ въ ź.

§ 206. Соображенія, изложенныя въ § 71 прим., не позволяютъ признать измѣненіе ѯ (изъ g передъ новой гласной передняго ряда, замѣнившей исконный дифтонгъ oi, а также послѣ глас. пер. ряда) въ ź діалектическимъ явленіемъ общеслав. праязыка. Дѣйствительно, такая замѣна могла произойти на почвѣ уже обособленныхъ славянскихъ нарѣчій. Сохраненіе ѯ всѣмъ вообще составомъ общеслав. праязыка особенно вѣроятно въ виду того, что gu передъ дифтонгомъ ѣ, уже послѣ распаденія общаго языка, въ южной и восточной его вѣтви, перешло въ ѯv, а не źv, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ діалектическія данныя малор. языка. Наконецъ, сохраненіе ѯ въ общерусскомъ доказывается малорусскимъ ɣ, получившимъ, впрочемъ, діалектически, такъ сказать, неорганическое, распространеніе насчетъ звука z. Все это побуждаетъ меня признать переходъ ѯ въ ź явленіемъ общер. праязыка, не получившимъ полнаго осуществленія въ нѣкоторыхъ, какъ кажется, югозападныхъ діалектахъ, гдѣ именно удержалось ѯ, повидимому, только въ началѣ слова. Итакъ общеслав. lьѯa, noѯѣ, lęѯi, boѯı и т. д. перешли въ lьźa, noźѣ, laźi, boźi. Ср. великор. пользя, по̂зю Радзив 87 об., нельзя; бѣлор. назѣ; малор. нозі, лязьте Нѣж. (Малишинъ, 57), лязьте Ипат.

22б. Равнымъ образомъ южно-восточное слав. ʒvězda перешло въ zvězda: велнкор. звезда, малор. звізда.

Примѣчаніе. Указаніе на діалектическое сохраненіе ʒ въ началѣ слова извлекаемъ изъ малорускаго; здѣсь, какъ мы видѣли въ § 185, діалектически сохранилось ʒvizda. Чередованіе ʒvizda и zvizda, а также, можетъ быть *ʒiło и *zilo повело за собой появленіе ʒ вмѣсто z въ началѣ слова, напр. въ случаяхъ, какъ дзвинитъ (Игн. зъ Никл. 54), дзво́ныкъ (Кв. I, 168), дзвиныцю (Кв. I, 9), задзвонили (Шевч.), padzwaniu Волков. (Feder. I, 68), dzwiryna Бойк.-Стр. (Zb. X, 23), дзвер Харьк. (Р. Ф. В. 1882 № 1), dzołotyj czownyk (Pokucie Kolberga I, 107), dzołoto (ib. 101), dzełene wyno (ib. 105), dzełenyj Бойк.-Стр. (Zb. X, 6), dzelizo (ib. 23), дзеркáла (Кв. II, 72), и мн. др.—Неясно малор. Ольдзя, уменьш. отъ Ольга.—Не исключена возможность и иного объясненія ʒ вм. z въ началѣ словъ. По аналогіи съ сочетаніемъ ź ʒ́ можно думать, что и ź ʒ́ сохранялось въ общер.; слѣдовательно, напр. iź ʒ́vězdy: отсюда извлекалось ʒ́vězda, передававшее свое ʒ́ и въ другія слова вмѣсто z.

Измѣненіе ć и ʒ́ долгихъ въ č и ʒ.

§ 207. Общеслав. ć долгое или ćć явилось въ результатѣ измѣненія группы tj, а также группы kt передъ гласной передняго ряда (см. § 67). Въ общер. праязыкѣ ć долгое упростилось и перешло въ č. Такъ общеслав. ććüdь, (изъ tjuda, готскаго слова, означавшаго «народъ»), хоććǫ, реććóга, поććь измѣнились въ čudь, хоču, рéčóга, поčь. Примѣры изъ древнѣйшихъ памятниковъ: посѣчи XIII Сл. Г. Б., чоуждего Сб. 1073, 51b, клевечѫща ib. 27d, трепечоушта ib. 54a, възлечи Арх. ев. 5a, мечемъ ib. 7b, хочю ib. 22a, скрьжьчеть Юрьевск. ев. 160c, хочю Добр. ев. 54d, вачши ib. 122b, аче Сб. 1076, обьче ib., клокочющю Минея XI в. № 221, 55b, хочю Ж. Б. и Гл. XII в., почьтоуче ib., клевечють Усп. Минея XII в. № 175(18) въ Ж. Ав., порѣпъчи ib. 273, 2, дъчи, дъчѣрь Ев. XIII в. № 6, 114b, речі Христин. ап. 52, стеречи ib. 57, ночь Ефр. Кормч. (С. Обнорск. 62), хочеть, чюжь, клевечющю, бѣдьнѣюче, дъчере, сестричича ib., и т. д. Изъ позднѣйшихъ памятниковъ укажемъ: вѣдоуче Новг. 1-я, 151a; спатъ ложачеса Переясл. сп. Поуч. Ефр. Спр. 200a, закладаюче Русск. Пр. 1282, 53, оусрачеть ib. 57, варяче Хожд. Дан. (Венев. 8), ѿ ссоучиꙗ мт̄ри Палея 1477 (Каринск.), печерка Лавр. подъ 1051.—Изъ совр. языка: великор. горячій, падучій, идучи, встрѣча, мачеха, отвѣчать, короче, круче, обл. обочь,

овочь; бѣлор. stajačy. vedučy, ńasučy Лидск. (Weryha, 39. 36): малор. ніч, хочу, дочка, и т. д.

Примѣчаніе. Аналогично этому измѣненію позднѣйшее измѣненіе ść̀ść̀ въ ć̀: dèšść̀anъ перешло въ tšć̀an, ść̀an и ć̀an (чанъ). Ср. ниже, § 437.

§ 208. Общеславянское ʒ̑ долгое или ʒ̑ʒ̑ восходитъ къ первоначальному сочетанію dj (см. § 68). Въ общерусскомъ праязыкѣ ʒ̑ʒ̑ перешло непосредственно въ ʒ̑. Такъ можно думать на основаніи нѣкоторыхъ русскихъ говоровъ, представляющихъ ʒ̑ на мѣстѣ исконнаго dj въ такихъ случаяхъ, гдѣ не можетъ быть рѣчи о новомъ происхожденіи такого сочетанія: эти говоры находимъ какъ въ Угорской Руси, такъ и въ Галиціи. Въ угрорусскомъ можно указать: саджа, одежа, пряджа, меджи и меджі, чюджий, рыджик (Верхр., Знад. II, 42 43); галицк: ідж, іч Старомѣстск. пов. (Гнатюк, Етн. зб. VI, 21, 134), но́меджи (ib. 23), вуджий «поводырь» Бучацк. (ib. VI, 92), саджавка (Казки Игн. зъ Никл. 63), ѣчь 2 пов. (ib. 29), зъѣджъ (ib. 71), повѣджь (ib. 89), повѣджъ (ib. 69), повѣджте (ib. 45), передже (ib. 58, 76, 89). Въ пинскихъ говорахъ находимъ также zjidż (Zb. wiad. XIII, 202). Единично и весьма любопытно: на купца походжъ Черик. (Ро. VI, 309). Слѣды такого ʒ̑ можно найти и въ памятникахъ, ср. произношеніе dorogyobuʒ̑, на которое указываютъ написанія дорогобѹчь въ Комм. сп. Новг. 1-й (изд., 447) и въ Новор. Новг. 4-й, 2б; ср. также мечпо́йк (Меджибожье) въ Ипат., 126б.

§ 209. Большинство говоровъ общерусскаго праязыка измѣнило ʒ̑ въ ź. При этомъ въ однихъ говорахъ такое измѣненіе было проведено безъ всякихъ ограниченій, а въ другихъ ʒ̑ удерживалось въ такихъ грамматическихъ формахъ (а именно глагольныхъ категоріяхъ), гдѣ оно находилось въ чередованіи со звукомъ d,—удерживалось подъ вліяніемъ этого чередованія (ср. въ соотвѣтствующихъ образованіяхъ ć при t). Въ говорахъ, легшихъ въ основаніе великорусскаго нарѣчія, такое архаическое ʒ̑ неизвѣстно; напротивъ, оно распространено въ говорахъ, лежащихъ въ основаніи малор. и и бѣлор. нарѣчій. Мы находимъ его въ угрор. говорахъ съ неподвижныхъ удареніемъ: сьіджу, віджу, родженый (Верхр. Знад. II, 43), между тѣмъ какъ говоры со свободнымъ удареніемъ имѣютъ ж: ви́жю, ла́жю, сажёный, ме́жу (т. е. підправлюю медом, Верхр. Знад. I, 34). Сильно распространено такое дж въ Галиціи: виджу, ѣджена, засмерджеиый (Казки Игн. зъ Никл. 16, 27, 42), си́джу Бучацк. (Етн. Зб. VI, 25), hladżu Бойк.-Стрыйск. (Zbiór, X, 34). Оно извѣстно и на Украйнѣ: hladżu Новоград.-вол. (Zbiór, VII, 170), súdżenyj Винницк. (Zbiór, VI, 44), невгоцувати Кіевск. (Шейк. 34). Въ сѣверномалор.: пробуджяти Кобр. (Бычко-Машко, № 17), прохо-

джуся ib. Въ бѣлорусскомъ: доходжу Быхов. (Ро. III, 214), саджаць (ib. 217), роджань (ib. 93), виджу (ib. 168), награджу Рогач. (Ро. III, 177), засаджавать (ib. 184), приходжають (ib. 150), рагаѣù Лидск. (Weryha, 32), śaѣù (ib. 68), chadźù Сокол. (Zbiór, XVI, 231).

§ 210. Примѣры для русскаго ź изъ общеслав. ʒ́ʒ́ находимъ въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ. Такъ уже въ Остр. ев.: прихожѫ, просмражаѭть, прѣже (нѣсколько разъ), роженъıи, рожьство, щоужемь, въздежеши и т. д. (ч вм. шт въ Остр. ев. не встрѣчается); въ Сб. 1073: жажа 22b, прѣже (нѣск. разъ), рожениѥ 11c, стражеть 66c, тожьство 3 об. и мн. др.; въ XIII Сл. Гр. Б.: дажь 110б, вижь 350γ; въ Туровск. ев. XI в.: рожьства 3 об., и мн. др.; въ Чуд. пс. XI в.: рожьство, прѣже, въхожениѥ, брѣжахъ, и др. (Погорѣловъ, 37); въ Кирилл. части Реймск. ев.: рожьства, прѣже; въ Ефр. кормч.: надежи, ноужа, дажь (по С. П. Обнорскому 500 случаевъ) и т. д. Въ нѣкоторыхъ памятникахъ XII в. ж замѣняетъ церковнославянское жд уже систематически; такъ между прочимъ, повидимому, въ Христиноп. ап. XII в., въ Стихир. Ак. Н. XII в.; на первыхъ 160 листахъ Ефр. кормчей написанія съ жд встрѣчаются, по С. Обнорскому, только въ 28 случаяхъ. Это обстоятельсто объясняется тѣмъ, что русскому языку XI—XII в. сочетаніе źd было чуждо и едва ли для русскихъ удобопроизносимо (źd до паденія глухихъ, до измѣненія źъd въ źd, не было извѣстно въ своихъ словахъ); можно поэтому думать, что старослав. źd въ церковномъ произношеніи съ самаго начала замѣнялось черезъ ź — и это въ противоположность церковному шт, которое русскими произносилось ść, т. е. сочетаніемъ, свойственнымъ самому русскому языку.

Примѣчаніе. Совершенно особо стоитъ судьба ʒ́ въ положеніи за ź; сочетаніе ź ʒ́ удерживалось въ общер. праязыкѣ безъ измѣненія (ср. § 92 и 93). Въ говорахъ, сохранявшихъ ʒ́ (изъ общеслав. ʒ́ ʒ́), этотъ звукъ извлекался изъ сочетанія źʒ́ и подъ вліяніемъ звуковой аналогіи замѣнялъ начальное ź (изъ общеслав. ź). Такъ, вѣроятно, объясняется малор. джерелó (джерелóмъ Эн. 211): ʒerelo извлечено изъ сочетанія iźʒereѣa; джарити вм. жарити (Сл. Желех.); джурчúть (Основа 1862, янв. I, 11); dźgni Волков. (Feder. I, 59); крапивою джикгухою Козелецк. (Черниг. Г. В. 1855 № 17), и др. Изъ такихъ случаевъ дж передавалось и въ другіе: джонва вм. жовна, джолонка вм. жолонка (уменьш. отъ жовна).

Переходъ l въ ł.

§ 211. Общеслав. праязыкъ сохранялъ l въ неизмѣненномъ видѣ только передъ согласными, ибо передъ гласными задняго ряда l перешло въ l, а передъ гласными передняго ряда l измѣнилось въ l полумягкое (откуда, какъ увидимъ, въ общер. Ľ). Въ общерусскомъ праязыкѣ l измѣнилось въ l, независимо отъ положенія передъ слѣдующей твердой или мягкой согласной Такъ golsъ, golva, mъlviti, xъlmъ, žolbъ, šolmъ, čьlnъ, žьltъ (съ долгимъ l) перешли въ golsъ, golva, mъlviti, xъlmъ, žolbъ, šolmъ, žъltъ, čъlnъ (съ долгимъ ł): отсюда позже golosъ, golova, žolobъ, šołomъ, а еще позже въ отдѣльныхъ діалектахъ molvić, xołm, žołt, čołn. Еще разъ мнѣ придется вернуться къ этому явленію ниже, гдѣ я разсмотрю переходъ ьl, el въ ъł, oł.

Примѣчаніе 1. Звукъ l въ сочетаніяхъ ol, el, ъl, ьl ни при какихъ условіяхъ не измѣнялся въ Ľ. Произношеніе исполынь, хольстина, польти на Камчаткѣ (Обл. сл. 182), мольчать въ Нерч. (Обл. сл. 181) вызвано вліяніемъ той или иной инородческой среды. Если буквѣ ь въ написаніяхъ вольна Часосл. XIV в. (Собол. Оч. 76), тольцѣте, вольпами Лук. ев. 1409, мольвлю, мольвять Ипат. и т. п. придавать значеніе знака мягкости, то легко признать въ этихъ написаніяхъ попытку передать искусственное церковнослав. произношеніе съ l, вызванное въ книжныхъ людяхъ вліяніемъ южнославянскимъ, ибо въ южнослав. языкахъ, какъ извѣстно, ľ перешло въ l при всякомъ вообще положеніи. Ср. такую же попытку въ написаніяхъ церковныхъ словъ, какъ възалькася Погод. ев. XIII в. № 11, алькать, взальчетеся Лук. ев. 1409, альчють, альчюще Гал. ев. 1266-1301 (Собол. Оч.), альчбѣ Западнор. миней 1489 г.

Примѣчаніе 2. Наше скользкій восходитъ къ skъlьzъkъ, какъ было указано А. И. Соболевскимъ; ср. параллельную форму склизкій изъ skъlizъkъ.

Примѣчаніе 3. Въ сочетаніяхъ el послѣ смягченной согласной передъ слогомъ съ гласной передняго ряда l также перешло въ ľ: общеслав. čelnъ, želbitì измѣнились въ čeľnъ, želbitì. Ср. § 221.

Переходъ полумягкихъ согласныхъ въ мягкія.

§ 212. Въ общеслав. праязыкѣ, какъ мы видѣли, согласныя несмягченныя произносились полумягко передъ слѣдующими за ними гласными передняго

ряда: і, е, ь, ę, ѣ, ā; полумягкость была вызвана ассимилирующимъ вліяніемъ этихъ гласныхъ. Въ общерусскомъ праязыкѣ произошелъ общій переходъ полумягкихъ согласныхъ въ мягкія. Возможно, что такой переходъ начался въ положеніи передъ гласными і и ѣ (іе) въ силу еще бо́льшаго приближенія къ нимъ предшествующихъ согласныхъ: p̀i, t̀i, ǹi, l̀ѣ и т. д. перешли въ ṕi, t́i, ń, ĺѣ: это вызвало переходъ полумягкихъ согласныхъ въ мягкія также и въ другомъ положеніи, т. е. передъ гласными средняго (е, ь, ę) и нижняго образованія (ā). Какъ увидимъ ниже, эти послѣднія гласныя, въ противоположность гласнымъ верхняго образованія, подверглись значительнымъ измѣненіямъ, въ связи съ перемѣной въ артикуляціи предшествующихъ согласныхъ: ę перешло въ ą и a (ср. выше § 191), ā въ a (ср. § 198), е и ь (при другомъ сопутствующемъ условіи) въ ö и ь. Эти измѣненія доказываютъ фактъ перехода полумягкихъ согласныхъ въ мягкія. Но кромѣ того онъ подтверждается совокупнымъ свидѣтельствомъ всѣхъ русскихъ нарѣчій. Разсмотрю эти свидѣтельства.

Мягкость согласныхъ передъ замѣстителями дифтонга ѣ находимъ во всѣхъ русскихъ языкахъ: великор. и бѣлор. ƀeło (ƀiĺá, ƀaĺá), śeno (śeno), малор. ḱło, śino (отвердѣніе губныхъ и r передъ і въ малор. принадлежитъ къ позднѣйшимъ явленіямъ). Равнымъ образомъ мягки согласныя передъ a изъ ę во всѣхъ русскихъ языкахъ: великор., малор. и бѣлор. śadu, ź́aṫ, ṫanut (ṫanut) 3 л. мн.; великор. и малор. poŕadok (páŕadak); отмѣчу при этомъ появленіе j(i̯) въ малор. послѣ отвердѣвшей губной, при чемъ произношеніе mi̯aso, pi̯aṫ ведетъ несомнѣнно къ ḿaso, ṕaṫ. Далѣе видимъ мягкую согласную передъ a изъ ā въ случаяхъ, какъ kośt́anyi̯ (kośt́ani̯, kaśt́éni̯), por-t́ank, ołóvanyi̯ (ołóvani̯) и т. п., при чемъ малор. sołómjanyi̯ ведетъ къ sołóḿanyi̯. Мягки согласныя также передъ выпавшимъ ранѣе ь, напр., въ концѣ слова: южновеликор. и бѣлор. nóśiṫ (ńośić), малор. nosiṫ, сѣверновеликор. діалект. ńosúṫ, бѣлор. ńasuć, южновеликор. ńasuṫ (ńisuṫ); отвердѣніе конечнаго t въ окончаніи 3 ед. и мн. надо отнести къ позднѣйшимъ явленіямъ (сѣверноруссскимъ, сѣверномалорусскимъ и галицкимъ); устойчивѣе мягкость согласной въ формахъ именъ существительныхъ, гдѣ возможно допустить отчасти и вліяніе со стороны формъ, имѣвшихъ за мягкой согласной гласную: великор., молор., бѣлор. puṫ (puć), kośt (kiśt́, kość); отвердѣніе конечныхъ губныхъ явленіе позднѣйшее; въ серединѣ слова отмѣчу, напр., великор., малор. и бѣлор. ṫma (ć́ma), великор. діалект. końskoi̯, малор. kińskýi̯, великор. toĺko, малор. tiĺko (діалектически извѣстно и tilko).

Всѣ русскія нарѣчія свидѣтельствуютъ о мягкости согласной также передъ общерусскимъ ö изъ e: это ö въ великор. и бѣлор. перешло въ o, а

въ малор. (когда оно было долго) въ uó, откуда далѣе ü, i, ср. великор. и бѣлор. ńos, ńot (медъ), ťotka, сѣверномалор. ńuos, ťuotka, mjuod, укр. ńis, ťitka. Равнымъ образомъ можно указать на рядъ случаевъ, гдѣ всѣ русскія нарѣчія представляютъ мягкую согласную передъ o изъ ь: великор., бѣлор. и малор. ľon, великор. ťomnoj, бѣлор. ćomnyj, малор. діалект. ťomnyj.

Примѣчаніе 1. Въ противоположность другимъ русскимъ языкамъ малорусскій представляетъ твердыя согласныя передъ исконными i и e, напр. sіła, nebo, но здѣсь имѣло мѣсто позднѣйшее отвердѣніе, какъ это видно, во-первыхъ, изъ того обстоятельства, что уже въ общеслав. праязыкѣ передъ гласными передняго ряда, въ частности передъ i и e, развивалась полумягкость: во-вторыхъ, изъ того, что не только полумягкость, но именно мягкость свидѣтельствуется малор. языкомъ въ положеніи передъ остальными исконно передними гласными (а изъ ę, ı изъ ѣ, і изъ o долгаго, o изъ ь), а также передъ исчезнувшимъ ь (см. выше); въ-третьихъ, изъ того, что самые гласные звуки i и e (діалектически y и e) не первоначальны, ибо славянскіе языки свидѣтельствуютъ, что напр. въ словахъ siła и sуn въ первомъ слогѣ были исконно двѣ разныя гласныя, между тѣмъ какъ въ малор. находимъ здѣсь одну гласную (siła и sin, діалект. syła и syn). Невѣроятно заключить изъ показаній малор. языка, чтобы согласныя передъ i и e оставались въ общер. праязыкѣ полумягкими (каковыми они были въ общеслав. праязыкѣ); такое заключеніе основывалось бы единственно на предположеніи, что полумягкость можетъ утратиться легче, чѣмъ полная мягкость, тѣмъ болѣе что мягкія согласныя въ малор. вообще не отвердѣваютъ. Между тѣмъ имѣемъ ясное указаніе на отвердѣніе въ малорусскомъ и исконной (общеславянской) мягкости: общеславянскимъ ńiva, kъńiga, otъ ńixъ, kъ ńemu, poľe и т. п. здѣсь соотвѣтствуютъ niva, kniha, vid nїx, k nėmu, polė (діалект. nyva, poľė). Слѣдовательно, передъ нами позднѣйшее, спеціально малорусское отвердѣніе согласныхъ и связанный съ нимъ переходъ гласныхъ передняго ряда i, e, ö въ гласныя средняго ряда ї, ė. Въ пользу того, что s, напр., въ śeľo, было мягко въ малор., говоритъ и то обстоятельство, что s мягко, напр. въ śiľśkyj: і здѣсь изъ ie, которое изъ ê долгаго въ положеніи послѣ мягкой согласной. Отмѣчу еще произношеніе съ мягкими согласными передъ і въ совр. говорѣ Лемковъ: roбiťi, бiťi, kośiťi, dvigaťi, moľiťiśa, ńiųyj, gťiva, pšeńica, xodiťi (Werchratskij въ Arch. XIV, 597—598; Ogonowski, Studien, 38, 145). Объяснить такое і вмѣсто малор. у вліяніемъ польскаго языка нельзя уже потому, что такое вліяніе неиз-

бѣлно повело бы къ появленію і вообще на мѣстѣ звука у, а потому распространилось бы и на у изъ древняго у, чего наблюдатели не указываютъ Приходится думать, что въ этой чертѣ говора Лемковъ мы имѣемъ дѣло съ глубокимъ архаизмомъ.

Примѣчаніе 2. Отвердѣніе согласныхъ, находимъ и въ нѣкоторыхъ великор. говорахъ. Оставляю въ сторонѣ жиздринскіе говоры; о которыхъ см. въ описаніяхъ Е. Ѳ. Будде, Н. Н. Дурново и моемъ: такъ или иначе здѣсь возможно предполагать вліяніе малор. нарѣчія. Имѣю въ виду такіе говоры, какъ окающій говоръ южной части Судогодскаго уѣзда, гдѣ по крайней мѣрѣ подъ удареніемъ замѣчается отвердѣніе согласной передъ е: пэч, тэсть, молодэц, отэц; также акающіе говоры восточной части Егорьевскаго уѣзда, гдѣ подобное же отвердѣніе, иногда неполное, замѣчается, какъ черта вымирающая. Думаю, что мы должны принимать здѣсь приспособленіе согласной звуку е: результатомъ его являлась меньшее, чѣмъ передъ і, приближеніе языка къ твердому небу; мягкость замѣнялась полумягкостью, которая могла и совсѣмъ утрачиваться. О. Брокъ въ своемъ изслѣдованіи о Тотемскомъ говорѣ (стр. 75 и сл.) доказывалъ, что здѣсь губныя, а также, повидимому, r, l имѣютъ двѣ степени палатализаціи: передъ і и передъ ê (е узкимъ изъ ударяемаго ѣ) находимъ высшую степень мягкости, между тѣмъ передъ е, а, о замѣчается меньшая степень мягкости; слоги pi, mi, pê произносятся какъ p^{i}i, m^{i}i, p^{i}ê, между тѣмъ какъ слоги pe, me произносятся p^{e}e, m^{e}e; ср. также p^{e}a, m^{e}a, p^{e}o, m^{e}o. Думаю, что и здѣсь имѣетъ мѣсто явленіе позднѣйшее: произношеніе согласной уподобилось непосредственно слѣдующей за ней гласной, вслѣдствіе чего сохранилось p^{i}i, но p^{i}e перешло въ p^{e}e. — Изъ данныхъ, приводимыхъ Л. Л. Васильевымъ въ статьѣ о произношеніи ѣ въ моск. нарѣчіи, нельзя сдѣлать заключенія о томъ, что передъ е согласныя произносились въ древнемъ моск. нарѣчіи тверже, чѣмъ передъ замѣстителемъ стараго ѣ; написанія какъ mɛlko, wmɛste, sowsɛm, prigorɛło, otwɛsit при terti, czerɛen, ɛehkii въ любопытной записи XVII в., имъ напечатанной, свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что замѣститель стараго ѣ подъ удареніемъ продолжалъ звучать здѣсь, какъ дифтонгъ іе (ie) или какъ узкое ê или, наконецъ, какъ i$^{•}$; ср. подобныя же отношенія въ нѣкоторыхъ современныхъ южновелик. говорахъ, напр. въ земляномъ и задонскомъ, гдѣ ѣ подъ удареніемъ звучитъ какъ іе, въ рязанскомъ, описанномъ Тошшнымъ (Р. Ф. В. 1912 г.), въ егорьевскомъ,

описанномъ мною (Изв. 1913. кн. 4-я), гдѣ ѣ подъ удареніемъ звучитъ какъ звукъ средній между і и е.

§ 213. Одновременно съ переходомъ полумягкихъ согласныхъ въ мягкія передъ гласными произошелъ такой же переходъ полумягкаго r въ мягкое r въ дифтонгическихъ сочетаніяхъ eй, ьй (см. выше, §§ 83, 112); слѣдовательно, eй, ьй перешли въ eŕ, ьŕ. Впрочемъ, этотъ переходъ не имѣлъ мѣста передъ твердой зубной (точнѣе передъ лабіализованной): можно думать, что й въ такомъ положеніи успѣло отвердѣть (лабіализоваться) до дѣйствія или одновременно съ дѣйствіемъ разсматриваемаго закона; слѣдовательно, вмѣсто ѣeйza, żьйno явились ѣerza. źьrno (отсюда ѣörza. źьrno). Переходъ й въ ŕ въ сочетаніяхъ eг, ьг имѣлъ такимъ образомъ мѣсто въ положеніи передъ мягкими зубными, мягкими и твердыми губными, а также передъ задненёбными согласными: ćeŕvo, ďeŕvo. ćeŕrъ, steŕglъ перешли въ общерусскомъ въ ćeŕvo, ďeŕvo, ćeŕrъ, steŕglъ (отсюда позже ćeŕevo, ďeŕevo, ćeŕerъ, śteŕeglъ); точно такъ же: vьŕba, śьŕrъ, vьŕxъ, żьŕkało, ćьŕti перешли въ vьŕba, śьŕrъ, vьŕxъ, źьŕkało, ćьŕti. О переходъ eŕ въ eŕ заключаю на основаніи перехода ьŕ въ ьŕ. Наличность же въ общер. праязыкѣ сочетанія ьŕ передъ указанными выше согласными доказывается какъ великорусскимъ языкомъ, такъ и угрорусскими говорами. Ср. южновеликор. и сѣверновеликор. верьба, верьх, серьи, церькофь, перьвой, стерьва, зерькало, черьпать, четверьк, терьпит, верьчен, черьти, перьсни, жерьть (жердь); въ литер. нарѣчіи сохранилось ŕ передъ мягкими согласными, но кромѣ того церькофь, четверьк, верьх. Въ угрорусскомъ отмѣчено: пе́рьвый, верьх, ме́рьва, серьця, тепе́рь изъ теперьво, верьхо́м, ве́рьба и вверьба́, четве́рь, четверьга́ (Верхр., Знад. I, 30), серьи, верьх, серьце, перьгач (летучая мышь) (Верхр., Знад. II, 39), vêŕba, vêŕx, na vêŕxu, sêŕp, čêŕpati, cêŕkôu̯, čêtvêŕ, têŕx, zêŕkalo, vêŕhau̯u (Брокъ, Угрор. нарѣчіе с. Убли).

Переходъ полулабіализованныхъ согласныхъ въ лабіализованныя.

§ 214. Въ общеслав. праязыкѣ, какъ мы видѣли, полулабіализованными были несмягченныя согласныя передъ гласными задняго ряда и гласными средняго ряда, происшедшими изъ гласныхъ задняго ряда. Въ общер. праязыкѣ въ отношеніи къ полулабіализованнымъ согласнымъ дѣйствовалъ тотъ же законъ, что въ отношеніи къ полупалатализованнымъ, т. е. здѣсь развивалась полная лабіализація, при чемъ между согласною и слѣдующею гласною появлялся въ изв. случаяхъ переходный звукъ—редуцированное и неслоговое. Это u̯ затѣмъ, быть можетъ, еще на почвѣ общерусскаго праязыка исчезало при отсутствіи благопріятныхъ условій; опредѣлить эти условія

трудно. Можно полагать, что лабіализація согласныхъ перешла и въ позднѣйшія эпохи при наличности слѣдующихъ условій: во-первыхъ, передъ слѣдующимъ о (а слѣдовательно, вѣроятно, также и передъ u), во-вторыхъ, передъ слѣдующимъ у (т. е. ы). Что касается положенія передъ ъ, то лабіализація согласныхъ исчезала передъ нимъ, причемъ измѣнялся за то самый звукъ ъ въ ъ лабіализованное (см. выше § 196). Сохранялась ли лабіализація согласныхъ также передъ а, мнѣ неясно, но наличность ея въ древнѣйшемъ періодѣ общер. праязыка можетъ быть, какъ увидимъ, доказана переходомъ е въ ö передъ слогомъ, состоящимъ изъ твердой согласной + а (см. § 218). Приведу основанія для признанія твердыхъ, непалатализованныхъ, согласныхъ въ общер. праязыкѣ лабіализованными передъ гласными непередняго ряда.

§ 215. Въ пользу лабіализаціи согласныхъ передъ о приведу слѣдующія два соображенія. Во-первыхъ, малорусскій языкъ представляетъ дифтонгъ uo на мѣстѣ ō, замѣнившаго о въ положеніи передъ слогомъ, утратившимъ ъ или ь (древнемалор. suoĭ, puop); дифтонгъ uo вѣроятно возвести непосредственно къ сочетанію ᵘo, подлежавшему удлиненію, а удлинилось оно вслѣдствіе выпаденія въ слѣдующемъ слогѣ ъ или ь; результатомъ удлиненія былъ переходъ сочетанія ᵘo въ u̯o, uo; общеслав. dᵒômъ (съ ô закрытымъ и полудолгимъ) перешло въ общер. праязыкѣ въ dᵘômъ, отсюда въ малорусскомъ duom. Во-вторыхъ, находимъ дифтонгизацію о въ u̯o и послѣдующую замѣну u̯o черезъ ô или ω (такъ обозначу средній звукъ между о и u) въ рядѣ великорусскихъ говоровъ. Какъ указано въ § 142 прим., явленіе это въ говорахъ болѣе архаичныхъ ограничивается положеніемъ подъ ударе-ніемъ, и при томъ подъ старымъ восходящимъ ударе-ніемъ—поэтому положеніемъ въ конечныхъ и серединныхъ слогахъ и только отчасти въ начальныхъ (ибо въ начальныхъ слогахъ могло стоять и нисх. ударе-ніе, которое не вліяло на дифтонгизацію о); такъ находимъ: kṵoža (kôža, kωža), vṵoĭa, pṵop, stṵoĭ, dvṵor, nṵośiš, głṵožeš, narṵod, narṵoda, zabṵota, sorṵoka, perṵo, davnṵo, (но рядомъ въ начальныхъ слогахъ находимъ: gość, doma, vodu, moŕe, goŁovu, storonu, и т. д.). Восходящее ударе-ніе по природѣ своей было экспираторнымъ и уже въ общеслав. праязыкѣ растягивало краткую гласную до полудолготы. Такимъ образомъ дифтонгъ u̯o въ изслѣдуемыхъ здѣсь случаяхъ явился въ результатѣ растяженія звука о. Вѣроятно думать, что растяженіе о въ u̯o доказываетъ наличность u̯ редуцированнаго въ положеніи между согласной и о. Такимъ образомъ, напримѣръ, общеслав. tᵒŏnetь перешло въ tᵘŏnetь и отсюда tṵonetь; также измѣнились narᵒŏda, perᵒŏ въ narᵘŏda, perᵘŏ и дальше въ narṵoda, perṵo.

Примѣчаніе 1. Весьма вѣроятно, что подобная же дифтонгизація

имѣла мѣсто въ бѣлорусскихъ говорахъ; безъ затрудненія можно бы указать на рядъ данныхъ, свидѣтельствующихъ объ этомъ (ср. Карскій, Бѣлоруссы, II, 126 и сл.), но пока вопросъ остается еще недостаточно выясненнымъ.

Примѣчаніе 2. Во многихъ с.-великорусскихъ говорахъ находимъ переходъ о въ и въ слогахъ неударяемыхъ; особенно часто — послѣ губныхъ и задненёбныхъ согласныхъ. напр. пудож. булото, петроз. скурія, мужавельникъ, пустеля, курман (Шахм.). Думаю, что это доказываетъ лабіализацію этихъ согласныхъ передъ о. Въ южновеликорусскихъ и сосѣднихъ съ ними бѣлорусскихъ говорахъ находимъ также переходъ неударяемаго о въ u: такъ въ смоленскихъ и елынинскихъ говорахъ онъ имѣетъ мѣсто между губными: елын. пувядуть, пубыла, пуваражу, пумынають, пупрасить, пупаламъ (Добров.), мосал. самувар, пупал, пуправили (Шахм.). Ясно, что u замѣнило непосредственно редуцированный звукъ α, и такая замѣна доказываетъ лабіализованность губныхъ передъ искошнымъ неудар. о.

§ 216. Въ пользу лабіализаціи согласныхъ передъ у (ы) приведены были уже нѣкоторыя соображенія въ предыдущемъ изложеніи. А именно. какъ указано въ § 111, есть всѣ основанія считать лабіализованными задненёбныя согласныя передъ у, ибо переходъ у въ і, имѣвшій мѣсто въ позднѣйшей жизни русскихъ и нѣкоторыхъ западнослав. языковъ, указываетъ на утрату такого свойства задненёбными согласными, которое раньше, въ эпоху какъ общерусскаго, такъ и общеславянскаго единства, препятствовало уподобленію ихъ слѣдующей гласной средняго ряда. Кромѣ того, какъ указано выше (§ 111), переходъ у въ и въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ. имѣющій мѣсто послѣ губныхъ, ясно свидѣтельствуетъ о лабіализаціи губныхъ. Ср.. наконецъ, отмѣченный въ § 7 прим. переходъ звука у (преимущественно послѣ губныхъ и задненёбныхъ) въ задній звукъ, близкій къ ô: онъ зависѣлъ несомнѣнно отъ вліянія на гласную у предшествующей лабіализованной согласной, очевидно, сохранявшейся таковою въ угрорусскихъ говорахъ. Возможно, что діалектическій бѣлорусскій переходъ vy въ vi указываетъ на то, что v передъ у было нѣкогда лабіализовано, при чемъ утрата его лабіализаціи повела за собой переходъ у сначала въ гласную болѣе переднюю, а потомъ и въ і. смягчившее предшествующее v.

§ 217. Лабіализація согласныхъ передъ ъ доказывается разсмотрѣннымъ выше, въ § 196, явленіемъ: вмѣсто нелабіализованнаго ъ общер. праязыкъ получилъ ъ лабіализованное, что доказывается переходомъ его въ о. Вѣроятно думать, что, повліявъ на лабіализацію слѣдующей гласной,

сами согласныя утратили ее, сохранивъ, быть можетъ, неполную лабіализованность.

Примѣчаніе. Въ говорахъ, развившихъ на мѣстѣ о дифтонгъ цо подъ удареніемъ, мы не находимъ цо въ соотвѣтствіи съ ъ: такъ напр. въ тотемскомъ говорѣ въ серединѣ слова и началѣ сохраняется о въ случаяхъ, какъ ćuĺók, moĺotók, р. мн. drof, okóško, tórćeš, dóĺe (О. Брокъ); равнымъ образомъ въ лѣкинскомъ говорѣ Егорьевскаго уѣзда: агонь, аглохниш, платок, девóцку, иголки, платком (Шахм.); также и въ другихъ говорахъ, указанныхъ въ § 142 пр. Едва ли однако это стоитъ въ связи съ отсутствіемъ лабіализаціи согласныхъ передъ о изъ ъ. Скорѣе это зависѣло отъ того, что ъ и его замѣститель о имѣли на себѣ удареніе ˋ, а не ´ (которое растягивало гласную до полудолготы). Исключенія, какъ слова тотемск. ĺubôf, krôt, morkôf, svókrôf, лѣкинск. крωт, объясняются тѣмъ, что это слова отчасти книжныя, отчасти—попавшія изъ другихъ нарѣчій. Еще разъ вернусь къ настоящему вопросу ниже, когда буду разсматривать переходъ общер. ъ въ о въ древнерусскихъ говорахъ (см. §§ 378 и сл.).

§ 218. Прямыхъ указаній на лабіализацію согласныхъ передъ а мы не имѣемъ. Но она доказывается, какъ для согласныхъ передъ а, такъ и вообще для согласныхъ передъ гласными задняго и средняго ряда тѣмъ, что предшествующій этимъ согласнымъ звукъ е измѣнился въ общерусскомъ праязыкѣ въ о: общер. ṕora, śoĺo, ṕoku на мѣстѣ общеслав. ṗera, śeło, ṗekǫ. См. объ этомъ явленіи ниже, въ §§ 222, 317.

Переходъ е и ь въ о и ъ передъ ĺ изъ l въ сочетаніяхъ el, ьl.

§ 219. Послѣдствіемъ указаннаго выше, въ § 211, перехода l въ ĺ въ сочетаніяхъ el, ьl явился переходъ звуковъ е, ь въ звуки о, ъ. Несомнѣнно передъ нами ассимиляціонный процессъ, состоявшій въ уподобленіи гласной слѣдующей согласной; ĺ отличалось отъ l своей лабіовеляризаціей; такимъ образомъ его природа требовала передъ собой гласной болѣе задней, чѣмъ е и чѣмъ ь, къ тому же лабіализованной, т. е. соединявшей типическія для ĺ особенности. Такимъ путемъ е перешло въ о, а ь въ ъ, который былъ въ то время уже лабіализованнымъ звукомъ. Передъ этими о и ъ согласныя полумягкія, предшествовавшія первоначальнымъ звукамъ е и ь въ сочетаніяхъ el, ьl, отвердѣли. Примѣры: общеслав. m̓elko, ṗelnъ, d̓elto, vьlkъ, ṗьlnъ перешли въ общер. moĺko, poĺnъ, doĺto, vъĺkъ, pъĺnъ; отсюда позже, еще въ общер.: moĺoko, poĺonъ, doĺoto, и уже въ отдѣльныхъ русскихъ нарѣчіяхъ: voĺk, poĺn.

§ 220. Сочетанія el, ьl еще въ общеслав. праязыкѣ перешли, въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ, въ ól, ъl, согласно указаннымъ въ §§ 12, 26, 111 законамъ. Переходъ l въ l въ этихъ сочетаніяхъ повелъ за собой измѣненіе о и ь въ болѣе задніе звуки: на мѣстѣ ó явилась гласная средняго ряда лабіализованная ó, на мѣстѣ ь — ъ. Дальнѣйшій переходъ ó въ о (ср. оĺ вм. el послѣ согласныхъ полумягкихъ) былъ задержанъ положеніемъ его за смягченною согласною. Примѣры: общеслав. ć̀ólnъ, ź̀olbъ, šólmъ, ć̀ьlnъ, ź̀ьltъ перешли въ общер. ć̀ółnъ, ź̀ółbъ, šólmъ, ć̀ъłnъ, ź̀ъłtъ: отсюда позже еще въ общер. ć̀ołonъ, ź̀ołobъ, šołomъ, и уже въ отдѣльныхъ русскихъ нарѣчіяхъ: ć̀ołn, ź̀ołt.

§ 221. Тѣ же сочетанія въ томъ же положеніи передъ слогомъ съ гласной передняго ряда не переходили въ общеслав. праязыкѣ въ ól, ьl, а сохранялись въ видѣ el, ьl. Сочетанія эти послѣ перехода l въ ł должны были измѣниться въ общер. языкѣ въ ół, ъł. Такимъ образомъ исконное различіе между сочетаніями какъ ć̀oln- и ć̀eln-, ź̀olb- и ź̀elb-, зависѣвшее въ общеслав. праязыкѣ отъ положенія передъ слогомъ съ гласной непередняго или передняго ряда, стерлось въ русскомъ языкѣ. Примѣры: общеслав. мѣстн. ед. ć̀elnѣ, ź̀elbѣ перешли въ общер. ć̀ełńѣ, ź̀ełbѣ, отсюда далѣе ć̀ółńѣ, ź̀ółbѣ, и позже ć̀ołońѣ, ź̀ołobѣ.

Примѣчаніе 1. Западнослав. dłu въ польск. długi, długi, чешск. dlouhý, dluh и т. п., какъ указано въ § 84 пр., не можетъ свидѣтельствовать объ общеслав. dъl (изъ dьl); переходъ l въ ł въ сочетаніи dlь (изъ dьl) былъ вызванъ вліяніемъ предшествующей зубной. Равнымъ образомъ чешск. žluna, žluva, žlutý восходятъ непосредственно къ žł- изъ žłъ-, замѣнившаго žlь, при чемъ l перешло въ ł подъ вліяніемъ ž; польское ź̀ółty непосредственно изъ ź̀łtyi.

Примѣчаніе 2. Форма измълъ въ Жит. Θеод. 36b вмѣсто ожидаемаго измьлъ (измоловъ) получила свое ъ въ сочетаніи ъł передъ согласной, напр. въ инфинитивѣ *mъłti.

Переходъ е, ь въ ö, ъ подъ вліяніемъ слѣдующей согласной.

§ 222. Въ § 113 были указаны условія, при которыхъ совершался переходъ е въ ö въ общеслав. праязыкѣ: онъ имѣлъ мѣсто за согласными смягченными въ положеніи не передъ слогомъ съ гласною передняго ряда; поэтому ź̀ǒna, dušö зв. ед., но ź̀enѣ. Общеслав. процессъ понимаю какъ результатъ диссимиляціи звука е предшествующей смягченной согласной, диссимиляціи задержавшейся положеніемъ передъ слогомъ съ другой гласной передняго ряда.

Совсѣмъ отличнымъ отъ общеславянскаго представляется процессъ измѣненія е въ о и ь въ ъ въ общерусскомъ праязыкѣ. Здѣсь этотъ переходъ оказывается въ тѣсной зависимости отъ слѣдующей согласной и не былъ извѣстенъ въ открытомъ конечномъ слогѣ. Ясное свидѣтельство всѣхъ русскихъ нарѣчій ограничиваетъ измѣненіе е въ о (которое непосредственно изъ ȍ) положеніемъ передъ твердой согласной. Согласно съ сдѣланнымъ въ § 214 выводомъ твердыя согласныя въ общерусскомъ праязыкѣ были лабіализованными. Поэтому переходъ е въ ȍ, ь въ ъ̑ въ общерусскомъ праязыкѣ понимаю какъ результатъ ассимиляціоннаго процесса нелабіализованной гласной передняго ряда въ направленіи къ слѣдующей лабіализованной согласной. Въ §§ 219—221 мы познакомились уже съ подобнымъ ассимиляціоннымъ процессомъ, но онъ имѣлъ мѣсто въ тавтосиллабическомъ сочетаніи, а потому привелъ къ результатамъ болѣе рѣзкимъ (къ переходу ѐ, ь въ о, е), чѣмъ при встрѣчѣ гласной одного слога съ согласной слѣдующаго слога. Итакъ признаю, что въ общерусскомъ праязыкѣ, въ извѣстный моментъ его жизни, звукъ е передъ лабіализованной согласной слѣдующаго слога перешелъ въ ȍ. Впрочемъ, явленіе это болѣе сложно въ своемъ происхожденіи. Оно имѣло своимъ источникомъ дѣйствовавшій одновременно, и уже въ предѣлахъ одного слога, диссимиляціонный процессъ, вполнѣ аналогичный диссимиляціонному процессу, приведшему въ общеслав. праязыкѣ къ переходу ć̑е, ź̑е и т. д. въ ć̑ȍ, ź̑ȍ. Когда въ силу указаннаго въ § 212 закона полумягкія согласныя перешли въ общер. праязыкѣ въ мягкія, въ этихъ новыхъ сочетаніяхъ «мягкая согласная + е или ь» произошелъ диссимиляціонный процессъ: гласная е или ь, расподобляясь предшествующей согласной, лабіализовалась, однако, только въ томъ случаѣ, когда для этого оказывались благопріятныя условія въ слѣдующемъ слогѣ, а именно когда за е или ь слѣдовала лабіализованная согласная. Примѣры: общеслав. m̓edu, v̓edǫ, śeĺo, ťerĺo, ĺьnъ̑, ŕьsъ̑ перешли въ общер. ḿedu, v́edu, śeĺo, ťerĺo, ĺьnъ̑, ŕьsъ̑, а отсюда дальше: ḿȍdu, v́ȍdu, śȍĺo, ťȍrĺo, ĺьnъ̑, ŕьsъ̑.

Примѣчаніе 1. Какъ увидимъ, уже въ отдѣльныхъ русскихъ нарѣчіяхъ ъ̑ перешло въ ȍ одновременно съ переходомъ ь въ е и ъ въ о; звукъ ȍ затѣмъ также уже въ отдѣльныхъ русскихъ нарѣчіяхъ измѣнялся въ о. Такъ явились сѣверновеликор. мёду, вёдý, сёлó, тёплó, лён, пёс; рядъ говоровъ сѣверновеликорусскихъ проводитъ систематическій переходъ исконнаго е въ о именно передъ твердой согласной; ср. напр. яросл. слёза, стёкло, горёвать, нёсла, ёму, вылётать, тёсак, тёпло. Въ южновеликор. и бѣлор. о удержало свой звукъ только подъ удареніемъ (въ неударяемыхъ слогахъ оно редуцируется и при извѣстныхъ условіяхъ пе-

реходитъ въ а); въ обоихъ этихъ языкахъ дѣйствуетъ законъ о переходѣ каждаго исконнаго ударяемаго е (ь) въ о передъ твердой согласной. Ср. моск. сёстры, сёла, тёплый, вёсну, пёкло, небо, подоплёка, стёкла, тёмный, дён, цвёл, и т. д.; бѣлор. клён, далёко, уцек, весёлка, прынёс, ўмёр, и т. п. Въ малорусскомъ, какъ увидимъ, сочетаніе согласная мягкая+ǒ перешло въ сочетаніе твердая согласная+ѐ (е средняго ряда): но въ извѣстныхъ случаяхъ согласная мягкая, поддержанная аналогіей со стороны родственныхъ образованій, не отвердѣвала; въ этихъ случаяхъ находимъ сочетаніе согласная мягкая+о, т. е. то же, что въ великор. и бѣлор.: лён, тёмный, слёза, вiдем. Изъ малор. извлекается еще одно указаніе на общер. ǒ, какъ увидимъ въ § 223.

Примѣчаніе 2. Описанный выше процессъ появленія ǒ вм. е послѣ новыхъ мягкихъ согласныхъ долженъ быть поставленъ въ связь съ появленіемъ ă вм. е въ концѣ слова (см. ниже § 224; тамъ же укажу на непервоначальность сочетанія мягкая согласная+о въ концѣ слова).—Напомню, что въ силу § 203 общеславянское ǒ еще до перехода е въ ǒ, нами разсматриваемаго, перешло въ общерусскомъ въ ǒ.

Примѣчаніе 3. Измѣненіе е въ о имѣло въ общер. праязыкѣ мѣсто только послѣ вновь смягченныхъ согласныхъ; послѣ j и исконно смягченныхъ такой переходъ произошелъ еще въ общеславянскомъ. Послѣ i̯ (въ слогахъ неударяемыхъ) е сохранялось безъ измѣненія. Ср. е въ совр. малор. мосму́, играємо, думаємо.

§ 223. Какъ указано въ §§ 10, 31, звукъ е въ общеслав. праязыкѣ замѣнялся звукомъ ê (е закрытымъ и при томъ полудолгимъ) въ положеніи передъ слогомъ съ полукраткой гласной. Закрытое ê полудолгое послѣ выпаденія полукраткой гласной становилось уже въ отдѣльныхъ русскихъ нарѣчіяхъ долгимъ, при чемъ въ малорусскомъ оно распалось въ дифтонгъ іе. Но ассоціація его съ ǒ изъ е въ положеніи не передъ полукраткимъ слогомъ была причиной замѣны (замѣны нефонетической) ê черезъ о полудолгое закрытое, откуда позже, послѣ паденія полукраткихъ гласныхъ, о долгое закрытое, распавшееся въ малорусскомъ въ üо. Такимъ образомъ принимаю для общерусскаго праязыка нефонетическую замѣну ê черезъ о закрытое, напр., въ такихъ случаяхъ, какъ ḿodъ, ťotъka, ńosłъ вмѣсто ожидаемыхъ ḿêdъ, ťêtъka, ńêsłъ. Отсюда въ великор. и бѣлор. мёд (мёт), тётка, нёс, плёл, вёл, р. мн. сёл, тёлка, плётка, ёлка, сам сем, и т. д. Въ сѣверномалор.: мjуод, тюотка, нюос, плюов, люод, привjуоз, москалюов, рублюов, и т. д.; отсюда укр. тiтка, нiс, плiв.

Примѣчаніе. Малор. ůö (uo) въ указанныхъ и имъ подобныхъ случаяхъ ясно свидѣтельствуетъ не только объ общер. ò полудолгомъ въ соотвѣтствующихъ словахъ, но также и объ ó краткомъ въ родственныхъ формахъ, ибо общер. ńösĺъ, какъ мы видѣли, замѣнило ńêsĺъ подъ вліяніемъ ńósĺa, ńósĺo; слѣдовательно, малор. нюос ведетъ не только къ общер. ńósĺъ, но и къ ńósĺa. Примѣры для общер. ê изъ общеслав. ê, не вытѣсненнаго звукомъ ö подъ вліяніемъ аналогіи, см. ниже въ § 280.

Переходъ e въ ä въ концѣ слова.

§ 224. Процессъ, приведшій къ измѣненію въ общерусскомъ праязыкѣ e въ ó былъ, какъ указано въ § 221, въ основаніяхъ своихъ процессомъ диссимиляціоннымъ. Подобно какъ въ общеславянскомъ, онъ не могъ имѣть мѣста передъ слѣдующею мягкою согласною (въ общеслав.—передъ слогомъ съ гласной передняго ряда), но нѣтъ основанія не ожидать его развитія въ концѣ слова (въ общеслав., какъ мы видѣли, e и въ концѣ слова лабіализовалось въ ò). Въ этомъ, однако, положеніи e въ общерусскомъ праязыкѣ не переходило въ ö: для лабіализаціи e въ общерусскомъ требовалось еще сопутствующее условіе — положеніе его передъ лабіализованной согласной; въ концѣ слова e, диссимилируясь предшествующей мягкой согласной, измѣнилось въ общер. праязыкѣ въ ä, т. е. въ переднюю гласную нижняго образованія, болѣе открытую, менѣе палатальную, чѣмъ e. Это положеніе основывается преимущественно на данныхъ сѣверновеликор. говоровъ, гдѣ исконному e въ концѣ слова, правда, только въ неударяемомъ слогѣ соотвѣтствуетъ a; сѣверновеликор. неударяемое a явилось дальнѣйшимъ измѣненіемъ звука ä, который подъ удареніемъ перешелъ въ e. Сѣверновеликорусскія данныя относятся не только къ настоящему времени; звукъ a указаннаго происхожденія можно прослѣдить до XVI и даже въ XV в. Болѣе подробно остановлюсь на этихъ данныхъ въ другомъ трудѣ, посвященномъ великор. нарѣчію, а здѣсь намѣчу только главнѣйшія категоріи относящихся сюда случаевъ. Итакъ общеслав. ńeśѣte, synove, bojaťe перешли въ общер. въ ńeśѣtä, synovä, bojaťä.

§ 225. Конечное -e въ общесл. праязыкѣ являлось, напримѣръ, въ слѣдующихъ грамматическихъ категоріяхъ.

Въ им. мн. склоненія основъ на согласную. Звукъ -e замѣняется черезъ a, судя по памятникамъ, уже въ XIV в.: древана Лавр. 8; отмѣчу еще: крьтьана Суд. Ив. Вас. въ сп. Унд. XVI в., 61a, боꙗра въ гр. 1483 (Гос. Древнехр. I, р. IV, № 10), въ догов. 1483 (С. Г. Гр. и

Д. № 115), въ копіи съ догов. 1402 (ib. № 36), въ гр. 1479 (А. Кал. I № 30), дворанія въ гр. 1690 (А. Кал. II, 709), Шуяня въ гр. 1628 (ib. 748), вычагжана въ гр. 1613 (АЮр. № 339 v), вологжана Гр. 1648 (А. Кал. II, 808), татарова у Котошихина, въ письмѣ 1619 г. (П. Р. Г. I, № 16) строителя Домостр. изд. Забѣл., 121, поѣжжаня ib. 181 и т. д.; въ совр. языкѣ находимъ: бояря Олон., татаровя Арханг. (Кир. IV. 39), татаровя, булановя въ Бѣлом. былинахъ А. В. Маркова (Л. Васил.), Пановя у Кирши Дан. и т. д.—Въ окончаніи 2 л. мн. вмѣсто -е находимъ -а, напр. въ Петрозав.: уѣздѣ: прощайтя, извинитя, троньтя, не тянитя, гребитя, оставьтя и др.—Въ окончаніи 1 и 2 л. мн. вспомогательнаго глагола, въ формахъ есме, есте, точно также находимъ а на мѣстѣ е, что объясняется энклитич. употребленіемъ этихъ формъ, при которомъ на е не падало ударепіе: есма находимъ въ Дв. духовной XV в. № 7, въ Дв. закладной № 98, въ Догов. 1434 №№ 53 и 54, въ Догов. 1447 № 63, Гр. 1490 (А. Кал. II, № 147), Ипат., Моск. Акад. XV в. (изд. Лавр., 469) и мн. др.; еста въ гр. 1501 (А. Кал. I, 252), 1532 (А. Ю. № 19), 1556 (А. Кал. I, № 41); охъ вы гой естя Олон. (Кирѣевск. I, 35). — Въ мѣстоименныхъ формахъ мене, тебе себе, употреблявшихся энклитически, видимъ въ окончаніи -а уже въ XIV вѣкѣ: тоба Дух. 1388 (С. Г. Гр. и Д. I № 33), на меня 1423 (Акал. № 41), мена Псковск. прол. 1383 (Оч. Собол. 129); въ совр. великор.—меня, тебя, себя, являющіяся и въ неэнклитическомъ употребленіи подъ удареніемъ.— Въ сравн. ст.: боля Гр. ок. 1360 (АЮ). — Им. мн. четыря совр. Олон., чотыря Рыбинск. — Топеря Олон., Онеж., Яросл., теперя Кадн., Тотем., ср. тепере Арх., топере Волог. — Здѣся 1591 (С. Г. Гр. и Д. I № 60), 1446 (А. Кал. I № 52), совр. олон. здѣся: ср. сдѣсе Ипат., здѣсе 1591 (С. Г. Гр. и Д. I № 60) и др.

Примѣчаніе 1. Въ малор.—ťä и т. д. измѣнилось въ ťè: видите, мене, и т. д. Что касается южновеликор. и бѣлор. нарѣчій, то они не даютъ тѣхъ непререкаемыхъ указаній на общер. ä, которыя извлекаются изъ сѣверновеликорусскаго. Правда, и въ нихъ находимъ -а въ отмѣченныхъ выше окончаніяхъ, но это -а можно объяснить и изъ неударяемаго -е (-о); бѣлор. дайця, 3 ед. будзя, ѣдзя, зв. дубя (Карск. Р. Ф. В. 1892 № 4, с. 231), соколя (Ро. I, 355) и т. д. могутъ быть возведены и къ формамъ дайтё, будё, ѣдё (подобно, какъ конечное о измѣнялось въ а), дубе, соколе. Что до бѣлор. и южновелик. мене, тебе, себе, то е здѣсь могло сохраниться въ положеніи подъ удареніемъ.

Примѣчаніе 2. Подъ удареніемъ ä измѣнилось въ е: это видно изъ сѣверновеликор. формъ спитé, курите. Правда, мы найдемъ и о

вмѣсто е: діалект. спитѐ; но думаю, что здѣсь о замѣнило нефонетически ударяемое е; а именно оно извлечено изъ формъ спи́тѐ, иди́тѐ, а эти формы въ свою очередь замѣнили спитя, идитя въ результатѣ невполнѣ выясненнаго процесса, состоявшаго въ замѣнѣ конечнаго неуд. а черезъ о въ окающихъ говорахъ; ср. напр. окончаніе -сѐ вм. -ся, -цо вм. -ца (боюсѐ, собираютцо); указаніе на -сѐ вм. -ся находимъ уже въ Великопермской лѣтописи XVI в. И. А. Н.: ср. печаловалсе 321 об., ѡбилисе 351, ино слышалосе имъ звѡ зычитъ 262, и др.

Примѣчаніе 3. Отъ разсмотрѣннаго а изъ ä послѣ смягчившейся согласной надо отличать а въ положеніи за i̯, восходящее къ е. Сѣверновеликор. листья, зубья, колья (рядомъ существуетъ произношеніе: ли́стье, зу́бьё, ко́льё съ о, заимствованнымъ изъ другихъ именъ) восходятъ къ общерусскимъ listi̯e, zubi̯e, koli̯e; эти формы перешли въ listi̯e, zubi̯e, koli̯e; отсюда далѣе listi̯ä zubi̯ä, koli̯ä и наконецъ, одновременно съ переходомъ ä въ а послѣ согласныхъ: listi̯a, zubi̯a, koli̯a. Въ положеніи послѣ i̯ звукъ е оставался безъ перемѣны въ общерусскомъ: dobroi̯e. ср. малор. доброе, добрее. Но i̯e являлось только въ неударяемомъ положеніи, а подъ ударе́ніемъ ему соотвѣтствовало jǫ́, откуда jo: mojo; отсюда о переносилось и въ неудар. положеніе: сѣверновеликор. дбброѐ. Въ малорусскомъ -i̯e въ концѣ слова переходило въ -je, откуда -ja и далѣе -ja: каміння, пірря, збіжжа, оружжа. Подъ ударе́ніемъ ему соотвѣтствовало -ijǫ́ или ьjǫ́, откуда jǫ́, jo: мы ожидали бы фонетически žiťťó; вмѣсто этого находимъ žiťťá непосредственно изъ žiťťe, žitьje, представляющаго въ концѣ слова е вмѣсто о подъ вліяніемъ словъ, какъ kamenьje, rerьje.

Измѣненіе сочетанія je (i̯e) въ началѣ слова.

§ 226. Такія сочетанія въ общеслав. праязыкѣ были извѣстны въ началѣ слова только въ положеніи передъ слогомъ съ гласной передняго ряда полнаго образованія, ибо въ положеніи передъ слогомъ съ гласной непередняго ряда je измѣнялось въ jo (§ 113), а передъ слогомъ съ полукраткою гласной je (i̯e) переходило въ jê (§ 10, 31). Въ общерусскомъ праязыкѣ дѣйствовалъ законъ, по которому j (i̯) въ началѣ слова исчезалъ передъ е: сочетанія je (i̯e) измѣнились поэтому въ е, которое, лабіализируясь согласно съ § 230, переходило въ ǫ и затѣмъ въ о. Такимъ образомъ общеслав. jezero, i̯evinъ перешли въ ezero, evinъ и далѣе въ ozero, ovinъ.

Примѣчаніе 1. Исчезновеніе j (i̯) передъ e произошло на почвѣ уподобленія его этой гласной: въ сочетаніяхъ jŏ (изъ общеслав. jŏ) равно и въ jѐ такого уподобленія не могло быть въ силу, съ одной стороны, разнородности обоихъ элементовъ (въ jŏ), а съ другой, значительной ихъ однородности (въ jѐ), препятствовавшей дальнѣйшему сближенію. Ср. ниже § 228.

Примѣчаніе 2. Впервые Ф. Ѳ. Фортунатовымъ установлено, что переходъ общеслав. je въ русское o ограниченъ въ общер. праязыкѣ положеніемъ сочетанія je передъ слогомъ съ гласной передняго ряда, при чемъ ему же принадлежитъ указаніе на то, что уже въ общеслав. je передъ слогомъ съ гласной непередняго ряда звучало какъ jo. Не вижу достаточнаго основанія законъ объ отпаденіи j въ нач. сочетаніи je переносить въ эпоху общеславянскую. Правда, мы находимъ однородныя явленія въ нѣкоторыхъ другихъ слав. языкахъ, но вѣроятно думать, что они развивались здѣсь въ каждомъ изъ этихъ языковъ самостоятельно. Вслѣдъ за Фортунатовымъ, съ отпаденіемъ j (i̯) въ русскомъ сочетаніи je (i̯e), откуда затѣмъ e —ŏ —o, я сопоставляю діалект. древнеболгарское отпаденіе j (i̯) въ сочетаніи je (i̯e); отсюда e, которое находимъ въ нѣкоторыхъ старослав. памятникахъ, въ началѣ нѣсколькихъ словъ, при томъ именно въ такихъ памятникахъ, которые вообще правильно употребляютъ букву ѥ, не замѣняя ея черезъ e: ср. въ Остр. ев. езеро, етеръ, еште, еще (только въ трехъ послѣднихъ словахъ e можно объяснить и изъ ѣe-), въ Чуд. пс. XI в. езеро, елико, един- при ѥлико, ѥдин- въ Туровск. ев. езерѣ, въ XIII Сл. Г. Бог. елене 25δ, единъ 40β, елико 30β, въ Христин. ап. елико 119, елишьдъı 153, елькратъı 153, еще 198, и др. Совершенно однородно измѣненіе начальнаго je въ e и далѣе въ ѣe въ шилнелужицкомъ, гдѣ находимъ діалект. ѣelеj, ѣemeljina (ср. русск. омела), ѣerjebina (ср. рядомъ jerjebina).

§ 227. Приведу примѣры для случаевъ, гдѣ русское o объясняется изъ je. Случаи эти слѣдующіе: озеро, овинъ, осень, осетръ, олень, одинъ, ожина, олико, олишьдъı, осе. Въ памятникахъ находимъ: одіна XIII Сл. Г. Б. 203δ, одинъ Арх. ев. 96a, 101b, Ж. Осод. XII в., Ж. Б. и Гл. XII в., одно Христ. ап. 181, из одиноѥ Чуд. пс. XI в., 148г, одиного Гр. 1229 (A), въ одинъıи на десате часъ Сб. 1076 г. (Мат. Срезн.), одень Пут. ев. 85, олико Толк. ап. 1220 (Воскр. 57), олико Кормч. 1282 (Р. Д. I, 83), Уст. гр. Свят. 1137 г. (Р. Д. I), олишьдъı Син. Пат. (Св. и З. № 85, с. 104); осетрьникъ Новг. дог. 1265 № 1, осетрьникоу Новг. дог. 1265 № 2, осетръ Уст. грам.

Смол. 1150 г.(Мат. Срезн.); осень, напр. ѡсень Новг. дог. 1265, осень Новг. 1-я по Син. сп. подъ 1069 г., осенынѥ полюдиѥ Гр. Мстисл. ок. 1130 г.; озеро, напр. ѡзеро Златостр. XII в. (Мат. Срезн.), озеро Стих. XII в. (ib.); олень, напр. ѡлень Поуч. Влад. Мон. (Лавр.), оленьци мали Ипат. лѣт. подъ 6622 г.; овинъ: по҃ ѡвиномъ Новг. 1-я по Комм. сп. 461; осе Усп. сб. № 175 (18), 255 об. 2, ѡсе Ипат. 295а. Изъ современнаго языка отмѣчу: малор. о́лень, оле́нка (Art Goldkäfer), оле́нок, бленок (родъ бабочекъ), ожина, ožynkoju (Pokucie Kolberga I, 96); великор. ожина, ожевина, олень, оле́нка, осётръ, осетрина, и др.

Примѣчаніе 1. Слово овинъ стоитъ въ связи съ малор. свиня, бѣлор. евня, ёвня, ёвпа (бѣлор. е́ указываетъ на контаминацію евня и овинъ), евьа҃, евъи Уст. Сигизм. Авг. 1557 (Пам. изд. вр. комм., 5, 63), евъя (Потебня, Къ ист. зв. III, 135) и восходитъ несомнѣнно къ исконному jev-inъ, ср. лит. jáuja. Отсюда слѣдуетъ, что и въ остальныхъ словахъ о можетъ быть возведено къ сочетанію je и не нуждается въ объясненіи непосредственно изъ e, хотя въ большей части относящихся сюда словъ звукъ e въ началѣ является дѣйствительно первоначальнымъ (je вм. пач. e—явленіе общеславянское). По этой причинѣ отношусь отрицательно къ попыткамъ объяснить русскія формы съ o вм. e, какъ результатъ обычнаго индоевр. чередованія звуковъ o и e. Такое объясненіе встрѣтило бы, впрочемъ, непреодолимое препятствіе уже и въ томъ обстоятельствѣ, что другимъ славянскимъ языкамъ чужды формы съ o. Далеко, однако, не всѣ слова, представляющія въ русскомъ языкѣ o въ соотвѣтствіи съ je другихъ славянскихъ языковъ, имѣютъ o только что указаннаго происхожденія. Во-первыхъ, въ рядѣ словъ имѣемъ старое чередованіе въ мѣстоименныхъ корняхъ сочетаній he- и ho-; сюда относятся, напр., древнер. одъва Усп. сб. XII в., 281 об. 2, Ж. Б. и Гл. по тому же списку, одва Хожд. Дан. Пал. (Вепев. 26) и т. д., ср. рядомъ великор. едва; още XIII Сл. Г. Б. 145β, ср. рядомъ великор. ещо, эщо, эще́, при чемъ сербск. jош указываетъ на чередованіе ješče и ošče также и въ сербскомъ (jош явилось въ результатѣ контаминаціи); возможно, что сюда же относится древнерусское осе при ѥсе. Во-вторыхъ, старое чередованіе e и o имѣемъ въ словахъ, какъ великор. ольха, малор. вільха, великор. олешина, олешник при е́лка, елошникъ (общеслав. jeľьха изъ *elusa); также въ малор. орябина, ср. чакавск. orebîce (Беличъ) при jереб, ср. чешск. jeřáb, верхнелуж. jerjab (рябчикъ), нижнелуж. jerjebina (рябина), jerjabc (рябиновое дерево), словенск. jerebica, древн.-цслав. ѥрабь (при ꙗрабь) рябчикъ, напр. ерабь Усп. мин. XII в., л. 268а. Неясно оме́къ «желѣзный желобокъ, на-

дѣваемый на сохи» Тихв. (прогр. № 114), омешики въ Олон. былинахъ, при серб. jemьeш.

Примѣчаніе 2. Русское одинъ можно объяснить, какъ кажется, только изъ jedinъ. При jedinъ существовало въ общеслав. и hedinъ, hedьnъ, откуда словенское edən, edín. Но въ русскомъ языкѣ hedinъ, hedьnъ могло бы дать только edinъ, edьnъ (отсюда мы ожидали бы въ великор. эдин, эдно). Что касается формъ, какъ великор. едшъ. разъединый, малор. що ти за единъ Проскур. (Рудч.), единъ чоловікъ (ib.), бѣлор. ядинъ Ржев. (Э. С. I. 247), едино[г] 1479 (А. Кал. I № 30), то они могутъ быть церковнославянизмами. Возможно, впрочемъ, что это контаминированныя формы изъ odinъ и jedьnъ. Ср. явную контаминацію въ едынъ Нѣм. (Малишинъ). едино Новг. (Колосовъ, Зам. I, 17), не йодне весилле Кролев. (Черн. Г. В. 1854, № 17). Обратно: одного, одному стоятъ несомнѣнно вм. едного, едному подъ вліяніемъ одинъ. Отмѣчу, что jedьnъ существовало при jêdьno; jedьnъ измѣнилось фонетически въ odьnъ, а jêdьno сохраняло свое jê; отсюда сѣверновелик. едный, разъедной: едноγо, едному Пудож., éдноѧды Волог. (Бажен.), малор. jeden Липов.-Кіевск. (Zb. VIII, 120).—Вмѣсто ежевика великор., ежевика малор. можно бы ждать ожевика, ср. ожина: вѣроятно, здѣсь имѣло мѣсто вліяніе слова ёж, ежá. Самое это слово въ бѣлор. и малор. представляетъ контаминированныя формы: бѣлор. ёж, ёжик имѣетъ jo не въ результатѣ измѣненія je (je не перешло бы въ jo передъ ж), а въ результатѣ вліянія слова ожик, ожина на ежь (которое изъ jéžь). Точно также древнерусск. ожь, напр. ѡжь Псалт. Толк. Ѳеод. (Мат. Срезн.), ожь Второзак. по сп. XIV в. (ib.), заимствуетъ о изъ ожикъ.

Примѣчаніе 3. Въ нѣкоторыхъ словахъ вмѣсто ожидаемаго, согласно предыдущему, о находимъ je, откуда діалектически, а именно въ малор.—ja. Вѣроятно, je возникало подъ вліяніемъ родственной формы съ jê. Такъ вмѣсто jeli р. ед. мы ожидали бы въ русскомъ языкѣ oli; но подъ вліяніемъ им. jêlь возникали новообразованія jeli (какъ при рéсь р. ед. рéси), ср. великор. ели: въ малор. je новаго происхожденія подверглось переходу въ ja: jалина: въ род. ели je сохранилось подъ вліяніемъ формы им. ед. ель (іль-ели, какъ піч-печи).

Примѣчаніе 4. Ниже, въ § 230, указано на связь разсматриваемаго здѣсь явленія съ измѣненіемъ e въ o въ началѣ греческихъ словъ.—Сочетаніе jo въ началѣ заимствованныхъ словъ переходило въ старослав., а отсюда и въ древнер. языкѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ o;

едва ли однако это явленіе имѣетъ что-либо общее съ указаннымъ отпаденіемъ j передъ e и послѣдующимъ переходомъ e въ o въ общер. праязыкѣ. Ср. осифъ, оаннъ Зогр, ѡта Юрьевск. ев. 206c, ardanskoų wodoų Стрыйск. (Zb. XIII, 118), великор. Осипъ, ср. осифу при есипъ гр. XV—XVIb. (А. Кал. II, № 149), осно 1479 (А. Кал. I, № 30).

Примѣчаніе 5. Разсмотрѣнное въ § 230 явленіе перехода начальнаго e въ ȯ (откуда и o) имѣло мѣсто до утраты начальнаго h передъ e; вотъ почему e въ heto не подверглось переходу въ ȯ—o, и мы имѣемъ въ великор. это, не ото.

Измѣненіе сочетанія jŭ (i̯u) въ началѣ слова.

§ 228. Сочетанія ju (i̯ŭ) въ началѣ слова восходили въ общер. праязыкѣ къ общеслав. сочетаніямъ jŭ (i̯ŭ) изъ первоначальныхъ joų, jeų, eų, а также къ общеслав. jǫ. Съ теченіемъ времени они утратили въ общер. праязыкѣ j (i̯), и начальное ŭ (u̯) измѣнилось въ u. Процессъ, приведшій къ такому измѣненію, представляется сходнымъ съ указаннымъ въ § 226 прим. 1; слѣдовательно, j (i̯) уподобилось слѣдующему гласному звуку и затѣмъ исчезло передъ нимъ. Такъ измѣнились общеслав. jŭnъ, i̯ŭha въ ŭnъ, ŭha и далѣе въ unъ, uha.

§ 229. Приведу примѣры для такого измѣненія: ugъ вм. общеслав. jŭgъ, напр. вѣтроу оугоу Христин. ап. 64, оужьнѣи νότου XIII Сл. Г. Б., къ оужьнѣи странѣ Уст. XII в. № 142, л. 10, къ оугу Ипат. 97a, ко оугу Радзив. 133 об., на угъ лиць Хожд. Дан. (Венев. 49, вар., ср. тамъ же: на югъ лиць 58), оугъ вѣтръ Комм. сп. Новг. 1-й, 345; unъ вмѣсто общеслав. jŭnъ: оунъимъ, оуноша Ж. Ѳеод., оуши Христин. ап. 86, оунъ Радзив. 79, Пут. ев. 50; uha вмѣсто i̯uha, напр. великор. уха; udołъ вмѣсто общеслав. i̯ądołъ, ср. въ удолѣ плачѣвнемъ Хожд. Дан. 35 (вар. юдолѣ), во удоли плачевнѣй 54; оупець (телецъ) Пут. ев. 81.

Примѣчаніе 1. Формы, какъ югъ, ср. напр. на іюгъ гр. 1671 (А. Кал. II, 249), съ юга Пов. о Мам. поб. по Синод. № 485 (Шамб.), подъ южнымъ окномъ (ib.), съ южную сторону гр. 1674 (АЮ. № 231), также юный, юноша надо признать церковнославянизмами. Что до малор. и бѣлор. juха, jушка, то здѣсь ju новое: оно явилось въ результатѣ развитія придыхательнаго приступа къ начальнымъ гласнымъ въ обоихъ этихъ языкахъ, ср. тамъ же юлица. Чередованіе utro и jutro восходитъ къ общеслав. эпохѣ; отмѣчу съ-по ютру Волог. (Р. Ф. В. 1887, № 4).

Примѣчаніе 2. Въ началѣ нѣкоторыхъ заимствованныхъ словъ ju перешло въ u на почвѣ древнеболгарскаго языка, и уже отсюда и переносилось въ русскій языкъ. Ср. Устинъ, Увеналій, Ульянъ 1473 (XVI) А. Кал. II № 147, Оустинкѣ 1391—1428 (А. Кал. I № 82).

Потеря придыханія въ началѣ слова.

§ 229[1]. Согласно § 96 всѣ гласныя общеслав. праязыка получили передъ собой придыхательный приступъ. Передъ гласными передняго ряда онъ измѣнялся въ j (i̯). Но передъ i такое j (i̯) исчезло, повидимому, еще въ общеслав. праязыкѣ. Въ общер. праязыкѣ j (i̯) удерживалось въ началѣ слова только передъ ê, исчезая, согласно § 226, передъ e. Передъ гласной a придыхательный приступъ также измѣнился въ j (i̯), сохранившійся въ русскомъ языкѣ. Передъ гласными задняго ряда придых. приступъ сохранялся въ видѣ h въ общеслав. праязыкѣ. Въ общерусскомъ праязыкѣ онъ исчезъ передъ u и передъ o, но сохранился передъ ô, ср. великор. ус, устье, она; сочетаніе hô, быть можетъ, еще въ общер. праязыкѣ перешло въ cô: ср. великор. вотчим, вотчина, воспа, восемь. Въ малор. и бѣлор. придыхательный приступъ развился вновь передъ начальными гласными.

Лабіализація начальныхъ гласныхъ.

§ 230. Въ § 226 указано, что начальное e, замѣнившее сочетанія je и je, лабіализовалось въ общер. праязыкѣ и переходило въ o, откуда o. Далѣе увидимъ, что начальное e въ заимствованныхъ изъ греческаго черезъ посредство древнеболгарскаго языка словахъ, лабіализуясь, переходило въ ö и затѣмъ въ o. Наконецъ, какъ увидимъ, а въ началѣ заимствованныхъ словъ переходило въ древнерусскомъ почти систематически въ o. Въ виду этого признаю возможнымъ допустить въ общерусскомъ праязыкѣ законъ о лабіализаціи начальныхъ гласныхъ e и a, слѣдовательно, нелабіализованныхъ гласныхъ средняго образованія. Законъ этотъ дѣйствовалъ до отпаденія h передъ начальными гласными; поэтому a изъ ha и e изъ he не измѣнились въ o, ср. древнерусск. аче, аже, але, великор. этот, эво, эко.

§ 231. Примѣры измѣненія начальнаго e изъ je въ o и далѣе въ o даны въ § 227. Приведу рядъ примѣровъ измѣненія начальнаго e въ именахъ собственныхъ и другихъ заимствованныхъ словахъ: олѣи Прол. XIII в. (Лавровск., Оп. 70), октѣньа Служ. XIV в. (Амфил., Оп. Воскр. мон. 17),

во октенїи Хожд. Дан. Вевев. 140), октенїа Уст. XII в. Тип. № 142, л. 2, опитемью Новг. 1-я, 150а, опитемии Вопр. Кир. 21, съ опитемъею Стогл. Хлуд. 122, оклиспастъ Панд. Ант. XI в. (Собол.), охидьнова Юрьев. ев. 57д, ѡвгиньи Уст. Студ. (Оп. Г. и Н. III, 1, 241), ѡпимаха Погод. сп. Псков. лѣт. № 1413, 1776, опикуръ Пчела XIV в. (А. Семен.), ѡмельяна Новг. 1-я по Комм. 412, овдокимъ Вопр. Кир. 33, ѡстафеи Гр. 1284, ѡстафеи Гр. до 1455 (С. М. № 36/299), овхима Гр. 1508 (А. Ю. З. Р. I, 36); великор. афрем (въ акающ., вм. офрем), малор. охрім: великор. овдотья; олферьевъ 1464—73 (XVI) А. Кал. II № 156, IV; осѣй 1498—99 (XVI) А. Кал. II № 156, олисѣва Новг. 1372 № 13 (печать), опатья 1462—64 (XVII) А. Кал. I, № 52, олена гр. XV в. (А. Кал. I № 63), оврѣомъ, овропиноу, ольпидию Ефр. Корич. XII в. (С. Обнорскій, 56).

Примѣчаніе 1. И въ великор. и въ малор. извѣстно также произношеніе съ је, обязанное церковнослав. вліянію: Евстигнѣй, Евленья (при Алгинья изъ Овгинья), Евлампій, Евстрат; въ малор. је измѣнялось въ ја (какъ въ случаѣ. указанномъ въ § 227, прим. 3): Ярема, Явтухъ. Форма Ѐвдоха Канев. (Рудч. I, 177) представляетъ контаминацію формы съ је и формы съ о. Какъ отмѣтилъ Ягичъ (Крит. зам., 24), «въ южнослав. памятникахъ только съ трудомъ можно подыскать тотъ или другой примѣръ съ начальнымъ о вмѣсто е въ греческихъ именахъ». Отмѣчу ѳѳиопьскомъ Бол. пс. (Собол.). Слѣдовательно, передъ нами вполнѣ русское явленіе.

Примѣчаніе 2. Однородна лабіализація е послѣ гласныхъ въ началѣ слога, ср. въ заимств. словахъ, напр. геонѣ, виѳлеомѣ Ефр. Кормч. XII в. (С. Обнорск., 51).

§ 232. На мѣстѣ начальнаго а въ словахъ и именахъ, заимствованныхъ изъ греческаго языка, находимъ о, при чемъ у насъ нѣтъ основаній думать, чтобы этотъ переходъ происходилъ въ старославянскомъ и уже отсюда переносился въ русскій языкъ. Правда, замѣну иноземнаго а черезъ о находимъ и послѣ согласныхъ (ср. § 197), но въ началѣ словъ она проведена гораздо послѣдовательнѣе, что и заставляетъ выдѣлить переходъ начальнаго а въ о въ особое явленіе. Ударяемое а по общему правилу такому измѣненію не подвергается: это стоитъ, конечно, въ связи съ тою полудолготой, которую получали гласныя въ зависимости отъ ударенія (такъ сохраняется а въ Анна). Приведу примѣры изъ памятниковъ: ѡлекса Гр. 1284, офонасовѣ 1391—1428 А. Кал. I № 82, ондронову ib., олександръ 1447—56 А. Кал. I № 63, онтипинъ 1495 (XVI) А. Кал. II, № 156, олексѣемъ Новг. 1373 № 17, онцыфирова 1391 (XVI) А. Кал. II, № 134. Изъ

совр. яз.,отмѣчу, напр. великор. костромск.: Олёксанъ. Огапя, Огрофена. Окулина, Обрамъ, Ондрій, Онтонъ, Олёха, Оксютка (Виноградовъ), и мн. др.

Измѣненіе начальныхъ группъ or, ol.

§ 233. Изъ § 82 мы знаемъ. что еще въ общеслав. праязыкѣ группы or, ol въ началѣ слова подверглись перестановкѣ съ удлиненіемъ о въ ā, но только при экспираторной долготѣ этихъ сочетаній: при музыкальной долготѣ онѣ оставались безъ измѣненія въ общеславянскомъ. Перестановка or. ol съ музыкальной долготой наступала уже только въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ. Въ общерусскомъ праязыкѣ сочетанія or̃. ol̃ (послѣднее изъ ol согласно § 211) перешли въ ro, lo. Вѣроятно думать, что ro, lo содержали не краткое о. а полудолгое, а слѣдовательно о закрытое: это видно изъ перехода ro, lo въ ruo, luo (откуда rі, lі) въ малорусскомъ. Звукъ о краткое, удлинялсь вслѣдствіе выпаденія въ слѣдующемъ слогѣ ъ, ь, переходитъ въ малорусскомъ въ о, какъ это видно, напримѣръ, изъ такихъ словъ, какъ король, порог, горох на мѣстѣ общерусск. korolъ. porogъ, gorohъ съ краткимъ о послѣ r: напротивъ, ô полудолгое при тѣхъ же условіяхъ переходитъ въ малорусскомъ въ ō, откуда uo, і, что̀ видно изъ перехода общеслав. и общерусск. dômъ, nôsъ въ duom, nuos (откуда dim, nis). Слѣдовательно, малор. ліктя, рі́жна, ріст, рівня, ріля указываютъ на общерусск. lôkъtі, rôžьna, rôstъ, rôvьńa, rôlі̯a съ ô, явившимся, очевидно, вслѣдствіе передачи плавными своей долготы попавшей за ними гласной о.

§ 234. Примѣры для общер. ro, lo, указаннаго происхожденія. Въ древнѣйшихъ памятникахъ: рожьны Минея XI в. № 221, 31а, роздѣлена XIII Сл. Г. Б., 203б, рожьгъ Минея XI в. № 194, 84а, роскопа Юр. ев. 170b, роженъ Христин. ап. 53, лодиѫ ib. 176, ѡт лони ib. 172 (2 Кор. VIII, 10 и IX, 2), локоть Ев. XIII в. № 6, 47b, рождьс Пантел. ев. 22b, локоть єваньскыш Уст. Всев. по Комм. списку, 410, лодию Усп. сб. XII в., 248, 2, лодиѫ, лодиѫхъ Злат. XII в., локъть Ж. Б. и Гл. 22 об., 2, локътоу Усп. сб. XII в. 122 об., росташе Кирилл. ч. Реймск. ев., роснамъ Ж. Б. и Гл. 8 об. 2, локъть Сб. 1073, 158б, робомъ д. мн. 197б, роспаса 197в, розоумѣти 242в. Совр. великор. розга, рос изъ рослъ, рост, ровный, лодка, лони, локоть, рожон. роз-. Малор. робити, роба, рокита, рі́жна́ р. ед. (Эп. 21), ліктя, рівня (Кв. II, 275 и Эп. 144), rywni р. ед. Новоградвол. (Zb. VII. 195), ри́зну (Эн. 225), на́ривно, розризни́лися (Эн. 225), рімно Бучацк. (Етн. зб. VI, 48) изъ рівно, рі́ля, ріще, ріст о́к. ріст, різно, рі́жний, рі́жни́ти, рівний, рівнина́.

Примѣчаніе. Малор. роля, ровно́ (Кв. I, 29), розныи (Эн. 12), ло́дь, ло́дя, ло́дка, лось запистваютъ свое o, вм. ожидаемаго і, изъ какихъ-нибудь такихъ образованій, гдѣ o стояло не передъ слогомъ съ полукр. гласной: напр. р. ед. лоди, ровен, ролейшій и т. п.

Измѣненіе сочетаній or, er, ol **и др. въ серединѣ словъ (полногласіе).**

§ 235. Согласно съ §§ 80—81 общерусскій праязыкъ получилъ изъ общеславянскаго слѣдующія дифтонгическія сочетанія искошыхъ гласныхъ o, e и слѣдующихъ за ними плавныхъ, бывшихъ долгими, а въ зависимости отъ извѣстныхъ условій и полудолгими: or, ol, eŕ, ol (послѣднее являлось послѣ смягченныхъ согласныхъ передъ слогомъ съ гласною непередняго ряда): vorta, golva, verdъ, deŕvo, žeŕbę, čeŕvo, melko, želbiti, žolbъ. Въ общерусскомъ праязыкѣ имѣли мѣсто, во-первыхъ, переходъ ŕ въ ŕ въ положеніи не передъ твердою зубною и отвердѣніе ŕ въ этомъ послѣднемъ положеніи: во-вторыхъ, переходъ l въ ł, что вызвало переходъ предшествующихъ e, o въ o, являвшееся однако въ видѣ o послѣ мягкихъ согласныхъ; въ-третьихъ, переходъ e въ ö передъ твердой согласной (r, ł). Поэтому въ общерусскомъ праязыкѣ приведеннымъ общеслав. сочетаніямъ соотвѣтствовали or, oł, eŕ, ör, oŕ, oŕ: vorta, golva, vördъ, deŕvo, žeŕba, čeŕvo, mołko, žołbiti, žołbъ. Плавныя и въ общер. были получены съ долготой, а при извѣстныхъ условіяхъ съ полудолготой. Подъ ударені́емъ сочетанія эти являлись въ трехъ различныхъ видахъ: подъ ударені́емъ исходящимъ съ долгими r, ł: deŕvo, golvǫ, žolbъ съ ударені́емъ ^; подъ ударені́емъ ˜ съ сверхдолгими r, l: korlъ, vorta, mołtišї; подъ ударені́емъ ' съ полудолгими r, l: korva, sołma.

§ 236. Въ извѣстную эпоху жизни русскаго языка въ немъ утрачивалась долгота и полудолгота плавныхъ: утрата эта вознаграждалась двумя способами въ предѣлахъ слога, содержавшаго долгую или полудолгую плавную. Во-первыхъ, сочетанія ъr̄, ьr̄, ъl̄ съ полукраткими ъ, ь переходили въ сочетанія ър, ьр, ъл съ краткими плавными, но съ удлинившимися до краткости гласными ъ, ь—объ этомъ явленіи скажу ниже, въ § 252. Во-вторыхъ, сочетанія or̄, ol̄, er̄ замѣняли свои долгія плавныя сочетаніями плавной съ гласнымъ звукомъ, тождественнымъ съ предшествующею гласной; такимъ образомъ вмѣсто долгой плавной являлась краткая въ соединеніи съ слѣдующею гласною; возможно, что непосредственно за плавной развивался тотъ неимѣвшій еще специфической окраски той или иной гласной звукъ, который Сиверсомъ и другими фонетиками обозначается знакомъ ə (пере-

вернутое лат. v—vox), и что уже загѣмъ л, ассимилируясь гласной передъ плавной, переходило въ гласную, съ нею тождественную. Итакъ вмѣсто or, oĭ, eŕ, ŏr, oĭ (изъ el). ŏl явились сочетанія oro, оло. eŕe, ŏŕo (отсюда далѣе eŕŏ вслѣдствіе ассимиляціи звука ŏ послѣдующему ŕ), оло, ŏlo. Въ слогахъ ударяемыхъ, если ударепіе было нисходящимъ, оно оставалось на первой части сочетанія: ôr и т. д. перешли въ óro, напр. pórохъ, gólovu, мѣстн. ед. ćéŕeрѣ, вин. ед. śéŕŏdu, źólobъ: если удареніе было восходящимъ (сверхдолгимъ или полудолгимъ), ударепе оставалось на второй части сочетанія, напр. voróta, molóťiťь, beiédťitä: koróva, solóma. ŕeŕéźo, śolómъ.

Примѣчаніе 1. Предложенное объясненіе русскаго полногласія (такъ именно принято называть разсматриваемое явленіе) я предпочитаю объясненію Ф. Ѳ. Фортунатова и нѣкоторыхъ другихъ лингвистовъ, предполагающихъ переходъ oĭ, eĭ и т. д. непосредственно въ orŗ, erŗ, потому, что слоговое r вообще не развивается въ положеніи за гласной; правда, въ сочетаніи orŗ мы имѣли бы его развитіе непосредственно за согласной r, но если сочетаніе rŗ представляется соединеніемъ неслогового r съ послѣдующимъ ŗ, то возникновеніе такого сочетанія было бы непонятно. Возраженія противъ того, что переходъ oĭ въ orŗ произошелъ уже въ общеслав. эпоху, предложены въ § 81 пр. 3. Объясненіе Торбьернсона (Die gemeinsl. Liquidametathese), предполагающаго общеслав. переходъ сочетаній oĭ, eĭ и т. д. въ ŗro, ŗre, встрѣчаетъ рядъ затрудненій физіологическаго характера и исходитъ изъ другого недоказаннаго предположенія—о томъ, что oĭ, eĭ измѣнились въ общеслав. праязыкѣ въ orŗ, erŗ, что и дало въ результатѣ перестановки ŗro, ŗre.

Примѣчаніе 2. Полногласіе имѣло мѣсто не только передъ слогомъ съ гласною полнаго образованія, но также и передъ слогомъ съ полукраткою гласною. Вслѣдствіе этого передъ слогомъ съ полукраткой гласной получались сочетанія ro, lo. ŕe. ŕo, при томъ съ краткими, а не полудолгими o, e, ŏ (а мы знаемъ, что исконныя o, e въ общеслав., а потомъ и въ общерусскомъ звучали какъ полудолгія ô, ê передъ слогомъ съ полукраткой гласной). Указаніе на краткость o, e, o въ указанномъ положеніи извлекаемъ изъ малорусскаго языка, гдѣ по общему правилу находимъ ro, re. lo передъ утраченнымъ слогомъ съ ъ, ь, а въ малорусскомъ растягивались и распадались въ дифтонги только исконныя ô, ê полудолгія, между тѣмъ какъ краткія o, e, ŏ переходили въ результатѣ утраты полукр. гласной слѣд. слога въ соотвѣтствующія полудолгія гласныя (ср. выше § 233); такъ находимъ: берег, голос, горох, жолоб,

холоп, череп. пором. король. город и т. д. Правда, извѣстны также формы, какъ поріг (порігъ Кв. I, 249), рядомъ съ порóг, бéриг, вéрис, хоруеш Сарны (Вол. Г. В. 1880 № 5), но вѣроятно объяснять ихъ вліяніемъ словъ какъ ніс-носа. ріг-рога, міст-мосту и т. п. Особенно часты такія новыя і въ формахъ р. мн. ж. и ср. рода: голúвъ (Кв. II, 47), серúгъ (ib., 72). сторінъ (Основа 1860 г., янв. I, 11), беріз, доріг и др.; ворúтъ (Кв. I. 234: Эн. 115). Также, уже подъ вліяніемъ р. мн.: ворітьми (Осн. 1860 г., янв. I. 11); въ уменьшительныхъ: борідка, гірка, чередка (Эн. 122). Въ собирательномъ черепья (Кв. II, 160). Въ глагольныхъ формахъ. а именно въ причастіи на -ѧ: берúгъ (Кв. I, 5), берігся (ib. II. 122). одволік. Отсюда даже одволікла (Осн. 1860 г., янв. I, 32).

§ 237. Приведу примѣры для сочетанія ого изъ ог. Въ слогахъ неударяемыхъ; *предударныхъ:* перехорони Палея 1494 (Каринск.), коромолници Новг. 1-я Комм. 333, распросторонимъ Псалт. XVII в., ворождоу Ипат. 133в, хорошавъ, хорошанѣѥ Чуд. еп. Панд. Ник. XIV в. (Изв. X, 291), поздоровляю Нѣж. (Малин. 65), соромажливоу Сб. 1076, испорохнѣти Хожд. Дан. (Венев. 71), соромота Волóг. (Бажен.), вороногран Сб. XV в. № 68/270 (Каринск.), дорогоцинны уряды Остер. (Черн. Г. В. 1853 № 10), воротьславьскимь Ипат. 289b; скоротити молитвы Соф. кормчая XIII в. (Р. И. Б. VI, 106); въ слогахъ *заударныхъ:* испоротокъ Георг. Ам. XIV—XV (Св. и З. I, № 6, 21), нáморокъ: умъ, разсудокъ Бѣлгор.-Курск. (АГО. XIX, 44), поноровъ: червякъ Хожд. Дан. (Венев., 9), ср. чешск. ponrav, pondrava: личинка червей; малор. óборіг (вм. оборог), ср. польск. bróg: в соуморо̃ Радзив. 121 об.

Подъ нисходящимъ ударéніемъ: городоу XIII Сл. Г. Б. 73β, норовъ Минея XI в. № 194, 34а, борошьнъмь Сб. 1076, ворога Ипат. 282г, порозность Измар. XV в. Кіево-Мих. (Требникъ), дорогость Погод. Псков. л. № 1413 (Каринск.), своробъ Георг. Ам. XIV—XV в., скороньжит. Андрея Юр. (Св. и З. № 87, с. 176), смбродъ Волог. (Бажен.), ворахъ, вм. ворохъ, Обоян. (Машкинъ); кóротко; на сквороду Рогач. (Ро. III, 336).

Подъ восходящимъ удареніемъ какъ изъ ˜, такъ и изъ ˊ: хорошь Чуд. сп. Панд. Ник. XIV в. (Изв. X, 296), в сен соротце Радзив. 140 об., забороломъ Ж. Б. и Гл. 25д, съ забороламн Новг. 1-я, 167б, пороздьнъ Ж. Ѳеод., пороздьнаѧ пед. Уст. мон. XIII в. (Изв. VI, 65), огороднікъ XIII Сл. Г. Б. 369γ, добронороваѥ Сб. 1076, съдоровьѥ зап. въ Гал. ев. 1266—1301, поворозше за нозѣ Радзив. 179, сторошкъ Новг. 1-я по Комм. сп. 462, во шести зородахъ 1691 (Барс. Палеостровъ, 150), пороча (пороча́? праща)

Толков. Ник. Иракл. XIV в. (Собол. Особ. русск. перев.), възборонивантє Поуч. Ильи Новг. по сп. XV в. (А. С. Павловъ), наворочаеть Библ. XVI в. Вил. № 262 (Перетцъ, Нов. тр. о жидовствующихъ. 37), распросторонишь Зап. русск. пс. XVII в.

§ 238. Примѣры для сочетанія еге изъ ег. Въ слогахъ неударяемыхъ; *предударныхъ:* извременивше Новг. 1-я, 85. временники Стогл. Худ. 69, верѣмена Псалт. 1296 (Матер. 25). деревнѣ Ж. Б. и Гл. XII в., посередѣ Минея XI в. № 194, 14в, 30 а, доверечи Хожд. Дан. (Венев. 26), вередиши Сб. 1073. 381а. черелѣныя Ев. XIII в. № 6, 99в. жеребець ib. 145а, жеребьци Ев. XII в. № 1, 39в. берегли Усп. сб. XII в. № 175 (18), 272в, переключавъ Георг. Амарт. XIV—XV (Св. и Зам. I, № 6, 21), шперезуется Зап.-русск. пс. XVI в. (Карск. 189).

Подъ нисходящимъ удареніемъ: жеребиа Арханг. ев. 1092 г., 110в, жеребии Христин. ап. 62, не верема Ипат. 99а, не вереме Гр. до 1491 (А. Ю. № 7), щерева Стих. XII в. А. Н.

Подъ восходящимъ удареніемъ: оумерети Арханг. ев. 95а, беремя ib. 139в, простерети Поуч. Конст. Болг. XIII в.. 82д, перѣже Гр. ок. 1230, переже Сб. 1076, Новг. 1-я, 134а, Ипат. 157б, Гр. 1371 № 29, переже Арханг. (Кузмищ.), шпрешъ Обоян. (Машкинъ), передке Галицк. (Игн. зъ Никл. 76, 89). черепля Сб. 1073. 33а, череплемъ Стих. XII в. А. Н. 43б, одерети Георг. Амарт. XIV—XV в., очерётяный (Эн. 148); тереть, умереть, стеречь, перечить: жерети Юрьев. ев. 126д (Лук. 22,7), Христинон. ап. 33.

§ 239. Примѣры для сочетанія еѓо изъ ег. Въ слогахъ неударяемыхъ; *предударныхъ:* перешбидить Кормч. 1282 (Р. Д. II. 51, пр. 66), перегънжвъ Остр. ев. 265д, перебываше Сб. 1076, передъславъ Ж. Б. и Гл. XII в., середовѣчше Поуч. Конст. Болг. XIII в., 142д, череворабопьникъ Усп. сб. XII в. № 175 (18), 272в, передбвгый (Кв. II, 255), передкове (предки) Молд. гр. 1434, переставилисл Библ. XVI в., Вил. № 262 (Перетцъ, Нов. тр. о жидовств., 37), безъ перестатья ib.

Подъ нисходящимъ удареніемъ: снегоу и сереноу Ипат. 271в, черево Минея XI в., № 194, 140а, щерева Минея XI в., № 221, 18 в, иштерева Чуд. пс. XI в., 97, теремъ (Эн. 113, 121), вéредъ.

Подъ восходящимъ удареніемъ: Перёволока (назв. деревни Костр. у.), безперéстанно (Кв. II, 153), серёдка, подчерёвок.

§ 240. Примѣры для сочетанія оіо изъ оѣ. Въ слогахъ неударяемыхъ; *предударныхъ:* Володиславу Гр. Дмитр. Ольг. 1388 (Изв. X, 213), Володимира Остр. ев., боложитъ Послов. XVII в. (Сим. 139), в' бологодѣть

Рукоп. Всеволода (Комм. сп. 489), полотна Добр. ев. 47с, прапалази́лъ цѣлаю ночь Обоян. (Машкинъ), полоза Поуч Конст. Болг. 5в, полокахоу Добр. ев. 109д, оуполоскала баше Палея Колом. 17, пополошитиса Георг. Ам. XIV—XV в. (Св. и З. I, № 6, 21), ср. луж. porłoch, позолотивъ Ж. Б. и Гл. XII в., осколобленіе Георг. Ам. XIV—XV в., оу тоту полонину Галицк. (Иги. зъ Никл. 14), соловии Минея XI в., № 221, 18в, молоденецъ Рыльск. (О. С. 95), маладенецъ Холмск. (АГО, XXXII, 19), молостóвъ, ср. польск. młost (Потебня, I, 164), розволожити Библ. XVI в., Вил. № 262 (Перетцъ, Нов. тр. о жидовств., 37), молодици ib., ѡпȣхлиною голодовою ib., въ волосѧници ib., молоденьцомъ ib. (Перетцъ, Книга Руѳь въ бѣлор. пер.), *въ заударныхъ:* оболость Ж. Б. и Гл. XII в.: ѡболокоу Ипат. 269в, ѡболокомъ Библ. XVI в., № 262 (Перетцъ, Нов. тр. о жидовств. 37); наволочка.

Подъ нисходящимъ удареніемъ: волотъ Толк. Ник. Ир. XIV в. (Собол. Особ. р. перев.), не бологомъ Слово о п. Иг., золотѣ Минея XI в. № 194, 127а, по́ломья (Кв. II, 106), по́ломья (Эп. 165, 204), бо́лого онъ самъ дома Костр. (Вшогр.), бо́лозе Ельн. (Добров. I, 123). Кирилл. (АГО. XXIV, 9), болузни вм. болозни: мозоли Заон. (Пѣвинъ), до́лоньми Бучацк. (Етн. зб. VI, 2), солонъ, солоноу Уст. Студ. XII—XIII в. (Оп. Г. и Н. III, 261, 260), з молодости Библ. XVI в. Вил. № 262 (Перетцъ, Нов. тр. о жидовств., 37), поломѣнь Галицк. (Иги. зъ Никл., 6), во́лосы, По́ловцы.

Подъ восходящимъ удареніемъ: позолочена Ж. Б. и Гл. XII в., позолотою Палея 1494 (Каршск.), натпалóсъ Обоян. (Машкинъ), р. ед. прохоло́ды (Кв. II, 181), доло́ня (ib. I, 249), поло́тнище (ib. II, 219), искололъ Хожд. Дан. (Венев. 89, вар.), бороноволоковъ Лит. Метр. 1510, № 22, оболона лемк. угрор. и галицк., ср. чешск. blána, польск. błona.

§ 241. Примѣры для сочетанія olo изъ el. Въ неударяемыхъ слогахъ: ѿ молока Христин. ап. 148, волокоша ib. 33, полоненици Толк. ап. XIII в., 178 об., исполовемъ Гал. ев. 1144, 29а, полонены Библ. XVI в., Вил. № 262 (Перетцъ, Нов. тр. о жидовств., 37), палаве́нь: сарай подлѣ тока Обоян. (Машк.).

Подъ восходящимъ удареніемъ: половъı Гал. ев. 1144, 6а, половелъ ib. 29а, половъı Георг. Ам. XIV—XV в. (Св. и З. I. № 6, 21), толощи въ двери Переясл. сп. Поуч. Ефр., 101в, моло́чный, приволо́къ.

§ 242. Примѣры для сочетанія ólo изъ el. Въ неударяемыхъ слогахъ: челомъ же и мозгомъ Христин. ап. (Евр. IV, 12), жолобок (Шевч. 57), жолобоватую Гр. Устюж. 1523, ви́колобав Бучацк. (Етн. зб. VI, 2).

Подъ нисходящимъ ударе́ніемъ: на шолома Ипат. 222в. шо́ломя (мѣсто пристанища, прiютъ) Арханг. (Кузмищ.). жо́лоб.

Подъ восходящимъ ударе́ніемъ шело́мь Переясл. ев. Поуч. Евр. 192г. шоломъ Радзив. 191 об., шоломо̀ Ипат. 245а.

§ 242а. Приведу здѣсь еще нѣсколько словъ съ полногласіемъ, требующихъ особой оговорки. *Го́ломя:* «далѣе отъ берега» Арханг. (Кузмищ.). голомя́: давно Спасск. (О. С. 5), Мамадыш. (О. С. 59), голомя́ возвыше Хожд. Дан. (Венев. 71), оголо́мя: обморокъ Курск. (О. С. 87). ср. лит. gelmẽ «глубина» (Berneker, Sl. etym. Worterbuch). *Солопити* языка малор., высолопить (Лящн. въ Сб. въ ч Ягича, výsalapiw Лидск. (Weryha. 41). солупну́ць (высунуть языкъ, лизнуть). ср. старослав. вьсълапити, вьсълапляти (отгонять, удерживать, укрощать). *Солощій:* неразборчивый на ѣду (о скотѣ) Заон. (Пѣвинъ). солошной Молок. (О. С. 167), соло́ща: жадная ко всему Устюж. (Эрдм. АГО), ср. солодкий Нѣж. (Малинка. 65), корень солод-, лит. saldùs. *Сторови*: здоровы, цѣлы. въ Новг. 1-й подъ 6638, 6681, 6694 гг., ср. верхнелуж. strowy. а также оусторобивсѧ Ипат. 287г: быть можетъ, сторовъ вм. сторобъ, подъ вліяніемъ здоровъ (изъ съдоровъ), старосл. оустраблѧти. *Поло́дноваць*, напало́дную Слуцк. (Р. Ф. В. 1901. 3-4), ср. сербск. пладновати: рядомъ. подъ вліяніемъ полудня, полудню: полудняти Збараж. (Рудч.), полудновать Новоградвол. (Тр. II. 11). полуденокъ Галицк. (Игн. зъ Никл. 60). *Терезвый* великор., терезви Вопр. Кирик. 58. угрор. терезбый: съ перестановкой: тверезій малор., тверезный, тверёзой великор., ср. истверезенiа Сб. 1076. старослав. трѣзвъ. сербск. тријезан. *Толока*, напр. в толокоу Комм. сп. 455. на толочанѣхъ 455: ср. словенск. tlaka, сербск. тлака. польск. tłoka. *Приторомко:* сладко и нѣск. противно для вкуса Пошех. (О. С. 169), Заон. (Пѣвинъ), вѣроятно, вм. приторонко, ср. старослав. притранъ: наше при́торно поэтому вмѣсто притороно. *Четвереногъ*, напр. четвр҃ногъ Чуд. сп. Злат. XV в. (Ягичъ въ Archiv f. sl. Ph. I. 403). ср. старослав. четврѣногъ; наше четвероногъ подъ вліяніемъ четверо. *Яболонь*, напр. подъ ꙗболонью Прол. 1425 (Каршск.), ср. старослав. ꙗблань. луж. jabłoń; наше яблонь представляетъ другое образованіе, изъ ꙗблънь (?). *Сноповодъ* назв. рѣки, впадающей въ Орель, лѣвый притокъ Днѣпра (= Самара), сноповодоу Хлѣбн. (въ Ипат. въ этомъ мѣстѣ исправлено въ слѣноводу 540), до сноборода Ипат. 227с (здѣсь но исправлено въ не), сненорѡ̀ Комм. сп. 447, снепородскiи землянинъ въ гр. XV в. (Сборн. палеогр. снимковъ Вил., № 3), совр. Снопородъ, Снепородъ: ср., вслѣдъ за А. И. Соболевскимъ, названіе рѣки Poprad. *Веснебологъ* назв. села Опоч. у. Псковск. губ., ср. лѣвый притокъ Одера: польск. Osobloga, чешск. Osoblaha, нѣм. Hotsenplotz. Отнѣчу полно-

гласіе въ нѣкоторыхъ словахъ, восходящихъ къ заимствованнымъ въ общеслав. праязыкѣ изъ другихъ языковъ словамъ: *коробъ*, коробка, коробья́, ср. старослав. крабии, крабища, чешск. krabka, krabice, польск. krobia, króbka; общеслав. korb- заимствовано непоср. изъ германскихъ языковъ, которые получили это слово изъ лат. corbis (Berneker, Slav. etym. Wörterbuch); *коромола* древнерусск., коромо́лы малор. восходитъ, быть можетъ, къ общеслав. kormola изъ средне-лат. carmula возстаніе, мятежъ, ср. старослав. крамола, чешск. kramola.

§ 243. Въ словѣ человѣкъ имѣется также полногласіе; наше человѣкъ, ср. человѣка, человѣци Ж. Θед. XII в., человѣчьско Христин. ап. 99, человѣкъ Ев. XII в., № 1, 25в, чоловѣкъ Поуч. К. Болг., малор. чоловік, бѣлор. moj ty čałaveča Лидск. (Weryha, 54), восходитъ къ общеслав. ć̑olvě̑kъ съ долгимъ l; рядомъ существовало въ общеслав. ć̑oł̆vě̑kъ съ краткимъ ł̆, заимствованнымъ изъ формы ć̑oł̆ъvě̑kъ. Это указываетъ на то, что разсматриваемое слово двусложно: въ первой части сложенія могла быть или форма ć̑el-, или форма ć̑elŭ-, представлявшая именную основу. Въ южныхъ и западныхъ славянскихъ языкахъ ć̑oł̆vě̑kъ измѣнилось въ ć̑oł̆vě̑kъ и далѣе, съ перестановкой, čłově̑kъ, člově̑kъ: старослав. чловѣкъ, польск. człowiek, чешск. člověk (въ Кралицк. библіи съ ł̆: člověk). Въ русскомъ языкѣ ć̑oł̆vě̑kъ, такъ же какъ ć̑oł̆ъvě̑kъ, измѣнилось съ теченіемъ времени въ čeł̆ek, ср. переходъ mołviti въ mołyt́, žołvь въ žoł̆ (Сл. р. яз. А. Н., подъ словомъ жолъ): челэкъ Дмитровск. (В. Черныш.), чилэкъ Обоян. (Машкинъ); такъ же должно, вѣроятно, читать челѣкъ Спасск. (О. С. 50). Что до ć̑oł̆vě̑kъ, то форма эта сохранилась только въ восточно-слав. вѣтви, гдѣ она измѣнилась въ ć̑oł̆vě̑kъ (съ долгимъ ł̆) и далѣе въ ć̑oł̆ově̑kъ, человѣкъ.

§ 244. Дѣйствіе закона о полногласіи продолжалось и послѣ распаденія общер. праязыка, въ языкѣ древнерусскомъ: въ словахъ заимствованныхъ сочетанія or, ol измѣнялись передъ согласными очевидно въ oŗ̆, oļ̆, откуда дальше oro, oło. Сюда относится, напр., слово *коро́ль*; повидимому, оно въ древнерусскій языкъ проникло въ видѣ koŗ̆lь̆ изъ одного изъ западнославянскихъ языковъ (чешскаго, до перестановки его въ král, польскаго до перестановки его въ król), гдѣ оно передавало имя Карла Великаго и его преемниковъ (ср. краль въ Жит. Меѳ. со значеніемъ именно германскаго императора, если справедлива догадка проф. Брюкнера, Die Wahrheit über die Slavenaposteln). Къ позднѣйшимъ заимствованіямъ относятся слова какъ *мороморъ* вмѣсто mormorъ изъ греч. μάρμαρος: мороморъ, мороморие Злат. XII в., 182в, мороморъ Сказ. о Соф. хр. въ XII в. (Изв. X, 347), мороморяно Георг. Амарт. XIV—XV в. (Св. и З. I, № 6, 21), муроморянъ

Хожд. Дан. (Венев.). *Скоропиа* изъ греч. σκορπιος: скоропии Злат. XII в., 182в, скоропию Ев. XIII в., № 6, 107в. Пут. ев., 118, скоропиа рук. 1296 г., 125а, скоропиа Ев. 1307. *Горонъ* назв. рыбы—изъ какого-нибудь западно-евр. языка, ср. лат. carpo, древневерхнѣм. charfo, karpo, малор. ко́роп, коропе́ль, коропичь Хожд. Дан. (Венев. 102). *Уборокъ* изъ герм., ср. древневерхнѣм. ambar (заимств. изъ лат. amphora): оубороковъ Русск. Правда (Син. сп.): въ общеслав. рядомъ съ ǫborkъ существовало и ǫborъkъ, ср. польск. węborek, чешск. úborek. *Соломя*: узкій проливъ Заон. (Пѣвинъ), заимствовано изъ финскаго salmi, ср. са́лма Арханг. (Подв.).

Примѣчаніе. Слово паполома, напр. Сл. о п. Иг., Требн. Шерем. XIV в., 79б (паполома есть сукно ib. 122а), замѣнило греч. πάπλωμα подъ вл. какой-нибудь аналогіи.

§ 245. Ошибочно думать, чтобы общеславянскому el могло соотвѣтствовать въ русскомъ языкѣ eľe. Не придаю значенія написаніямъ членъ, шелемъ въ памятникахъ; это графическимъ путемъ возникшія контаминаціи русскихъ формъ челонъ, шеломъ и церковно-славянскихъ члѣнъ, шлѣмъ (въ русскомъ произношеніи членъ, шлемъ): челенковъ своихъ Поуч. Ефр. Сир. 1377, 114б, в шелемъ надежи Требн. Шерем. XIV в., 53а. Можно указать и на фонетическія контаминаціи, дававшія въ результатѣ сочетаніе еле. Такъ *ожеледь*, ожеледа, ожелодь, ожеледице малор. стоятъ вмѣсто ожидаемаго ожелодица (ср. словенск. žled, žledíca) подъ вліяніемъ гололедица, poledica словенск. (какъ это было указано другими), ср. угрорусск. ожелец, род. ожельцу, ожелест (Верхр., Знад. II); *пелевня* Тихв. (О. С. 115) замѣнило форму половня подъ вліяніемъ пелъı, пельве въ значеніи мякина (ср. въ Новг. 1-й подъ 6636: пельми тв. мн.); *пелескатися* вм. полоскаться, напр. пялещутся Смол. (Добров. Э. С. II, 167), подъ вліяніемъ плескаться.

§ 246. Звуковой контаминаціей объясняется и сочетаніе его вм. ег. Такъ находимъ черосъ вм. чересъ, черезъ подъ вліяніемъ скрозѣ, скрозь: черосъ Усп. сб. XII в., 106д, 131б, Прол. 1383 (Собол.), черосъ почь Поуч. Ильи Новг. по сп. XV в. (А. С. Павловъ). Вліяніемъ предлоговъ за, на объясняются формы, какъ *зарóдъ* Олон., Арханг., вмѣсто зорóдъ Олон. губ. (Слов. Кулик.), бѣлор. озеродъ, ср. лит. žardas (въ томъ же значеніи: приборъ для сушенія сноповъ); также *нароɔить* вм. поровить, напр. наровить Уст. Всев. по Комм. сп. 461.—Слово муравей вм. ожидаемаго моровей (ср. Моровийскъ назв. города, Ипат. л.) подъ вліяніемъ слова мурава. Великор. шорохъ, повидимому, вмѣсто шерехъ (малор. шереха́тый) явилось подъ вліяніемъ *сорохъ, ср. старослав. въсрашити, въсрашати поднимать,

напр. волосы, въсрашьпъіи τραχύς (при въсрьхлѣіи въ томъ же значеніи), ср. Mikl. Etym. Wörterbuch.

Примѣчаніе. Подъ вліяніемъ скозѣ черезъ измѣняется въ керезъ· керезъ Козелецк. (Черн. Г. В. 1853, № 40), Глух. (Р. Ф. В. 1903. № 3-4), керезъ море Переясл. (Тр. II, 42). Ср. еще другую контаминированную форму: короз вокéще Старомѣстск. (Етн. зб. VI, 24), короз вікно (ib. 70). Ср. выше въ § 216.

§ 247. Вмѣсто оро, оло находимъ въ производныхъ глаголахъ несов. вида орá, олá въ великор. нарѣчіи, напр., отгораживать, отворачивать, укорачивать, пастораживаться, заморажывать, охорашивать, приколачивать, замолаживать, заволакивать, оболакиваться, выколачивать и т. д.; гораздо рѣже еря вмѣсто ере, напр. въ сѣверномалор. пудерязуватьця Козельск. (Черн. Г. В. 1855, № 16). Звукъ а перенесенъ на мѣсто о по аналогіи изъ такихъ глаголовъ, какъ пашивать, упрашивать, важивать и т. п. (имѣющихъ á подъ вліяніемъ исчезнувшихъ теперь глаголовъ на -ать, какъ нашати, прашати и т. п.). Аналогично появленіе олá въ оболáкаться: одѣваться Устюжн. (Эрдм., АГО). Подобно великорусскому явленію малорусское, гдѣ і замѣняетъ о, напр. зволикáть (Эп. 225), переполíскувавъ (Кв. I, 200), пидпирúзуетця (ib. I, 66); і проникло изъ такихъ случаевъ, какъ переліта́ти. Я упоминаю здѣсь объ обоихъ этихъ явленіяхъ для устраненія неправильнаго объясненія орá, олá, олí, ерí, какъ результатъ какого-нибудь фонетическаго процесса, изъ первоначальныхъ ор, ол, ер.

Примѣчаніе. Первоначальныя формы съ оро находимъ, напр., въ оборочивая, выполоскываетъ Ипат. 289, 199.

§ 248. Путемъ заимствованія изъ древнеболгарскаго, въ значительномъ числѣ случаевъ черезъ посредство церковнаго, книжнаго языка, въ русскій языкъ проникли сочетанія ра, ла вмѣсто оро, оло и ре, ле (на мѣстѣ древнеболгарскихъ рѣ, лѣ) вмѣсто ере, ело. Отмѣчу нѣсколько подобныхъ заимствованныхъ словъ изъ живого языка: великор. праздникъ, страшникъ, врагъ, врачъ, влага, влажный, власть, облако, область, краля (въ картахъ), храбрый, гласный, сладкій, срамъ, мразь, время, вредъ, среда, средній, шлемъ, плѣнъ, прежде и преже, прежда Смол. (Добров. II, 240), напрежъ: сперва Шенк. (Плечевъ), прежъ Соликам. (Лукан.), прежа Обоян. (Машкинъ, АГО XIX. 24), дапрежь Бѣлгор.-Курск. (ib. XIX, 44), напредки Шенк. (Плечевъ), Заон. (Пѣвинъ); пре- (прекрасный, премилый и т. п.); чрезъ; малор. ўремя; вражка матюрь Козелецк. (Черн. Г. В. 1853, № 40), płazom Липов.-Кіевск. (Zb. VIII, 240); старшное праворъ, ср. с праперы Пов. объ Аз. спд. Бусл. сп. XVII в. (Орл. 143), откуда наше прапорщикъ.—Путемъ конта-

минаціи русской формы съ оро и книжной съ ра явилось произношеніе, какъ хора́брый, обычное въ былинахъ. хорабрыхъ въ Сб. Посл. XVII в. (Сим. 136): русское хоробрый. церковнослав. храбрый; также корачки, кукорачь (Собол. въ Ж. М. Н. П. 1882): русское *корокъ (ср. окорокъ), церк. *кракъ. — Рядъ словъ съ сочетаніемъ ра. ла. ре вмѣсто полногласныхъ сочетаній проникъ въ угрорусскій языкъ изъ сосѣднихъ словацкихъ говоровъ: стра́на, стражова́ти, о́блак (при о́болок, окно), краль, крагулец, діалект. врана, страка, млъко, крава; въ нѣсняхъ: младий. злато, здравый. гласный, власочькы́, влас (ср. Верхр. Знад. II. 24).

Примѣчаніе. Рядомъ съ хоѣвгъ въ общеслав. праязыкѣ были, повидимому, извѣстны и хобгъ. хѵобгъ. хѵабгъ. съ тѣмъ же значеніемъ, ср. хъбъръ въ Ж. Б. и Гл. XII в., хвабрый Рогач. (Ро. III, 396), Смол. (Добров. II, 306), р. ед. прехваброи (Кв. I, 184).

§ 249. Изъ польскаго языка проникли въ русскій слова съ сочетаніями ро, ло вмѣсто оро, оло. Такъ находимъ въ старинномъ актовомъ языкѣ западной Руси: кроль, коня своєго влостьного Лит. Метр. 1510 г. № 12 (ср рядомъ: ключницю мою волостную, ib. № 16), тыи два члонки ѳалчивѣ написаны 1515, № 192; кролеве, оув оброну, постронный, млоденець, отъ строжи Зап.-русск. пс. XVI в. (Карск., 156), превротныхъ, ростропности Зап.-русск. пс. XVII в. (ib.): кролю влодиславу Грам. Любарта 1393 г. (Палеогр. сп. Собол. и Пгап., № 11). Въ совр. языкѣ: оу злотомъ волосю Гал. (Иги. зъ Никл., 84), злот перстянь Щигр. (Халанск., Р. Ф. В. 1880, № 3). Предположительно такъ же объясняется злото въ надписи на крестѣ Евфросиніи Полоцкой 1161 г. Возможно, что частыя формы съ ро, ло въ Радзивиловской лѣтописи, написанной по многимъ соображеніямъ въ Смоленскѣ, обязаны вліянію книжнаго западно-русскаго языка, пропитаннаго полонизмами: гр҃в свои 100 об., на злотыхъ воротѣ 87, не бронмне 86, соблокса 105 об. и др. Великор. постромка (вмѣсто постронка), вѣроятно, польское заимствованіе, ср. польск. postronek, нижнелуж. póstronk. верхнелуж. postronk (въ чешск. postranek). Считаю возможнымъ признать старымъ заимствованіемъ и слово острогъ (по-русски было бы *осторогъ, ср. осторожный), а также строгій; любопытно остроякость въ значеніи строгость Великолуц. (АГО № XXXII, 33).

Примѣчаніе. Написанія древнерусскихъ памятниковъ съ ро, ло вмѣсто оро, оло въ значительной части обязаны описямъ писцовъ, а частью также и искусственной замѣнѣ церк. ра, ла черезъ ро, ло подъ вліяніемъ русскихъ формъ (слѣдовательно, своеобразной графической контаминаціи): проздьньство Минея XI в., № 194, 98а. проздьнолюбьци

ib. кротъчан ib., злотьникъ ib.; плокаахоу Юр. ев. 90д, тлощи ib. 127а, проздьныѫ не Ев. 1409 (Матер.), шломъ оупванияѫ Христин. ап. 214, по заброломъ Сб. XV в. Соф. 53/255 (Каринск.), с хробрыми Сб. XV в., № 1262 (Каринск.), чрово (ib.), словиѫ Сб. XV в. № 68/270 (Каринск.), сромажливъ Рум. кормч. XIII в. (Р. И. Б. VI, 120), ороужиемь огродивъсѧ Уст. XII в. Тип. № 142, л. 44, на забролѣхъ Ипат. 292а, въ замрозъ 53в, совлокутьсѧ Лавр., врожить, врожениемъ (Быт. XLIV, 15 и 5) Тр.-Лавр. XIV в. (Срезн. Св. и З. № 91). Быть можетъ, подобныя контаминированныя формы были извѣстны и въ живомъ употребленіи, ср. кон(ь) врон Дух. Яросл. 1545 (Лихач. 14); также мло́дому Он. был. Гильф. 47в. Слово ко́вроты (ворота) Росл. (О. С. 160) вмѣсто ко́вороты явилось, конечно, вслѣдствіе выпаденія неударяемой гласной въ заударномъ слогѣ.

§ 250. Объ измѣненіи сочетаній ar, el и др. въ иностранныхъ словахъ въ ara, ele и т. п. скажу ниже, въ § 327. Объ измѣненіи сочетаній or, oĭ въ oru, oĭu въ случаяхъ, какъ скорынья, полынья см. § 260.

Измѣненіе сочетаній tъ̄rt, tь̄rt, tъ̄lt въ tъrt, tьrt, tъlt.

§ 251. Общеслав. сочетанія tъ̄rt, tь̄rt, tъ̄lt, tь̄lt, ć̄ь̄lt, съ долгими и полудолгими плавными, о происхожденіи которыхъ сказано выше въ § 83, въ общерусскомъ праязыкѣ, во-первыхъ, измѣнили полумягкое r въ мягкое передъ мягкими согласными, а также передъ твердыми губными и задненёбными, между тѣмъ какъ передъ твердыми зубными r отвердѣвало, при чемъ предшеств. ь переходило въ ъ̆; во-вторыхъ, замѣнили l звукомъ ł, въ связи съ чѣмъ предшествующія ему ь и ъ̆ превратились въ ъ. Въ общер. праязыкѣ такимъ образомъ получились сочетанія tъrt, tъ́rt, tьrt, tъłt, ć̆ъłt съ долгими и полудолгими плавными: gъ̆rdyĭ, vъ́rха, mь̆rtvyĭ, ć̆ъrta р. ед., mъłva, vъłćі, ć̆ъłna.

§ 252. Какъ указано въ § 236, въ извѣстную эпоху жизни русскаго языка въ немъ утрачивалась долгота и полудолгота плавныхъ; въ связи съ этимъ и подъ вліяніемъ этой утраты предшествовавшія плавнымъ полукраткія ъ, ь̆, ь переходили въ краткія ъ, ь̆, ь, т. е. удлинялись съ полукраткости до краткости. Такъ явились въ общер.: gъrdyĭ, vъ́rха, mь̆rtvyĭ, ć̆ъrta, mъlva, vъłćі, ć̆ъłna съ краткими плавными. Доказательствомъ того, что ъ, ь, ь̆ были въ подобныхъ случаяхъ не полукраткими, а краткими, служитъ то, что они не подлежали здѣсь выпаденію въ позднѣйшую эпоху, когда пали полукраткія гласныя; они замѣнены черезъ o, e, ö (отсюда o), такъ же,

какъ замѣнены тѣми же звуками ъ, ь, ѣ, напр. въ случаяхъ, какъ sъпъ, dь́нь́, Кънъ; ср. великор. гордый, верьха, чорта, волки, малор. човна р. ед., мертвий и т. д. Указаніе на краткость плавныхъ извлекается изъ того обстоятельства, что здѣсь не возникали полногласныя сочетанія; переходъ v́ьŕха, c̋ьrta въ *v́eѓeха, *c̋eѓeta былъ бы непзбѣженъ. если бы r за краткими ь, ѣ было долго; ср. § 236.

Примѣчаніе. Какъ увидимъ ниже, въ § 421, паденіе ъ, ѣ вызвало полудолготу r, l въ сочетаніяхъ ъr, ъ́l, ѣr (or, ol, ór) предшествующаго слога. Явленіе это въ древнерусскомъ было діалектическимъ; въ нѣкоторыхъ діалектахъ r, l оказались неспособными къ удлиненію; вновь возникшія сочетанія: краткая гласная + полудолгая плавная устранялись въ порядкѣ, указанномъ въ § 236. Такъ явилось второе полногласіе: торог, долог, черенца.

§ 253. Приведу примѣры сочетаній ъr изъ общеслав. ѣr̄: древперусск. скърби Христин. ап., бързостию Ефр. кормч., отътъргати ib., пъртѣхъ ib., гърдящеса Поуч. К. Болг., истъ̀ргнеть Гал. ев. 1144, 153a, тържькъ Полоцк. гр. ок. 1265, търговати Гр. ок. 1230, запъртить Гр. Мстислава ок. 1130. Совр. коргъ: широта ладони Обоян. (Машк.); корнать, обкорнать; горсть.

§ 254. Примѣры сочетаній ѣr изъ общеслав.: ѣr̄ съ r полумягкимъ, мьртвъ Гр. 1229 (Д), пьрстаты ib., четвьртоκ Гал. ев. 1144, 1a, простьртаɯ ib., твьрдъ Гр. 1229 (Д), оумьрлъ ib.

Примѣры сочетаній ъr изъ общеслав. ѣr̄: чьрнъı Чуд. пс. XI в., чьртогъ Ефр. Кормч. Совр. малор. чорний, великор. чорствый.

§ 255. Примѣры сочетаній ьŕ изъ общеслав.: ѣr̄ съ r полумягкимъ, вьрхъ Чуд. пс. XI в., испьрва ib., сьрдьцихъ ib., дьржавѫ ib., дьржа Гр. ок. 1130, вьрхъ Гр. 1229 (Д), оутвьржонъ ib., четвьрти ib., дьржати Полоцк. гр. 1265a. Совр. умертъ Козельск. (Черн. Г. В. 1853, № 41), черьга: очередь Обоян. (Машк.), перга ib., ср. польск. pierzga; лико дерти Проскур. (Рудч.), терти Лубенск. (Етн. зб. XIV, 17), въ папьртъ Уст. XII в. Тип. № 142, л. 6.

§ 256. Примѣры сочетаній ъĺ изъ ѣl: испълниши Арх. ев., вълсвѣхъ Гал. ев. 1144, дължьнъ 40в, дългъ Гр. ок. 1230, дължьбита ib., дължьни Гр. ок. 1130, сълньцю Ефр. кормч., вълка ib., обълчена ib.

Примѣры сочетаній ъĺ изъ ѣl: жовпя́ Тотем. (Андр.): жолтый, чолнъ.

§ 258. Отмѣчу здѣсь нѣкоторыя особенныя слова: четвьргъ: до великаго четвьрга Уст. XII в. Тип. № 142, л. 5, въ четвержьнъıи дн̄ь Ипат. 157б: произведено отъ основы четвьр- суффиксомъ -го-, который является

напр. въ малор. у двійзі; отъ той же основы четвьр- образовано четвьрногъ, ср. четвъръногъ Христин. ап. 112. Слово гортань замѣнило исконное грътань подъ вліяніемъ горло, ср. Собол. Оч. 73 и въ Ж. М. Н. П. 1886. Слова скьрбь, скьрбѣти, откуда скербь, скербѣти, напр. скьрбѧаше Арх. ев. 94a, присьрбьна 95b, скьрби Выголекс. сб. (Собол. Р. Ф. В. 1884), оскерблю Арх. лѣств. XIII—XIV (ib.)—явились результатомъ церковнаго произношенія перенесенныхъ изъ древнеболгарскихъ памятниковъ написаній скрьбь, скрьбѣти (по русски: скърбь, скорбь). Неясно доржаша Ев. Типогр. XIV в. № 18 (Карпск.), не додоржу Лодомск. гр. 1581 № CXXXVII, великор. доржать, задоржывать, задоржка: паралл. формы держать, дёржыт изъ дьржати. Слово кърста, при которомъ было кьрста, заимствовано изъ финскаго: ср. в коръсьтоу мшрѡмшреноу Троицк. сп. Новг. 1-й, 62, корсты Лавр. подъ 1092 г. Слово кербь (изв. число горстей льну) также заимствовано. О словѣ скользкій см. выше, § 211. Слово мовити, ср. въ великорусск. примовити Домостр. 38, малор. мовити изъ мълвити.

Слову бревно, діалект. бервно въ древнерусск. соотвѣтствовало бьрьвьно см. ниже § 384.

§ 259. Бѣлор. измѣненія слова сълньце явились подъ вліяніемъ польскаго: słonca Лидск. (Weryha, 55), słońca Свенц. (Zb. XVIII, 198), na prysłonaczku leżą̀ą̀ (Zb. XVIII, 205). Заимствовано изъ польскаго: подлух того Молд. 1434; рядомъ: полугъ его сознанья Лит. метр. 1510 № 20.

О нѣкоторыхъ другихъ измѣненіяхъ сочетаній оr̄, оĭ и др., ъr̄, ъĭ и др.

§ 260. При нѣкоторыхъ условіяхъ, еще недостаточно выясненныхъ, сочетанія or, oĭ, er съ долгими r, ĭ измѣнились не въ полногласныя сочетанія oro, oĭo, eŕe, а въ сочетанія oru, oĭu, eŕi. Ограничусь указаніемъ на тѣ случаи, какіе я имѣю при этомъ въ виду, воздерживаясь отъ какого бы то ни было объясненія. Вмѣсто skor̄nĭjā, откуда съ первымъ полногласіемъ скоронъмъ Палея XIV в. (ср. старослав. скранпа), находимъ: оударилъ его сѧзьць за скорънью Жит. Андрея Юр. по Прол. XIII в. (Св. и З. № 87, с. 176). Вмѣсто roĭnĭja, откуда съ первымъ полногласіемъ полонья Шенк. (Плечевъ) (ср. польск. płonia), находимъ и въ южновеликор. и въ сѣверновеликор. полынья, ср. для послѣдняго напр. Арханг. (Шрепкъ), Кунгур. (Бум. Срезн.). Отъ bor̄šьno, откуда съ первымъ полногласіемъ бброшно малор., произведено боришений при борошенний: мучной малор. (Сл. Желех.). Вмѣсто roĭma, откуда съ первымъ полногласіемъ поломе бѣлор. (Слов. Носовича), находимъ

по́лымя великор., между прочимъ въ окающихъ говорахъ, какъ Владим. (В. Черныш.), Великоуст. (Протопоповъ), по́лымѐ Пошех. (Обл. сл. 171). Вмѣсто ѕolḿa, откуда съ первымъ полногласіемъ шо́ломя: горка, пригорокъ, холмъ Арханг., Вят. (Даль), верхняя часть кровли Пошех. (Обл. слов. № 171), находимъ шо́лымя: возвышенная середина гумна Арханг. (прогр. № 155). Вмѣсто golḿa, откуда съ первымъ полногласіемъ го́ломя: открытое море Арханг. (Шренкъ), го́ломень Петрозав. (Кулик.), го́ломянь Арханг. (Подв.). находимъ голымя́: открытое море Арханг. (Даль), голымень: глубокая вода Арханг. (Никоновъ).

Примѣчаніе. Обращаясь къ вопросу о природѣ ударенія тѣхъ сочетаній ог, оl. которыя измѣнились въ огу, olу, видимъ, что въ значительномъ числѣ случаевъ это было нисх. ударе́ніе: по́лымя, шо́лымя. го́лымя, бо́рышно, вин. ед. ско́рынью, по́лынью.

§ 261. На мѣстѣ сочетанія ъl находимъ olу въ словѣ молынья при молонья; послѣднее можетъ быть объяснено въ результатѣ второго полногласія вмѣсто тълніја (§ 252, 421); но olу въ молынья предполагаетъ какое-то особенное развитіе сочетанія ъl—ol. Написанія молынния, молынъа находимъ въ Радзив. XV в. подъ 941 и 1024 г.: здѣсь не можетъ быть рѣчи о переходѣ о въ ы въ неударяемомъ слогѣ. Укажу молынья́ въ совр. сѣверновелик. говорахъ, также не знающихъ звука ы на мѣстѣ о: Кадник. (Шахм.), Кирилл. (прогр. № 170), Бѣлоз. (прогр. № 158), Весьег. (прогр. №№ 122, 217), Муром. (прогр. № 100), Мышк. (прогр. № 71), Шенк. (прогр. № 83), Пошех. (О. С. № 169) и др.; съ ударе́ніемъ на ы отмѣчено моль́нье Ворон. (О. С.). Вмѣсто ъr̄ находимъ оры въ тарь́ышка: барышъ, прибыль, выгода Наровч. (Оп.), тарь́ячничать: торговать мелочью или старьемъ Калуж. (Оп.); ср. старослав. тръгъшкъ, словенск. tr̄žnik.

§ 262. Еще неожиданнѣе измѣненіе ol въ началѣ слова въ alу. Мы находимъ его въ словѣ алынья́: корова Владим., Костром. (Оп.); ср. старослав. алъгыни.

Примѣчаніе. Оставляю также безъ всякаго объясненія сочетанія ага, аła, которыя находимъ вм. ого, olo. Такъ къ корню bolx-, откуда борошно, относится бара́хло: хламъ, буторъ, скарбъ (Даль), барахло́ Шенк. (Оп.), въ знач. всякое движимое въ домѣ имущество, рухлядь, барахло́ Арханг. (Подв.), Колым. (Богоразъ). При указанныхъ выше молонья, молынья находимъ мала́нья Арханг. (Подв.), мала́нка бѣлор. (см. у Носовича: мала́нка), Пинск. (прогр. сѣверномалор. № 1), Дисн. (съ значеніемъ зарница, прогр. бѣлор. № 6), мала́шка Ворон. (мола́шка въ Доп., с. 325); съ другимъ ударе́ніемъ: маланья́ Кирилл. (прогр.

№№ 163, 167, 215), Бѣлоз. (прогр. №№ 162, 165, 191), Чердын. (прогр. № 258), Каргоп. (Кулик.), Кунгур. (Бум. Срезн.), Перм. (Волеговъ), Шуйск. (Гарелинъ), Судогод. (Соловьевъ), Вытег. и Нерех. (Оп.), Кадник. (Шайтановъ, Жив. Ст. V, 392); ср. моланьа въ Паис. сб. нач. XV в. (Мат. Срезн.). мьланьмъ въ Палеѣ 1406 г. (изд., с. 5).— Число приведенныхъ примѣровъ съ оры, олы, ара, ала, и т. д. можно значительно увеличить, если принять во вниманіе рядъ глаголовъ, по значенію своему звукоподражательныхъ: въ виду именно этого значенія, звуковая форма такихъ глаголовъ не можетъ казаться достаточно убѣдительною для обоснованія того или иного звукового закона. Имѣю въ виду напр. полыснуть при полоснуть, полосовать; полыхнуть при малор. пала́хнути, спала́хнути; шелыхнуть при шелохнуть, шала́хнуться; бутаражить ср. буторга, чубарахнуть ср. словацк. brchat'sa (взбираться, карабкаться); толыкнуть: торыкнуть и т. д.

Измѣненія въ количествѣ и удареніи.

§ 263. Приведу ниже при обозрѣніи звукового состава общерусскаго праязыка тѣ основанія, которыя не позволяютъ допустить въ немъ сколько-нибудь значительныхъ измѣненій въ количественныхъ и акцентныхъ отношеніяхъ сравнительно съ общеслав. праязыкомъ. Частичныя измѣненія имѣли здѣсь мѣсто, какъ видно изъ сдѣланнаго въ § 236 указанія на сокращеніе плавныхъ согласныхъ въ сочетаніяхъ or, oĺ, ěr, ěĺ. Въ связи съ появленіемъ полногласныхъ сочетаній стоитъ измѣненіе долгаго и полудолгаго нисх. ударенія сочетаній or, oĺ, er на краткое нисходящее удареніе въ первой части полногласныхъ сочетаній oro, oĺo, eŕe (vôrtě перешло въ vȏrotě), при чемъ нисходящій характеръ такого ударенія доказывается тѣмъ, что великор. говоры, измѣняющіе o въ uo подъ старымъ восх. удареніемъ, здѣсь сохраняютъ o безъ измѣненія: Егор. го́лову, Тотем. сто́рону. Восх. удареніе долгое и полудолгое явилось въ видѣ, повидимому, краткаго восходящаго ударенія на второй части полногласныхъ сочетаній (koŕva, voŕta перешли въ koŕóva, voŕóta): восх. характеръ ударенія доказывается великорусскими говорами, представляющими произношеніе каруова Егор., воруота Тотем.

Отдѣлъ IV. Звуковой составъ древне-русскаго языка.

§ 264. Совершенно условно въ настоящемъ заглавіи подъ древнерусскимъ языкомъ понимаемъ языкъ того періода, который предшествовалъ

непосредственно окончательному распаденію русскаго языка на три большія нарѣчныя группы, опредѣляемыя какъ южнорусская, восточнорусская и сѣвернорусская. Образовались эти группы въ составѣ русскаго языка очень давно, въ эпоху, предшествовавшую появленію письменности и даже сложенію кіевскаго государства. Но долгое время, благодаря особеннымъ условіямъ политическимъ и экономическимъ, не прерывалась внутренняя связь между этими нарѣчіями, поддерживавшая языковое ихъ единство. Весь дальнѣйшій трудъ нашъ посвященъ описанію именно этой эпохи въ жизни русскаго языка. При этомъ необходимо различить, во-первыхъ, то общее, что унаслѣдовано всѣми русскими нарѣчіями изъ общерусскаго праязыка, во-вторыхъ, тѣ общія измѣненія, которымъ подверглись нѣкоторые звуки въ этомъ именно періодѣ, въ-третьихъ, діалектическія особенности, характеризующія названныя три русскія нарѣчія. Настоящій отдѣлъ посвященъ разсмотрѣнію общаго достоянія всего древнерусскаго языка въ области звуковъ.

§ 265. Древнерусскій языкъ того отдаленнаго періода, на которомъ мы останавливаемъ свое вниманіе, познается не только изъ данныхъ, выяснившихся въ предыдущемъ изслѣдованіи, гдѣ мы подвергли подробному разсмотрѣнію звуковой составъ общеслав. праязыка и внесенныя въ него измѣненія въ теченіе періода, опредѣляемаго какъ общерусскій праязыкъ, но также изъ изученія письменныхъ памятниковъ XI—XII вѣка: изученіе этихъ памятниковъ, современныхъ подлежащему нашему разсмотрѣнію періоду, даетъ значительное освѣщеніе фактамъ и расширяетъ поле наблюденія, обогащая наши знанія данными, засвидѣтельствованными современностью. Правда, дошедшіе до насъ памятники написаны почти всѣ не русскимъ, а церковнославянскимъ языкомъ, но этотъ церковнославянскій языкъ, при томъ не только рѣдкихъ, впрочемъ, свѣтскихъ памятниковъ, но также и духовныхъ, пропикнутъ русскими элементами. Усвоивъ себѣ церковнославянскій языкъ, какъ живой языкъ церковнаго богослуженія, церковной проповѣди и бесѣды, русскіе полагали различіе между своимъ роднымъ языкомъ и этимъ книжнымъ, литературнымъ языкомъ развѣ только въ словоупотребленіи; что до звуковой стороны, то церковнославянскій языкъ принялъ весьма быстро звуковой обликъ русской рѣчи; особенные его звуки, чуждые русскому языку, замѣнялись соотвѣтствующими русскими звуками, и говорившіе на немъ не прилагали никакихъ стараній къ тому, чтобы сохранить въ своемъ произношеніи чуждыя родной ихъ рѣчи древнеболгарскія особенности; носовые звуки они замѣняли соотвѣтствующими чистыми звуками, произнося ǫ (ѫ) какъ у и ę (ѧ) какъ а; сочетанія слоговая плавная + ъ или ъ замѣнялись соотвѣт-

ствующими русскими сочетаніями ър, ьр, ъл; звуки жд (ždʹ) замѣнялись звукомъ ж (ž); болгарское ѣ, произносившееся частью какъ ä, частью какъ a, передавалось черезъ е; полумягкія или твердыя (вслѣдствіе отвердѣнія) согласныя передъ гласными передняго ряда произносились какъ мягкія; болгарское l (если оно въ тотъ періодъ уже успѣло замѣнить общеслав. ľ) передавалось передъ гласными непередняго ряда какъ ľ; болгарское g южнорусами, превратившими всякое g въ γ, читалось какъ γ, и т. д. Это русское произношеніе въ первыхъ же памятникахъ письменности нашло себѣ выраженіе отчасти и на письмѣ: ср. смѣшеніе буквъ ѫ и оу; ѧ, ѩ и ѭ, а; замѣну ръ, рь, лъ черезъ ър, ьр, ъл; смѣшеніе буквъ ѣ и е; замѣну болг. жд черезъ русское ж, и т. д. Такимъ образомъ уже съ XI вѣка имѣемъ письменныя свидѣтельства о живомъ русскомъ языкѣ. Наши знанія были бы гораздо удовлетворительнѣе, если бы до насъ сохранились въ подлинникахъ или современныхъ копіяхъ многочисленныя оригинальныя произведенія русской письменности XI и XII вѣка. Но памятники эти частью погибли, частью дошли до насъ въ позднѣйшихъ спискахъ и переработкахъ. Тѣмъ не менѣе и по этимъ ихъ передѣлкамъ можемъ судить объ языкѣ тѣхъ эпохъ, когда они возникли; даже звуковая сторона оригиналовъ не стерлась безслѣдно. Нѣкоторые изъ нихъ, а именно юридическіе памятники представляли живой русскій языкъ, почти безъ примѣси церковнослав. элементовъ: объ этомъ свидѣтельствуетъ, напр., языкъ Русской Правды, дошедшій до насъ въ спискахъ XIII в. Въ предстоящемъ обзорѣ звукового состава древне-русскаго языка будутъ приняты во вниманіе факты письма, насколько они отражали живое произношеніе.

§ 266. Древнерусская письменность началась одновременно съ принятіемъ кіевскою Русью христіанства. Это важнѣйшее въ исторіи русскаго народа культурно-историческое событіе было подготовлено тѣми культурными связями, которыя создались между южною Русью и Балканскимъ полуостровомъ; едва ли подлежитъ сомнѣнію, что эти связи тѣснѣйшимъ образомъ соединяли Кіевскій югъ именно съ родственною Болгаріей: она стала просвѣтительницей Руси. Заимствовавъ отъ Болгаръ христіанскую вѣру, русскіе переняли и ихъ языкъ въ качествѣ сначала церковнаго, потомъ книжнаго языка. Вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ элементы заимствованнаго языка проникли глубоко въ среду народную, при чемъ ея достояніемъ становилась не только обыденная христіанская терминологія, но также и рядъ по происхожденію болгарскихъ, а также и греческихъ, но прошедшихъ черезъ болгарскую среду словъ, выражавшихъ новыя понятія въ области духовной и матеріальной культуры. Благодаря тому, что заимствованія шли изъ родственной среды, они прививались живому русскому языку съ осо-

бенною легкостью. Историку языка необходимо считаться съ этими новыми, вторгшимися въ языкъ элементами, обогатившими въ частности и звуковой составъ языка. Кромѣ болгарскаго языка русскій языкъ древнѣйшаго періода испыталъ на себѣ вліяніе польскаго, а также греческаго языка; менѣе значительно было число заимствованій изъ древне-скандинавскаго (черезъ посредство Варяговъ), западно-финскихъ языковъ на сѣверѣ, тюркскихъ и иранскихъ на югѣ. Нѣкоторыя изъ такихъ заимствованій будутъ введены въ обзоръ звукового состава древнерусскаго языка.

Глава I. Гласные звуки.

§ 267. Древнерусскій языкъ имѣлъ слѣдующія гласныя *задняго ряда*: нелабіализованное a, лабіализованныя o, ô, u; *средняго ряда*: нелабіализованное y, лабіализованныя ъ, ȯ, ô, u̇; *передняго ряда*: нелабіализованныя i, ь, ê, e, ä, лабіализованныя (діалект. ü), ѣ, ô, ö. Гласныя a, u̇ были извѣстны въ краткомъ, полудолгомъ, долгомъ и сверхдолгомъ видѣ. Гласныя i, y, u являлись не только въ этихъ четырехъ видахъ, но также еще въ полукраткомъ видѣ (впрочемъ, полукраткое u — только въ діалектахъ), при чемъ i (а діалектически также u) было извѣстно еще и въ неслоговомъ видѣ. Гласныя o, ȯ, e, ä, ö были извѣстны въ краткомъ видѣ, но подъ удареніемъ восходящимъ o, ȯ, e, ö были полудолги. Гласныя ô, ô, ô, ê являлись только въ полудолгомъ видѣ. Гласныя ъ, ь, ѣ встрѣчались и въ краткомъ и въ полукраткомъ видѣ, при чемъ ъ и ь были извѣстны кромѣ того и въ неслоговомъ видѣ. Наконецъ, общер. языкъ имѣлъ сложную гласную ѣ. Укажу на происхожденіе всѣхъ этихъ гласныхъ и приведу соотвѣтствующіе примѣры.

§ 268. Звукъ a послѣ твердыхъ и мягкихъ согласныхъ восходитъ къ общеслав. a: daťa, žaba, koňa; послѣ мягкихъ согласныхъ (изъ общеслав. мягкихъ и полумягкихъ)—также къ общеслав. ę: ćadь, dĭťa: послѣ мягкихъ согласныхъ (изъ общеслав. полумягкихъ)—къ общеслав. ä: rumäпъ; въ началѣ слова a восходитъ къ общеслав. ha: a, ačo, aky. Кромѣ того a являлось изъ e въ результатѣ ассимиляціи предшествующему a: znaaši, dobraaho. Кратко a въ vodà, dĭťà, śiła; полудолго въ žábu, bŕátъ, ŀorátu, dumaĭ; долго въ sâdъ, xvālà; сверхдолго въ xvālĭśì, mĕstā.

Въ заимствованныхъ словахъ a обычно соотвѣтствуетъ иноязычному a подъ удареніемъ, почему оно полудолго: котопанъ: κατεπάνος, баня: βάνειο, βανεια, *βάνειον, паплома: πάπλωμα. Иногда мы находимъ a на мѣстѣ неудар. o: акіаня 1459—70 (А. А. Э. I. № 62), манастырь 1433 (А. Кал. I,

№ 31), также обычно въ Лавр. лѣт. и мн. др., Фегпасту 1391—1428 (А. Кал. I, № 82), Фегпаста 1498 (А. Кал. I, № 31), конановъ Гр. XV—XVI (А. Кал. II, № 149), спманъ Гр. XV в. (А. Кал. II, № 160), спманово 1447—56 (А. Кал. I, № 63). Впрочемъ, древнеболгарское а передается всегда черезъ а: градъ, гражане. Въ положеніи послѣ мягкой согласной а соотвѣтствуетъ и древнеболгарскому ѧ, ѩ: времѧ, жажда, а также иноземнымъ сочетаніямъ ап, еп: мѧтель, варѧгъ.

На письмѣ звукъ а изображался послѣ твердыхъ согласныхъ, послѣ ж, щ, ч, щ, ц, а также въ началѣ слова буквой а: саш, жаль, часъ, аче; послѣ мягкихъ согласныхъ онъ изображался и черезъ ѩ, и черезъ ѧ: кънѧзѧ, мѧсо, имѧахоу, костѧнтини, а также къназа, маса, имаахоу, костантини; послѣднее правописаніе гораздо обычнѣе, въ особенности въ памятникахъ XII и сл. вѣковъ; впрочемъ, ѩ держится дольше послѣ н, л, что объясняется наличностью въ старослав. оригиналахъ написаній нѧ, лѧ (между тѣмъ какъ мѧ, сѧ и т. п. были въ нихъ неизвѣстны). За буквами ж, ш, ч, щ, ц, кромѣ а, пишется также и ѩ, ѧ: ѻ҃ца, части, ноужа. Сочетаніе ja (да) изображается безразлично черезъ ѩ и ѧ: ѩко, моѧ, твоа, но съ теченіемъ времени преобладаетъ ѩ. Такъ выработывалась слѣдующая особенность позднѣйшаго русскаго письма: послѣ мягкихъ согласныхъ (кромѣ всегда мягкихъ ж, ш, ч, щ, ц) а изображается черезъ ѧ, послѣ j черезъ (ja=ѩ) а.

§ 269. Звукъ о послѣ твердыхъ согласныхъ восходитъ къ общеслав. o: doma, slovo, toho, въ началѣ слова—къ общеслав. ho, которое само изъ o: osa, ostrovъ, а также къ общеславянскому сочетанію je (je), измѣнившемуся по-русски въ е и далѣе въ ó, o: óсеńь, óдiнъ; въ полногласныхъ сочетаніяхъ ого. оło, óło второе о возникло на русской почвѣ въ результатѣ сокращенія предшествующей плавной; въ нѣкоторыхъ случаяхъ оło восходитъ къ el: mołoko; въ сочетаніи uo вмѣсто ue, напр. предположительно въ дат. ед. dobruomu, о замѣнило е черезъ посредство ŏ. Кратко о въ gńězdò, bўło; подъ ударенiемъ нисходящимъ оно кратко, напр. въ vòdu, pòlŏ, gòrodъ, а подъ восход. уд. въ серединѣ слова предположительно только въ полногласн. сочетаніяхъ, какъ koròva, koròlъ. Полудолго о подъ восх. удареніемъ: kóźa, nóśiśi, naróda.

Въ заимствованныхъ словахъ о соотвѣтствуетъ краткимъ о и а (неударяемому), напр. кровать: κραββάτι(ον), ропать: ῥαπάτ(ιον), огофонов 1391—1428 А. Кал. I № 82), гермона 1462—64 (XVI) А. Кал. I № 52, афонасья 1462—63 (А. Кал. I № 31), романъ и ромонъ: ῥωμανός, моностырь (напр. моностыря 1448—68 А. Кал. I № 35): μοναστήριον; начальное неударяемое а систематически передается черезъ о: оврамъ, ондрѣи, олексѣи. Кромѣ того о замѣняетъ начальное е: октенья, опимахъ, олистратъ, олисава.

На письмѣ звукъ o изображался буквой o: донъ; рѣже, и при томъ преимущественно въ началѣ слова, пишется и ѡ, напр. особенно обычно ѿ, вм. отъ, а также ⊙: ⊙ко.

§ 270. Звукъ ô послѣ твердыхъ согласныхъ восходитъ къ общеслав. ô, а именно въ слогѣ, предшествующемъ слогу съ полукраткою гласною. dômъ, sôlь, kôńь. Кромѣ того въ сочетаніяхъ rô, lô въ началѣ слова, явившихся въ результатѣ перестановки: lôni, rôstu. Звукъ ô всюду полудологъ.

На письмѣ ô изображалось такъ же, какъ o: домъ.

Примѣчаніе. Отличіе ô отъ o доказывается малорусскимъ, гдѣ на мѣстѣ удлинившагося ô передъ слогомъ съ выпавшею полукр. гласною явился дифтонгъ uo: duom, nuos, ruost.

§ 271. Звукъ u послѣ твердыхъ согласныхъ восходитъ къ общеслав. u и ǫ: muxa, drugъ, muka, puťь. Въ началѣ слова—восходитъ къ общеслав. lu: uči̋tь, umъ, и къ lǫ: ugъlь; кромѣ того восходитъ къ jû: unъ, ugъ. Кратко u въ bobù, nesù, sy̋nu, vȍdu; полудолго въ túča, ľúkъ, posúda· долго въ drûgъ, sûdítь, mûkà; сверхдолго въ sûdъ, sûdi̋tь. — Полукратко и только діалектически въ соотвѣтствіи звукамъ vь, vě другихъ говоровъ: ùdova, praȕda, noȕ.—Неслоговое u было извѣстно только діалектически въ соотвѣтствіи звуку v другихъ говоровъ (см. ниже, § 295), но также въ дифтонгахъ au, eu въ заимствованныхъ словахъ.

Въ заимствованныхъ словахъ соотвѣтствуетъ звуку u: зипунъ: ζιπούνι· также древнеболгарскому ж: оуболъ, соубота; кромѣ того сочетаніямъ on, un: соудъ (назв. цареградской гавани изъ древнесканд. sund), кубара: κουμβάρα. Далѣе находимъ и вм. древнесканд. ō, напр. тиоунъ: þiōn; наконецъ, вмѣсто неударяемаго и ударяемаго греческаго o: моускоусъ: μόσχος, пардоусъ: πάρδος, пароусъ: φάρος, уксусъ: ὄξος; варсунофей 1486 (XVI), А. Кал. I, № 69, сватыи матроуны Пут. ев. 223. На мѣстѣ греч. υ: паноухида Уст. XII в. Тип. № 142 (ср. ib. о панюхидѣ). Вообще же греч. υ можетъ передаваться черезъ ю: на кюпарисѣ Уст. XII в. Тип. № 142, л. 7 об., въ мюра место ib. 34, и черезъ у (v), произносившееся какъ ü.

На письмѣ u изображалось обычно буквами оу (въ подражаніе древнеболгарскому и греческому пріему); изрѣдка вмѣсто оу лигатура 8: роусь, сыноу, нѫжа. Гораздо позже стали писать у, сохраняя оу въ началѣ слога. Діалектическое ŭ изображалось буквами въ, напр. въдова, въгодьникъ, новъ, рѣже черезъ оу, а послѣ гласныхъ и черезъ у: оу домъ, оу чемь, прауда; неслоговое u изображалось черезъ в, но послѣ гласныхъ также черезъ у: васъ, волѫ, вы, ставлю, гавриилъ, гауриилъ, еуга, еупраксиѧ.

§ 272. Звукъ у употребляется только послѣ твердыхъ согласныхъ и восходитъ къ общеслав. у: byla, dymъ. Кратко у, напр. въ vodỳ, rukỳ, vȍdy, полудолго въ ĺýko, koryto, долго въ sȳnъ, mȳšь, bȳlà, сверхдолго въ mȳ. Полукраткое у (только въ положеніи передъ i̯)—въ слогахъ неударяемыхъ: útȳi̯uťь, dobrŭi̯e (при dobryje).

Въ заимствованныхъ изъ древнеболг. языка словахъ русское у восходитъ къ ы, которое можетъ замѣнять и греческое ι, напр. статырь, давыдъ, монастырь (ср. монастиря 1455—62 А. Кал. I, № 31, манастиря гр. XV в., А. Кал. II, № 126).

На письмѣ изображается буквой ы, ы: рыбы; въ извѣстныхъ школахъ, подъ южнослав. вліяніемъ вм. ы писалось ы, напр. въ нѣкоторой части Сб. 1073, въ Кирилл. части Реймскаго евангелія.

§ 273. Звукъ ъ лабіализованный употребляется, во-первыхъ, послѣ твердыхъ согласныхъ, восходя къ общеслав. ъ нелабіализованному: sъnъ, gъžь, tъnъkъ, во-вторыхъ, послѣ исконно мягкихъ согласныхъ, восходя къ общеслав. ь (т. е. лабіализованному ь): šъĺь. Въ сочетаніи ъĺ звукъ ъ можетъ восходить къ ь (общеслав. ьl): vъĺkь, dъĺgo, и къ ѣ (общеслав. ѣl): čъlnъ. Звукъ ъ кратокъ въ ĺъžь, kъíь, полукратокъ въ sъna, kъńaźь, dômъ. Краткое ъ восходитъ къ общеслав. полукраткому въ сочетаніяхъ ъr, ъĺ: bъrzyi, mъĺva. Неслоговое ъ являлось въ положеніи за слоговыми r, ĺ: r̥ъžanъ, ĺ̥ъži.

Въ заимствованныхъ изъ болгарскаго словахъ ъ восходитъ къ ъ, при чемъ ъ въ извѣстныхъ случаяхъ возводится къ греческому ο: къснатинъ, вънифонтью Пут. ев. 229, вънифантиа Рум. ев. XIV в., № 8, 14с; является также на мѣстѣ греч. ου: коукъльмь главоу покрывъ Уст. XII в., №142, л. 4. Въ заимствованіяхъ изъ другихъ языковъ можетъ восходить къ u, напр. гътинъ; нѣмънъ: лит. Nẽmunas, пърга финск. puri, также къ другимъ звукамъ: Вълга, Вълъгда, ср. финск. valkëa, valkia: бѣлый, свѣтлый (А. Л. Погодинъ).

На письмѣ звуки ъ, ѣ изображались послѣ твердыхъ согласныхъ буквой ъ: сънъ, ръпъть, а послѣ мягкихъ буквой ь: шьлъ, чьртъ; также изображался ъ: ръжанъ (r̥ъžanъ).

§ 274. Звукъ ȍ употребляется только послѣ исконно мягкихъ согласныхъ и восходитъ къ общеслав. ȍ изъ е, въ концѣ слова и передъ слогомъ съ гласной непередняго ряда: žȍna, kъńažȍ, čȍtyŕä, dvoŕišč̌ȍ. Звукъ ȍ кратокъ, но подъ восх. удареніемъ полудологъ: ŕeč̌ȍga.

На письмѣ ȍ изображается черезъ букву е, и лишь въ очень немногихъ случаяхъ вмѣсто е пишется о (ср. § 203): четыре, шестыи, жена, печера.

275. Звукъ ô употребляется также—только послѣ исконно мягкихъ согласныхъ и восходитъ къ общеслав. ô, замѣнявшему e (точнѣе ê полудолгое) передъ слогомъ съ полукраткимъ ъ: ž̑ôn̑ъka, ž̑ôstъ̑ko. Звукъ ô полудологъ.

На письмѣ изображается черезъ е и только изрѣдка черезъ о: женъ. жестъко, бъчелъ, жонъ.

§ 276. Звукъ ŭ употребляется только послѣ исконно мягкихъ согласныхъ и замѣняетъ общеслав. ŭ и ǫ: l̑ubl̑u, kožŭ. Кратко ŭ въ nošŭ. kъńaźu, полудолго въ šč̑ŭka, долго въ l̑ubo, сверхдолго въ l̑ubъ̄tъ̑.

На письмѣ изображается черезъ ю: кожю, шюмъ, коню, волю, любить.

§ 277. Звукъ i употребляется въ началѣ слова и слога, а также послѣ мягкой согласной и восходитъ къ общеслав. i: ńiva, ťixo, idǫ, iva. Въ šiźu. dĭťa і восходитъ къ общеслав. ѣ. Кратко і въ nesì, božii, noči; полудолго въ šiĭa, kĭinъ̑; долго въ ĭistъ̑, ḿigъ̑; сверхдолго въ ĭiźeťъ̑. —Полукратко ĭ въ moĭ, daĭ, śaďĭ, ńeśeśĭ, koĭĭje, proĭĭi̯uťъ̑, ĭdǫ.—Неслоговое i̯ чередуется съ j. см. ниже.

Въ заимствованныхъ словахъ і восходитъ къ иноязычному і: лимень: λιμένι, аксамитъ: ἀξάμιτον, ἐξάμιτον, паримиа: παροιμία Уст. XII в., Тип. № 142. л. 5. Изъ древнескандикавскаго: Шимонъ, Шихбернъ.

На письмѣ изображается черезъ и: из лѣса, жизнь, примъ; буква и въ значеніи і: великыи, мати, несеши, зелиѥ. Буква и можетъ замѣняться черезъ ı, i.

§ 278. Звукъ ь употребляется послѣ мягкихъ согласныхъ и восходитъ къ общеславянскому ь: ťьśťъ̑, vĭ̑śi. Кратко ь напр. въ ĭьśťъ̑, ŕьńъ̑; полукратко въ sǒl̑ъ̑, ḿ̑zda, ḿ̑śťisĭavъ̑. Въ сочетаніи ьŕ ь замѣнило общеслав. ъ: vьŕba. Неслоговое ь является въ сочетаніяхъ ŕ̥ь, l̥̑ь въ положеніи за слоговыми r̥, l̥: śl̥̑ъ̑za, l̥̑ъ̑u, myśl̥̑ъ̑.

Въ заимствованныхъ словахъ соотвѣтствуетъ краткому і: кьрста, ср. финск. kirstu (ящикъ, сундукъ); названіе мѣстности Тьрѣ, Терскій берегъ; далѣе Тьхвѣрь, ср. Тихвинъ; назв. рѣки Тьпра, откуда Пра (притокъ Оки); шьлкъ: ср. лит. šilkas, англ. silk. Передавая древнеболгарское ь. оно можетъ черезъ его посредство восходить къ греч. і: дьмитръ, парьмиа (отсюда паремья), сьменъ, напр. смена Рум. ев. XIV в., № 8, 27а; сюда же вѣроятно, въ сноксари вм. сьноксари Уст. XII в. Тип. № 142, л. 12 об.

На письмѣ изображается буквой ь: чьсть, дьнь, тьма, чьрвь, вьрхъ, людьми, сльза.

§ 279. Звукъ е употребляется послѣ мягкихъ согласныхъ и восходитъ къ общеслав. е: vědï, ľeťьľь; извѣстенъ кромѣ того въ началѣ слова на мѣстѣ общеслав. he: eto, evo, eśćo, и въ началѣ слога послѣ гласной: dobroe, moemu, znaeťь (при znaaťь); въ концѣ слова употребляется только послѣ ị: ľistïị̈e, dobroị̈e (отсюда и dobroe). Въ сочетаніи eŕe, которое можетъ восходить къ общеслав. er, является вставнымъ звукомъ: umerèti, verèḿa. Звукъ е кратокъ; подъ удареніемъ нисх., напр. vẽśeľo, подъ восход. удареніемъ въ серединѣ слова только въ полногласномъ сочетаніи ere: ľerèḿa. Вообще же подъ восх. уд. опъ полудологъ: tŕaśéťä, poťéŕa, ćéśeťь.

Въ заимствованныхъ словахъ соотвѣтствуетъ иноязычному е: лепъта: λέντιον. Въ церковномъ произношеніи звукъ е передавалъ древнеболгарское ѣ: предъ, времѧ, средоу, телесьнѣи, при тебе. Ср. се же ведьте Путенск. ев. 107, не вѣде 109, к себе 113, ни азъ повѣде вамъ 140, ѡблеченъ 235; вѣде Быбельск. ап. 10, свѣде 27 об., въ себе 6 об.

На письмѣ изображается буквой е: вели, женѣ, печаль; ị̈е передается черезъ ѥ: доброѥ, троупиѥ, но также, согласно и съ древнеболгарскимъ пріемомъ, черезъ е.

§ 280. Звукъ ê употребляется только послѣ мягкихъ согласныхъ и, восходя къ общеславянскому ę̂, встрѣчается, передъ слогомъ съ полукраткими ъ и ь (рѣже съ ъ): ṕêćь, jêï, mojêì. Звукъ ê всегда полудологъ.

На письмѣ изображается буквой е, а въ сочетаніи съ предшествующимъ j или ị̈ черезъ ѥ: печь, о немь, вельможа, вечерьнии, ѥи (но также, согласно и съ древнеболгарскимъ пріемомъ: еи).

§ 281. Звукъ ä употребляется только послѣ мягкихъ согласныхъ, замѣнившихъ общеслав. полумягкія согласныя, и притомъ въ концѣ слова: synoṕä, xodïťä, otъ ḿeńä, ję́śťä, ję́śḿä. Звукъ ä всегда кратокъ, какъ въ неударяемомъ положеніи, такъ и подъ удареніемъ.

На письмѣ изображается буквой е: сѣнове, дворане, ѡ мене, ѥсте, ѥсме, ходите.

§ 282. Звукъ ь употребляется только послѣ мягкихъ согласныхъ (на мѣстѣ общеслав. полумягкихъ) и замѣняетъ общеслав. ь передъ твердой согласной: ľьnъ, ṕьsъ. Звукъ ь кратокъ въ приведенныхъ словахъ, также въ śťьkľa (им. мн.), boľьnъ. Полукратко было ь въ ṕьsa, śťьkľo. Въ сочетаніи ьr звукъ ь замѣнилъ общеслав. ь сочетанія ьŕ: ďьrnъ, ḿьrtvyï.

На письмѣ изображается черезъ ь: зьрно, льнъ, больнъ.

§ 282[1]. Звукъ ŭ неполнаго образованія, и притомъ полукраткій, былъ предположительно извѣстенъ только діалектически въ тѣхъ именно говорахъ, которые въ соотвѣтствіи съ vъ имѣли звукъ ŭ (u неполнаго образованія);

то же й являлось и на мѣстѣ vѣ, какъ напр. grаĭda, но въ грамм. окончаніяхъ, подъ вліяніемъ родственныхъ формъ съ ví, vé, являлось и ĭ неполнаго образованія: krъ̆ĭ, ostaĭ (вмѣсто ostavĭ).

§ 283. Звукъ ò только послѣ мягкихъ согласныхъ (на мѣстѣ общеслав. полумягкихъ) замѣняетъ общеслав. e передъ твердой согласной: śoło, ńòsu, ḿodu. Въ сочетаніи eŕò o новаго происхожденія (общеслав. er): ďeŕóvo. beŕòza. Звукъ ò кратокъ въ ḿòdu, ŀòdu подъ нисх. удареніемъ, въ beŕòza подъ восходящимъ. Подъ восх. удареніемъ o полудолго: ṕeŕeṕòta.

На письмѣ изображается черезъ e: несу, дерево, леду.

§ 284. Звукъ ô соотвѣтствуетъ общеслав. ê, замѣняя его при тѣхъ же условіяхъ, что o замѣняетъ e (причемъ замѣна эта нефонетическая) ḿôdъ̆, ťôťъ̆ka. Звукъ ô всегда полудологъ.

На письмѣ изображается буквой e: медъ, велъ.

§ 285. Сложная гласная ѣ̀ въ общер. праязыкѣ восходитъ частью къ общеслав. ѣ̀, частью же къ общеслав. ѣ̂. Общерусское ѣ̀ представляло тѣ же два оттѣнка произношенія, которые были свойственны общеслав. ѣ̀, а именно въ концѣ слова и передъ мягкой согласной ѣ̀ звучало, повидимому, какъ ie, а передъ твердой согласной какъ eă: въ концѣ слова ѣ̀ было, впрочемъ, кратко, и это даетъ основаніе думать, что оно произносилось здѣсь какъ i̯e. Сочетанія ie (ѣ̀) и eă (ѣ̀) могли быть долги и полудолги: долго ѣ̀ въ śѣno, gńѣzdò, ѣ̀ въ stѣńѣ (послѣ t, въ формѣ дат. ед. съ удареніемъ на корнѣ): полудолго ѣ̀ въ ḿѣra, śѣla, ѣ̀ въ ḿѣŕiťi; кратко въ vodѣ̆, slavѣ̆, р. ед. volѣ̆.

Въ заимствованныхъ словахъ ѣ̀ соотвѣтствуетъ частью дифтонгамъ ia, iă, ie: Корѣла; Корѣльскымъ 1459—70 (А.А.Э. I, № 62); Онѣга, wбонѣзьскыи Уст. 1137 (сп. 1282); на Свѣри Уст. 1137 (сп. 1282), Тьхвѣрь, Тфѣри 1361 — 65 (ААЭ. I. № 5), Тфѣрьскихъ ib., частью же долгому e: Кѣсь. Отмѣчу имя лица Гѣлмико Гр. 1285 (РЛА). Въ рядѣ словъ, заимствованныхъ изъ греческаго, находимъ ѣ̀ на мѣстѣ ударяемаго e, причемъ вѣроятно, что такое ѣ̀ возникло въ древнеболгарскомъ произношеніи и уже отсюда перенесено въ русскій языкъ: офрѣмъ, ефрѣмъ Лавр. 138б, ср. малор. охрім, аньдрѣи Гр. 1284, артѣмии ib., лаврѣнтии ib., тимофѣи 1362 — 89 (Г. Др. I, р. IV, № 2), евсѣвка 1362—74 (Г. Др. I, р. IV, № 1), евсѣвья 1462 — 64 (А. Кал. I, № 31), матвѣи 1490 (А. Кал. II, № 156), дѣмонцо̂ Новг. 1471, № 20, кѣларем 1490 (А. Кал. II, № 156), кѣларю 1490 (А. Кал. II, № 147), дѣмони Лавр. 83а, орѣста Мстисл. ев. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣняетъ i: апрѣль, олексѣи, сергѣи, моисѣи; керьлѣшь Ипат. 270а; Огрофѣна 1432 — 43 (А. Кал. I, № 63), Сергѣем 1490 (А. Кал. II,

№ 156), Овдѣикову 1471 (А. Кал. I, № 31), Овдокѣица 1459 (ib. № 84), Малаѳѣю 1399 (XVI) А. Кал. I, № 63, Малахѣю нач. XV в. (А. Кал. II, № 12b), Пантелѣиѣвымъ монастыремъ Гр. до 1136 (сп. XIV в.), Ѳотѣи 1410—31 (XVI в.) А. Кал. II, № 178.

На письмѣ изображается буквой ѣ: мѣра, бѣсп, сторонѣ. Въ Сб. 1073 и 1076 находимъ букву іѣ для выраженія ѣ послѣ j, т. е. для выраженія сочетанія jје: іѣнѣ. Употребленіе буквы е на мѣстѣ ѣ вызвано произношеніемъ въ церковнослав. языкѣ ѣ какъ е, ср. выше §§ 15, 265.

Примѣчаніе. Церковнославянское ѣ передавалось, какъ мы видѣли, черезъ е, ср. преже, чрево, древо, облещиса. Но въ нѣкоторыхъ школахъ, преимущественно южнорусскихъ, оно было отождествлено со своимъ русскимъ ѣ; ср. напр. въ Быбельск. ап.: прѣже 26 об., брѣма 32 об., стрѣгоми 29 об., врѣменъ 30, млѣка 17, прѣдъ 14 об., чрѣсъ 5, прѣданьѥмь; ср. и въ припираныѥ 31 об.; также въ Гал. ев. 1266—1301 г.; въ Пут. ев.: въ срѣдоу 5, оу чрѣво 6, прѣже 22, почрѣти 27, прѣд ними 41.

Сочетанія гласныхъ.

§ 286. Перечислю здѣсь сочетанія гласныхъ древнерусскаго языка, частью унаслѣдованныя изъ общеслав., частью возникшія въ общер. праязыкѣ. Сочетаніе aa: igraaхъ, nošaaхъ, xoďaaхъ (вмѣсто xožaaхъ подъ вліяніемъ xoďiťi); dobraaho, dѣłaaśĭ вмѣсто dobraeho, dѣłaeśĭ; возможно, что еще въ общер. праязыкѣ произошло стяженіе: igraxъ, nošaxъ, dobraho, dѣłaśĭ. Сочетаніе oo (изъ ъо; см. § 337): ъezooťьśa. Сочетаніе uu (изъ ue, откуда uŏ и далѣе uo, если только uo не сохранялось въ общер.): dobruumu; возможно, что uu стянулось уже въ общер.: dobrumu; uu изъ ъu, напр. izu ustѣ. Сочетаніе ůu: śińůumu; возможно, что ůu стянулось въ ů уже въ общер.: śińůmu. Сочетаніе oa, быть можетъ, въ словѣ boaŕinъ, boaŕă, если это слово заимствовано съ такимъ сочетаніемъ (великор. барин, баре едва ли можно объяснить изъ бояринъ). Сочетаніе ѣa: iḿѣaxu, śѣaśŏ. Сочетаніе ae: dobraeho, dѣłaeťѣ (вмѣсто чего было также извѣстно, повидимому, и dobraaho, dѣłaaťѣ); ср. вѣдат 3 ед. 1462—63 (А. Кал. I, № 31), съповѣдать Чуд. пс. XI в. Сочетаніе oe: dobroe (ср. отсюда малор. добрэ). Сочетаніе ue: dueťă. Сочетаніе ůe: ćůeťă. Сочетаніе ѣe: dobŕѣeḿѣ мѣстн. ед., śѣeťă. Сочетаніе ўe: byłўe изъ byłўъje (а это вм. byłъje). Сочетаніе eo переходитъ въ иностр. словахъ въ e, a, быть можетъ, скорѣе въ o: Федосии, Фегность, Фектистъ, напр. дат. ед. Фектистовѣ Новг. 1314 г., № 12, Фефилактъ, напр. Фефилата Новг. 1471 (XVI) № 20; рядомъ извѣстно измѣненіе его въ o:

ѳофанъ 1465 (XVII) А. Кал. II. № 149, V, ѳофашкъ гр. XV в. (А. Кал. II. № 149, I). Вмѣсто его является eγo, ego: Егоръ, также evo: Геворгіи 1328—40 (XVI) А. А. Э. I. № 4. Вм. io—ivo: боле вї легивоноу Пут. ев. 162. радивона 249. Сочетаніе uo. dobruomu (если оно не измѣнилось въ dobruumu). Сочетаніе uo: śińuomu (если оно не измѣнилось въ śińuumu). Сочетаніе yѣ: romyѣ. Сочетаніе ўѣ: dobrўѣ. Сочетаніе aì: daĭ. kraĭ. Сочетаніе ai: им. мн. kraĭ. Сочетаніе ôì: moĭ. stoĭ. Сочетаніе oi: moĭ им. мн. Сочетаніе uì: tъrguì. Сочетаніе ui: struĭ дат. ед. Сочетаніе uì: pl'uìtă. Сочетаніе ûi: ćeśûi дат. ед. Сочетаніе êì: kъ ńêì. śińêì. Сочетаніе ѣì: iṁѣìtă. ondŕѣì. Сочетаніе ìi: bìi. śńìi. plaṭìiću. Сочетаніе ii: śi им. мн. Сочетаніе ъì: tъì. Сочетаніе ьì: śьì. guśьì, solovьì. Сочетаніе yì: myì, pravyì. Сочетаніе aù и au: zaùtra и zautra: pauzit. ср. въ паоузке 1462—1505 (Г. Др. I, р. IV, № 8).

§ 287. Сочетанія aù, où, uù, yù, iй, ѣù были кромѣ того извѣстны діалектически тамъ, гдѣ въ другихъ говорахъ являлись avъ. ovъ, aŕѣ и т. д.: praùda, noŭ, pl'ùnuй. myŭšó, xodĭùšó, dѣŭka. Повидимому, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ говоровъ, сохранявшихъ исконное произношеніе u̯, являлись сочетанія u̯a, u̯o и т. д. въ соотвѣтствіи съ va, vo другихъ говоровъ. Равнымъ образомъ—дифтонги au̯, ou̯ и т. д. въ случаяхъ, какъ staṷ'u, kroṷ'a. въ соотвѣтствіи съ av, ov другихъ говоровъ. Ср. § 295.

§ 288. Сочетанія гласныхъ съ слѣдующимъ i̯ являлись только въ положеніи передъ гласными: dobraja, kol'i̯e, myi̯u. śi̯a. Сочетанія i̯ съ послѣдующими гласными извѣстны въ началѣ слова и послѣ гласныхъ: i̯aśьmy, tupa i̯a. Вопросъ о чередованіи въ такихъ случаяхъ i̯ съ j разсмотрю ниже, въ § 307.

Примѣчаніе. Большая часть этихъ сочетаній возникла въ общеслав. праязыкѣ въ результатѣ выпаденія i̯ передъ e, ē, i.

Глава II. Согласные звуки.

§ 289. Древнерусскій языкъ имѣлъ слѣдующія согласныя: плавныя r, l, l'. носовыя n, m: шумныя—губныя p. b; губнозубныя f, v; зубныя t, d, s, z, и аффрикаты ć, ź; шипящія š, ž и аффрикаты č, ǯ: средненёбныя k, g, x, j; задненёбныя k. g, x, γ; гортанное h. Звуки задненёбные, также h и l были извѣстны только въ твердомъ видѣ; звуки средненёбные, зубныя и шипящія аффрикаты, звуки шипящіе и r только въ мягкомъ видѣ; звуки губные, губнозубные, зубные и r являлись какъ въ твердомъ (лабіализованномъ), такъ и въ мягкомъ видѣ, а при извѣстныхъ условіяхъ и въ полумягкомъ. Звуки

плавные и носовые являлись въ извѣстныхъ случаяхъ также и въ слоговомъ видѣ. Разсмотрю согласныя древнерусскаго языка и укажу на ихъ происхожденіе.

§ 290. Звукъ r восходитъ къ общеслав. r: ryba. Въ полногласныхъ сочетаніяхъ oro сочетаніе ro восходитъ къ общеслав. долгому (полудолгому) r передъ согласной. Сочетаніе ro въ началѣ слова можетъ восходить къ общеслав. or съ долгимъ (полудолгимъ) r передъ согласной. Въ сочетаніи ьr r восходитъ къ общеслав. долгому (полудолгому) r передъ согласной. Въ сочетаніи ьr r восходитъ къ общеслав. ŕ долгому (полудолгому) передъ твердой зубной согласной. Слоговое r является въ началѣ слова и послѣ согласной передъ ъ: r̥̆ži, dr̥̆va. Вмѣсто r̥̆ въ этомъ положеніи по аналогіи возникали и сочетанія r̥̆ (r̆ — это глухое r): dobr̥̆ъ.

Звукъ ŕ восходитъ къ общеслав. ŕ и ŕ. moŕó, sъmotŕú и ŕadъ, ŕѣra. Въ полногласныхъ сочетаніяхъ eŕe, eŕö ŕ восходитъ къ общеслав. долгому (полудолгому) ŕ передъ согласной: śeŕoda, ŕeŕeźó. Въ сочетаніи ьŕ ŕ восходитъ къ общеслав. долгому (полудолгому) ŕ передъ согласной. Слоговое ŕ является въ началѣ слова и послѣ согласной передъ ь: ŕ̥̆ьki, tŕ̥̆ьbixъ. Вмѣсто ŕ̥̆ь въ этомъ положеніи по аналогіи возникали и сочетанія r̥̆ъ: vˆerˆr̥̆ъ.

Въ заимствованныхъ словахъ r послѣ гласной передъ согласной передавалось черезъ rъ, см. объ этомъ ниже (§ 327):

На письмѣ звуки r и ŕ изображаются буквой р: рыба, чьрнъи, търгъ, вьрхъ, рькоуть, дрьва, добръ, вепрь.

§ 291. Звукъ l восходитъ къ общеслав. l: lъbъ, dala; въ сочетаніяхъ olo, olo (изъ ol, el, öl) и ъl (изъ ъl, ьl) l восходитъ къ общеслав. l долгому (полудолгому). Слоговое l являлось въ началѣ слова и послѣ согласной передъ ъ: l̥̆ъba, gl̥̆ъtaťi, ńösl̥̆ъ. Вмѣсто l̥̆ъ въ этомъ положеніи по аналогіи возникало и l̥̆ъ: ńösl̥̆ъ.

Звукъ l' восходитъ къ общеслав. l' и l̀: rol'ó, l'ira и l'agu. Въ положеніи послѣ губной не въ началѣ слова восходитъ къ общеслав. j: rubl'u, zeml'a. Слоговое l' является въ началѣ слова и послѣ согласной передъ ь: l̥̆'ьna, śl̥̆'ьza. Возможно, что въ tyśl̥̆'ъ и т. п. l̥̆' замѣнило l̥̆' подъ вліяніемъ l' въ tyśl'i.

Въ заимствованныхъ словахъ l является и на мѣстѣ иноязычнаго l: латына. Въ положеніи послѣ гласной передъ согласной иноязычному l соотвѣтствуютъ lъ и l̆ъ: olъtaŕъ, śil̆ъvestrъ.

На письмѣ звуки l и l' изображаются буквой л: лошадь, лебедь, соль.

§ 292. Звукъ n употребляется только передъ гласными и восходитъ къ общеслав. n: naśъ, ono, vˆѣnъkъ. Возможно, что n передъ ъ въ началѣ

слова и послѣ согласной было слоговымъ: rozn̥ъ, хотя вмѣсто n могло въ такихъ случаяхъ возшикать и глухое n, n̥: rozn̥ъ.

Звукъ ń употребляется только передъ гласными и восходитъ къ общеслав. ń и ń: kъ ńomu, ńiva, ńiťь, ńobo. Въ началѣ слова и послѣ согласной передъ ь ń могло быть слоговымъ: pь̀śn̥ь: вмѣсто ń слогового и въ этихъ случаяхъ могло возшикать ń̥: pь̀śńь.

Въ заимствованныхъ словахъ иноязычному n послѣ гласной передъ согласной могло соотвѣтствовать nъ, nь: ponъta, anѣtońi, kĭitenьta: но при извѣстныхъ условіяхъ n могло въ такомъ положеніи и исчезать (§ 327).

На письмѣ звуки n и ń изображаются буквой n: нашь. небо. пива. снѣгъ, конь. Изъ древнеболг. письма — ń вм. ń: къ ńemoy.

§ 293. Звукъ m употребляется только переъ гласными и восходитъ къ общеслав. m: my. tamo. mъnogo. Возможно, что m передъ ъ въ началѣ слова и послѣ согласной было слоговымъ: m̥ъsta (назв. рѣки), m̥ъnogo.

Звукъ ḿ употребляется только передъ гласными и восходитъ къ общеслав. ḿ: ḿiťь, ḿѣsto, vъ toḿь. Возможно, что ḿ передъ ь въ началѣ слова и послѣ согласной было слоговымъ: m̥ь̀gla. m̥ь̀śťiťi, osm̥ь. Подъ вліяніемъ аналогіи ḿ слоговое могло замѣняться черезъ ḿ̥: śeďḿь̀ (отсюда śeḿь).

Въ заимствованныхъ словахъ иноязычному m послѣ гласной передъ согласной могло соотвѣтствовать mъ, ḿь: alumъ́rii.

На письмѣ m и ḿ изображаются буквой м: мы, мыѣти. мынѣ. намъ.

§ 294. Звуки r и ŕ восходятъ къ общеслав. r и ŕ: pravo, ruťь, ŕiґь. ŕoro.

Звуки b и b́ восходятъ къ общеслав. b и b́: ьeŕogъ, bratь, toь́ь. lъbъ.

Въ заимствованныхъ словахъ r восходитъ не только къ иноязычному r, напр. raґьdusь, но также къ иноязычному f: parusъ, ŕiĭŕь (§ 296). b восходитъ къ иноязычному b: subota, sobaka.

На письмѣ r, ŕ и b. b́ изображаются буквами и и б: шво. шнь. иѣти, пъль, бъылъ, роба, собѣ.

§ 295. Звуки v и v́ восходятъ къ общеслав. v и v̀: voґь, trava, novy̆. v̀osna, v̀idъ.—Во многихъ говорахъ v и v́ были извѣстны только передъ гласными полнаго образованія; передъ полукраткими v и v́ были петерпимы, сочетаніямъ же vъ, vь соотвѣтствовали ŭ и, быть можетъ, ŭ полукр.: ŭdova, ргай. ной, ostaй съ ŭ полукр. (вм. ostavì), kгъй съ ŭ полукр. (вм. kгъvь). Повидимому, въ тѣхъ же говорахъ v звучало какъ u̯ въ положеніи передъ ĺ въ случаяхъ, какъ stau̯ĺu, tъrgou̯ĺa (при stavĺu, tъrgovĺa другихъ говоровъ). Въ числѣ говоровъ древнерусскаго языка были и такіе, которые сохраняли во-

обще произношеніе v какъ u̯ передъ гласными: u̯oĺa, u̯asъ, sĺou̯o; возможно, что передъ гласными передняго ряда слышалось u̯ или u̯̓: u̯é̯orъ, u̯í̯u.

На письмѣ v и v́ изображаются буквою в: вьсь, вечеръ, вода, въı. Тою же буквой изображались діалектическія u̯ и u̯̓: търговлѫ. О томъ, что u̯ писалось не только какъ оу, у, но и какъ въ, вь, сказано выше, § 271.

§ 296. Звуки f и f′ заимствованы древнерусскимъ языкомъ изъ греческаго (частью черезъ посредство древнеболгарскаго), а также изъ другихъ сосѣднихъ языковъ, между прочимъ изъ древнескандинавскаго: foma, f′iĺirъ, sof′ĭja, affikanъ, furśťĕnъ. Но вѣроятно думать, что въ живой народный языкъ f проникло не скоро, замѣняясь звукомъ р: ср. совр. Степанъ, понарь Вятск., малор. Панас, Пилип, древнер. Есипъ, напр. 1459 (А. Кал. I № 84), Пилипе Пут. ев. 165, Анципорово село Гр. Владисл. 1387. Частью f замѣнялось черезъ х и хv: ср. малор. Хома, великор. Ховронья, хевраль. Въ нѣкоторыхъ словахъ f замѣнило р, что указываетъ на произношеніе f въ заимств. словахъ какъ р и на вызванное этимъ колебаніе f и р: митрофолита Гр. 1285 (Р. Л. А.) и др.

На письмѣ f и f′ изображаются буквой Ф: Фоурстѣнъ, Филиппъ; также буквой ѳ въ соотвѣтствіи греч. Θ: ѳеѡдосии, ѳедоръ, аѳанасии.

§ 297. Звукъ t восходитъ къ общеслав. t: ty, tako.

Звукъ t́ восходитъ къ общеслав. t̀: t́ixo, poťĕxa, nośiťь.

На письмѣ t и t́ изображаются буквой т: тако, тѣло, бъıсть, тьма.

Звукъ d восходитъ къ общеслав. d: dymъ, dъ̑no, dr̥u̯a, sadъ.

Звукъ d′ восходитъ къ общеслав. d̀: d′ĕĺo, d′ьńь, ṕad′ь, radi.

На письмѣ d и d′ изображаются буквой д: дъно, дань, дьнь, дѣло, ходити, сидѣти, дıаволъ.

§ 298. Звукъ s восходитъ къ общеслав. s: synъ, samъ, svoi, bĕsъ.

Звукъ ś восходитъ къ общеслав. ṡ: śiĺa, śĕno, vĕśiťi; также къ общеслав. ś (изъ х): vьś̆ь, vьś̆akъ, koń̆ûśi.

На письмѣ s и ś изображаются буквой с: съıпъ, село, семь, конюси.

§ 299. Звукъ z восходитъ къ общеслав. z: za, rozborъ, vozy, kozu, bъzъ.

Звукъ ź восходитъ къ общеслав. ż: źemĺa, źima, voźiťi, źabnuťi. Кромѣ того, ź восходитъ къ общеслав. z передъ полумягкой согласной: źvĕźь. źm̆ii. Наконецъ, ź восходитъ какъ къ общеслав. ẑ: noźĕ, druźi, такъ и къ южновост.-слав. ẑ, замѣнившему общеслав. g передъ vĕ: źvĕzda. Діалектически ẑ въ началѣ слова удерживалось.

На письмѣ z и ź изображаются буквой з: землѫ, звѣрь, нозѣ, звѣзда.

§ 300. Звукъ ć восходитъ къ общеслав. ć: ćѣna, kuŕьćь, dъšćѣ. Кромѣ того ć восходитъ къ южновост.-слав. ć, замѣнившему k передъ vѣ: ćvѣtъ.

Звукъ ć въ заимствованныхъ словахъ можетъ восходить, частью черезъ посредство древнеболгарскаго, къ иноязычному k: sogoćińi.

На письмѣ ć изображается буквой ц: цѣлъ, вълци, овьца.

§ 301. Звукъ ź въ положеніи за ź восходитъ къ общеслав. ź: dŕaźźѣ, goźźѣ. Въ другомъ положеніи ź перешло въ ź, но діалектически сохранялось въ началѣ слова.

Звукъ ź въ русской письменности особаго знака не имѣетъ.

§ 302. Звукъ š восходитъ къ общеслав. š: šumъ. duša. šćitъ.

Въ заимствованныхъ словахъ соотвѣтствуетъ перѣдко звуку s передъ гласными передняго ряда, въ особенности въ заимствованіяхъ изъ древнескандинавскаго и другихъ германскихъ языковъ: Шимонъ, Шьварнъ, Шибридъ, Шихбернъ и др.

На письмѣ звукъ š изображается буквой ш: шесть, оубиша, шюмъ, нашю; сочетаніе šč — буквой щ: щитъ.

§ 303. Звукъ ž восходитъ къ общеслав. ž: žarъ, kožu, drožžji; также къ общеслав. žž, черезъ посредство žž: nuža, oďeža.

Въ заимствованныхъ словахъ восходитъ частью къ иноземному ж: жидъ, частью же къ z, особенно въ заимствованіяхъ изъ германскихъ языковъ: Жюжатъ. Въ Ижера, Селижарово звукъ ž явился на русской почвѣ изъ финскаго g передъ гласной передняго ряда (Собол.). При позднѣйшемъ Суздаль видимъ болѣе древнее Суждаль.

На письмѣ звукъ ž изображается буквой ж: жиръ, ножь, переже, вижю, также въ первой части сочетанія žž: dъžža — дъжда или дъжча.

§ 304. Звукъ č восходитъ въ общеслав. č: čistъ, čьrtѣ, čudo. pѣsъčanъ, ščeńa; также къ общеслав. čč изъ tj и kt: nôčь, dъči.

Въ заимствованныхъ словахъ, какъ увидимъ, передъ гласными передняго ряда можетъ восходить къ k, напр. чуръ: κύριος. Чурило, Ничипоръ, ср. малор. Ничипір, чинжалъ Каз. (О. С. 54-55).

На письмѣ звукъ č изображается буквой ч: чюдо, чьсть, печь: сочетаніе šč — буквой щ: вощанъ.

§ 305. Звукъ ǯ восходитъ къ общеслав. ǯ, которое сохранилось въ большей части говоровъ только послѣ ž: ѣžǯù, dъžǯъ. Діалектически оно сохранялось и въ иномъ положеніи: gъǯa, ŕeґeǯò, частью въ нѣкоторыхъ грамм. формахъ подъ вліяніемъ ассоціаціи со звукомъ d въ родственныхъ образованіяхъ: šiǯu.

На письмѣ звукъ ǯ не имѣлъ самостоятельнаго выраженія; въ сочетаніи žǯ онъ въ южнорусскихъ памятникахъ обозначался буквой ч; ср. жч въ

дъжчь Христ. ап. 67, ражчьженіи ib. 86, рожчьи ib. 67, въ измъжчаніи плъти ib. 143, беж чены ib. 152 (без жены). То же и въ позднѣйшихъ памятникахъ, при томъ преимущественно югозападныхъ. Другіе способы обозначенія сочетанія ź́ǯ́ см. ниже.

§ 306. Среднепёбныя ḱ, ǵ, x́ были чужды общеслав. праязыку. Въ древнерусскомъ языкѣ сочетаніе śḱ явилось вмѣсто ść, вѣроятно, въ силу грамматической аналогіи подъ вліяніемъ родственныхъ образованій съ sk. Приведу примѣры изъ памятниковъ XI—XII в.: воскѣ XIII Сл. Г. Б. 188γ, золобѣ женьскѣ Сб. 1073, 174d, кр̃тьянскии пр̃и Минея № 194, 91a, пиньскѣ Ж. Б. и Гл. XII в., въ роусьскѣи сторонѣ ib., пр̃рчьскѣи Злат. XII в., 131г: нбсьскии им. мн. Христ. ап. 160, плътьскѣи сквьрнѣ ib. 85, моужьскѣмь мѣстн. ед. Іо. Лѣств. XII в. Р. М., 30a, дъскѣ Жит. Кондр., скитьскѣмь Сузд. рпсь 1296 г., 145b, мирьскѣмь ib., 137b, 146b, полотьскѣ Лавр. подъ 988 г. смолиньскѣ ib. подъ 1054, 1078, 1095, апостольскѣи Син. Пат. (Св. и Зам. № 82, с. 51), чьрньчьскѣмь Ж. Ѳ., монастырьскѣ ib., на Ламьскемь волоце Новг. 1-я, 41б., и т. д. Возможно, что переходъ ść въ śḱ произошелъ на звуковой почвѣ, если предположить, что ḱ замѣнило t́ въ сочетаніи śt́ изъ ść. Возможность такого процесса подтверждается такими словами, какъ въ раскёпъ дѣло пошло Обояп. (Рѣзан.), раскѣпилоса Палея до 1350 (Пам. Ср. 260), поскепаны Сл. о. п. Иг., оскѣпъ и ѡскѣпищю Ипат., проскѣпомъ Лавр., проскипомъ Новг. 1-я Комм. 107, роскѣпомъ Радзив. 103 об., раскипѣт̃и (= расцѣпитиса?) Палея Кол. 99, катапетазма раскипѣса ib. 107, малор. скіпати, скіпка Староконст. (Тр. II, 47), бѣлор. скепать, скепина, оскёпок. (Ср. присцѣпити, да азъ присцѣплюса Христин. ап. 129). Вмѣсто ź́ǯ́ находимъ ź́ǵ, напр. въ розгѣ Стих. 1157, 149a, Стих. XII в. № 279, 103a; быть можетъ, и ź́ǯ́ переходило въ ź́ď, и уже отсюда ź́ǵ. Но было извѣстно и другое измѣненіе ść, а именно въ ś́č: щёпка (на ё указываетъ произношеніе этого слова, напр. въ Егор. у., а также въ Моск., гдѣ щёпка, не щбпка), также щёрпться, ощёрпться, ср. Ощёра Гр. 1486 (XVI в.) (А. Кал. I № 69). Вмѣсто ść (изъ śś) является ś́χ на почвѣ грамматической аналогіи въ словѣ пасхѣ м. ед. Юр. ев. 202c, Остр. ев. 256c.

Примѣчаніе 1. Неясно, какимъ образомъ явилось ḱ вмѣсто ć въ такихъ случаяхъ, какъ кйвцы: цёвки, на которыя наматываютъ нитки Борович. (Пардал., А. Г. О.); быть можетъ, въ сочетаніи словъ; напр. sъ ćёvъ̀ky переходило въ śćёvky и далѣе śḱёvky, откуда извлекалось ḱёvky. Въ токило при точило: желобъ Тихв. (Сокол., Р. Ф. В. 1909, 3—4, 296) к замѣнило ч подъ вліяніемъ какой-нибудь аналогіи.

Примѣчаніе 2. Появленіе дъмъкѣ Минея XI в. № 194, 57a, вм. домъцѣ, вѣроятно приписать діалект. сѣверноруссной нефонетической

камѣнь ц черезъ k въ формахъ склоненія и спряженія. Мягкія k. g въ случаяхъ, какъ рка, повергъ, явились въ позднѣйшую эпоху по аналогіи ходя, нося.

Въ заимствованныхъ словахъ k. ǵ. x́ явились на мѣстѣ иноязычныхъ k. g. x передъ гласными передняго ряда: керста (§ 278), хѣровимъ, схима, гемонъ (вм. и при игемонъ). Также въ измѣненіи такихъ словъ по падежамъ: антіохѣ Чуд. пс. XI в., 152б (при антіосѣ 116б), архистратиге зв. ед. Мин. 1095 г., 34a, 34b.

На письмѣ k, ǵ, x́, какъ видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ, изображались буквами к, г, х.

§ 307. Звукъ j въ общеслав. праязыкѣ являлся только въ удар. слогахъ: въ неударяемыхъ ему соотвѣтствовало i. Едва ли такое различіе продержалось въ общерусскомъ. Повидимому, j замѣненъ былъ здѣсь черезъ i. Заключаю объ этомъ изъ того, что въ великор. сохраняется i въ словахъ, какъ ružio, myt̨io, kut̨ia, śvińja до сихъ поръ, между тѣмъ въ общеслав. здѣсь было j (svinija). Въ малор. и бѣлор., какъ увидимъ, дѣйствовалъ такой же, какъ въ общеслав. праязыкѣ, законъ, по которому i измѣнялось въ j послѣ согласныхъ (на этой почвѣ общеслав. svinija, kolije перешли здѣсь черезъ посредство śvińja, koĺja въ śvińja. koĺja и далѣе въ svińńa. koĺĺa).

Въ заимствованныхъ словахъ j (i) восходитъ къ иноязычному j. напр. jurĭi и juŕjii, jeraśimъ, janvaŕь, jejûrьtь.

На письмѣ звукъ j изображается частью посредствомъ іотаціи гласной: юрши, кюпьтъ, кванькелье; частью буквою г: гюрши, гюргии, кгюпьтъ, генварь, гета, герасимъ, кванькелие: ср. напр. аньклъ, анькльскъи Поуч. Еф. Сир. XIII в., у кванькелихъ ib. (Оч. Соб. 58), кфсиманию Стих. 1157. 163a, юргъ Новг. 1-я подъ 1107, юрьи 1433 (А. Кал. I, № 31), геремея гр. 1229 (сп. D), генваремъ Палея Кол. 12a, при енварьскаи ib. 12a, гѣта Гал. ев. 1144. 9a, гета Холмск. ев. 159a, генварь Полик. ев. 114в, генва́ря Мстисл. ев. (Карск.), генварѧ Стих. 1157, 62a, 72b, параскивги Полик. ев. 111в. наугиипа Усп. сб. XII в. № 175 (18), 249c, иинеугитьстии Тип. ев. № 1. 23a, алѣлоугиа Минея № 221, 81a. аллугиа Поуч. Конст. Болг. 249b, гюргевича Ипат. подъ 1141 г., параскѣвгии Холмск. ев. XIII—XIV в., наугиинъ. иинеугитане, и т. д.

Примѣчаніе. Ниже увидимъ, что сѣверноруссное сочеганіе ž̨j изъ žžj писалось жг, при чемъ и здѣсь г обозначало j.

§ 308. Звукъ k восходитъ къ общеслав. k: kóńь, kvasъ. kŕikъ, ruky, kydaťi. Звукъ g восходитъ къ общеслав. g. Возможно, что g въ древнерусскомъ сохранялось только діалектически, а именно въ сѣверноруссномъ на-

рѣчіи; въ восточномъ и южномъ нарѣчіяхъ оно вытѣснено черезъ γ. Итакъ сѣвернорусск.: guśь, nogy, gvôźdь, sapogъ. Въ положеніи не между гласными γ въ этомъ нарѣчіи могло замѣняться черезъ g: gv̆rsta, guźь.

Въ заимствованныхъ словахъ k и g восходятъ къ иноязычнымъ k и g: kaganъ (но въ южнор., вѣроятно, kaγanъ), oń̆ga, koŕ̆ła.

На письмѣ k и g изображаются буквами к и г. Впрочемъ, въ южнорусскихъ и западнорусскихъ памятникахъ г должно читаться какъ γ. Въ сѣвернорусскомъ книжномъ произношеніи господствовало также γ, какъ видно изъ совр. γоспоть, боγа (§ 310, прим. 1), но конечно, именно въ сѣверной Руси звукъ g находилъ себѣ выраженіе въ буквѣ г. Въ западнорусской письменности звукъ g въ именахъ и словахъ заимствованныхъ (преимущ. изъ польскаго) изображался съ XIV в. черезъ кг: Скиркгаиломъ гр. Владисл. 1387, Туркгенево id., Хурмокголъı ib.

§ 309. Звукъ x восходитъ къ общеслав. x: xъtêĺ̆ь, xytr̆yĭ, xvôstь, xъĺstь.

Въ заимствованныхъ словахъ восходитъ къ иноязычному x: харътиꙗ, пасха, хвалиса.

На письмѣ изображается буквой x: мъхъ, хочу.

§ 310. Звукъ γ въ нарѣчіяхъ, сохранившихъ различіе между g и γ, восходитъ къ общеславянскому γ, повидимому, только въ положеніи между гласными, гдѣ общеслав. γ діалектически замѣнило болѣе древнее h: род. toγo, dobroγo, moi̯eγo; рядомъ являлись и toho, dobroho, moi̯eho. Въ южнорусскомъ γ восходитъ какъ къ общеслав. γ, такъ и къ общеслав. g: γvoroв̆ii, γoга.

На письмѣ γ изображалось буквой г: того.

Примѣчаніе 1. Церковное произношеніе усвоило себѣ на русской почвѣ γ вмѣсто g; такъ проникло γ черезъ церк. слова и въ сѣвернорусское нарѣчіе. Ср. здѣсь произношеніе Воγа, имен. Вох; также γospoĺ, γospod̆ĭn; bоγat; м. б., и роγostъ, ср. поздн. повосты Лавр. лѣт. подъ 947 г., въ гр. 1635 г. (А. Кал. II, № 230, XII) и др.

Примѣчаніе 2. Быть можетъ, въ нѣкоторыхъ заимствованіяхъ изъ чешскаго (черезъ посредство польскаго) было получено не γ, а h. Сюда относилось бы слово hospodaŕ̆ь. Только такимъ образомъ можно понять форму осподарь, не чуждую и южнор. памятникамъ. Въ сѣвернорусскихъ отмѣтимъ, напр., осподаря 1490 (А. Кал. I, № 52), осподареву 1459 (А. Кал. I, № 84). Подъ вліяніемъ этого слова также осподинъ, осподь вм. господинъ, господь.

§ 311. Звукъ h, сохранявшійся, при томъ діалектически, только между гласными, восходитъ къ общеслав. h: toho, dobroho. huźъ, huśѣńića.

Сочетанія согласныхъ.

§ 312. Древнерусскій языкъ сохранилъ тѣ сочетанія согласныхъ, которыя опредѣлены нами выше для общеслав. праязыка. Онъ обогатился только сочетаніемъ ćv изъ kv: ćvѣtъ. На мѣстѣ двойныхъ или долгихъ согласныхъ ćć и ẑẑ онъ получилъ простыя или краткія ć и ẑ (отсюда ż): noćь, oďeża.

Появленіе мягкихъ согласныхъ на мѣстѣ полумягкихъ повело за собой измѣненіе цѣлаго ряда твердыхъ согласныхъ въ мягкія въ положеніи передъ этими новыми мягкими согласными. Такъ смягчились согласныя передъ мягкими зубными: rośťi, kośťь, gńeźďѣ: также передъ v: śvińija, źvѣno, ďvigaťi. Передъ ŕ, ĺ предшествующія имъ согласныя были, какъ кажется, не мягки, а полумягки: tŕi, źemĺu, staviĺu: но задненёбныя не смягчились, напр. gŕѣxъ, kĺučь, kŕićaĺѣ. Сочетаніе śĺ изъ sĺ не перешло въ šĺ, тогда какъ въ общеслав. šĺ измѣнялось въ šĺ, ср. śĺѣdь, śĺѣrъ, pośĺѣ (позднѣйшее пошлю вм. посълю имѣетъ ш вм. с по аналогіи случаевъ, какъ пишу, пашу).

Примѣчаніе. Указаніе на то, что въ źemĺu ш было не твердо, извлекается изъ того, во-первыхъ. что въ великор. извѣстно діалектическое произношеніе źeńĺu, во-вторыхъ, изъ отсутствія измѣненія e въ ó (o) передъ губными + ĺ (źemĺu, śtebĺi, tŕepĺem).

§ 312[1]. На письмѣ изображеніе нѣкоторыхъ сочетаній представлялось затруднительнымъ. Такъ въ особенности—сочетанія ẑẑ. Оно пишется черезъ щ, напр. въещаютъ 1455—62 (А. Кал. I № 31), 1462—72 (А. Кал. I № 31), вьѣщають 1464—1501 (А. Ист. I № 81); также черезъ жщ: въежщдаютъ 1462 (А. Кал. I № 31, XVII); черезъ жщ и жщж: вье"щжаю 1462—1505 (Г. Др. I, р. IV, № 7);—жьщ: прокжьщаа Дв. гр. XV в. № 5;—зщ, зжч, зждж, здъщ: наѣзщать 1471 (XVI в.) А. А. Э. I № 92, розъѣзжчика, розъѣзщика, розъѣздъщика, розъѣзждщика гр. 1518 (А. Ю. № 16);—зж: дрозжей П. Р. Г. 1619, №19, съѣзжàся 1395 (А. Ист. I № 53). Въ югозападной Руси установилось написаніе жч на мѣстѣ ẑẑ уже съ XII в.: Гал. ев. 1144: дъжчь 15a, въжчелѣхъ 170b, въжчадахъсѧ 57b, рожчьк 215a; также въ Христ. ап.; въ Тип. ев. № 6: въжчелѣша 53b. Поуч. Ефр. Спр. XIII в.: дожчь, тужчими, ражчьжеть; Гал. сп. ев. чт. XIII в.: въжьчизають, ижьченоуть, въжьчелаѥте; Луцк. ев.: ижченеть, оужчегъ, рожьчьк; Пс. 1296: дъжчѣвнымъ, Ипат.: дожчь (подъ 1146, 1148); Гр. 1493—94: ѣжчивая (А. Ю. З. Р. I, 296).

Рѣже видимъ жч въ новгородскихъ памятникахъ: пригволчено Прол. XIII в. (Св. и Зам. № 87) плченоу Новг. рпсь XV в. (Оп. Г. и Н. III. I. 129).

§ 312². Мягкость и полумягкость согласныхъ могли изображаться буквой ь (ср. § 334). При губныхъ и губнозубныхъ: терпьлю Пут. ев. 131. капьлющимъ ib. 160. сбьлюдоша ib. 169. пьриде ib. 161, земьлѧ Добр. ев. 91c. 151c. коупьлю ib. 95a. прнемьлють ib. 77a, 123d. погыбьнѣть ib. 10b. 247a, събьлюдѣть ib. 25a, добьрѣѥ ib. 70c; погъибьнеть Ев. 1092 г., 127b. 132a, прѣвьлѣкоу ib. 12a: земьлѧ Пар. 1271 4c, исправьлати ib. 30b: вьрѣмѧ Гал. сп. ев. XIII в., пьризвавъ, пьрѣдъ, оставьлати, повапьленъмъ ib.; прославьлаю Лавр. 165: земьлю Дв. гр. XV в., № 107; земьлѧ Жал. Швитриг. 1403: земьлю Новг. 1-я, 96a; кфьрѣмъ Полик. ев. 15d, лѣвьгитъ Добр. ев. 137c, параскевьгию 236c, харламьпыѧ Гал. сп. ев. XIII в. 250a; равьви Юрьев. ев. 134c, навьгина 202c, левьгинъ 886. При зубныхъ: възьлюби Добр. ев. 10b. ськвернать 54c, позьдѣ 85a, кєсьмь 177a, дьвиженига 17b. въздьвиженьѥ 247b: изь нкго Ев. 1092. 82a, разьвьрзисѧ 81a; празьдникъ Вопр. Кир. по сп. 1282, 526c, недомъсьлию ib. 528b, дасьть Карамз. сп. Русск. Пр., ремествьенпцу ib.; възьлюблѥному Пар. 1271, 49c. въсьплещете 26c, зьвѣри 37c: листьвиемъ Поуч. Ефр. Сир. XII в.; дьверь Гал. сп. ев. XIII в., дьвигноути, медьлить. нѣсьмь, въстьрьмисѧ, цр̃тьвьи ib.: листьвик Полик. ев. 78d. сьвѣтъ 1c. ськрьжетъ 30d. ськвернлща 51b; нозьдри Палея до 1350 (Пам. Ср. 257): черезь сюю Гр. 1459—70 (А. А. Э. I. 62); безь винъ Гр. ок. 1300 (Р. Л. А. № 49), потьребизна Жалов. Швитр. 1403 г., потьверьдили, потьверьжены: матьфѣа Гр. 1373; оадьдѣи Добр. ев. 49a; вптьлеомж Поуч. Конст. Болг. XIII в.; смотьри Злат. XII в. 60b, жизьни 121a, казьни 53a: подьвигъшеса Рум. ев. XIV в. № 8. 17a: въздьревноваша Апост. 1307 (Воскр. 130). — При н: аньдрѣи Добр. ев., 5c, леньтионъ Ев. 1092, 93b, львоньтьѧ Гал. ев. 1144, 109b (поздн. р.), кваньгелига Юр. ев. 133b, аньдрѣи Смол. гр. 1284, тереньтеи, брюньжвика: тереньтѣю гр. 1392. паньтѣлѣа гр. 1229 (сп. В), гиньдрикъ; єлегоньте Минея XI в. № 221, 28a (но єлегоньта 29b), аньтипе 38a; софоньтьевское гр. 1459 (А. Кал. I; 84); жьньчюгъ Новг. 1-я, 70a; лоньгина Усп. минея XII в. № 175 (18), 174c. — При р: арьхиепа Усп. минея XII в. № 175 (18), 157a; патрнарьшьскъпими Минея XII в. № 221: скорьпию Юр. ев. 208a, арьхистратига 202d: аверькыѧ Гал. сп. ев. XIII в.; перьсяне Поуч. Конст. Болг., 25b: гюрьгѧ Дух. Клим. XIII в., серьгеева гр. 1423 (А. Кал. I. № 41). Въ своихъ русскихъ словахъ рь для выраженія ŕ находимъ, напр. въ дерьжати Гр. 1229 (сп. В), оудерьжати, оудерьжить, дерьжати Жал. Швитр. 1403 г. борьгинкомъ гр. 1462—

1591 (А. Ист. I. № 81).—При среднепёбныхъ въ словахъ заимствованныхъ: заѣхѣи Гал. ев. 1144. 163a. ѡѣѣѣитѣи Дв. рязная XV в. № 88. заѣхѣа Сб. 1073, 86c.

§ 312². Въ приведенныхъ выше примѣрахъ мы находимъ мягкость или полумягкость согласной, нашедшую себѣ изображеніе на письмѣ, передъ слѣдующею мягкою согласною. Но въ рядѣ словъ видимъ мягкость согласныхъ передъ слѣдующею твердою согласной. Сюда относятся, во-первыхъ, слова съ мягкимъ р, вызваннымъ вліяніемъ на звукъ г предшествующей гласной передняго ряда еще въ общесл. праязыкѣ: церькъви гр. 1229 (В), верьхнего гр. XI в. (Собр. Мух. № 3), верьхного гр. XV в. (Собр. Мух. № 5), церьковными гр. 1432—43 (Собр. Мух. № 38), сверьгли Переясл. лѣт. 66, оу верьху Жал. Швитр. 1403, церькви ib.; померькшю Ипат. 441.

Во-вторыхъ, въ словахъ заимствованныхъ при р, л, в, въ положеніи за гласной передняго ряда: каперьнаоумъ Юрьев. ев. 4d, 103a (но каперънаоумъ 43d), късерькъсъ Поуч. Конст. Болг. XIII в., 262b, керькуру Лавр. 3, герьманъ Усп. Минея № 175 (18), 144b: евьга 73b, евьтухиѧ 168c, евьдоѯиѧ 169b; вельзаоулѣ Добр. ев. 56b; мамельѳы Гал. сп. ев. XIII в.; измальти Новг. 1-я, 123a. Также при т, ѳ въ такомъ же положеніи: титьла Ев. 1092, 129a, впоьсандо Добр. ев. 53c. И здѣсь слѣдуетъ предполагать фонетическій переходъ твердой согласной въ мягкую подъ вліяніемъ предшествующей гласной.

Въ-третьихъ, въ нѣкоторыхъ иныхъ случаяхъ въ иностранныхъ же словахъ: катапетазьма Ев. XIII в. № 6, 187a, осаньна Юр. ев., 144c, орьганъ Праздн. на нотахъ XII — XIII в., 27b, ратьманѡ Гр. ок. 1265 (b), альѳѣова Добр. ев. 87d, и др.

§ 312³. Сочетаніе згн, вѣроятно, при произношеніи г какъ ɣ, переходило въ зн: разнѣвавъ же сѧ Сб. 1073, 145c, разнѣваса Холмск. ев. (Оч. Собол. 29), изна Полик. ев. 27a; ср. еще: позже надписанное г въ изгнити Ев. 1270, 45d, възгнѣтить Сб. 1073, 188b. Замѣчательно, что ź́й изъ zɣй́ переходитъ въ ź́й (очевидно zɣй́ измѣнялось въ źjй́): ражнѣвахъсѧ Сб. 1073, 99a, ражнѣвавъ же сѧ Ев. 1092, 73a, ражнѣваса рпсь XII в. (Св. и Зам № 32, с. 28).

Глава III. Дифтонгическія сочетанія.

§ 313. Сюда относятся, во-первыхъ, сочетанія ѵ. ѵ́, І, І́ съ слѣдующими ъ и ь; они восходятъ къ такимъ же сочетаніямъ въ общеслав. пра-

языкѣ: kr̥̆ŭ̀ä, tŕ̥̆voga, gl̥̆̀taťi, śl̥̀̆za. Что въ общерусскомъ праязыкѣ эти сочетанія остались неизмѣненными, видно изъ того, что они имѣли различную судьбу въ русскихъ нарѣчіяхъ, доказывающую, что ъ̆, ь̆ не перешли въ общерусскомъ въ ъ, ь слоговыя: малор. ы въ дрыва нельзя объяснить изъ ъ слогового.

На письмѣ эти сочетанія передавались буквами ръ, рь, лъ, ль, напр. дрѣва, кръвавого, Трьполь, блъха, глътати, клънеть.

§ 314. Во-вторыхъ, сюда относятся сочетанія ъг, ъ́г, ь́г съ краткими редуцированными гласными и краткими плавными: они восходятъ къ общеслав. ъ̄г, ъ̄̀г, ь̄̀г, ь̄г съ полукраткими гласными и долгими (полудолгими) плавными.

На письмѣ эти сочетанія передаются обычно буквами ър, ъл, ьр: кърчага, вълци, пьрвии, чьрнѣи, ѿвьргоуса, мьртвъ, сьрдьце, зьрно. Весьма часто пишется и ъръ, ълъ, ьрь; такъ напр. въ Сб. 1073: осквьрьнила, твьрьдо, не въздьрьжаса, извьрьзи; въ Житіи Θеод. XII в.: къръмлаше. къръчагоу, пригъръщѣ, оумъльче, вълъкъ, пълъноу, съмьрьть. дьрьжавоу, пьрьсьхъ, твьрьдоу, вьрьстъı; вм. ьрь также ьръ: Ж. Θеод. жьръствъı, мьръствъ, твьръдъı, четвьрътъıи, пьръстъмь; въ Остр. ев.: пьръстъı 132с, въ Сб. 1073: четвьрътъıи; вм. ър также ърь: Ж. Θеод. скърьби, поскърьбѣ, Сб. 1076: скърьби, т. д. Отнесемъ сюда же написанія ъ̀р, ъ̀л, ь̀р, гдѣ надстрочный знакъ надъ буквами р, л указываетъ какъ будто на пропускъ ъ, ь. ср. напр. такія написанія въ Остр. ев.: четвъ̀ртъкъ, пь̀рвъıи, вь̀рхоу, въ̀лци, въ̀лкъ и др. Подобныя написанія явились на почвѣ взаимодѣйствія,съ одной стороны, графическаго пріема старославянскихъ памятниковъ, усвоеннаго русскими писцами и требовавшаго постановки ъ, ь за плавными, съ другой стороны, живого русскаго произношенія: написанія пръстъ, врьхъ оригинала и живое произношеніе пьрстъ, вьрхъ порождали въ копіяхъ искусственныя написанія пьръстъ, вьрьхъ. Не исключена возможность и того, что подобныя написанія передавали то искусственное произношеніе, которое являлось результатомъ неумѣнія произнести по-болгарски vr̥̆хъ̆, pr̥̆stъ̆ и старанія приблизить къ этому произношенію свое русское.

Примѣчаніе 1. Ни въ коемъ случаѣ такія написанія, какъ пьрьвъıи, твьрьдо, вълъка не могутъ свидѣтельствовать о живомъ явленіи языка (полногласіи, подобномъ переходу исконныхъ сочетаній or, er въ oro, ere); во-первыхъ, совершенно непонятны были бы условія перехода ъг, ъ́г, ьг въ ъгъ, ъ́ъ, ьгь, такъ какъ невѣроятно допустить предшествующее измѣненіе ъ̄г въ ъг, т. е. переходъ полукраткаго ъ въ краткій; во-вторыхъ, неясно было бы отношеніе сочетаній ъгъ, ъ́ъ, ьгь къ соче-

таніямъ ъг, ъ̓, ьг, являющимся въ тѣхъ же самыхъ памятникахъ: въ-третьихъ, сочетанія ъгъ, ъ̓ъ, ьгь, если бы таковыя существовали въ словахъ, какъ tъгъgъ̀, vъ̓ъkъ̀, v̓ьг̓ьхъ̀ (т. е. передъ слогомъ съ полукраткой гласной), неминуемо обратились бы послѣ паденія глухихъ въ го, ło, r̓e (слѣдовательно, vlok, trog, vr̓ex), чего на самомъ дѣлѣ не было.

Примѣчаніе 2. Появленіе скьрбь, оскьрьбѣ, скьрьбити вмѣсто русскихъ скърбь, оскърбѣ, скърбити указываетъ на стремленіе произнести по своему данныя въ книгахъ написанія, передающія древнеболгарское произношеніе: скрьбь читали какъ скьрбь. Такимъ же образомъ древнеболгарское рь читалось какъ ьр въ рядѣ случаевъ, гдѣ въ русскомъ языкѣ ему должно было соотвѣтствовать рь (изъ исконнаго гь); такъ объясняются: оу̓стьр̓мленіѣ Сб. 1073, 203а, стьрмленіѣ Злат. XII в., дърва, бьрзды, боръзду ib. (Собол. въ Ж. М. Н. Пр., рец. на трудъ Б. М. Ляпунова), заоутьрнии Остр. ев.

Примѣчаніе 3. Лишь позже, послѣ паденія глухихъ, сочетанія ьг, ъг, ъ̓ въ слогѣ, предшествующемъ слогу, потерявшему полукраткую гласную, переходили діалектически въ ьг̄, ъг̄, ъ̄г̄, откуда ьгь, ъгъ, ъ̄ъ. См. § 421 и сл.

§ 314[1]. Въ заимствованныхъ словахъ сочетанія ar, or, er, el и др. переходили передъ согласными, благодаря развивавшейся долготѣ въ плавныхъ, въ полногласныя сочетанія ara, oro, eŕe, eĺe. Напр. харатиꙗ. мороморъ, селиванъ.

Рядомъ было извѣстно и другое ихъ измѣненіе въ arъ, orъ, erь, elь: marъtѣ, marъta, отсюда маротъ Пут. ев. 246.

Сочетанія an, on, in переходили въ ana, ono, ini при anъ, onъ, inъ: манатию Требн. Шерем. XIV в., 12а, манотью ib. 54а. совр. манатка: кинисъ и кинъсъ (киносъ).

Глава IV. Недифтонгическія сочетанія согласныхъ съ гласными.

§ 315. Общерусскій праязыкъ унаслѣдовалъ изъ общеслав. только такія сочетанія согласныхъ съ гласными, гдѣ согласная одна или въ группѣ согласныхъ предшествовала гласной; сочетанія, гдѣ согласная слѣдовала за гласной, принадлежатъ къ дифтонгическимъ и разсмотрѣны выше, въ § 314. Природа согласныхъ видоизмѣнялась въ зависимости отъ слѣдующей гласной: передъ гласными передняго ряда согласныя палатализировались, передъ гласными задняго и средняго ряда онѣ лабіовеляризировались, если не

были палатализованы (въ результатѣ своей природы, какъ j, или смягченія подъ вліяніемъ j). То же имѣло мѣсто и въ общеслав. праязыкѣ, но здѣсь согласныя были полупалатализованы и полулабіализованы, между тѣмъ какъ въ общер. праязыкѣ полумягкія перешли въ мягкія (t́ixo, v́ěno, v́eśolъ, ńeśьťa). Лабіализація въ общер. развилась изъ полулабіализаціи, повидимому, только передъ лабіализованными гласными (nᵘôsъ, dᵘômъ, pᵘuťъ); передъ а и у сохранялась, вѣроятно, полулабіализація; передъ ъ, ставшимъ лабіализованнымъ, согласныя были, повидимому, лабіализованы.

На письмѣ мягкость согласныхъ вообще не изображается: сила, тихо, дьнь, дѣтьскъ, серебро. Это зависѣло отъ того, что въ силу звуковыхъ отношеній общер. праязыка, перешедшихъ и въ древнерусскій, всѣ согласныя произносились всегда мягко передъ звуками і, е, ь, ѣ. Передъ и согласныя были также мягки; звукъ и изображался буквой ю: къназю, волю. Передъ ъ согласныя были вообще всегда мягки; вслѣдствіе этого въ сочетаніяхъ исконно мягкихъ съ слѣдующимъ ъ (ср. §§ 273, 204) послѣдній писался какъ ь: чьрнъıи, тържькъ. Передъ звукомъ о, изображавшимся черезъ букву о, согласныя также всегда тверды; вслѣдствіе этого въ сочетаніяхъ исконно мягкихъ съ слѣдующимъ ǒ (§§ 274, 203) буква ǒ писалась какъ е: шеломъ, чемоу. Передъ у согласныя были всегда тверды. Только передъ а являлись какъ твердыя согласныя, такъ и мягкія: саду и с́аду. Мягкія согласныя передъ а восходили отчасти къ общеслав. мягкимъ согласнымъ передъ а, отчасти же къ общеслав. полумягкимъ согласнымъ передъ носовымъ е; это послѣднее обстоятельство было причиной того, что буква ѧ стала означать звукъ а, смягчающій предшествующую согласную, т. е. съ представленіемъ объ этой буквѣ соединялось не только представленіе о звукѣ а, но также о смягченіи предшествующей согласной; но буква ѧ въ древнеболгарской письменности употреблялась не только послѣ полумягкихъ согласныхъ, но также послѣ мягкихъ, обозначая вообще носовое е; вслѣдствіе этого русскими писцами она отождествлялась съ буквой а въ случаяхъ, какъ часто, шатати, жаба, и съ буквой ѫ въ случаяхъ, какъ играѫ, заѫць и т. д. Поэтому не только съ буквой ѧ, но также и съ букой ѫ соединились указанныя выше представленія; обѣ онѣ и при томъ безразлично стали обозначать звукъ а въ положеніи за мягкой согласной: къназа и кънѫза; сѫдоу, волѫ и садоу, вола. Старослав. письменности были вообще чужды соединенія буквъ, означающихъ согласныя, съ буквой ѫ; ей были извѣстны только сочетанія- рѫ, лѫ, пѫ (послѣ ж, ч, ш, щ, ц буква ѫ пишется обычно какъ а); вслѣдствіе этого и въ древнерусской письменности написанія та, па, ба, ра, на, ла получили преимущественное распространеніе передъ тѫ, пѫ, бѫ (извѣстными, впрочемъ,

въ памятникахъ XI—XII в.): но написанія рѫ, лѫ, нѫ долго и упорно отстаивали свое существованіе.

Сочетанія рѫ, лѫ, нѫ, также гѫ, сѫ и т. д., для обозначенія сочетаній мягкая согласная + а, по вполнѣ понятной причинѣ вызвали употребленіе буквы ѥ за мягкими согласными. Дѣйствительно, ѫ и ѥ ассоциировались между собой вслѣдствіе употребленія на письмѣ въ началѣ слова и послѣ гласной для обозначенія—первымъ знакомъ звуковъ ја, вторымъ звуковъ је. Когда ѫ стало писаться послѣ согласной для обозначенія звука а послѣ мягкой согласной, букву ѥ начали употреблять для обозначенія звука е послѣ мягкой согласной: ѩко — ѥмоу, моѫ — моѥ вызвали при сѫдоу, тѫноу написанія сѥми, тѳбѥ. Это было тѣмъ естественнѣе, что болгарское письмо изображало звукъ е послѣ смягченныхъ согласныхъ р, л, н черезъ ѥ, подобно тому какъ рѫ, лѫ, нѫ обозначали сочетанія мягкихъ р, л, н съ гласною а. Приведу изъ древнерусскихъ памятниковъ написанія рѥ, лѥ, нѥ: до трѣтьяго нѣсе Уст. XII в. № 142, л. 32 об., съмьрьтьнѥ л. 33 об., нѥ вероуи л. 33; далѣе написанія чѥ, жѥ, шѥ, щѥ, цѥ: на соудищѥ Уст. XII в. № 142, л. 33 об., оучѥника л. 33 (ср. § 333), наконецъ, написанія ѥ послѣ другихъ согласныхъ: стѥпень Уст. XII в. № 142, л. 34, на небѥсьхъ л. 33 (ср. § 332). Эти послѣднія написанія могутъ служить доказательствомъ мягкаго произношенія исконно твердыхъ, а затѣмъ полумягкихъ согласныхъ передъ е. Написанія тѥ, сѥ, рѥ, лѥ, и т. д. не упрочились въ русской письменности по той же причинѣ, почему здѣсь не упрочились написанія тѫ, сѫ, рѫ, лѫ, уступивъ съ теченіемъ времени мѣсто— первыя написаніямъ те, се, ре, ле, а вторыя—тѧ, сѧ, рѧ, лѧ. Ср. напр. въ Стих. XII в. А. Н., какъ общее правило: ѧ послѣ согласныхъ, а ѫ въ началѣ слога: въдворѧѥсѧ 27а (исключенія рѣдки: дивѧтьсѧ 88, свѧти мѧ 100а).

§ 316. Мягкія согласныя и j, какъ мы знаемъ, оказывали въ общеслав. праязыкѣ вліяніе на слѣдовавшія за ними гласныя передняго ряда: ь, е, ę, ē, диссимилируясь съ предшествующими палатальными согласными, переходили ē въ а, ę въ ą, е въ ǒ, ь въ ъ. Въ общерусскомъ праязыкѣ такой же диссимиляціонный процессъ привелъ къ измѣненію е и ь въ ǒ и ъ, однако только передъ согласными лабіализованными; такъ ṕero, vědu, śeĺy, mědъkъ, śestra pьsъ, źьrno, tьzъka, śtьkla перешли въ pǒro, vǒdu, sǒly, mǒdъkъ, sǒstra, pъsъ, źъrno, tъzъka, śtъkla (ср. ниже, §). Въ положеніи въ концѣ слова е измѣнялось въ ä: neśetä, mieńä, dvoŕańá (ср. § 224). Носовое е, въ связи со смягченіемъ предшествующей согласной, перешло въ носовое а и далѣе въ а чистое послѣ такой согласной: ṕaťь, ĺagu, nośa, goŕaśь.

§ 317. Диссимиляціонный процессъ, о которомъ говорится въ предыдущемъ §, привелъ къ измѣненію е и ь въ ǒ и ъ въ положеніи передъ

лабіализованною согласной. Признаю въ этомъ явленіи одновременный съ диссимиляціей ассимиляціонный процессъ: е, ь, диссимилируясь съ предшествующей согласной, уподоблялись слѣдующей согласной. Безъ этого привходящаго условія е въ результатѣ диссимиляціи измѣнялось вѣдь въ ä.

§ 318. Уподобленіе гласныхъ согласнымъ замѣчается въ древне-русскомъ языкѣ еще въ другихъ случаяхъ. Во-первыхъ, видимъ измѣненіе звука і въ у подъ вліяніемъ предшествующихъ задненёбныхъ согласныхъ, которыя, какъ мы знаемъ, были въ общеслав. и въ общер. праязыкѣ лабіализованными. Такое явленіе имѣло мѣсто, напримѣръ, въ иностранныхъ словахъ; мы видѣли, что иноязычныя ki, gi, xi передавались черезъ ki, gi, xi со смягченіемъ средненёбной согласной; но отсутствіе смягченія — сохраненіе k, g, x безъ измѣненія, точнѣе передача ихъ свойственными русскому языку лабіализованными задненёбными привели къ измѣненію подъ вліяніемъ ихъ слѣдующаго і въ у. Приведу примѣры для такихъ ky, gy, xy: древнерусск.: логынъ, пикыта, кытъ, скыпьтръ. Однородно, повидимому, измѣненіе звука u или ū, какъ нерѣдко передается произношеніе греческаго υ, въ звукъ u: коуръ, коурплъ, коупринъ, анкоундинъ.

§ 319. Подобное же явленіе наблюдалось и въ своихъ русскихъ словахъ. А именно k, g, x передъ слогообразовательнымъ суффиксомъ -ĭnъ должны были по общему правилу измѣняться въ ć, ź, ś, или подъ вліяніемъ извѣстнаго процесса въ ć, ź, ś (ср. примѣры ниже, въ § 328); но были случаи, гдѣ k, g, x сохраняли свой звукъ подъ вліяніемъ аналогіи со стороны непроизводнаго слова; въ этихъ случаяхъ сочетанія ki, gi, xi съ k, g, x, заимствованными изъ положенія передъ гласной задняго ряда, переходили въ ky, gy, xy. Такъ находимъ даже въ позднѣйшихъ памятникахъ примѣры. какъ Щукынъ Лодом. 1576, № CXX, у Поткына Холмог. 1572, № LV: Кошкынъ Ермол. лѣт. 262, Чепечкына ib. 265 об.; Олешкына 1479 (А. Кал. VII, № 156, VII); Вѣкошкынъ гр. Тѣшаты ок. 1266; Щепеткына Холмог. 1568 № L; с мачехыными дѣт́ми Комм. сп. Новг. 1-й, 487 и др. Частью то же и послѣ другихъ согласныхъ: ордынскій (ординьское 1362 — 89 Г. Др. I, р. IV, № 2). Отмѣчу еще: дщери иродыадынѣ дат. ед. Пут. ев. 263. Сюда же вѣроятно товарыщь при товаръ вм. товар-ищь.

§ 320. Во-вторыхъ, такое же измѣненіе находимъ въ извѣстныхъ случаяхъ въ положеніи вообще послѣ всѣхъ согласныхъ твердыхъ и, согласно даннымъ выше въ § 214 и сл. указаніямъ, лабіализованныхъ. А именно конечная согласная предлога превращала начальное і слѣдующаго за нею слова въ у. Сильное распространеніе это явленіе получило послѣ паденія глухихъ,

когда предлоги sъ, vъ, kъ, podъ, nadъ, izъ и т. д. превратились въ s, v, k, pod, nad, iz; приведу относящіеся сюда примѣры ниже. въ § 428. Но нѣкоторые изъ предлоговъ въ особенности въ сложеніяхъ были извѣстны съ окончаніемъ на согласную уже въ общеслав. эпоху, слѣдовательно, и въ общер. праязыкѣ: таковы напр. предлоги bez, iz, vъz, orz (откуда по русски roz), niz. Въ виду этого вѣроятно допустить, что уже общер. праязыкѣ и въ древнерусскомъ до паденія глухихъ могли возникать сочетанія z-у вмѣсто даннаго этимологически z-i, и это въ особенности въ тѣсныхъ сложеніяхъ. Примѣрами могутъ служить: възъиграⷭ Минея 1095 г. № 194. 139а. възъиграⷮе ib. 46а: възъиграсѧ Стих. 1157. 23а, възъиграⷨъ ib. 63а: възъиграⷦтесѧ Добр. ев. 112д: изъискали Гр. Θеокт. послѣ 1300: взъищетьсѧ Сб. поуч. до 1350 (Пам. Срезн. 247 г: взыщет 1441—42 (А. Кал. I № 31): возыскаⷭ. оузышо̀ Пс. XVI в. (Карск. 190); възъиграсѧ Ев. 1144. 114а, възъиграⷮеся Юр. ев., 93с. възъиграⷮе Арх. ев. 1092, 135а. вьзъиграⷮе Ж. Θ. XII в., и т. д.

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ случаевъ у можно объяснить какъ результатъ стяженія ўi (изъ ъi), т. е. възъиграсѧ можетъ восходить и къ възъиграсѧ: но большая часть указанныхъ примѣровъ допускаетъ предложенное выше объясненіе. — Ср. § 338.

Глава V. Количественныя и акцентныя отношенія.

§ 321. Не имѣя никакихъ указаній на измѣненія въ количествѣ и удареніи въ общерусскомъ праязыкѣ сравнительно съ выяснившимися для общеслав. праязыка отношеніями, я принимаю, что въ древнерусскомъ сохранялись въ большей или меньшей неприкосновенности какъ различія въ количествѣ гласныхъ, такъ и различные виды ударенія, возникшіе въ общеслав. эпоху. Рядъ косвенныхъ указаній подтверждаетъ это положеніе. Такъ, во-первыхъ, сохраненіе количественныхъ отношеній доказывается, напримѣръ, тѣмъ, что полукраткія гласныя ѣ, ѣ, ì, ў отличались отъ краткихъ ъ, ь, i, у: это ясно изъ различной судьбы тѣхъ и другихъ звуковъ въ позднѣйшую эпоху; полукраткія исчезли изъ произношенія, а краткія ъ и ь перешли въ о и е. Далѣе паденіе полукраткихъ гласныхъ, какъ увидимъ, вызвало удлиненіе предшествовавшаго слога: здѣсь на мѣстѣ полудолгой гласной о или е, по крайней мѣрѣ въ южной вѣтви русскаго языка, возникала долгая гласная о или е, которая, дифтонгизируясь, переходила затѣмъ въ uo и ie; ср. съ этимъ дифтонгизацію ē и ō (изъ oi) въ общеслав. праязыкѣ: слѣдовательно, въ древнерусскомъ языкѣ, а именно въ южной его вѣтви, сохранялась въ эпоху паденія глухихъ долгота гласныхъ. Какъ мы видѣли,

новыя o, e сварабактическаго происхожденія, во второй части полногласныхъ сочетаній oro, oło, ere, olo, не подлежали въ южнорусскомъ нарѣчіи дифтонгизаціи: это можно объяснить только тѣмъ, что старыя o, e передъ слогомъ съ полукраткой гласной (напр. въ domъ, ledъ) произносились въ эпоху, предшествовавшую паденію глухихъ, полудолго, между тѣмъ какъ новыя, сварабактическія o, e произносились въ томъ же положеніи кратко; поэтому паденіе полукраткихъ, удлинивъ ихъ до полудолготы, не могло привести до распаденія ихъ на дифтонгъ (korŏ̓, ĺĕd изъ koroĺъ, ĺedъ). Во многихъ другихъ древне-русскихъ говорахъ паденіе полукраткихъ гласныхъ имѣло послѣдствіемъ удлиненіе r, ĺ въ сочетаніяхъ ьr, ъr, ъĺ, находившихся въ предшествующемъ павшимъ полукраткимъ гласнымъ слогѣ, до полудолготы: въ предшествовавшую эпоху r и ĺ въ этихъ сочетаніяхъ сократились, что вызвало переходъ находившихся передъ ними ъ и ь въ краткія ъ и ь; паденіе полукраткихъ гласныхъ удлинило r, ĺ въ указанныхъ предшествующихъ имъ сочетаніяхъ; сочетанія ъr, ьr, ъĺ съ полудолгими r и ĺ сократили ихъ такъ же, какъ въ предшествовавшую эпоху or, er, oĺ сократили свои долгія и полудолгія плавныя, а это повело къ образованію за плавными сварабактической гласной; такъ явились ьrь, ъrъ, ъĺъ въ нѣкоторыхъ древнерусскихъ говорахъ, и отсюда ere, oro, oło (см. ниже § 421 и сл.).

§ 322. Во-вторыхъ, среди явленій русскаго языка есть нѣсколько такихъ, которыя свидѣтельствуютъ о томъ, что здѣсь поддерживалось старое различіе между восходящимъ и нисходящимъ видомъ ударенія. Сюда относятся прежде всего указанія, извлекаемыя изъ ударенія полногласныхъ сочетаній ere, oro, oło: рядомъ съ òro, òło, èŕe, напр. въ словахъ гòродъ, гòлову, хòлостъ, стòрожь, стòрону, находимъ orò,ołò, eŕè, напр. въ корòва, солòма, горòхъ, король, молòтиш; это различіе соотвѣтствуетъ акцентнымъ различіямъ въ соотвѣтствующихъ сербскихъ сочетаніяхъ ra, la, re, le: сочетаніямъ òro, òło, ère отвѣчаютъ сочетанія rȃ, lȃ, rȇ, lȇ, а сочетаніямъ orò,ołò, eŕè — во-перыхъ, сочетанія rȁ, lȁ, lȅ, rȅ; во-вторыхъ, въ чакавскомъ сочетанія rá, lá, ré, lé, что въ штокавскомъ измѣнилось въ rȃ, lȃ, lȇ; такъ рядомъ съ грȃд, глȃву, стрȃж, стрȃну видимъ крȁва, слȁма, грȁх, чакавск. králj, mlátiš (шток. крȁљ, млȁтиш); соотвѣтственное количественное различіе замѣчается и въ чешскомъ, а также и въ лужицкихъ языкахъ; равнымъ образомъ оно отражается и въ словенскомъ (см. § 156). Совершенно ясно, что сочетанія or, ol, er, el въ общеслав. праязыкѣ произносились различно, съ двумя видами ударенія: нисходящимъ въ случаяхъ, гдѣ русскій языкъ имѣетъ òro, òło, èŕe, сербск. и словенск. rȃ, lȃ, rȇ, lȇ, и восходящимъ тамъ, гдѣ русскій языкъ имѣетъ orò,

olò. erè, сербск. rȁ, lȁ. rȅ. lȅ и rá, lá, ré, lé. словенск. rá. lá. ré. lé. Ясно также. что это различіе удерживалось и въ общерусскомъ праязыкѣ. разъ здѣсь. въ эпоху появленія полногласія, сочетанія or. oł. er дали различные результаты въ зависимости отъ стараго различія свойственнаго имъ ударенія.

§ 322[1]. Далѣе сюда относится явленіе. относящееся несомнѣнно къ болѣе позднимъ эпохамъ жизни русскаго языка. Какъ мы уже знаемъ (§§ 142 пр., 215), въ современныхъ великорусскихъ говорахъ. и сѣверныхъ. и южныхъ, исконный звукъ o въ однихъ случаяхъ сохраняется какъ o. въ другихъ переходитъ въ uo. откуда ô или особый звукъ. который опредѣляемъ какъ сильно лабіализованное o и обозначаемъ буквой ѡ. Отсылая къ § 142 пр . гдѣ приведены фактическія указанія. напомню здѣсь. что o сохраняется вообще только въ начальномъ слогѣ слова, т. е. на томъ именно слогѣ. который въ общеслав. праязыкѣ (а также и въ праштокавскомъ) былъ единственнымъ въ словѣ слогомъ, допускавшимъ на себѣ нисходящее ударение; напротивъ, o дифтонгизируется. во-первыхъ. всегда въ слогахъ серединныхъ и конечныхъ—а мы знаемъ. что эти слоги въ общеслав. праязыкѣ могли имѣть только восходящія ударенія (на краткой гласной въ концѣ слова. сверхдолгой или полудолгой въ серединѣ), во-вторыхъ. въ извѣстныхъ. опредѣленныхъ случаяхъ въ начальномъ слогѣ слова, и притомъ именно въ тѣхъ случаяхъ. гдѣ такое ударение. по свидѣтельству словенскаго и сербскаго языка. имѣло мѣсто въ общеслав. праязыкѣ. Такъ общеслав. словамъ vòdǫ. pȍlě, bȏga, prȏso, slȏvo, ȏlovo въ великорусскихъ говорахъ, дифтонгизирующихъ въ извѣстныхъ случаяхъ исконное o. соотвѣтствуютъ vȍdu. pȍlě (и pȍlа). bȏga, prȏsȍ, slȏvo, ȏłovo (prȏsa, slȏva. ȏlаva); между тѣмъ общеславянскимъ però, naródъ, prorókъ. zalómiśi. pomóžete въ этихъ говорахъ соотвѣтствуютъ perǫ̀. narǫ̀t. prorǫ̀k (prarǫ̀k), zaǩǫ̀mǐš. pomǫ̀žeťe (pramǫ̀žeťa): и точно также общеслав. kóža, vólа, prósiśi. nósite. xóčete, bȏbъ. kȏńь здѣсь соотвѣтствуютъ kuoža. vuolа. pruośiš. nuośiťe. xuočeťe. buop. kuoń. Отсюда видно. что o дифтонгизировалось подъ восходящимъ ударениемъ. сохраняя свой исконный звукъ подъ нисходящимъ. Это явленіе можно понять какъ слѣдствіе растяженія гласной подъ восходящимъ экспираторнымъ ударениемъ: мы видѣли. что подъ этимъ ударениемъ въ неконечномъ слогѣ исконно краткія гласныя растягивались до полудолготы уже въ общеславянскомъ (напомню o долгомъ o въ словенск. kóža. naróda. чешскомъ ů въ kůže). Слѣдовательно. въ ту эпоху. когда происходило интересующее насъ явленіе. еще сохранялось старое различіе между восходящимъ и нисходящимъ ударениями. Эпоха эта. какъ видно изъ высказанныхъ въ слѣдующемъ §

соображеній, относится ко времени весьма отдаленному, всего вѣроятнѣе къ общерусскому праязыку. Впрочемъ, дѣлаю оговорку: къ этому отдаленному времени должно отнести собственно не дифтонгизацію о, а его растяженіе подъ восход. удареніемъ: и еще оговорка: растяженіе о восходитъ, какъ мы знаемъ, къ общеслав. праязыку въ слогахъ неконечныхъ; русскимъ явленіемъ признаемъ, слѣдовательно, только растяженіе о въ конечномъ слогѣ: regò, selò, neslò, odьnò, имѣвшія краткое о въ общеслав. праязыкѣ, растянули его подъ дѣйствіемъ экспираторнаго восх. ударенія въ древнѣйшую эпоху жизни русскаго языка, а можетъ быть еще въ общерусскомъ праязыкѣ. Такое растяженіе, какъ мнѣ кажется, доказываетъ совпаденіе всѣхъ трехъ видовъ восходящаго ударенія, различавшихся въ общеслав. праязыкѣ (ˋ, ´ и ˜), въ одномъ видѣ (´). Это совпаденіе имѣло мѣсто, какъ мы сейчасъ увидимъ, въ древнѣйшую эпоху жизни древнерусскаго языка.

§ 323. Такое заключеніе основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ. Звукъ о изъ ъ не подлежитъ дифтонгизаціи: онъ не подлежалъ, слѣдовательно, растяженію, и это несмотря на положеніе подъ восходящимъ удареніемъ (ˋ въ общеславянскомъ). Слова какъ свекровь, селом тв. ед., топчем, рот и т. п. имѣютъ о недифтонгизированное, несмотря на то, что такое о въ общеслав. праязыкѣ имѣло восх. удареніе; это объясняется тѣмъ, что о въ этихъ словахъ восходитъ къ ъ. Отсюда вся вѣроятность того, что растяженіе ò въ ó въ случаяхъ перо, село, несло произошло въ то время, когда рот, селом, пером, и т. д. не имѣли еще звука о, а содержали соотвѣтствующее ему болѣе древнее ъ: regò перешло въ regó, между тѣмъ какъ regъtь не перешло въ regъtь (откуда явилось бы regóm) въ силу именно того, что ъ, какъ звукъ редуцированный, не подлежалъ вообще растяженію. Итакъ переходъ regò въ regó произошелъ въ такую эпоху, когда ъ еще сохранялъ свой древній звукъ, не измѣнился еще въ о. Паденіе глухихъ, какъ увидимъ, произошло въ позднѣйшую эпоху періода, условно опредѣляемаго нами какъ древнерусскій, а именно не ранѣе XII вѣка, второй его половины. Слѣдовательно, переходъ ò въ ó имѣлъ мѣсто или въ древнѣйшую эпоху древнерусскаго періода или, что представлялось бы, какъ кажется, вполнѣ пріемлемымъ, еще въ общерусскомъ періодѣ (ср. однако слѣдующій §).

§ 324. Сдѣланный нами выводъ имѣетъ своими послѣдствіями слѣдующій рядъ заключеній. Переходъ ò въ ó доказываетъ утрату различія подъ восходящимъ удареніемъ краткаго слога отъ полудолгаго. Такое явленіе было бы понятно при допущеніи усиленія экспираторнаго элемента ударенія: ò краткое съ восходящимъ удареніемъ перешло въ ó полудолгое съ восхо-

дящимъ удареніемъ вслѣдствіе усиленія ударенія ˋ. Усиленіе ударяемыхъ слоговъ едва ли не сопровождалось ослабленіемъ слоговъ неударяемыхъ: xvā̀là, измѣнивъ à въ á, вѣроятно, сократило ā въ предшествующемъ неударяемомъ слогѣ. Мы подходимъ къ выводу, что разсматриваемое явленіе ведетъ насъ къ эпохѣ, когда въ русскомъ языкѣ стерлись или начинали стираться количественныя различія какъ въ ударяемыхъ, такъ и въ неударяемыхъ слогахъ. Но признавать это явленіе восходящимъ къ общерусскому періоду мы не можемъ, въ виду высказанныхъ въ § 321 соображеній, въ силу которыхъ въ общер. праязыкѣ сохранялись въ общемъ неизмѣнно старыя количественныя отношенія. Поэтому признаю болѣе вѣроятнымъ отнести его къ періоду древнерусскому и притомъ, согласно указаніямъ, извлекаемымъ изъ § 323. къ эпохѣ, предшествовавшей паденію глухихъ. Акцентныя и количественныя отношенія этой эпохи, наступавшей въ разныхъ русскихъ нарѣчіяхъ, вѣроятно, разновременно, въ общемъ сходствовали съ отношеніями, господствующими въ совр. русскомъ языкѣ, а именно гласныя подъ экспираторнымъ удареніемъ (соотвѣтствующимъ общеслав. экспираторнымъ удареніемъ ˋ и ´. а также восх. экспираторно-музыкальному удареніюˆ) произносились съ полудолготой, между тѣмъ какъ въ неударяемыхъ слогахъ они произносились кратко. Но рядомъ съ экспираторнымъ удареніемъ держались въ ту эпоху, а также и въ эпохи позднѣйшія музыкальныя ударенія, свойственныя, впрочемъ, исконно только начальнымъ слогамъ. Подъ музыкальнымъ удареніямъ съ нисх. характеромъ сохранялось, быть можетъ, и различіе между долгой, полудолгой и краткой гласной. Слѣдовательно, въ разсматриваемую эпоху древнерусскаго языка слова, какъ voĺa, pero, siła, prosi, pišeťь, paše̋a, koĺ̋no, naroda, kobyła и т. д., имѣли безразлично удареніе ´: между тѣмъ рядомъ, въ начальныхъ слогахъ, различались нисх. музыкальныя ударенія ˜ на краткомъ слогѣ: vȍdu, vȏsnu, pȇči, pȍvěsťь, skȍvorodu: ˆ на долгомъ слогѣ—drûga, sêno, sŷnu, и на полудолгомъ: tûpoťь, sîrotu и т. д. Позднѣйшимъ эпохамъ жизни отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій принадлежитъ измѣненіе музыкальныхъ нисходящихъ ударе-ній въ экспираторныя восходящія: drúga, sýnu, vódu, péči, túpoť. Возможно, что въ великорусскихъ говорахъ различіе между музыкальными удареніями и экспираторными держалось дольше, чѣмъ въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ. Указаніе на это можно извлечь изъ того обстоятельства, что энклиза, перенось ударенія со слова на предлогъ, и при томъ—ударенія исконно нисходящаго, музыкальнаго, гораздо послѣдовательнѣе сохранилась именно въ великорусскомъ нарѣчіи, чѣмъ въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ. Ср. великор. nȃ vodu, nȃ poĺe при малор. и бѣлор. na vódu, na póĺe.

Примѣчаніе. Въ тѣсной связи съ дифтонгизаціей исконнаго о и съ сохраненіемъ звука о во-первыхъ. исконнаго подъ иск. ударені́емъ. во-вторыхъ происшедшаго изъ ъ, стоитъ то замѣчательное явленіе, которое для Обоянскаго говора впервые было установлено Л. Л. Васильевымъ: здѣсь предударныя е. а послѣ мягкихъ согласныхъ. ѣ—передъ ударяемымъ о исконнымъ звучатъ какъ а, между тѣмъ передъ ударяемымъ о изъ ъ тѣже звуки измѣняются въ і: пяро, сяло. висяло. гняздо, унясло. но широм. силом, лисок. свикрофь и т. д. Различіе между обоими о состояло въ томъ, что исконное произносилось какъ ŭo или ô или ω, тогда какъ о изъ ъ произносилось какъ o; редуцированная гласная переходила въ а передъ ударяемыми закрытыми, узкими гласными (къ нимъ принадлежали u, i, y, ǫ, ô, ω).—она измѣнялась въ і передъ гласными широкими (къ нимъ принадлежали a, e, также o). Появленіе редуцированныхъ гласныхъ въ восточно-русскомъ нарѣчіи принадлежитъ къ весьма отдаленной эпохѣ въ жизни этого нарѣчія. когда здѣсь были извѣстны еще количественныя различія въ гласныхъ (объ этомъ скажу ниже, въ гл. IV отдѣла VI). Слѣдовательно, растяженіе о въ ǫ относится къ той же отдаленной эпохѣ. Явленія, здѣсь упомянутыя. доказываютъ между прочимъ, что гласныя открытыя не подлежали удлиненію, между тѣми какъ закрытыя, узкія гласныя удлинялись. Не останавливаюсь здѣсь подробнѣе на этомъ обстоятельствѣ, отсылая къ аргументамъ, изложеннымъ ниже, въ гл. IV отдѣла VI. Отсутствіе въ великор. говорахъ дифтонгизаціи о въ окончаніи -ой (простóй, слѣпóй), равно какъ произношеніе слипой, сидой (не слянóй, сядóй) въ Обоянск. говорѣ объясняются новымъ происхожденіемъ этого о.

Глава VI. О нѣкоторыхъ звуковыхъ законахъ, дѣйствовавшихъ въ древнерусскомъ языкѣ.

§ 325. Перечислю здѣсь нѣсколько звуковыхъ законовъ, обнаруживавшихъ свое дѣйствіе въ древнерусскомъ языкѣ, какъ это видно и изъ предыдущаго изслѣдованія и изъ совокупности всего матеріала, представляемаго доступными для насъ данными.

Гласныя. Звуки a, o, u, i, ѣ произносились въ началѣ слова безъ придыхательнаго приступа: oťĕć́o, ostryì, ośeńь, uтъ, iva, idu, ѣdu, ѣda.

Гласныя а и е неударяемыя въ началѣ слова лабіализировались и переходили въ о: опъt̂oпъ, oľekśѣì, oľisava, ośeńь.

Звукъ е въ концѣ слова послѣ j и исконно смягченныхъ согласныхъ произносился какъ ó: ľićé, oťĕć́o: за позже смягченными согласными въ

томъ же положеніи онъ произносился какъ ä: ḿeńä, bojaŕä, prośiťä. сохранялось e въ концѣ слова только послѣ į: dobroje, znaje.

Звукъ e въ серединѣ слова, когда за нимъ не слѣдовала палатализованная согласная, послѣ j и исконно смягченныхъ согласныхъ произносился какъ ó: ć́otyŕá. vъčóła, ṕъ́šono, žolobъ: за вновь смягченными согласными онъ произносился какъ o: ńosu, śostra, ṕoro.

Звукъ ь въ серединѣ слова, когда за нимъ не слѣдовало палатализованная согласная, послѣ j и исконно смягченныхъ согласныхъ произносился какъ ъ: čъrtъ, šъlъ, rožъnъka: за вновь смягченными согласными онъ произносился какъ ь (лабіализованное ь): ṕьsъ, ďьnъ, ľьnъ. svoboďьnъ, svaďьbъ, ṕьstryi.

Послѣ į, j и смягченныхъ согласныхъ не употреблялись звуки y, u, o: вмѣсто y являлось i, вмѣсто u звукъ средняго ряда ы: koń, muźu: вмѣсто o—o: poľo (изъ poľo), vъšómu (vъšomu).

§ 326. Въ группахъ согласныхъ мягкія зубныя и v вызывали смягченіе предшествующихъ шумныхъ зубныхъ согласныхъ и полумягкость губныхъ: śiťъxъ, źvъŕъ, pośťiťi śa, poźďъ, ṕъśńi, śvatъ, śĺъďъ, źemĺu, łovĺa.

Въ группахъ согласныхъ звонкія мгновенныя согласныя уподоблялись слѣдующимъ глухимъ и обращались въ глухія: isṕiŕъ, rosprava, vъstokъ. Обратно глухія передъ звонкими мгновенными обращались въ звонкія.

Группы sr и zr измѣнялись въ str. zdr. Напр. rozdruśi, izd rostova; въ заимствованныхъ словахъ и именахъ: издрапль.

§ 327. Звукъ r произносился мягко въ положеніи послѣ ь передъ мягкими согласными, твердыми губными и задненёбными: vьŕčónъ, ṕьŕvyi. vьŕxъ. Тоже въ заимствованныхъ словахъ и именахъ послѣ e и i: перьхурии.

Въ сочетаніяхъ гласная+носовая или плавная передъ согласной плавная и носовая становились долгими, но долгота ихъ не удерживалась, а сокращалась, вызывая однако за плавной и носовой сварабактическую гласную (ъ, ь): konъ́dratъ. konь́śŕaťinъ. taŕanъtъ. ropъtъ, varъvara, kiń́sъ (отсюда kiń́isъ), ср. кинисъ Пут. ев. 144, златницю кинисноую ib. 144, ср. сильвестръ Усп. сб. XII в. № 175 (18), 103 об. 2, сельвестра Юр. ев. XII в., 217b, селивестра Прол. XIII в. (Св. и З. № 41), силивестръ Сб. XIII в. (Пам. Кал. 82), селеверстъ Новг. I.

Въ сочетаніяхъ плавная или носовая съ слѣдующими ъ или ь полукраткими, въ началѣ слова или послѣ согласной, плавная и носовая становились слоговыми, а ъ и ь неслоговыми: kr̥̯sta. tr̥̯voga. gl̥̯taľъ, mь̯śtisľavъ.

Терпимы были вообще только открытые слоги, т. е. оканчивающіеся на согласную. Исключеніе составляли слоги ъr, ьr, ъĺ. Вслѣдствіе этого въ заимствованныхъ словахъ замѣчаются нерѣдко вставки гласныхъ ъ и ь между согласными, устанавливавшія болѣе обычное слогодѣленіе.

§ 328. Согласныя передъ гласными передняго ряда смягчались: źima, ďѣlo, рого, vѣńьcѣ. Задненебныя переходили при этомъ въ шипящія и шипящія аффрикаты. Такъ явились, напр. Ревечинъ Хожд. Дан. (изд. Венев. 75 вар.), Телебоуяшинѣ Ипат. 297а, Оляшинѣ Путеш. Ант. Новг. 14. Рядомъ извѣстно было и другое измѣненіе ихъ — въ свистящія и свистящія аффрикаты: Ревецинъ Хожд. Дан. (l. c.), в Телебоузиноу рать Ипат. 302б, вользинъ Лавр. 33, ѡльзинѣ ib. 41; Алабузино Гр. 1440 № 60 при Алабугина, Калязинъ (назв. мѣстн.) при Калягино (Новг. губ. Списки № 3862). Такое измѣненіе было обязательно передъ ѣ: оу Вѣкшензѣ Уст. 1137 (сп. 1282 г.) Р. Д. I. Наконецъ, находимъ еще переходъ задненёбныхъ въ соотвѣтствующія средненёбныя: Ревекинъ Хожд. Дан. (l. c.). Конечное х можетъ измѣняться въ ц вмѣсто ожидаемаго с: въ октанцѣ Уст. XII в. Тип. № 142, л. 13 (ср. октанчьнаѧ стр҃а ib. 20).

Діалектически въ словахъ заимствованныхъ видимъ переходъ k въ ć: овъдотиѧ, лоутиѧнъ. Параллельное измѣненіе г въ д предполагаетъ, повидимому, произношеніе ǵ, а не j: дюрди Ипат. подъ 1135, дюрдевичь ib. подъ 1142, гюрди ib. подъ 1136.

Передъ гласными задняго ряда согласныя лабіализировались: śѣn^{u}o, t^{a}ъn^{u}ъk^{u}o. Передъ а и у согласныя были, повидимому, полулабіализованы.

§ 328^{1}. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ видимъ вліяніе гласной слѣд. слога на измѣненіе гласной предыдущаго слога. Ср. переходъ ѣ въ і передъ слогомъ съ і: śiďiťѣ, ďiťina (§ 195); ъ въ о, ь въ е (золоба вм. зълоба, серебро вм. сьребро, см. ниже § 336). Сюда же отнесемъ а вм. е передъ слогомъ съ а: Гарасима 1410—31 (XVI) А. Кал. II № 178, Галасіа ib., Фарафонтеевой 1438 (А. А. Э. I № 36); о вм. е передъ слогомъ съ о: Горонтью 1447—56 (А. Кал. I № 63); е вм. и передъ слогомъ съ е: Клементьевичь Новг. 1471 № 20.

§ 329. Въ концѣ слова гласныя произносились кратко и полукратко. Подъ удареніемъ въ извѣстныхъ случаяхъ они были сверхдолгими.

Долгота гласной сохранялась только въ предпослѣднемъ слогѣ слова и въ слогѣ предударномъ. Въ другомъ положеніи исконная долгота замѣнялась полудолготой, а въ извѣстныхъ случаяхъ сверхдолготой.

Не въ концѣ слова исконно краткія и исконно долгія гласныя подъ восходящимъ экспираторнымъ удареніемъ получали полудолготу.

Нисходящее ударение удерживалось только въ начальномъ слогѣ слова.

Глава VII. Дополнительныя замѣчанія относительно древнерусской графики.

§ 330. Мы видѣли въ §§ 268—315, какими буквами и какими способами выражались въ древнерусской письменности звуки живого языка. Нѣкоторыя буквы употреблялись для обозначенія двухъ или нѣсколькихъ звуковъ. Таковы: буква о, обозначавшая не только открытое о, напр. въ озеро, гости, но также закрытое, напр. въ домъ, гость; буква е, обозначавшая не только звукъ е, напр. въ словѣ печаль, но также о̀ въ перо, сестра, ӓ въ дадите, боюре, и даже о̀ въ жена, четыре: буква ь, обозначавшая звукъ ь (въ чьсти, мьсть), но также и звукъ ы̀ (лынъ, пьсъ); точно также буква ѣ обозначала не только открытое ѣ (еӓ), но и закрытое ѣ (іе). Не говорю уже о томъ, что буквы, обозначавшія гласные звуки, служили одинаково для выраженія и долгихъ и сверхдолгихъ, полудолгихъ и краткихъ звуковъ; буква ы (вмѣсто которой, какъ указано, въ нѣкоторыхъ школахъ употреблялось и ы) обозначала у не только сверхдолгое (въ sy̋ćь), долгое (въ sy̋nu), полудолгое (въ ly̋ko) и краткое (въ vody̋), но также и полукраткое у (напр. въ pȍmy̆jetь); буква и означала также і сверхдолгое (pi̋śeće), долгое (vi̋dъ), полудолгое (li̋śića), краткое (božii) и кромѣ того полукраткое і (напр. вь dobryĭ, ńeśeśĭ); буквы ъ и ь означали какъ краткія ъ и ь, ѣ, такъ и полукраткія: sъ̆na, lisъ̆, krъ̆vь̆, dь̆ńä и т. д., кромѣ того неслоговыя ъ, ь: ръжанъ, кръве, льноу.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ видимъ удвоеніе гласныхъ буквъ, преимущественно а, напр. въ Чуд. пс. XI в.: прѣлаагаше, обладаанша, оутрьпаахъ, также и, напр. въ Чуд. пс. XI в.: оудьржимъ, пооучиихъ; ъı, вмѣсто чего ъи: Чуд. пс. XI в.: бъımь, бъıихъ, прикръıихъ. Смыслъ такихъ написаній не совсѣмъ ясенъ, но скорѣе всего ими обозначалось то растяженіе, которому подвергались гласныя въ церковномъ чтеніи (псалтыри, евангелія).

Примѣчаніе. Особо стоитъ удвоеніе буквъ въ сложеніяхъ съ предлогами, какъ възаалчжть Чуд. пс. XI в., безоочьство, изоу оустъ. Здѣсь (какъ увидимъ въ § 337) могло имѣть мѣсто удвоеніе звуковъ.

§ 331. Точно также согласныя буквы связывались нерѣдко съ представленіемъ о нѣсколькихъ звукахъ. Буква в въ представленіи однихъ писцовъ и читателей связывалась со звукомъ v; въ представленіи другихъ частью со звукомъ v (передъ гласными полнаго образованія), частью со звукомъ й (въ сочетаніи въ); въ представленіи же нѣкоторыхъ она должна была связываться со звуками ц и й (а именно въ тѣхъ говорахъ, гдѣ произно-

сили ꙗазъ, ꙗоди, и также ноѝ. ѝ brata). Буква г точно также въ одних нарѣчіяхъ произносилась какъ g, въ другихъ какъ γ (h); обычнымъ произношеніемъ ея въ церковномъ чтеніи также и на сѣверѣ, гдѣ живой языкъ зналъ g, было γ: кромѣ того, какъ было указано въ § 307, она могла обозначать передъ буквами, выражавшими звуки передняго ряда, j. Съ буквой л соединялось представленіе о звукѣ l передъ а, о, оу, ъ, ы, а также передъ согласными;—представленіе о звукѣ l' передъ другими гласными буквами, а также передъ ѣ, ю, ѧ, ѥ. Съ буквой ж соединялось представленіе не только о звукѣ ž, но діалектически также и о звукѣ ǯ (ср. § 305). Буква ч въ сочетаніи жч читалась какъ ǯ. Буквы жд въ словахъ заимствованныхъ читались, повидимому, какъ žd и даже žǯ, что вело къ обозначенію и своего žǯ черезъ жд, напр. въ словахъ дъждь, рождіе.

§ 332. Мягкія согласныя по общему правилу обозначались тѣми же буквами, что твердыя (лабіализованныя): рыба—рыбѣ, попъ—попи, росту—реку, рѣпа; тълстъ—тѣло, тьмьно; мьртвъ—вьрхъ. Когда мягкія согласныя стояли передъ другими согласными, мягкость ихъ по общему правилу не обозначалась, напр. вести (т. е. vésti), вьрхъ (т. е. vьrхъ); передъ гласными мягкость согласныхъ выражалась въ самой гласной буквѣ: сочетанія ти, де, сѣ, бь означали соединеніе мягкихъ согласныхъ съ послѣдующими гласными передняго ряда; точно также сочетанія рю, ню, лю означали соединеніе мягкихъ р, л, н съ гласной средняго ряда и: передъ гласными передняго ряда и передъ гласной средняго ряда и не могло стоять иныхъ, кромѣ мягкихъ, согласныхъ; сочетанія тѣ, рѣ, сѣ и т. д., равно та, ра, са означали сочетанія мягкихъ согласныхъ т, р, с со звукомъ а. Передъ звукомъ а могли стоять также и твердыя согласныя; такимъ образомъ именно въ этихъ сочетаніяхъ мягкость согласной была выражена въ слѣдующей за нею буквѣ, означавшей гласную; буквы ѣ и ѧ стали такимъ образомъ связываться съ представленіемъ не только о звукахъ ja (ја), но также съ представленіемъ о звукѣ а, которому предшествуетъ мягкая согласная. Это, какъ мы видѣли (§ 315), повело къ тому, что рядомъ съ написаніями те, се, не возникали написанія тѥ, сѥ, пѥ, имъ вполнѣ равнозначащія, при чемъ, слѣдовательно, съ представленіемъ о буквѣ ѥ (какъ и о буквѣ е) связывалось представленіе не только о звуковомъ сочетаніи је (је), но также и о звукѣ е съ предшествующей мягкой согласной; ср. напр. боудѥть Гал. ев. 1144, 150b, видитѥ Юр. ев. 182a, авраамѥ ib. 103д, небесѥ Стих. 1157, 103b, сватитѥлю ib. 121b, възлѥже Добр. ев. 130a, знамѥньѥ 183a; идѥ Ев. 1092, 30b, кръвѥ 54a, вьсѥи 32a; весѥлиса Минея № 194, 49b, словесѥ 64a, проститѥ 172a; оклѥвѣтанию Палд. Ант. XI в., рѥче ib.; плѥтоша Новг. минея XI в.

(И. Р. Ц. Макарія I, пр. 180), тѣлѥсе ib. трѥпетомъ ib., апл҃ѥ ib.: гнѥтѧть Остр. ев. 101a; тѥбе Сб. 1073. 149a, оумьрѥте Ев. XIII в. № 6, 19a, зѥмли Гр. ок. 1263. Отмѣчу еще употребленія ѧ послѣ согласныхъ: постѣдѧтьсѧ Евг. толк. пс. — Впрочемъ, въ русской письменности при нѣкоторыхъ буквахъ употреблялись особые знаки мягкости, заимствованные изъ древнеболгарскаго письма: мягкія л и н выражались черезъ л, н: погѣбѣнеть Остр. ев. (вм. погѣбнеть, ср. ib. достанѣть: йен Ж. Ѳ. XII в., разгнѣвавъ Сб. житій до 1250 (Пам. Срезн. 30), стонѧ Уст. XII в. Типогр. № 142, л. 12, вечернѧ 12 об., клеплють 12 об., ѿ понѣльнѣй 16, гнѧ землѧ 23 об.

§ 333. Буквы ч, ж, ш, щ, ц означали согласныя всегда мягкія. Вслѣдствіе этого въ сочетаніи со звукомъ а не требовалось непремѣнно обозначенія ихъ мягкости въ слѣдующей гласной буквѣ. Рядомъ съ тѧ, нѧ, сѧ, лѧ видимъ сочетанія ча, жа, ша, ща, ца, но понятно, что аналогія сочетаній перваго рода вызывала также возможность появленія написаній цѧ, цѧ, шѧ, шѧ и т. д. Поэтому во многихъ древнихъ памятникахъ находимъ колебаніе между тѣми и другими пріемами: ца и цѧ, цѧ, жа и жѧ, жѧ; ср. въ гр. 1229 (А) платежѧ, но обычно жа, ча; въ гр. ок. 1230: тажѧ, но вообще жа, ша, ча, ца; въ гр. 1229 (В) рижанамъ, но вообще жа, ча: въ нѣкоторыхъ видимъ только тотъ или иной способъ. Отмѣчу, напр., въ Риж. гр. ок. 1300 почти постоянно жѧ: горожѧнинъ, жалъ, жаловали, но рядомъ ша: оуслышавъ, а также ча и ца: доконцанъ, учаны. Въ Риж. гр. 1281—97 постоянно жѧ, цѧ. Понятно, что сочетанія ч, ж, ш, щ, ц со слѣдующею буквой оу въ древнерусскихъ памятникахъ вообще неизвѣстны; рѣдкіе случаи подобныхъ сочетаній восходятъ къ прямому вліянію со стороны древнеболгарскихъ оригиналовъ: дѣло въ томъ, что сочетанія ću, žu были вообще совсѣмъ неизвѣстны древнерусскому языку; вмѣсто нихъ систематически произносилось ću, žu и т. д. Необходимо отмѣтить написанія жѥ, шѥ, чѥ, цѥ, щѥ въ древнихъ памятникахъ (ср. указанныя выше: тѥ, дѥ, и т. д.): оучѥникъ Гал.- ев. 1144, 21b, млъчащѥѥ XIII Сл. Г. Б., 78β, носѧщѥ ib. 233β, пачѥ Сб. 1076, бѣашѥ Сб. 1073, 9a, донѣдѥже Тип. ев. № 1, 46a, сицѥ ib. 4a, речѥнъи ib. 5д, приложѥние Минея XI в. № 194, наречѥшиса Арх. ев. 1092, 168a, рачѥнии Стих. 1157, 189a, въиѣ стоѧщѥи Юр. ев. 127a, наричѥть Поуч. К. Болг. XIII в. 167b, ничѥгоже Гр. 1229 (В). Нерѣдко ѥ оказывается при этомъ передѣланнымъ изъ ошибочно написаннаго и; напр. въ оуповающѥ Пар. 1271, 80c, оукрашѥноу Праздн. на нотахъ XII—XIII в., 67b, показанѥ Поуч. К. Болг. XIII в., 59в, и др.

334. Возможно, что буква ь имѣла въ древней русской письменности значеніе не только гласнаго звука (ср. выше § 330), но также и знака мягкости въ соединеніи съ предшествующею согласной; имѣю въ виду, конечно, тѣ древнѣйшія эпохи, когда полукраткія гласныя, въ томъ числѣ и ь, были еще на лицо въ произношеніи, такъ какъ исчезновеніе ихъ само собою вело къ необходимости отождествленія знака ь со знакомъ мягкости (для поздн. эпохъ, по частью и для древнихъ см. § 312[2]). Дѣло въ томъ, что полукраткія гласныя пали въ древнеболгарскомъ языкѣ раньше, чѣмъ въ русскомъ: это видно изъ ряда старослав. памятниковъ, восходящихъ къ XI вѣку и уже не сохранившихъ ъ и ь въ прежнемъ ихъ употребленіи (Супр., Мар. ев., Зогр. ев., Клоц. сб., Син. пс., Син. тр.). Читая по церковно-славянски такъ, какъ читали болгарскіе учителя, русскіе люди не произносили буквъ ъ и ь какъ гласные звуки во многихъ случаяхъ, гдѣ въ ихъ живомъ произношеніи существовала еще гласная. Такъ напр. слова тьма, льва, славьна въ церковномъ произношеніи звучали t́ma, ĺva, sla᷄vna (tma, lva, sla᷄vna), между тѣмъ какъ въ русскомъ сохранялось еще lѣva, t́ьma, sla᷄vьna. Это вело къ представленію о томъ, что буква ь означаетъ не только звукъ ь, но также и мягкость предидущей согласной. Такое представленіе находило себѣ подкрѣпленіе еще и въ томъ, что напримѣръ такимъ написаніямъ церковнославянскихъ книгъ, какъ аминь, арьхиєрѣи, сильвестръ въ живомъ русскомъ произношеніи могли соотвѣтствовать aḿiй, aŕʒiiєŕѣi, śil᷄vestr̀ъ. Подобныя же основанія приводили къ представленію о томъ, что буква ъ означаетъ твердость согласныхъ.

Примѣчаніе. Въ виду сдѣланнаго только что вывода, возможно, что написаніями ьрь, ьръ, ъръ, ълъ, на мѣстѣ сочетаній ьр, ър, ъл живого произношенія, русскіе писцы означали твердость и мягкость согласныхъ р или л, сообразно съ тѣмъ, что въ церковнославянскихъ написаніяхъ рь, ръ, лъ буквы ь и ъ были понимаемы ими именно какъ знаки мягкости и твердости. Такое объясненіе находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что написанія ьръ господствуютъ именно въ положеніи передъ твердою зубной.

§ 334[1]. Встрѣчающіяся въ древнихъ русскихъ памятникахъ написанія ьа, ью, ье, и т. д восходятъ къ церковнославянскимъ оригиналамъ; живое русское произношеніе соотвѣтствовало въ то время звукамъ iа, iй, iе и т. д Въ приведенныхъ написаніяхъ русскіе писцы едва ли придавали буквѣ ь значеніе і полукраткаго; скорѣе они присвоивали ей то второе значеніе, которое ей принадлежало согласно § 334, а именно значеніе мягкаго знака.

Вслѣдствіе этого написаніе братьа читалось въ церковномъ произно-

шеніи bratja уже въ то время, когда ъ и ь полукраткія еще не исчезли изъ живого языка. Вотъ нѣсколько примѣровъ для написаній ыа, ью, ыѣ изъ древнѣйшихъ русскихъ памятниковъ: братьѣ. дн҃ью Ж. Ѳ. XII в., звѣрье. плътью Минея XI в. № 194: написанія ыа, ью и т. д. обычны въ Сб. 1076 г.

§ 334². Надъ гласными буквами въ началѣ слога во многихъ русскихъ памятникахъ пишутся надстрочные знаки ᾽, ′, ″. напр. въ Сб. 1073: житьѣ, различьꙗ, пои҃штѣте, братооу᾽бі҃йства, отъ оу᾽ѣ҃ныꙗ. и҃зѣдена и т. д. Надъ ѡ пишется напр. въ Ж. Ѳеод. по сп. XII в. знакъ ″. Не въ началѣ слога гласныя буквы вообще знаковъ надъ собою не получаютъ, кромѣ буквы і. Надстрочные знаки эти, конечно, никакого звукового значенія не имѣютъ. Не имѣютъ они его вообще и надъ согласными, напр. въ Арх. ев. находимъ надъ согласными с. т. п. д. л и т. д. двѣ точки въ такихъ случаяхъ, какъ напр. вси, что, огнь, всегда. злѣ и т. д. Особое значеніе имѣетъ знакъ ᾽ надъ согласными: имъ означался пропускъ слѣдующей гласной, большею частью ъ или ь, но иногда и гласной полнаго образованія. Такъ въ написаніяхъ Сб. 1073: ч҃то 110в, нѣк҃то 108г, в҃се 108б, къ мнѣ 104а, вс҃а дни 101а, зло нѣч҃то 111г, к҃ тебе 151в и др., написаніяхъ Ж. Ѳ. XII в.: кандила, клименте. талайта ясно, что ᾽ означаетъ пропускъ полукраткихъ ъ и ь, но не ясно, хотѣлъ ли этимъ знакомъ писецъ выразить наличность въ своемъ произношеніи звука, отсутствующаго на письмѣ, или наличность буквы оригинала, пропущенной имъ при переписк҃ѣ: вѣроятнѣе представляется первая возможность. Пропускъ краткихъ ъ, ь обозначенъ знакомъ ᾽, напр. в҃сь Сб. 1073 г. 106а: особенно часто находимъ такой пріемъ въ Христин. ап. и Гал. ев. 1144. Пропускъ другихъ гласныхъ выраженъ тѣмъ же знакомъ, напр. въ Сб. 1073: о҃тъ ч҃ловѣкъ 206а, въ мо҃лтвѣ 198а, въ на҃чло 203b, о҃блѣч҃тсѧ 210б, и҃нь (т. е. нань) 103б. Знакъ ᾽ обозначаетъ иногда мягкость согласной; въ Сб. 1073: къ и҃мъ 166г, въ нѣй 170б, тоу҃не 191б, жажеѣмь 181в, въ о҃гни 166в, гн҃ѣвоу 192г, гн҃юсьни 101в, мау҃рикий 108г, земꙗ 101а и т. п.: въ Гал. ев. 1144: гн҃ѣвъ 169а, и т. д. Значеніе знака ᾽ надъ р, л передъ согласными въ сочетаніяхъ ьр, ър, ъл представляется не яснымъ, ср. рядомъ написанія ьрь, ьръ, ъръ, ъръ, ълъ, напр. въ Сб. 1073: съмьр҃ти 108б, въ Ж. Ѳ. чьр҃норизьць, напъ҃нившꙗ.

Знакъ ᾽ имѣлъ спеціальное значеніе знака мягкости; онъ далеко не всегда соотвѣтствовалъ такому знаку церковнослав. памятниковъ, употребляясь и при такихъ согласныхъ, которыя стали мягки уже только въ русскомъ языкѣ; ср. въ Мстисл. ев. мягкость и въ особенности въ сочетаніи гн: агн҃ьць, і҃петꙗахоуть, гн҃етоуцьсѧ, гн҃ѣзда, гн҃ѣвактесѧ, также въ сло-

вахъ мьнитисѧ, понѧвою, еще въ еуанґелиѥ; тотъ же знакъ при д въ сочетаніи жд: ижде̑ноу, жаждѣть. Въ Добр. ев. медльнаѧ 4с.

Знаки ударенія въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ совершенно неизвѣстны: они проникли въ русскую письменность только въ XIV в.

Отдѣлъ V. Паденіе глухихъ и полукраткихъ гласныхъ.

§ 335. Подъ паденіемъ глухихъ я вслѣдъ за предшествующими изслѣдователями совершенно условно понимаю рядъ разнообразныхъ явленій, имѣвшихъ своимъ началомъ исчезновеніе полукраткихъ гласныхъ; оно, какъ увидимъ, повело за собой общій переходъ краткихъ ъ и ь въ о и е. Такимъ образомъ исчезли совсѣмъ изъ произношенія редуцированные (глухіе) звуки ъ и ь, и одновременно утрачены полукраткія ĭ, ў, діалектическое й. Исчезновеніе полукраткихъ гласныхъ имѣло самыя разнообразныя послѣдствія въ звуковомъ составѣ древнерускаго языка: оно отразилось на удлиненіи предыдущаго слога и на полномъ измѣненіи структуры слоговъ, вызвавъ къ жизни до тѣхъ поръ почти неизвѣстныя закрытые слоги и породивъ самыя разнообразныя новыя соединенія согласныхъ; старое чередованіе краткихъ и полукраткихъ ъ и ь, послѣ исчезновенія послѣднихъ, вызвало наличность звуковъ е и о въ однихъ случаяхъ и отсутствіе ихъ въ другихъ, а это имѣло слѣдствіемъ разнообразныя контаминаціи различныхъ родственныхъ формъ одного и того же слова. Всѣ эти явленія мы разсмотримъ въ связи съ породившею ихъ причиной—паденіемъ глухихъ. Изслѣдованіе располагаемъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Сначала скажемъ о нѣкоторыхъ частичныхъ явленіяхъ, имѣвшихъ мѣсто по отношенію къ ъ и ь, затѣмъ объ исчезновеніи полукраткихъ, потомъ о переходѣ краткихъ ъ и ь въ о и е; далѣе разсмотримъ послѣдствія исчезновенія полукраткихъ.

Глава I. Частичный переходъ ъ и ь въ о и е подъ вліяніемъ слѣдующаго слога.

§ 336. Мы видѣли въ § 118 взаимное вліяніе ъ и ь въ сосѣднихъ слогахъ, благодаря чему еще въ общеслав. праязыкѣ ґѣdьґъ могло перейти въ ґѣdьґъ и tѣпъкъ въ tѣпъкъ. Въ древнерусскомъ языкѣ имѣло мѣсто однородное съ этимъ вліяніе звуковъ о и е на ѣ и ѣ предшествующаго слога, благодаря которому ѣ переходило въ о, а ѣ въ е. Основываюсь на слѣдующихъ данныхъ. Рядомъ съ сьребро Іо. Лѣств. XII в. Р. М., 39а, сьреброу XIII Сл. Г. Б. явилось въ древнерусскомъ серебро: серебра Сб. 1073, 158 в, серебро Тур. ев. 3а, серебрьмь Ж. Б. и Гл. XII в. Форма сьребро

имѣла и другое измѣненіе: она переходила въ сребро, хотя возможно, что сребро это церковнослав. слово. Древнемалор. срѣбро (напр. Пут. ев. 117), совр. срібло восходятъ къ сърѣбро, ср. чешск. stříbro. Неясно съ вм. сь въ ꙗрославле съребро на монетахъ Ярослава Влад., съребро, съребрьникъ въ Остр. ев.; возможно, что съ вм. сь древнеболгарскаго происхожденія. ср. сьребро при сьребро Супр , съребро Зогр.. съребролюбьцю Минея XI в. № 194, 233а. — Рядомъ съ зълоба (отсюда наше злоба) явилось въ древнерусскомъ золоба Сб. 1073, 170с, золобы 113а, золобоу 183а, 188d, золобѣ 172с, безолобы Часосл. XIV в. (Собол.) и т. д.. — Рядомъ съ зълодѣи (отсюда наше злодѣй) явилось золодѣи Жит. Θеод. XII в. — Рядомъ съ мъного (отсюда много) явилось моного, напр. монога телеса Добр. ев. 239 в.

Примѣчаніе. Ср. еще въ иноязычныхъ словахъ: манасъ твой Пут. ев. 117, манасъ твои ib. 117, вм. мънасъ, греч. μνᾶς.

§ 337. Ассимилируясь въ концѣ предлоговъ начальной гласной слѣдующаго слога, звукъ ѣ переходилъ въ о передъ о, въ и передъ и, въ а передъ а, въ ѹ передъ і (не въ і въ силу того, что согласныя передъ і смягчались, а смягченію въ данномъ случаѣ препятствовала бы предшествующая звуку ъ лабіализованная согласная). Приведу примѣры. Для оо вмѣсто ъо: изо обоⷬ XIII Сл. Г. Б. 154β, безо оц̑а ib. 148α, безо осжденіи ib. 6а. изо облака Добр. ев. 267д; сюда же относится, быть можетъ, во очью; со ѡбѣ половинѣ при с обѣ половинѣ Новг. 1471 № 20, во осень Псков. 2-я, 19, во ѡлонци Кормчая 1282, во отьца Гр. ок. 1285, изо олтаря Ж. Б. и Гл. XII в., со отрокомъ Юрид. сб. XIV в. (Р. Д. II, 14); въ сложеніяхъ находимъ: изоѡбрѣтоша Минея 1995, 106а, безоочьство Юр. ев., изоѡбразиста Минея XI в. Синод. № 166, 15а, безоочьство Добр. ев. 126с, изоѡстанеть Гр. Мстислава ок. 1130. Для ии вмѣсто ъи: изоуоутрь XIII Сл. Г. Б. 207β, Сл. Ип. объ Ант. XII в. (Невостр. 13), изоуоушью Ипат. 151б. Для аа изъ ъа: възаалка Юрьев. ев. 88д, 134д, Гал. ев. 1144, 6в, възаалкахъ Типогр. ев. XII в. № 1, 50с, възаалчѫть Юр. ев., 38в, възаалчете Парем. 1271, 70в, възаалкахъ Тип. ев. XII в. № 6, Гал. ев. XIII в. Для ѹі изъ ѣі: вы Исаинѣ евангельи Панд. Ант. XI в., кы истьчю Гр. 1229 въ сп. XIV в. (Р. Д. II, 264), вы Изьскѣ Уст. кн. Св. по сп. 1282 г. (Р. Д. I, 85 при Ꙗзьскѣ), сы их измѣнѣными грамотами Пов. объ Азовск. сидѣніи XVII в. № 409, 56.

Примѣчаніе 1. Отмѣчу аналогичное явленіе въ старослав. языкѣ. Въ Зогр. ев. находимъ: безо оц̑а Мо. 10, 29, изо облака Лук. 9, 35. Это не даетъ однако основанія возвести его къ общеслав. праязыку.—

Наши вообще (вм. вообщѣ), сообща подъ вліяніемъ церк. произношенія предлоговъ (ср. ниже, § 393 пр. 1); въ древнемъ языкѣ вопче гр. 1395 (А. Кал. I № 53), сопчя ib.

Примѣчаніе 2. Отъ уі указаннаго происхожденія необходимо отличить уі, явившееся въ результатѣ измѣненія ъіь. Мы находимъ уі, во-первыхъ, въ результатѣ сочетанія звука ъ въ концѣ предлога съ гласной і слѣдующаго слова: вы пиѣш Гр. 1229 по сп. XIV в. (Р. Д. II), во-вторыхъ, въ результатѣ сочетанія звука ъ въ концѣ глагольныхъ формъ съ і, формой в. ед. мѣстоименія: видѣлъı и Ев. 1092, 10в, приведохъı и ib. 38а, оубіимъı и Гал. ев. 1144, 47в, пришмъı и Юр. ев., 128д, оубиѥмъı и 122с, прикрывы и Ипат. 208г, пришлъı и ib. 300а.—Аналогично съ уі вм. ъіь появленіе іі вм. ьіь. Приведу примѣры: посадити и Сб. 1073, 201д, оубіюти и Ев. 1092, 38в, молѧхоуті и Гал. ев. 1144, 33а, възлюбити и Юр. ев. 97д, ѥмлети и ib. 113д, сътрети и 122д, познаѥти и Русск. Пр. по сп. 1282, проньзути и Ипат. 63г, хотѧти и Ипат., и т. д. — Ср. § 320.

Глава II. Діалектическая замѣна неслоговыхъ ъ и ь краткими.

§ 338. Какъ увидимъ ниже, при обозрѣніи діалектическихъ явленій древнерусскаго языка, значительная часть древнерусскихъ говоровъ (а именно сѣверные и восточные) измѣнила общерусскія сочетанія i̯ъ̯, ĭь̯, i̯ъ̆, i̯ь̆ въ первомъ слогѣ слова послѣ согласной въ сочетанія rъ, ĭь, lъ, lь съ краткими (не полукраткими ъ, ь); явленіе это произошло вслѣдствіе потери слоговыми плавными ихъ слогового характера; это и повело къ измѣненію неслоговыхъ ъ и ь въ слоговыя. Такъ явились напр. въ сѣверныхъ и восточныхъ говорахъ: krъta, gl̆ъtatĭ, śl̆ьza, tr̆ьvoga, между тѣмъ какъ въ южныхъ сохранялись kr̥ъ̯ta, gl̥i̯ъ̯tatĭ, śl̥ь̯za, tr̥ь̯voga.

§ 339. Въ тѣхъ русскихъ говорахъ, которые успѣли измѣнить древнее произношеніе u̯ передъ гласными въ v, а также представляли въ соотвѣтствіи съ ŭ (изъ u̯ъ̯ и u̯ь̯) сочетанія vъ, vь, сочетаніе согласная + vѣ было нетерпимо: вмѣсто него являлось сочетаніе согласная + vь. Быть можетъ, слѣдуетъ предположить, что ŭ переходило діалектически послѣ согласной (гдѣ ŭ звучало, быть можетъ, какъ u̯ŭ и u̯ŭ) въ сочетанія vь, vъ (съ краткими, не полукраткими ъ, ь). Такъ, повидимому, наше слово звено въ однихъ древнерусскихъ говорахъ звучало z̆v̆ьno, а въ другихъ zu̯ŭno; dv̆ьr̆i въ однихъ говорахъ — du̯ŭr̆i въ другихъ, ср. позже въ однихъ говорахъ: двери, звено, въ другихъ дври, звино.

Діалектическая замѣна ì, ǔ черезъ i, u въ началѣ слова.

§ 339[1]. Въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ имѣлъ, повидимому, мѣсто переходъ ì въ началѣ слова въ i. Сюда относятся говоры, легшіе въ основаніе великорусскихъ. Въ нихъ на мѣстѣ ìdu, ìstъbъka, ìmu, ìgratì, ìgъlъka явились idu, istъbъka, igъlъka, imu, igratì.

§ 339[2]. Въ тѣхъ же діалектическихъ группахъ говоры, сохранившіе ǔ, измѣнили его въ u въ началѣ слова. Въ нихъ на мѣстѣ ǔdova, ǔnukъ, ǔ domu явилось произношеніе udova, unukъ, u domu, ср. діалект. великорусскія удова, унук.

Глава III. Доказательства въ пользу существованія ъ и ь въ древнерусскомъ языкѣ XI и XII вѣка.

§ 340. Упомяну мелькомъ о тѣхъ доказательствахъ, которыя имѣютъ случайный и единичный характеръ. На грамотѣ французскаго короля Филиппа I, помѣченной 1063 годомъ, имѣется подпись дочери русскаго в. князя Ярослава Владиміровича, Анны, матери короля; подпись сдѣлана частью кирилловскими, частью латинскими буквами ANA РЪINA, т. е. Ana геїna; такимъ образомъ французскій звукъ ə, т. е. звукъ средняго ряда неполнаго образованія (совр. e muet), переданъ здѣсь буквою ъ; очевидно, дочь Ярослава читала приблизительно такъ же букву ъ въ церковнославянскихъ книгахъ, основываясь, при этомъ на живомъ своемъ произношеніи. На этотъ интересный для исторіи французскихъ и русскихъ звуковъ фактъ обратилъ вниманіе K. Nyrop въ Grammaire hist. de la langue française, I, 178 (1904 г.) и А. Е. Крымскій въ Украинской грамматикѣ. Далѣе могутъ имѣть значеніе показанія тѣхъ заимствованныхъ изъ русскаго въ латышскомъ, литовскомъ и финскомъ языкѣ словъ, которыя относятся къ христіанской терминологіи и, слѣдовательно, восходятъ къ эпохѣ XI—XII в. Среди нихъ есть такія, въ которыхъ ъ и ь передаются черезъ u и i.

§ 341. Главнымъ однако основаніемъ для положенія о томъ, что въ русскомъ языкѣ XI—XII в. сохранялись полукраткія гласныя и что краткія ъ и ь не переходили еще тогда въ o и e, служатъ показанія памятниковъ. Имѣемъ рядъ памятниковъ XI—XII вѣка, въ которыхъ употребленіе ъ и ь выдерживается правильно. Правда, при обсужденіи вопроса о судьбѣ глухихъ въ русскомъ языкѣ, ссылки на эти памятники во главѣ съ Остр. ев. могутъ казаться не убѣдительными, такъ какъ всѣ они или бо́льшая часть ихъ представляются копіями съ древнеболгарскихъ оригиналовъ: выдержан-

ное употребленіе въ нихъ ъ и ь можно отнести на счетъ языка составителей этихъ оригиналовъ и насчетъ внимательной переписки ихъ русскими писцами. При этомъ однако рѣшающими оказываются слѣдующія соображенія. Русскіе писцы, при всей своей внимательности, копируя древнеболгарскія рукописи, не могли справиться съ тѣми буквами, которымъ не было прямого соотвѣтствія въ живомъ русскомъ языкѣ; такъ писецъ Остр. ев. смѣшалъ написанія ѫ и оу, ѧ и ѫ своего оригинала, ибо въ русскомъ языкѣ буквѣ ѫ соотвѣтствовалъ тотъ же звукъ, что буквѣ оу, а буквѣ ѧ тотъ же звукъ, что буквѣ ѫ; онъ не могъ выдержать даже употребленія ѣ и писалъ вмѣсто него ѫ (ѧ) тамъ, гдѣ въ живомъ языкѣ слышался звукъ а (камѧнъ). Слѣдовательно, отсутствіе случаевъ опущенія ъ и ь въ Остр. ев. (въ особенности во второй части рукописи, отъ 25-го листа, гдѣ, какъ показало изслѣдованіе Фортунатова, ъ и ь опускаются только въ слѣдующихъ случаяхъ: сребро 4 раза, сребрьникъ 2 раза, къждо 2 раза, комоуждо, колиждо 2 раза, съгнѫвъ; кромѣ того въ 4 случаяхъ пропускъ ъ обозначенъ знакомъ ˘), равно какъ отсутствіе случаевъ замѣны ъ и ь черезъ о и е тамъ, гдѣ ъ и ь обозначали краткія, а не полукраткія гласныя — все это доказываетъ, что ъ и ь существовали въ живомъ говорѣ самого писца. Прочіе древнерусскіе памятники XI в. не могутъ быть сравнены съ Остр. ев. въ отношеніи строгой послѣдовательности въ употребленіи ъ и ь, хотя, впрочемъ, нѣкоторые близко подходятъ къ нему. Тѣмъ не менѣе, отмѣчая въ этихъ памятникахъ случаи отступленія отъ правильнаго употребленія ъ и ь, мы не рѣшимся сдѣлать изъ нихъ выводъ, что ъ и ь (полукраткія) пали въ языкѣ писавшихъ эти памятники. Дѣйствительно, само Остр. ев., представляющее на первыхъ листахъ иныя отношенія, чѣмъ въ части отъ листа 25-го до конца рукописи, показываетъ, что колебанія въ употребленіи ъ и ь, непослѣдовательность и невыдержанность въ отношеніи къ употребленію этихъ буквъ имѣли мѣсто уже въ древнеболгарскихъ оригиналахъ. Дошедшіе до насъ памятники древнеболгарскаго языка перусской редакціи подтверждаютъ вполнѣ это положеніе. Дѣйствительно, почти ни одинъ изъ нихъ не выдерживаетъ ъ и ь такъ правильно, какъ Остр. ев.; во всѣхъ старослав. памятникахъ имѣются случаи опущенія полукраткихъ ъ и ь; почти во всѣхъ имѣются случаи написанія или о и е вмѣсто ъ и ь краткихъ, или только е вм. ь краткаго, что свидѣтельствуетъ о паденіи полукраткихъ ъ и ь и о переходѣ краткихъ ъ и ь въ о и е въ самомъ языкѣ. Такъ въ Савв. книгѣ находимъ опущеніе ѣ и ѣ въ случаяхъ, какъ кто, никто, мнѣ, створити, многъ, писати, и т. д. Въ Зогр. ев. рядомъ съ подобными случаями имѣются написанія о и е на мѣстѣ краткихъ ъ и ь: родось, волиѣ вм. вълиѣ, цръковь, темьницѫ, телецъ, подобенъ,

и т. д. Въ Мар. ев. видимъ сходныя явленія, но число случаевъ, гдѣ о и е замѣняютъ краткія ъ и ь, еще значительнѣе. Въ Супр. опущеніе ѣ и ѣ вполнѣ обычно, рядомъ е вм. краткаго ь, напр. день, дьнесь, месть, ревьнивъ, отець, чловѣческъ, празденьство, пришелъ. Отмѣчу, что отсутствіе замѣны ъ и ь черезъ о и е въ Савв. книгѣ едва ли можетъ свидѣтельствовать о сохраненіи ѣ и ѣ, ибо существовали такіе болгарскіе говоры, которые не измѣняли краткихъ ъ и ь въ о и е, какъ существовали говоры, допускавшіе переходъ краткаго ь въ е, но не знавшіе перехода ъ въ о (ср. говоръ Супр. рукописи).

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ Россію въ XI в. попадали такіе старославянскіе оригиналы, въ языкѣ которыхъ сказались ясные слѣды паденія глухихъ (исчезновенія ъ и ѣ, перехода ъ и ь въ о и е или сохраненія ъ и ь, несмотря на утрату полукраткихъ ъ и ь въ слѣд. слогѣ). Переписывая такія рукописи, русскіе писцы переносили въ свои копіи случаи, гдѣ ъ и ь пропущены и гдѣ они замѣнены черезъ о и е. Поэтому, напримѣръ, нижеслѣдующія написанія Сб. 1073 г., гдѣ ъ и ь пропущены, какъ створивъ 109б, въ злобѣ 109в, неподобно 118г, отъ птиць 160г, зла р. ед. 111в, и т. д., или также написанія съ о и е вмѣсто ъ и ь, какъ на стегнѣ 242а, грѣшенъихъ 111в, кото 238в, не должны быть относимы на счетъ живого произношенія русскаго писца: въ кіевскую копію съ Симеонова сборника эти случаи могли попасть изъ болгарскаго оригинала или частью въ результатѣ искусственнаго, усвоеннаго въ школахъ, произношенія ъ, ь какъ о, е. Тоже скажемъ о такихъ же написаніяхъ въ XIII Сл. Г. Б., въ Ев. 1092 г., въ Сб. 1076 г., Минеяхъ 1095—1097 гг., Чудовской псалтыри XI в., а также во многихъ памятникахъ XII в., какъ то Мстиславовомъ ев., Юрьевск. ев., Христин. ап., Ефрем. кормчей, Апр. минеѣ Син. № 221, Іо. Лѣств. XII в. Р. М., Стих. Син. № 279, Стих. XII в. А. Н., Стих. 1157, Злат. XII в., Минеѣ XI—XII в. авг. Тип. № 125, Уст. XII в. Тип. № 142 и др. Во всѣхъ названныхъ памятникахъ мы не найдемъ данныхъ для утвержденія, что ъ и ь пали въ языкѣ ихъ писцовъ.

§ 342. Ставлю однако вопросъ: можно ли оправдать методологически предложенное выше заключеніе? Не могутъ ли написанія памятниковъ XI—XII в., представляющія отступленіе отъ правильнаго употребленія глухихъ, быть отнесены на счетъ русскихъ писцовъ и дѣйствительно ли необходимо возводить ихъ къ древнеболгарскимъ оригиналамъ? Думаю, что нижеслѣдующія соображенія заставляютъ отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Дѣло въ слѣдующемъ. Среди случаевъ употребленія буквъ о и е вмѣсто ъ и ь находимъ нѣсколько категорій: 1) о и е замѣняютъ краткія ъ и ь не-

редъ слогомъ съ полукраткими ъ и ь; 2) о и е замѣняютъ краткія ъ и ь въ ударяемомъ слогѣ, начальномъ въ словѣ; 3) о и е замѣняютъ ъ и ь при стеченіи согласныхъ, 4) о и е замѣняютъ ъ и ь въ русскихъ сочетаніяхъ ър, ьр, ъл. Первыя три категоріи случаевъ можно безъ труда возвести къ древнеболгарскимъ оригиналамъ, ср. подобные случаи въ Зогр. ев., Мар. ев. и др.; но четвертая категорія неизвѣстна и не можетъ быть извѣстна этимъ памятникамъ, такъ какъ русскимъ сочетаніямъ ър, ьр, ъл въ древнеболгарскомъ языкѣ и его памятникахъ соотвѣтствовали сочетанія ръ, рь, лъ, ль, а въ этихъ послѣднихъ сочетаніяхъ ъ и ь не замѣняются въ памятникахъ черезъ о и е (ибо сочетанія ръ, рь, лъ, ль обозначали r̥, l̥ съ послѣдующими неслоговыми ъ и ь, которыя не могли перейти въ о и е). Отсюда дѣлаю выводъ: русскіе памятники, въ которыхъ ъ и ь замѣняются черезъ о и е въ четвертой категоріи, отражаютъ живой говоръ писцовъ, уже утратившій звуки ъ и ь, уже проведшій паденіе глухихъ. Но отсюда возможенъ и другой выводъ: тѣ русскіе памятники, которые въ четвертой категоріи не имѣютъ о и е на мѣстѣ ъ и ь, а употребляютъ о и е вмѣсто ъ и ь только въ другихъ трехъ категоріяхъ, пишутъ эти о и е подъ вліяніемъ своихъ древнеболгарскихъ оригиналовъ или подъ вліяніемъ особой школы письма, сложившейся подъ непосредственнымъ вліяніемъ болгарскихъ учителей. Слѣдовательно, рукописи, не употребляющія о и е вм. ъ и ь въ случаяхъ четвертой категоріи, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ говорѣ писавшихъ ихъ лицъ звуки ъ и ь сохранялись въ первоначальномъ своемъ употребленіи, не выпадая въ качествѣ полукраткихъ и не замѣняясь черезъ о и е въ качествѣ краткихъ. Оба вывода могутъ быть, разумѣется, ослаблены слѣдующими соображеніями: переходъ краткихъ ъ и ь въ о и е въ тѣхъ различныхъ положеніяхъ, въ какихъ они находятся, могъ произойти не одновременно; если измѣненіе ъ и ь въ о и е въ слогахъ, за которыми были слоги, утратившіе полукраткія гласныя, стояло въ зависимости отъ паденія этихъ полукраткихъ гласныхъ (dь́ńь измѣнилось въ dень), то измѣненіе ъ и ь въ сочетаніяхъ ьр, ър, ъл въ о и е могло произойти независимо отъ перваго измѣненія и самостоятельно подъ вліяніемъ иныхъ условій (vьŕba могло перейти въ verba независимо отъ перехода dь́ńь въ dень). Но памятники, какъ увидимъ, даютъ основаніе связать переходъ ь, ъ въ е, о въ dь́ńь, sъnъ и въ vьŕba, gъrło (dень, son, verba, gorło) хронологически: тѣ изъ памятниковъ, въ которыхъ паденіе глухихъ проведено ясно и послѣдовательно, гдѣ ъ и ь въ слогахъ, предшествующихъ слогамъ, утратившимъ ѣ, ѣ, замѣняются черезъ о и е болѣе или менѣе систематически,—представятъ непремѣнно и случаи написанія ер, ор, ол вмѣсто ьр, ър, ъл. Это об-

стоятельство, а также и нѣкоторыя другія теоретическія соображенія (о которыхъ скажу ниже, въ §§ 354, 355) ведутъ къ убѣжденію, что переходъ ъ и ь краткихъ въ о и е произошелъ въ различныхъ положеніяхъ этихъ звуковъ одновременно. А потому выставляю указанное выше положеніе какъ критерій при опредѣленіи того, пали ли или нѣтъ глухіе въ томъ или другомъ памятникѣ.

§ 343. Возвращаюсь къ названнымъ въ § 341 памятникамъ. Ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ вообще написаній съ ер, ор, ол, а потому утверждаю, что въ говорѣ ихъ писцовъ были живы глухіе во всей ихъ совокупности. Пропуски ъ и ь, также рѣдкіе впрочемъ случаи замѣны ихъ черезъ о и е отношу частью на счетъ древнеболгарскихъ оригиналовъ, лежащихъ въ основаніи этихъ памятниковъ, или частью на счетъ тѣхъ искусственныхъ пріемовъ, которые были усвоены писцами при чтеніи древнеболгарскихъ памятниковъ.

Примѣчаніе. Наше утвержденіе, что въ перечисленныхъ выше памятникахъ нѣтъ написаній ер, ор, ол вмѣсто ьр, ър, ъл, требуетъ нѣсколькихъ оговорокъ. Въ Сб. 1073 находимъ долженъ 122d, въ молчани 127c, первоѥ 122d, 127c, исполнить 9d; но всѣ эти написанія оказываются принадлежащими позднѣйшей рукѣ XIV в. и имѣются въ припискахъ и поправкахъ (относительно столбцовъ 122d и 127c поздній характеръ ихъ письма отмѣченъ былъ Горскимъ и Невоструевымъ въ Оп. рук. Син. Библ.). Въ Сб. 1076 г. указанныя изслѣдователемъ языка этого памятника, В. Шимановскимъ, написанія, какъ скорби, оскорби, долготърпѣливъ, обдержа, оудержавъши, держава, простерта, равнымъ образомъ твордо, порвъши, представляютъ буквы о и е на мѣстѣ подскобленныхъ или выцвѣтшихъ буквъ ъ и ь. Въ Минеѣ 1095 г. единичный случай жестосерьдъимъ 88b объясняется какъ описка. Въ Христинопол. апостолѣ находимъ совершенно единичное отвержеса (изд. Калужняцкаго, 234), что̀ или описка рукописи или опечатка изданія. Въ Стихирарѣ 1157 единичныя съмѣрти 1b, съмѣртию 186b, конечно, также описки. Отмѣченныя С. П. Обнорскимъ въ Ефр. кормчей съвершенъши (три раза), волнешя, въздержатель, въ виду огромнаго числа случаевъ, гдѣ выдерживаются ьр, ъл, ър, также описки или такія же искусственныя написанія, какъ алчени, въгодено, мьрзоко, конеца, довольно частыя въ этомъ памятникѣ (О. яз. Ефр. кормч. XII в. въ Изсл. по р. яз. III, в. 1). Въ Злат. XII в. П. Б. № 46 С. П. Обнорскій (l. c., 85) въ видѣ единичныхъ примѣровъ приводитъ: въ чернъı ризъı и въчертано (жерьлъмь не относится сюда, ибо это жерелъмь).

§ 344. Источника погрѣшностей въ отношеніи къ правильному употребленію буквъ ъ и ь въ древнерусскихъ рукописяхъ надо искать, какъ указано, не только въ древнеболгарскихъ оригиналахъ, но также еще въ искусственномъ церковномъ произношеніи, заимствовавшемся въ теченіе X—XI вѣка изъ Болгаріи. Если на Русь попадали учителями такіе болгары, въ языкѣ которыхъ совершилось паденіе глухихъ, то они въ своемъ преподаваніи требовали, правда, умѣнія употребить буквы ъ и ь согласно съ традиціей, но вмѣстѣ съ тѣмъ, преподавая соотвѣтственныя искусственныя (для самого учителя) правила, они должны были привить своимъ ученикамъ условное, искусственное произношеніе буквъ ъ и ь, уже не вызывавшихъ въ языкѣ учителей представленія о древнемъ первоначальномъ ихъ произношеніи. Понятно, что такимъ искусственнымъ произношеніемъ для ъ было о, а для ь звукъ е, если только учителя происходили изъ такихъ мѣстностей Болгаріи, гдѣ совершился переходъ краткихъ ъ и ь въ о и е. Пріучившись къ такому произношенію, ихъ русскіе ученики невольно писали о и е на мѣстѣ ъ и ь и въ такихъ случаяхъ, гдѣ живой языкъ не давалъ прямого основанія для этого произношенія (живой языкъ учителей—потому, что здѣсь звуками о и е замѣнялись только краткія, не полукраткія ъ и ь; языкъ учениковъ—потому, что имъ вообще была чужда замѣна ъ и ь черезъ о и е). Насчетъ искусственнаго произношенія отношу, напримѣръ, слѣдующія написанія Стихпраря 1157 года: весѧ 186а, веселеною 155в, добродѣтьлеми 153в, вьседе 78а, владъщепи 180в, подъпо̀сѣнъıѧ 118в, въ цьркови 108в, неплодове 143в; или Ефр. кормчей: тъкомо, золовѣрии, седе, дълженı, мьрзоко, цьркове, второе и др.; въ Стих. XII в. А. Н. находимъ: къ монѣ 21а, довопце 42а, о вѣсѣхъ насъ 27а. Но если отнесемъ насчетъ искусственнаго церковнаго произношенія приведенныя написанія, то можемъ признать искусственными (въ отношеніи къ живому русскому яз.), и такія, въ которыхъ позднѣйшій языкъ имѣлъ дѣйствительно гласныя о и е вмѣсто ъ и ь, напр. въ Стих. 1157: дьнесь 177а (формы тв. ед. на -омь, -омъ, какъ млѣкомь 3а, крьстомь 36а, гавриломъ 15b и др. перенесены, вѣроятно, прямо изъ оригинала), въ Ефр. кормч.: певѣжествıе, пришествıе, бѫ̀жествьнъıи, чинохъ и нѣк. др. Уча по своему, учителя-болгары пріучали своихъ русскихъ учениковъ не произносить совсѣмъ буквъ ъ и ь тамъ, гдѣ имъ не было соотвѣтствія въ живомъ болгарскомъ произношеніи, а это приводило къ тому, что ученики не писали ихъ. Поэтому написаніямъ Стих. 1157 г., какъ вѣрнıи 144а, вѣрнъıихъ 153а, я не придаю значенія свидѣтельствъ о живомъ русскомъ произношеніи, а разсматриваю ихъ какъ свидѣтельство о томъ, что искусственное церковное произношеніе обходилось въ этихъ

словахъ безъ ь. Въ Минеѣ 1095 искусственными написаніями признаемъ: ковечегъ 135a, бг҃овидече 27a, весемирьнам 13a, источьнико 93a, и также желѣзною 18a, вѣрно 80a, чл҃вколюбца 130в, вѣнча вин. мн. 16a. Въ Мстисл. ев. признаю искусственными, передающими нерусское произношеніе, написанія, какъ оставитсѧ, оуслъшитсѧ, нарицаетсѧ. Въ Юрьевск. ев. насчетъ болгарскаго оригинала можемъ отнести написанія, какъ одромь 76b, словомь 46b, вьсегда 14a, 16a, смоковнїѫ 3d, оуповаше 106a, а насчетъ искусственнаго церковнаго произношенія случаи, какъ, съ одной стороны, вьседе 170d. отагочалѣ 176b, въземеть 56d, такъ съ другой стороны, такіе случаи, гдѣ опущены ъ и ь: вѣрнѣши 87b, вечернии 212b, двьрми 225a, простре 100a, оумре 9d, 86a.

§ 345. Особенный интересъ представляетъ искусственный пропускъ ъ и ь въ Гал. ев. 1144 г. и въ Христин. ап. XII в., двухъ памятникахъ, писанныхъ, вѣроятно, въ одной мѣстности и отражающихъ такимъ образомъ пріемы какой-нибудь одной общей школы. Въ Гал. ев. опускаются ъ и ь не только въ случаяхъ, какъ шьдше 48a, възметьсѧ 28a, раздѣлитсѧ 74в, съмищихъ 11a, сътвор же 150a, аз҃ же 60в, напсах҃ 1a, съ҃тникоу 16в. съращет вы 102в и т. п. (здѣсь глухой выпалъ въ позднѣйшемъ русскомъ произношеніи), но также и въ такихъ, какъ дат. мн. двьрмъ 70b, тв. ед. оужасмь 80a, олтармь 147a, гласмь 135a, слоух҃мь 28a, страх҃мь 67a, прав҃дьна 81b, правьд҃нъ 4a, и т. д. (здѣсь глухой въ позднѣйшемъ русскомъ произношеніи перешелъ въ о, е). Въ Христин. ап. находимъ пропускъ ъ и ь, съ одной стороны, въ оупваю 201, шьпти 178, безд ръптании 200, сътвор же 47, єлишдъı 153, их же 62, възпи 55, старцемъ 36, вѣрна 30, а съ другой, въ немощнъ 32, блюдѣте п'съ 201, всьма 143, всьде 52, 42, люб҃вь 204, сѣи коварпъ 178. Подобные же пропуски краткихъ, не подлежащихъ въ языкѣ выпаденію, глухихъ имѣются въ Чуд. пс. XI в.: дпь, конц҃ь. Ясно, что пропускъ ъ и ь въ этихъ памятникахъ носитъ характеръ совершенно графическій: онъ вызванъ тѣмъ, что писцы считали себя въ правѣ опускать ъ и ь оригинала, и не справлялись при этомъ со своимъ живымъ произношеніемъ. Краснорѣчиво говоритъ за то, что глухіе были живы въ языкѣ указанныхъ памятниковъ, почти полное отсутствіе случаевъ замѣны краткихъ ъ и ь черезъ о и е. Въ Христин. ап., кромѣ отмѣченнаго выше въ § 343 прим. ѡтверзеся 234, могу указать только ѡт сотьникъ 56 и похоть плотьскам 94, въ Гал. ев. мошьнъı 20в (Мо. X. 10).

Примѣчаніе. Пропускъ краткихъ ъ и ь, не подлежавшихъ въ языкѣ утратѣ, видимъ на письмѣ и въ нѣкоторыхъ старослав. памятникахъ. Напр. въ Мар. ев. ръпть, съпмь; въ Клоц. отр. творць, начлткъ; въ Зогр.

повиннъ (дважды), істиннъ, многоцѣннъ, зимнъ, старць (Лука IX. 22), и др.

§ 346. Мы говорили выше о церковнослав. памятникахъ, переписанныхъ на Руси. Еще большее значеніе при изслѣдованіи судьбы звуковъ ъ и ь имѣютъ памятники русскаго происхожденія. Въ тѣхъ оригинальныхъ русскихъ произведеніяхъ, которыя сохранились въ оригиналахъ или древнихъ копіяхъ XI—XIII в., видимъ выдержанное употребленіе глухихъ. Остановлюсь на нѣкоторыхъ такихъ памятникахъ. Въ Усп. минеѣ XII в. содержится составленное пр. Несторомъ (между 1081—1088 гг.) Житіе Ѳеодосія; текстъ житія переписанъ двумя писцами: первый изъ нихъ менѣе акуратно передавалъ свой древній подлинникъ или скорѣе древнѣйшую съ него копію, чѣмъ второй; все же и у него видимъ большую выдержку въ употребленіи глухихъ. Замѣна глухихъ чистыми встрѣчается въ рѣдкихъ случаяхъ: о вмѣсто ъ неизвѣстно (ибо овогда можетъ имѣть ископное о послѣ в; о словахъ оуповаѭ, оуповающимъ, оупованіемь см. ниже); е вм. ь находимъ только въ рьвеніе, наченъ, бжественьноуоумоу, а также послѣдовательно въ производныхъ отъ корня шед-(вм. ішьд-). Въ виду того, что здѣсь нѣтъ замѣны ъ, ь черезъ о, е въ сочетаніяхъ ър, ьр, ъл и что приведенные случаи съ е вм. ь могутъ быть обязаны вліянію церковнослав. памятниковъ, такъ же какъ (довольно многочисленные) случаи опущенія ъ, ь (въ значеніи полукраткихъ) въ серединѣ словъ, мы въ правѣ думать, что даже въ языкѣ переписчика XII в. глухіе еще держались, еще не изчезли изъ произношенія. Послѣдовательное употребленіе глухихъ у второго переписчика во всякомъ случаѣ опредѣленно свидѣтельствуетъ о томъ, что глухіе держались въ языкѣ самого Нестора; въ этой части списка XII в. Житія Ѳеодосія совсѣмъ неизвѣстны случаи, гдѣ бы о, е замѣнили ъ, ь (слова оуповати, оуповающе, оупованіе, оупованиѭ, несомнѣнно заимствованы изъ церковнославянскаго; это видно изъ совр. уповать, вмѣсто котораго по-русски мы ожидали бы упвать): ъ и ь вообще не опускаются; исключеніе составляютъ только начальные слоги: сребро, мнѣ, мнѧщемъ, дни, кназь, много, мнолство и еще слова оумножи, оумножаютьсѧ, оумножашесѧ и т. д. (подъ вліяніемъ много); рядомъ тѣ же слова пишутся и съ глухими: при 56 случаяхъ написанія мног- находимъ 14 случаевъ съ мъног-; при 19 случаяхъ съ кназ- въ 6 случаяхъ держится къназ-; при 1 случаѣ дни 5 случаевъ съ дьн-; при 1 случаѣ мнѧщемъ въ 10 случаяхъ пишется мьн-; при 1 случаѣ мнѣ 1 случай мънѣ. Можно съ полною увѣренностью утверждать, что у самого Нестора число случаевъ съ мног-, кназ- и т. д. было еще ограниченнѣе или что такіе случаи отсутствовали у него совсѣмъ; вмѣстѣ съ тѣмъ является

полная возможность случаи пропуска ъ и ь въ спискѣ XII в. (а тѣмъ болѣе въ предполагаемомъ Несторовомъ оригиналѣ) отнести насчетъ церковнаго вліянія.—Находящееся въ той же Усп. Минеѣ XII в. Житіе Бор. и Гл. представляетъ тѣже отношенія, что первая часть Житія Ѳеодосія; замѣны ъ черезъ о нѣтъ, а е вм. ь въ пришедъ, пришелъ, ошедъшаго, шедъше и въ тв. ед. оцемь, псалмопѣвьцемь, спадъшемь лицьмь (12.2) (церкъі 19.1 и церкъве при выдержанномъ ьр, вм. чего и рь, представляются описками: е въ церкъі въ концѣ строки); пропускъ глухихъ довольно обыченъ и при томъ не только въ начальныхъ слогахъ, но также и въ серединныхъ: иси, злаа, всеволода, кто, двьрми, елма, цьркве, блговѣрнъіи, началникъі и т. д. Даже на основаніи такихъ данныхъ я не рѣшился бы утверждать, что глухіе пали въ языкѣ переписчика этого памятника, такъ какъ, во-первыхъ, случаи замѣны ь черезъ е ограничиваются опредѣленнымъ кругомъ словъ и формъ книжнаго употребленія (возможно, что корень шед- въ причастіяхъ пришедъ, шедъше обязанъ церковному вліянію: тв. ед. на -емь формы церковнославянскія; церкъі слово книжное); во-вторыхъ, пропуски ъ и ь могли быть прямымъ послѣдствіемъ подражанія современнымъ рукописямъ болгарскаго происхожденія; въ-третьихъ, написанія, какъ весемоу вм. вьсемоу, съ одной стороны, бъгъмь, крътъкъ, гръбъмь, пъгъть, ищьть, отъгонынъ и мн. др., съ другой, свидѣтельствуютъ объ искусственномъ отношеніи писца къ буквамъ ъ, ь.—Въ грамотѣ Мстислава ок. 1130 года строго выдерживается употребленіе глухихъ: дьржа, съмьрти, запъртить, дължьни, гривьнъ, пришьствиа, серебрьно, даровьноѥ, почьнеть, роусьскоу, осеньнѥѥ, състоить; пропущены глухіе только въ начальныхъ слогахъ: кназь, кнаженіѥ, всеволодъ, всеволодоу.—Въ Русской Правдѣ по старшему списку 1282 года находимъ несомнѣнныя указанія на паденіе глухихъ въ языкѣ переписчика (смерть, жердью, полнаа, вънезъ, и т. д.), но рядомъ видимъ написанія, свидѣтельствующія о томъ, что въ оригиналѣ этого памятника XI в. или также въ древнѣйшихъ его копіяхъ глухіе выдерживались правильно: конечно, только живому русскому произношенію, а не какой-либо правописной школѣ могутъ быть обязаны своимъ существованіемъ написанія, какъ бърть, на търгоу, пьрвии, дължьбити, крьнеть, поръвѣть, мьчь, късначько, дѣтьчьскомоу, дъчери.—Въ Вопрошаніи Кирика, памятникѣ второй четверти XII в., сохранившемся въ той же Кормчей 1282 года, находимъ между прочимъ: къ вълхвамъ, наробъка, легъчаѥ, комъкатъ, попьхпоули.—Въ гр. 1136 (сп. не позже XIV в.): крьстъ, вьрхъ, мъхи, възвада, людьми, коньми, глистьнъі, городьни, лебединьца.—Въ гр. 1148 (сп. не позже XIV в.): мьстиславичь, подълѣ, пришьствиѥ, чьто, межьника, юрьквьскоую, въстоупатися.—Въ уст. 1137 (сп. 1282):

бывъшии, възметь, зьрѣлъ, дьнии, новогородьскъıи, порогопустьць, кзьскѣ.— Новгородская лѣтопись, обнимающая событія XI—XII вѣка, сохранилась въ Синод. спискѣ, едва ли старшемъ первой четверти XIV столѣтія; внимательности переписчика слѣдуетъ приписать ту выдержанность въ употребленіи глухихъ, которую мы находимъ въ первой части списка, обрывающейся на событіяхъ 1200 года; здѣсь видимъ написанія, какъ нъ (союзъ), дрѣва, крѣви, мѣхъ, зѣлъ, сѣтьскии, плѣтьницѣнаго, домѣхъ, тьсть, възмѣше, трьноли, прибрьде, пльсковъ, трьхъ, затьмь, именьмь; равнымъ образомъ сохранены ъ и ь полукраткіе: тъгда, къметьства, на къземли, на гътѣхъ, дъѧг-, вьноукъ, дъци, дъцерь, пелъми, ръжи, на съжицѧхъ; льстѧще, двьри, мьню, раздьра, зьданиѧ, испьса, пьсати, измьроша, ѿпьрешася (т. е. отъпьрѣшасѧ), городьнъıхъ, дмитровьноу, кромьнъıи; опускаются ъ и ь только въ начальномъ слогѣ слова: много, кнѧзь, двѣ, кде, ста, кто, гна-, зва-, рчи, спѧщю, лга, лзѣ, что, шли и т. д. Ясно, что въ XII в. глухіе еще сохранялись въ Новгородской области; приписать однако ихъ выдержанность также языку переписчика XIV в. нельзя потому, что рядомъ найдемъ, впрочемъ, рѣдкія написанія, доказывающія паденіе глухихъ (ихъ относимъ насчетъ переписчика); сюда относятся: съ готъ, плотници, тв. ед. на -омь при болѣе рѣдкомъ на -ъмь, безмездьникоу, а также въ особенности сочьскаго, гдѣ о паденіи глухихъ свидѣтельствуетъ не только о вм. ъ, но и ч вм. ц, ибо ц явилось изъ т передъ с, изъ соединенія т и с послѣ выпаденія между ними ь; ср. тамъ же написаніе съцьскаго.—Въ копіи XIII в. съ Новгородской договорной 1189—1199 года находимъ: кърмьникоу, възмоуть, моужьскоѥ, латиньскъıмь (писцу XIII в. припишемъ написанія, какъ моужескоу, первое, потвердихомъ, крови и т. д.).

§ 347. Оригинальные русскіе памятники (грамоты) XIII и начала XIV в. содержатъ много любопытнаго матеріала для исторіи глухихъ. Въ бо́льшей части ихъ рядомъ съ написаніями, доказывающими паденіе глухихъ, найдемъ другія со строго выдержанными ъ и ь. Такія написанія въ значительномъ числѣ случаевъ могутъ быть объяснены тою упорною традиціей, которой особенно охотно слѣдовали составители юридическихъ актовъ; для историка языка они являются непререкаемымъ свидѣтельствомъ въ пользу существованія глухихъ въ старшемъ періодѣ, слѣдовательно, въ XII в. Такъ въ Новг. договорной съ в. кн. Ярославомъ 1265 года находимъ написанія: вьрстъ, дьржати, търговати, тържькъ, повъгородьць, оу коупьць; въ договорной 1270 года: дьржати, ѡсетрьникъ, роуськъıи; въ договорной 1305 № 10: дьржалъ, пьрвии, вьрстъ, търговати, тьрѣ, городьць, въ хр҃тьноѥ цѣлованиѥ; въ договорной 1305 № 9: дьржати, вьрстъ, търговати, тържькъ,

мьншихъ, оу коупьць; въ договорной 1314 № 12: дьржати, новъгородъ. и др.—Въ договорной 1263 года Новгорода съ Нѣмцами находимъ: михаилъмь, языкъмь, гъцького, въпросили. Договорной грамотѣ Смоленска съ Ригой 1229 года предшествовали, конечно, старшіе трактаты; только такое предположеніе объяснитъ намъ наличность, напр., въ копіи D написаній: четвьрти, мьртвъ, вьрхъ, оутвьрживати, оутвьржонъ, крьви, крьнеть (что писецъ этой копіи не зналъ глухихъ, видно изъ случаевъ, какъ долгъ, должонъ, добросердье, гривенъ, болного, вощиѣи, притча, обчи, векше, што). Въ копіи E находимъ: дъва, дъвою, притъча, ѡбычии, вѣкъше, извѣривъши, вольного, сътьского, грѣхъмь, крьви, серебрьныи, вьрхоу. добросьрдие, оутвьржепъ, мьртвъ (что писецъ этой копіи не зналъ глухихъ, видно изъ случаевъ: верхъ, четверти, долженъ, возма, товаромь, вѣкше, што, децьскыи вм. дѣтьскыи). Равнымъ образомъ къ старшему трактату возводимъ написанія смоленской грамоты ок. 1240: притъча, мьздоу, мьстиславъ, льзѣ, почьнѣть, оурьветь, задьницю, въсхочеть, коньць, на гътьскомь, възьметь, дѣрѣвъмь, крьви, поемъши, търговати, дължьбита, дългъ, дължьнъ (что въ языкѣ самого писца глухихъ уже не было, видно изъ написаній дълженъ, Смоленьскѣ, Смольнскъ, вощець, возьма, ототнеть, пошло, и т. д.). Въ смоленской гр. 1284 года читаемъ: четвьртое, немьцомъ, намѣстьникъ. Въ грамотѣ Рижанъ къ Витебскому князю около 1300: емъшо, клетьныи, дѣтьскыи, въстобъку (но рядомъ: волкъ, пришолъ, пришодъ, снемъ, Витебескъ, Смолнескъ, и т. д.).—Замѣчательно, что глухіе держались и въ частновладѣльческихъ актахъ; очевидно, и сюда проникала канцелярская традиція публичныхъ актовъ. Такъ во вкладной Варлаама Хутынскаго 1192—1207 видимъ: пожьнь, рьль, диаволъмь, дѣвъка, рыбьнал, хоутиньскоую (но рядомъ: волховомъ тв. ед., пожни, божница). Также въ духовной новгородца Климента XIII в.: тъ, пьпь (два раза), городьскыи, ѡсобьпеи ,възалъ, сътѣ (но рядомъ: даромъ, четверть, жеребець, Боркою при Борькы).

§ 348. Во второй части Новгор. 1-й лѣтописи, содержащей разсказъ о событіяхъ 1200—1234 гг., находимъ рядъ написаній, доказывающихъ наличность глухихъ даже въ первой половинѣ XIII столѣтія, ибо объяснить ихъ вліяніемъ традиціи или школы (частью по самому характеру относящихся сюда словъ) представляется совершенно невѣроятнымъ. Сюда относятся: въпоукъ, тьхвѣрь, стькломь, дъщерь, дънепрь, вынѣ, въторнѣ, пьхающе, мьздоу, мьстиславъ, дъскы, промъкла, издъхоша, кивотыныи, прѣльсти, одьраша, вельми, крьви, кръвопролитію, брьне, къгда, пльсковъ, прослъзитьсл, грькы, оудьныи, бъчькъ, бъчькы, сътъ, въпль, мъхъ, крьвь, дъщь-

какъ, възьми, дъжгъ, огньмь, людьмъ, пьсъ, мьньшеѥ, льгъко, изьмъше, больнъ. славьньскыи (отъ славьно), смольньска. Опущенъ глухой только въ начальномъ слогѣ слова: дна, два, двѣ, зло, лка, мнихъ, книгы, мнѣ, сла, стѣхъ. пси, ржи, пшена, пшеницѣ, сде, жда- зва-, гна-, и др. Отнеся эти написанія, всѣ или часть ихъ, на счетъ переписчика XIV вѣка, также какъ написанія мохъ, сотъ, бочкоу, правильное употребленіе глухихъ возводимъ къ оригиналу XIII в. и объясняемъ его слѣдствіемъ сохраненія ъ и ь въ новгородскихъ говорахъ первой половины XIII в.

§ 349. Разсмотрѣнные нами памятники содержатъ указаніе и на сохраненіе въ соотвѣтствовавшемъ имъ живомъ произношеніи писцовъ і (і полукраткаго). Судьба і была тождественна съ судьбой другихъ полукраткихъ гласныхъ ѣ, ѣ. Въ Болгаріи, какъ мы видѣли, полукраткія гласныя пали раньше, чѣмъ на Руси; на письмѣ относительно ѣ и ѣ это выразилось въ опущеніи буквъ ъ и ь тамъ, гдѣ онѣ соотвѣтствовали звукамъ ѣ и ѣ (вообще буквы ъ и ь сохранялись послѣдовательно только въ концѣ слова). Сложнѣе обстояло дѣло съ буквой и, служившей для обозначенія і. Паденіе ї послѣ гласной было невозможно выразить опущеніемъ ї уже потому, что на мѣстѣ і появился звукъ i̯, требовавшій для себя обозначенія; поэтому переходъ moї въ moi̯ не отразился на письмѣ, сохранявшемъ написаніе мои. Паденіе і послѣ согласной неудобно было выразить простымъ опущеніемъ буквы и, обозначавшей въ старшую эпоху і, потому что невыраженнымъ остался бы звукъ i̯, произносившійся между согласною и слѣдовавшею затѣмъ гласною: камениѥ обозначало kamenді̯e; написаніе каменѥ передало бы произношеніе kamеńe, а не то произношеніе—kamenді̯e, которое было непосредственнымъ послѣдствіемъ паденія ї. Вотъ причина, почему въ древнеболгарской письменности выработался особенный пріемъ, состоявшій въ томъ, что на мѣстѣ буквы, обозначавшей утраченное ї, писалась буква ь, не обозначавшая уже въ то время звука; буква ь оказывалась въ такомъ употребленіи простымъ слогоотдѣлителемъ: каменьѥ читалось какъ kamen -i̯e, подобно тому какъ камень произносилось kamen. Написанія ьѥ (ье), ьꙗ, ью, ьи рано перешли въ древнерусскую письменность, раньше дѣйствительной утраты і изъ произношенія; ср. проникновеніе сюда случаевъ опущенія буквъ ъ и ь въ то время, когда звуки ѣ и ѣ были еще живы въ языкѣ. Тѣмъ не менѣе, до эпохи паденія глухихъ въ языкѣ, указанныя написанія сравнительно весьма рѣдки; написанія иѥ, иꙗ, ию, ии уступаютъ имъ мѣсто одновременно съ паденіемъ і. Какъ увидимъ, эти послѣднія написанія позже возстанавливаются подъ южнославянскимъ вліяніемъ, гдѣ упрочиваются иѥ, иꙗ, ию въ связи, вѣроятно, съ соотвѣтствующимъ искусственнымъ, книжнымъ произношеніемъ.

§ 350. Обращаюсь къ памятникамъ. Въ Остр. ев. находимъ только цр҃квьꙑ 215г, обьемлють 231а, изъѧтрьꙑдоу 275б, дноклитьꙑнѣ 230в, дноклитьанѣ 236а. Въ Сб. 1073 написанія ье, ьı, ью довольно обычны и восходятъ, конечно, къ древнеболг. оригиналу: благочьстьıı, тъчьꙑ, житьѣмь, житье, оубьѣнъ, дивьıı звѣри в. мн., обилье, и т. д. (ср. въ особенности ѣмьıй 201г, что уже несомнѣнно изъ нерусскаго оригинала): рядомъ однако, и при томъ гораздо чаще, написанія ıı, ıе, ıю. Въ Ефремовской кормчей, по указанію С. П. Обнорскаго, на 5661 случай съ ıı, ıе, ıю приходится 140 случаевъ съ ьı, ье, ью, ьı: братью, чьстью, трье, нѣчьѣмоу, злославьı, напоутьı, невѣрьı, и др. Въ Минеѣ 1097, по указанію того же изслѣдователя, написанія съ ь уже болѣе обычны, но тѣмъ не менѣе они значительно перевѣшиваются написаніями съ и. Въ Стих. XII в. А. Н. ь вм. и въ видѣ исключеній: бьııнии 29а, кръвью 36а, благогазычьıı 71а, сьııнии 60а, чьстью 24а, и др.

Особо стоятъ Гал. ев. 1144 и Христиноп. ап. Въ обоихъ этихъ памятникахъ, представляющихъ какъ мы видѣли, совершенно оригинальные пріемы въ употребленіи буквъ ъ и ь (§ 345), написанія съ ье, ьı, ью болѣе обычны, чѣмъ написанія съ и. Такъ въ Гал. ев. 1144 находимъ: хр҃щенье46а, жребьа 224а, сънатьа 100а и др. Въ Христин. ап.: покаııьıı, оупванье, роıчьıı, абье, братьıı (рядомъ, впрочемъ, лодии 176, нощию 43).

Предполагая, что эти графическіе пріемы перенесены изъ древнеболгарскихъ оригиналовъ, думаю, что ьı, ью, ье читались русскими какъ іа, іи, іе, въ то время, когда полукраткіе еще не пали. Замѣчательно, что въ оригинальныхъ русскихъ памятникахъ написанія съ и выдерживались послѣдовательно. Напр. въ Ж. О. всегда и, а ь только два раза во второмъ почеркѣ: по дъвою дн҃ью и ѿ братьѣ. Въ Житіи Б. и Гл. всегда и, не ь (съмеренію, кııженııа, ороужııе и т. д.), и только два раза ь: поутье, гьıе мои. Въ Гр. Мстислава только и: полюдııе, кııженııе, данию, пришьствııа, полътретіıадесате. Упорная традиція удерживала и также въ XIII в. Такъ въ Русск. Правдѣ по сп. 1282 года находимъ: людııе, городııна, тълѣсию, за коровııе молоко (но рядомъ жердью, татье, оубьıеть, третьııго и т. д.). Въ Смол. Гр. 1229 по сп. А находимъ исключительно написанія съ и. Въ Рижской гр. около 1300 видимъ: подворие, оубиеть, челование, прокопию, братие, людие и др. (но рядомъ и братье, людье, прокопьево).

Выдержанности написаній ıı, ıю, ıе въ русскихъ памятникахъ, и особенно въ оригинальныхъ, придаю значеніе свидѣтельства въ пользу сохраненія і въ живомъ языкѣ XI—XII в.

Примѣчаніе. Написанія ходишь, ходить, мать, будь мы найдемъ въ русскихъ памятникахъ не раньше XIII в. (§ 360). Это доказываетъ, что до того времени ї держалось въ живомъ произношеніи: написанія ходиши, ходити, мати, буди имѣли значеніе xodiśi, xodiťi, maťi, budї.

§ 351. Немаловажнымъ доказательствомъ въ пользу существованія глухихъ въ XI и первой половинѣ XII вѣка въ южнорусскомъ нарѣчіи служитъ то, что въ южныхъ памятникахъ того времени мы не найдемъ указаній на измѣненіе ê (е закрытаго полудолгаго) въ іе (ѣ) въ слогѣ, предшествующемъ слогу, утратившему полукраткую гласную; ср. здѣсь написанія камень, шесть, оучитель, твореніе. Между тѣмъ, одновременно съ появленіемъ опредѣленныхъ данныхъ въ пользу паденія глухихъ, въ южнорусскихъ памятникахъ являются указанія на упомянутое измѣненіе. Такъ напр. въ Добрил. ев. 1164 года, гдѣ полукраткіе пали (это ясно изъ такихъ написаній какъ верха, зерно, волци, пришлець, ръпотъ, ропьщють и т. п.), пишется ѣ (т. е. іе изъ удлинившагося ê), напр. въ шѣсть, оучитѣль, ремѣнь, камѣнь и т. п. Ср. подробнѣе объ этомъ въ VI отд., гл. 2. Указанное обстоятельство убѣждаетъ меня между прочимъ въ томъ, что въ языкѣ писцовъ Гал. ев. 1144 и Христин. апостола XII в. глухіе были еще живы: въ нихъ, несмотря на ихъ южнорусское происхожденіе, нѣтъ буквы ѣ въ подобныхъ случаяхъ. Слѣдовательно, утвержденіе, высказанное въ § 350, относительно того, что случаи пропуска ъ и ь, а также написанія ьѥ, ьы и т. п. явились въ обоихъ памятникахъ результатомъ подражанія тѣмъ или инымъ болгарскимъ оригиналамъ или школамъ письма, находитъ себѣ полное подтвержденіе. Сопоставленіе Гал. ев. 1144 г., сохранявшаго ъ, ь и полукраткіе ъ, ь, ї, съ Добриловымъ ев. 1164 г., несомнѣнно утратившимъ краткіе и полукраткіе глухіе, а также ї, доказываетъ, что даже въ предѣлахъ отдѣльныхъ языковыхъ группъ, на которыя распался русскій языкъ, паденіе полукраткихъ произошло не одновременно.

Примѣчаніе. Въ эпоху существованія полукраткихъ гласныхъ полукраткое й, извѣстное діалектически, могло, правда, въ единичныхъ случаяхъ изображаться черезъ оу, у; послѣ паденія полукраткихъ такія написанія были также возможны, хотя вмѣсто й слышалось уже только ŭ. Написанія Сб. 1073 прауда 66в и Христин. ап. опраўди 124 передаютъ черезъ у звукъ й.

Глава IV. Паденіе полукраткихъ гласныхъ.

§ 352. Предшествующее изслѣдованіе показало, что памятники XII и даже XIII вѣка содержатъ доказательства въ пользу сохраненія полукраткихъ гласныхъ въ живомъ произношеніи того времени. Во второй половинѣ XIII в. мы такихъ указаній уже не находимъ; рядъ памятниковъ болѣе раннихъ—первой половины XIII в. и второй половины XII в. свидѣтельствуютъ, что діалектически полукраткія исчезли уже въ то время. Напротивъ, въ первой половинѣ XII в. полукраткія удерживались еще повсемѣстно. Слѣдовательно, паденіе ихъ началось діалектически не раньше середины XII вѣка. Доказательства даны частью въ предыдущей главѣ; они должны быть сопоставлены съ тѣми показаніями памятниковъ, на которыя обратимъ вниманіе ниже (§§ 356 и сл.). Возникаетъ вопросъ: произошло ли паденіе полукраткихъ гласныхъ одновременно во всѣхъ положеніяхъ въ словѣ, или при однихъ условіяхъ они пали раньше, чѣмъ при другихъ. Изъ данныхъ современнаго языка на этотъ вопросъ не можетъ быть извлеченъ какой-нибудь опредѣленный отвѣтъ. Но памятники XI—XII вѣка даютъ основаніе утверждать, что въ процессѣ паденія полукраткихъ гласныхъ замѣчалась слѣдующая послѣдовательность: сначала исчезли полукраткія въ начальномъ слогѣ слова; потомъ они исчезли въ другомъ положеніи, т. е. въ серединныхъ и конечныхъ слогахъ.

§ 353. Рядъ русскихъ памятниковъ XII вѣка опускаетъ ъ, ь въ начальномъ слогѣ слова, сохраняя ихъ въ другомъ положеніи. Повторю нѣкоторыя данныя, приведенныя выше въ § 346. Житіе Ѳеодосія по сп. XII в. во второй своей части допускаетъ пропускъ ъ и ь только въ начальныхъ слогахъ: створи, створивъшемъ, кнѧзь, кнѧжю и др., многъ, мнози и др., мнѣ, сребро, мнѧщемъ; въ серединѣ слова только: оумножи, оумножаетьсѧ, оумножаютьсѧ, оумножающаѧсѧ, оумпожашесѧ. То же въ гр. Мстислава около 1130 года: кнѧзь, кнѧженик, всеволодъ, кто (но даровьнок, роусьскоу, дължьни). То же въ первыхъ двухъ частяхъ Новгородской 1-й лѣтописи по Синод. сп. XIV в., изъ которыхъ первая составлена въ XII, а вторая въ первой половинѣ XIII столѣтія; въ первой части находимъ: много, кнѧзь, двѣ, кде, что, лзѣ, лга, рчи, гпа-, зва-, спѧщю, и др. (рядомъ: городьнъıхъ, кромьнъıи, дмитровьноу, пелъми); во второй части находимъ: два, двѣ, гна-, зва-, зло, лжа, второк, книгъı, мнихъ, мнѣ, сла, пси, ржи, пшена, пшеницѣ, жда-, сде, и др. (рядомъ: льгъко, смольньска, животьнъıи). Приписать эти пропуски вліянію древнеболгарской письменности нельзя: извлекаемое изъ указаній болгарскихъ памятниковъ паденіе глухихъ повело бы къ опущенію ихъ и въ се-

срединныхъ слогахъ, а также къ замѣнѣ краткихъ глухихъ звуками о, е, чего однако въ названныхъ памятникахъ нѣтъ.

§ 354. Итакъ принимаю, что паденіе полукраткихъ началось въ первомъ слогѣ слова. Возможно, что прежде всего исчезли глухіе въ начальномъ слогѣ передъ слѣдующимъ ударяемымъ слогомъ. Удареніе слога, слѣдующаго за слогомъ съ полукраткой гласной, требовало особаго напряженія, особенной силы, въ виду того, что полукраткость предшествующаго слога возмѣщалась экспираторнымъ усиленіемъ послѣдующаго. Въ словахъ kѣtò, pѣsà, kѣńáźi удареніе слога за полукраткой гласной было особенно напряженно. такъ какъ оно не умѣрялось экспираторнымъ вѣсомъ предшествующихъ слоговъ, что имѣло мѣсто какъ въ случаяхъ gѣnaĺà, kѣńagúńi, такъ и въ случаяхъ, какъ oťѣćà, kusѣkà, gumѣnò. Это имѣло послѣдствіемъ еще большее ослабленіе слога съ полукраткой гласной и вело къ полному ея исчезновенію. Возможно, что уже въ XI вѣкѣ полукраткія гласныя въ указанномъ положеніи подлежали въ древнерусскихъ говорахъ выпаденію. Но понятно, что полнаго выпаденія даже и въ этомъ положеніи произойти не могло, въ виду именно вліянія родственныхъ формъ и образованій, гдѣ полукраткія удерживались вслѣдствіе своего положенія при другихъ условіяхъ. Такъ kѣto, dѣva, kѣńaźi, ćѣto, измѣняясь фонетически въ kto, dva, kńaźi, ćto, возстанавливали однако свои полукраткія ъ и ь подъ вліяніемъ ńikѣto, ńѣkѣto, po dѣva, ńѣćѣto, na kѣńaźa.

Примѣчаніе. Старослав. памятники даютъ также основаніе думать, что глухіе выпали первоначально въ начальномъ слогѣ и уже потомъ въ другихъ положеніяхъ. Такъ напр. формы всь omnis и всь vicus, частыя въ Савв. книгѣ, явились, очевидно, подъ вліяніемъ другихъ падежей: вса, вси, всѣхъ, всемоу—всѣ; слѣдовательно, вьсь продолжало сохранять свои глухія въ то время, какъ вса, вси уже опустили ихъ. Равнымъ образомъ сохраненіе ь въ овьца, овьцахъ въ Савв., при послѣдовательномъ опущеніи въ случаяхъ всѣ, вса, всакъ, всегда, можетъ свидѣтельствовать о томъ же; ср. еще многъ въ Савв. около 90 разъ, створити 96 р., при посълати 48 р. Впрочемъ, въ самой Савв. книгѣ (въ отличіе отъ ея оригинала) отношенія могли осложниться.

§ 355. Представляется вѣроятнымъ, что указанное исчезновеніе полукраткихъ въ начальномъ слогѣ послужило основаніемъ для выпаденія ихъ и въ другихъ положеніяхъ, прежде всего въ слогахъ серединныхъ. Дѣйствительно, kto вмѣсто kѣto, kńaźa, вм. kѣńaźa, gnaĺi вм. gѣnaĺi и т. п. естественно вызывали и ńѣkto, ńikto вм. ńѣkѣto, ńikѣto, na kńaźa вм. na kѣńaźa, pognaĺi вм. pogѣnaĺi и т. д. Это повело къ общему паденію полукраткихъ—

сначала, повидимому, въ слогахъ некопечныхъ, а потомъ и въ конечныхъ слогахъ.

Древнерусскій языкъ, какъ мы знаемъ, имѣлъ слѣдующія полукраткія гласныя: во-первыхъ, ъ и ь въ разныхъ положеніяхъ въ словѣ, кромѣ однако, начала слова (гдѣ вмѣсто ъ являлось vъ, діалектически й, а вмѣсто ь—i) и положенія послѣ слоговыхъ плавныхъ въ началѣ слова, гдѣ ъ и ь измѣнялись въ ъ̯ и ь̯, а также послѣ плавныхъ за согласными, гдѣ ъ и ь въ однихъ говорахъ измѣнялись въ ъ̯ и ь̯, при чемъ плавныя были слоговыми, а въ другихъ въ ъ и ь, при чемъ плавныя становились неслоговыми; во-вторыхъ, i въ положеніи въ началѣ слова (напр. istъbъka), правда, не во всѣхъ русскихъ говорахъ (ср. § 339[1]); ĭ въ положеніи въ концѣ слова (sъraťĭ, budĭ, ńeśeśĭ, domovĭ); i въ положеніи за гласной (moi, daĭ, voina, boiko); i въ положеніи передъ i̯ (kańeńi̯e, lĭśťi̯e); въ-третьихъ, ў въ положеніи послѣ согласной передъ i̯ (rotў̈i̯eťъ, śьrtoгў̈a); въ-четвертыхъ, діалектически й въ положеніи въ началѣ слова (напр. ŭdova), правда, не во всѣхъ говорахъ, сохранявшихъ ŭ и связанное съ нимъ произношеніе v какъ u̯ (ср. § 339[2]); и еще ŭ въ положеніи за гласной (noŭ, praŭda).

Всѣ эти полукраткія гласныя въ извѣстную эпоху въ различныхъ русскихъ нарѣчіяхъ исчезли, ъ и ь—безслѣдно во всѣхъ положеніяхъ; ў—также безслѣдно; ĭ—безслѣдно въ концѣ слова и передъ i̯, но съ замѣной черезъ i̯ постоянное послѣ гласной и согласной (въ посл. положеніи i̯ позже выпало діалектически) и черезъ бѣглое i̯ въ началѣ слова; ŭ съ замѣной черезъ u̯ постоянное послѣ гласной и черезъ бѣглое u̯ въ началѣ слова. Разсмотрю отдѣльно примѣры выпаденія ъ, ь, выпаденія i, затѣмъ ў, и выпаденія діалектическаго ŭ. Хронологическія указанія представлю ниже.

§ 356. Примѣры для выпаденія ъ, ь. Въ началѣ слова: sъto, dъva, pьsaŕa, lьnu, gъnaŕa, vьśь̈ога и т. п.: перешли въ sto, dva, psaŕa, lnu, gnaŕa, vśь̈ога. Отмѣчу нѣсколько интересныхъ случаевъ: тъскливо перешло въ цкливо и далѣе въ скливо Арханг. (Ляп. 64), тьсти перешло въ цти, ср. цтя Виленск. сп. Лит. лѣт., ко цтю Ипат. 230а, аки ста ib. 85б, оу цта Супр. сп. Лит. лѣт. 46, совр. бѣлор. ко сцю, своймy сьцю (Карск., Бѣлоруссы, II, 230); чьсти въ чти Увар. сп. Лит. лѣт., въ велици чти Лѣт. Авр., чти Крас. сп., чьти многи Лавр. 48, чьстити въ чтить, блгочтивно Требн. Шерем. XIV в., 147б; тъспутися въ цнутися, ср. не цнѣтася Ипат. 156г; бъчела въ бчела, откуда въ великор. пчела, діалект. мчела, а въ малор., вслѣдствіе регрессивной ассимиляціи, бджола; дъжа им. ж. отъ дъжь, въ значеніи твердый, правоспособный, въ джа, ср. не джи Русск. Пр. 1282 г., а также глаголъ уджать: быть въ состояніи сдѣлать что-нибудь Арханг. (Кузнецевъ); съсати,

сѣсу въ ссати, ссу, напр. ссутъ, ссали Бѣлом. был. (Л. Васил. 17); дъска въ цка, ср. совр. цка въ значеніи деревянной части иконы, дску Лавр. подъ 1097; стькло въ скло, стькляныи въ скляный, ср. между прочимъ наше склянка; дъщанъ вь тщанъ, откуда тчанъ, чанъ; Дъбраньскъ (назв. города, ср. дъбраньскѣ Ипат. 124в) перешло въ Дбрянеск, откуда далѣе Брянеск. Брянск, ср. изъ браньска Ипат. 126а; рьźдѣі перешло въ bźдѣ; чьбанъ при чьванъ перешло въ чбан, откуда джбан, жбан; śьćаі перешло въ śćаі и далѣе въ scaі, ср. высцав Подольск. (Шейк. 7); бъзина перешло въ бзина, ср. до бзинй Бродск. (Етн. зб. I, 68); чьхнути въ чхнуі, откуда и чкнуі, шкнуі, ср. рачхнuwśа Лидск. (Weryha, 39), прошнеться Глух. (Литв.-Барт. Матер. до укр.-р. этн. III, 77), обл. ни шкни; взростовъ Гр. 1681 (А. Кал. I, с. 680). взраста Лавр.; взговорѧ Новг. 1426—61 № 18, взговоритъ 1471 (XVI в.) А. А. Э. I № 92; всхочетъ ib.; встока Новг. 1-я, встокъ Лавр.; взрадовашасѧ Жит. Бор. и Гл. по Чудовск. сп. XIV в.; вспримлъ ib.; зблазнъ, зблюдеши Кормч. XIII в. (Р. Дост. I, 91, 90); Дьмитрии въ Дмитрий, Мигрий; Сьменъ перешло въ Смень, напр. Двинск. XV в. № 34 и др.; Тьхвѣрь перешло въ Твѣрь, наше Тверь; пьхати, пьхнути перешли въ пхати, пхпути, ср. малор. пхнуть (Потебня, Два изсл. 95); Дъпѣпръ перешло въ Днѣпръ и далѣе Нѣпръ; Дьсна (параллельная форма при Десна?) перешло въ Тсна, Цна, совр. Цна (назв. многихъ рѣкъ въ средней и западной Россіи); Тьпра (назв. рѣки и народа, ср. Тепру въ Лавр. подъ 1210 г.) перешло въ Пра (совр. рѣка въ восточной части Ряз. губ., притокъ Оки); Мъда (назв. рѣки, впадающей въ Чудское озеро, ср. прилагательное Модскій, Модская губа, напр. въ актѣ XVII в., обнародованномъ А. Я. Лихтерманомъ въ Тр. Псковск. Археол. Общ. 1912 № 8) перешло въ Мда (ср. тамъ же, а также совр. назв.); стьга (параллельная форма при стьзя, ср. § 116) перешло въ стга, зга, ср. выраженіе ни зги не видно; пьсати перешло въ псати, ср. псалъ Гр. ок. 1266; въпитивъ впити, напр. Лавр. 168а, Мнкул. ев. 73в; дъчи, дъчери въ дчи Ипат. 137б, тчери, Лавр. 50.

§ 357. Въ серединѣ слова. Ruśьskyĭ перешло въ ruśkyį, напр. укр. руський, великор. руской: dźѣśьskyĭ перешло въ dźѣćkyį, dźѣskyį, совр. великор. дѣцкой; р. ед. Череповьси перешло въ Череповси, отсюда новообразованіе Череповец — Череповца; ср. въ Арбужевси при Арбужевеси Гр. 1490 (XVI в.) А. Кал. I № 69. Приведу еще: послушству 1471 (XVI) А. А. Э. I № 92, исхнеть Пут. ев. 168; ѥству Палея Кол. 9с вм. ѥстьствоу; корѣ́ци перешло въ корци, великор. копчу; śedźьo въ śedźo, śedźo, совр. великор. седло, сёдла; тришьды перешло въ трижды, ср. паралл. форму трожди Обоян. (Машк.) изъ трошьди; падъчерица перешло въ

падчерица, паччерица, ср. pàdčarka Лидск. (Weryha, 59), великор. паччерица; ногъти перешло въ ногти, нохти; родьство перешло въ ростео: рожьство въ рожство, рошство; Ольксѣи перешло въ Олксѣй, Ольксандръ въ Олксандр; оупъвати въ оупвати, напр. оупваниѥ Толк. ап. 1220 (Воскр. 25); сватьба — въ свадба, и т. д.

§ 358. Въ концѣ слова. Твор. имь, моимь, вьсѣмь. тѣмь перешли въ им, моим, всѣм, тѣм; 3 л. ед. сидить, ходить въ сѣверновелик. сидит, ходит; 3 мн. идуть, леѣать въ сѣверновел. идут, леѣат, малор. галицк. идут, лэтят; прилаг. Игумень (назв. города) въ Игумен (совр. назв.).

§ 359. Примѣры для отпаденія діалектическаго і въ началѣ слова (согласно § 339[1] ему соотвѣтствовало въ извѣстныхъ группахъ говоровъ і): малор. сыкати вм. искати, (ср. § 35 пр. 2), напр. Бродск. (Етн. зб. I, 50), Звенигор. (Рудч. I, 73), сыкать, сыкають Лубенск. (Етн. зб. XIV, 46); малор. и бѣлор. мати, мать вм. имати, ср. и ѡпъ мать кони платити Лит. метр. 1510 № 30, чл҃вка не мамъ Поликарп. ев. 1307 г., маемъ Гал. гр. 1427, мают Вкл. кн. Ануфрія ок. 1399 (Л. Васильевъ), маемъ Измарагдъ XV в. Кіевско-Мих. (А. Требинъ); мѣти вм. имѣти, ср. мѣлъ Изм. XV в. (А. Требинъ), мѣетъ Гал. гр. 1424, мел Вкл. кн. Ануфрія ок. 1399 (Л. Васильевъ), нѣ мать Пут. ев. 28, мѣѭи брашно Пантел. ев. 1317, 117а (изъ южнаго оригинала); му вм. иму, ср. малор. му, меш; покоѭ не мъѭи Переясл. сп. поуч. Ефр. Сир. 227 (изъ южн. оригинала); грати вм. играти, напр. граю Нѣжин. (Малин., 60), грець, грище; голка вмѣсто игълъка, напр. голка Нѣжин. (Малин., 60), holky Новоградвол. (Zb. VIII, 157); меноваѭ мѣста Гал. гр. 1442, галицк. мне (имя); стобка и стебка вмѣсто истъбъка, истьбъка, ср. напр. стёпка: кладовая Ржев. (Этн. сб. I, 252, 246), ср. истјопка Холмск. (А. Г. О. XXXII, 19), запроша оув' сто҆це Хлѣбник. сп. лѣт. 459, Стебёнокъ иное назв. села Истобное Нижнедѣв. у., жители котораго называются Стебенцы (Ѳ. Поликарповъ, въ Пам. кн. Вор. губ. 1906); малор. и бѣлор. з изъ из, напр. з нея вм. из нея уже въ прип. къ Вѣнск. октоиху (Собол. Оч., 50); столкова, звести, з нас и др. въ Измар. XV в. (А. Требинъ); чорт счез Каменецк. (Шейк. 33); спідниця, звісно, зволити (позволить), бѣлор. звольця (извольте), з мора, з хаты; вм. Иларионъ, Исидоръ, Игнатъ явились на малор. почвѣ Ларион, Сидор, Гнат, отсюда и великор. Ларивон, Ларька, Сидор, въ малор. Сидір, Ларко, Гнат; съ покрѣыты Пут. ев. 149 (ср. ипокрѣыти 123), гѣмоноу вм. игемону ib. 164.

Примѣчаніе. И въ великорусской области можно указать на діалектическое отпаденіе ї, что свидѣтельствуетъ, вѣроятно, о томъ, что переходъ начальнаго ї въ і не охватилъ всѣхъ говоровъ восточнорусскихъ.

Ср. мянины, голки, нагда Скоп. (Будде, къ діалектологіи, 52, 48). Даже въ сѣверноруссной области: скáрина въ значеніи искра Волог. (Бажен.) вмѣсто ожидаемаго искорина (?). Но вообще въ великор. выдержано і: ср. ему шить Солигал. (О. С. 84), я ему кататься Пошех. (О. С. 171), играть, имѣть, и т. д.—Что до начальнаго і въ малор. и бѣлор., то въ рядѣ случаевъ оно возстанавливалось подъ вліяніемъ і въ ударяемомъ слогѣ, ср. малор. імъя́ подъ вл. и́мени, іду подъ вл. и́дут (ср. еще дальше: ішоў); ср. еще угрор. iigla, iikra. галицк. iiму; бѣлор. ісі, ihoĺka, ihrać, iskać, iмеи́ма. Но кромѣ того видимъ въ началѣ слова и i̯ (или і): оно переносилось изъ положенія послѣ гласной: i̯мя подъ вліяніемъ па i̯мя. Послѣ согласной предшествующаго слова i̯ замѣняется звукомъ і, напр. іду з города, но чоловік із города Житецк. Оч. 194.

§ 360. Примѣры для отпаденія і въ концѣ слова. Окончаніе 2 л. ед. ši перешло въ š; примѣры восходятъ къ XII в.: тружаѥшь Ев. XII в. Кіевск. Ц. арх. м. (Оч. Собол. 79), можешь Архив. лѣств. XIII—XIV в. (Р. Ф. В. 1884), обратишь Выголекск. сб. XII—XIII в. (ib.), молѣшь, побѣдишь, безмолвьствуѥшь Поуч. Ефр. Спр. XIII в. (Оч. Соб. 56), паречешь, хощешь Луцк. ев. (ib. 44), въводишь Новг. 1-я лѣт., поклонишь рук. 1296 Син. № 836, 108в, видишь, жнешь, сбіраѥшь Полик. ев. 1307, прѣтъкнешь Рум. ев. XII—XIII в. № 104, ведаешь, дѣешь, ставишь и др. Рижск. гр. ок. 1300, пріимешь, управишь Кормч. 1282 (Пам. Кал.). Отмѣтимъ еще малор. єсь, дась. Неясно появленіе имашь Чудовск. пс. XI в. 79 (Погор. 37); судя по изданію, гдѣ этой формы нѣтъ, а есть имать, указаніе В. А. Погорѣлова основано на ошибкѣ, что уже отмѣчено С. П. Обнорскимъ въ Р. Ф. В. 1912 № 3, с. 348 (въ Словарѣ В. А. Погорѣловъ даетъ опять форму имашь). — Окончаніе 2 л. ед. повел., переносившееся и во 2 л. мн.: укрàдь, оставьте, обидьте, прѣобидьте, въверьзьте Гал. ев. 1266—1301 (Оч. Соб.), прилежь, видьте, въстаньте, наполньте Холмск. ев. XIII—XIV (ib.), наполньте, вѣдьте, видьте, будьте Полик. ев. 1307, видьте, будьте, слышьте Луцк. ев., боудьте зап. къ Поуч. Ефр. Спр. XIII в. (Оч. Соб. 52), помысль, усплачьмося, почюдьмыся, будьте, плачтеся Поуч. Ефр. Спр. XIII в., видь Ипат. 304г, молъвьте 257а; чинь, оучинь, выáснь, не замолчь, мов'те, ѿстѹпте* Пс. XVI — XVII в. (Карск. Западнор. пер. 186); въстаньте Ев. XIII в. № 6 221в (Мо. 17,7): сядьте Вѣнск. окт. XII—XIII в., оуверзьте ѡдесноую страноу корабла мрѣжа ib. (Сперанск. въ Р. Ф. В. 1890, № 3); не ѣздь Ипат. 198г, поѣдьта ib. 141в; не оукрадь Пут. ев. 111, боудьте 107, не плачьтеса 101, двигньса

и оуверзьсѧ оу море ib. 140; плачте 195; видьте 29, 42, вѣдьте 84; пусть Новг. 1-я, 106; лемк. берь (Житецк. Оч. 194) и т. д. — Окончаніе 2 л. вспомог. глагола: въıбıлı мѧ єсь Ипат. 298б, єсь 284а: оу кого єсь то серебро занмова̂ Моск. гр. 1433 № 50. — Мат᾽ вм. мати, напр. великор. мать, малор. мать (Эн. 171). — Доч вм. дъчи. — Домов᾽ отсюда домов вм. домови (Ляп. 182, Ягичъ, 60), damòw Лидск. (Werygha, 55), домовь Ипат. 212а, 223b, домовь Гр. 1189—99 (сп. 1263); долов᾽, отсюда долов вм. долови, ср. доловъ Ипат. 1946, Новг. 1456 (XVI) А. А. Э, I № 58, Жалов. Алекс. Коріатовича (ср. Пам. 265); ежегодов вм. ежегодови. — Оч вм. очи въ малор. увіч (увичь Эн. 57). — Дат. ед. энкл. м᾽, т᾽ вмѣсто ми, ти: приведѣте мь и сѣмо Луцк. ев., аще не бы ть дано свышьше ib.; всуе ть будеть вѣщь Поуч. Ефр. Сир. XIII в., и сътвори мь ядь Парем. Типогр. XII в. № 157 (Оч. Соб. 79), велѣла мь Ипат. 268в и др., без лѣпа т сѧ прить ib. 292в, какая ть земля из старіны 1490 (А. Кал. I № 52). — Энкл. с᾽ вм. си въ возвратномъ мѣстоименіи, ср. великор. боюсь, умоюсь, уже въ Комм. Новг. 1-й XV в.: что сѧ ѡсталось 362, Ипат. кормачесь 296в. — Вопрос. частица ль вм. ли: ты ль ѥси цр҃ь іюдѣѣскъ Луцк. ев. (Оч. Соб. 44), добро ль, твердо ль, хороше ль Прип. къ мон. уст. XIII в. (Изв. VI. 64), на Шокснѣ ль 1479 (А. Кал. II № 156, VIII). — Хоч вм. хочи. — Толь, нѣколь, коль, столь вмѣсто толи, нѣколи, коли, столи, напр. нѣколь Ипат. 293 в. — Въ окончаніи инфинитива — т᾽ вм. ти, напр. въ XIII в.: розделить Дух. Клим.: уже даже въ XII в., напр. въ Добрил. ев.: вълѣсти въ домь крѣпъкаго ти съсоудъı ѥго разграбить 56с, и ѥмоуже аще хощеть сѩ ѣавить 125d. — Единично въ своясь вм. въ свояси Луж. (Зап. Г. О. IV).

Примѣчаніе 1. Сохраненіе і напр. въ малор. окончаніи инфинитива, также въ діалектахъ великор. (отмѣчено преимущ. въ Вятской губ.) объясняется вліяніемъ окончанія — ti подъ ударѳніемъ (ср. великор. нести, вести рядомъ съ принесть, привесть), при чемъ возможно, что еще въ общеслав. ĭ вытѣснялось діалектически черезъ і въ указанномъ окончаніи. Отмѣчу сясьти (сѣсть), сяди (сядь), jésьти (ѣсть) Яросл. (Тихв. въ Р. Ф. В. 1890 № 3), сѣди Любим. (ib.). Равнымъ образомъ matĭ могло сохраняться вм. matĭ еще въ общесл. подъ вліяніемъ dъ̆с̆ĭ, ср. малор. мати (и южносл. мати).

Примѣчаніе 2. Изъ случаевъ какъ стукни, прыгни, крикни можно заключить, что і конечное не сокращалось въ ĭ въ положеніи за группой согласныхъ. Но, можетъ быть, надо исходить изъ стукъни: Въ такомъ случаѣ имѣлось бы указаніе на то, что і не сокращалось

за слогомъ съ полукраткой гласной; ср. еще помни изъ пóмьни (помньте въ Луцк. ев. и Поликарп. ев. подъ вліяніемъ аналогіи).

§ 361. Примѣры для выпаденія і въ положеніи послѣ согласной передъ і̯. Въ великор. нарѣчіи сохраняется до сихъ поръ возникшее послѣ выпаденія ѣ сочетаніе согласная + і̯, напр. колья (т. е. koĺi̯a), листья, каменья, ученье, имѣнье, гаданье, братья; въ малор. и бѣлор. і̯, измѣнившись въ j, ассимилировалось предшествующей согласной; такъ явились, напр. малор. каміння, свиння, життя, насіння, гілля; бѣлор.: суддзя, бяллё, сучча, колля, и т. д. Указаніе на совершившееся уже выпаденіе ѣ извлекается изъ тѣхъ памятниковъ южнорусскихъ (малорусскихъ), которые въ предидущемъ слогѣ пишутъ ѣ вм. е, напр. изъ Добр. ев. 1164, гдѣ находимъ весѣлыѥ, зѣлыѥ, трѣтьыѥ, Жит. Саввы XIII в., гдѣ: трѣтьюю, Тип. ев. XIII в. № 6, гдѣ: евангѣлыѥ, лаврѣнтья и др.

Примѣчаніе. О выпаденіи і̯ въ великор. завтря вм. завтрья изъ zavъtrii̯a, скажу ниже.

§ 362. Примѣры для паденія і въ положеніи послѣ гласной въ концѣ и серединѣ слова. Всѣ русскія нарѣчія представляютъ одинаково на мѣстѣ ѣ въ указанномъ положеніи і неслоговое, сливающееся съ предшествующею гласною въ дифтонгъ. Такъ находимъ въ великор.: мой, край, дай, мой, мойте, тайна, война, войско, бойко, яйцо, пойло, діалект. хазяйна Крапив. (Будде), выйграть, пойти, найду, пройгрышъ, пройдоха; въ малор. мій, крий, постій, військо, ryba j hraje Бойк. - Стр. (Zb. X, 48), въ бѣлор. пойщи Бых. (Ро. III, 139), зайграли Рогач. (ib. 153), сыйскаць Рогач. (ib. 156), пайщитка Ржев. (Э. С. I, 248), пайграть Смол. (Добров. I, 256), выйграли (ib. 443), пайщи (ib. 642), пайскать (ib. 648), за йзвощика (ib. 548). Въ малор. памятникахъ паденіе ѣ, точнѣе переходъ его въ і̯, свидѣтельствуется написаніями съ ѣ вмѣсто е въ предшествующемъ слогѣ: такъ находимъ напр. въ Путенск. ев. XIV в.: нѣ имамъ 104, нѣ имать 104, 115, отъ нѣ имоущаго 118; въ Добр. ев.: нѣ ищю, нѣ имете, нѣ имуть; въ Типогр. ев. № 6: нѣ истовъ, нѣ имущимъ, нѣ имѣюще, въ Гал. ев. 1266 — 1301: нѣ имать, нѣ имуть.

Примѣчаніе 1. Въ великор. нарѣчіи і вм. і̯ находимъ въ относящихся сюда случаяхъ подъ вліяніемъ перенесенія частью изъ начала слова, напр. поиграть, проиграть, выискать, поискать (ср. играть, искать), пройдоха (ср. иду, идти): частью подъ вліяніемъ і, сохранившагося въ слогѣ передъ слогомъ съ выпавшимъ ъ и ь: хозяина подъ вліяніемъ хозяин; поиски подъ вл. поиск; пошло Владим. (Черныш.) подъ вліяніемъ р. мн. пошл; я́йца подъ вліяніемъ р. мн. я́йц, напр. яйца (риѳма: галица)

Посл. XVII в. (Сим. 90), е́нца Костром. (Виноград.), отсюда и яицо Пошех. (О. С. 169), енцо́ Костром. (Виноград.), яицо́ Онежск. (Калининъ), јицо́ Рост. (Булычевъ), йицо́ Судж. (Рѣзановъ). — Впрочемъ, можно указать и обратный переносъ ј на мѣсто і въ слогъ передъ слогомъ, утратившимъ ъ или ь: убойнику Бѣлев. (Будде).

Примѣчаніе 2. Неслоговое ј можетъ опускаться въ такомъ положеніи какъ въ малор. и бѣлор., такъ и въ великор. области: малор. заграшъ Иги. з Никл. 14, стрыка: дядю ib. 71: бѣлор. Глазомичи вм. Глазонмичи Лит. метр. 1510 № 63 (ср. новгородск. прозваніе Глазоемцовъ); великор.: не замали Стогл. Хлуд. сп. 287, не замают гр. 1533 (Лихач. 8), совр. не замай.

Примѣчаніе 3. Въ случаяхъ, какъ пју, бју въ слогѣ передъ ударяемымъ слогомъ выпало ї, замѣнившее і подъ вліяніемъ тѣхъ именно случаевъ, гдѣ оно было получено передъ ј (ср. §§ 25, 37); исконное bĭjǫ́, подъ вліяніемъ случаевъ какъ úbĭjetь, póbĭjǫtь, измѣнялось въ bĭjǫ. Примѣры выпаденія ї передъ ј см. § 409.

§ 363. Приведу примѣры для выпаденія ў въ положеніи послѣ согласной передъ ј. Такія сочетанія были не такъ часты, такъ какъ они во многихъ случаяхъ устранялись подъ вліяніемъ грамматической аналогіи; напр. вин. мн. dobrўjѣ, bѣłўjѣ, ḿiłўjѣ и тождественныя формы р. ед. ж. р. измѣнялись въ dobryjѣ, bѣłujѣ, ḿiłujѣ, откуда далѣе, согласно § 87, dobryѣ, bѣłuѣ, ḿiłuѣ— подъ вліяніемъ dobry, bѣły, ḿiły. Но діалектически сохранялись и формѣ съ ў. Онѣ перешли въ результатѣ выпаденія ў въ dobrjѣ, bѣłjѣ, miłjѣ, при чемъ ј измѣнялось въ несловоное u подъ вліяніемъ предшествующей твердой, не подлежавшей иначе смягченію согласной. Такія формы имѣли мѣсто въ южнорусской области. Ассимилируясь предшествующей согласной, неслоговое u съ теченіемъ времени исчезло. Такъ явились малор. формы добрі, білі, мілі съ твердыми согласными передъ і (діалектически развивалось произношеніе и съ мягкими согласными).—Сочетаніе ўі являлось далѣе въ спряженіи глагола myti въ настоящемъ времени, а именно въ сложеніяхъ съ предлогами, переносившими удареніе на себя: ср. оумъıеши Луцк. ев. 1409 (Оч. Соб.), вымьёшь Солнкам. (Лукап.).—Въ словѣ ѣsrtorўja было также это сочетаніе, отсюда ѣertorja, ср. Черторьею Воскр. лѣт. подъ 1514 г.—Наконецъ, такое же сочетаніе ўj возникало въ соединеніи причастія муж. р. на -łъ съ формами вспомогательнаго глагола jesmь, jestь или je и т. д.; ъ передъ j, согласно § 115, измѣнялось въ ў. Такъ явились напр. формы 3 л. ед. dałўje, kuṕiłўje, vźałўje. Отсюда послѣ выпаденія ў: dałje, kuṕiłje, vźałje и далѣе подъ дѣйствіемъ согласной ł: dałye, kuṕiłye, vźałye (съ u неслого-

вымъ), откуда, съ переходомъ звука е въ ė, т. е. въ соотвѣтствующій звукъ средняго ряда: dalė, kuṕiė̀, vźaė̀. Подобныя формы долго держались въ сѣверноруссκихъ говорахъ: вѣдале Вкладн. Варл. до 1207, осѣле сто̄славъ Новг. 1-я, акиме писале позди. прип. къ Минеѣ 1096 года, дворъ ихъ погорѣле Новг. гр. 1392 г., взале, имале, доспеле Двинскія гр. XV в. Также прич. -пъ въ соединеніи съ је переходило въ -пӯје: отсюда дальше пѣ; ср. блазнъ не хотию написане, нъ дїаволею пакостию Пантел. ев. XII—XIII в. (Лекціи Собол.); обрѣтене Вопрош. Кирика по сп. 1282, л. 523а. Быть можетъ, такія формы имѣлись и въ другихъ говорахъ. «Васко не далы» въ Львовск. актѣ 1421 года, ты же тоѣ зимы не всѣлы Ипат. 239а представляютъ предположительно передачу ѣ̀ѣ черезъ ѣ̀у.

Примѣчаніе 1. Возможно, что другою приблизительною передачей сочетанія ѣ̀ѣ было написаніе ло; въ такомъ случаѣ сюда же относились бы случаи, какъ: а за десятинника ся яло попъ Семенъ и за Соѳияне Двинск. рядн. XV в. въ копіи XVII в.; оу кого лежало товаръ Лѣт. Авр.

Примѣчаніе 2. Въ случаяхъ какъ мју, умју, умјеть гдѣ ударѐніе падаетъ на слогъ за слогомъ съ полукраткимъ ў, за этимъ ў слѣдовало не і̯, а ј (въ общеслав., а вѣроятно и въ общерусскомъ праязыкѣ): ў здѣсь замѣнило у долгое подъ вліяніемъ тѣхъ именно случаевъ, гдѣ оно было получено передъ і̯ (ср. §§ 32 пр., 37 пр., 45). Приведу примѣры выпаденія ў передъ ј: мью Соликам. (Словцовъ), Яренск. (Куклинъ, Волог. сб. IV), не сомью ли я Чердын. (Пермск. сб. I, 42), мьются ib. 51, оумъю т. н. Служ. Ант. Римл. XIV в., 21а, оумъю рук. 1296 Син. № 836, 38а, мъющихъсѧ ib., 128в, оумъѫ Юрьевск. ев. 173с, мью̄ Кириллобѣл. сб. XVI в. № 251, мъıшесѧ Пантел. ев. 9б, мьяхутся Бес. о св. царегр. XVII в., 23, мьющихся ib. 23, умъю руце Хут. служ. XIII—XIV в. (Собол.), не мьющемўсѧ Богд. Злат. XVI в. (Изв. 1905, III), умъıши Лук. ев. 1409 (Оч. Соб. 142), оумью Служ. Рум. М. 1359 г. № 399, 16в.—Точно также является ў передъ ј и въ другихъ случаяхъ, гдѣ онъ могъ замѣнить ъ подъ вліяніемъ родственныхъ образованій съ уі̯; такъ им. ед. strуї (изъ strъі̯ь) имѣлъ при себѣ въ косв. strъјá, но strъјá замѣнялось подъ вліяніемъ имен. ед. черезъ strўјá; полукраткое ў подлежало выпаденію; такъ явились формы: стръя моего, стръя своего, къ стрью въ Поуч. Ефр. Сир. XIII в., стръıа Ипат. 152а, 108в и со смягченіемъ р: съ стрьемъ 115д, на стрьıа 121г, 126в, на гюргѧ стрьıа 134в, стръıма Жит. Саввы 15, стръıа, стръемь Новг. 1-я (Ляп. 119). Вѣроятно, также было

извѣстно vъjá при vъja, ср. поклони въю подъ яремъ Поуч. Ефр. Сир. XIII в.

§ 364. Примѣры для выпаденія діалектическаго ŭ въ началѣ словъ: малор. схід (востокъ), звести, скшіти, звар (взваръ, компотъ), зійти, галицк. зяў; бѣлор. злінуць, зьідзе, діалект. сё, другъ (вм. вдругъ) Быхов. (Р. III, 196), а pòtym žo Новогр. (Клихъ), gosъ̀sò (Клихъ, 202). Примѣры для перехода діалектическаго ŭ въ ъ въ концѣ слова и въ серединѣ послѣ гласной: малор. ноў, ніўка, дiўка, городіў; бѣлор. гарадоў, кроў, слоўна; великор. калужск. бабоў, дéўка, т. д. Малорусскіе памятники, пишущіе ѣ вмѣсто е передъ у и в, доказываютъ, что это у неслоговое и что оно замѣнило ŭ, удлинивъ предшествующее е, которое при этомъ дифтонгизировалось. Ср. напр. въ Путенск. ев. нѣ вкоусить 108, нѣ оубоитеса ib. 121, нѣ оуведосте ib. 122, нѣ оумреть Пут. ев. 135. Въ Добрил. ев. дооулѣють 25d представляетъ несомнѣнно въ начертаніи оу звукъ ъ, ибо въ этомъ памятникѣ ясны слѣды того, что въ языкѣ его писца уже окончилось паденіе полукраткихъ гласныхъ. Ср. въ поздн. великорусскихъ памятникахъ: Леушину при Левшину 1471 (А. Кал. I № 31), Леушову дат. ед. 1490 (А. Кал. II №147), Ноугородского, Ноугородцемъ Новг. 1456 (сп. XVI в.) (А. А. Э. I № 57), поугородцемъ Новг. 1471 (XVI) (А. А. Э. I № 91).

Примѣчаніе 1. Въ одномъ положеніи ŭ было извѣстно, повидимому, во всѣхъ русскихъ говорахъ, слѣдовательно, и въ тѣхъ, которые вообще противопоставляли звуку ŭ сочетанія vъ, vь, а именно при соединеніи начальнаго и съ гласною предшествующаго предлога: и переходило при этомъ въ ŭ. Такъ zaŭtra измѣнилось въ zaĭtra: отсюда при паденіи полукраткихъ явилось zaŭtra, давшее въ говорахъ, не имѣвшихъ ъ, zavtra (и далѣе zaftra). Равнымъ образомъ находимъ: добро втра (т. е. привѣта съ добрымъ утромъ) оу нихъ нѣтъ Хожд. Ао. Нпк. 379a.

Примѣчаніе 2. Какъ было указано въ § 339[2], въ тѣхъ великорусскихъ говорахъ, которые представляютъ ъ вмѣсто исконнаго ŭ послѣ гласной, ŭ въ началѣ слова измѣнилось въ u, причемъ это измѣненіе предшествовало паденію полукраткихъ гласныхъ.

Примѣчаніе 3. Подъ вліяніемъ аналогіи находимъ и въ малор. и бѣлор. тамъ, гдѣ ожидалось бы его отпаденіе, напр. малор. узваръ, узлиссэ, узбіччя (Крымскій, Укр. грамм., 258). удова, уся: бѣлор. усюды, узяў, унук и т. д.

Примѣчаніе 4. Въ виду указаннаго отпаденія ŭ въ началѣ словъ,

приходится допустить, что слова ŭźaťĭ, ŭźьmъ, ŭźaťъ стали звучать źať, źem, źať. Это вызвало новообразованія źmu, źmeť, źmi, а съ другой стороны чередованіе źať и vźať вызывало отпаденіе v въ формахъ voźmu, voźmi; ср. малор. діалект. озми, озмете у Бойковъ, бѣлор. азьш; въ бѣлор. памятникахъ: ѡзмоуть Супр. сп. Лит. лѣт., ѡзма Вил. сп. Лит., лѣт., ѡзметь Статутъ 1588 г., озмі Ев. Тяпинскаго (Карск. II, 423). Подъ вліяніемъ такихъ формъ зем и узем замѣнялись черезъ оземъ, ср. не оземъ Вилни Вил. сп. Лит. лѣт., ѡземь Патер. Супр., 254; зял замѣнялось черезъ озял: азяў Свенц., Борис.

§ 365. Приведу, наконецъ, примѣры паденія ŭ полукраткаго въ сочетаніи согласная + u̯ŭ, которое въ діалектахъ, сохранявшихъ произношеніе v какъ u̯, соотвѣтствовало сочетанію vь другихъ діалектовъ и восходило къ исконному u̯ĭ (ср. § 339). Древнемалор. дври, т. е. dvrĭ, при дьврехъ, дьври, къ дьвремъ Гал. сп. ев. чт. 1266—1301.

Примѣчаніе 1. Рядомъ однако было извѣстно и другое измѣненіе сочетанія u̯ŭ; а именно оно переходило въ v́ŭ и далѣе въ v́i; возможно, что такой переходъ зависѣлъ отъ измѣненія въ соотв. говорахъ u̯ въ v; онъ вызывалъ измѣненіе ŭ въ ĭ краткое; слѣдовательно, это діалект. измѣненіе происходило до эпохи паденія полукраткихъ гласныхъ. Такъ объясняется сочетанія v́i (откуда малор. vï), напр. въ дзвинїла Глухов. (Литв.-Барт., 101), дзвинитъ Игн. зъ Никл. 71, коли макъ зацвине ib. 91, зацви́ла Бродск. (Етн. зб. I, 9), zacwyła Бойк.-Стр. (Zb. X, 9), зацвитў Пс. XVII в. бѣлор. (Карск. 187), цвице Рогач. (Ром. III, 185), źwiniać Дисн. (Zb. XVIII, 207), zaźwinièli Волков. (Federowski, I, 45), Звинигородского Псковск. 2-я лѣт., 34.

Примѣчаніе 2. Въ серединѣ слова между согласными выпаденіе полукраткихъ ĭ, ŭ вызывало появленіе вмѣсто u̯ сочетанія ev или ov: кь листьвну Ипат. 55в, ко листьвноу Радз. 84, жертьвнику Хут. служ. XIII—XIV (Оч. Соб.), жертовникъ Хожд. Дан. (изд. Венев. 114), о жертовницы (ib. 22, вар.).

Примѣчаніе 3. Сохраненіе u̯ или v въ началѣ словъ, какъ вдова, внук, вдод, и т. д. въ малорусскомъ обязано вліянію той формы, которую эти слова принимали послѣ предлоговъ: у вдови, т. е. u̯dovï, за вдову, т. е. za u̯dovu, и т. п. Послѣ согласной предшествующаго слова начальное u̯ замѣняется черезъ u.

§ 366. Какъ указано было выше, паденіе полукраткихъ гласныхъ, не частичное (въ начальномъ слогѣ передъ ударяемымъ слогомъ), а общее обнаруживается въ памятникахъ не раньше середины XII столѣтія. Судя по

памятникамъ, оно произошло разновременно въ отдѣльныхъ русскихъ нарѣчіяхъ и говорахъ, но завершилось вполнѣ въ теченіе XIII вѣка. Раньше, чѣмъ на сѣверѣ, пали полукраткія гласныя на югѣ. Въ южнорусскомъ (малорусскомъ) памятникѣ, Добриловѣ евангеліи 1164 года паденіе полукраткихъ обнаруживается во всѣхъ положеніяхъ и уже со всѣми его послѣдствіями: переходомъ ъ и ь въ предшествующихъ слогахъ въ о и е, дифтонгизаціей е въ предшествующемъ слогѣ. Мы находимъ здѣсь: што вм. что, недужныхъ, дверми, послѣдний, свѣтилникъ, брашно, что доказываетъ полное паденіе ъ и ь во всѣхъ положеніяхъ въ словѣ. Паденіе і доказывается какъ приведенными выше въ § 360 написаніями, разграбить 56c, явить 125d, гакъ и такими, какъ трѣтькк, шѣстью, въ нѣп, по всѣи земли, камѣньк, въ рожѣныи. Паденіе ŭ доказывается случаями, подобными отмѣченнымъ въ § 364: нѣ въмѣщаѥтьсѧ, нѣ оужасаитесѧ, и др. За Добриловымъ евангеліемъ слѣдуетъ рядъ другихъ южнорусскихъ памятниковъ XII-го, затѣмъ XIII в. съ однородною графикой.

Полное паденіе глухихъ въ сѣверноруссномъ нарѣчіи обнаруживается памятниками, начиная съ XIII в. Укажу на грамоты, напр. Новг. гр. 1265 (а): коупцины, посадника, закладникоѵъ, ѿ лну, пошло; Новг. гр. 1270: новгородца; Новг. гр. 1265 (б): соцьскыхъ (вм. древняго сътьскыхъ), хмелна, за волок. Новгородская кормчая 1282 года представляетъ, напр. въ Русск. Правдѣ, такія написанія, какъ: нелзѣ, материа часть, бчелы, на гостинии, передъ кнлземъ, жеребець и т. д.

Въ XIV вѣкѣ всѣ рѣшительно памятники уже послѣдовательно усвоиваютъ себѣ даже новыя орѳографическіе пріемы, вызванные паденіемъ глухихъ. Приведу для примѣра московскую духовную 1328 года: свободка, отоиму̑, осмничеѥ, селце, не їметли служити, можаѥскъ, в̑ блюдци, меншии, псалъ, дчери дат. ед., со всими, пѣсочну. Въ Лаврентьевской лѣтописи: русску землю 98, храборъ 99 об., сътснувшеси 99, логожескъ 99, сде шлдѣ 97, хочешь 102, сступленью 101, безо князя 102 об., ескочи с коиа 106, изслав же 109, 108 об., кон же его 108 об., сѣделнын 108, создана 117 об., не шстал бо сѧ бѫшеть 115, и мн. др.

Глава V. Паденіе неслоговыхъ ъ и ь въ положеніи за слоговыми плавными.

§ 367. Мы знаемъ, что сочетанія ръ, ѓь, ѣъ, l̓ь въ общерусскомъ праязыкѣ, какъ и въ общеславянскомъ, являлись въ положеніи, во-первыхъ, за согласными, во-вторыхъ, въ началѣ слова. При этомъ, какъ указано въ § 338, при одномъ условіи діалектически произошло измѣненіе этихъ сочe-

таній въ гъ, ґь, ӏъ, ӏь (съ неслоговыми плавными и слоговыми, краткими ъ, ь). а именно въ началѣ слова послѣ согласной (dr̥va и т. п. вм. dr̯̆va). Оставляя въ сторонѣ эти новыя діалектическія сочетанія, видимъ, что вообще ъ̯̆, ь̯̆ исчезли въ русскомъ языкѣ, что вело и къ измѣненію предшествующихъ слоговыхъ плавныхъ. Представляется вѣроятнымъ, что паденіе ъ и ь̯̆ произошло одновременно съ паденіемъ ѣ и ѣ и, быть можетъ, вызывалось ихъ паденіемъ: отпаденіе ѣ въ daӏѣ естественно вело къ отпаденію его въ ńôsӏ̯̆ъ̯̆, и это было тѣмъ естественнѣе, что рядомъ съ ńôsӏ̯̆ъ̯̆ издавна существовало произношеніе ńosӏ̯̆ѣ̯̆, вызванное вліяніемъ аналогіи (см. выше, § 79). Поэтому признаю выпаденіе и отпаденіе ъ̯̆ и ь̯̆ общимъ для всего русскаго языка явленіемъ, имѣвшимъ мѣсто въ теченіе второй половины XII и въ теченіе XIII вѣка. Оставшіяся такимъ образомъ безъ опоры со стороны слѣдующей гласной слоговыя плавныя (въ началѣ слова передъ согласными, діалектически и послѣ согласной, въ серединѣ—между согласными, а въ концѣ—послѣ согласной) устранялись съ теченіемъ времени въ различныхъ русскихъ говорахъ болѣе или менѣе однообразными способами, а именно посредствомъ измѣненія r̥, ӏ̥, ґ, ӏ въ сочетанія гласная слоговая +r, ӏ, ґ, ӏ неслоговыя. Только діалектически сочетанія согласная + слоговая плавная въ началѣ слова устранялись инымъ путемъ, а именно измѣненіемъ ихъ въ сочетанія согласная +ру, ӏу, ґі, ӏі. Въ виду того, что измѣненія слоговыхъ плавныхъ были въ общемъ однородны въ разныхъ русскихъ нарѣчіяхъ, мы разсмотримъ ихъ здѣсь, въ отдѣлѣ, посвященномъ древнерусской эпохѣ, хотя на самомъ дѣлѣ часть ихъ (въ особенности измѣненіе слоговыхъ плавныхъ въ началѣ слова) могла произойти и въ позднѣйшее время.

§ 368. Но сначала остановлюсь на одномъ общемъ пріемѣ, которымъ устранялись слоговыя плавныя въ началѣ слова и въ концѣ его, повидимому, еще въ древнерусскомъ языкѣ: слоговыя плавныя замѣнялись неслоговыми. Прослѣдить это явленіе въ концѣ слова не такъ легко, такъ какъ полученныя въ результатѣ такого измѣненія группы согласная +плавная неслоговая могутъ имѣть и иное происхожденіе, восходя къ общерусскимъ сочетаніямъ согласная +глухая неслоговая плавная +полукраткое ъ или ь; мы знаемъ, что эти послѣднія сочетанія возникали еще до паденія глухихъ. Такъ ńosӏ̯̆ъ̯̆ измѣнилось въ ńôsӏ (и отсюда ńôs), но ńosӏ могло имѣть и иное происхожденіе, восходя къ ńôsӏ̯̆ѣ̯̆, явившемуся подъ вліяніемъ ńôsӏo, ńôsӏa (ср. § 79). Тѣмъ не менѣе разсмотрю здѣсь примѣры, указывающіе на замѣну слоговой плавной неслоговою въ концѣ слова. Сюда относятся, напр., причастія на ӏъ въ муж. р. отъ основъ на согласную: ńôsӏ̯̆ъ̯̆, какъ указано,

измѣнилось въ ńosĺ и далѣе въ ńòsĺ и ńös. Ср. совр. великор. нёс, пёк, сгрёб, утоп, рос, мог, лёг, отсѣк, запрёг, умер и т. д.; малор. нік, міг, віз, ніс, тер Лубенск. (Етн. зб. XIV, 112); бѣлор. прынёс, прыбёх, мох, грыс. Изъ древнерусскихъ памятниковъ приведу: зане оувергъ есп ножь Ипат. 94б. оумеръ быхъ Новг. 1-я по Тр. сп. 65г, оглб Богд. Злат. XVI в. (Изв. 1905. III) и др. Что касается написанія ѭко ѿвьрзъ есть въ Христ. ап. 34, то здѣсь или описка, или опечатка, ср. ѭко ѿвьрзлъ есть іb. 35. Въ именахъ существительныхъ находимъ, напр. великор. рупь и рупъ вм. рубль. карапь и карапъ вм. корабль, Пёт; доб Псков. (Оп.). Новгор. (Обз. Кол. 199): на кораб Лубенск. (Етн. зб. XIV. 73). Въ древнерусскомъ: сн҃ъ ѭрославъ вм. ярославль Ипат. 61а, на перѭславъ 12б (л надъ ъ надписано позже) и др.

Въ началѣ слова замѣна слоговой плавной неслоговою могла происходить сначала подъ вліяніемъ родственныхъ образованій, обобщаясь затѣмъ до общаго звукового явленія въ отдѣльныхъ говорахъ. Такъ ļnu, ŗta, ļba, ļźa, переходили въ ĭnu, rta, ĭba, ĭźa подъ вліяніемъ ĭõn, rot, ĭob, ńeĭźa, (изъ ńe ĭьźa, ибо послѣ гласной слоговая плавная была нетерпима); также и rvať вм. ŗvať подъ вліяніемъ narvať, ĭnuť вм. ļnuť подъ вліяніемъ pŕiĭnuť. Ср. древнер. ркли 1490 (А. Кал. I № 52); великор. льну, рта, рвать, лба, льва, льнуть, лгать, ржать (вмѣсто рзать), р. ед. ржи, лжи, льняной, и т. д., малор. лжа, лгати, льюта, Львів, рзати, ржа, ржія (ржавое болото).

§ 369. Перехожу къ примѣрамъ фонетическаго измѣненія слоговыхъ плавныхъ, утратившихъ за собою неслоговыя ъ и ь въ различныхъ положеніяхъ въ словѣ. Во-первыхъ, въ концѣ слова. Здѣсь на мѣстѣ ŗ, ļ возникали сочетанія or (послѣ задненёбныхъ), or и er (послѣ другихъ согласныхъ), ol; на мѣстѣ ŕ, ĺ — сочетанія eŕ, eĺ. Примѣры изъ памятниковъ: не моголъ Ев. Типогр. № 8, 20 в, потополъ Гр. 1229 (въ сп. С), моголъ, потополъ Гр. 1229 (Е), постригълъсѧ Ипат. 69а, потѧголъ Новоросс. сп. Новг. 4-й, 659а, рекълъ (чит. реколъ) Лѣт. Авр. (Карскій), веперь Кп. Законп. сп. XV в. (Павловъ), земель Дв. гр. XV в. №№ 35, 77, 90, 1470 (А. Кал. I № 31), вѣдоръ Акад. сп. Русск. Пр. XV в., Комм. 88, добръ хороборъ Ипат. 299 об., доборь и хороборь Хлѣбн. сп. (въ соотв. мѣстѣ), Теребовель Ипат. 168б, наголъ Поуч. Ефр. Сир. 1377, 100б, 103в, 231а, деберь Пут. Ао. Ник. 390а, круголъ Хожд. Дан. Пал. (Венев. 19), узолъ Посл. XVIII в. (Симони, 211), Судебн. Ѳед. Ив. 1589 г., 29, игоръ р. мн. Богдан. Злат. XVI в. (Л. Васильевъ въ Изв. 1905, III), по õ оутерь Псков. л. Погод. № 1413, 139б, храберъ Тр. сп. Новг. 1-й, 4б, мюрчюфолъ Новг. 1-я, храборъ Лавр., веперь Барс. сп. Кп. зак. XV в. (Павл. 54), р. мн. купе[т] Суд. Ив. Вас. Унд. XVI в., 59а. Въ совр. великор.: им. ед. вихорь, уголь,

рубель (обл.), и́стопель Шенк. (Оп.), у́добель Шенк. (Оп.), ве́перь Усол. (Оп.), жураве́ль Нижегор. (Доп.), мысель Шенк. (Оп.), свою мысель потѣшающи Петроз. (Прич. сѣв. края, I, 76), ка́рабель Бѣлом. был. (Л. Васильевъ, 29), вѣтеръ, бобёръ, добёръ Костр. (Виногр.), сестёр р. мн., капель, вёсел; им. быстеръ, мудеръ, кругалъ, смугалъ, мо́каръ Обоян. (Машкинъ). Въ малор. корабе́ль, напр. Лубенск. (Етн. зб. XIV, 73), Дністер, р. мн. сестер, земе́ль, им. ву́голь, угрорусск. вітор (Верхр. I, 25 и II, 33), мысель, веперь. Въ бѣлор. рубе́ль, вепе́р, мудзёр, сесцёр, зубёр, сясцёр, зяме́ль.

Примѣчаніе. Мнѣ неясно, чѣмъ именно вызывается колебаніе er и or въ указанныхъ выше случаяхъ, какъ хоробор при хоробер, добор, и добёр, вѣтер и вітор, вѣдор и наше вёдер; не находя e послѣ заднеёбныхъ, думаю, что фонетически r̥ переходило въ or только послѣ нихъ; послѣ другихъ согласныхъ фонетически оно измѣнялось, вѣроятно, въ er, а or являлось подъ вліяніемъ той или иной аналогіи. Напротивъ, l̥ всегда переходило въ ol, а el̥, напр. въ узел, весел, объясняется аналогіей.—Угрор. угел (уголь), галицк. угель (напр. у Игн. зъ Никл. 88) имѣютъ e вм. o, вѣроятно, подъ польскимъ вліяніемъ (węgiel).

§ 370. Во-вторыхъ въ серединѣ слова. Здѣсь, повидимому, имѣлъ мѣсто такой же фонетическій переходъ r̥ въ or, er, ŕ въ eŕ, l̥ въ ol̥, l̥ въ el̥, какой мы видѣли въ концѣ слова. Въ доказательство сошлюсь на слѣдующіе примѣры. Изъ памятниковъ: гоусельныѧ Толст. Патер. XVI в. (Яковл. LIII), въ неколници Никон. лѣт. подъ 6970 (XII, 114), бы̑ ѿтепельѧ Псков. Погод. № 1413, 193д. Великор. земельный, земелька, корабельный, корабельникъ (назв. монеты), весельный, ведёрный, ведёрко, подребёрный, масельца Тороп. (З. Г. О. 1864, II, 137), остержонокъ: отщепокъ, отщепанное березовое полѣно Тихв. (Оп.), ср. острежо́нокъ: тоже Шенк. (Подв.) и острёжекъ: тоже Арханг. (Оп.), ср. строгать; су́дорга Арх. (Подв.) изъ судръга; къ заутерни Акмол. (прогр. № 75). Бѣлор. маселцо (Слов. Носовича), ведзерко, ведзёрный. Малор. весе́льний (отъ весло), муде́рний и муде́рський (Слов. Желех.), масельце́, масельни́чка, осте́рва (и ости́рва): заостренный колъ, рядомъ: остро́ва, острови́на (съ суфф. -ов-); земелька, земельний, гусе́лки (уменьш. отъ гусли), угрорусск. ремесе́лник (Верхр. I).

Примѣчаніе 1. Указанное фонетическое измѣненіе нарушалось въ нѣкоторыхъ словахъ и формахъ въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, вмѣсто r̥, l̥, ŕ, l̥′ являлись r, l, ŕ, l′ подъ вліяніемъ родственныхъ образованій, и эти плавныя (можетъ быть, именно глухія плавныя) под-

лежали затѣмъ выпаденію. Чаще, чѣмъ въ великорусскомъ, находимъ мы это въ малорусскомъ, напр. малор. ремéсник, ремéсний, срібний, масни́ця и ма́сниця (маслянница), ябко Долівск. (Верхр. въ З. Т. Ш. XXXV, 31), jabłko Збараж. (Zb. VII, 122), Злоч. (Zb. VII. 127), йапка Бродск. (Етн. Зб. I, 16), ябка Игн. въ Никл. 7, jabko Перемышл. (Zb. XIII, 43), заоутрни Ев. XIII в. № 6, 162в; бѣлор. вн̆тр̆нбти Псалт. XVI—XVII в. (Карск. 188), на заоутрни Пут. ев. 229; также Петрка Ипат. 128а (при чемъ буква е надписана позже). Сюда же лѣпши моужи Ипат. 303 г., преставшюсѧ Ипат. 78 об., переѧславьскыи іb. 77 об., ѧвлшася ему им. дв. Пут. ев. 259. Въ великор.: діалект. серебрный съ открытымъ е передъ б (ср. въ Оп. им. гетм. Ив. Самойл. 1690 г.: 6 пугвицъ сребрныхъ. Р. И. Б. VIII. 1186). Во-вторыхъ, вмѣсто ŗ, ļ, ŗ́, ļ́ являлись го, lo, ŕе, ļе, причемъ эти сочетанія переносились, повидимому, изъ положенія передъ слогомъ съ утраченнымъ ъ̆ или ь̆. Такъ jabļ̆ъ̆ko измѣнилось въ jabłoko подъ вліяніемъ jabłok, jabłoc̀nyi, великор. яблоко; сюда же великор. масленый, мысленый, вѣтреный, вёдрено (о погодѣ), малор. у́треня; Ипат.: заднѣпрескыи кнѧзи 290а, престоуплеше 293в, переѧславлескыи 77 об., переѧславлестии 76.

Примѣчаніе 2. Вмѣсто ожидаемаго ел находимъ ол въ мітолки Лубенск. (Етн. зб. XVI, 94).

Примѣчаніе 3. Повидимому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ ŗ, ļ, ŗ́, ļ́ могли переноситься и въ положеніе передъ слогъ съ полукраткими гласными (фонетически здѣсь могли быть только сочетанія гъ, lъ, ŕь, ļь съ краткими ъ, ь, подъ вліяніемъ полукраткости гласной въ слѣдующемъ слогѣ). Въ этомъ положеніи слоговыя плавныя въ бѣлор. и малор. нарѣчіи измѣнились въ гу, ļу, ŕі, ļі (т. е. такъ же, какъ въ случаѣ, указанномъ ниже, въ § 372). Примѣрами могутъ служить: бѣлор. Петрык (отсюда и Петрыку въ Акад. сп. Лит. лѣт. XV в., 167 об.), опатрын (отсюда ѡпатриности въ Зап.-русск. сб. XV в. Карск. Изв. II, 1002), яблычка, яблышный Рогач. (Ром. III, 184). Малор. за́втрички (Слов. Желих.); р. мн. *яблык (что вызвало угрорусск. яблыко Верхр. I, 23 и древне-малор. ѧблъко въ Житіи Саввы XIII в. изд. Помял. 5 об., 6).

§ 371. Въ-третьихъ, въ началѣ слова. На мѣстѣ слоговыхъ плавныхъ находимъ въ разныхъ русскихъ говорахъ ог, оľ, аг, аľ, іг, іľ. Приведу примѣры изъ разныхъ эпохъ и нарѣчій. Въ памятникахъ находимъ вмѣсто древняго Льто (назв. притока Трубежа): Ольто, напр. на Олто Радзив. подъ

1068, на Олту Акад.-Сузд. подъ 1151; Альто, напр. на Алтѣ Ипат. подъ 1015 г., на Алъто Ипат. подъ 1019 г.: вм. Львовъ—Илвовъ въ актѣ 1407 г. (Акты З. Р. I, 30); въ Библіи Скорины находимъ: илъжу, илжеть, плживое, плжите: плсти, плстивомъ, плстит', плстивость, плстец'; пръци; иржавает' (Владиміровъ, Докторъ Фр. Скорина, с. 255); олляныхъ вм. ольняныхъ Гр. 1603 (А. Кал. II, 264); ωржаное Домостр. 46; аркучи Слово о п. Иг. 20, аркъ Новг. 1-я по Комм. 359, аркоуще 357, плпятъ Хожд. Дан. (Венев., с. 54 вар.), плжа Акад. сп. Сузд. лѣт. подъ 1071 г., аркуци 1459—70 (А. А. Э. I № 62). Въ сѣверновеликорусской области: аржано́й Шенк., Холмог., Тотем., Сольвыч., Грязов., Бѣлоз., Покр.-Владим. и др. (см. Изв. 1903, кн. I), оржано́й Молож., Пошех., Рыбинск., Холмог., Грязов., Кирилл., Муром. и др. (см. тамъ же), альяной Новгор. (Обз. Кол. 127), орляное масло вм. олляное, ольняное Владим. (В. Черныш.), ольгота Петроз. (прогр. № 30), вольгота Онеж. (прогр. № 41), Тотем. (прогр. № 192) и др., ильгота Тотем. (прогр. № 203), Холмог. (прогр. № 50), артуть Холмог. (прогр. № 50), Солнкам. (прогр. 181), плстецъ Холмог. (прогр. № 50), Тотем. (прогр. № 203).—Южновеликор. область: аржаной Обоян. (Машкинъ), Ряз. (Будде), Жиздр. (Никольскій), Тамб. (Оп.) и др., альяно́й Курск. (Э. С. V, 48), Касим. (прогр. № 47), альняный Тороп. (прогр. № 233), альну Мосал. (Шахм.), ильны Болхов. (Сахаровъ), ильни Мосал. (Шахм.), ильна Мещов. (Шахм.), Тимск. (прогр. № 246) и др., ильни́ще Псков. и Осташ. (Доп.), иржи Тимск. (прогр. № 246), Льгов. (прогр. № 76) и др., иржанище Псков. (Доп.), ирвать Жиздр. (Никольскій), Псков. (Копаневичъ), Обоян. (Машкинъ, А. Г. О. XIX. 3), ирво́та Мещов. (Черныш.), ильгота Обоян. (Машк.), Псков. и Осташ. (Доп.) и др., плстецъ Зубцов. (прогр. № 108), плгать Мещов. (Черныш.), плгунъ Островск. (прогр. № 33), плгеть Мосал. (Шахм.), ильнуть Псков. и Осташ. (Доп.), ильзя Псков. (Доп.), Ильвовъ Мещов. (Шахм.), илбомъ Болхов. (Сахаровъ), ирта́ Холмск. (прогр. № 159), иртуть Болхов. (Сахаровъ), иржать Тороп. (прогр. № 233), иржеть Жиздр. (Никольскій), ирты: охотничьи лыжи Трубч. (Доп.), ср. древнерусск.: пріидоша Мордва на ртахъ съ сулицами и рогатинами, а также словенск. ѓt, rtíce въ значеніи двойныя короткія сани съ однимъ приводомъ (Слов. Плетершника), Орша—древнее Ръша въ Смол. губ., Аржать при Ржать, притокъ Межи, впадающей въ Западную Двину.—Бѣлорусская область: аржаны́й Дисн., Слуцк., Мозыр., Быхов. и др. (Изв. 1903, кн. I), аржа́ный (Слов. Носовича), иржи́ще Ельн. (Добров. Э. С. I, 639), аржа: ржавчина (Слов. Носовича), иржа: тоже (тамъ же, а также Орш., Минск., Новоалекс. и др., см. Изв. 1903, кн. I), иржа́ць, иржець, иржуць (Слов. Носовича и др.), ирваць (Слов. Носов.), ирвець Ельн. (Добров. Э. С. I, 139)

и др., ирдзе́ль и ирдзень (краснощокій, краснорожій, отъ ръдѣти, Слов. Носовича), альня́ный (Слов. Носовича и др.), ильня́ный Новоалекс. (прогр. № 11), ильница Витебск. (прогр. № 18), ильну Игум. (прогр. № 8), аўге́шъ Ельн. (Добров. Э. С. I, 470), илгаць Витебск. (прогр. № 18), Ельн. (Добров. Э. С. I, 468) и др., ильну́ць (Слов. Носовича), ильва Минск. (прогр. № 7), ильвица Ельн. (Добров. Э. С. I, 493), илкну́ць: глонуть (Слов. Носовича), арцы́ и ирцы́: назв. буквы р, Орш. и Сѣнн. (прогр. № 4). — Малорусская область: ортуть при ртуть (Слов. Желех.), иржа́ (Ogonowski. Studien, 54), иржа́вый угрорусск. (Верхр. Зн. I, 24), арджа: ржа угрор. (Верхр. II, 33), иржа́ти, ирза́ти (Ogonowski, 54), запрзавъ (Игн. зъ Никл. 59), ирзонути угрор. (Верхр. I, 24), ирва́ти (Ogonowski, 54), ирвати, ирвуть угрор. (Верхр. I. 24), ирвону́ти (Ogonowski, 54), иржій при ржий, ржій раст. Myagrum sativum (Слов. Желех.), ильня́ний (Ogonowski, 54), ильну угрор. (Верхр. I, 25), и́льще: блудящій огонекъ, при льще (Слов. Желех.), и́льва: львица (Слов. Желех.), Ильвöв: Львовъ угрор. (Верхр. I, 24), Ирща притокъ Тетерева, ср. выше Ръша, и tim yłnì Бойк.-Стр. (Zb. X, 27), Ильтиця (назв. р., Житецк. Оч. 193).

Примѣчаніе 1. Обычной народной формой для Гжатскъ является Аржа́тскъ, что ведетъ насъ, вѣроятно, къ Ръжатьскъ, ср. Ржать, Аржать — отмѣченный выше притокъ Межи. Если названія Гжатскъ, Гжать и Ржать, Аржатскъ одного происхожденія, то г въ Гжатскъ надо объяснить какъ придыханіе, явившееся передъ слоговымъ р: hr̥žať измѣнилось далѣе въ hržať, hžať, γžať. Ср. подобное придыханіе въ діалектахъ словенскихъ: hrtalec (хоботъ), hrzati (ржать), см. Pešić въ Archiv, XXI, 205; въ старочешск. hrzati, hrdousiti, діалект. hrvat, (рвать), словацк. hrdza (ржа), см. Gebauer Hist. mluvn. I, 464. Ср. еще угрорусск. гарджа, ведущее къ hr̥dža, при арджа (Верхр. II. 33), а также долівск. гризати: ржать (Верхр. въ Зап. Тов. Шевч. XXXV, 54), восходящее къ hr̥̆zati.

Примѣчаніе 2. Малор. иллють Козелецк. (Черн. Г. В. 1855 № 17) и др. восходитъ непосредственно къ l̥′juť, очевидно, изъ l̥′ьjuťь, что доказываетъ или наличность ь передъ j въ этомъ глаголѣ: lьjǫtь изъ lĭjǫtĭ, или переходъ ì (перепесеннаго въ положеніе передъ j изъ положенія передъ i̯, ср. naliję̆šì) въ ь̥ въ положеніи за плавной.

Примѣчаніе 3. Можетъ быть, Азна при Лзна, притокъ Черехи въ Псковской области (И. Васильевъ, Опытъ слов. Пск. у.), ведетъ къ l̥̆zna.

Примѣчаніе 4. При условіяхъ для меня неясныхъ начальныя r̥,

ѣ перешли въ разныхъ русскихъ говорахъ въ гу, ѣу, а ѣ въ ѣ: особенно неясны подобные случаи въ великорусскомъ нарѣчіи. Такъ находимъ рыѣки Пудож. (Шахм.); лежицами (чит., конечно, лыжицами) въ южнорусскомъ Погод. сп. Тверск. лѣт., Лиговъ, Ливовчане гр. 1546 (ссылка у Огоновскаго, 55); сюда же: рѣкы Лысны Ипат. 291б, при рѣкы Лосны тамъ же; отмѣчу еще рилѣ рпсь XIV в. (Р. Д. II, 292), рили Кар. сп. Русск. Пр. XV в. (Кал. 42); ср. на рли Новг. 1-я лѣт. Съ нѣсколько иною вокализаціей: Лутаву Ипат. 211б при оу Лтавы 202б (совр. Полтава).—Въ нѣкоторыхъ случаяхъ находимъ въ началѣ слова го, ѣо, ѣе, ѣе, которыя нетрудно объяснить вліяніемъ со стороны подобныхъ сочетаній, возникавшихъ въ слогѣ передъ слогомъ, утратившимъ полукраткую гласную. Такъ ложицами Забѣл. сп. Тверск. лѣт. 48 явилось подъ вліяніемъ ложка; также объясняется лестити, лестить Ипат. 120а, 196в, малор. лести́ти; лести́ть Грязов. (Мансикка), лястил, ляслиф, Вороп. и Павл. (Филатовъ) подъ вліяніемъ лесть. Ср. еще легота Шенк. (Плечевъ), Соликам. (прогр. № 207), ляго́та Болхов. (Сахаровъ), волегота Солікам. (прогр. № 207) подъ вліяніемъ легко; далѣе рожаной Судог. (Обз. Колосова, 1), Самар. (прогр. № 40: ръжано́j), ло́ба Кашнск. (прогр. № 117), Кадник. (прогр. № 46) и др., лобан, подъ вліяніемъ рожь, лоб; также: въ роту Бѣлоз. (прогр. № 191), рота Петроз. (прогр. № 30), Шенк. (прогр. № 83), z rota Липов.-Кіевск., ротатий малор.; ле́на малор., лёну (Квитка II, 177), ѣопи Лидск. (Weryha, 87); левы звѣри, лева звѣря въ былинахъ (Обз. Колосова, 1), ляви́ный Болхов. (Сахаровъ) и мн. др.—Что до лыжка Кипеш. (О. С. 79), малор. и угрор. лижка, ѣужkату Бойк.-Стр. (Zb. X, 22), лыжицы, лыжицами Хлѣбн. подъ 996 годомъ, то здѣсь корень ѣуg-, чередовавшійся съ ѣъg-; ср. польск. ѣужka при нижнелуж. ѣежka.

§ 372. Діалектически сохранялись въ древнерусскомъ сочетанія ѣъ, ѣъ, ѣь, ѣ ь въ начальномъ слогѣ послѣ согласной (эти сочетанія, согласно § 338, въ другихъ діалектахъ перешли въ гъ, ѣъ, ѣь, ѣь). Отсюда, послѣ выпаденія неслогового звука—ѣ, ѣ, ѣ, ѣ, измѣнявшіяся далѣе въ этомъ положеніи въ гу, ѣу, ѣі, ѣі. Такія сочетанія находимъ въ малор., бѣлор. и нѣкоторыхъ западныхъ говорахъ южновеликорусскихъ. Приведу примѣры. Малорусская область: проклиноў Хлѣбн. (ср. Ипат. подъ 1172 г. прокленоуть, 2-е изд. 554); слизи́ти: заставлять плакать (Слов. Желих.), слызы Шевч. 8; глита́ти, глитну́ти; угрорусск. блыха, бу́ыха (Верхр. I, 23; II, 23), замішанск. бу́ыха, долівск. блуха́, блу́хи (Верхр. въ З. Т. Ш. XXXV, 31); трівати, трівожити; подле твои стрыме̂ Хлѣбн. подъ 1152 г. (въ Ипат.: стремень 419), скрыжетъ

Луцк. ев., стриноги Лубенск. (Етн. зб. XIV, 13, при стреноги ib. 14). стринбжити, стри́коза (при стре́кавка), стри́мині: жилки на листьяхъ, при стре́мені, стрíкати, заскриготав Канев. (Рудч.), с крынницами Жал. 1433, скринницами Жал. 1454 (ср. съ кръниц ми Жал. 1424), побриде Тверск. лѣт. по Погод. южнор. списку подъ 1018. ryczku izbryła Новгородвол. (Zb. XI, 150), на думку збриде (Нѣм. Черн. Г. В. 1853 № 39), побрыде. вбрыде, убрыдше, вбрыдъ Хлѣбн. сп. подъ 968. 1018. 1096 и 1093 г., ср. прибрьде Новг. 1-я; дрижати, дрижкі: лихорадочная дрожь, дрижа́к и дри́жик: руки ихъ дрыжаху, задрыжа́ Зап.-русск. Четья 1489. zdryhnutsia Яросл. (Zb. X. 70), ручки дры́жать Гродн. (Бобровск.). dryżać Сокол. (Zb. XVI. 236). дріжить Шевч. 69, здрігнув 80. съдрѣгания Архивск. лѣств. (Соб. Р. Ф. В. 1884); крывй р. ед. (у Квитки). кривi р. ед. при кроў Бродск. (Етн. зб. I, 6), укривавленій Канев. (Рудч.), кри́вний: родимый Остер. (Черн. Г. В. 1853 № 6). крівавого Шевч. 120, ночі крівавої Шевч. 53, с кривлею Каменецк. (Шейк.), кривавымь Пересопн. ев., крывава Зап.-русск. Четья 1489, криха, крихотка Шевч. 19: кришúти и кри́шити; ни кришечкі Сарны (Вол. Г. В. 1880 № 6), крышечку Гадяч. (Рудч.); повыкрышувала Козел. (Черн. Г. В. 1855 № 17); чорнобривий Шевч. 14, briwońky Липов.-Кіевск. (Zb. VIII, 221), czornobrywyj Збараж. (Zb. VII, 127), чорнобрів Сарны (Вол. Г. В. 1880 № 5), угрорусск. брывó, брыва́ (Верхр. I, 23); дрыва, syrymy drywy Бойк.-Стр. (Zb. X, 23), друва долівск. (Верхр. въ З. Т. Ш. XXXV, 30), угрор. дрыва (Верхр. II, 31), дрыва Гал. гр. 1424 (А. Ю. З. Р. I № 16), брынѣ Хлѣбн. 759 (въ Ипат. бропѣ); Тристаньць Гал. гр. 1409 (А. Ю. З. Р. I, № 11), тристя́ (Эн. 5).

Бѣлорусская область: дрыжаць, дрыжа́ка бярэць Новоалекс. (прогр. № 14), дры́жыки Минск. (прогр. № 7), здрыганулися Орш. и Сѣнн. (прогр. № 4), дрыжали, дрыжати, дрыжанье Зап.-русск. пс. XVI в. (Карск. 188). задрижали Зап.-русск. пс. XVII в. (ib. 189), крывн Библ. XVI в. Вил. № 262 (Перетцъ, Нов. тр. о жидовств., 38), искрышил ib. 38, свекрывн ib. (Перетцъ, Книга Руѳь въ бѣлор. переводѣ), содрыгнется бѣлор. XVI—XVII в. (Карскій, Р. Ф. В. 1890 № 2 и 4), крыха, вин. krychu Волков. (Feder., I, 6), ра krýszaczcy Волков. (ib. 51), р. мн. крышекъ Пинск. (прогр. № 1), крыши́ць (Слов. Носов.), кры́шуць Витеб. (прогр. № 15), кры́шицъ Мозыр. (прогр. № 10), чернобрывый Витеб. (прогр. № 15), czarnabrywy Свенц. (Zb. XVII, 173), на брывя́хъ Ельн. (Добров. I, 189), крывй р. ед. Ельн. (ib. 437), у крывн Бых. (Ро. III, 416), kryvì Лидск. (Weryha, 58), у крывн Рогач. (Ром. III, 159), дрыўми́ Минск. (прогр. № 7), трысцицъ: ломать что-нибудь слоистое (Слов. Носовича), трысци́ць: сучить, тростить (ib.); двѣ тры-

сцинки Быx. (Ро. III 215); аббрытаў, ни абрытывай Ельн. (Добров. I, 513, 502), забрытавъ Быx. (Ро. III, 135);—блыха́ Новоалекс. (прогр. № 11) и др., праглыщи́ць Ельн. (Добров. I, 646), ина—глоць! и проглыше Быx. (Ро. III, 213). проглышула Быx. (ib. 203), глыка́ць Орш. и Сѣнн. (прогр. № 4), клычи́ць Ельн. (Добров. I, 132);—слызы Зап.-русск. сб. Р. М. XV в. № 406 (Соб. Оч. 73), klynieć, nia kłyni Свенц. (Zb. XVII, 172);—трывога Ельн. (Добров. I, 221, 504, 679: тривога), трывбжиць Ельн. (ib. I, 613: тривожить), tryb̀ch Волков. (Feder. I, 60), трызвбн Ельн. (Добров. I, 516: тризвонъ), брысци, брыду (Карскій, Обзоръ, 147), грымѣць, напр. гримѣў, загримѣла, гримить Ельн. (Добров. I, 510, 234, 91), трыва́ць, vytryvà́ć (Weryha, 64), трывати, трываючаѧ Зап.-русск. XVI в. (Карскій, Пс. 188), хрысци́ць Рогач. (Ро. III, 148: христить), achryścić Волков. (Feder. I, 55), nie chrỳszczany (ib.), крищеніа, па кристе, ѡкристѝ, христѝ, хрищонъ Зап.-русск. сб. XV в. (Карск.), ѡхристи҃сѧ, похристилѝ Литовск. лѣт. въ сп. Красинскихъ XV в., хрыбе́т, напр. хрибетная Ельн. (Добров. I, 123), васкрысення Ельн. (Добров. I, 694: скрысення), стрыка́ць и стры́кать: стрекать, жечь крапивой (Слов. Носовича, ср. чешск. strkati: толкать, совать), скрыгота́ць (Слов. Носов.), скрыгитѝ Зап.-русск. пс. XVII в. (Карскій, 189), и т. д.

Южновеликорусская область: дрыжи́ть Жиздр. (Шахм.), кры́шить Мосал. (Шахм.), блышить: лгать Калуж. (О. С. 68), крыши́ть и кры́шить Дмитр.-Курск. (прогр. №№ 236, 125), крыши́ть, крышу́ Мещов. (В. Черныш.), крыши́ть Мценск. (прогр. № 188), Льгов. (прогр. № 76), крыши́ть, кры́шить Тимск.-Курск. (прогр. № 246);—кры́чуть пѣтуха: бьютъ Мещов. (В. Черныш.), склыки сколько было Мещов. (В. Черныш.), склыка Моск. (В. Черныш.), рожь скры́чилась Мосал. (Шахм.), склыки: ссора, брань Обоян. (Машк.).

Отмѣчу еще: ѡкрѣвено Ев. Тип. № 1, 18с, кринеть Смол. гр. 1229 (въ сп. Е.), ср. крьнеть Русск. Пр. 1282 г.; назв. города Пронска: прыньскоу Ипат. 263б (ы переправлено въ ъ), прыньскы ib. (ы въ ь), прыньску, прыньска Лавр. подъ 1186, к прѣскоу и въ прѣньскоу Хлѣбн. подъ 1237; назв. города Клечска: кличьскъ Ипат. 115в, при кльчьскъ 115а, клеческъ 115г.

Примѣчаніе 1. Фонетически слоговыя плавныя, а слѣдовательно, и сочетанія ry, ly, ŕi, Ĺi могли возникать только въ слогѣ, за которымъ не было слога съ полукр. гласной и на которомъ не было ударенія; въ этихъ обоихъ положеніяхъ являлись сочетанія rъ, ĺъ, ŕь, Ĺь, дававшія ro, ło, ŕe, Ĺe (примѣры см. въ § 382). Но по аналогіи соче-

танія гу, ĭу и т. д. проникали и на мѣсто го, ĭо; ср. въ указанныхъ выше примѣрахъ: дрыўми́ вм. дроўми. крыши́ть вм. кро́шить, крышка вм. крошка, клычуть вм. клочуть. кривний вм. кровний, вбрыдъ вм. вбредъ, и т. д.

Примѣчаніе 2. Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, въ малор. вмѣсто рп является и рі: быть можетъ. крів, крівний подъ вліяніемъ крівй, гдѣ рі подъ вліяніемъ нѣкогда мягкой слѣд. согласной. брівка, брівонька подъ вліяніемъ брівн: но кое-что и неясно. напр. дріва близъ Львова (Верхр. въ З. Т. Ш. III, 164).

Примѣчаніе 3. Сюда же относится вѣроятно: малор. глибо́кий. глыбоки въ Зап.-русск. пс. XVII в. (Карск., 189). глыбина, глыбокій Могил. (прогр. № 3); но неясно великор. глыбко. — Стрьжень (ѿ стръжене Ипат. 74 об.) перешло фонетически въ бѣлор. стры́жень. малор. стрижень и стри́жінь (въ великор. этому соотвѣтствуетъ стрежень: болѣе глубокое мѣсто на рѣкѣ Арханг.: Кузмищевъ, стрежень Палея Колом. 24, ѿ стрежене Радзив. 116). Великор. и малор. стержень. вм. стрежень, вѣроятно, подъ вліяніемъ *остержень, ср. бѣлор. астры́жень: сердцевина дерева. Грътань перешло въ грытань Зап.-русск. Ч. М. 1489. но рядомъ съ грътань существовало и гъртань, напр. Новг. тріодь XIII в (Матер. Сл. Срезн.), подъ вліяніемъ гърло, ср. великор. и малор. гортань, гортанка; гортань въ Рум. Парем. 1369 (Соб. 73); угроруск. гартань (Верхр. II, 32), вѣроятно. подъ вліяніемъ польск. gardło.

§ 373. Въ отдѣльныхъ говорахъ слоговыя плавныя указаннаго въ § 372 происхожденія измѣнились въ сочетанія уг, ег, уł. Такія сочетанія находимъ преимущественно въ западномалорусской области. Такъ у Лемковъ: кырвавый (съ краткимъ ы), род. ед. кырвы, кырница (съ краткимъ ы), кыртовина (тоже), гырміти, сылза, сывза и сыза (Ogonowski. Studien, 48—49); Терстяна (назв. селенія), хе́рбет (Ogon. 49); у Замішанцевъ: обырви, дырва, сокырвица: сукровица, гырмит (Верхр. въ З. Т. Ш. III, 164); у Долівцевъ: дерва, дерво (Верхр. въ З. Т. Ш. XXXV, 30); въ галицк. говорахъ: сти́рвати при стрива́ти: ждать, терпѣть, ср. чешск. strvati и setrvati, дирва́, гирбе́т: хребетъ, кирни́ця (Слов. Желех.), сте́ркавка: стрекоза, керни́ця, керти́ця, керти́на, керва́, керва́вий, керви́стий, терво́га (Слов. Желех.), прикервавлена (Игн. зъ Никл. 8), керницю (ib., 6), коло керницѣ (ib. 44), піля керничи Збараж. (Рудч.), kérnyczeńka Липов.-Кіевск. (Zb. VIII, 180), kiernyczky Бойк.-Стр. (Zb. X, 38), кервянка Бойк. (Жив. Ст. X, 218), ки́рвов Бучацк. (Етн. зб. VI, 190), с кирниці (ib. 49). Угроруссk. западн.: гырмит и рырміт, кыртіца и кыртиця, дырва, шкырготати,

обырва, окыршини при окришини, хырбет, обырві, стыржень, gылтати, gыўтнути (Верхр. II, 31), окерстити, до керсту, керст, кертица и кертіца, оберві (ib.): восточн.: покыршити, накыршити (Верхр. I, 23), стернадка (ib.); угрорусск. села Ублі: керві, кервоў (Брокъ).

§ 374. Наконецъ, при условіяхъ не вполнѣ ясныхъ, быть можетъ, прежде всего подъ вліяніемъ неслоговыхъ плавныхъ въ родственныхъ образованіяхъ, слоговыя плавныя указаннаго въ § 372 происхожденія замѣнялись неслоговыми, что въ отдѣльныхъ случаяхъ вело и къ полному ихъ исчезновенію. Подобныя слова найдемъ опять таки только въ малорусской и бѣлорусской области. Малор. крстити, хрстити, рстити, кршченый; у лемковъ: кстити (Ogon. 49); заміш. накстити (Верхр. въ З. Т. Ш. III, 199); восточноугрор.: кстити, ститися, перестітися (Верхр. I, 44), буков. кравими (Сб. Драгоманова, 320) вм. крвавими, na wodorszczu галицк. (Kolberg, Pokucie I, 112); Липов.-Кіевск. krwawy riczky (Zb. VIII, 163); въ памятникахъ: крщенъ гр. 1404 (А. Ю. З. Р. I № 9), крви, крві Поликарп. ев. 1307, 63c, 108b, 1d и др., кви ib. 8c, воскьснеть ib. 52b; отъ крви, отъ крве, кьлнетсѧ Луцк. ев. 1409 (Оч. Собол. 72), кнешисѧ Поликарп. ев. 1307, 21в (надъ строкой приписано ль).

Бѣлор. ксциць, ксцины, хрсциць (Слов. Носов.), ксту, крвавый, трваць, дрвиць (Слов. Носов.), krvi Лидск. (Weryha, 26, 32); въ памятникахъ: стрвожено, трвожишъ, затрвожи̑, трваѣ Зап.-русск. пс. XVII в. (Карск. 189), хръщены Зап.-русск. сб. XV в. (Карскій), крвавое Уст. Сиг. Авг. 1557 (Пам. II, 21).

Примѣчаніе 1. Въ великорусскомъ нарѣчіи подобное измѣненіе совершенно неизвѣстно; это зависитъ отъ того, что здѣсь въ соотв. случаяхъ являются послѣдовательно сочетанія го, ło, ґе, ґе. Къ кажущимся исключеніямъ относятся слова кстить, кстины при и вмѣсто крестить, крестины; едва ли подлежитъ сомнѣнію, что это заимствованія изъ южнорусскаго нарѣчія. Ср. еще на Кстовѣ полянѣ 1627 (А. Кал. I, с. 557). Отмѣчу, что въ нѣк. великор. говорахъ произносится только крестить, крестины, а не кстить, кстины Рост. (Булычевъ). Рядомъ съ теперь уже исчезнувшимъ, но въ древности очень распространеннымъ произношеніемъ Плесковъ является Псковъ, ср. Пськовъ Забѣл. сп. Тв. лѣт. 178 об., пьсковъ Паракл. 1389 (Соб. Оч. 131), пьсковѣ, псковици запись 1389 (ib. 124); псконною формою было Pĺьskovъ (ср. Пльсковъ въ Новг. 1-й Синод.); думаю, что измѣненіе Pḷ́ьskovъ въ Pḷ́'skovъ и далѣе Pĺskovъ, Pskovъ принадлежитъ къ числу тѣхъ особенностей, которыя, какъ мы отчасти уже видѣли (§ 181), отличали псковское

нарѣчіе отъ сѣверноруссkаго, сближая его съ польскимъ. Неясно отношеніе слова трогать, не трожь къ тревога, тревожь (трьвога, трьвожити); возможно, что, явившись въ бѣлор. или малор., оно перешло въ великорусское. Приведу малор. тряетъ Тверск. лѣт. по южн. Погод. сп. подъ 1018, вм. трьваетъ.

Примѣчаніе 2. Отмѣчу еще сложное антихьста, антихьсты въ Комм. сп. Новг. 1-й, 107; ср. въ Ипат. антихръста, антихросту (здѣсь о переправлено въ ъ) 65г, антихрстъ 246в; антихъста, антихъсту Сб. № 1262 (Каринскій); антихъстоу Сб. № 68/270 (Каринск.).

Примѣчаніе 3. Относительно написанія дрва Злат. XII в., то возможно, какъ это указано въ § 314 пр. 2, что это искусственная, графическая передача написанія дрва оригинала.

Паденіе неслоговыхъ ъ и ь въ положеніи за слоговыми носовыми.

§ 375. Одновременно съ описаннымъ въ §§ 367 и сл. паденіемъ ъ̯ и ь̯ за слоговыми плавными, должно было происходить ихъ паденіе за слоговыми носовыми. Здѣсь также необходимо различать три положенія: во-первыхъ, въ концѣ слова послѣ согласной, во-вторыхъ, въ серединѣ слова между согласными, въ-третьихъ, въ началѣ слова передъ согласной.

Въ концѣ слова послѣ согласной слоговыя носовыя измѣнились въ сочетанія en, em, on, om. Примѣры: великор. плѣсень, р. мн. пѣсень и пѣсенъ, басень и басенъ, восемь, діалект. казень Олон. (Обз. Кол. 127), р. мн. сосенъ и ꙗсонъ, им. огонь; угрор. осем (Верхр. II, 33), малор. огонь, діалект. галицк. огéнь, напр. и у Игн. зъ Никл. 92, сосонъ и сосенъ (Гр. Осадцы, 57), плісонь, бѣлор. ωгонь Пс. XVII в. (Карск. 192), сосонъ А. Кал. II, с. 250, с. 144; есъмь Пут. ев. 156. Неясно і въ малор. вісім, плісінь. Сочетаніе dm въ концѣ слова переходитъ въ m: śedḿь перешло въ śedḿ, śeḿ; ср. въ серединѣ слова сохраненіе dm въ великор. śeďmoj; параллельная форма śemoj, вѣроятно, обязана вліянію формъ śeḿ, śom; ср. семое гр. 1449 (А. Кал. I, № 31).

Примѣчаніе. Сюда относится и псаломъ; неясно однако псаломъ уже въ Чуд. пс. XI в., что указываетъ на то, что о появилось въ этомъ словѣ еще въ церковнослав. языкѣ.

§ 376. Въ серединѣ слова находимъ также фонетическій переходъ слоговыхъ носовыхъ въ en, on, em, om. Примѣры: великор. сосенка, пѣсенка, пѣсенный, восемнадцать, восемьдесятъ, восемью, Подсосонники (назв. селенія

Тверск. губ.); малор. сосóнка; сосонникъ гр. 1391 (въ сп. XVI в.) А. Кал. II, № 134.

Примѣчаніе. Нерѣдкія ѥ, ѥ̃ въ серединѣ слова объясняются вліяніемъ аналогіи: жизненный подъ вл. жизни; осменичее гр. 1462—72 (А. Кал. I, 113), восменичее 1432—43 (А. Кал. I, № 31) подъ вл. осми; козньми, казньми, болизньми, болизнена, огненое, непризнены, жизнѣны въ Богдан. Злат. XVI в. (Л. Васильевъ) подъ вл. казни, огня, неприязни и т. д., рѣка вогнена Часосл. XIV в. П. Б. (Шиман. 82), пстинено Ев. Публ. библ. I, F 17 (Л. Васильевъ). Еще яснѣе вліяніе родственнаго слова въ осминичее 1470 (А. Кал. I, 109), восминичее 1434—47 въ копіи XVI в. (ib. I, 93), восмидесѧ волостеи Комм. сп. Новг. 1-й, 427, діалект. великор. восминацать. — Кромѣ того находимъ, также подъ вліяніемъ аналогіи родственныхъ образованій, переходъ слоговой посовой въ простую, напр. восмничее 1447—56 (А. Кал. I, № 31), осмничее гр. 1445—46 (А. Кал. I, № 31). Ср. во огнѣ образѣ Кол. Палея 109, огнаго родства ib.

§ 377. Въ началѣ слова видимъ переходъ слоговой посовой въ неслоговую, напр. много, мнѣ, мнѣти, мнихъ: птакъ въ положеніи m передъ n. Но вообще m переходитъ въ сочетанія om, am, im (ср. аналогичный переходъ слоговыхъ плавныхъ въ началѣ слова, § 374). Примѣры. Сѣверновеликорусская область: омшани́къ изъ мъшаникъ Тихв. (Оп.), Холмог. (прогр. № 50) и др., омша́никъ Кашин. (прогр. № 177), Яросл. (Оп.), омша́нникъ Пошех. (прогр. Е. Якушкина), омше́нникъ Покров. (прогр. № 244), омшить: конопатить мохомъ Грязов. (прогр. № 36).

Южновеликорусская область: амшани́къ Рыл. и Судж. (Оп.), амшени́къ Тул. (прогр. № 174), амшанникъ Зубц. (прогр. № 108), амша́никъ Моск. (В. Черныш.), амшы́ть Обоян. (Машкинъ), амша́ра: болото Новотор. (Оп. омша́ра), амхаво́й Бронн. (прогр. № 81), амхавикъ назв. гриба Бѣльск. (Оп.: омховикъ), Амченскъ (городъ Мценскъ); — имшени́къ Опоч. (Оп.), имшить Псков. (Доп.), имшари́на: болото Псков. (Доп.), имша́рить: мшить Псков. и Осташ. (Доп.), имхаво́й Осташ. (прогр. № 84), имча́ть: мчать Великолуц. (Оп.).

Бѣлорусская область: амше́нникъ, амшара, амша́рина, амши́ць (Слов. Носов.), амше́дь: лишай (ib.), амгла Ельн. (Добров. I, 95), Амсци́слав (назв. города), Амли́н (городъ Мглинъ).

Малорусская область: омшани́к и омшанни́к, омши́ти, омша́р, омша́рина (Слов. Желех.); — имшени́к, имши́не, имше́дь, имхо́вий, имча́ти, имчи́ти, имжа́ти, имжи́ти, имгла́, имла́, имли́стый, имсти́тися (Слов. Желех. и Ogo-

nowski, 54), и́мста: месть угрор. (Верхр. I, 24), Имстичево назв. села (ib.), ymczjaťa Бойк.-Стр. (Zb. X. 42); про се имьстиславъ разъгнѣвася на нѣ Хлѣбн. подъ 6648 г.

Примѣчаніе 1. Произношеніе мшедь малор. (лишай), великор. мгла, мчать, Мценск, мшанік, мстить, мши́ть, мкнть и др. объясняется такъ же, какъ произношеніе ржаной при оржаной и т. д., ср. § 368.

Примѣчаніе 2. Неясно мъзда Ук. ев. чт. XIII в., ср. мьздоу Христин. ап. 141; также Мистиславъ. Мистиша, ср. § 374 пр. 4. Такъ же какъ начальныя ѓе, Ѣе (см. тамъ же) объясняются и́е. то, напр. мегла Новор. Новг. 4-й, 4986. мезда Поуч. Ефр. Сир. 250г, мегновеніе Лѣт. Авр. XV в. 3136, мошени́къ Уфим. (Оп.), машени́къ Курмыш. (прогр. 110), мыхавой Цывильск. (прогр. № 143), мыхавой, мухавой Темник. (прогр. № 131), в мегновеніи ока Богдан. Злат. XVI в. (Л. Васильевъ); сюда же отме́стить Бѣлгор.-Курск. (А. Г. О. XIX. 44), отмешшу Бѣломор. (Л. Васил.), мегновеньи Лавр. 1666.

Примѣчаніе 3. Великор. муравей восходитъ къ общеслав. mъ̨ravii; начальное m передъ r измѣнилось здѣсь, слѣдовательно, въ mu. Рядомъ существовала форма моровій, восходящая къ общеслав. morvii (польск. mrówka, сербск. мрав, словенск. mravek). Точно также при общеслав. norvъ̆ (откуда русск. поровъ, старослав. нравъ, чешск. mrav) существовало n̨ravъ̆, ср. болг. нърав, сербск. и слов. nárav; великор. діалект. на́ровъ Шенк. (Оп.), быть можетъ, вм. паравъ, подъ вліяніемъ по́ровъ; въ такомъ случаѣ мы имѣли бы указаніе на измѣненіе n передъ r въ na. Рядомъ было извѣстно и ндрав, непосредственно изъ ndrav, которое могло перейти также и въ шндрав, ср. индра́въ, шндра́виться, индра́вный Порх. (Оп.).

Глава VI. Переходъ краткихъ глухихъ въ гласныя полнаго образованія.

§ 378. Въ извѣстную эпоху жизни русскаго языка краткія ъ, ь. ѣ замѣнены были гласными полнаго образованія о, е, ö. Можно думать, что это явленіе произошло одновременно съ только что разсмотрѣннымъ паденіемъ полукраткихъ гласныхъ и даже вызвано имъ. Краткія ъ, ь, ѣ были извѣстны въ слѣдующихъ положеніяхъ: во-первыхъ, въ слогѣ, предшествующемъ слогу съ полукраткой гласной, во-вторыхъ, въ начальномъ слогѣ слова подъ удареніемъ, въ-третьихъ, въ сочетаніяхъ съ послѣдующими плавными передъ согласной, въ-четвертыхъ, діалектически: въ сочетаніяхъ за плавной съ предшествующей согласной въ началѣ слова и въ сочетаніяхъ

за ѵ съ предшествующею согласной. Въ первомъ изъ этихъ четырехъ положеній краткость глухой стояла въ тѣсной связи съ наличностью въ слѣдующемъ слогѣ полукраткой гласной; глухая стала краткой вслѣдствіе того, что въ слѣдующемъ слогѣ глухая была полукраткой; исчезновеніе полукраткой гласной неминуемо должно было отразиться на природѣ глухой предшествующаго слога; мы увидимъ, что предшествующій слогъ измѣнялся вслѣдствіе паденія полукраткой количественно (полудолгія о и е превращались въ долгія); сообразно съ этимъ принимаемъ, что ъ, ь, ѣ должны были въ этомъ положеніи перейти въ гласныя полнаго образованія, какъ болѣе вѣскія въ экспираторномъ отношеніи. Звукъ ъ перешелъ въ о послѣ твердыхъ, лабіализованныхъ согласныхъ и въ ȯ (средній звукъ между о и ȯ) послѣ палатализованныхъ (о ъ послѣ палатализованныхъ см. §§ 222, 273); звукъ ь перешелъ въ е; звукъ ь (т. е. лабіализованное ь) въ ȯ (лабіализованное е). Такимъ образомъ глухія переходятъ въ соотвѣтствующія гласныя полнаго образованія, которыя нѣсколько ниже и шире ихъ. Переходъ ъ, ь, ѣ въ о, е, ȯ въ указанномъ положеніи повелъ за собою общій переходъ ихъ въ эти гласныя во всѣхъ вообще положеніяхъ. Тѣмъ не менѣе принимаю, основываясь при этомъ на памятникахъ, не послѣдовательное измѣненіе глухихъ въ гласныя полнаго образованія въ указанныхъ выше положеніяхъ, а одновременный переходъ ихъ въ эти гласныя во всякомъ положеніи; это понятно: переходъ sъnѣ въ son велъ за собой тутъ же переходъ dѣsku въ dȯsku, kъrmĭu въ kormĭu, діалектическаго drъva въ drova. Въ памятникахъ, обнаруживающихъ паденіе полукраткихъ ъ, ь, находимъ случаи замѣны ихъ гласными о, е одновременно во всѣхъ указанныхъ положеніяхъ. Приведу примѣры изъ памятниковъ и изъ современнаго языка.

§ 379. Гласныя о, е, ȯ, ȯ, откуда позже о (на письмѣ о, е, позже о), на мѣстѣ ъ, ь, ѣ въ слогѣ, предшествующемъ слогу, содержавшему полукраткую гласную. Въ памятникахъ. Добрил. ев. 1164: соньмищихъ 18b, самаранескъ 49a, стоуденець 22b, ропъщѣте 15d, старечьско 100b, ѡто двою 132d, надо всѣми 4a. Ев. XIII в. № 6: рабо тъ 73a, годо сь 138a, восьмъвъшю 12a, невѣрествью 224a. Гр. 1229 (сп. D): сотьского, гривенъ, противенъ, должонъ. Гр. 1229 (E): возма, товаромь. Гр. ок. 1230: мечемь, ножемь, ототнеть, Смолнаниномь. Гр. 1189—1199 (въ сп. 1263 г.): посолъ, язѣкомь. Гр. Полоцк. ок. 1285: любовь, сн̄омь. Дух. Климента XIII в.: со мною. Рижск. гр. ок. 1300: въстобъку, Витебьска, Смоленьска. Новг. 1-я Син.: сочьскаго, бочкоу, мохъ, сотъ. Палея Кол.: вышодъшам 5d. Въ совр. языкѣ. Великор. пёс, дён, вон, силён, сотня, тёмно, лён, морковь, локоть, ноготь, кусок, писец, деревень, пень, честь, тесть, тёзка, въ

санéхъ Рост. (Булыч.), въ лаптёхъ (ib.). Малор. сон, мох, сотня, сотка, вон, вонка, сот (соты), сосок, пес, лён, пень, день, темно, сном, раком. Бѣлор. цесць, дзень, цёмно, лён, Нёмон, и т. д.

Примѣчанія. Особо оговоримъ случаи съ ро. ло. ре, ле вмѣсто гъ, ѣ, ѓь, ѣ съ краткими ъ, ь. Здѣсь ъ и ь измѣнились въ о и е по общему закону, но, какъ указано въ § 372 пр. 1. на мѣстѣ го, ѣо, ѓе, ѣе подъ вліяніемъ аналогіи случаевъ, гдѣ гъ, ѣъ, ѓь, ѣь стояли не передъ полукраткимъ слогомъ, діалектически могли явиться и другія сочетанія. Фонетическое измѣненіе находимъ, напр. въ łożkamu Новогр. - Вол. (Zb. VII, 156), ложки Глух. (Литв.-Бартошъ), слёзъ Кв. I, 102; малор. óброть, великор. оброть (обруть: Вят., обрать: Шенк.); малор. брость: побѣгъ, почка, ср. сербск. брст (Потебня, Къ ист. зв.), великор. бронь (влагалище съ образующимся въ немъ колоскомъ овса), стрель: быстрина въ рѣкѣ на мелкомъ мѣстѣ Вятск. (Верещ.). малор. у клочъя Збараж. (Рудч.), клоча р. ед. Каменецк. (Шейковск. 9).

§ 380. Ударяемыя ъ, ь, ѣ въ началѣ слова (гдѣ они получали или сохраняли удареніе по аналогіи) перешли въ о, е, ѳ. Примѣры. Въ памятникахъ: дощере Добр. ев. 102b. Въ совр. языкѣ. Великор. дóску, стёкла, сóхнуть, дóхнуть, мóху, пёстрый, сóты, тéстя, тёща, честн. Малор. мóху, р. ед. мéсти, р. ед. сóта, числ. сóтеро, тéща. Бѣлор. дóждж, мóху.

Примѣчаніе. Особо оговоримъ случаи съ го, ѣо, ѓе, ѣе въ начальномъ слогѣ подъ удареніемъ: błochy Кіевск. (Zb. V, 83), дрóва Бродск. (Етн. зб. 52), дрóвы Мосал. (Шахм.), слёзи Кобр. (Бычко-Машко, № 17), чорнобровий Шевч. 2. Сюда же, быть можетъ: Треполь Хлѣбн. сп. южнор. лѣт. 196.

§ 381. Сочетанія ъr, ьѓ, ѣr, ъѣ передъ согласными перешли въ or (ór), eѓ, ór, oѣ (óѣ). Примѣры. Въ памятникахъ. Добр. ев. 1164: перьста 9a, мерьтвии 11b, 52c, растергноуть 48a, мерътвыи 11a. Ев. XIII в. № 6: перта въпемъшасѧ нѣ въгасить 205b, въстергати 49b, четвергъ, перьвыи, скорбь 165b. Путенск. ев. не истергнеть ли 110. Гр. 1229 (въ сп. D): оумолвить, долгъ, добросердье, держите. Гр. 1229 (E): верхъ. Гр. 1189 — 1199 (сп. ок. 1263 г.): первое, потвердить. Рпжск. гр. ок. 1300: берковьскъ. Дух. Клим. XIII в.: четверть. Въ совр. языкѣ. Великор. чóрной, верьх. перьвой, тёрн, зёрна, перевёрт, по насёрдкам, червь, скорбь, горло, корми́ть. корчага, стерьва. Малор. хорт, порча, портяни́й, товка́ти, то́всто, ко́рчма, корпа́ти, ко́рчити, мо́рква, морга́ти, мо́рщити, зе́рно, ме́рзкий, ме́рзлий, пе́рхати (при порха́ти), серна́, те́рня, те́рти (тереть), и т. д. Бѣлор. тоўсты. моўчаць, воўки́, и т. д.

Примѣчаніе. Появившіяся въ искусственномъ произношеніи (§ 314 пр. 2) скьрбь, скьрбѣти точно также перешли въ скербь Добр. ев. 200d, скербѣти ib. 216c, оскербѣ ib. 38d; скербꙗ Ев. XIII в. № 6, 157a, прискербьпа ib. 173b, прискербенъ ib. 223b, скербь Ев. 1307, Кормч. 1282, скербꙗше Гал. сп. ев. чтеній 1266—1301, скербь Поуч. Ефр. Сир. XIII в., прискербенъ Путеиск. ев. 111, и мн. др.

§ 382. Діалектическія сочетанія гъ, гь, ѣъ, ѣь перешли въ го, ѓе, ѣо, ѣе. Это явленіе, свойственное сѣверноруссному и части восточноруссиаго парѣчія, не можетъ быть доказано ни для малорусской, ни для бѣлор. области. Примѣры. Въ памятникахъ: Поуч. Ефр. Сир. Переясл. сп. поглотити 118б, плотанъ 147a, плотана в. ед. 139a. Палея Колом.: плотанъ 95, простроꙗстасꙗ 130. Русск. Пр. по Кормч. 1282: въ дровѣхъ, Кормч. 1282 г., Пост. Ильи Новг.: ты крохы, Требн. Шерем. XIV в., въ брона 38б, Гр. 1189—1199 (въ сп. 1263): крови. Великор.: строгать, дрожать, кроха, трезвонъ, требухъ, гремѣть, глотать, кровавой, кресты, дрова, слеза, бровёй, тростить, клену, и т. д.

Примѣчаніе. Сочетанія го, ѓе, ѣо, ѣе въ малор. и бѣлор. объясняются согласно § 382 пр. и § 383 пр. Такъ бѣлор. тросцинка Бых. 215 подъ вл. тросць; малор. дрова́ (напр. Эн. 76, 104), дрова́ Бучацк. (Етн. зб. VI, 62), дрова Лит. метр. 1510 г., с. 111, подъ вліяніемъ паралл. формы дрóва и р. мн. дров; по крови́ Эн. 177, у крові Канев. (Рудч.). krowàwaja Новоград.-Вол. (Zb. VII, 168) подъ вліяніемъ кров, крóви; такъ же кровава Ипат. 61в; дрожала Игп. зъ Никл. 58, подъ вліяніемъ дрож; слёза́ Кв. I, 97 подъ вл. слёзи, слёз; бровамы Эн. 201 подъ вл. бров, бровы.

§ 383. Діалектическія сочетанія ѵ̀ь послѣ согласной, замѣнившія ѭь въ порядкѣ, указанномъ въ § 338, перешли въ ѵ́е, ѵ́о. И этотъ переходъ можно доказать только для великор. области. Примѣры: звено, дверей, цвету, звенѣть, Звенигородъ. Изъ памятниковъ: о жертвеницѣ Хожд. Дан. (Венев. 22), когда свенеть Переясл. сп. Поуч. Ефр. Сир. 232a.

Примѣчаніе. Такимъ великор. сочетаніямъ противополагаются въ малор. и бѣлор. области въ начальномъ слогѣ обычно сочетанія ѵі (§ 365 пр. 1), рѣже просто ѵ (§ 365), а въ серединѣ слова сочетанія ев, ов (§ 365 пр. 2). Что до сочетаній ѵ́е, то они возникали здѣсь по аналогіи, заимствуясь изъ положенія въ слогѣ передъ слогомъ съ полукраткой гласной или въ слогѣ ударяемомъ.

Судьба глухихъ въ группахъ слоговъ, содержавшихъ глухія.

§ 384. Согласно предидущему полукраткія глухія исчезли изъ произношенія, между тѣмъ какъ краткія перешли въ русскомъ языкѣ въ гласныя полнаго образованія. Вслѣдствіе этого въ группѣ слоговъ, содержавшихъ глухія, эти гласныя (вслѣдствіе своей полукраткости) исчезали въ крайнемъ слогѣ, конечномъ въ группѣ, а также въ третьемъ отъ него слогѣ: между тѣмъ въ предшествующемъ крайнему слогѣ и также въ четвертомъ отъ него слогѣ глухія (вслѣдствіе своей краткости) переходили въ гласныя полнаго образованія о, е, ѣ. Такъ напр. слова рѓіе́ьтѣ, гѣрътѣ, ѯѣ́ьсѣ. ѥ́ьсѣ́ьskѣ должны были измѣниться въ рѓіе́et, rpot, ѯіес. ѥ́ее́esk. Примѣры для перехода глухой въ гласную полнаго образованія въ группѣ двухъ сосѣднихъ слоговъ, содержавшихъ глухія, указаны въ § 372. Приведу примѣры для группъ изъ трехъ и четырехъ такихъ слоговъ. Въ памятникахъ: пришлець Добр. ев. 4а, правьденъ 11d, ръпотъ 19b, мьчетъ 74c, жьречьскамъ 51c; съпемъ Ев. XIII в. № 6, 28а, жьречьскъı 28; Витьбескъ Риж. гр. ок. 1300, пришлець Новг. гр. 1317, № 14, Путенск. ев. 3, Козлескъ Ипат. 234а, Увар. 109, рпотъ Ев. 1307, 10а, мольбенъ Псков. 2-я, 44, Смольнескъ, Смолнескъ Гр. ок. 1300, Смолнескъ Новор. 193а, Ипат. 343, Видьбескъ Пол. гр. ок. 1265, b, Видбескъ Новор. 428а, жрецкъı Полик. ев. 71д, снемъ Кормч. XIII в. (Оп. Рум. муз. 274), Ипат. 285г, Корческъ Ипат. 144а, молбѣнъ Псков. Погод. № 1413, 153б, р. мн. подъшевь Ипат. 258б, вспише Вопр. Кир. 32, глекъ изъ гълькъ Переясл. сп. Поуч. Ефр. Спр. 257а, цберъ (Соболевск. въ Ж. М. Н. П. 1897 № 5) изъ цьбръ, чьбръ (лит. kibiras), ср. цебровъ Ипат. (польск. cebr, czebr и древн. dźber); жрець Лавр. 64, правденъ Путенск. ев. 13, 190, Ев. 1339, 198б, 206а, молбенъ Ермол. 187 об., въ Молбенскомъ ѣзу 1453 (копія XVI в.) (А. Кал. II, 147), подълокъ весь фелона Треби. Шеремет. XIV в., 122б. Ср. рядомъ въ сочетаніяхъ двухъ слоговъ: голькомъ Добрил. ев., лестьцы Богд. Злат. XVI в. (Л. Васильевъ), Коречьска Ипат. 144а, а по нати цебровъ овса іb. 306б, жерьци Ев. XIII в. № 6, 28b, четца Соф. перг. Кормч. XIII в. (И. Б. VI, 105), Смоленьска Гр. 1229 (D), Витебьска Риж. гр. ок. 1300, соньма, соньму Сб. XIV в. (И. Х. Б. 120), зашелци Новг. гр. 1368—71, № 16, Козельскоу Ипат. 203г, жерцю Ипат. 228б, лестьца Ипат. 197, четцьмъ Соф. XV в. № 1262, 117 об., чегчи Новор. Новг. 4-й, 527а, женцом Ев. Тяпинскаго 1580г., шевци Сб. XIV в. (Р. Д. II, 177), сонмѣ Ипат. 285г, зедцемъ Русск. ист. сб. XV в. (Св. и З. № 84), ронту Посл. Геннадія 1496—1504 (А. Ист. I, с. 147), возни Путенск. ев. 101; и т. д.

Въ совр. языкѣ находимъ: великор. жрец, жнец, швец, чтец, пришлец, льстец; глѣкъ Брянск. (Тихан.), глек Новгородскѣв. (Черн. Г. В. 1855), швець Нѣяк. (Малинин.), жнець (ib.). Рядомъ женьца Петроз. (Шахм.), шевця, женця Нѣяк. (Малинин.), пришельца; ŝawcà Лидск. (Weryha, 49): молебна, Смоленска, Козельска, Витебска.

Исконное пъпьрьць согласно этому должно было перейти въ *попрец, а пъпьрьца въ пперца, перца; ср. совр. перца въ р. ед.; пъпьряникъ перешло въ попряникъ, ср. эту форму въ Холмск. (А. Г. О. № XXXII, 19).

Исконное бърьвьно, ср. эту форму въ Остр. ев., Юрьев. ев. 38d, перешло въ бревно, великор. бревно, брёвна. Рядомъ существовала форма бървьно съ исконно отличною отъ первой формы коренною частью, ср. бървьно, бървьна Арх. ев. 1092, Юр. ев. 95a, Гал. ев. 1144, отсюда берьвно Полик. ев., 23a, бервьно Добр. ев. 114d, берьвьно Гал. сп. ев. чт. 1266—1301 и др., ср. польск. bierzwiono, bierzwno.

При подъшьва, откуда подошва, существовало исконно подшьва, ср. в подшву Устюж. 1554, № III, совр. великор. почва.

Исконное Мезьчьскъ перешло въ мезческ, мещеск, ср. Мѣщескъ Новор. 3б (отсюда совр. Мещовск и Мещорск подъ вліяніемъ аналогіи); въ род. было Мезьчьска, отсюда Мезецка, ср. Мезецкіе князья. — Мьцьньскъ перешло въ Мецнеск, ср. Мецнянинъ, Мецняне 1666 (А. Кал. I, 30); р. Мьцьньска перешло въ Мценска, ср. Мьченьска Ипат. 249.

Глава VII. Нарушеніе старыхъ отношеній подъ вліяніемъ аналогіи.

§ 385. Благодаря указанному въ предыдущемъ § порядку, по которому чередовались краткія и полукраткія гласныя въ словѣ, въ рядѣ родственныхъ формъ и словъ были получены различныя звуковыя сочетанія. Взаимное вліяніе ихъ порождало новообразованія, въ которыхъ старыя отношенія были нарушены. Сюда относится, во-первыхъ, опущеніе звуковъ о, е, ŏ (изъ ъ, ь, ѣ) подъ вліяніемъ случаевъ, гдѣ такіе звуки не возникали фонетически; во-вторыхъ, появленіе о, е, ŏ на мѣстѣ подлежавшей опущенію полукраткой гласной.

Опущеніе о, е, ŏ изъ ъ, ь, ѣ подъ вліяніемъ аналогіи.

§ 386. Сюда относятся въ особенности новыя формы именъ городовъ на исконное -ьскъ. Въ имен. являлась форма на -ескъ, въ косв. падежахъ

-ска, -ску и т. д. безъ предшествующаго е. Ср. напр. въ старомъ языкѣ имена, какъ Курескъ Ипат. 139г, Пшескъ 147а, Менескъ 106а. Боровескъ Дог. Дм. Ив. съ Олегомъ ряз., Лоученскъ Супр. сп. Лит. лѣт., Дреютескъ Новор. сп. 231, Полотескъ Лавр., Севескъ. Курескъ, Землянескъ, Саранескъ, Керенескъ Нак. 1683 (Архивъ Кал. 1859, III, 50), Туршескъ, Тоболескъ 1697 (А. Кал. I, 435), Серенескъ, Клѣческъ, Воротынескъ. Девагорескъ, Масалескъ, Изборескъ, Деревескъ, Оболенескъ Сборн. XVI—XVII в. (Св. и Зам. № XL) и т. д. Подъ вліяніемъ косв. падежей. какъ Курска, Пинска и т. д., явились совр. новообразованія: Курск. Пинск. Сѣвск, Землянск, Саранск, Керенск, Изборск, и т. д. Въ Лавр.: Смоленскъ, Точно также, вмѣсто Можаескъ Дух. Ив. Кал., Бобруескъ Гр. Влад. Литовск. (Пам. Ср. 266), явились Можайск, Бобруйск подъ вліяніемъ Можайска. Бобруйска. Сохраняется -еск только въ діалектахъ: Ку́рискъ Обоян. (Машк.).

Такой пропускъ видимъ далѣе въ формахъ род. мн. отъ словъ женскаго рода: неправедъ Поуч. Ефр. Спр. 1377 замѣнено черезъ неправд: приточь — черезъ притчь; истоб, истеб замѣнено черезъ изб; олех замѣнено черезъ ольх.

Діалектически существовали, повидимому, въ живомъ языкѣ новообразованія, какъ взми Ев. 1339, 193в, взма Ипат. 190г, взметь Сборн. XV в. № 1262, 20 об., взметъ Колом. Палея, 73; вѣроятно, о опущено подъ вліяніемъ взять, взял, взем.

Примѣчаніе 1. Книжный языкъ представлялъ нѣсколько подобныхъ же образованій, едва ли извѣстныхъ живому языку. Такъ въ Добр. ев. находимъ: оумершь 117b; общь Новор. Новгор. 4-й 265: агнць Ев. 1339, 204б, повинць ib. 130в, правдныи ib. 31в, правднаго 188в; тонкъ Ж. Б. и Гл. по Сильв. сб., черць Зап. 1339 г. съ похв. Іоанну Калитѣ (Св. и Зам. № 86); пѣскъ морскыи Палея 1477 (Каринск.), въ десноп сосць Сборн. XV в. № 154 (ib.), вѣнць Палея Кол., 40 сбраномъ ib. Ср. енце книжныя, вошедшія въ литер. совр. языкъ слова: причт подъ вл. причта, сонм подъ вліяніемъ сонма; въ народный языкъ вошло замкъ Псков. (А. Г. О. XXXII, 28). Въ малор. находимъ жерць вм. жрець (жьрьць) подъ вліяніемъ жерця (Писк.).— Книжныя слова царствіе, бѣдствіе являются вмѣсто ожидаемыхъ формъ, какъ царествье, ср. црествы Добр. ев. 55с, цр҃ествы ib. 6с, чювествы Поуч. Ефр. Спр. XIII в. (Св. и З. № 6), невѣрествиѫ ib.; царествии Полик. ев. 30с, невѣрествиѥ ib. 37с, невѣрествью Пут. ев. 131,—подъ вліяніемъ царство, чювство и произношенія -іе вм. -је. Точно также кормчія вм. кормечья, ср. кърмечиѫ Апост. XIV в. № 46 (Воскр. 137); книгчія вм.

книгочья, ср. книгочьꙗ Ев. 1307, 34в, книгочиꙗ Паис. сб. ок. 1400; вліять вм. вольять, ср. волыати Ев. 1307, возлыꙗ Путенск. ев. 103; сліять, сліяться вм. сольять, сольяться, ср. сольꙗвше Лавр. 63.

Появленіе о, е, ѳ на мѣстѣ выпавшей полукраткой гласной.

§ 387. Едва ли можно указать случай, гдѣ о, е, ѳ замѣнили бы ъ, ь по причинѣ фонетической, а именно вслѣдствіе стеченія согласной, или что тоже—едва ли ъ, ь переходили въ ъ, ь, ь подъ вліяніемъ какихъ либо иныхъ условій, кромѣ указанныхъ выше: положенія передъ слогомъ съ полукраткой гласной и положенія въ начальномъ слогѣ слова подъ удареніемъ. Такъ самыя сложныя группы согласныхъ, какъ видно изъ примѣровъ, приведенныхъ въ §§ 536 и сл., не задерживали выпаденія глухого; исключеніе составляетъ положеніе ъ, ь послѣ плавныхъ съ предшествующей ей согласной и послѣ v съ предшествующей согласной; здѣсь, какъ мы видѣли, діалектически развивались сочетанія плавная и v съ краткими ъ, ь, ѣ, но непосредственно они замѣнили не сочетанія простыхъ согласныхъ съ полукр. гласными, а сочетанія слоговыхъ плавныхъ и полукраткаго ѵ съ неслоговыми ъ, ь. Между тѣмъ въ рядѣ случаевъ видимъ замѣну подлежавшаго выпаденію полукраткаго ѣ, ѣ звуками о, е, ѳ — и часто именно при неудобопроизносимыхъ сочетаніяхъ согласныхъ. Эту замѣну во всѣхъ случаяхъ можно признать нефонетическою, возникшею подъ вліяніемъ грамматической аналогіи. Нѣкоторые изъ такихъ случаевъ могутъ быть обобщены въ значительныя группы. Разсмотримъ отдѣльно, во-первыхъ, случаи, гдѣ вставка замѣчается въ корнѣ слова: это случаи единичные; во-вторыхъ, случаи, гдѣ видимъ ее въ опредѣленныхъ суффиксахъ; въ-третьихъ, въ приставкахъ; въ-четвертыхъ, въ предлогахъ внѣ сложенія; въ-пятыхъ, въ словахъ книжнаго, церковнославянскаго происхожденія; въ-шестыхъ, накопецъ, кажущіеся случаи, гдѣ гласныя о, е замѣняютъ ѣ, ѣ въ концѣ слова.

§ 388. Сложныя группы согласныхъ въ корнѣ, возникшія вслѣдствіе выпаденія между согласными звуковъ ѣ или ѣ, препятствовали ассоціаціи нѣкоторыхъ формъ слова съ другими родственными формами, представлявшими фонетически о, е, ѳ изъ краткихъ ъ, ь, ѣ; отсюда эти звуки переносились въ соотвѣтствующее мѣсто между согласными. Сюда относятся, напримѣръ: стекло вм. и при скло подъ вліяніемъ стёкла; доскá вм. и при цка подъ вліяніемъ дóску, дóски; тестя вм. и при цтя; дождя, дожжя вм. ожидаемаго джя, ср. джить Сборн. Син. 1296 г., 88с; Добряпескъ Ипат. 249 и Дебрянескъ вм. Брянескъ подъ вліяніемъ добрь, дебрь; пестро, пестра, пестрить вм.

пстро (ср. пьстро Ипат. 101в) подъ вліяніемъ пёстр, пёстрый; сосать, до сосущѝ млеко Ипат. 264а, вмѣсто ссати, ср. бѣлор. выссу Бых. (Ром. III, 198), малор. попіссу (Етн. зб. I, 25) подъ вліяніемъ сосъ, сóска; честн при и вм. чтн; честн 1499 (А. Кал. I, № 52): лестн при и вм. льстн; тоска вм. ожидаемаго цка подъ вліяніемъ тошно (изъ тыцьно); на моху при и вм. на мху подъ вліяніемъ мох, мóха; пошевѣхъ вм. пошвѣхъ подъ вл. пошевъ 1549 (А. Кал. I, с. 680); весп вм. всп подъ вл. весь, ср. весп Кн. зак. XV в. (изд. Павлова, с. 69); высохнуть вмѣсто высхнуть, ср. схноути Бѣлор. сб. XV в. П. Б. № 391 (Карск. 179): дочерній вм. дчерній подъ вліяніемъ дочь, дочери; вопить подъ вліяніемъ вопль (ср. впити Лавр. 168а, Мшкул. 73в); полны хозу черного Оп. им. 1етм. Нв. Самоил. 1690 (Р. И. Б. VI, 1189). ср. хзы Лавр. подъ 6550 г. Произношеніе почестиша Хольд. Дан. (Венев. 81) вм. почтиша (ib., вар.) подъ вліяніемъ почесть.

Иногда появленіе формы съ о, е не зависѣло отъ указаннаго условія—стеченія согласныхъ и вызывалось другими причинами. Такъ при сты Сборн. XIII в. (Пам. Кал. 23) является соты. Неясно, принадлежали ли живому языку формы, какъ вѣнемемъ Лавр. 140а, вѣнемѣте ib. 118а; онѣ явились подъ вліяніемъ прич. вынемъ, или наст. вр. вынемлю (ср. вземлю); ср. внеми при вонми въ Чуд. сп. Злат. XV в. (Малинин, 22).

§ 389. Въ склоненіи именъ форма косв. падежей можетъ вызывать новообразованіе въ имен. падежѣ. Такъ подъ вліяніемъ Смоленска является Смоленескъ Ипат. 202а, Письмо 1609 (Доп. А. И. I, 398), подъ вліяніемъ Витебска—Витебескъ Увар. Литов., 94, Риж. Грам. ок. 1300; подъ вліяніемъ ропта—ропотъ (вм. рпотъ) Путенск., 23; подъ вліяніемъ праведна—праведень Путенск. ев. 229 (вм. правденъ); подъ вліяніемъ молебна—молебенъ (вм. мольбенъ); подъ вл. пришельца—пришелецъ (вм. пришлецъ); подъ вл. лестца—лестець Богдан. Злат. XVI в. (Л. Васильевъ), лестець Пут. ев. 193; подъ вл. šavcà—šavèc Лидск. (Weryha, 49).

Напротивъ, форма им. падежа вызываетъ новообразованія въ косв. падежахъ. Такъ швец вызываетъ швеца (вм. шевца), черпец — черпеца, жрец — жреца, жнец — жнеца, льстец — льстеца, чтец — чтеца, пришлец — пришлеца, глек — глеку Пересопн. (Житецк. 71), в глеку Козелецк. (Черн. Г. В. 1854). Точно такие рощот (изъ росчьтъ и изъ розъчьтъ) вызываетъ рощота вм. ожидаемаго розочта (изъ розъчьта), ср. по розочгу Догов. 1389, № 35; скрежетъ (изъ скрьжьтъ) вызываетъ скрежета вм. скрежта.

Новообразованныя указанныя выше формы им. падежа вызываютъ далѣйшія новообразованія въ косв. падежахъ: Смоленескоу Ипат. 111в.

Им. падежи словъ ж. р. на -ь, получивъ вставную гласную, сохраняютъ ее въ косв. падежахъ: быстерь — быстери, плѣсень — плѣсени.

§ 390. Обособленная тѣмъ или другимъ способомъ коренная часть слова можетъ стремиться переходить въ такомъ же видѣ въ производныя. Такъ умеьш. отъ лёнъ — ленокъ (фонетически ожидалось бы льнок), рот — роток, мох — мошок, лоб — лобовой, лобан, день — денёк, пень — пенёк. Равнымъ образомъ: вѣтеръ — вѣтерок, угол — уголок, огонь — огонёк, узел — узелок. Отъ дъска, доска старинное умеьш. дощка, отсюда дощечка вмѣсто ожидаемаго дщечка. Вмѣсто пугвица Гряз. (Мансикка), пугвиця Бѣлом. (Л. Васпльевъ, 17) является пуговица подъ вліяніемъ пуговка.

§ 391. Суффиксъ -ьск принимаетъ послѣ ж, ч, ш, щ форму -еск въ современномъ литер. языкѣ, при чемъ -еск явилось фонетически въ им. м. р. краткой формы и отсюда передавалось въ другія образованія. Такъ княжеск, греческ вм. кънѧжьскъ, грьчьскъ, отсюда и княжеска, греческой вмѣсто княжска, гречской (совр. грецкой). Такъ же явились: божескій, монашескій, товарищескій, купеческій (при купецкой), молодеческій (при молодецкой), кузнеческій (при кузнецкой), земледѣльческій, человѣческій и т. д. Въ старшемъ языкѣ суффиксъ -еск- являлся въ такомъ видѣ и послѣ другихъ согласныхъ, напр. карлаѥвескыи Дв. гр. XV в. № 5, степановескои р. ед. ib. № 36, червенескы Ипат. 246в, к Зароубескомоу бродоу 154а, Перемышлескоую 253г, Бельзескоую ib. 253в, подеснескыи ib. 174а, Холмескаго Новор. Новг. 4-й, 644б, Полтескои Ермол. 30 об., Водышеское озеро 1450 (А. А. Э. I № 47), ѿ плотескихъ похотии Требн. Шерем. XIV в., 59б, поповескихъ одѣнии ib. 123а. Нѣкогда именно была распространена краткая форма такихъ прилагательныхъ, ср. дѣмонескъ Переясл. сп. Поуч. Ефр. Сир., 138г, манастырескъ Ипат. 87б, странескъ Пантел. ев. 31а, словѣнескъ, дѣтескъ, жидовескъ, хѣнескъ Лавр., и т. д.

Суффиксъ -ьство является въ видѣ -ество въ положеніи послѣ ж, ч, ш, щ въ совр. литературномъ языкѣ; свое е оно заимствовало, вѣроятно, изъ образованій на -ествье, представляющее фонетическое измѣненіе исконнаго -ьstvіje (ср. за невѣрествье Путенск. ев. 73, невѣрествью Ев. XIII в. № 6, 224а). Такъ находимъ: множество (въ древнерусскомъ и множтво Ипат. 6б, мноство 270б), посадничество (ср. посадництво Новор. Новгор. 4-й. 363а), намѣстничество (ср. намѣстництво Супр. Лит. 80), кнажество (ср. кнажьства Южнор. гр. 1375 г.), невѣжество, ср. невѣжества Домостр. Копш. 15 (ср. всѧкомѹ разѹмѹ и вѣштву, ib. 14). Въ древнемъ и областномъ великорусскомъ языкѣ -ество также и послѣ другихъ согласныхъ: богатество Четья 1489 г., у Скорины, въ Патерикѣ по Супр. сп. 260, въ Служ.

Шерем. XIV в., 77б, богатествомъ Новор. Новгор. 4-й, 310б, богáтство Луж. (З. Г. О. IV), богатествомъ был. Нижегор. губ. (Изв. 1-й серіи, IV, с. 81); коварество, лукавество, воинество Поуч. Ефр. Спр. XIII в. (Св. и З. № 6, 48), пиянествомь Апост. XIV в. № 59 (24) (Воскр. 177), чювествы Кормч. XIII в. (Р. Д. I, 114), поповество Жит. Б. и Гл. по Сильв. сб., цареством Поликарп. ев. 38в, пространество Ипат. 83г. лихоимество Служ. Шерем. XIV в., 85а, воинества Троицк. сп. Новг. 1-й, 29г. таинество Четья Минея 1489 г. (Карск. Бѣлоруссы, II. 270), совр. литер. естество (ср. ество Соф. XV в., № 1262, 18 об., ества Ипат. 98б).

Примѣчаніе. Неясно, на какой почвѣ явилось о въ случаяхъ, какъ нагоствовати Требн. Шерем. XIV в., 29а. ликоствовати 109б, ср. ликъствують Іо. Лѣств. Р. М. XII в., 39а.

§ 392. Въ приставкахъ находимъ вставку о, напр. въ отошол (ср. атшёлъ: Обоян. Рѣзановъ, 140), подошолъ подъ вліяніемъ отошли, подошли: сошолся, сошол подъ вліяніемъ сошлись; соберу подъ вліяніемъ собрать; созову, обл. сожать подъ вліяніемъ созвать, сожну. Обычно со передъ начальнымъ с формы, вошедшей въ сложеніе: состариться, соскучиться, сосватать подъ вліяніемъ со въ другихъ сложеніяхъ (напр. соврать, солгать). Въ діалектахъ это явленіе еще шире: сошить (подъ вл. сошью), сходить (подъ вл. сойти) Грязов. (Манспкка). Въ подоспѣть, согрѣть, подогрѣть, подоплёка, сошлечье и т. п. видимъ вліяніе такихъ сложеній съ подо, со, гдѣ о обязано звуковому закону.

§ 393. Внѣ сложеній рядомъ съ предлогами с, в, к были извѣстны со, во, ко; возможно, что и въ общер. праязыкѣ рядомъ съ sѣ, vѣ, kѣ были извѣстны sъ, vъ, kъ; послѣднія (равно какъ позже со, во, ко) обобщались изъ случаевъ, гдѣ они приходились въ положеніи передъ слогомъ съ полукраткой гласной или подъ удареніемъ; ср. такіе случаи, напр.: во всю́, со сна́, ко рту́, во́ время, сб слѣпу. Приведу примѣры со, во, ко изъ древняго языка: со Игоремъ Ипат. 118в, со собою ib. 104г, во водѣ 120г, ко Деснѣ 159б, во бронахъ 211г; во воду Новор. Новг. 4-й, 153б, во землю 62б, во то врема 590б; ко асколду Лавр. 15, ко Рогъволоду ib. 46; во кораблп Супр. Лит.; ко дочце Увар. Лит., ко городу, со братомъ, со Нѣмци, во Вильне ib.; со лѣсы Южнор. гр. 1400; во шести зородахъ 1691 (Барсовъ, Палеостровъ, 150). Изъ совр. языка отмѣтимъ въ великор. со утра́ Сарат., со двора, ко двору; передъ группой согласныхъ, начинающейся съ с, со обычно: со слезами, со страху, со стола, со свѣтомъ. Въ бѣлор.: нѣшто са пяць вазоў ѣдуць Слуцк. (Карск., Р. Ф. В. 1901, № 3—4).

Примѣчаніе 1. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ во, со заимствуются изъ церк. языка: со вл҃кою Новг. 1471 № 20, во православное 1465 —

70 (А. А. Э. I № 80), изо Царягорода ib.; со хрстьяны 1448—68 (А. Кал. I № 35), во имя 1459 (А. Кал. I № 84), во ѡбласть Кн. Зак. XV в. (изд. Павл. 69), во ѡбчюю (ib. 89).

Примѣчаніе 2. Ниже, въ § 408, укажемъ на появленіе sy, vy, ky вм. s, v, k, объясняемое такимъ же переносомъ подъ вліяніемъ аналогіи.

§ 394. Во многихъ случаяхъ произношеніе съ сохраненіемъ о, е, о записѣло отъ книжнаго, церковнаго языка, гдѣ, какъ мы увидимъ ниже (§ 414), орѳографическія ъ, ь долго читались какъ о, е. Сюда относятся напр.: оуповати Лавр. 40, оуповахъ Служ. Шерем. XIV в., 85б, оупованиѥ уже въ Жит. Ѳеод. XII в., малор. вповай (ср. рядомъ: оупва Ев. XIII в. № 6, 191b, оупваниѥ Толк. Ап. 1229 г., Воскр. 55); также повати Панд. Ант. XIV—XV в. (Оп. Г. и Н.), повани Корч. XIII в. (Пам. Кал. 106); пещюнте рпсь 1296 г., 53а, непещева Апост. 1309—1312 (Воскр. 132), непещюё Требн. Шерем. XIV в., 68а; оу стегнахъ Путенск. ев. 123; всесолѣженіе Сб. XIV в. (И. Х. Бусл. 123), полѣженіѧ Поуч. Конст. Болг. XIII в., 159d; доволѣѥть Ев. XIII в. № 6, 2а, рпсь 1296, 23в, Ев. 1307, Рум. ев. 1270 г., 19д, доволѣеть Пут. ев. 165 и т. д.; тощаниѥ Ж. Б. и Гл. Сильв. сб., тощаниѥмь Псалт. 1296 (Матер. 25), тощеты Юрид. сб. XIV в. (Р. Д. II, 158), тощашесѧ рпсь 1296 г., 143 в; забовениѥ Ж. Б. и Гл. Сильв. сб., забовѣныѧ Поуч. Ефр. Спр. XIII в. (Св. и З. № 6, 48), забовенъ Псалт. 1296 (Матер. 25), нѣсть забовена Пут. ев. 220; мовенье Лавр. 6, ср. совр. литер. умовеніе; сочетаться, сочетаніе (ср. сочтаютсѧ Лавр., съчтаисѧ Требн. Шерем. XIV в., 34б, съчтаниѥмь, сочтаѥться Кормч. XIII в., Р. Д. I, 93).

Также: вертепа, вертепу (ср. верьтьпѣ Добрил. ев. 236с, вертпѣ Парим. Син. № 204, 4а, горъı и вертьпъı Поуч. Ефр. Спр. 1377, 199г); скрежета, скрежету (ср. скрежьта Поуч. Ефр. Спр. 1377, 115а); бисера, бисеру; бисера въ Рум. ев. XIV № 8, 7д, Путенск. ев. 58, 215 (ср. бисра Поуч. Ефр. Спр. 1377, 121а); цр҃кова҆ Бѣлор. сб. XV в. П. Б. № 391 (Карск., Бѣлоруссы, II, 175), цьркови Стихир. 1157 г., 108в; неплодови Рум. ев. XIVв., № 8, 26с, неплодове Стих. 1157, 143в, Минея XI в. № 194, 137в; любови Апост. XIV в. № 59 (Воскр. 177), любове Ж. Б. и Гл. Сильв. сб., ср. имя собств. Любовь, Любови; старецу 1391—1428 (А. Кал. I № 82), гонеци 1470 (А. Кал. I № 31). Также возопить, възопи Ж. Б. и Гл. Сильв. сб., частью подъ вліяніемъ возопью (ср. възпиша Добр. ев. 178с, възпи Ипат. 89б, возпи Лавр. 63, воспи Чудовск. сп. Кормч. XIV в.); оцѣпѣѥть (ср. оцѣпъıпѣѥть Юрьев. ев. 160с, оцѣпнѣѥть Добрил. ев. 192а).

Въ причастіяхъ: пришьдошю Ж. Б. и Гл. Парем. XIV в., 260а, рекошю Апост. № 59 (Воскр. 177), пришьдоше Ев. XIII в. № 8, 9а, створеше Панд. Ник. Черн. XII в. (Сб. Отд. X, 220), ѡбрѣтоши Поуч. Конст. Болг. XIII в. и др.

§ 395. Большинство сложныхъ словъ, гдѣ находимъ въ совр. литературномъ языкѣ со, во, воз, представляются заимствованными изъ книжнаго языка и обязаны, слѣдовательно, своимъ о церковному произношенію. Сюда относятся: сокровище (скровище Ипат. 47б. скровищю Сильв. сб. 30в, скровищь Пут. ев. 125), соборъ (зборѣ Лавр. 79, сборѣи 26, сборъ Новг. 1-я, 34, 83, 110), сосудъ, во сосудѣхъ Путенск. ев. XIV в. 86 (сосуды Ипат. 45г, Лавр. 103а), совѣтъ (свѣтьшикъ Чуд. сп. XIV в. Ж. Б. и Гл., 8. свѣтъ Сильв. сб. 37а), сохранить (схранити Лавр. 34), сотворить (створи Новг. 1-я, 30 и др.), соблазнъ (зблазнъ Кормч. XIII в., Р. Д. I. 91), соблюсти (зблюдеши Кормч. XIII в., Р. Д. I, 90), сообщать, сопредѣльный, соприкасаться, сожалѣть, соблаговолить, соразмѣрить, соединять, сограждане, собратья, сотоварищи, содружество, сопасти Зап.-русск. Ч. М. 1489, сопастноп все ѡвощь Путеш. Аѳ. Ник. 374б (ср. съѣстной); восходъ (ср. малор. схід), востокъ (встокъ Лавр. 3), возвратить (взратимъ Кол. Палея, 107), возлюбить (злюбиша Ипат. 81а), воспріять (вспрималъ Чуд. сп. XIV в. Ж. Б. и Г., 9), сокрушеніе (скроушение Ж. Б. и Гл. XII в.), возрадоваться (взрадоваша Чуд. сп. XIV в. Ж. Б. и Г., 9), воздвиженіе (вздвикенья Кирша Дан.), воплотиться, вокругъ, вооружиться, вопрошать (впрашати Чудовск. сп. XIV в. Ж. Б. и Г., 12), воеиѣжают 1470 (А. Кал. I № 31), согрѣшить (ср. сгрѣшѣныи Пут. ев. 124), воспросї Суд. Ив. Вас., Унд. XVI в., 25в (ср. вспросити ib.), вокушаю Зап.-русск. Ч. М. 1489, водворить, вооружать, возвеличить, возмечтать, возвѣстить, возл Ипат., возиска Ипат., возлюбленный, возстановить, совокупить (совкупивь Лавр. 20), совокупленим Ипат. 65а, и т. д. Подъ ударепіемъ находимъ воз, со также въ словахъ церковныхъ: возрастъ (ср. до взраста Лавр. 37, взрастъ Колом. Палея, 68); воздухъ (на вздусѣ Лавр. 110б, къ вздуху Колом. Палея 65, вздуха Служебн. XIV в. А. Н. № 17. 8.1, л. 6а); совѣсть (свѣсть Поуч. Ефр. Сир., свѣстью рпсь XIII в. Пам. Калайд. 87).

Примѣчаніе. Фонетическій пропускъ ср. для приставки въз, напр. въ словахъ вздыхать, вздѣть, взмѣтъ, взмахъ, взлѣзть, взводъ, взваръ: вспросити Судебн. Ив. Вас. Унд. XVI в., взмолвї ib., малор. злетіти, збивати, и т. д.

§ 396. Конечныя ъ и ь ни при какихъ условіяхъ не переходили въ о, и е. Исключеніе составляютъ только односложныя слова, ибо на нихъ ле-

мало удареніе: ср. совр. но, а въ старомъ языкѣ то, се им. м. р. Ограничусь нѣсколькими примѣрами: варлагъ то Лавр. 52, се же wлегъ 15, се градокъ 14, столпъ то 4; родъ се Добрил. ев. 151с, рабъ то 134с. Вмѣсто нь вин. ед. м. р., употреблявшагося только энклитически, находимъ не, едва ли не подъ вліяніемъ искусственнаго произношенія: единъ дн҃ь в неже Лавр. 71, нарубп въ не (т. е. въ градъ) 63в, при сведе во нь.

Повидимому, подъ вліяніемъ сь еще до паденія глухихъ на мѣстѣ вьсѣ могло являться произношеніе вѣсь. Отсюда дальше все. Ср. всь дн҃ь въ Юрьев. ев. 2с, 56с, 63с и др. Въ Новгор. 1-й является вхе полъ вмѣсто все полъ (ср. вхоу во Вкладн. Варл. до 1207).

§ 397. Вмѣсто jestъ, откуда jeсть, является въ сѣверноруссk. есте, естя Олон., въ бѣлор. jeścia Пинск. (Zb. II, 282, 283): конечное е, вѣроятно, заимствовано изъ такихъ формъ, какъ иде, несе, хоче, ср. сербск. jeste. Слово плуго, встрѣчающееся въ юрид. памятникахъ, представляетъ особое образованіе вмѣсто плугъ: кудѣ ходило плуго и топоръ и коса Холмог. 1571 № LX, кудѣ... плугъ ходило 1572 № LV, куде ходило плугъ Устюж. 1573 № III, ср. совр. плуга Сапожк. (Тр. М. Д. К.). Особыми образованіями представляются и имена личныя м. р. на -о, какъ Петро, Олександро, ср. малор. Петро́. Также имена рѣкъ: Дністро, Дніпро, Волхово, Псло, Ворскло;—городовъ: Полотеско, Гр. 1285—1315, Витебско, Смоленско, Мѣнско, Изборско (ср. польск. Smoleńsko, Lipsko). Въ выраженіяхъ Богъ дало́ Молож. (О. С. 167), что ей Богъ дало Пересл. (О. С. 17) средній родъ явился въ результатѣ утраты такими предложеніями сознаваемаго субъекта, перехода ихъ въ безсубъектныя. Неясно dałebih Кіевск. (Zb. V, 79).—Приходится отказаться отъ какого-нибудь фонетическаго объясненія е вм. конечнаго ъ въ именахъ собственныхъ, какъ Варламе, Смене, Петре, Якиме и т. д.; вслѣдъ за А. И. Соболевскимъ признаю ихъ теперь за звят. падежи ед. числа. Что до Савке, Ваське, Марке Гр. ок. 1360 (А. Юр.), то это вызванныя подобными именами новообразованія вм. Савко, Васько, Марко (Пут. ев. 125). Окончаніе е указаннаго происхожденія изъ именъ личныхъ проникло и въ отечественныя имена, ср. Иванове, Ночише, Кузмине, и т. д. Невѣроятнымъ представляется распространеніе е и въ имена нарицательныя (какъ товаре, морозе); тѣ немногіе примѣры, гдѣ въ памятникахъ XV в. встрѣчаются такія нарицательныя на -е, могутъ быть частью объяснены графически, замѣной ь подлинника черезъ е. Кое-что остается, однако, неяснымъ, напр. останъке, Новг. 1-я. — О формахъ дале, купиле см. § 363.

Опущеніе исконныхъ о, е, ŏ подъ вліяніемъ аналогіи.

§ 398. Когда въ языкѣ появился рядъ словъ съ такимъ неравносложнымъ склоненіемъ, при которомъ форма им.-вин. м. и ж. р. (на исконныя ъ и ь) оказывалась короче формъ прочихъ падежей, возникло стремленіе бороться противъ этого путемъ сокращенія звукового состава этихъ падежей. Образцомъ для подобнаго сокращенія могли служить слова съ ъ, ь въ предпослѣднемъ слогѣ; въ нихъ форма им. ед. оказывалась равносложною съ формой косвенныхъ падежей, напр. ден — дня, мох — мху, пяток — пятка, волен — вольна. Слѣдуя этому образцу, слова съ исконными е, о въ предпослѣднемъ слогѣ, сохраняя ихъ въ имен., могли утрачивать ихъ въ косвенныхъ падежахъ. Такъ явились: великор. лед—льда вм. лёда, ср. древнерусск. по ледоу Тмутар. камень 1068 года: камень—камня, корень—корня, гребень—гребня, плетень—плетня, потолокъ—потолка (ср. потолока Арханг.; пословица: руки въ боки, а глаза въ потолоки; производное: потолочина), олень—ольня Чердын. (Пермск. сб. I 29).

Равнымъ образомъ находимъ въ словахъ заимствованныхъ: игуменъ—игумна (вм. игумена), напр. игумновъ 1391—1428 (А. Кал. I № 88), игумьну 1448—68 (ib. № 63), игумна Сб. XV в. (Оп. Г. и Нев. II, 3,693); архангелъ—архангла Указ. ев. чт. XIII в. Подъ вліяніемъ косв. падежей даже игумнъ 1459 (А. Кал. I № 84).

Особо шесть — шти (обычная въ древнемъ языкѣ XV и сл. вѣковъ форма). Вмѣсто церковнаго забвена и забовена находимъ забовна, напр. Рум. ев. XIV в., № 8, 10с.

Чередованіе уї, іі съ ъї, ьї и переходъ ъї, ьї въ оі, еі.

§ 399. Въ § 23 пр. указано, что въ общеслав. праязыкѣ не были терпимы сочетанія ъї, ьї, ибо они переходили въ уї, іі. Но въ общерусскомъ праязыкѣ сочетанія ъї, ьї въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подъ вліяніемъ аналогіи, замѣняли исконныя уї, іі. Можно указать три категоріи случаевъ, при чемъ въ каждой изъ нихъ указанная замѣна имѣетъ свое особенное объясненіе. Во-первыхъ, имен. ед. указ. мѣстоименія: tъї, sьї вмѣсто общеслав. tуї, sії и при нихъ; во-вторыхъ, имен. ед. нѣкоторыхъ существ. мужескаго рода, какъ soľovьї при и вмѣсто soľovії; въ-третьихъ, род. мн. склоненія муж. и женскихъ основ. на ї, какъ gostьї, kostьї при и вмѣсто gostіі, kostіі. Разсмотрю всѣ эти случаи отдѣльно.

§ 400. Формы tуї, sії перешли въ tьї, sьї подъ вліяніемъ краткой формы тѣхъ же мѣстоименій tъ, sь. Отсюда въ древнерусскомъ toї, śeї, во

всѣхъ его парѣчіяхъ. Ср. малор. и бѣлор. той; той въ Пут. ев., 239; малор. сей, цей; сей въ Пут. ев. 212, сеи листъ Жалов. Алекс. Коріат., ср. оу сии вѣкъ гр. Владисл. 1387 г., великор. сей. Бѣлорусское сёй замѣнило сей подъ вліяніемъ той. Рядомъ продолжали сохраняться и старыя формы tyì, sìi; ср. бѣлор. си, малор. діалект. тыій; сій южнор. гр. 1409 (А. Ю. З. Р. І. № 11).

Примѣчаніе. Ср. появленіе въ сербск. taj изъ tъì вм. tyĭ подъ вл. tъ.

§ 401. Мы знаемъ изъ §§ 22, 23, 33 и сл., что искомое окончаніе -ijís въ имен., откуда -ijí, вслѣдствіе редукціи ĭ перешло въ -ìi, ибо ĭ не переходило въ ь послѣ j и i̯, а также передъ i̯ и ĭ; но въ косвенныхъ падежахъ являлись вм. -ijá, -ijú формы на -ьja, -ьjú, ибо передъ j звукъ ĭ подлежалъ редукціи въ ь. Такъ при sołovìi им. ед., род. звучалъ sołovьja, при vorobìi—vorobьjá, при tretìi—tretьjá и т. д. Это имѣло слѣдствіемъ появленіе sołovьì, vorobьì, tretьì вмѣсто sołovìi, vorobìi, tretìi — въ общерусскомъ праязыкѣ. Отсюда въ древнерусскомъ, въ эпоху паденія полукраткихъ и прояснепія краткихъ глухихъ: sołovéi̯, vorobéi̯, tŕeťéi̯ во всѣхъ парѣчіяхъ. Ср. малор. соловéй, инéй, бѣлор. салавей, вирабей, древнебѣлор. самъ третей, на третей рокъ Стат. 1529 (Карск. Р. Ф. В. 1890 № 4), великор. соловей, воробей, самъ третей. Изъ даннаго объясненія видно, что подобное окончаніе являлось только подъ удареніемъ; въ неударяемыхъ слогахъ было возможно только ìi -ìja, ибо і передъ i̯ (ср. о чередованіи i̯ и j въ § 25 пр.) измѣнялось не въ ь, а въ ì; слѣдовательно, ǯeŕeвìi — ǯeŕeвìja. Понятно, что съ теченіемъ времени различіе между ударяемымъ и неударяемымъ окончаніемъ сгладилось; вмѣсто ǯeŕeвìi̯ могло являться ǯeŕeвьì. Отсюда предположительно великор. жеребей, хотя возможно, что жеребей восходитъ фонетически къ жеребий вслѣдствіе великорусскаго перехода ii̯ въ ei̯. Рядомъ продолжало сохраняться и окончаніе -ìi, что видно изъ совр. малор. окончанія -ій (гдѣ і обозначаетъ звукъ і послѣ предшествующей мягкой согласной, и — вообще звукъ і передняго ряда): соловій, при чемъ -ій вм. -ий явилось подъ вліяніемъ нѣкогда мягкой согласной въ косвенныхъ падежахъ: соловья, соловью (т. е. нѣкогда sołovʹja, sołovʹju).

Примѣчаніе. Такъ же явилось въ сербск. Jурај вм. Jурий. — Сочетаніе еи въ Евг. толк. псалт. XI в. восходитъ къ древнеболг. оригипалу: велеи, вѣшьнѣеи, р. мн. татеи, заповѣдеи, житеискоумоу и т. д.; ср. тамъ же -ои: въ день сѫдьноі.

§ 402. Въ склоненіи основъ на ĭ форма род. мн. на ìi подверглась вліянію со стороны окончаній дат., тв. и мѣстн. падежей и заимствовала

изъ нихъ на мѣсто i звукъ ь. Формы gostiі, kostiі, подъ вліяніемъ gostьmѣ. kostьmѣ, gostьńi, kostьńi, gostьxѣ. kostьxѣ, перешли въ gostьi kostьi. Отсюда при переходѣ ь въ e: gostei. kostei во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ. Ср. малор. річей, почей, дверей, днейˑ свинеи Гал. 1424, грошеи Гал. гр. 1438 (Лекціи² Соб. 206). двереи Луцк. ев., людеи Гр. Владисл. 1387; бѣлор. гасцеи. людзеи, коней; коней Лит. Метр., грошеи ib.: великор. гусеи. путеи, гостеи, кистеи, костеи, дочерей: свинеи Дух. Клим. до 1270, рублеи, жирятиничеи Гр. ок. 1360 (А Ю.). Рядомъ продолжали существовать и формы на iі. Это видно какъ изъ древнихъ великорусскихъ памятниковъ, какъ напр. волостіи соболіи Моск. Дух. 1328. людіи Моск Дух. 1353, такъ и изъ памятниковъ южныхъ и западныхъ, напр. коніі Зап. еп. Іоанна 1398. дѣтіи Грам. 1409 (А. Ю. З. I № 11). людіи Грам. 1401 (ib.. № 8), пріятеліи Гр. Владисл. 1387. То же сохраняется въ совр. малорусскомъ. какъ гусіи, грошіи, и бѣлорусскомъ. какъ грошіи, коніи, конп. Малор. окончаніе -іи вм. -ий, напр. коніи карпаторусск. (Ogonowski, 126), объясняется вліяніемъ мягкаго и въ кінь, коня.

Примѣры для чередованія je (изъ jь) и i.

§ 403. Въ § 25 пр. было указано, что подъ удареніемъ ьь общесл. праязыкѣ являлось jь (изъ jї), между тѣмъ какъ въ неударяемыхъ слогахъ i (изъ ii), которое было кратко, когда въ слѣдующемъ слогѣ стояла полукраткая гласная, и полукратко въ иномъ положеніи: zajьmѣ, но zâima. vъzâimъ. Сочетаніе jь (отсюда въ извѣстныхъ случаяхъ jь) перешло, при общемъ переходѣ ь въ e, въ je (jȯ); такъ установились чередованіе je (jȯ) съ i (изъ i) при различныхъ положеніяхъ въ отношеніи слѣдующаго слога (zajȯm. zaima) и чередованіе je (jȯ) съ i при одинаковыхъ условіяхъ (zajȯm и vzâim). Послѣднее чередованіе, обусловленное первоначально удареніемъ. благодаря колебаніямъ въ ударепіи (какъ vzaim при vzâim), съ теченіемъ времени исчезало, при чемъ i уступало мѣсто сочетанію je (и въ неударяемомъ положеніи). Старое i сохранилось сравнительно въ рѣдкихъ случаяхъ.

§ 404. Приведу примѣры для je изъ jь изъ древнихъ памятниковъ и изъ совр. языка, не различая по указанной выше причинѣ ударяемаго отъ неударяемаго положенія: възаемъ Арх. ев.. Ев. XIII в. № 6, 97a. вьзаемъ Добр. ев. 113d, Поуч. К. Болг. XIII в.. 68d; достоенъ Добр. ев. 3d. 230b. Ев. XIII в. № 6, 59a, гноенъ Добр. ев. 125a, рюенъ Ук. ев. чт. XIII в., 232б. потаенъ Арх. ев., людѣскъ Ев. XIII в. № 6, 183a, галилѣскъ Пантел. ев. 1317, 70г. Добр. ев., самарѣскъ Добр. ев., злодѣись

Пантел. ев. 1317, 100в, на долгѣѥсь поуть рпсь 1296 № 836, 174а, страннѣѥсь Поуч. Ефр. Сир. (Собол. 57), прикмъ Арх. ев., чл҃ооубиѥць Переясл. сп. 1377 г., 162а, бобруѥскъ Гр. 1387 г., волковыѥскь Ипат. 279г, можаѥскъ Комм. Новг. 1-й, 424, заемъ Посл. XVII в., 107, перекмъ Русск. Пр. 1282, 56, яецъ бѣлор. гр. послѣ 1444 (А. Ю. З. Р. I № 23), ѥць Лит. метр. 1510, № 92, мытоемьцемъ Хут. служ. XIII—XIV в. (Собол.), ѥчнаѧ Сборн. 1584 Р. М. № 358, 267, достоенъ Пут. ев. 120, поемъ Ісоусъ 132, ѡтъ военъ 191, рюенъ 202, наемникъ 204.

Въ совр. яз. Великор. яецъ, яешница Мосал., яец Ворон. (Кол. 118), яешня Лукоян. (Ляпуновъ), заём, поёмныи луга; буёнъ вѣтиръ Обоян. (Машк. XIX. 33), пріёмыш, ёмкой, съёмка, раёк, ббек, паёк, ручеёк.

Малор. таенъ р. мн. (Граматка, 49), яéчко Глухов. (Р. Ф. В. 1903, № 3—4), яечóк Старобѣл. (Р. Ф. В. 1894, № 1—2), яець Кіев. (Шейк. 8), до своєи стаенкы Игн. зъ Никл. 47.

Бѣлор. яецъ Смол. (Добров. I, 254), яешню (ib. 347), jajéšńa Лидск. (Weryha, 53).

Примѣчаніе 1. Приведу здѣсь ıримѣры для стараго і изъ ji: възаимъ Арх. ев., Ев. № 6, XIII в., 97а, достоинъ ib., Добр. ев. 49с, июдѣискъ Ев. XIII в. № 6, 184а, оубиниць р. мн. Ипат. 207б; ѥички, сь ѥички Домостр. 41, яицъ Новг. писц. I, 286, ѧздрица ѥична Сб. 1584 Р. М. № 358/267, яичко Посл. XVII в. (Сим. 94), заимщикъ (ib.), съ пріимыши 1692 (А. Кал. I, 484).—Въ совр. языкѣ. Великор. избу, яиц, яичко, яишница; Яичкова пожня въ Псковской области (П. Ивановъ, Обозрѣніе писцов. книгъ по Новуг. и Пскову, с. 220), яи́шница Вытег. (Филим.), яичка Обоян. (Машк. XIX, 34), хлѣпъ-соль заимная дѣла (ib.), яйи́цъ Судж. (Рѣзановъ), и́стабакъ: верхъ избы, чердакъ Обоян. (Машк.).—Бѣлор. яицъ Смол. (Добр. I, 253), три капы яищъ Лидск. (Э. С. I, 289).—Малор. достои́нъ (Кв. II, 289).—Русск. литературныя: взаимный, заимствовать, достоин, воинскій, воинство, таинство, таинственный восходятъ, вѣроятно, къ церковно-славянскому языку.

Примѣчаніе 2. Сочетаніе je вытѣснило не только то і, которое восходитъ къ ji и слѣдовательно стояло въ естественномъ чередованіи съ jь (изъ jї), но также и то і, которое восходитъ къ jї (въ силу § 36). Передъ нами въ этихъ случаяхъ еще естественнѣе обнаруживается вліяніе аналогіи. Такъ находимъ Троецкои 1447 — 56 (А. Кал. I № 63), Троецкого гр. XV в. (А. Кал. II № 126, обор.), Троецкоі 1474—78 (А. Кал. I № 63) и т. д., при Троицькоі 1434—47 (А. Кал. I

№ 31), въ троицкоую сѫботѫ Стогл. Хлуд. 9. На этой же почвѣ явилась, конечно, замѣна начальнаго і черезъ je въ случаяхъ, какъ кмати Русск. Пр. 1282. кмети и ib., кмати Новг. дог. 1304—1305, № 9 и № 10, гр. 1189—1199 (сп. ок. 1263), естино Арханг. (Кузмищ.), егрéцъ: чортъ Бѣлгор.-Кур. (А. Г. О. XIX. 44). єнчого дерпва Бучацк. (Етн. зб. VI, 5), снáкше слово (ib. 7), съ єнчыхъ Иги. зъ Никл. 49, єздебку Иги. зъ Никл. 33, єздебкы 59; построй ты мнє горенку новую єльмовую Щигр. (Халанск. Р. Ф. В. 1880 № 2), прилаг. отъ племъ. Сюда не относится je въ євановъ Комм. 355, локоть єваньскыи Уст. Всев. ib. 460; здѣсь je восходитъ къ jo.

Судьба ī, ȳ передъ j.

§ 405. Согласно § 37 пр. ī, ȳ сохранялись въ общесл. передъ j, слѣдовательно, передъ ударяемымъ слогомъ. Поэтому: svinīja, pījǫ, bījǫ и т. д. Такія і, у сохранялись и въ общерусскомъ праязыкѣ и въ отдѣльныхъ русскихъ нарѣчіяхъ, кромѣ однако великорусскихъ, гдѣ і, у передъ i̯ (j) правильно и послѣдовательно перешли въ е, о. Приведу примѣры для і такого происхожденія изъ совр. малор. и бѣлор. Малор. бію, біешь, біе Саноцк. (Осадца), вію (ib.), pijanuj Пинск. (Zb. XIII, 217), osijałо Новоградвол. (Zb. XI, 149), czyjá Новоградвол. (Zb. VII, 227), течия́. течія́ (текущая вода, потокъ, теченіе (Слов. Желех.). Бѣлор. бию́, лию́, пию́ (Карск. Обзоръ, с. 149). žnijà Дисн. (Zb. XVIII, 208), ablijusia Свенц. (Zb. XVII, 166), пія́ницы Лидск. (Э. С. I, 90), majo piwa pijanoja (Zb. XVIII, 196), чиꙗ Лит. метр. 1510 № 108. Сюда же относятся въ древнихъ говорахъ великорусской области случаи, какъ биють Хожд. Аѳ. Ник., не пиѣ ib., роучіа Дв. гр. XV в. № 107. Но около XIV—XV в. произошелъ въ великорусскомъ переходъ сочетанія ię въ eę (какъ подъ удареніемъ, такъ и въ неударяемыхъ слогахъ). Такъ появились: роучем Дв. гр. XV в. № 27, гнеетъ Лѣчебн. XVII в., изъгнееть Лавр. 52, межу Пеꙗницины и Ꙗкункины починкѣ гр. XVII в., сгнеетъ 1615 (А. Кал. II, 791). Въ совр. великор.: гнеётъ Петроз. (Шахм.), гнеётъ Муром. (Колосовъ), леёш Астрах. (Обз. Колосова, 121), далѣе швея, гостея, мелея: чужь, глупость Луж. (З. Г. О IV), печея, прядея, тчея, ткея Волог. (Бажен.), чудеянъ Костр. (Виногр., 15), ламея. желтея, колотея Ржев. (Леоновъ, Арх. II Отд.), пщея Суд. Ив. Вас. Упд. XVI в. 12а, Судебн. Ѳед. Ив. 1589 г., 15, талстія (съ і вм. е) Обоян. (Машк.), лезвеё, ручеёк; блисъ бульвару ручиjёчку Яросл. (Тихв.) съ и изъ е въ неуд. слогѣ. — Примѣръ для великор. о изъ у (ы) въ такомъ положеніи: Лукоян

непосредственно изъ Лукьян вм. Лукиян (съ кы вм. ки по § 318), ни въ коемъ случаѣ не изъ Лукъянъ, такъ какъ ъ въ такомъ положеніи выпалъ бы.

Примѣчаніе 1. Необходимо оговорить нѣсколько случаевъ, гдѣ въ великор. является і вм. ожидаемаго е: піявка Петроз. (Шахм.), Луж. (З. Г. О. IV), піяной Луж. (ib.) имѣютъ і вм. е подъ вліяніемъ пить; также ліяло подъ вліяніемъ лить; пріятель, пріязнь подъ вл. приставки при; гніёт, гніють Богор.-Тул. (Будде) подъ вліяніемъ гнить. — Слова сіять, сіятельный представляются книжными; ср. малор. сиять Шевч. 57, (сонце) сія ib. 11; syjaje Пинск. (Zb. X, 278); со вставкой звука n: siny snyjajut Pokucie, I, 102, snyjaje Бойк.-Стр. (Zb. X. 25), спіяти Буков. (Верхр. въ Сб. въ ч. Ягича). — Книжнымъ заимствованіемъ является и сію (сію минуту, сію секунду). — Изъ нѣмецк. заимствовано грубіянъ (ср. Собол. Лингв. и археолог. набл. II, 28), грубіяны Обоян. (Машк.): забіяка—изъ польскаго. Неясно ріяся Правая 1529 (Лихач. 156), ріясь тому въ гр. 1503 (Потебня, Къ ист. зв. IV, 55), при рьяный.

Примѣчаніе 2. Подобный же переходъ замѣчается въ заимствованныхъ словахъ и именахъ въ древнемъ языкѣ: еюнь 1646 (А. Кал. I № 104), деѡнисѣвича Ипат. 305г, Дмитрея XV в. (А. Кал. I № 63), Дмитреевъ 1459 (А. Кал. I № 84), Аонсеевъ 1432—43 (А. Кал. I № 63), по дмитреи Дв. XV в. № 54, василею ib. № 5, софонтеѧ ib. № 3, остафеѣвѝ ib. № 77, деѧкъ ib. № 36, кюпреѧну ib. № 104, деѧкони Уст. Студ. 1398, деѧк(ъ) 1479—81 (А. Юрид.), Деонисиѧ Ипат. 280а; великор. Софея; Настасея Луж. (З. Г. О. IV); Марея, Прасковея Смол. (Добров. I, 178). Ср. сохраненіе і: татиѧни Дв. XV в. № 95, кюприѧнъ ib. № 104; Татіяна Луж. (З. Г. О.) «съ протяжнымъ і», діякъ Судебн. Ѳед. Ив. 1589, 11, Васіяну 1391—1428 (А. Кал. I № 82).—Звукъ е въ южнор. деѧци Гр. 1371, деѧковичь Гр. 1366 явился на почвѣ искусственнаго произношенія ь какъ е; ср. беѣну, любовею, тернеѣмь, недостоянее Поуч. Ефр. Сир. XIII в. (Оч. Соб. 55), каменея Луцк. ев. (ib. 43). Сюда же отнесу ови трее мужи Сб. XV в. № 68/270, величествеѧ ib.; столпеемъ Радзив. 92, вечее 99. — Особо стоитъ слово завтрее; звуковая сторона его для меня не ясна: па завтрее Лит. метр. 1514, № 129, на завтреѧ 1510 № 14, къ завтрею Соликам. (Луканинъ), к завтрею Послов. XVIII в. (Сим. 207). Великор. завтря, вѣроятно, имѣетъ мягкое р подъ вліяніемъ завтрие, завтрее; также завтрикъ Соликам. (Словцовъ), Дорогоб. (Пляшкевичъ), Моск., вм. завтрок.

Примѣчаніе 3. Слова верея, веретея, колея имѣютъ е, кажется. изъ ѣ. Ср. веретѣи Дв. XV в. №№ 3, 18, 35, веретѣю № 114, веретѣи № 24, также веретеи 1510 (А. Ю. З. Р. I, 42).

Чередованіе ī и ì. ѣ передъ j.

§ 406. Случаямъ сохраненія і передъ j, приведеннымъ въ предыдущемъ §, противополагаются случаи, гдѣ произошло выпаденіе полукраткой гласной. Фонетически і удерживалось только въ предударномъ слогѣ, слѣдовательно передъ j· это зависѣло отъ того, что передъ j удерживало свой звукъ исконное ī. Передъ j, слѣдовательно, въ предударномъ слогѣ, полукраткая гласная могла имѣть двоякое происхожденіе: во-первыхъ, это ь, восходящее къ ī передъ j. во-вторыхъ, это ì. замѣнившее ī подъ вліяніемъ тѣхъ случаевъ. гдѣ изъ ī развивалось ì въ слогѣ непредударномъ (ср. § 362, пр. 3). Различеніе тѣхъ и другихъ случаевъ представляется затруднительнымъ. Но, повидимому, съ увѣренностью можно принимать сочетаніе ѣj тамъ, гдѣ нѣтъ параллельной формы съ ij, и напротивъ — ìj тамъ, гдѣ такая параллельная форма есть и указана въ § 405.

Исконное ѣj принимаемъ напр. въ трыѣ Добрил.

Исконное ìj принимаемъ въ пья Добрил., Ев. XIII в. № 6, пьеть Пут. ев. 128, пьете Хут. служ. (Оч. Собол.), пьяньствомь Ип. 304а, бьяхуся Ев. XIII в. № 7, бьяше Выголекс. сб. XII—XIII в. (Собол. Р. Ф. В. 1884) пьявка Петроз., пьявка, пьявица Мещов. (В. Черныш.), пьявиця Арх. лѣств. (Собол. Р. Ф. В. 1884), пьяной великор., льяло Тихв. (О. С. 115), змья, змью Добрил., змья Арх. лѣств. (Собол.), змью Ев. XIII в. № 6, змья Ев. XII в. № 7, излыѣ Хут. служ. (Оч. Собол.), вопыѣ Ев. XIII в. № 6, смьяхуся Добрил., Ев. XII в. № 7, Ев. XIII в. № 6, смьятися Выголекс. сб. (Собол.), великор. діалект. смялись (Будде, Къ діалект. 144); осья Добрил., восьявъшю Ев. XIII в. № 6, сьяху Ипат. 71г, съяюче ib. 114в, съять Обоян. (Машк.), сьяють Мещов. (В. Черныш.), сяе Шевч. 16, свѣчки зяють Кролев. (Черн. Г. В. 1854 № 17), зьяя, зяя Бых. (Ром. III, 271, 272), сьяпла, осьяпло у В. Майкова (В. Черныш.), рьяетъ (ib.), рьянъ, зарьять: загорѣться (Потебня), вьять, вьялица, Завьяловъ; съпрыѣ Ипат. 113г, нѣпрыѣзниньскыя къзни Хут. служ. XIII—XIV в. (Соб.), гиьющема Новг. 1-я. 21 об., чыѣ, чью Ипат. 65б, 229в, шыѣ Переясл. лѣт. 75, шыи Новгор. 1-я, 21 об., Шья назв. рѣки въ Егор. уѣздѣ; зьяньи Арх. лѣств. (Собол. Р. Ф. В. 1884). — Также ìj принимаю въ свиньѝ (ср. болг. свиниѝ, свинией, В. Н. Щепкинъ, Разсужд. о яз. Савв. кн., 237), княжьѝ, мужьѝ, дружьѝ, гостьѝ.

Примѣчаніе 1. Подобно чередованію русск. гостей (изъ gostīja) съ гостья (изъ gostījā) чередованіе въ словенскомъ: gostija при gostja.

Примѣчаніе 2. Подъ удареніемъ, частью перенесеннымъ позже, является, конечно, і, откуда великор. е: бѣлор. шию, брыю, великор. брею, бѣлор. и малор. шия, шию Рижск. гр. ок. 1300, великор. шея; бѣлор. пріяцель.

Примѣчаніе 3. Особо стоитъ сочетаніе ĵj въ drĵutьskъ. Первоначально, вѣроятно, drĵ̯γutьskъ, съ южнор. и западнор. γ, ср. дрьговичи. Отсюда dŕγuťesk (§ 374) и далѣе dŕjuťesk, dŕuťesk, ср. дрютескъ Комм. сп. Новгор. 1-й, 447. Другимъ измѣненіемъ ŕ, согласно § 372, могло быть ŕi: dŕijutesk, что въ устахъ великоруса перешло въ Дреютескъ Новор. сп. Новг. 4-й.

Появленіе сочетанія ji вм. ią подъ вліяніемъ аналогіи.

§ 407. Появленіе ji вмѣсто ią вызывалось, повидимому, въ нѣсколькихъ случаяхъ вліяніемъ аналогіи. А именно чередованіе ią (изъ iй) въ однихъ образованіяхъ, однѣхъ падежныхъ формахъ, съ ja, ju и т. п. (изъ ĭja, ĭju и т. д.) въ другихъ вызывало указанное явленіе. Могу указать три категоріи случаевъ. Во-первыхъ, род. мн. какъ śvińią подъ вліяніемъ им. мн. śvińjѣ, дат. мн. śvińjam и др. переходилъ въ śvińji, ľodĭią подъ вл. ľodĭjѣ и т. д.—въ ľodĭji, ľudĭią подъ вліяніемъ ľudĭje — въ ľudĭji; существованіе подобныхъ новообразованій доказывается написаніями, какъ инѣхъ волостьи Новг. дог. 1305—1308 №№ 6 и 7.—Во-вторыхъ, формы им. ед. какъ sudĭią, Juŕią, Gŕigoŕią замѣнялись формами sudĭji, Juŕji, Gŕigoŕji подъ вліяніяхъ косв. падежей: sudĭju, Gŕigoŕja; ср. древнерусскія написанія, какъ Власьи Опдроновъ Дв. XV в. № 36, Дементьи дьякъ ib., Григорьи Кузминъ ib. № 91, Васильи ib. №№ 5, 25, Юрьи ib. №№ 8, 15, 105, Юрьи 1433 (А. Кал. I № 31), 1442—43 (А. Кал. I № 30); при Юрьи паходимъ и написанія Юрги, Гурги, напр. въ Ипат., гдѣ г обозначаетъ звукъ j. Великор. жеребье (Обз. Колосова, 204, 211) явилось, вѣроятно, указаннымъ путемъ, замѣнивъ форму жеребьи и перейдя въ средній родъ.—Въ-третьихъ, умельшительныя, какъ pŕaťiĭćǒ, roḿĕśťiĭćǒ должны были перейти въ pŕaťiją́ćǒ, roḿĕśťią́ćǒ; ср. подобныя формы, съ переходомъ і въ великорусское е, напр. въ подворенце Домостроя Сильв. (Орл. 58), pŕ́kodѣlenцo ib. 32, во вседневномъ платеицы ib. 19, в раменеицѣ 1442—43 (А. Кал. I, 77), помѣстейца 1642 (А. Кал. II, 491), остожейца 1637 (А. Кал. II, 158), озереицем 1391—1425 (А. Кал. I № 31). Но подъ вліяніемъ pŕaťje, roḿĕśťje являлись новообразованія pŕaťjićǒ, roḿĕśťjićǒ; вм. этого дальше являлись и платьеце, помѣстьеце великор.

Точно также вмѣсто Makaŕiiśćò, braťiiśćò, подъ вліяніемъ Makaŕja. braťja. являлись Makaŕjiśćò, braťjiśćò, ср. въ гр. 1640: Макарейще при братьище (А. Кал. II, 145).

Появленіе предлоговъ sy, vy, ky.

§ 408. Мы видѣли въ § 393, какъ формы so, vo, ko, возникавшія на мѣстѣ sъ, vъ, kъ въ положеніи передъ слогомъ съ полукраткой гласной, переносились на мѣсто s, v, k, замѣнившихъ sѣ, vѣ, kѣ. Однородное явленіе возникало при другихъ условіяхъ. А именно названные предлоги получали форму sy, vy, ky при одномъ фонетическомъ условіи: передъ начальнымъ i слѣдующаго слова, которое измѣнялось въ ĭ: sy ivanъtьѣ, ky ĭgnatu, vy iḿa sy ĭga, sy ĭputь. и т. д. Отсюда, въ этой формѣ предлоги эти переносились на мѣсто s, v, k и so, vo, ko передъ согласными. Такъ объяснилъ впервые Л. Л. Васильевъ (Р. Ф. В. 1907 № 4) предлоги сы, кы (ки), вы въ современномъ пѣсенномъ языкѣ южновеликорусскаго нарѣчія, доказавъ, что фонетическое объясненіе (какъ редукція неудар. o) не выдерживаетъ критики. Примѣры: сы таски Щигр. (Халанск. въ Р. Ф. В. 1880 № 3), кы калодизю ib., кы двару Обоян. (Рѣзановъ), сы вышнью Обоян. (Машкинъ, А. Г. О. XIX 33), сы камушка бялóва ib. кы чужой старанѣ ib., сы утра Моздок.-Терск. (Карауловъ), сы кручины ib.. ки свѣту Смол., ки утру ib.

Примѣчаніе 1. Неясно, можно ли объяснить также вы вторникъ Гал. ев. 1266—1307, 27 об. (Л. Васильевъ, l. c.). Неясно также, что такое ви, си въ случаяхъ, какъ ви ямчужное дѣло 1582 Лодом. № CXXXIX, си Егорьевской деревни ib., си Егорьевской 1573 Лодом. № CIX.

Примѣчаніе 2. Въ сѣверноруссскихъ говорахъ вмѣсто вз, вс является выз, выс. Здѣсь надо принимать вліяніе предлога вы (ср. Л. Васильевъ, l. c., отд. отт. 8, прим.): вы́стать, вы́здынуть, вызнимáть. Удареніе особенно ясно указываетъ на то, что здѣсь вліяніе предлога вы. Подобное же вліяніе однихъ предлоговъ на другіе сказывается въ появленіи ив, ис, ик вмѣсто в, с, к; ср. чередованіе предлоговъ из и з. Ср. еще діалект. дá ста вм. дó ста, подъ вл. нá ста. зá ста.

Нефонетическая замѣна e изъ ь черезъ o и обратно.

§ 409. Иногда, благодаря ошибочному словопроизводству или случайной аналогіи, вмѣсто ожидаемаго e изъ ь находимъ o въ той или иной группѣ согласныхъ. Такъ Шидловоскыи, Ілвовъскыи Гал. гр. 1400, Тевликовоская 1490 (А. Кал. I № 52); вмѣсто Витебескъ является Витобескъ Риж. гр. ок. 1300. Что до Помостье (мѣстность по р. Мстѣ), то оно, быть мо-

можетъ, произведено отъ Мъста, а не отъ Мьста. Вмѣсто с чимесь находимъ ис чи́мось Бучацк. (Етн. зб. VI, 48), в якимось сели Подольск. (Шейковск. 7), ср. якыхось Каменецк. и др. Попряникъ вм. пепряникъ подъ вл. предлога по. Неясно о въ сольночьнѣи Палея Кол., 8 в; м. б., о замѣнило ѐ (е середняго ряда), появившееся вмѣсто е послѣ ł̀n, ср. моск. sołnyšnyj, pасsołnyšńik.

Обратно—изеталъ при изотьметь съ непонятнымъ, впрочемъ, е. Слова певно Нѣж. (Черн. Г. В. 1853 № 39), кревный (родной. Игн. въ Никл. 86)—полошизмы.

Редукція и утрата о и е въ слабоударяемыхъ словахъ.

§ 410. Слабоударяемыми словами являются слова со значеніемъ служебнымъ. Можно думать, что въ нихъ глухія ъ и ь исчезли раньше, чѣмъ въ другихъ положеніяхъ. Уже въ древнѣйшихъ памятникахъ видимъ написанія кьгда, тьгда, между тѣмъ какъ этимологически они восходятъ къ къгъда, тъгъда (ср. Б. М. Ляпун. въ Ж. М. Н. П. 1900, № 6, с. 395—396). Только это обстоятельство объясняетъ намъ, почему въ этихъ словахъ не выпало ъ: оно изъ полукраткаго превратилось въ краткое вслѣдствіе выпаденія ѣ въ слѣдующемъ слогѣ.

Особенно часто находимъ отпаденіе конечныхъ о и е въ подобныхъ словахъ. Приведу примѣры: так, как, всяк; какъ Гр. 1265 (Р. Л. А.), как то Г. 1285, такъ ib., какъ Гр. ок. 1330, тамъ ib., приведѣта и сѣмъ Пут. ев. 137. Далѣе там, сям. Малор. гаразд. Ож, аж, напр. ѡжь Ипат. 233а, ажь ib. 234а. Лиш вм. лише. Проч вм. проче, напр. прочь Ипат. 28б, Полоцк. гр. ок. 1330. Частица же является въ видѣ ж: такожь Полоцк. гр. ок. 1330, ꙗша жь Ипат. 221в.

Сюда же относится, быть можетъ, зан же вм. за́неже: ср. занже Новор. сп. Новг. 4-й, 442а, Виленск. Лит. 199, Супр. Лит. 60, занже и заньже Хожд. Аѳ. Ник. 382а и 386б, занже 1448 (А. А. Э. I № 40), занжо 1479 (А. Кал. II № 156, VII).

Такъ же вмѣсто дѣля находимъ для: цр̄ици дла Троицк. сп. XV в. Новг. 1-й, 53а.

Упомяну здѣсь о появленіи дся́т въ энклитическомъ употребленіи вмѣсто десяти, хотя возможно, что dьsętь вм. desęti восходитъ еще къ общеслав. праязыку. Примѣры дванадьсать Парем. 1271, ѡбанадьсате Рум. ев. 1270, тришадьсать Рижск. гр. около 1300, обѣма на дьсать Путенск. ев., 57, четвертая на дьсять Ап. 1307; великор. двадцать, и т. д.

Глава VIII. Графическія явленія въ памятникахъ, вызванныя паденіемъ глухихъ.

§ 411. Послѣдствіемъ паденія ъ и ь — ихъ утраты въ однихъ случаяхъ, замѣны гласными о и е въ другихъ должно было быть исчезновеніе самыхъ знаковъ для звуковъ ъ и ь. Но письмо сохранило ихъ и при томъ частью по необходимости. Во-первыхъ, мягкость и твердость согласныхъ, опредѣлявшаяся въ серединѣ слова въ значительной степени сосѣдними звуками и не требовавшая нарочитаго для себя обозначенія, должна была быть неизбѣжно обозначаема въ концѣ слова: братъ и братъ, сол и соль, день и день не могли бы безъ явнаго затрудненія изображаться въ концѣ одинаковыми буквами: это было причиной удержанія традиціоннаго различія между ихъ передачей: соль, но соль. братъ но братъ, роусъ, но роусь и т. д. Такимъ образомъ буква ь получила функцію знака мягкости, и при томъ въ концѣ слова обязательнаго. Это повело къ тому, что буквѣ ъ въ концѣ слова было присвоено также обязательное употребленіе со значеніемъ твердаго знака. Значеніе мягкаго знака дѣлало возможнымъ употребленіе буквы ь и въ серединѣ слова, причемъ частью и здѣсь такое употребленіе находило себѣ оправданіе въ написаніяхъ старшихъ памятниковъ, гдѣ ь обозначало особый звукъ. Въ особенности часто стало писаться ь въ положеніи передъ твердой согласной: тьма, сильнъıи, царьскъıи, бездьна; частью ь въ такомъ употребленіи не находило себѣ соотвѣтствія въ старшихъ памятникахъ: верьхъ (въ старшихъ памятникахъ вьрхъ, но также, какъ мы видѣли въ § 314, вьрьхъ). Впрочемъ, ь употреблялось какъ мягкій знакъ и передъ мягкой согласной: людьми, коньцю (въ этихъ случаяхъ ь оправдывалось старшими памятниками), земьла, любьви (здѣсь ему не было историческаго оправданія). Приведу нѣсколько примѣровъ: Путенск. ев. оуподобью 108; Добр. ев.: земьлѫ 91c, 151c, вьзѧ 17d, вьзѧша 98a, възьлюби 10b, дьвиженіѧ 17b, позьдѣ 85a, погъıбънѣть 10b; Ев. 1092: сью 164a, вьзѧ 114a, притьчю 132b, сь ıимь 128b; Парем. 1271: земьлѧ 46c, зьвѣри 37c, възьдвигни 60д, въсъıплещете 26в, исправьлѧи 56a; Вопр. Кир. по Кормч. 1282: недомъıсьлию 528b, празьдникъ 526c; Поуч. Конст. Болг. XIII в.: любьви 161в, вьзать 242a, сьвѣдѣтель 192d; Гал. ев. 1266—1304: дьвигноути, нѣсьмь, ıьризвавъ, блюдѣте, и т. д.

Примѣчаніе. Пропускъ ь, ъ въ концѣ слова имѣетъ мѣсто, напр. въ случаяхъ, какъ: не ѡтрѣшит ли Пут. ев. 106, достоит ли 126; тѣм же Быб. ап., не причастит бо ся 31 об., аз же 31, цѣлоуют въı 24 об., не можем 26, хотѣх 30 об. и др.

§ 412. Буквы ъ и ь, послѣ паденія звуковъ ъ и ь въ произношеніи,

оказывались на письмѣ необходимыми слогоотдѣлителями, а именно передъ слогомъ, начинавшимся съ і̯(j): въѣхати, троупье; въ первомъ случаѣ буква ъ слѣдовала за твердой согласной, а во второмъ за мягкой; оба написанія (ъı и ьı и т. д.) были унаслѣдованы изъ древнихъ памятниковъ (о написаніяхъ ье, ьı, ью и т. д. см. §§ 349, 350); сохраненіе обоихъ написаній оказалось необходимымъ; для передачи сочетаній ја, је, ји и т. д. послѣ согласныхъ стали служить обычно эти написанія. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ школахъ письма долгое время значеніе слогоотдѣлителя присвоивалось буквѣ и: написанія какъ братиıа, троупиıе, имѣнию не уступали здѣсь мѣста новой манерѣ письма, поддерживаясь вліяніемъ южнослав. памятниковъ.

§ 413. Въ общемъ оба новыхъ значенія для буквъ ъ и ь — знаковъ твердости-мягкости и знаковъ для слогоотдѣленія послѣ твердой и мягкой согласной — сложились въ первыя же десятилѣтія послѣ паденія глухихъ: они удержались за ними и до сихъ поръ въ русской письменности, которая съ теченіемъ времени урегулировала употребленіе ь, какъ знака мягкости въ серединѣ слова.

Примѣчаніе. Въ частности замѣтимъ, что теперь ľ пишется всегда (и передъ твердыми и передъ мягкими согласными) черезъ ль. Между тѣмъ въ древности ľ обозначалось передъ согласными и просто черезъ л: волна читалось не только voľna, но и voľna. Ошибочно было бы на основаніи написаній, какъ болное, силныи, колца заключать о соотвѣтствующемъ отвердѣніи звука ľ, ср. волнымъ 1361—65 (А. А. Э. I № 5), жаловалныи ib., силна Быб. ап. 22 об., печалнѣмъ 19 об., не прѣлщаитеса 32 об.

§ 414. Но во многихъ школахъ письма вопросъ объ употребленіи буквъ ъ и ь осложнялся сложившимся въ нихъ требованіемъ давать каждому письменному знаку звуковое значеніе; при обученіи письму долженъ былъ въ особенности практиковаться подобный пріемъ. Понятно, что буквѣ ъ присвоено было значеніе звука о, такъ какъ орѳографическому ъ въ рядѣ случаевъ соотвѣтствовалъ въ живомъ произношеніи звукъ о, а буквѣ ь присвоено было значеніе звука е. Подобный пріемъ употреблялся и раньше: иноземные учителя, болгары, въ произношеніи которыхъ паденіе глухихъ произошло раньше, чѣмъ на Руси, учили произносить ъ по-болгарски, т. е. какъ о, а ь по-болгарски же, какъ е. Вслѣдствіе этого уже въ древнѣйшихъ памятникахъ оказываются написанія, гдѣ буквы о и е замѣняютъ ъ и ь вопреки живому произношенію. Примѣры. Сб. 1073: кото, Типогр. ев. XII в. № 7: кото, сьрьдеце, вьрхоню, въ домо свои, явихо; Ефрем. кормч. XII в.: тъкомо, седе, мьрзоко, второıе, конеца, цьркове, дължени; Усп. сб. XII в.:

водовъı 121; Стих. 1157: весѧ 186a, въ цьркови 108в, веселеною 155в, владѣщени 180в, подънб̃сенъıи 118в; Юр. ев. до 1132: отлагочалѣ 176b, въземеть 56d; Минея 1095 г. № 194: ковечегъ 135a, бо̃видече 27a, источьнико 93a, весемирьнаѧ 13a; Добр. ев.: монога 239b, могоущихо 50c, подоножью 203c, въземъıи 208b, и т. д.

Реакціей противъ этого со стороны русскихъ писцовъ была обратная замѣна буквъ о, е черезъ ъ, ь. Примѣры. Жит. Θеод. XII в.: кръткъ, бъгъмь, подъбнъ, мѣстъ то, въ нъмь, имьнъмь; Ж. Бор. и Гл. XII в.: плътъıдьца; Минея 1095 № 194: арх̃глъвъ, крѣпъсть 19a, ръжьство 75b; Злат. XII в.: ижь, облічьно, оумрьть, дивъıлъмь; Ирмолой Григ. XII—XIII в.: бъгъ, грѣхъвъ и даже зовъу: Ефрем. кормч. XII в.: можьть, рекъхъ, оустрашьно.

Контроль живого русскаго произношенія вообще парализовалъ дѣйствіе подобныхъ графическихъ пріемовъ, и на Руси XI—XII в. является рядъ памятниковъ, правильно употребляющихъ ъ и ь и не прибѣгающихъ къ замѣнѣ ихъ черезъ о и е или къ обратной замѣнѣ буквъ о, е буквами ъ, ь. Въ § 341, 346 указаны памятники, въ общемъ передающіе буквами ь, ь дѣйствительные звуки, краткіе и полукраткіе.

§ 415. Съ паденіемъ глухихъ старый графическій пріемъ долженъ былъ возобновиться еще съ большею силой. Писцы стали смѣшивать буквы ъ и ь съ буквами о и е, и это смѣшеніе держалось до тѣхъ поръ, пока не былъ отвергнутъ пріемъ, который придавалъ буквамъ ъ и ь звуковое значеніе, пока онѣ не были признаны простыми буквенными знаками, не имѣющими самостоятельнаго звукового достоинства. Въ особенности часто происходило указанное выше смѣшеніе при машинальной перепискѣ, когда копіистъ, перенося буквы оригинала въ свою копію, не справлялся всякій разъ съ соотвѣтствующимъ живымъ произношеніемъ. Такъ напр. въ извѣстной особенно этими своими написаніями гр. 1229 г. (сп. А) находимъ: миро, оустоко, всехо, битоса, 3 л. ед.: въсхочете, оударите; доконечано, готескомь, оурадатеса, в. ед. роусе, р. мн. коуньче; обратно: ньга, мъре, хъчьть, излъмьıна, пьревьзлъ, мьжю, вѣрьмьнемь, золъта, голъвоу, берьгомь, дъкончано, тв. ед. женъю, ръздроушенъ, холъıнъ и т. д. Тоже видимъ, напр., въ гр. 1294—1304: ѿ великогъ новагоръда, ко кърольвъıмо моужьмо, новгоръдескъıи, молвате, к вамо; гр. ок. 1360: окъıнфо, жирятиничямо, послухо, псало, дрочила олексино, острово, созоно илеѣно, ивановиче; гр. ок. 1263: новгороцкъмоу, нѣмецкъе, оупьхньть, р. мн. грн̃о, докончахъмъ; въ двинскихъ гр. XV в.: павълокъ, попъви, събѣ, Федъта, хть, селъ роспопинъ вин. ед., с притьрьбъмъ, стъıлъ, съроковъ, черьмховъıи; в рѣ-

чекы, оу въигумновъихо, патенацате, степановескоп, степано, дворо, островъко, отеча (= отца), иваповиче им. ед., и т. д.; въ купч. княгини Ософ. п. 1389: зьмлями, с путпкомо, за Кузьмокою, пополонока, на Словѣнокѣ, игумено (Срезп. Пам. 268).

§ 415[1]. Отмѣчу, что і̯ стало изображаться нѣкоторыми писцами черезъ ѥ. Причина мнѣ неясна. Такъ въ гр. ок. 1263 и въ приложенной къ ней копии съ гр. 1189—1199 находимъ: вин. ед. жеребеѥ, новгороцкоѥ, нѣмецкыѥ, р. мн. треѥ дворць, дат. ж. моуяьскоѥ, чюжеѥ, мѣстп. ж. в ъиоѥ: въ гр. 1391—1425: по се дшвное (А. Кал. I, № 82), въ купчей княгини Ософ. п. 1389: оц̑ь дш̑вное (Срезп. Пам. 268).

Нѣкоторые писцы опускали букву и на мѣстѣ і̯: из мое очи*и* 1462—72 (А. Кал. I, № 31), Анд*р*ѣ 1474—78 (А. Кал. I, № 36), 1479—1516 (ib. № 63), на всяко год 1434—47 (ib. № 31), то*т* старо ib.; велики 1439 (А. Кал. I, № 31), смѣстпо ib.: дат. ж. дроуго Кн. Зак. XV в. (Павл. 43).

Звукъ ц̑ изображался черезъ черезъ въ, в, оу, напр. въса дѣвы ты Пут. ев. 149, нѣ въбо оузпидохъ къ ѡц̑ю 269.

Глава IX. Звуковыя послѣдствія паденія глухихъ.

§ 416. Звуковыя послѣдствія паденія глухихъ были двоякаго рода: во-первыхъ, оно вызвало удлиненіе сонанта предшествующаго слога (гласной или плавной); во-вторыхъ, благодаря выпаденію полукраткихъ гласныхъ, образовались различныя новыя сочетанія звуковъ, неизвѣстныя въ предыдущую эпоху. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что эти явленія принадлежатъ, какъ и самое паденіе глухихъ, уже отдѣльнымъ русскимъ нарѣчіямъ и что поэтому нѣкоторыя изъ нихъ характеризуютъ образовавшіяся между ними діалектическія отличія. Тѣмъ не менѣе разсмотрю ихъ здѣсь, въ настоящей главѣ, предоставляя себѣ развить подробнѣе отдѣльныя положенія ниже, при обозрѣніи діалектическихъ явленій.

Удлиненіе гласныхъ въ слогѣ передъ слогомъ, утратившимъ полукраткую гласную.

§ 417. Какъ мы знаемъ, въ общеслав. праязыкѣ наличность полукраткой гласной въ неначальномъ слогѣ требовала удлиненія гласной предшествующаго слога: вслѣдствіе этого въ слогахъ передъ слогомъ съ полукраткой гласной могли быть или исконно долгія гласныя, или полудолгія ô, ê, ö, замѣнившія ŏ, ĕ, или наконецъ краткія ъ, ь, у, і, которыя въ другомъ положеніи перешли бы въ полукраткія ъ̆, ь̆, ў, і̆. Отсылая къ §§ 33 и сл.,

заключаю отсюда, что появленіе полукраткой гласной вызывало удлиненіе предшествующаго слога на половину моры: краткія гласныя предшествующаго слога обращались не въ долгія, а въ полудолгія гласныя. Паденіе полукраткихъ гласныхъ вознаграждалось соотвѣтствующимъ удлиненіемъ предшествующаго слога; естественно думать, что удлиненіе происходило въ предѣлахъ опять таки одной полуморы. Вслѣдствіе этого долгія гласныя предшествующаго слога становились очень долгими, сверхдолгими: полудолгія—долгими, а краткія полудолгими. Вотъ гипотеза, которую обосновываемъ нижеслѣдующими соображеніями и ограничиваемъ нѣсколькими оговорками. Во-первыхъ, удлиненіе долгихъ гласныхъ до сверхдолготы нельзя доказать современными данными въ виду послѣдовавшаго еще въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ сокращенія долгихъ гласныхъ вообще; но нѣкоторыя указанія извлекаемъ изъ указаннаго ниже, въ § 418, передвиженія ударенія. Во-вторыхъ, краткія ъ и ь измѣнились не въ соотвѣтствующія полудолгія гласныя, а въ гласныя о и е: однако эти гласныя, представлявшія бо́льшую полноту звука, были, быть можетъ, и количественно длиннѣе ъ и ь, что сдужило бы подтвержденіемъ нашей гипотезы; равнымъ образомъ діалектическое измѣненіе краткихъ у, і въ о (ė), е свидѣтельствуетъ о томъ же. Въ-третьихъ, наконецъ, южнорусскій переходъ общеславянскихъ (общерусскихъ) полудолгихъ ô, ô, ê въ дифтонгическія сочетанія uo, üö, ie свидѣтельствуетъ о посредствовавшемъ измѣненіи полудолгихъ гласныхъ въ долгія. Разсмотрю вкратцѣ всѣ три намѣченныя явленія: переносъ ударенія на долгую или сверхдолгую гласную; переходъ ъ, ь въ о, е и діалектическій переходъ у, і въ о(ė), е; наконецъ, южнорусскій переходъ общеслав. полукраткихъ въ дифтонгическія сочетанія.

§ 418. *Переносъ ударенія на гласную, удлинившуюся вслѣдствіе выпаденія въ слѣд. слогѣ глухого.* О такомъ переносѣ, свидѣтельствующемъ, быть можетъ, о сверхдолготѣ гласной, можно заключить на основаніи ударенія въ совр. великорусскихъ словахъ, какъ камéнья, ужéнье, прославлéнье, поставлéнье, увѣрéнье, видѣ́нье, мышлéнье, малор. камíння. Удареніе этихъ словъ не можетъ быть первоначальнымъ: коренная гласная ихъ имѣла нѣкогда экспираторную долготу, требовавшую переноса на себя ударенія, ср. удареніе соотвѣтствующихъ сербскихъ словъ: сла̏вљѣње, мѝшљѣње. Слѣдовательно, новый переносъ ударенія въ русскомъ языкѣ зависѣлъ отъ той или иной новой причины: естественно искать ее въ исчезновеніи полукраткаго і въ слогѣ, слѣдующемъ за слѣдующимъ слогомъ, а эта причина могла дѣйствовать непосредственно черезъ удлиненіе непосредственно слѣдующаго слога. Если дѣйствительно существовалъ указанный законъ о переносѣ ударенія на

слѣдующій удлинившійся слогъ, то сохраненіе ударенія въ случаяхъ, какъ о́сень, о́стров, пло́щадь, го́лубь и т. п., зависѣло отъ вліянія соотвѣтствующихъ косвенныхъ падежей: о́сени, о́строва, пло́щади, го́луби. Въ производныхъ находимъ ожидаемый переходъ: лебе́дка, площа́дка, голу́бка, печёнка, гребёнка. Сопоставленіе перехода го́лубъка въ голу́бка съ сохраненіемъ ударенія го́луби, если только, дѣйствительно, передвиженіе ударенія стоитъ въ связи съ выпаденіемъ глухого, доказываетъ или то, что при появленіи gо́ł̄ūbka (отсюда gołūbka) исконное gо́ł̄ūbi успѣло сократиться въ gо́ł̄ūbi, или то, что рядомъ съ gо́ł̄uubka (— отсюда переносъ ударенія на сверхдолгую гласную, которую мы обозначили двойной буквой) существовало gо́ł̄ūbi съ долгой гласной. Въ виду этой второй возможности я допускаю, что переносъ ударенія въ соотвѣтствующихъ случаяхъ можетъ доказывать развитіе сверхдолготы въ зависимости отъ выпаденія полукраткой гласной въ слѣдующемъ слогѣ.

§ 419. Переходъ краткихъ ъ, ь, ѣ въ о, е, ö подробно разсмотрѣнъ выше въ главѣ VI (§ 378 и сл.). Тамъ указано, что переходъ этотъ начался именно въ слогахъ, за которыми слѣдовалъ слогъ съ выпавшимъ ъ, ь, и изъ такихъ случаевъ распространялся дальше, охватывая всѣ вообще краткія ъ, ь, ѣ. Итакъ переходъ sъnъ, dьnь въ son, dєń вызвалъ переходъ dъsku въ dosku, sťькła въ sťокła. Это даетъ основаніе для аналогичнаго объясненія перехода краткихъ у и і въ діалектахъ русскаго языка въ о и е. Онъ начался въ сочетаніяхъ уi̯ и іi̯ изъ уї и її, какъ результатъ усиленія или удлиненія звуковъ у и і, а отсюда распространился вообще на другіе случаи, гдѣ у и і находились передъ i̯; переходъ śĺе̑ruї, głuxuї, dobruї, śińiї въ śĺе̑roi̯, głuxoi̯, dobroi̯, śińei̯ повелъ за собой и переходъ łukui̯anъ въ łukoi̯an, sof'i̯a въ sof'ei̯a, iśśi̯a въ iśśei̯a. Ср. великор. слепой, глухой, доброй, третей, синей, лукоян, софея, пщея́. Подробнѣе объ этомъ явленіи ниже, въ гл. I отдѣла VI. Тамъ же укажу, что рядомъ съ переходомъ уi̯ въ оi̯ извѣстенъ еще и другой аналогичный переходъ его въ ėi̯ (ė означаетъ е средняго ряда) и öi̯, ȯi̯: ср. въ бѣлорусской, а частью и въ сѣверновеликорусской области ei̯ въ словахъ, какъ сляпэй, худэй, сядэй, жиздр. и мосальск. мо́ю, кро́ю и мо́ю, кро́ю (болѣе точныя указанія даны ниже). Думаю, что уї непосредственно измѣнилось именно въ ėi̯ во всѣхъ сѣверноруссскихъ и восточноруссскихъ говорахъ, но что изъ ėi̯ уже позже въ подавляющемъ большинствѣ ихъ развилось ȯi̯, въ результатѣ ассимиляціоннаго вліянія на гласную со стороны предшествующей лабіализованной согласной; ȯi̯ перешло дальше въ этихъ говорахъ въ оi̯, сохранившись какъ ȯi̯ и öi̯ лишь въ немногихъ діалектахъ.

§ 420. Въ южнорусскихъ говорахъ о, е, ö полудолгія закрытыя въ положеніи передъ выпавшею полукраткою гласной переходили въ соотв.

долгія; эти долгія гласныя, еще до распаденія южнорусскаго нарѣчія на отдѣльныя поднарѣчія, дифтонгизировались, переходя въ uo, ie, ŭŏ: dŏmъ, рѣ́сѣ, ńosĭъ перешли въ duom, рiе́с, ńŭŏs. Монофтонгизація этихъ дифтонговъ принадлежитъ уже позднѣйшей жизни малорусскихъ нарѣчій. Эпоха появленія дифтонговъ совпадаетъ вполнѣ съ эпохой паденія глухихъ. Это видно изъ южнорусскихъ памятниковъ, которые со второй половины XII в. обнаруживаютъ на письмѣ одновременно утрату ъ и ь и переходъ е въ дифтонгъ ie, обозначаемый тою же буквою, которая означала исконный дифтонгъ ie (изъ общеславянскихъ ē и oi̯; такъ въ Добрил. ев., рядомъ съ написаніями, какъ пришлець, ропъщѣте. жерьцемъ, што находимъ: шѣсть, ремѣнь, зѣлыи. Подробнѣе разсмотрю это явленіе ниже, въ отдѣлѣ южнорусскихъ явленій.

Примѣчаніе. Согласно даннымъ въ § 233 и 235 пр. 2 указаніямъ, о краткое (не полудолгое) и не закрытое, подъ вліяніемъ выпаденія полукраткой гласной въ слѣдующемъ слогѣ, удлинялось до полудолготы; полудолгая гласная въ дифтонгъ не распалась; ср. совр. малор. король, горох.

Удлиненіе плавныхъ въ сочетаніяхъ ъr, ьr, ъl передъ слогомъ, утратившимъ полукраткую гласную. (Второе полногласіе).

§ 421. Въ общеславянскомъ праязыкѣ плавныя въ сочетаніяхъ ъr, ьr, ъl, ьl были во всякомъ положеніи долгими или полудолгими (въ зависимости отъ характера исконной долготы); общерусскій праязыкъ, какъ указано въ § 236, сократилъ плавныя въ тавтосиллабическихъ сочетаніяхъ съ предшествующею гласной: результатомъ сокращенія плавныхъ въ сочетаніяхъ or, er, ol былъ переходъ этихъ сочетаній въ oro, ere, olo, при чемъ ro, re, lo возмѣщали утраченную долготу плавныхъ r, l; результатомъ сокращенія плавныхъ въ сочетаніяхъ ъr, ьr, ъl былъ переходъ этихъ сочетаній въ ър ьр, ъл, при чемъ замѣна ъ, ь черезъ ъ, ь возмѣщала утраченную плавными долготу. Такимъ образомъ въ древнерусскомъ языкѣ до паденія глухихъ сочетанія ър, ьр, ъl имѣли краткія r, l независимо отъ того, стояла ли въ слѣдующемъ слогѣ гласная полнаго образованія или неполнаго образованія, полукраткая: tъrgъ, tъrga, vъlkъ, vъlka. Паденіе полукраткихъ имѣло слѣдствіемъ удлиненіе плавной въ разсматриваемыхъ сочетаніяхъ; она удлинялась до полудолготы: torg, volk, съ полудолгими r, l; рядомъ torga, volka, съ краткими r, l. Въ большей части древнерусскихъ говоровъ полудолгія плавныя сократились безслѣдно. Но въ нѣкоторыхъ говорахъ и въ нѣкоторыхъ положеніяхъ сокращеніе пошло

здѣсь тѣмъ самымъ путемъ, какимъ происходило сокращеніе въ общерусскомъ праязыкѣ сочетаній or, oĺ, er (съ долгими плавными); а именно оно возмѣщалось замѣной полудолгой плавной сочетаніемъ плавная + гласная. Подобно тому какъ общеслав. vorna, voĺsa съ долгими и полудолгими плавными перешли въ общер. праязыкѣ въ vorȍna, vȍĺosa, точно также общерусск. torg, voĺk съ полудолгими r, ĺ перешли діалектически въ torog, voĺok. Опредѣляя это явленіе какъ діалектическое, имѣемъ въ виду, что оно получило преимущественное распространеніе въ нѣкоторыхъ сѣверорусскихъ говорахъ; опредѣляя же условія, благопріятствовавшія развитію этого явленія также и въ другихъ говорахъ, находимъ, что такія условія создавались звуковою аналогіей сходныхъ словъ и образованій, гдѣ языкъ, благодаря утратѣ полукраткихъ и переходу краткихъ глухихъ въ гласныя полнаго образованія, представлялъ «бѣглыя» гласныя (ср. § 388). Такъ, напримѣръ, только діалектически явились верёх, доложнó изъ v́eĺx, doĺźno съ полудолгими ŕ, ĺ; а между тѣмъ во всѣхъ великорусскихъ говорахъ имѣется произношеніе полон, долог, гдѣ о возникало по аналогіи случаевъ какъ короток (при коротка), силён (при сильна). Однако и въ доложнó и въ дóлог имѣемъ явленія въ источникѣ своемъ тождественныя; но въ однихъ говорахъ для его развитія не требовалось наличности тѣхъ благопріятствующихъ условій, которыя необходимы были для его развитія въ другихъ. Поэтому явленія эти могутъ быть разсмотрѣны одновременно, и поэтому же я не нахожу основанія относить ихъ къ числу тѣхъ, которыми опредѣлялись главнѣйшія діалектическія различія русскаго языка (ср. обзоръ ихъ ниже, въ VI отдѣлѣ). Какъ увидимъ ниже изъ приведенныхъ примѣровъ, они не чужды также малорусской и бѣлорусской области; выдѣлю однако особо случаи, отмѣченные какъ въ обѣихъ этихъ областяхъ, такъ и въ южновеликорусскомъ нарѣчіи, такъ какъ, согласно съ только что сказаннымъ, изслѣдуемое явленіе получило совершенно особое развитіе, особое распространеніе въ говорахъ сѣворнорусскихъ. Не стоитъ ли это обстоятельство въ связи съ болѣе позднимъ въ этихъ говорахъ сравнительно съ другими паденіемъ глухихъ?

§ 422. Явленіе, по которому искомныя tъrgъ, rъĺnъ (общесл. rьĺnъ) и т. д. измѣнились въ torog, roĺon, было впервые опредѣлено А. А. Потебней въ его трудѣ «Къ исторіи звуковъ русскаго языка», вып. I. Онъ назвалъ его вторымъ полногласіемъ,—терминомъ, который удержимъ и мы. Потебня, какъ мнѣ кажется, недостаточно точно ограничилъ предѣлы распространенія этого явленія. Во-первыхъ, онъ ошибочно отождествилъ съ полногласными сочетаніями (напр. въ долог, верёх) начертанія ъръ, ьрь, ьръ, ълъ древнерусскихъ памятниковъ. О такихъ начертаніяхъ сказано выше, въ

§ 314, при чемъ показано ихъ искусственное, графическое значеніе: второе полногласіе, что̀ такъ ясно изъ фактовъ живого языка, можетъ быть объяснено только въ связи съ паденіемъ полукраткихъ гласныхъ въ слѣдовавшемъ за сочетаніями ъг, ьг, ъ҃г слогѣ, и уже по тому самому начертанія ьрь, ъръ, ълъ въ Остр. ев., Сб. 1073 и др. не могутъ быть признаны за изображеніе полногласныхъ сочетаній: въ XI вѣкѣ паденіе глухихъ еще не имѣло мѣста; эти начертанія встрѣчаются при всякомъ положеніи въ словѣ, а не только передъ слогомъ съ ъ и ь. Во-вторыхъ, Потебня не обратилъ вниманія на эту именно связь второго полногласія съ паденіемъ глухихъ; между тѣмъ она ясно обнаруживается изъ того обстоятельства, что полногласныя сочетанія являются только въ закрытыхъ слогахъ (т. е. тамъ, гдѣ въ слѣдовавшемъ за такими сочетаніями слогѣ стояли нѣкогда полукраткія гласныя): мы увидимъ это изъ приводимыхъ ниже примѣровъ и дополнительныхъ замѣчаній. Не будь такого ограниченія, всякія вообще сочетанія ъг, ьг, ъ҃г перешли бы въ ъгъ, ьг҃ь, ъ҃гъ, и не было бы основаній для той утраты полногласныхъ сочетаній, которая, однако, оказывается явленіемъ общимъ всему русскому языку: *вълъкъ, *вълъка перешли бы въ *волок, *волока; ср. общій переходъ сочетаній ог, о҃г, ег въ ого, о҃го, е҃ге (явленіе перваго полногласія). Соображенія Л. Л. Васильева, предположившаго, что полногласныя сочетанія въ слогѣ не передъ слогомъ съ полукраткою гласной звучали (по принятой въ наст. трудѣ терминологіи) какъ ъгѣ, ьгѣ. ъ҃гѣ (съ полукраткими ъ, ь), между тѣмъ какъ въ слогѣ передъ слогомъ съ полукраткой гласной какъ ъгь, ьгь, ъ҃гъ (съ краткими ъ, ь), при чемъ первыя сочетанія измѣнялись въ ог, ег, о҃г, а вторыя въ ого, е҃ге, о҃го, — эти соображенія оставляютъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, почему въ древнихъ русскихъ памятникахъ, не нарушившихъ еще правильнаго употребленія буквъ ъ и ь, пишется ър, ъл, ьр. напримѣръ, въ словахъ вьрхоу, вълкъ, кърмити, и т. д., разъ второе полногласіе было общерусскимъ явленіемъ (однороднымъ и одновременнымъ съ первымъ полногласіемъ).

§ 423. Согласно предложенному объясненію второго полногласія, мы вообще не можемъ допустить измѣненія ъг, ьг, ъ҃г въ ъгъ, ьгь, ъ҃гъ даже въ качествѣ посредствующихъ сочетаній; второе полногласіе развивалось послѣ паденія глухихъ и вслѣдствіе этого паденія, слѣдовательно, мы исходимъ изъ сочетаній ог, о҃г, е҃г съ полудолгими плавными, сочетаній замѣнившихъ передъ слогомъ, утратившимъ ѣ или ѣ, исконныя ъг, ъ҃г, ь҃г. То обстоятельство, что мы имѣемъ не только о̀го, о̀҃го, ѐге въ результатѣ второго полногласія, но также и ого̀, е҃гѐ, о҃го̀ (напр. коро̀м, верёх, столо̀б), объясняется позднѣйшимъ перенесеніемъ ударенія, падавшаго на предшествующую плав-

ной гласную, съ этой гласной на слѣдующій слогъ, подъ вліяніемъ аналогіи со стороны сходныхъ образованій, представлявшихъ удареніе на послѣднемъ слогѣ. Такъ сто̀лоб—столба̀ естественно переходило въ столо̀б—столба̀ подъ вліяніемъ напр. глото̀к — глотка̀, като̀к — катка̀, и т. п. Удареніе словъ по̀лон. до̀лог, имѣвшихъ нѣкогда восх. удареніе, что̀ ясно изъ сербскихъ дȕг, пȕн, доказываетъ, что восходящее удареніе переносилось съ плавной на предшествующую гласную.

§ 424. Приведу примѣры для полногласныхъ сочетаній, располагая ихъ въ трехъ группахъ: древнерусской, совр. сѣверорусской и группѣ всѣхъ другихъ нарѣчій, включая сюда и древнерусскіе примѣры изъ южной и западной Руси. Сначала—тѣ слова, гдѣ полногласныя сочетанія находятся въ закр. положеніи, т. е. передъ слогомъ съ выпавшею полукраткою гласною.

Древнерусскій языкъ: боротной староста 1453 въ сп. XVII в. (А. А. Э. I № 53); веребиꙗ пед. Парем. 1271, 91d, на веребницю Ипат. 123 об.; поверѣиши Вопр. Кирика по Кормч. 1282, 529d; ѿверестъ Пчела XIV—XV (Временникъ, XXV, с. 91); за 500 верестъ за Кыевомъ Псков. 2-я подъ 6908; и заѧ ярославъ верешь на Торжьку Тверск. подъ 6724; все Поволожьѥ Новг. 1-я Синод. 84б; хотѧ горонци вести въ городъ Новг. 1-я Троицк. подъ 6497; Горончарьскъıи конець (въ Новгородѣ) Новг. 1-я Комм. подъ 6868; купи (или купилъ) одерень Двинск. гр. XV в. №№ 2, 8, 23, 24, 89, 103 и др.; даю... ѡдерень сѣ̄му гергью Рукоп. Клим. до 1270, даıхуть одрень вм. одерень Новг. 1-я Синод. 81б, 114б, ср. одернь Догов. Дм. Ив. 1372 (значеніе: въ полную собственность); подеренка Холмог. 1553 № XXXV; дологъ Гр. 1229 (сп. С. XIV в.), доложьнующе Новг. минея 1370 (Мат. Срезн.); дологъ (долгій) Цвѣтникъ 1665 г.; подологъ морѧ Палея 1477 № 210, 141 об.; корозно (плащъ) Пискар. сп. 1485 г. Елл. лѣт., 305 об.; короцму, короцмѣ Сильв. сб. XIV в. 30б; ѡцѣ ти оумерелъ Лавр. лѣт. 90а; безмоловиıа Новг. прол. 1262 (Собол. Лекціи); молоньı Лавр. лѣт. 20, 100, молоньѧ Ипат. 32б, молоньи им. ед. Уст. церк. XIV в. (Оп. Горск. и Нев. III, 1, 287); пересть сыпати Соф. 1-я по сп. XVI в. А. Н. подъ 988г.; наперестника вм. напересника Сказ. о Мам. поб. по сп. XVII в. (изд. Снегирева); Перемь Догов. Новг. 1264—1265; и пріѣхавъ же глѣбъ въ свои полокъ Ипат. 119б подъ 6654, полокъ Ист. палея XV в. (изд. Попова, 112); исполѡ̃ Рукоп. Всевол. Комм. 488; да полоть мѧса пополонка, ѡвцю пополонка, свинью пополонка Дв. XV в. №№ 30, 22, 19 и др.; и съкръı ѣ въ полостьници близъ шатра Новг. 1-я Синод. 89б; Серебь Лавр. 4; не блюдетъ смередъ Новг. 4-я (П. С. Р. Л. IV, 5), смородъ Новг.

4-я Новор. 234б; теренье Библія 1499 (Матер., 45); на Торожкоу Новг. дог. 1269—70. Торожкоу, Торожькоу Новг. 1-я Синод. подъ 1215, 1216, 1230; торожествуемъ Новг. тріодь XIV в. (Собол. Лекціи); челонъ Юр. сб. XIV в. (РД. II, 10); в Черемнѣмь мори Псков. прм. 1344 (Собол. Лекціи); череньци Новг. кормч. 1282, черенца Сильв. сб. XIV в., 26d, черенци, черенцовъ, черенцамъ Дв. XV в. №№ 1, 2, 12, 5 и др., о черенцѝ Богдан. злат. XVI в. (Л. Васильевъ); четвереть Дв. XV в. № 22: а ржи наша четверетка Псков. 2-я подъ 1422, четверетцею Новг. писп. I, 632: оусмы и шерестьми Чт. О. И. и Др. 1867, II, 208).

Совр. сѣверноруссная область: на́бередье (приборъ, въ который укрѣпляется бердо) Лодейн. (Кулик.); ку́веретью (кувыркомъ) Вытег. (Филим.), за́вереть (хвиль, вихрь) Псков. и Осташ. (Доп.), оберётка (большой ломоть хлѣба) Борович. (О. С. 112); верёх (при верха́) Новгор., Олон., Арханг., Псков. губ. (см. Изв. 1903 г.); верёхъ, на верёхъ Морш. (О. С. 164), ве́рехъ и верёхъ Арханг. (Подв.), ве́рёхъ и верёхъ Петроз. (прогр. № 34); Гверездка (назв. селенія) Гдов., Гверездно (назв. селенія) Луж., Кронштт.; го́роп (пригорокъ) Новгор. у. (В. Черныш.): одере́нь (напрасно, попусту) Бѣлоз. (прогр. № 172), во́дерень (совсѣмъ, вовсе) Верхотур. (Оп.), Нерч. (О. С. 181), Кем. (О. С. 181), Кем. (О. С. 5); про́дологъ (продолговатъ) Шенк. (Оп.); доложно́ Псков., Олон., Перм., Вят., Петерб., Арханг., Новгор. губ. (см. Изв. 1903), до́ложно Петроз. (Шахм.), при до́ложности Петроз. (Шахм.), доложникъ Псков. (Д.); желедь (тростинка, ср. желдь, водожелдь) Новорж. (Сл. А. Н.); жередь Псков. и Осташ. (Доп.), же́редья Петроз. (Шахм.); жерёнки (желудокъ, требухъ, рубецъ маленькихъ птицъ) Псков. и Осташ. (Доп.), жерёнки (сухіе мозоли) Псков. (Даль); жо́лонъ (колода, жолобъ) Сѣверн. (Даль); зереньё (зерна, зерновой хлѣбъ) Старорусск. (Доп.), зере́нье Псков. и Осташ. (Доп.); коромщикъ (кормщикъ, рулевой) Псков. (П. Якушкинъ, Пут. письма, 139); ко́ром и коро́м Новгор. у. (В. Черныш.), коромной (жирный, тучный, о скотѣ) Псков. и Осташ. (Доп.); смередное платье вм. смеретное Новолад. (Новг. сб. II); молонья́ Арханг., Волог., Олон., Псков. губ. (см. Изв. 1903), мо́лонья Новгор., Твер., Вят. губ. (ib.); молостви́къ Судог. (О. С. 25), Фамилія Молоство́въ (древнее *мълстъвъ, род. *мълстъва, ср. литовское milsztuvė̃, доёнка); смолость (коровье вымя) Волог., Вят. и др., ср. молсать (сосать); молость (непогодь) Нижегор. (Даль); Перемь Соликам. (прогр. № 181); перёсъ (перстъ) Пудож. (Шахм.), пе́рес Петроз. (Шахм.); поло́къ (полчокъ, кучка) Покров.-Владим. (Оп.); приполонъ (приплодъ) Уржум. (Магницк.); полонья́ Шенк. (О. С. 9); по на́середки Ладож. (Кедровъ въ Ж. С.); се́ренъ Петроз. (Шахм.), Порхов. (Евсѣевъ

въ Ж. С.), Новгор. (прогр. № 20); у́солонь, у́солонье (мѣсто, не освѣщаемое солнцемъ, тѣнь) Тихв. (Оп.); скатереть Арханг., Тихв. (Оп.), скатерётка Бѣлоз. (прогр. № 172); столо́бъ Псков., Петерб., Новгор., Олон. губ. (см. Изв. 1903); су́толомня, су́толомшина (возня, шумъ) Псков. (Доп.); дуботолокъ Вят. (Верещ.); за́толокъ (захолустье) Сибир. (Оп.), за́толочье Перм. (Оп.); по́торокъ (ударъ) Псков. и Осташ. (Доп.), ср. торкнуть, торкать; всу́терпъ (парѣчіе: насколько можно стерпѣть) Псков. (Доп.); холо́мъ, ср. Большой Холо́мъ, Малый Холо́мъ (назв. покосовъ) Новгор. у. (В. Чернышевъ), Захоломье Новоладож.; че́ревъ (червь) Осташ. (Доп.); черень (дубовый лѣсъ, чернолѣсье) Порх. (Доп.); черемный (рыжій) Сольвыч., Вят., Сибир. (Оп.), чере́мный Вят. (Верещ.), черемнуха (родъ кори) Псков. и Осташ. (Доп.); четвереть Кем. (прогр. № 104), Опеж. (прогр. № 41); чо́лопъ Пудож. (Кулик), Новгор. (Каринскій, Р. Ф. В. 1898); па́щелокъ Вят. (Доп.), ср. щелкнуть; пришело́пъ (приморская береговая возвышенность у подошвы горы) Арханг. (Подв.) вм. прищелобъ, ср. малор. щовб, у́щовб (скала, утёсъ); четве́регъ Вятск., Перм., Олон., Новгор. губ. (см. Изв. 1903).

Прочіе южновеликорусскіе говоры, а также малорусская и бѣлорусская области. Памятники: в доложь гр. 1400 (А. Ю. З. Р. I № 6), жолоткомъ яець (желткомъ) малор. лѣчебн. XVIII в. (изд. Потебни въ К. С. 1890), оумеретвиа Полик. ев. 1307, до оумеретвыа Иродова Пут. ев. 233, молоньа Кіевск. псалтырь 1397 (Собол. Лекціи), пересть западнор. сп. Библ. кн. XVI в. Вил. № 262 (Перетцъ, Нов. труды о живовствующихъ, с. 38). Современный языкъ: болозни, болузни (мозоли) Ряз. (Диттель въ Ж. С. II, 206), ср. словенск. bȏlzen, bȏlzni: трещина, щель; веревка Великор., віровку Кіевск. (Рудч.), верьовочку Звенигор. (Рудч. II, 139), ср. малор. вервечка; горон Александр.-Екатериносл. (Драгомановъ, Малор. нар. пр. и разск. 126); горость Мещов. (В. Черныш.); задерёжка (занавѣсъ у окна) Тул. (Оп.), раздерёжный (веселый) Обоян. (Доп.); дологъ Великор.; волонки фунтикъ, уменьш. отъ во́лна шерсть (Ѳ. И. Поликарповъ въ Пам. кн. Вор. губ. 1906), во́лонку острыги, во́лонку продай Бѣльск.-Смол. (Пляшкевичъ, Великор. ск., изд. Г. О.); жеревни́къ (пищеводъ) Малор. (Желеховскій); жеренки (ручная жерновка и рачьи жерновки) Смол. (Даль), жере́нцы (уменьш. отъ жорны) Бѣлор. (Носовичъ); джоло́нка (дятелъ) Малор. (Желеховскій), ср. желна́; жо́рость (жерздь) Новоросс. (Слов. Ак. Наукъ); зеренце́ (зёрнышко) Малор. (Желеховскій), зере́н Бродск. (Етн. зб.); волошебникъ Лубенск. (Етн. зб. XIV, 54); ко́ромъ Дон. (Соловьевъ), Украин. (Шимановскій); кочере́жка Малор. (Желеховскій), кочере́жка, кочере́жникъ Бѣлор. (Носовичъ); мылання Новоалекс.-Ков.

(прогр. № 14), Витеб. (прогр. № 18), молодня́, Бѣлор. (Носовичъ), мо́ланья и маланья́ Курск. (Обз. Колосова), молонье́ Крапив. (прогр. № 85), Ефрем. (прогр. № 173), мо́лыдня Ельн. (Добров. I, 510), мо́лоння бѣлор. (Носовичъ), маланья́ Слуцк. (Чудовск. въ Р. Ф. В. 1898); р. ед. маластва́ отъ маласто́фъ Ряз. (Диттель въ Ж. С. VIII, 210): ополонка Шевч. 28; по́лость Богор.-Тул. (Будде), Болхов. (Сахаровъ) и др.; папереть Новг.-Сѣв. (Черн. Г. В. 1860 № 17); по́рос вм. по́роск (горячіе уголья) Малор. (Желеховскій); полонъ Великор.; по́рушни, мн. отъ поршень Астрах. (Даль); по́солонь Малор. (Желеховскій); терѣнь (тёрнъ) Новоград.-Вол. (Zb. VII, 219. 222); скатирёткыю, скатяретку Ельн. (Добров. Э. С. I, 599); смерётный Бѣлор. (Носовичъ), смеретныя одежды Бѣлор.-Сакуны (П. А. Сербовъ): твёредъ Мещов. (В. Черныш.), тьвередъ Коротоякск. (Путишевъ въ Пам. кн. Вор. губ. 1905): та́воложка Самар. (Доп.), таволо́жник (Spiraea crenata) Малор. (Шейковск.); толо́чный парень (дошлый, бывалый) Ряз., Пенз. (Даль), бе́зтолочь Великор., то́лок (толкъ, умъ) Александр.-Екатериносл. (Драгомановъ, Малор. нар. пр. и ск., 79); то́ронъ Сарат.; те́ренъ Великор. (Далъ); че́ряфъ Касим. (Будде); городъ Че́рень Одоев. (Будде); в свій че́рег Малор. (Желеховскій), поче́режно (Кв. II, 173); чало́нъ (челнъ) Курск. (Халанск. въ Сб., т. 76, с. 53).

§ 425. Необходимо отмѣтить, что въ рядѣ случаевъ полногласное сочетаніе стоитъ не передъ исконнымъ слогомъ, утратившимъ полукраткую гласную, а передъ слогомъ съ гласною полнаго образованія. Безъ всякаго сомнѣнія во всѣхъ такихъ случаяхъ имѣемъ дѣло съ новообразованіями типа, разсмотрѣннаго нами выше въ §§ 387 и сл.: о, е послѣ плавной перенесены изъ родственныхъ образованій. Такъ форма имен. ед. съ о, е вызываетъ вставку этихъ гласныхъ въ косв. падежахъ; это является общимъ правиломъ въ словахъ ж. р. на ь; при за́вереть, же́редь, жо́рость, бе́зтолочь, ко́ромь, ска́тереть, по́лость и др. находимъ за́верети, по́лости, а не заверти, полсти; рѣже найдемъ то же въ словахъ м. р.: холомы́ Псков. и Осташ. (Доп.), съ столобомъ Новгор. (П. Якушкинъ, Путев. письма, 120), до верёха Пинеж. (Тр. Этн. Отд. V, 2, 257), терену́ малор. (Smal Stockij въ Archiv VIII, 245), безъ у́толоку (безъ толку) Волог. (Оп.), на́толокомъ при на́товкомъ (биткомъ) Бѣлор. (Носовичъ). Далѣе уменьшительныя, согласно § 390, сохраняютъ о, е того слова, отъ котораго они произведены: холомо́къ Псков. и Осташ. (Доп.), челопокъ Арханг. и Тихв. (Оп.), столобокъ Луж. (Каринскій въ Р. Ф. В. 1898), горобо́к гуцульск. (Собол. Лекціи) подъ вліяніемъ гороб; смерётушка, до смерёдушки Новолад. (Новг. сб. II) подъ вл. смерётка. Имен. падежъ получаетъ о, е изъ косвенныхъ въ случаяхъ, какъ Торожокъ Новг. 1-я, 45,

пополонокъ Дв. гр. XV в. №№ 29 и 110, перестень Чудовск. сб. XIV в. (В. Н. Щепкинъ въ Библ. мат. А. Н. Попова), жолотокъ Сб. Рум. № 358, л. 267, Волоховець при Волховцю Молд. 1421 г., быть можетъ, вмѣсто Волохвец, Волховцю, шерешень Малор., доложоп Нолипск. (О. С. 52), молостов; голобец Кашин. (Оп.) и го́лубец Кинеш. и др. вмѣсто го́лбец, подъ вліяніемъ го́лобца. Тоже въ формѣ сравн. степени подъ вліяніемъ положительной: тало́ше Новорж. (прогр. № 39), толо́шѣ Псков. (Доп.) подъ вліяніемъ *толост; тверя́же Холмск. (Обзор Колосова, 39), тве́реже Новгор. (В. Чернышевъ) подъ вліяніемъ тверед. Наконецъ, полногласныя сочетанія проникаютъ и въ другія категоріи случаевъ: шерести́ть Перм. (Доп.) въ значеніи мѣнять лошадь на лошадь, ср. перешерсти́ть: перемѣпить Болхов. (Сахаровъ въ Сб. II Отд., т. 68); тверёдить и тверёди́ть, утверёдить (утрудить) Псков. и Осташ. (Доп.) отъ тверед; солоновосходъ, солоноворотъ Уржум. (Магницк.), солонова́ть (ходить посолонь) Сѣверн. (Даль), перещатка (при перщатка) Пудож. (Кулик.) подъ вл. перест; быть можетъ, сюда же сполонилсѧ башеть днѣпръ Ипат. 227б, ср. spowenýw (наполнилъ) Бойк.-Стр. (Zb. X, 6).

§ 426. Кромѣ указанныхъ въ предыдущемъ § случаевъ, легко объясняемыхъ аналогіей, находимъ второе полногласіе передъ слогомъ съ гласной полнаго образованія въ нѣсколькихъ случаяхъ, не поддающихся подобному объясненію. Въ древнихъ памятникахъ, гдѣ не исключена возможность графическаго, искусственнаго явленія, находимъ напр. бороздо Ипат. 394б (1172 годъ) вм. борзо; далѣе оберетѣвше Ж. Бор. и Гл. Сильв. сб. XIV в.; городость Зап.-русск. Четія 1489 г. (Карпинскій въ Р. Ф. В. 1890). Въ совр. языкѣ: ве́рево (вервь) Вят. (Оп.); быть можетъ, верёха (толстая жердь) Астрах. (Оп.), (древко стрѣлы) Нижнекол. (Богоразъ); полону́шка (сборъ разныхъ сельскихъ произведеній) Новотор. (Оп.); сте́рево вмѣсто сте́рво у Номиса (Желеховскій). Число подобныхъ случаевъ настолько ничтожно, что исключаетъ всякую возможность поколебать выше выставленное положеніе объ условіяхъ появленія второго полногласія.

§ 427. Распространенность полногласныхъ сочетаній на мѣстѣ исконнаго ър, слѣдовательно, въ чередованіи съ ор, была причиной появленія ор, ол при оро, оло иного происхожденія, а именно въ сочетаніяхъ, вызванныхъ первымъ полногласіемъ. Сюда относится напр. Полтескъ вм. Полотескъ (Полотьскъ), ср. назв. рѣки Полоты; такую форму находимъ, напр. въ Гр. Владисл. 1387 (Пам. Ср. 266); въ Лавр. лѣт.: в полтескъ 100 при в полотьскѣ ib., и мн. др. Очевидно, Торжок при Торожку, чернец при черенца и т. п. вызывали Полтеск при Полотска.

Примѣчаніе 1. Слово золовка при сербск. заова не представляетъ полногласнаго сочетанія, ибо оно восходитъ къ зълъвъка; о словѣ беревно сказано выше, въ § 384; сверéбить Осташ. представляетъ первое полногласіе, ср. сворóбить; гуцульск. долобати точно также представляетъ первое полногласіе, ср. долотó, а также малор. прúдолоб, прóдолоб (плужное дышло), древнерусск. надолобомъ дат. мн. въ Новг. 1-й Синод. подъ 1238, и др. (при надолобъ существовало надолбъ, ср. надолбомъ Акад. Сузд. подъ 1238). Толонуть, деренуть могли возникнуть подъ вліяніемъ другихъ образованій на -онуть, какъ двигонуть. Остолопъ при ослопъ для меня неясно; объяснить ослопъ изъ остълпъ, ср. стълпъ, представляется невѣроятнымъ, ибо о въ первой части полногласнаго сочетанія вообще никогда не выпадаетъ; ослопъ, думаю, надо отдѣлить отъ остолопъ, а послѣднее можетъ быть возведено къ остълпъ; отмѣчу остолóбъ: Уржум. (Магницк.); ср. малор. стовп при стовб. См. о словѣ остолопъ статью А. И. Собол. въ Ж. М. Н. П. 1897, № 7.

Примѣчаніе 2. Въ нѣсколькихъ случаяхъ видимъ въ малор. и бѣлор. замѣну о черезъ е въ разсматриваемыхъ сочетаніяхъ; ср. напр. czowen, powen Новоград.-Вол. (Zb. VII, 181), na czowenok (ib. 176), у горенъ Кіевск. (Рудч.), горен Бѣлор.; также указанное выше spowenўw Бойк.-Стр.

Измѣненіе гласной передняго ряда, вызванное вліяніемъ предшествующей твердой согласной.

§ 428. Случаи подобнаго измѣненія возникали, напримѣръ, при встрѣчѣ конечной твердой согласной одного слова съ гласною і въ началѣ слѣдующаго слова; результатомъ такой встрѣчи должно было бы быть смягченіе согласной; но вліяніе аналогіи могло удерживать ея твердость, и это имѣло слѣдствіемъ переходъ і въ у: s ivy переходило въ s yvy. Соединеніе s ivy могло въ свою очередь имѣть двоякое происхожденіе: sъ ivy и sў ivy; второе сочетаніе замѣняло первое при большемъ сближеніи предлога съ слѣдующимъ словомъ, въ силу разсмотрѣннаго въ § 337 процесса; вслѣдствіе закона объ утратѣ полукраткихъ оба сочетанія измѣнялись въ s ivy.

Приведу примѣры: в ѣстобъку Рижск. гр. ок. 1300, в ѣстобцѣ Ипат. 186б, в ѣноую землю Гр. ок. 1230, в ѣнъ законъ Лавр. 72, в ѣлмерь ib. 5. в ѣноѥ зѣмли Гр. 1189—1199 (сп. ок. 1263), из ѣного Гр. 1391—1425 (А. Кал. I № 31), с ѣгуменом 1433 (А. Кал. I № 31), с ѣстокоу̑ 1432—43 (Г. Др. I, р. IV, № 5), с ѣноною 1490 (А. Кал. II № 156, 160) без ѣс-

правы 1462—63 (А. Кал. I № 31), в ыванов̀ское рпсь XVI в. (Русск. Дост. II, 78), в ыстинну бе³росту Суд. Ив. Вас. Упд. XVI в., 63а, в ѣрода мѣсто Рум. ев. XIV в. № 8, 18в, с ѣыви Дв. XV в. № 27, с ѣвашомъ Дв. XV в. № 18, в ѣпъ городъ Гр. 1229 (D), в ыпа̄евъ 1442—43 (С. М. № 32-376), в ыконниче 1525—62 (С. М. 35-298), с ысаина мо̑к8 на ель Межев. XV в. (П. Б.). Изъ совр. языка великор. приведемъ не только: вызбу, сылом, сыной стороны, безывана, но также знал ымя, этот ыл, сам ы пошол.

Также въ серединѣ слова,—но въ относящихся сюда случаяхъ переходъ и въ ы можетъ восходить къ старшей эпохѣ, предшествовавшей паденію глухихъ, въ особенности въ сложныхъ съ предлогами въз, из, роз, издавна утратившими ъ (ср. § 328); но въ подымать 1464—1501 (А. Ист. I № 80), взъискалъ Дв. XV в. № 77, изъискали Гр. Θеокт. п. 1300, подыскать, отыграться у можетъ восходить къ і подъ вліяніемъ согласной, потерявшей за собою ў (podўimatĭ при podўimati).

Примѣчаніе 1. Въ случаяхъ, какъ ув ыгната Гр. Новг. ок. 1360, оу въгумновъıхо дѣтеі Дв. XV в. № 26, видимъ переходъ і въ у послѣ согласной v, развившейся изъ u; случаи эти возникли, слѣдовательно, независимо отъ паденія ъ въ силу § 328.

Примѣчаніе 2. Книжному вліянію обязаны написаніе и произношеніе, какъ ѡтимаѥть Гр. ок. 1130.

§ 429. Звукъ e, оказавшись вслѣдствіе утраты передъ нимъ ў, послѣ твердой согласной, измѣнялся въ звукъ ė средняго ряда, подъ вліяніемъ этой согласной. Сюда относятся разсмотрѣнные въ § 363 случаи, какъ kuрiiѣ, vźaѣ, вм. kuрiiўe, vźaўe, а можетъ быть и непосредственно изъ kuрiiўi̯e, vźaўi̯e, при чемъ i̯ (j) исчезало послѣ твердой, не подлежавшей смягченію согласной.

§ 430. Звукъ ѣ (ie), оказавшись вслѣдствіе утраты передъ нимъ ў, послѣ твердой согласной, измѣнялся, повидимому, въ дифтонгъ уė. Это имѣло мѣсто въ діалектическихъ образованіяхъ им.-вин. мн. въ сложномъ склоненіи прилагательныхъ: ḿiўѣ, dobrўѣ измѣнились въ ḿiѣ, dobrѣ, откуда miўė, dobryė, ср. малор. милі, добрі, чорні, руді (съ твердыми согласными передъ і), также бѣлор. добрэ, безхвостэ Слуцк. (Чудовск. въ Р. Ф. В. 1898); бѣлор. э такого происхожденія переносилось затѣмъ по аналогіи въ склоненіе сущ.: им.-вин. мн. сватэ, дварэ Слуцк. (ib.), валэ Зап.-Гродн. (Р. Ф. В. 1901, 3—4). См. § 363.

Появленіе новыхъ сочетаній гласныхъ съ согласными и согласныхъ между собой.

§ 431. Паденіе полукраткихъ гласныхъ имѣло слѣдствіемъ появленіе закрытыхъ слоговъ, почти неизвѣстныхъ въ предшествующую эпоху, когда допускались только такіе закрытые слоги, которые оканчивались на плавную, и при томъ въ серединѣ слова. Теперь появились согласныя и въ концѣ слова: mir, vol, nos, syn, rot. ideť и т. д.: также группы согласныхъ: torg. volk, śeťp, vosk, vizg. gośť, tolst, ťьrn и т. д. Отпаденіе согласныхъ послѣ гласныхъ въ концѣ слова вообще не имѣло мѣсто; впрочемъ, оно допускалось въ нѣкоторыхъ слабоударяемыхъ словахъ: ср. бо въ великор. спасибо, непосредственно изъ спасибоу, малор. спасибі, дальбі, также теперь изъ теперев (а это согласно § 421 изъ ťeрьгvѣ. ср. чешск. tepry); отсюда великор. теперя, малор. тепер, тепере, тепера, топер.—Звонкость согласныхъ въ концѣ слова, повидимому, сохранялась долго, исчезнувъ только въ позднѣйшія эпохи: ср. сохраненіе звонкости въ совр. украинскомъ нарѣчіи (въ вост. его говорахъ), а также въ нѣкоторыхъ великорусскихъ: углицкомъ (Н. Шляковъ), яренскомъ. костромскомъ (Н. Виноградовъ).—Равнымъ образомъ только въ болѣе позднія эпохи наступало отвердѣніе конечныхъ согласныхъ, за которыми слѣдовалъ нѣкогда звукъ ь: такъ мягкое m въ 1 л. ед. и въ тв.-мѣстн. ед. можно указать въ великорусскихъ говорахъ еще въ XIV вѣкѣ. ср. напр. въ Дух. Калиты 1328 г. (никимь, цѣлымь и др.), или въ Полоцк. гр. ок. 1330 (пудшмь, товаромь, своимь, с мѣштеремь), въ Смол. гр. ок. 1300 (съ ѡтцѣмь моимь глѣбомь і с моимь стрыемь Федоромь), также въ гр. Олега Ряз. Богород. монастырю послѣ 1356 (передъ бо̃мь, ни ѡ которомь же дѣлѣ, съ своимь ѡц̃емь и др.), Смол. гр. 1284 (пискоупомь, мастеромь, гоцьскомь, дворомь, армановичемь), Смол. гр. ок. 1230 (мечемь, кназемь, смолнанином, гътьскъмь), въ Полоцкихъ двухъ гр. ок. 1265 (кымъ въ одной изъ нихъ можетъ быть опиской), въ литовскорусск. гр. 1349 (-мь десять разъ, а -мъ два раза, м. б., по винѣ издателя), въ Троицк. сп. Русск. Пр. XIV в., въ Лавр. лѣт. (здѣсь непослѣдовательно). Отвердѣніе t въ 3 л. обнаруживается въ сѣверновеликорусскомъ не раньше XIII вѣка.

§ 432. Группы согласныхъ въ концѣ слова подверглись упрощенію. По общему правилу здѣсь оказывались терпимыми только сочетанія плавная+шумная и плавная+носовая (polk, gord. veix, volu, ćorn); далѣе сочетанія шумныхъ: фрикативная+мгновенная (gorazd, groźď. post, kośť. isk, ďazg). Сочетанія шумная+плавная ť были нетерпимы еще въ древнерусскомъ, что можно заключить изъ согласныхъ данныхъ совр. русскихъ нарѣчій, гдѣ находимъ: великор. пёк, сёк, лек (вм. лёг), вёс (вм. вёз), пёс, бѣлор. прынёс, мох, малор. пік, ніс, віз; сочетаніе гť перешло въ г: великор. умер, тёр,

малор. тер. Если рядомъ находимъ, напр., въ русскомолдавскихъ грамотахъ XV в. моглъ, оутеклъ, то это зависѣло, вѣроятно, отъ параллельнаго существованія формъ на oĺ, ср. выше, § 369. Однородно измѣненіе bĺ въ концѣ слова въ b: на кораб Лубенск. (Етн. зб. XIV, 73), великор. корап, рун. Сочетаніе tr перешло въ t въ великор. Пѣт; br въ b: великор. доп (изъ доб).

§ 433. Въ началѣ слова отмѣчу слѣдующія новыя сочетанія согласныхъ, неизвѣстныя въ старшую эпоху: kt (kto), gd (gdѣ, gd'e), pt (птица), bd (бдѣть), št (штп, р. отъ шесть), dč (дчерь 1459 А. Кал. I № 84), čt (что, чту), čť (чтп), žd (ждать), žb (жбанъ), zd (zd'e), ps (псать, псана, псалъ Гр. 1284 Р. Л. А.), dx (дхорь), šv (шва), žv (жвать); tĺ (тло), tĺ (тлѣть), dĺ (длина), šĺ (шлп), šĺ (шла), dn (дно), dń (дни), tm (тьма), dm (дму), šm (шмель), žn (жну), žń (жнець), žm (жму), žḿ (жмп), žr (жрать), žŕ (жрець), čĺ (члп), čĺ (чла), cr (въ неясномъ этимологически цреп при церен). Далѣе — сочетанія плавная + шумная: rp (рпотъ), rv (рвать), rz (рзати), rž (ржи), rk (рку), rč (рчеть), rt (рта), rd (рдѣть); ĺp (льпять), ĺb (лба), ĺg (льгота), ĺg (лгу), ĺź (льзя), ĺn (льну), ĺń (льни), ĺv (льва), ĺv (львица), ĺž (лжи). Сочетанія носовая + плавная: mr (мру), mŕ (мри), mĺ (млѣть). Сочетанія mn (много), mń (mńѣ). Сочетаніе m + шумная: mž (мжить). Сочетанія vĺ (влить), vĺ (вломиться), vr (врыть), vŕ (врѣть), vn (внушить), vń (внѣ), vm (вмѣстѣ), vm (вмазать), vt (второй), vd (вдова), vš (вши).

Сочетанія изъ трехъ согласныхъ: bzd (бздѣть), psĺ (Псла, р. отъ назв. рѣки Псёлъ), čxn (чхнуть), pxn (пхнуть), dbr (дбрянеск).

§ 434. Въ начальныхъ группахъ происходили ассимиляціонные процессы. Такъ глухія становились звонкими передъ звонкой: čban перешло въ žban, sdorov въ zdorov, kd'e въ gd'e, śd'e въ źd'e. Звонкія становились глухими передъ глухой: dska перешло въ tska, cka; bčóła перешло въ pčóła (въ малор. иное измѣненіе: bč перешло въ bž—бджола); dšč перешло въ tšč, откуда čč и č (дъщанъ перешло въ чан). Далѣе čs—въ č (чтит); šs въ š (шти р. ед. отъ шесть); ts въ c (цти, цтя изъ тьсти); dbŕ въ bŕ (Брянск); sr въ str (стрѣтенье, стрѣте Пут. ев. 109); zr въ zdr (здря); ṕṕ въ ṕ (перец); pt въ t (таз изъ пьтазъ? ср. 4 птаза мѣдныхъ: Опись имущ. гетм. Ив. Самойл. 1690, Р. И. Б. VII, 1044).

§ 435. Въ серединѣ словъ возникали частью тѣ же сочетанія, что въ концѣ слова и въ началѣ его, частью еще и другія. Отмѣчу въ особенности сочетанія плавная + носовая и сочетанія плавная + шумная согласная; кромѣ ор, ол, ер изъ ъг, ъĺ, ьг, приведу напр.: горка, печерка, вѣрный, горько, старца, мѣрка, жарко, жирно; палка, бѣлка, мѣлко, тѣлка, сильно, стольный, мыльный, польскій и т. д. Далѣе tĺ, tl, dĺ, dl: котлы, утлый, седло, ветла,

петля, подлый, свердло. Затѣмъ сочетанія d. t съ носовыми: пятно, полотно, видно, очередной, вѣдьма, седьмой. Сочетанія носовая + шумная согласная или + группа шумныхъ: гонца, лунка, соломка, пелёнка, пенька, Смоленска, деревеньской, конской. Сочетаніе v + согласная или группа согласныхъ (только діалектически, ибо въ извѣстной части говоровъ вмѣсто v въ такомъ положеніи было извѣстно u̯): овца, овса, ровной, ивановской. Сочетанія šn, žn: страшный, нужный. Сочетанія ṕć. t́ć или ć́ć, ść: kuṕća, oćća, kośća: pć: korću. Сочетаніе ć́k изъ d́sk. t́sk, ć́sk: тысяцькъмь гр. 1257—59, немецкъмоу ib.; великор. люцкой, дѣцкой, грецкой, гороцкой. Сочетаніе śsk: по мушски. Сочетаніе śk: руськый, и др.

§ 436. Здѣсь видимъ также ассимиляцію звонкихъ глухимъ и глухихъ звонкимъ: хрепта вм. хребта, скрешта вм. скрежта; трижды вм. тришьды: вездѣ вм. вьсьде, вьсьдѣ.

Сочетаніе ć́n рано перешло въ šn: рушной, молошный. Сочетаніе ść послѣ согласной переходитъ въ ć: перчатка, или въ ś: горшок изъ гърньцькъ.

Вмѣсто rn + согласная и ln + согласная является n + согласная: гончар вм. гърньчарь, сонцо вм. сълньце; діалектически и lc вм. lnc: солцо и сонцо Шенк. (О. С. 9.).

Сочетаніе śĭ изъ sъĭ сохранялось безъ измѣненія, напр. слѣзу, слить: что до такого случая, какъ шлите Гр. 1285 (Р. Л. А.), Гр. 1281—97 (ib), пошлю Гр. 1362—89 (Р. Др. I, р. IV, № 2). шлѧ Ипат. подъ 1116, и т. д., то ш вмѣсто с явилось здѣсь подъ вліяніемъ аналогіи (ср. прислите Новг. 1-я, 115в).

Сочетаніе dm изъ dьm, d̓m сохраняется: великор. седьмóй, ср. сказанное въ § 385; dn также сохранялось и только діалектически переходило въ nn: на опнои лодьи 1441—54 (Г. Др. I, р. IV, № 6).

§ 436[1]. Согласная, потерявъ за собой ъ и оказавшись передъ мягкой согласной, должна была смягчиться. Укажу рядъ случаевъ, гдѣ смягченіе согласной выражено въ памятникахъ буквой ь за согласной. Губныя и губнозубныя: вьзѧ Добр. ев. 17d, вьзѧша 98a; вьзати Гал. ев. 1144, 84в, вьзѧша 55в: вьзѧтъ Парем. 1271, 142a; вьзѧтъ Поуч. Конст. Болг. 242a, любьви 161в, мьнѣ 53в; любьви гр. ок. 1265 (Р. Л. А.), любьве Полик. ев. 6c, мьнѣ 6c, ропьщють 9c; вь вѣкы Гр. 1229 (сп. F), вьпишеть Юр. сб. XIV в. (Р. Д. II, 198), вьзищеть ib. 192, вь великыи ib. 152; ропьщють Лавр. 18; вь ꙗрославль Данн. ок. 1392 (С. М. № 18), вьежаю гр. 1483 (Г. Др. I, р. IV, № 10), вь еловѫю Новг. рядн. XV в. (С. М. № 15), вь ꙗколи, вь еремѣевъ ib. Зубныя: сьвѣдѣтель Поуч. Конст. Болг. XIII в., 192d; сь шимь Ев.

1092 128b, притьчю 132b, сълю 164a; дънѣстръ Лавр. 3; изъıснить рпсь 1296 г., 66b; прѭшедъшихъ 164a, съмѣренıѥмь 83a; изъѣлъ Юр. сб. XIV в. (Р. Д. II, 237), съ серебро̑ Данн. 1425—62 (С. М. № 37); съ Яковцемъ гр. 1459 (А. Кал. I, № 84), зь еловои грани Новг. рядн. XV в. (С. М. № 15).

§ 436². Мягкая по причинѣ слѣдовавшаго за нею ь согласная могла отвердѣвать передъ слѣдующею твердою согласною; особенно часто видимъ такое отвердѣніе зубныхъ передъ слѣдующими твердыми зубными; рано явилось напр. произношеніе krasnyi̯ вм. kraśnyi̯, rodnyi̯ вм. rod'nyi̯. Но нерѣдко сохранялась мягкость подъ вліяніемъ словообразовательныхъ причинъ. Напр., видимъ мягкую согласную передъ н древняго суффикса -ын на лѣтьнои сторони Дв. XV в. (б. м., подъ вліяніемъ паралл. формы лѣтнии), волостьнои гр. 1471 (А. Кал. I № 31), дворьныи ок. 1460 (А. А. Э. I, № 64), волостьными гр. 1462—63 (А. Кал. I, № 53), чтьнаго (т. е. честьнаго) гр. 1447—56 (А. Кал. I № 31). Также передъ ск суффикса -ьск: мягкость губныхъ, напр. кузпечовьскаѧ Дв. XV в., гаврилковьскаѧ ib., ншконовьскою 1448—68 (А. Кал. I № 63), уломьскую ок. 1460 (А. А. Э. I № 64), ерусалимьская 1437—60 (ib. № 35), кистемьскые 1462—66 (А. Кал. I № 31, XVII), земьскїи 1395 (А. Кал. I № 53), переяславьскые 1432—43 (А. Кал. I № 31); колпьской 1554 (А. Ю. № 150). Мягкость звука н: словѣньско̑ 1395 (А. Кал. I № 53), егоньскую 1462—63 (А. Кал. I № 31), старостиньскую до 1485 (А. Ю. № 156, VII). Мягкость звука р: дворьскому 1432—43 (А. Кал. I № 31), Прохорьскои 1490 (А. Кал. II № 156), боярьскые 1462—66 (А. Кал. I № 31, XVII), лютозерьскые до 1453 (А. Ю. № 101). Передъ ств суффикса -ьство: душегубьства 1432—43 (А. Кал. I № 31).

§ 437. Сочетанія согласная +i̯, явившіяся въ результатѣ измѣненія сочетаній согласная +ĭi̯, и сочетанія согласная +j, явившіяся въ результатѣ измѣненія сочетаній согласная+ĭj, совпали въ однихъ русскихъ нарѣчіяхъ (тѣхъ, что легли въ основаніе великорусскаго нарѣчія) въ сочетаніяхъ согласная+i̯, а въ другихъ (тѣхъ, что легли въ основаніе малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій) въ сочетаніяхъ согласная+j. Сочетанія согласная+i̯ сохраняются въ великорусскомъ нарѣчіи до сихъ поръ: kátańe, myťó, bráťa, svaťá; сочетанія же согласная+j перешли въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ, въ результатѣ ассимиляціи j предшествующей согласной, въ сочетанія двойная мягкая согласная: малор. свиння, життя, каміння, бѣлор. суддзя, колля.

Отдѣлъ VI. Древнерусскія нарѣчія.

§ 438. Несомнѣнно, что еще въ составѣ восточной вѣтви общеславянскаго праязыка существовали діалектическія отличія: такія же разновидности представлялъ, конечно, и общерусскій праязыкъ даже въ самомъ началѣ своей обособленной отъ прочаго славянства жизни. Но возможно, что не эти древнѣйшія діалектическія дѣленія легли въ основаніе послѣдующаго раздѣленія русскаго языка на нарѣчія. Въ настоящемъ отдѣлѣ мы остановимся главнымъ образомъ на тѣхъ особенностяхъ, которыми опредѣлялись древнѣйшія русскія нарѣчія, нашедшія себѣ продолженіе въ современныхъ нарѣчіяхъ русскаго языка. Но предварительно скажу о нѣкоторыхъ діалектическихъ отличіяхъ, не лежащихъ въ основаніи позднѣйшаго и современнаго намъ дѣленія русскаго языка. Это перенесетъ насъ въ періодъ общерусскаго и даже отчасти общеславянскаго единства. Изученіе же другихъ діалектическихъ отличій, характеризующихъ еще и теперь отдѣльныя вѣтви русскаго языка, приведетъ насъ къ тому періоду, который мы опредѣлили какъ древнерусскій. Въ это время сложились уже географическія и связанныя съ ними культурныя и экономическія грани между отдѣльными частями русскаго племени, но грани эти еще не знаменовали собою полнаго распаденія и не опредѣляли обособленности однѣхъ частей отъ другихъ. Въ предыдущемъ отдѣлѣ мы разсматривали паденіе глухихъ: оно совершилось послѣ распаденія русскаго языка на нарѣчныя группы; это видно изъ хронологіи самаго явленія, ибо въ XII вѣкѣ русскія племена были настолько разъединены географически, что невозможно допустить языкового между ними единства; это видно также изъ нѣкоторыхъ явленій, сопровождавшихъ паденіе глухихъ и обнаруживающихъ существованіе между русскими нарѣчіями тѣхъ самыхъ отличій, которыми опредѣляется ихъ обособленность и теперь (ср. различную судьбу сочетаній согласная + слоговая плавная + неслоговое ъ или ь въ началѣ слова; далѣе судьбу звуковъ въ слогѣ передъ слогомъ, утратившимъ полукраткую гласную,—о и е полудолгихъ, съ одной стороны, у и і краткихъ, съ другой). Тѣмъ не менѣе и время паденія глухихъ и результаты вызванныхъ имъ измѣненій оказываются общими для всего русскаго языка. Обращаясь къ явленіямъ морфологическимъ, увидимъ, что многія изъ нихъ относятся несомнѣнно къ эпохѣ не ранѣе XII вѣка, а между тѣмъ они объединяютъ всѣ русскія нарѣчія между собой. Слѣдовательно, и въ XII вѣкѣ, несмотря на рѣзко обозначившіяся діалектическія отличія, русскій языкъ еще не утратилъ своего единства; исторія отдѣль-

ныхъ русскихъ нарѣчій можетъ начинаться съ момента фактическаго распаденія русскаго племени, слѣдовательно, съ VIII и IX вѣка; но исторія русскаго языка, какъ единаго цѣлаго, не можетъ ограничиваться этими эпохами: она захватываетъ и XI и XII вѣкъ, ибо, какъ указано, и въ это время единство не было порвано окончательно, оно поддерживалось внутреннею связью между расщепившимися уже частями. Періодъ IX—XII вѣка — это время, когда создавались различія въ языкѣ русскихъ племенъ, успѣвшихъ разойтись въ IX еще вѣкѣ территоріально. Какъ указано во введеніи, къ IX—XII вѣкамъ не можетъ быть возведено существованіе тѣхъ нарѣчій, которыя видимъ теперь: великорусская народность сложилась изъ соединенія двухъ племенныхъ группъ, нѣкогда разъединенныхъ—сѣверорусской и восточнорусской; бѣлорусская народность обнаруживаетъ спайку также двухъ старшихъ племенныхъ группъ, изъ которыхъ одну, по ея близости къ совр. малорусской, опредѣляемъ какъ южнорусскую, а другую, по ея близости къ совр. южновеликорусской, какъ восточнорусскую. Такимъ образомъ современныя три русскія нарѣчія, великорусское, бѣлорусское и малорусское, предполагаютъ существованіе въ предшествовавшую ихъ образованію эпоху другихъ старшихъ нарѣчій, объединявшихъ, очевидно, исконно тѣ племенныя группы, на которыя распалось русское племя: это нарѣчія южнорусское, восточнорусское и сѣверорусское. Изслѣдованіе особенностей этихъ нарѣчій и составитъ главное содержаніе настоящаго отдѣла, при чемъ оно приметъ во вниманіе и тѣ дѣленія, которыя образовались въ составѣ названныхъ трехъ нарѣчій. Итакъ, сказавъ въ первой главѣ о древнѣйшихъ діалектическихъ особенностяхъ русскаго языка, въ слѣдующихъ трехъ главахъ разсмотримъ особенности трехъ древнерусскихъ нарѣчій и ихъ поднарѣчій.

Глава I. Древнѣйшія діалектическія явленія.

§ 439. Перечисленныя ниже явленія почти всѣ извѣстны намъ уже изъ предыдущаго изслѣдованія. Часть ихъ, какъ увидимъ, сложилась еще въ эпоху общеславянскую, а другая часть позже — въ эпоху общерусскую. Возможно, что нѣкогда, при своемъ возникновеніи, ими опредѣлялись діалектическія грани, но теперь эти грани стерлись, уступивъ мѣсто другимъ. Впрочемъ, необходимо сдѣлать оговорки: произношеніе v какъ u̯ и какъ ŭ въ положеніи не передъ гласной до сихъ поръ характеризуетъ все малорусское и бѣлорусское нарѣчія, но все таки діалектическою гранью оно служить не можетъ, ибо свойственно также нѣкоторымъ великорусскимъ говорамъ; произношеніе g какъ γ (h) характеризуетъ всѣ русскія нарѣчія, кромѣ сѣвер-

новеликорусскаго и средневеликорусскихъ, но и его нельзя класть въ основаніе діалектическаго дѣленія, ибо имъ объединяются такія существенно различныя нарѣчія, какъ малорусское и южновеликорусское: сохраненіе дж свойственно бѣлорусскому и малорусскому нарѣчіямъ, но и въ нихъ оно вытѣсняется черезъ ґ, возобладавшее окончательно въ великорусскомъ: слѣдовательно, и дж вмѣсто ґ не можетъ относиться къ характернымъ для позднѣйшихъ нарѣчій признакамъ, и т. д. Перехожу къ обозрѣнію интересующихъ насъ явленій.

Чередованіе v, w и u.

§ 440. Какъ мы знаемъ (§§ 47—49), одни говоры общеслав. праязыка измѣнили исконное u на v и вмѣсто сочетаній uu, uĭ имѣли vъ. vѣ, другіе говоры измѣнили u на v, но на мѣстѣ uu, uĭ сохраняли ŭ, третьи говоры сохранили какъ u, такъ и ŭ на мѣстѣ указанныхъ сочетаній. Общерусскій праязыкъ унаслѣдовалъ всѣ эти три группы говоровъ. Они сохранялись, конечно, частью въ иномъ составѣ, частью уже не въ прежней чистотѣ, а въ смѣшанномъ видѣ въ древнерусскую эпоху, продолжая свое существованіе и до нашихъ дней. Приведу данныя современныхъ говоровъ и древнерусскихъ памятниковъ. Господствующими являются два типа говоровъ: первый, гдѣ произносится какъ передъ гласными, такъ и въ концѣ слова и передъ согласными v (откуда при извѣстныхъ условіяхъ f), и второй типъ, гдѣ передъ гласными произносится v, а въ другомъ положеніи u (на мѣстѣ полукраткаго u). Первый типъ преобладаетъ въ великорусской области: ср. моск. вада, вор, нива, лофка, фтарой, кароф, кроф', остаф', врать, правда, сѣверновеликор. тотемск. v́eś, f́o, v rovú, f poĺkú, lovok, dvoio, golovy, golof (Брокъ), южновеликор. южноряз. фсяк, трафьки, ф тваих, дяревня. крофь, ф хату, ф поли, каво, дѣфка, lалофку Скоп. (Будде). Второй типъ обнимаетъ малорусскую и бѣлорусскую области. но встрѣчается также въ южновеликорусской и сѣверновеликорусской области. Такъ въ малор. находимъ: укр. трава, голова, верх, мертвий, но ўдова, праўда, дiўка, слауно, кроў, церкоў; въ бѣлор. воск, баранаваць, карова, но здароў, даўно, зноў, аўторак, аўца, дзяўчóнка, дрыумí, ўсюды, ўзлѣзъ, ўнучку, и т. д. Въ сѣверновеликорусской области говоры съ ў отмѣчены въ Кирилловскомъ, Демянскомъ, Череповецкомъ уѣздахъ Новгородской губерніи; въ Яренскомъ, Тотемскомъ, Сольвычегодскомъ, Кадниковскомъ, Вельскомъ, Великоустюжскомъ Вологодской губерніи; въ Слободскомъ и Орловскомъ уѣздахъ Вятской губерніи: въ Петрозаводскомъ и Повѣнецкомъ уѣздахъ Олонецкой губ.; въ Ко-

стромскомъ уѣздѣ; въ Казанскомъ уѣздѣ, и др. Приведу примѣры для ў, отмѣтивъ, что передъ гласными в произносится какъ v: на побыўку, поддеўка, даўно, роўно, Гаўрилѣ, заўтра, каўтанъ, Крылоў, товароў Велікоуст. (А. Дмитріевъ въ Жив. Ст. 1893 г.); диўки, непраўду Вельск. (Этн. сб. V); дѣўка (и дѣуга), заўтра Слободск. (Зеленинъ); дѣука, верéука, ворóука, лаука, лоуко Бѣлозер. (прогр. № 166); лаўка, пиўцо, гриўка, криўда, дереўня, соўрáлъ, церыкёўной, съ оўсомъ, крестоў, возоў, землякоў, Денисоў Костромск. (Н. Виноградовъ), кроў, дѣўка Демянск. (Тр. діал. комм.), кроў, любоў Кирилл. (прогр. № 163), дереўцо, хлѣў ib. (прогр. № 164), пиўка, бороў, ноў, т. е. нов, ib. (прогр. № 170), и т. д.

Въ южновеликорусской области говоры съ ў весьма распространенны; они извѣстны въ Калужской, Орловской, Курской, Тульской и сѣверныхъ уѣздахъ Рязанской губерніи. Приведу примѣры для ў, отмѣтивъ, что и здѣсь обычно передъ гласными произносится v: дѣўки, ва ўсём Бѣлевск. (Будде), дроў, лоўко Мещов. (В. Черныш.), харчеўня, саўсимъ, дѣўки, лаўка, у папоўскыхъ, каўшá, пиўка, тарγóўля, пудоў, мужикоў, γаршкоў Мосальск. (Шахм.); дроў, дѣўка, дяреўни Жиздр. (А. Никольскій), дѣўка Спасск. (Будде).

Примѣчаніе 1. Что касается начáла слова, то, какъ предположено въ § 339[2], въ рядѣ говоровъ, легшихъ въ основаніе великорусскаго нарѣчія, й еще до паденія полукраткихъ гласныхъ измѣнилось въ и; ср. удова Демянск. (Тр. діал. комм.), у Касимовъ, у подлахъ у бѣлыхъ Касим. (Будде), удовушка Щигр. (Халанск. въ Р. Ф. В. 1880 № 3, с. 115), устал вм. всталъ ib.; узлѣсъ на хату, узялъ, учерась Старобѣльск. (Ветуховъ), усѣ, уремя, удѣть, усётаки, упалнѣ, у горади, удава Мещов. и Мосал. (Шахм.), и ушú ни убьешъ Обоян. (Машк. XIX. 34), уся, узила, уприéтъ, узашлá Обоян. (Рѣзановъ). Впрочемъ, мѣстами и въ великорусскихъ говорахъ слышится ў въ началѣ слова: ўдрукъ Велікоуст. (А. Дмитріевъ), ўкусно Кадник. (Шустиковъ), ў каво, ўчерá, ўсюды Мосал. и Мещов. (Шахм.), ўси, ў поля при у слаўнам у гóрадя, уздахнула Жиздр. (А. Никольск.). Ср. появленіе в вм. у въ случаяхъ, какъ вдарить Яросл. (Тихв.), вмер Демянск. (Тр. діал. комм.), вдалыхъ Мосал. (Шахм.). Повидимому, й, откуда ц, сохранялось въ соединеніи съ предшествующей гласной и уже отсюда переносилось въ другія положенія. Ср. напр. оп гарúть, ни ўгарая Щигр. (Халанск.).

Примѣчаніе 2. Въ говорахъ, измѣнившихъ звукъ й предлога въ и, другой видъ этого предлога—vo, подъ вліяніемъ со стороны и, прини-

маетъ произношеніе uvo. Ср. напр. въ южновеликор. говорахъ: ува ржы Щигр. (Халанск.), ува сынѣ Жиздр. (А. Никольск.), уваити. т. е. войти, Мосал. (Шахм.). Вообще начальное во вслѣдствіе этого замѣняется черезъ уво: увошъ Обоян. (Маш. XIX. 3); увóвсе Старобѣл.-Харьк. (Ветуховъ), уво вторникъ, увойтить ib., ува вторникъ Обоян. (Рѣзановъ). Также начальное ве замѣняется черезъ уве: увесь Жиздр. (А. Никольск.), Обоян. (Рѣзановъ), Старобѣл. (Ветуховъ).

Примѣчаніе 3. Вмѣсто u передъ гласной въ такихъ говорахъ обычно uv: уванбаря Обоян. (Рѣзановъ), увакошка ib., совр. бѣлор. уваречки, увагонь, увогромный (примѣры у Е. Ѳ. Карскаго, Бѣлоруссы, II, 420—423).

§ 441. Въ древнерусскую эпоху говоры второй группы—съ u изъ ǔ—были такъ же многочисленны, а быть можетъ и болѣе многочисленны, чѣмъ теперь. Опредѣлить эти говоры по памятникамъ представляется затруднительнымъ, ибо звукъ u передавался ими такъ же, какъ звукъ v,—одинаково буквой в. Съ увѣренностью можно видѣть указаніе на произношеніе u въ положеніи не передъ гласной въ тѣхъ памятникахъ, которые смѣшиваютъ предлоги u и въ. Въ новгородской области можно отмѣтить рядъ такихъ памятниковъ, хотя самому Новгороду смѣшеніе оу и въ, а слѣдовательно произношеніе u было, повидимому, чуждо, какъ можно думать на основаніи новгородскихъ договорныхъ XIII и XIV в.; среди нихъ такое смѣшеніе только въ догов. 1317 года № 14, но и по языку (отсутствіе смѣшенія ц и ч), и по содержанію (это договорная в. кн. Юрія Даниловича съ Михайломъ тверскимъ) это памятникъ не новгородскій: здѣсь находимъ у Волоцѣ; ср. еще отсутствіе смѣшенія оу и въ во многихъ другихъ новгородскихъ памятникахъ. Впрочемъ, смѣшиваютъ оу и въ всѣ три части Новгор. I-й лѣтописи (первая и третья части весьма рѣдко, но вторая часть чаще): оусрѣте 80б, оустрѣте 84б. оустретоша 60б, 92а, въ оуторнѝ 107б, въ 8торѝ 110а; также Кормчая 1282 года: уторникъ 522b, оу Вели, оу Тошьмѣ, оу Вѣкшензѣ, ср. тамъ же и пооугородьско 518а;—гр. около 1360, писанная гдѣ то на Вишерѣ: у томъ островѣ, у Пикшиничѣ земли. Въ единичныхъ случаяхъ въ Комм. сп. Новг. 1-й: оуво ѡ҃ца 92; оуво ртѣ 471. Въ представляющемъ смѣшеніе ч и ц Стихирарѣ XII в. А. Н.: въ оузиграніи 107а. Далѣе находимъ смѣшеніе оу и въ въ Двинской области; судя по грамотамъ XV вѣка, здѣсь различалось два нарѣчія—одно смѣшивало оу и въ, слѣдовательно, произносило u, не v, послѣ гласныхъ, а другое не смѣшивало этихъ предлоговъ, слѣдовательно, не знало и произношенія v какъ u. Такъ въ №№ 2, 4, 7, 12, 15, 24, 19, 112, 108 и др. находимъ: оу Фомини наволоки, оу дву мѣстехъ, оу глухомъ

погости, оу Борисѣ и в Ондрѣана, оу поутикахъ і оу ловищахъ, оу рѣки; оу вм. начальнаго в другого происхожденія, напр. Оуласеи, Оуласке №№ 15, 87, оунукъ № 95. Особенно рѣзко выступаетъ смѣшеніе оу и въ въ древнепсковскихъ памятникахъ. Такъ въ Параклитикѣ 1386 года находимъ: укусившюю, узвеличися; въ Типогр. пс. XIV в. № 35 угораго; въ Палеѣ 1494: оу вратѣ, оузове[м], оу годину сію, передъ гласной видимъ оув. оув осла, оув ыточника, оуво ѡпа, еще оу҃: на оу҃краина; вмѣсто во оуво: уво всю землю; въ Палеѣ 1477: оуспоущаѣ, въ двереи, въ единого, в Соломона; вм. Валеріанъ—оувалеріанъ. въ Новг. 4-й Новорос. оунзоша; передъ гласными оув: оув Ондрѣана. оув Овдокѣи 495а. оуво ѡки 495а, оув ыны 483а, и т. д. Въ Псковской 1-й по Погод. № 1413: оу двоу насадѣ, 8 видебскъ, оудовы, оусхота, оу великыи Новгорода, оу лари. оуздали, в короля, въ Пскова, в него, ср. передъ гласной оув: оу града оув Опоки, оув Опокомъ конци, оув Орешка. Въ Псков. 2-й по Синод. № 154: оусходити, оу две неѣли, оу снека, оу Юрьевѣ. в мене, в кого. ср. передъ гласной оув: оув Орѣшка, оув Опокѣ. Въ Ипатьевской лѣтописи, представляющейся также псковскимъ спискомъ: оунезапу 75а, оусеволодъ 74а, оувергъ еси 94б, изо оуроучего 281г. оу се же лѣто, оузратиса, оузворотишаса, оупраша, оуздыхание; на вътреи же, въ втрии же дпь, во вчаны, оу въгоръ, ш вхо слыша 77а, на вбогиа 74б, воу роуцѣ. Въ Псковской ссудной грамотѣ: оу торгу. Въ псковской Лѣств. Іо. Син. оусего, оудовици и др. (Р. Ф. В. 1911).

Смѣшеніе оу и въ встрѣчается и въ памятникахъ великорусскихъ областей, приволжскихъ и пріокскихъ, напр. въ гр. 1425—28: оу Солци (А. Кал. I № 34), гр. 1437—61: устрѣтенья (А. А. Э. I № 35); въ ев. 1339: съоупрошаютеса 30а, оукушь не хоташе пити 184б, оудовица 131а. Въ гр. 1471: Леушину при Левшину (А. Кал. I № 31) доказываетъ произношеніе ц вмѣсто v.

Примѣчаніе 1. Смѣшеніе в и у вело за собой появленіе у и на мѣстѣ во: напр. по оустрьи Ипат. 45г. вм. по Вострьи (рѣка Остёръ). Находимъ и обратно во вм. у: вои, т. е. уи, Ипат. 261в; и вомре вм. и оумре ib. 94б. во Боужьска вм. оу Боужьска. и др.

Примѣчаніе 2. Отмѣчу ув вм. вв: оув водѣ псковск. Сб. № 68 (270) XV в. (Каршскій); увс вм. вс: оусакъ Палея 1494: ув вм. в: оув цркви псковск. Сб. № 1262 XV в. (Каршскій); также должно прочесть написаніе ввъ: ввъ старѣишинахъ, ввъ водѣ. ввъ грѣсехъ ib.

§ 442. Послѣдовательно проводится смѣшеніе оу и въ въ памятникахъ

южнорусскихъ и западнорусскихъ. Ограничусь лишь нѣсколькими примѣрами: Типогр. ев. № 7: оусплевемъ; Гал. ев. 1266—1301: оудова, оузяти, ѿ оустокъ; Типогр. XIII в. № 6: навъчиша, въгасить, оученицы оупрашахуть и; еще: увторыи вм. вторыи; въ Полпкарп. ев. 1307: усѣдоша, унѣшнек, павчи, во вхо, во вътробѣ, во шгѣмона вм. оу: въ Поуч. Ефр. Спр. XIII в.: ото вности, передъ гласной оув: оув адъ: еще отмѣтимъ: во вунютрьнѣк: въ Указ. ев. чт. XIII в.: у лаврѣ, унемлѣте, ото вченикъ: любопытно увчіни вм. ученици; въ Луцк. ев. 1409: аурама, аурамля, видѣуше. влиты вм. улиты; въ Путенск. ев. XIV в. оузлеже 4. оу вѣки 19, оувержеть 21, оуздрастъ 37, оуз благодать 2, оу нъı 2, и т. д. Въ Бѣбельск. ап.: оуноутрьнимъ дат. мн. 1, оу лице 28, оу васъ 14 об., оу славоу бѣлью 31 об., во вчѣныи вашѣмь 4, вготовають 22, втѣшѣныемь 19, наоуловъ 7 об. Въ гр. Владисл. 1387: оусехъ, оусякии, оусл тан волость, в честь и оу славу. Въ разныхъ спискахъ литовско-русскихъ лѣтописей: у Вилни, оу пятницю; вов покон. Въ западно-русскихъ переводахъ Псалтыри: Псалт. XVI в. оу верѹ, оу хлѣба мѣсто, оу храмѹ, оу пасродкоу земли, оузышо, оуспомнї; Псалт. XVII в.: ѹзрадѹю, ѕспомина (Карскій); въ Лѣг. Авр. XV в.: наоугородчемъ, оу ладогѣ и т. д.

Примѣчаніе. Замѣчательно, что не всѣ южнорусскіе памятники обнаруживаютъ такое смѣшеніе. Такъ напр. его нѣтъ въ Добрил. ев., нѣтъ въ Часословѣ XIV в. (Оч. Собол.); въ Холмскомъ ев. находимъ только два раза въ вм. оу: въспѣ, со вченикы и др. Не слѣдуетъ ли предположить, что смѣшеніе оу и въ въ памятникахъ свидѣтельствуетъ о томъ, что буквѣ в придавалось два значенія v и u (первое изъ нихъ послѣдовательно въ положеніи передъ гласными); между тѣмъ какъ отсутствіе смѣшенія показывало бы, что буква в вообще всюду произносилась какъ u?

§ 443. Рядомъ съ двумя указанными въ § 440 группами говоровъ существовали, существуютъ и теперь еще такіе, которые сохраняютъ вообще произношеніе u даже передъ гласными. Приведу современныя данныя, отмѣтивъ, однако, что опредѣленнаго указанія на послѣдовательно проведенное произношеніе u мы ни откуда не имѣемъ. Для говоровъ Мосальскаго уѣзда могу подтвердить собственными наблюденіями произношеніе: ўосемь, ўесь, ўонъ, ўолю, ўоуцы, ўася, наўос. ўазил, даўольна, дўацать, кўасу и др. Для тульскихъ говоровъ такія же наблюденія сообщены Е. Ѳ. Будде, напр. въ Бѣлевскомъ уѣздѣ: ўэрх, зўякнуть, въ Одоевскомъ: броўи, въ Новосильскомъ: ўот. ўодють, ш hатоўа, hалаўа, шчяўб, траўы. яўб, дѣўачыя, ръзгаўор. у лйўую сторьну, у падбшўу, дўор, зўон, Спяхўонъўа (Ксенофонтова). Для Бѣльскаго уѣзда Смоленской губ.: тўорю, у моёмъ дўорѣ. тўори, кола дўора (Шейнъ

въ Сб. Отд. 57, с. 524, 525, 532). Для Слободского уѣзда Вятской губ.: поўоротиг (Зеленинъ). Для Бѣлозерскаго уѣзда Новгородской губ.: слаўа (прогр. № 166). Для Казанскаго уѣзда: сўб, сёўбдня.

Тоже діалектически въ малорусскомъ; напр. въ Миргородскомъ уѣздѣ, по указанію В. Г. Ярошенка, извѣстно произношеніе: ùam, ŭy, poyŭloša, zaŭyďky (Изв. 1909, I, 237 и сл.). Въ бѣлор., напр. въ Новогруд.: цўрје, цаłė, цon, traцu (Klich), ш быўаў (Карск., Бѣлор. II, 413).

§ 444. Выпаденіе звука, соотвѣтствующаго звуку v другихъ говоровъ между гласными, объясняется легче всего при предположеніи, что выпало именно ц. Судя по нѣкоторымъ даннымъ такое выпаденіе весьма часто въ Кирилловскомъ уѣздѣ Новгор. губ.: короа, нша, бороа р. ед., короай (прогр. № 170), короа ib. (№ 215); также опускается ц (въ соотвѣтствіи v другихъ говоровъ): поёл, крои, любои, ноu р. ед. (прогр. № 170). Тоже въ Лашевскомъ уѣздѣ Каз. г.: самоар (Будде), въ Казанскомъ у.: ŏдноб, по лáочьки подьвигайтца, за праў руку (Будде въ Сб. въ честь Фортунатова). Ср. такое же выпаденіе ц послѣ согласной: съјёл (свёл) Новосил. (Будде). Весьма возможно, что встрѣчающійся въ памятникахъ пропускъ в передъ у (оу) зависѣлъ именно отъ произношенія его какъ ц, причемъ, быть можетъ, ц держалось передъ и упорнѣе, напримѣръ, чѣмъ передъ а или ы. Приведу нѣсколько примѣровъ для оу вм. воу. Лавр. лѣт., въ особенности на первыхъ сорока страницахъ: мараоу, оустаоу, жиоуть, жиоуще, жиоуще, зоóуть, протиоу, нооугороду, нооу и др.; ср. въ Поликарп. ев.: зоуща (Очеркъ Собол. 105). Ср. пропускъ в передъ у въ живыхъ говорахъ, напр. Костром.: голоушка, дѣуля, соу (Виноградовъ); также въ воронежскихъ говорахъ. Тоже въ угрорусскомъ.

§ 445. На пути перехода ц въ v стояло измѣненіе ц въ w (губногубной спирантъ). Такое w отмѣчено и въ такихъ говорахъ, которые уже не знаютъ ц передъ гласными. Напр. въ описанномъ Брокомъ тотемскомъ говорѣ w является часто передъ u, o, рѣже передъ a: zowùt, rozgowòr, vdowà, sowà, ńezwànoj. Также въ Новогрудск. у.: woцk, wam, baranawaĺi, na woz (Klich).

Чередованіе g, γ, h.

§ 446. Общеславянскій праязыкъ имѣлъ въ соотвѣтствіи съ индоевр. g звукъ g; въ соотвѣтствіи съ h, напр. въ мѣстоименномъ корнѣ указательномъ ho, he, онъ имѣлъ h, которое развивалось кромѣ того на мѣстѣ придых. приступа, а также между гласными (toho вм. too); звукъ γ замѣнялъ здѣсь діалектически болѣе древнее h, являясь, быть можетъ, еще въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Уже на почвѣ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ произошло вытѣсненіе γ черезъ g

и обратно g черезъ γ. Въ древнерусскомъ языкѣ, такъ же какъ въ совр. русскомъ языкѣ, различаются слѣдующія три группы говоровъ: во-первыхъ, группа, сохранившая g и h; во-вторыхъ, группа сохранившая g, но измѣнившая h въ g; въ-третьихъ, группа, измѣнившая и g и h въ γ. Въ составѣ первыхъ двухъ группъ видимъ сѣверорусскіе говоры, въ составѣ третьей группы говоры восточно-русскіе и южнорусскіе (современные южновеликорусскіе, бѣлорусскіе и малорусскіе).

§ 447. Сѣверорусскіе говоры распадаются такимъ образомъ на двѣ группы: первую, сохранившую различіе между g и h, и вторую, измѣнившую h въ g. Въ первой изъ этихъ группъ исконное h или исчезло совсѣмъ, или замѣнилось звукомъ γ, или, наконецъ, замѣнилось звукомъ v. Исчезновеніе h въ формѣ род. падежа мѣстоименнаго склоненія наблюдается преимущественно въ восточныхъ уѣздахъ Новгородской губерніи. Ср. доброо, ёо Бѣлоз. (прогр. № 166), доброо, косо́о, си́нёо, Кирилл. (прогр. № 167), ёо, злоо, слѣпоо ib. (№ 170), сухоо, бѣлоо ib. (№ 215). Далѣе въ Холмог. уѣздѣ Арханг. губерніи отмѣчено худоо, доброо (А. Грандилевскій въ Сб. Отд. р. яз. и сл., т. 83). Замѣна h звукомъ γ въ той же формѣ отмѣчено, какъ обычное явленіе, въ Петроз. и Повѣн. уѣздахъ (Шахм.), Петроз. (Иваницкій, прогр. № 13 и А. Георгіевскій, № 30), Вытег. (К. Филимоновъ, № 22), Кемск. (прогр. № 104), Шенк. (прогр. № 235), Бѣлозерск. (прогр. № 162). Наконецъ, замѣна h черезъ v (возможно, что ovo непосредственно изъ oo) обычна всему вообще составу сѣверновеликор. говоровъ и подъ вліяніемъ ихъ переходитъ въ средневеликор. говоры, представляющіе вообще смѣшеніе сѣверновеликор. и южновеликор. особенностей; ср. моск. таво, добрава, худова и т. д.

Примѣчаніе. Отмѣчу здѣсь, что древнѣйшіе примѣры съ -во восходятъ въ памятникахъ къ XIV—XV в.: ворога своєво Ипат. 292 г. Вопросъ о происхожденіи -во осложняется тѣмъ, что мы находимъ во на мѣстѣ южнор. γо въ словахъ, заимствованныхъ изъ южнорусскаго, напр. повостьı Лавр. лѣт., новоскому Судебн. Ѳед. Ив. 1589 (с. 21), повостъ Черт. книга Ремезова (Оп. Рум. Муз., 484), повосг Вятск. (Колосовъ, Замѣтки, 72).

§ 448. Во второй изъ указанныхъ двухъ группъ звукъ h замѣненъ звукомъ g. Сюда относятся по преимуществу говоры Архангельской губерніи. Сошлюсь для Арханг. и Холмог. уѣздовъ на свои наблюденія, для Арханг. уѣзда еще на П. Кузмищева (въ Арх. Г. В. 1847 г.), для Холмог. уѣзда на П. Базилевскаго (О. С. 3) и на А. Грандилевскаго (прогр. № 50), для Онежскаго на г. Верюжскаго (прогр. № 41). Кромѣ того такое g я

слышалъ въ Пудожск. у. Олонецкой губ. Оно извѣстно, повидимому, и въ Яренскомъ уѣздѣ Волог. губерніи (Волог. сб. IV).

§ 449. Въ несѣверновеликорусскихъ и не въ средневеликорусскихъ говорахъ исконное g произносится какъ γ, которое замѣнило и h, между прочимъ въ формѣ род. падежа мѣстоим. склоненія. Звукъ g вообще извѣстенъ только въ словахъ заимствованныхъ; ср. въ западнорусскихъ памятникахъ кг — такъ обозначался звукъ g — въ словахъ, какъ скиркганло, кганокъ, кгродскихъ, ωнакгри, срокго̑ (ср. Карскій, Бѣлоруссы, II, 468—469). (Сюда же очевидно относится и кгды изъ польскаго gdy). Весьма вѣроятно, что вмѣсто γ (какъ на мѣстѣ g, такъ и на мѣстѣ h) извѣстно и h; А. Крымскій отмѣчаетъ въ украинскомъ произношеніи какъ γ, такъ и h.

Примѣчаніе 1. Ошибочно, думаю, заключать изъ транскрипціи какъ mogilla, hluboкigo въ латинскихъ грамотахъ XIV—XV в., писанныхъ въ Галиціи, о произношеніи g, не h: g могло имѣть значеніе и h въ устахъ малорусовъ, которые произносятъ вѣдь γ на мѣстѣ латинскаго g.

Примѣчаніе 2. Неясно, какъ понять опущеніе γ въ тульскихъ говорахъ въ формахъ род. падежа: као, яснаа Крапив. (Будде), аднао, милоа Бѣлев. (Будде); рядомъ: другоўа, за стараўа и даже залётнава Крапив. (Будде). Быть можетъ, оно однородно съ опущеніемъ γ=h въ нѣкоторыхъ галицкихъ говорахъ, напр. Бродск.: за нео, чоо (Етн. зб. I, 6), до тоо 5; йоо 19, жадноо страху́ 5; рядомъ: тоўо му́дроўо 11, дру́ўоўо чоловіка 13, до свбўо ба́тька 8, до тоўо хлбпцьа 8; ср. опущеніе г въ случаяхъ, какъ у дороу ib. 7, дороа 4.

Чередованіе ʒ́ и ž, ʒ́ и ź.

§ 450. Какъ указано въ § 209, бо́льшая часть говоровъ общер. праязыка измѣнила ʒ́, замѣнившее здѣсь общеславянское ʒ́ʒ́, въ ž, но нѣкоторые говоры сохранили ʒ́: сюда относится значительная часть говоровъ южнорусскаго нарѣчія, хотя большинство такихъ говоровъ сохраняло ʒ́ только при извѣстныхъ грамматическихъ условіяхъ, а именно тамъ, гдѣ оно стояло въ чередованіи съ d. Примѣры и указаніе на отдѣльныя группы говоровъ см. въ § 209.

§ 451. Какъ указано въ § 206, бо́льшая часть говоровъ общер. праязыка измѣнила ʒ́, унаслѣдованное частью изъ эпохи общеславянской, а частью изъ эпохи единства южнаго и восточнаго славянства, въ ź. Однако ʒ́ продолжало сохраняться, повидимому, только въ началѣ слова, въ гово-

рахъ южнорусскаго нарѣчія, получая здѣсь и дальнѣйшее распространеніе насчетъ ź. Примѣры и другія данныя см. въ § 206.

Глава II. Явленія южнорусскія.

§ 452. Изъ предыдущаго видно, что южнорусскіе говоры еще въ составѣ общерусскаго праязыка характеризовались слѣдующими особенностями: а) они сохраняли произношеніе u передъ согласными (kroụla. ne krovĭa. а также ŭ, перешедшее затѣмъ въ положеніи въ концѣ слога въ u. а въ началѣ слова сохранявшееся какъ ŭ. по послѣ конечной согласной предшествующаго слога переходившее въ u: praụda. ŭ/ala. on u/au: б) они выпѣснили исконное g черезъ γ: г) діалектически они сохранили произношеніе ź и ś. Въ позднѣйшую эпоху, уже послѣ распаденія общерусскаго праязыка, но до окончательной утраты единства между частями распавшагося языка, въ южнорусскомъ нарѣчіи произошелъ рядъ такихъ явленій, которыя окончательно обособили его отъ другихъ русскихъ нарѣчій. Этотъ періодъ въ жизни южнорусовъ предшествовалъ послѣдующему періоду — малорусскому, отдѣляясь отъ него еще и тѣмъ, что въ южнорусскій періодъ, или что тоже, согласно принятой здѣсь терминологіи—въ древнерусскій періодъ, сѣверныя отрасли южнорусскаго нарѣчія еще не отдѣлились отъ южныхъ и не примкнули къ тому языковому цѣлому, которое опредѣляется какъ языкъ бѣлорусскій. Поэтому къ южнорусскимъ явленіямъ отношу явленія, общія малорусскому и бѣлорусскому языкамъ, а къ позднѣйшимъ, малорусскимъ—явленія, имѣвшія мѣсто только въ малорусскомъ и не коснувшіяся бѣлорусскаго языка. Въ предыдущемъ отдѣлѣ мы изучали явленія, относящіяся къ этому періоду, ибо паденіе глухихъ произошло уже послѣ распаденія общерусскаго праязыка. Но мы говорили тамъ преимущественно объ явленіяхъ общихъ всѣмъ нарѣчіямъ древнерусскаго языка; здѣсь остановимся только на явленіяхъ, обособившихъ южнорусское нарѣчіе отъ прочихъ.

§ 453. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ такихъ явленій разсмотрѣны нами уже выше, а именно явленія, стоящія въ связи съ паденіемъ глухихъ. Часть ихъ обнаруживаетъ сохраненіе въ южнорусскомъ нарѣчіи старшихъ отношеній, нарушенныхъ въ другихъ говорахъ. Сюда относится напр. отпаденіе ŭ и ĭ въ началѣ слова, измѣнившихся въ u и i въ другихъ говорахъ (§§ 339[1], 339[2], 359, 364). Другія явленія свидѣтельствуютъ объ измѣненіи старшихъ отношеній. Таковы: во-первыхъ, измѣненіе слоговыхъ плавныхъ, утратившихъ за собой неслоговое ъ или ь, въ положеніи послѣ согласной въ началѣ слова; во-вторыхъ, дифтонгизація долгихъ о и е закрытыхъ, замѣнившихъ

общерусскія о и е закрытыя полудолгія въ слогѣ, за которымъ утраченъ слогъ съ полукраткой гласной. Первое изъ этихъ явленій разсмотрѣно выше, въ § 372; изъ приведенныхъ тамъ данныхъ ясно, что оно имѣло мѣсто не въ отдѣльной жизни малорусскаго нарѣчія, а въ предшествующій періодъ, ибо свойственно и бѣлорусскому нарѣчію. Второе явленіе мы разсмотримъ здѣсь, установивъ прежде всего его древность и распространеніе на всю область южнорусскаго нарѣчія.

Дифтонгизація долгихъ о, е, ȯ, ӧ.

§ 454. Кратко объ этомъ явленіи было упомянуто выше, въ § 420. Долгія о, е, ȯ, ӧ закрытыя, замѣнившія соотвѣтствующія полудолгія гласныя вслѣдствіе выпаденія въ слѣдующемъ слогѣ полукраткихъ гласныхъ, сократились въ сѣверноруссномъ и восточноруссномъ нарѣчіи; въ южноруссномъ они распались въ дифтонги, перейдя въ uo, ie, u̯ȯ, ü̯ӧ. Отношу этотъ переходъ къ южноруссныиъ явленіямъ потому, что онъ оказывается общимъ малорусскому и бѣлорусскому нарѣчіямъ: дифтонги, перечисленные выше, а также ихъ замѣстители (другіе дифтонги и монофтонги) свойственны малорусской рѣчи во всемъ ея объемѣ; тѣ же дифтонги съ ихъ замѣстителями извѣстны и бѣлорусскому нарѣчію, но въ послѣднемъ они принадлежатъ не всѣмъ говорамъ, а только части ихъ — южнымъ и западнымъ, сосѣдящимъ съ малорусскими. Ограниченность распространенія на бѣлорусской территоріи дифтонговъ uo, ie и ихъ разнообразныхъ замѣстителей, въ числѣ которыхъ находимъ ô и ê, не можетъ служить препятствіемъ для признанія ихъ восходящими къ эпохѣ южнорусской: бѣлорусское нарѣчіе сложилось изъ смѣшенія южныхъ говоровъ съ восточными, и вполнѣ естественно, что послѣдніе, сообщившіе всему этому нарѣчію свой вокализмъ въ слогахъ неударяемыхъ, повліяли и на замѣну дифтонговъ или замѣщавшихъ ихъ монофтонговъ также въ слогахъ ударяемыхъ гласными о, е: исконное южнорусское ńüös или позднѣйшее ńôs замѣнено было произношеніемъ ńos, подобно тому какъ ńeśĭ замѣнилось произношеніемъ ńaśĭ. Признаніе дифтонговъ на мѣстѣ удлинившихся о, е, ȯ, ӧ исконною чертой бѣлорусскихъ говоровъ встрѣчаетъ затрудненіе въ томъ возможномъ предположеніи, что эти дифтонги, такъ же какъ и ихъ замѣстители, занесены въ бѣлорусскіе говоры изъ сосѣднихъ сѣверномалорусскихъ; вліяніе послѣднихъ сказывается въ нѣсколькихъ особенностяхъ южныхъ говоровъ Бѣлоруссіи (напр., въ появленіи bj, pj, mj, vj, на мѣстѣ b̓, ṕ, ḿ, v́ передъ гласными задняго ряда). Но это предположеніе должно быть отвергнуто по слѣдующимъ основаніямъ:

во-первыхъ, дифтонги и ихъ замѣстители на мѣстѣ удлинившихся o, e, ȯ, ȯ имѣютъ въ бѣлорусскомъ нарѣчіи самое широкое распространеніе: мы находимъ ихъ во многихъ уѣздахъ Минской, Гродненской и Сѣдлецкой губерніи: во-вторыхъ, въ рядѣ говоровъ наличность дифтонговъ или ихъ замѣстителей не сопровождается какими бы то ни было иными явленіями, заимствованными изъ малорусскаго: въ-третьихъ, дифтонги и ихъ замѣстители извѣстны вообще только въ ударяемыхъ слогахъ: это согласуется съ общимъ звуковымъ строемъ бѣлорусскаго нарѣчія и дѣлаетъ поэтому сомнительнымъ предположеніе о заимствованіи ихъ изъ другихъ, небѣлорусскихъ говоровъ. Замѣчу, наконецъ, что и хронологическія соображенія заставляютъ отнести дифтонгизацію ȯ—ė къ южнорусской, а не къ позднѣйшей малорусской эпохѣ: явленіе это засвидѣтельствовано памятниками начиная съ XII вѣка, между тѣмъ чисто малорусскія явленія едва ли старше XIII—XIV в.

§ 455. Выдвигаю прежде всего вопросъ хронологическій. Памятники южнорусскаго происхожденія доказываютъ, что дифтонгизація произошла тотчасъ же послѣ выпаденія полукратких гласныхъ и непосредственно имъ вызваннаго удлиненія полудолгихъ гласныхъ въ долгія; а именно мы находимъ указаніе на наличность дифтонга ie въ тѣхъ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятникахъ, гдѣ впервые обнаруживается паденіе глухихъ; этотъ дифтонгъ изображается буквой ѣ, что вполнѣ естественно потому, что эта буква употреблялась для обозначенія древняго дифтонга ie (изъ общеслав. ie, еа на мѣстѣ ē и ō). А. И. Соболевскому принадлежитъ заслуга—впервые сгруппировать эти памятники и догадаться, что они южнорусскаго происхожденія. Древнѣйшимъ датированнымъ памятникомъ съ указанною орѳографіей является Добрилово евангеліе 1164 года. Приведу изъ него написанія съ ѣ на мѣстѣ дифтонга ie изъ удлинившагося ė, размѣщая ихъ по слѣдующимъ категоріямъ: во-первыхъ, находимъ ѣ вмѣсто стараго e, когда въ слѣдующемъ затѣмъ слогѣ находился нѣкогда звукъ полукраткій ь (на письмѣ частью опущенный, частью удержанный для обозначенія мягкости предшествующей согласной); во-вторыхъ, находимъ ѣ тамъ, гдѣ за слогомъ съ e слѣдовалъ нѣкогда звукъ і послѣ согласной, перешедшій при паденіи глухихъ въ і̯ (на письмѣ предшествующая согласная снабжается буквой ь, а і̯ находитъ себѣ изображеніе въ составѣ слѣдующей іотированной гласной буквы); въ-третьихъ ѣ видимъ тамъ, гдѣ за e слѣдовалъ непосредственно звукъ і, при паденіи глухихъ перешедшій въ і̯ (пишется черезъ и). Итакъ, во-первыхъ: камѣнь, ремѣнь, оучитѣль, съвѣдѣтѣльство, бѣздѣноу, мѣчѣмь, сѣльнаго, телѣснѣмь, сѣдмь, нѣщь, шѣсть, въ нѣмь, о сѣмь, о всѣмь, по чюжѣмь, 3 л. ед. боудѣть, оум-

рѣть, можѣть; во-вторыхъ: камѣныѥ, корѣныѫ, въ рождѣныи, падѣныѥ, зѣлыѥ, шѣстью, трѣтьѥ; въ-третьихъ: въ нѣи, на нѣи, горѣ сѣи, по всѣи земли, во всѣи славѣ, нѣ имоу, нѣ имате, нѣ истовъ, нѣ ижденоу. То же и въ другихъ памятникахъ XII и слѣд. вѣковъ. Приведу нѣсколько примѣровъ: Типогр. ев. XII в. № 7: разорѣниѥ, камѣнь, сѣмѣныныя, грядѣть, възмѣть (Собол.); Типогр. ев. XIII в. № 6: перстѣнь, племѣньма, камѣнь, оучитѣль, житѣль, зѣмпаѫ, весѣлыѥ, трѣтьыѫ, шѣстью; Житіе Саввы XIII в.: корѣниѥ, слоужитѣль, дъщѣрь, трѣтьюю, трѣтьѥмоу, нѣ имати, нѣ вькоушати; Галицк. ев. 1266—1301: бѣздьноу, вѣльми, пѣщь, учитѣль, шѣсть, сѣдьмь, горѣ сѣи, нѣ смысльна, нѣ умреть, нѣ мните, нѣ вьниде, нѣ имать (Собол.); Ирмолой Григоровича XII—XIII в.: матѣрь, зѣмьнѣшимъ, душѣвьнаѫ, пламѣнь, пѣщь, трепѣтьно. бѣздьна, весѣлиѥ; Поученія Ефр. Сир. XIII в.: степѣнь, корѣнь, пьрьстѣнь, дн҃ѣвною, плачѣвноѥ, очѣснѣхъ, небѣснаго, словѣснѣи, трепѣтно, колѣсница, матѣжь, горѣсть, блалкѣньства, родитѣль, заштитѣль, вѣщь, жѣньскаѫ, постѣльную одежю, весѣлыѥ, словословѣсьѥ; Холмск. ев. XIII—XIV в.: сѣмь. на вечѣрни, камѣнь, перстѣнь, учѣнше, нѣ чтеть, нѣ истовъ, нѣ пщете; Путенск. ев.: ѡсоужѣнье, лъжисвѣдитѣль, на послѣднѣмь мѣстѣ, оу чюжѣмь, ѡ сѣмь, ѡтъ лишѣньѫ, въ срдц҃и своѣмь, въ терпѣньи вашѣмь, на пѣмь, ѡ моѣмь имени, въ навечѣрье, колѣна зѣмльнаѫ, до трѣтьего дн҃е, крѣнъ сильнѣыхъ 60 (съ и вм. ѣ). Быбельск. ап.: молѣньѥ 21, в пощѣньихъ 34, мѣчь 7, строитѣль 29 об., вѣлми 28, тажѣсть 16 об., оу весѣлыѥ 35, въ своѣмь ср҃дци 3, в тѣлѣ нашѣмь 31, о пѣмь 16 об., въ житьи сѣмь 12, ни о чѣм же 34, ѣи дат. ед. 6 об., вашѣи вѣрѣ 27 об., во плъти моѣи 31, в сѣи 24, в чюжѣмь ѡправлѣньи 23, прѣмоудростью словѣсною 7 об., врѣмѣньна им. мн. 16 об.; Выголекс. сб.: камѣнь, мятѣжь, весѣлиѥ, вѣлиѥ, плетѣнше, о сѣмь, нѣ имѣ (Собол. Р. Ф. В. 1884); Архивск. лѣств.: рожѣния, ѡ҃лучѣниѥ, учитѣль, горѣсть, ненадѣжьна, мѣдвьници; Евсевьево евангеліе 1283 г.: въ течѣньи. въсхожѣньѥ, ремѣнь, на стоудѣнци, оучитѣль, пѣщь, вѣлью, трѣтьѥ, крінъ сѣлнѣхъ, на пѣмь, въ законѣ вашѣмь, въ горѣ сѣи, по всѣи земли. нѣ мню, нѣ створи (Голоскевичъ); Поликарп. ев. 1307: матѣрь, дъчѣрь, зѣмпаѫ, зѣлье, вечѣрни, сѣмь, шѣстью, и т. д.

§ 456. Сопоставленіе съ совр. малорусскимъ языкомъ ясно показываетъ, что это ѣ южнорусскихъ памятниковъ обозначало тотъ самый звукъ, который имѣло въ то время исконное ѣ, ибо и этому послѣднему ѣ и тому новому одинаково соотвѣтствуютъ теперь звуки іе, ї̯е (сѣверномалорусское), і (украинское и галицкое). Приведенные ниже, въ § 460, примѣры изъ современныхъ говоровъ докажутъ, что буквѣ ѣ южнорусскихъ памятниковъ на мѣстѣ

исконнаго ē соотвѣтствуютъ указанные звуки. При этомъ, однако, необходимо сдѣлать нѣсколько оговорокъ. Мы видимъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ древнему ѣ(изъ ē)отвѣчаютъ не указанные звуки, а. во-первыхъ, сѣверномалорусскій дифтонгъ uo. откуда далѣе u, украинское і, во-вторыхъ, звукъ е. Перваго рода соотвѣтствіе видимъ въ случаяхъ, какъ сѣн. нѣи. всѣи дат. мѣст. ед. ж. р., въ нѣмъ, о сѣмъ. на сѣмъ, по чужѣмъ мѣст. ед. м. и ср. р.: ср. сѣверномалор. о нюом, к нюой, о чужуом; южнобѣлор. на юой: къ юой Бобруйск., swajuoj, czuom Волков. (Federowski): укр. о нім, о сім, на всім, о чужім. Это обстоятельство было выдвинуто, какъ возраженіе противъ объясненія Соболевскаго и предложеннаго имъ отождествленія ѣ южнорусскихъ памятниковъ со звукомъ ѣ. Но при этомъ упускалось изъ вниманія, что фонетически, въ результатѣ паденія полукраткихъ гласныхъ, śeĭ. vъ ńeĭ. na ćiźeḿь должны были измѣниться въ śѣi, v ńѣi, na ćiźѣḿ: равнымъ образомъ не взвѣшивалось и то обстоятельство, что появленіе śuoi, v ńuoi, na ćiźuoḿ, могло произойти только на почвѣ звуковой аналогіи, вліянія со стороны склоненія основъ съ твердой согласной на склоненіе основъ съ мягкой согласной; формы на туом, на одноуом, добруой вызвали нюом, на сюом, чужуой; понятно, что эти новыя формы могли замѣнить именно тѣ самыя древнія формы, какъ нѣи, чюжѣи, сѣмь, чюжѣмь, которыя и имѣются въ южнорусскихъ памятникахъ. Ср. дальнѣйшее развитіе дифтонга—звукъ и вм. ѣ: о сотрочати симь Пут. ев. 232, оу домоу своимь ib. 27, на селѣ своимь ib. 222: о вашимь свершѣньи Быб. ап. 26. Второго рода соотвѣтствіе—древняго ѣ современному е—находимъ въ формахъ 3 л. ед. числа: написаніямъ боудѣть, можѣть, лажѣть соотвѣтствуютъ въ совр. малорусскихъ и южнобѣлорусскихъ говорахъ буде, може, ляже и будеть, можеть, ляжеть; формы на ieť, iť въ этихъ говорахъ совершенно неизвѣстны. И это обстоятельство противопоставляли объясненію Соболевскаго. Но, во-первыхъ, и теоретически необходимо допустить, что нѣкогда въ южнорусскомъ нарѣчіи существовали формы на -ieť: budieť, umrieť; дѣйствительно, если ŕeсѣ, šestь, kaḿeńь измѣнились въ riec, śieśt, kamień, то budeťь, въ силу того же фонетическаго процесса, должно было перейти въ budieť. Во-вторыхъ, на самыхъ южнорусскихъ памятникахъ можно видѣть, какъ старыя, «органическія» формы budieť, umrieť, ńesieť и т. н. уступали постепенно мѣсто новымъ, неорганическимъ формамъ. budeť, umŕeť, ńeśeť (отсюда малор. budeť, umreť, neseť): причиной послужило дѣйствіе грамматической аналогіи, а именно ie вытѣснялось звукомъ е, заимствованнымъ изъ формъ, какъ budete, umremo. nesete, nese, umre. Какъ это было отмѣчено и Соболевскимъ, древнѣйшіе памятники имѣютъ въ 3 л. окончаніе -ѣть (а именно Добрил. ев., Типогр. ев. № 7, Выголекс. сб.), ме-

жду тѣмъ какъ позднѣйшіе (начиная однако съ XIII в.), выдерживая ѣ въ другихъ случаяхъ, пишутъ исключительно -еть (таковы напр. Типогр. ев. № 6, Ирмолой Григоровича XII—XIII в., Вѣнскій Октоихъ XIII в., Галицк. ев. 1266—1301, Путенское ев. XIV в. и др.).

§ 457. Необходимо указать еще на слѣдующія обстоятельства. Мы находимъ ѣ, какъ указано въ § 10 пр., преимущественно передъ мягкими согласными, на мѣстѣ звука е, утратившаго въ слѣдующемъ слогѣ звуки полукраткіе ь и і; передъ твердой согласной, слѣдовательно, передъ слогомъ, утратившимъ ъ, замѣны е черезъ ѣ въ южнорусскихъ памятникахъ, равно также въ живомъ языкѣ (въ сѣверномалор. и южнобѣлор. говорахъ) мы вообще не находимъ. Однако можно указать въ памятникахъ нѣсколько исключеній: всѣ они объясняются тѣмъ, что фонетически въ общеслав. и общер. праязыкѣ ê полудолгое развивалось безразлично какъ передъ слогомъ съ полукраткими ь, і, такъ и передъ слогомъ съ полукраткимъ ъ; но подъ вліяніемъ аналогіи ê вытѣснялось въ значительномъ числѣ случаевъ черезъ ô или ô; такъ ńêsĺě въ общер. праязыкѣ перешло въ ńôsĺě подъ вліяніемъ ńôsťa: śêstě прилаг. перешло въ śôstě подъ вліяніемъ śôsta и т. п. Возможно, однако, что діалектически удерживалось старое произношеніе; на это было указано въ § 10 прим., гдѣ приведено діалектическое, сѣверномалор. и южнобѣлор., міед. Но по необходимости сохранялось старое произношеніе съ ê, откуда далѣе южнор. ѣ, тамъ, гдѣ не было принудительнаго вліянія аналогіи со стороны родственныхъ формъ съ о (ô). Быть можетъ, такой случай представляетъ слово ветхій, которое только въ краткой формѣ им.-вин. ед. имѣлъ ô, а во всѣхъ остальныхъ формахъ ê, откуда ѣ; ср. вѣтъхы мѣхы Гал. ев. 1266—1301, вѣтхаго Поуч. Ефр. Сир. XIII в.; впрочемъ, случай этотъ сомнительный, такъ какъ возможно, что это слово въ живой рѣчи не существовало, а заимствовано изъ церковнаго языка (о замѣнѣ церк. е въ закрытыхъ слогахъ черезъ ѣ скажу ниже); возможно также, что рядомъ съ ветъхъ существовало исконно вѣтъхъ, ср. вѣтхыи Кормч. 1282, л. 588, а также наше ветошь съ é, а не ё (ё ср. въ вётухъ: лупа на исходѣ Жиздр. и Масал., О. С. 69). Во всякомъ случаѣ находимъ ѣ на мѣстѣ искошаго е передъ твердой согласной въ предлогѣ бѣз (изъ bezъ), напр. бѣс печали Поуч. Ефр. Сир. XIII в. и въ отрицаніи нѣ. Это нѣ находимъ, напримѣръ, передъ ц (изъ й) въ случаяхъ, какъ нѣ ужасаитеса Добрил. ев., нѣ оубии Путенск. ев. 111, ѩко нѣ оутаисѧ 101, нѣ оубогъ ib. 105, нѣ вкоусить 108, нѣ въдобь 111, нѣ оуведосте 122, нѣ въведи оу напасть 124, и т. д.

Примѣчаніе. Въ словѣ мед Шевч., med Пинск. (Zb. XIII, 219),

мед-вино Гадяч. (Рудч.) можно видѣть новообразованіе вм. мід подъ вл. косв. падежей.

§ 458. Въ церковныхъ памятникахъ е передъ твердой согласной не замѣнялось черезъ ѳ, а сохраняло свой звукъ; паденіе глухихъ повело за собой измѣненіе е въ ѣ. Такъ объясняются написанія: небѣсъ Прм. Григор., льрцѣмъ дат. мн. Типогр. № 7, словесѣмъ Типогр. № 6: также вѣроятно, аньгѣлъ Луцк. ев. Ср. замѣну е черезъ ѣ въ церк. словахъ передъ мягкой согласной: вѣщь Выголекс. сб. (Соб., Р. Ф. В. 1884), вѣщь Быбельск. ап. 6 об.

Примѣчаніе. Въ греческихъ словахъ и именахъ ѣ частью допускаетъ и иное объясненіе, являясь еще въ древне-болгарскомъ замѣстителемъ греч. звука е (случаи, какъ ефрѣмъ, и т. д. § 285). Но вѣроятно, что въ нижеслѣдующихъ случаяхъ ѣ замѣнило е въ результатѣ выпаденія полукраткихъ гласныхъ въ слѣдующемъ слогѣ: евангѣлье Типогр. № 6, лаврѣнтья ib., арсѣнья Указ. ев. чт. XIII в., лаврѣнтья ib., невъгѣнья ib.; парфѣнья Гал. ев. 1266—1301, лаврѣнтья ib., викѣнтья ib.; параскѣвгии Холмск. ев. XIII—XIV: сюда же кѣдрьскааго Типогр. № 6 и, быть можетъ, гѣрмана Указ. ев. чт. XIII в., Типогр. № 6; также влахѣрнѣ Гал. ев. 1266—1301; также въ негреческомъ словѣ вѣльбуду Типогр. № 6; слова эти могли быть получены съ ѣ и ѣ за плавными, согласно § 327.

§ 459. Замѣчательно, что дифтонгизаціи ē мы не найдемъ въ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятникахъ въ положеніи послѣ j. Думаю, что здѣсь, какъ предположительно еще въ общерусскомъ праязыкѣ (§ 194), дифтонгъ ie (ѣ) за i переходилъ въ e; слѣдовательно, напр. strojiejä (изъ strojēmije) перешло въ strojenja. Такъ, напримѣръ, въ Добрил. ев., Типогр. № 7, Гал. ев. 1266—1301, Указ. ев. чт. XIII в., Холмск. XIII—XIV в. ѣ замѣняетъ е только въ томъ случаѣ, «если передъ е согласная буква» (Собол. Очерки, с. 2). Въ позднѣйшихъ памятникахъ ѣ проникаетъ и послѣ гласныхъ: думаю, что ѣ означало уже не ie, а монофтонгъ i и переносилось въ положеніе за гласной изъ тѣхъ случаевъ, гдѣ оно фонетически являлось въ положеніи за согласной. Въ болѣе древнихъ памятникахъ ѣ въ такомъ положеніи совершенно единично, напр. о имени твоѣмь Типогр. № 6, по мучѣніи своѣмь Вѣнск. окт. XII—XIII в., устроѣния Архив. лѣств., но позже оно обычно, напр. въ Полікарп. ев.: въ словеси моѣмь, въ оцѣ твоѣмь, въ дому своѣмь, на нивѣ своѣи, на мѣстѣ нѣкоѣмь, строѣнье, нестроѣнья, и также бѣѣнье, по убѣѣныи (Собол. 35), въ Быбельск. ап.: нестроѣнью 10 об., невъстроѣныи 25 об. Ср. и вм. ѣ: нестроиныи Пут. ев. 121, по оубыиныи ib. 220; в нестроиныхъ Быб. ап. 34.

§ 460. Перехожу къ указанію примѣровъ изъ совр. языка для дифтонга іе и его замѣстителей (је, і) изъ современнаго малорусскомъ языка и изъ южнобѣлорусскихъ говоровъ. Въ совр. сѣверномалорусскомъ находимъ: весіелл, шіесть, сіем, зіелс. Въ украинскихъ и галицкихъ говорахъ: сім, шість, камінь, каміння, весілля, инч. Въ угрорусскихъ говорахъ: сім, шість, каміне.

Въ южнобѣлорусскихъ говорахъ ѓе̂ć, śêm, шечка.

§ 461. Одновременно съ дифтонгизаціей ē произошла дифтонгизація ō, ŏ и ŏ закрытыхъ изъ o, ȯ, ȯ полудолгихъ закрытыхъ. Въ памятникахъ не находимъ выраженія соотвѣтствующихъ дифтонговъ (т. е. uo, uo, ŭo) на письмѣ, за неимѣніемъ особыхъ буквъ; поэтому они согласно этимологіи и традиціи изображались буквами o, e. Буквы оу, ю, которыя, правда, въ единичныхъ случаяхъ, можно встрѣтить въ памятникахъ позднѣйшихъ (XIII—XIV в.), обозначали, вѣроятно, уже монофтонги u, ů, u, замѣнившіе указанные дифтонги; ср. написанія какъ щюдръ Ев. XIII в. № 6, 97b, вечерь субутныи 193; ютюръ Указ. ев. чт. XIII в. Въ позднѣйшихъ памятникахъ у, ю постоянно употребляются для обозначенія соотвѣтствующихъ монофтонговъ. Вопросъ о томъ, какъ монофтонгизировались указанные дифтонги и какіе имъ соотвѣтствуютъ въ разныхъ говорахъ монофтонги, не входитъ въ задачу настоящаго труда, ибо монофтонгизація произошла уже въ позднѣйшія эпохи. Ограничусь примѣрами изъ современныхъ говоровъ.

§ 462. Примѣры для дифтонга uo и его замѣстителей. Въ сѣверномалорусскомъ: вуол, двуор, руок, діалект.: стуе́лъ, ягуе́донька, муе́й, нуесъ, куынь, Буыгъ, руыдна, буыльшъ, суыпль, друибний, руидъ, стиіл, тиілько; муй, вун, нужни, суль. Въ украинскихъ и галицкихъ говорахъ: дім, піс, дїм, сьтіл, жидів, спосіб; стилъ, ридня, рикъ, хвистъ. Въ угрорусскомъ: кінь, дрїзд, пїш, вїл, панїч, збижа, бїк; пус, радусть, пуг, жун, стул, кулько, дул, буб, хвуст. Въ южнобѣлор. говорахъ: дуомъ, волуосъ, гуотъ, хвуост, куонь, пируохъ, наруод, нуож, руодного; гôт, гут, двôр, двур (ср. Карскій, Бѣлоруссы, II, 126—129).

Примѣчаніе. Укр. кімната ведетъ къ древнерусскому комьпата (изъ лат. caminata); укр. Вівдя ведетъ къ древнерусск. овъдотиа, какъ вѣрно указалъ Соболевскій.

§ 463. Примѣры для дифтонговъ uŏ, üŏ и ихъ замѣстителей. Въ сѣверномалорусскомъ: прівюезъ, москалюеў, тюитка, знюсъ, рублювъ, завюол, люод, жуынка, жуынка. Въ украинскихъ и галицкихъ говорахъ: їс, віз, москалїў, жінка, пліў, тітка. Въ угрорусскомъ: ńus, ťutka. Въ южнобѣлорусскихъ говорахъ: мюод, жуонка; лябіо͡удкою, іоупъ.

Примѣчаніе. Звукъ и (и) въ: батька да матюр Козельск. (Черн. Г. В. 1855 № 17) замѣнило і (ср. матѣрь: Ирмолой Григор.) подъ вліяніемъ звуковой аналогіи. Возможно, что то обстоятельство, что съ е чередовалось і обычно передъ мягкой согласной, а съ и передъ твердой и было причиной перенесенія и на мѣсто і передъ отвердѣвшимъ р.

§ 464. Въ позднѣйшія эпохи, въ частности въ отд. малорусскихъ говорахъ, происходило нарушеніе полученныхъ въ древнерусскую эпоху отношеній: а именно, съ одной стороны, дифтонги и ихъ замѣстители подъ вліяніемъ аналогіи уступали мѣсто звукамъ о и е, напр. укр. мед, нáрод и нарóд, зáводь, зáводня, затóн, у догóнь, догóдне, домовник. набожний, и мн. др. Съ другой стороны, звуки о и е замѣнялись дифтонгами подъ вліяніемъ аналогіи родственныхъ формъ и образованій, напр. уменьш. какъ голывонька Остер. (Черн. Г. В. 1853 № 10) подъ вліяніемъ голывка; гъулечки: вѣточки Козельск. (Черн. Г. В. 1854 № 26) подъ вліяніемъ гъулля и т. д. Нѣкоторые изъ подобныхъ случаевъ восходятъ къ южнорусской эпохѣ. Ср. здѣсь, напр., случан, какъ четвероднѣвенъ Путенск. ев. 136, съ ѣ изъ четвероднѣвна.

Примѣчаніе 1. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ видимъ замѣну о черезъ uo (и его замѣстителей) въ исконно закрытыхъ слогахъ; едва ли можно усомниться въ томъ, что здѣсь сказалось вліяніе случаевъ, гдѣ uo замѣняло о въ закрытыхъ слогахъ фонетически (подъ вліяніемъ выпаденія ъ, ь въ слѣдующемъ слогѣ): двѣ нôздрѣ. Игн. зь Никл. 68, зимівля, угрорусск. торгувля.

Примѣчаніе 2. Мнѣ неясно сѣверномалор. мшуого, ср. мныго Гродн. (Бобровскій, 833), мшйго нйч ни спав Кобр. (Бычко-Машко № 13), петпіho Пинск. (Zб. XIII, 210). Быть можетъ, uo замѣнило о подъ вліяніемъ выпаденія ѣ въ предш. слогѣ, но вопросъ остается не яснымъ.

Примѣчаніе 3. Отрицаніе нѣ вм. не возникало передъ слогами съ выпавшими ѣ, і, й (напр. нѣ створи, нѣ сь ли, нѣ имамъ, нѣ усхотѣ); отсюда оно переносилось и въ другіе случаи: нѣ бѣ пришелъ Добрил. ев. (одинъ разъ); нѣ смѣю Поуч. Ефр. Сир.; нѣ остави, нѣ одержиме Хут. служ. XIII—XIV, нѣ ѡбрѣте Пут. ев. 140, нѣ ѡбинуѥся 172, нѣ ѡдѣсте ма 122, да нѣ ѡсквернатьса 178, и т. д.—передъ слѣд. о.

Измѣненіе ь̯ въ j послѣ согласной.

§ 465. Въ § 437 указано, что сочетанія ъ̯j + гласная, съ одной стороны, и ь̯j + гласная, съ другой, въ южнорусскомъ нарѣчіи, послѣ выпа-

денія ѣ и і, измѣнившись одинаково въ сочетаніи j + гласная: sudьjá и bráťija одинаково измѣнились въ sudjá и bráťja. Заключаю объ этомъ изъ того, что какъ въ малорусскомъ, такъ и въ бѣлорусскомъ произошла ассимиляція обоихъ элементовъ этихъ новыхъ сочетаній, въ результатѣ чего явились сочетанія изъ двухъ мягкихъ согласныхъ (sudďa, braťťa). Слѣдовательно, въ южнорусскомъ нарѣчіи, въ противоположность другимъ русскимъ нарѣчіямъ, braťja, измѣнившись, вслѣдствіе выпаденія і, въ bratja, перешло затѣмъ въ braťja: итакъ j перешло въ этомъ нарѣчіи въ j въ положеніи послѣ согласной.

§ 466. Неясно, произошло ли дальнѣйшее измѣненіе сочетаній мягкая согласная + j еще въ южнорусскую эпоху или уже на почвѣ малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій. Возможно, что j ассимилировался предшествующей согласной еще въ южнорусскомъ нарѣчіи. Въ результатѣ ассимиляціи онъ переходилъ въ соотвѣтствующую согласную, и на мѣстѣ сочетанія согласная + j получалось сочетаніе двойная мягкая согласная; впрочемъ, j послѣ ť могъ перейти въ ť только діалектически; также только діалектически имѣлъ мѣсто переходъ j въ мягкую губную послѣ мягкой губной. За группой согласныхъ j вообще исчезалъ, но за аффрикатой č онъ измѣнялся въ č. Приведу примѣры изъ малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій, оговариваясь еще разъ, что эти явленія могли имѣть мѣсто и позже — не въ южнорусскую эпоху.

Въ южнорусскихъ памятникахъ находимъ: своє имєнѣ Поуч. Ефр. Спр. XIII в., отъ терьпа вѣнець Пут. ев. 181, осуженню Ев. Верковича, прязъ обвезаннѣ присягы нашои Буков. гр. 1462 (Крымскій), з моєю печаттю Кіевск. дарств. зап. 1510, по роллѣ Кіевск. воев. приг. 1510, з росказанія Оп. Мозырск. замка 1552, свинне Кіевск. уч. ев. 1604 (Житецкій), спротивленне Лекс. Лавр. Зпз., преумноженне Лекс. Памвы Бер., лят'ся ib.

Въ совр. малор.: браття, зілля, збіжжя, колосся, подружжя, волосся, безладдя, похмілля, коріння, рілля, суддя, стаття, гілля, ніччю, обличчя, гряззю, пірpja (Ogonowski), пірьря Глухов. (В. Бѣлявск. въ Р. Ф. В. 1903), подвірpja (Ogonowski), друге звірря Радомысл. (Тр. II, 16), ссяти (сіять), льлати Иги. зъ Никл. 15, трістя Эн. 5.

Въ бѣлорусскихъ памятникахъ: братанню Увар. сп. Лит. лѣт., платте Крас. Лит., вси князя смоленскии Увар. Лит.

Въ совр. бѣлорусск.: плацьця, калодзьдземъ, ружжо Быхов. (Роман.), вясельля, сватьтя, Ильля (Матер. II), третти, призвання Борис. (Шахм.) судзьдзя Свенц. (Матер. III), свиння, соллю, коханне, нўоччу Слуцк. (Н. Чудовск. въ Р. Ф. В. 1898), барсуччую, песьссе мясо Рогач. (Роман.), валосься

Новоалекс. (Матер. III), клóчча, пахмелля, куцця Минск. (Матер. II), жиццѐ, мужыччо Орш. и Сѣнн. (Рамзевичъ, Магер. I), Васильо, Саватьо, свиньни им. мн., пупадьдéю, съ лошадьдю, сухапутьтя, калдуння, Божыня Матирь, Божжкую, атъ удушьша, третьтю, дявоччiи Ельн. (Добров. I), грудьдю, ручьчомъ льютца Гомел., питіе, пѣше, Хаврюня Ржев. (Э. С. I). Сочетаніе ѓ́ находимъ напр. въ Витебскомъ у.: Юрьря, звярьре (Никифоровскій въ Матер. III), Ягорьря, перьря (Шейнъ, №№ 138, 163); въ Ельн. у.: звирьря́, надворьря, падворьрика, магирьрю (Добров. Э. С. I и II). Сочетаніе двухъ мягкихъ губныхъ, напр.: Дземмяна Новогруд. (Матер. IV), Дя́ммянъ Борис. (Шейнъ, II, 438); любоввю, каппе́ Ржев. (Э. С. I, 268. 237)? подлаввя Лепнел. (Шейнъ, № 36), рыббя Дисн. (ib. № 91), шукорыббія козь Витеб. (Матер. III), вцраббемъ Витеб. (Шейнъ, № 60), зь рыббы́й коски Городок. (Ром. VI, 271).

Примѣчаніе 1. Въ Ржев. у. отмѣчено удвоеніе въ группѣ согласныхъ: змерттю, миласттю, воласттю (Э. С. I). — Въ пиччiи Рогач. (Ром. III, 173) двойное ч ведетъ къ формѣ пѣтичнии. Въ свиньячьчу Бых. (Ром. III, 190) двойное н заимствовано изъ слова свиння. Отмѣчу еще ссемъ Новоалекс. (Матер. II) въ значеніи съѣмъ: здѣсь группа съ j образовалась вслѣдствіе выпаденія ъ. Малор. діалект. бiльий, кзiй Лемк. (Ж. С. 1892, IV, 54) представляютъ упрощеніе двойной согласной. Неясно удвоеніе м въ уремьмя, времьмя Городок. (Ром. VI, 273, 269); быть можетъ, надо исходить изъ уремја и допускать новый процессъ ассимиляціи j предшествующему м.

Переходъ ѣ въ ц въ концѣ слога.

§ 467. Общимъ для малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчія явленіемъ оказывается переходъ ѣ въ концѣ слога въ ц. Это даетъ основаніе возвести его къ южнорусской эпохѣ. Можно было бы допустить, что переходъ этотъ совершился въ обѣихъ областяхъ независимо, но замѣчательно, что тождественными въ малорусскомъ и бѣлорускомъ являются условія, ограничивающія его въ извѣстныхъ предѣлахъ: переходъ ѣ въ ц неизвѣстенъ ни въ формахъ им. падежа м. р. (бѣлор. stoł, voł, γoł, малор. stił, vił, γił). ни въ формахъ р. мн. (бѣлор. kabył, малор. strił, dił), ни въ уменьшительныхъ съ суффиксомъ -ък (бѣлор. γołka, γarełka, viłka; малор. горiлка). Отсюда заключаю, что разсматриваемое явленіе сложилось уже въ южнорусскую эпоху. То обстоятельство, что въ совр. языкѣ имѣются исключенія изъ общаго правила о переходѣ l въ ц въ концѣ слога, показываетъ, что пер-

воначально онъ былъ ограниченъ еще какимъ нибудь физіологическимъ условіемъ, отсутствіе котораго позволяло сохранить ł въ указанномъ положеніи. Переходъ l въ u̯ въ концѣ слога ни въ какомъ случаѣ нельзя объяснить какъ результатъ общаго перехода ł въ u̯, напримѣръ, такого перехода, который имѣлъ мѣсто во многихъ говорахъ польскаго языка, гдѣ l произносится какъ u̯ и передъ гласной. Наиболѣе вѣроятнымъ представляется предположить, что l въ концѣ слога измѣнялось въ u̯ спачала только послѣ нѣкоторыхъ гласныхъ, вѣроятнѣе всего послѣ гласныхъ лабіализовавшихъ o, u; въ сочетаніяхъ же съ предшествующими a, y, а также съ e, i, ѣ сохранялось ł; кромѣ того ł сохранялось и за o, u тамъ, гдѣ вліяніе аналогіи затрудняло его измѣненіе въ u̯; такъ подъ вліяніемъ vał—vała, mѣł—mѣła, вмѣсто stou̯, rou̯ при stoła, roła, являлось произношеніе stoł, roł. Впослѣдствіи, уже по устраненіи физіологической причины, приведшей къ переходу ł въ u̯, звуки ł и u̯ въ концѣ слоговъ распредѣлились въ извѣстныхъ случаяхъ по грамматическимъ категоріямъ: такъ въ им. пад. ед., р. мн. и въ уменьшительныхъ съ суффиксомъ -ък удержилось систематически ł, между тѣмъ въ причастіяхъ u̯ вмѣсто l проникло и въ положеніе послѣ гласныхъ a, i, ѣ, y.

§ 468. Судя по памятникамъ, переходъ ł въ u̯ совершился не раньше XV в., ибо только съ того времени являются написанія съ в вм. л; но едва ли правильно заключать отсюда, что это явленіе такъ поздно установилось и въ живой рѣчи: письмо было стѣснено и графическими навыками и этимологическими соображеніями. Въ полоцкой гр. 1418—1420 читаемъ: оу местерови тоуку; далѣе находимъ Видовда вм. Витолда въ бѣлор. гр. 1442, Вовчькевичъ въ гр. 1497, не вдовзѣ (испр. въ невдолзѣ) въ Четьѣ 1489 г. А. Е. Крымскій изъ памятниковъ южнорусскихъ XVI в. приводитъ: повную, за довгъ, Здовбицу (при Здолбицу), мовчу, жовтобрухъ, а также причастныя формы на -въ вм. -лъ, пытаясь, однако, объяснить ихъ какъ старыя причастія на -въ (Укр. грам., с. 89—90, 93—96). Ср. причастія на -въ бѣлорусскихъ памятникахъ XV—XVI в., напр. услышавъ, пріехавъ, переступивъ Вил. сп. Лит. лѣт. и т. д. (ср. у Карскаго, Бѣлоруссы, II, 402—403). Представляется невѣроятнымъ нефонетическое объясненіе этихъ формъ, а также совр. прош. времени въ малор. и бѣлор. уже потому, что въ ж. и ср. родѣ находимъ окончанія -ла, -ло, во мн. числѣ -ли. Отмѣчу еще форму смовивши вм. смолвивши въ Вил. Лит. и др., указывающую на переходъ лв въ в черезъ посредство ŭв. Что л въ концѣ слога читалось въ XVI в. какъ u̯, видно и изъ употребленія буквы л вмѣсто в (со значеніемъ u̯), напр. оу вольторникь Супр. Лит. 59, оу вольторокъ ib. 46; у волторок Синод. № 790 XVI в. (Карск. I, 403).

§ 469. Приведу примѣры изъ совр. языка. Малор.: поўний, воўк, воўна, доўбати, жоўтий, моўчу; даў, ходиў, проспў.

Бѣлор.: поўны, ваўки, маўчаць, тоўсты, чоўн, доўжына; для паўдня Минск. (Матер. IV), poùtara Новогруд. (Клихъ), дывлiння (разстояніе) Витеб. (Никифоровскій, Матер. III), паутарив (повторивъ) Ржев. (Э. С. I), пашоў, уворовaў, павесиў, кинуў, вѣрыў, пусцiў; byц Новогруд. (Клихъ), zrabiц (ib.).

Примѣчаніе 1. Звукъ ц вмѣсто ľ проникалъ издревле и въ слова съ суфф. -ък. Ср. діалектическія галицк. сопівка, ківкй: въ бѣлор. сп. Тайная Тайныхъ XVI в.: сажевку, въ Лит. статутѣ 1588: сажавка.— Діалектически ц являлось и на мѣстѣ замѣнившаго ľ звука l. ср. карпаторусск. тівко, ківко, бівшій. стебевцé; можетъ быть, такъ же объясняется написаніе въ галицк. Прав. 1421 оу вовЬ (обозначающее u цvovi, непосредственно изъ u lvovi вм. u ľvovi).

Примѣчаніе 2. Можно указать на рядъ случаевъ, гдѣ ц въ видѣ v перенесено въ положеніе передъ гласной: сажавокъ въ Лит. ст. 1588, бѣлор. повин, товист, човин и човян; малор. горівочка, човен.

Придыхательный приступъ передъ начальными гласными.

§ 470. Мы не имѣемъ основанія думать, чтобы начальныя гласныя въ общерусскомъ праязыкѣ произносились съ придыхательнымъ приступомъ; правда, такое произношеніе (какъ указано въ § 96) было свойственно общеслав. праязыку, но здѣсь придых. приступъ успѣлъ измѣниться по крайней мѣрѣ передъ большею частью гласныхъ въ спиранты j, v, γ. Общерусскій праязыкъ утратилъ часть начальныхъ спирантовъ, освободивъ такимъ образомъ гласную начала слова отъ предшествующаго элемента; ср. переходъ je въ e и далѣе въ o, разсмотрѣнный въ § 226. Уже позже, на почвѣ отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій и говоровъ, видимъ развитіе передъ начальными гласными новыхъ спирантовъ, и заключаемъ отсюда о новомъ наступленіи придыхательнаго приступа передъ ними. Согласныя данныя малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій убѣждаютъ въ томъ, что въ южнорусскомъ нарѣчіи такое явленіе получило общее распространеніе. Въ отдѣльныхъ уже говорахъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ придыхательный приступъ измѣнялся въ спиранты ц, j, γ. Приведу примѣры, располагая ихъ по гласнымъ.

§ 471. Начальное a. Малор.: гашгол Уман. (Рудч.), гаспид укр.; jаспид, jангол галицк. — Бѣлор. гарбуз, Гаўгустоў Августовск. (Карск., Матер. IV), Ганна Новоалекс. (Матер. II).

Начальное о. Малор. гочи Брацлавск. (Рудч.), зубы гострыла Козелецк. (Черн. Г. В. 1855 № 17); горати, годи́н, горíх, гострый Укр., горати Кобр. (Бычко-Машко № 17). — joріх Укр., josика, jорати, jовес, jотец, jострый Карпаторусск. — воко, горíх, восика, ворати, вовес, ворел, вострый Галицк., вопа Укр., voko, o̯oko, vorati, o̯ozero, o̯oнeй Угрорусск. (Брокъ); воле междом. Выголекс. сб. XII—XIII в. (Соб. Р. Ф. В. 1884), Архивск. лѣств. XIII — XIV в. (ib.). — Начальное o̯o изъ исконнаго о полудолгаго: ѡко вовьца Гал. ев. 1266—1301, вовьцѣ им. мн., за воовьца, ѡзеро вогньно ib.; къ вовьцамъ Луцк. ib., волтарь Поликарп. ев., вооц̄а, вооц̄и ib., о вовцахъ ib., въть мертвыхъ ib., кнагини Волзѣ Поуч. Ефр. Сир. XIII в. прип.; ворьли Путенск. ев., оу гольга Забѣл. сп. Тверск. лѣт. Совр. укр. вiн, вівця, вітця.

Бѣлор. ш годнаго Рогач. (Ром. III, 181), hораць, hостры, шhо́дзинъ Слуцк. (Чудовск. въ Р. Ф. В. 1898), hораць, hорѣхи, hовцы, hалена Витебск. (Никифоровскій въ Матер. III), haraa̯, haraṇò, ha̯ucu, hadna, pahastryć Волков. (Federowski), hòstry, hawiòs, hawièczka Гродн., Сокольск. (ib.), haràć Лидск. (Weryha, 66), Гаудоця, гось (вотъ), нашоў гарлá, годнáковы, гаўцá, гавёс, гавечки, гарѣхи Зап.-Гродн. (Карск. въ Р. Ф. В. 1901, № 3-4), гуострый Слуцк. (Малевичъ). — восинь, вокошко, вотрубы, возиро, воба, ниводзинъ Витебск. (Никифоровскій), возиро, воба, воўцы и ўоўцы Могил. (Матер. I), возяро Слуцк. (Матер. I), вока Минск. (Матер. II), возеро, ниводзинъ Новоалекс. (ib.), возяра, вось, ни водзенъ Свенц. (Матер. III), на востровъ Рогач. (Ром.), вочы, возяро, вуострый Слуцк. (Малевичъ), ўоко, ўоўца, ўостроў, вóблако (Чудовск. въ Р. Ф. В. 1898), вавúнъ Смол. (О. С. 156), воблакъ, воба Смол. (Добров. О. С. I), z vabrućmì Лидск. (Weryha, 40), войцу, востры и войстры, воспа, vókna Новогруд. (Клихъ) и т. д.

Начальное u. Малор. гулица, гухо Сѣверн., мею гулицею Кобр. (Бычко-Машко № 47).—вуж Збараж. (Рудч.), въдасть и воу роуцѣ Ипат. 268b, воу Татарѣхъ ib. 264a, за вужа ib. 675, на вудици Вѣнск. Окт. XII—XIII (Собол.), вученици Луцк. ев., изо вутра ib., вухо Сѣверномалор., vucho Угрор. (Брокъ).—на юлиці Нѣжинск. (Собол. въ Ж. С. 1892), по юлицамъ Новгород.-Сѣв. (Черн. Г. В. 1855 № 19), юшка Батур. (Черн. Г. В. 1860 № 16), то й юшкою умыесся Козелецк. (Черн. Г. В. 1853 № 37), въ юсци (ib. 1854 № 28), борщу да и юшечки (ib. 1853 № 13), juszki Новоградвол. (Zb. VII, 218), na julku (ib. 199), юха Лемк. (Arch. XIV), южь Игн. зъ Никл. 76, на юмъ Козелецк. (Черн. Г. В. 1853 № 37).

Бѣлор. гулица Зап.-Гродн. (Карск. въ Р. Ф. В. 1901 № 3—4), hy-

лица Витебск. (Никифоровскій), гужъ, т. е. ужъ Слуцк. (Матер. I), гуголь Рогач. (Ро. III, 430), ра húlicy Волков. (Federowski, I, 24), huγaĭočku Борис. (Шахм.). — вумъ, вусъ, вухо, вугаль, вулица Витебск. (Никифоровскій), вужъ, вутка Могил. (Матер. I), вулица Слуцк. (Матер. I), вушы Минск. (Матер. II), вумны, вулачка, вучыць Игум. (ib.). вушица, вужъ Свенц. (Матер. III), вучыцца, вутка Слуцк. (Малевичъ), вутка, вуголь. вумный Ржев. (Э. С. I, 238), вумъ, вузлъ, вужасъ, на вутро Смол. (Добров. Э. С. I). вухо Рогач. (Ром. III, 13).—юшку Полоцк. (Шейнъ, IV, 454). юхá, юшка Мглин. и Стародуб. (М. Н. Косичъ, 120), на юлицу Сураж. (Шейнъ, II, 417), ю мужа Сѣнн. (въ пѣснѣ, Ром. I, 24).

§ 472. Равнымъ образомъ развивался придыхательный приступъ передъ i, переходя затѣмъ въ j, h, γ и даже v. Малор.: гинчии при ничий Галицк., під гіншого цара Бродск. (Етн. зб. I, 9), γинде Лемк. (Arch. XIV), гинший, гива Заслав.-Вол., гинчій, гива Гайсин.-Под., гыва, гыншій Бѣльск.-Люб.; ги́скра и ји́скра Галицк. (Ogonowski); jігўа Лемк. (Arch. XIV). — вістебка (молочная кладовая) Сарны (Вол. Г. В. 1880 № 3).

Бѣлор. гиншым манерам, гиншаго.

Переходъ сочетаній ky, γy, xy въ ki, ǵi, x́i.

§ 473. Уже въ древнѣйшихъ южнорусскихъ и западнорусскихъ памятникахъ находимъ написанія ки, ги, хи вм. кы, гы, хы. Это является для меня главнымъ основаніемъ при допущеніи, что указанный переходъ произошелъ еще въ южнорусскую эпоху; между тѣмъ тотъ же переходъ въ восточнорусскихъ и сѣвернорусскихъ говорахъ имѣлъ мѣсто значительно позже, во многихъ изъ нихъ — не раньше XIV в. Къ заключенію о весьма раннемъ появленіи сочетаній ki, ǵi, x́i въ южнорусскомъ нарѣчіи ведетъ насъ еще то обстоятельство, что въ періодъ отвердѣнія согласныхъ передъ i и передъ e въ малорусскомъ и перехода послѣднихъ въ гласныя средняго ряда сочетанія ky, γy, xy звучали уже ki, ǵi, x́i: угрорусскіе говоры, въ которыхъ старыя i и y не совпали въ одномъ звукѣ, а различаются до сихъ поръ, имѣютъ послѣ k, γ, x звукъ i, а не y, но конечно k, γ, x при этомъ тверды, ибо передъ i отвердѣли вообще всѣ согласныя (явленіе общемалорусское). Такому утвержденію о весьма древнемъ измѣненіи ky, γy, xy въ ki, ǵi, x́i противорѣчитъ, повидимому, то обстоятельство, что въ цѣломъ рядѣ угрорусскихъ говоровъ послѣ k, γ, x является y (Верхратскій знаетъ ï, т. е. звукъ передне-средній, не средній, только по сосѣдству съ Гуцулами), ср. кышень, кышкы́, по́гы, погыбнути, хыжа, хылитися,

сокыра, быкы, кышеня, и т. д.; тоже у галицкихъ Лемковъ. Но я думаю, что ky, γy, xy замѣнили здѣсь kï, γi, xi (изъ ki, γ́i, x́i) вслѣдствіе именно того, что средненебныя несмягченныя перешли въ задненебныя, а задненебныя потребовали за собой задняго звука у (въ угорусскомъ у — болѣе заднее, чѣмъ, напримѣръ, въ великорусскомъ).

§ 474. Переходъ южнорусскихъ ky, γy, xy въ ki, γ́i, x́i (однородный съ такимъ же, но болѣе позднимъ переходомъ въ другихъ русскихъ нарѣчіяхъ) былъ вызванъ, повидимому, измѣненіемъ въ природѣ задненебныхъ согласныхъ. Какъ мы знаемъ, звукъ у въ общерусскомъ праязыкѣ былъ средняго ряда, а предшествующія ему согласныя были лабіализованны, при чемъ лабіализація ихъ восходитъ къ тому времени, когда у звучало еще какъ ū. Съ теченіемъ времени лабіализація согласныхъ, сначала діалектически, стала исчезать въ русскомъ языкѣ; быть можетъ, она утрачивалась въ нѣкоторыхъ рядахъ согласныхъ раньше, чѣмъ въ другихъ; ср. съ этимъ утрату въ польскомъ языкѣ лабіализаціи задненебными и губными согласными раньше утраты лабіализаціи другими согласными (поэтому передъ задненебными и губными не развивается здѣсь о вмѣсто е за мягкой согласной). Повидимому, въ южнорусскомъ нарѣчіи процессъ утраты лабіализаціи (по крайней мѣрѣ задненебными согласными) имѣлъ мѣсто раньше, чѣмъ въ сѣверномъ и восточномъ нарѣчіи. Когда послѣ утраты лабіализаціи задненебными возникли сочетанія нелабіализованныхъ задненебныхъ согласныхъ со звукомъ у, этотъ средній звукъ ассимилировалъ себѣ предшествующія согласныя, которыя перешли при этомъ въ согласныя средняго ряда: $k^{u}y$, $\gamma^{u}y$, $x^{u}y$ перешли въ ky, γy, xy, откуда дальше k̑y, γ̑y, x̑y. Но средненебныя k̑, γ̑, x̑ не удержались въ языкѣ, а перешли въ средненебныя смягченныя; ср. съ этимъ переходъ полумягкихъ согласныхъ въ общерусскомъ праязыкѣ въ мягкія/ Послѣ k̑, γ̑, x̑ звукъ у не могъ удержаться; онъ долженъ былъ перейти въ i; ср. сходное явленіе въ общеславянскомъ праязыкѣ, гдѣ на мѣстѣ ȳ (изъ ū) послѣ j и мягкихъ согласныхъ явилось ī. Такъ перешли kynuti, γybї, xytro, ruky, noγy, muxy въ kinuti, γ́ibї, x́itro, rúki, noγ́i, múx́i.

§ 475. Южнорусскіе памятники представляютъ примѣры для ki, γ́i, x́i уже въ XII в. Такъ въ Гал. ев. 1144 года находимъ: нб̑сьскии 13a, 96a, нб̑сьскіхъ 54a, небесьскімъ 77a, пбс̑кимь 39b, члч̑скии 37a; въ Христинол. ап.: книги 127; въ Добрил. ев. 1164: никии же 51d, вскисе 60c, секира 256c, 257d; въ Типогр. ев. XII в. № 7: покивающе, пикии, секира; въ Ирмолоѣ Григоровича XII—XIII в.: аки, вѣки, отроки (Собол. Очерки). Для XIII в. это уже весьма обычное явленіе. Въ Типогр. ев. XII—XIII в.

№ 6: великіи, людьскиѣ. Въ галицкихъ грамотахъ XIV в. это тоже обычно. Отмѣчу еще кі, гі, хі, какъ обычную черту, въ Быб. ап. XIV в. (П. Копко).— Какъ указано, кі, ґі, хі въ малорусскомъ языкѣ перешли въ кі, ґі, хі, подобно тому, какъ ті, ді, ťе, ďе перешли здѣсь въ ці, дзі, тѣ. дѣ.

Бѣлорусскіе памятники, которые были бы древнѣе XIII—XIV в., намъ неизвѣстны. Но раннее появленіе кі, ґі, хі въ бѣлорусской области можетъ, какъ кажется, подтверждаться наличностью кы, гы, хы въ древнѣйшихъ смоленскихъ памятникахъ. Такъ, напримѣръ, въ грамотѣ 1229 г. (списокъ А), писанной, вѣроятно, въ Смоленскѣ, находимъ: Латинескии. Латинскии, Роускии, Ризкии, Ризкимь, Роускимь, Латинескимъ, лихии, и т. д. Правда, въ бѣлорусскихъ памятникахъ долго и упорно держались написанія кы, гы, хы (примѣры см. у Карскаго, Бѣлоруссы, I, 463—464): но возможно, что это объясняется тѣмъ, что восточнорусскіе говоры, нахлынувшіе въ Бѣлоруссію, равно какъ и сѣверозападнорусскіе (какъ вообще сѣвернорусскіе) долгое сохраняли старое произношеніе съ ы. Въ современномъ бѣлорусскомъ нарѣчіи находимъ исключительно кі, ґі, хі.

Примѣчаніе. Державшееся довольно долго въ нѣкоторыхъ южныхъ памятникахъ правописаніе кы, гы, хы склоняюсь признать искусственнымъ, вызваннымъ частью традиціей, частью болгарскимъ вліяніемъ. Къ этому заключенію ведутъ въ особенности такіе случаи, гдѣ кы, гы, хы замѣняютъ терпимыя даже въ древности сочетанія ки, ги, хи, напр., въ заимствованныхъ изъ греческаго словахъ и именахъ. Ср. напр. въ Указ. ев. чт. XIII в.: никѣты, понахыдѣ, логѣна, архѣстратига, садукѣи, глукѣрья, параскѣвьги, евгѣньа; въ Путеск. ев.: левгѣтъ 103, видѣ левгѣю 128; Быбельск. ап. имѣетъ кѣ, гѣ, хѣ преимущественно въ иноязычныхъ словахъ, какъ указалъ его изслѣдователь П. Копко: макѣдѡнью 12 об., макѣдономъ 21 об., акъхѣи мѣсти. ед. 13, архѣтиктонъ 11 об.

Явленія, свойственныя сѣвернымъ говорамъ южнорусскаго нарѣчія.

§ 476. Какъ указано во введеніи, область, колонизованная южнорусами въ верхнемъ Поднѣпровьѣ, была раньше ихъ занята польскими племенами, Радимичами въ совр. Могилевской губерніи и рядомъ другихъ племенъ къ западу, въ направленіи къ Повислинью. Эти племена были покорены южнорусами, которые, смѣшавшись съ ними и ассимилировавъ ихъ себѣ, восприняли въ свою рѣчь вѣроятно не мало особенностей польскаго произношенія. Къ числу ихъ отношу дзеканье и цеканье, шепелявое произношеніе мяг-

кихъ свистящихъ и отвердѣніе г. Что до дзеканья и цеканья, которое утвердилось указаннымъ путемъ въ Бѣлоруссіи, то его надо признать польскою наносною чертой по слѣдующимъ основаніямъ: во-первыхъ, польскіе говоры, дзекающіе и цекающіе, примыкаютъ къ бѣлорусскимъ непосредственно; во-вторыхъ, явленіе дзеканья и цеканья, усиливаясь на западѣ, на границѣ съ польскою территоріей, ослабляется по направленію къ востоку. Шепелявое произношеніе мягкихъ свистящихъ, какъ увидимъ, тѣсно связано съ дзеканьемъ и цеканьемъ (ибо шепеляво произносится и свистящій призвукъ при т и д мягкихъ); слѣдовательно, и оно также ведетъ насъ къ польскому вліянію. Отвердѣніе г, столь типичное для бѣлорусскаго нарѣчія, стоитъ, вѣроятно, въ связи съ отсутствіемъ твердаго г въ польскомъ, гдѣ оно переходило въ rj, замѣнявшееся затѣмъ—черезъ rž, ž. Болѣе подробное разсмотрѣніе этихъ трехъ явленій принадлежитъ спеціальному труду по исторіи бѣлорусскаго нарѣчія; ограничиваюсь здѣсь краткимъ описаніемъ этихъ явленій.

§ 477. Бѣлорусское цеканье и дзеканье въ памятникахъ обнаруживается не раньше XVI вѣка. Такъ находимъ, напр., въ Библ. кн. XVI в. Виленской Публ. библ. ѡбидець, глаголець, ходець 3 л. ед. (Карскій въ Р. Ф. В. 1892 № 1). Но это обстоятельство не можетъ помѣшать предположенію, что это явленіе очень старое, ведущее свое начало отъ ляшскихъ племенъ, ассимилировавшихся съ южнорусскими насельниками: во-первыхъ, можно думать, что городское населеніе въ Бѣлоруссіи, южнорусское по происхожденію, не скоро восприняло особенности деревенскаго говора, окружавшаго городскіе центры, ляшскаго по своему происхожденію; во-вторыхъ, не скоро могли найти мѣсто въ графикѣ ц вмѣсто т, а тѣмъ болѣе дз вмѣсто д, въ виду консервативности графическихъ пріемовъ; обозначеніе ц изъ т буквой ц могло произойти лишь сравнительно позже, когда замѣститель т мягкаго приблизился въ своемъ произношеніи къ звуку ć, между тѣмъ какъ исконное ć произносилось, повидимому, шепеляво. Какъ отмѣчено изслѣдователями (напр. К. Аппелемъ въ Р. Ф. В. 1880 № 2, с. 211), бѣлорусскія ц́, дз́ не тождественны съ польскими ć, dź («а представляютъ, напр. по указанію Аппеля, середину между польскими c, dz и ć, dź»); слѣдовательно, допустивъ, что цеканье и дзеканье—черта ляшская, можно думать, что первоначально они были нѣсколько иными, чѣмъ теперь, т. е., что первоначально бѣлорусскія ć и ʒ́ произносились такъ же шепеляво, какъ польскія ć и ʒ́, при чемъ шепелявость была постепенно утрачена подъ вліяніемъ русскихъ говоровъ, которымъ она была вообще чужда. Это предположеніе подтверждается нѣкоторыми историческими данными. Супрасльскій сборникъ 1520 г.,

въ составѣ котораго сохранились списки съ Литовской лѣтописи, Патерика и нѣк. другихъ памятниковъ, представляетъ смѣшеніе буквъ т и ч въ сочетаніяхъ ча, чи, че, чю, чь, съ одной стороны, сочетаніяхъ тя, ти, те, тю, ть, съ другой; такъ вмѣсто рекоучи, отчича, полочане, псковичи, выскочивъ, черпечества читаемъ рекоути, отчита, полотяне, псковити, выскотивъ, чернетества; вмѣсто хотять, кестоути, приметь, чтоуть, тьстю — хотячь, кестоучи, примечь, чтоучь, чьщю. Супрасльскій сборникъ написанъ, вѣроятно, около Друцка совр. Могилевской губерніи, въ мѣстности, сосѣдней съ древними поселеніями Радимичей. Слѣдовательно, въ XVI вѣкѣ, въ этой мѣстности ć и ź изъ t́ и d́ произносились на польскій ладъ, шепеляво; смѣшеніе на письмѣ шепеляваго ć и буквы ч (обозначавшей звукъ ć, еще не успѣвшій отвердѣть) вполнѣ естественно.

§ 478. Не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкогда на бѣлорусской территоріи было значительно распространено шепелявое произношеніе ś и ź; его необходимо отнести насчетъ ляшскаго вліянія: въ польскомъ ś и ź шепелявы. Указаніе на шепелявость ś и ź находимъ, напримѣръ, въ упомянутомъ выше Супр. сб. 1520 года: въ немъ смѣшиваются буквы ш, ж и с, з; вмѣсто прославиша, понесоша, вопрошахоуть, погроужати, поможе читаемъ прослависа, понесоса, вопросахоуть, погроузати, помозе; и обратно, вмѣсто слоучиса, оскверниса, крестишаса, книза—слоучиша, оскверниша, крестисаша, книжа. Эту черту Друцкаго говора, къ области котораго относится Супр. сборникъ, нельзя не сопоставить съ шепелявымъ произношеніемъ въ немъ ć и ź. Отмѣчу, что, какъ замѣтилъ А. И. Соболевскій, въ актовыхъ книгахъ города Дорогичина «встрѣчаются — въ небольшомъ количествѣ — особенности малорусскаго нарѣчія и рядомъ съ ними отголоски такъ-называемаго мазураканья сосѣднихъ поляковъ». Въ актѣ 1530 г.: слузбу, тамоспимъ; въ актѣ 1531: черезъ соцкого (Сб. палеогр. сн. съ древн. гр. и актовъ Вил. №№ 31 и 32; рецензія А. И. Соболевскаго на это изданіе въ Ж. М. Н. П. 1884). Такимъ же путемъ проникло смѣшеніе с, з съ ш, ж въ нѣкоторые сѣверномалорусскіе памятники. Поликарп. ев.: въжложити, ложыє, съжижю, w҃верзешиса (рядомъ и очта, обѣщничи); Луцкое ев.: такозде, тозде же; Поуч. Ефр. Сир. XIII в.: помысляи, помысляеси, скрусьна, раздизакться. Въ совр. бѣлорусскихъ говорахъ шепелявость ś и ź такъ же, какъ ć и ź, почти исчезла. Все таки имѣются нѣкоторыя указанія на то, что она мѣстами извѣстна и до сихъ поръ; сошлюсь на Е. Ѳ. Карскаго (Бѣлоруссы II, 15), сообщающаго, что мягкое s во многихъ мѣстностяхъ приближается по своему звуку къ ś: мьг̑илäушки, т. е. могилевскій. Отмѣчу еще сообщеніе анонимнаго автора въ рукописи, принадлежащей собранію покойнаго О. М. Бодянскаго

(нынѣ въ Библіотекѣ Моск. университета), о томъ, что въ одномъ изъ смолепскихъ говоровъ s имѣетъ шепелеватый звукъ, средній между s и š (ср. у Карскаго, ib. II, 457). Обращаю вниманіе на опредѣленное указаніе М. Н. Коспчъ относительно того, что стародубскія и мглинскія ś и ź произносятся иначе, чѣмъ въ другихъ русскихъ говорахъ (впрочемъ, указанія на ихъ шепелеватость она не даетъ).

§ 479. Бѣлорусское отвердѣніе ŕ можно считать чертой, заимствованною изъ польскихъ говоровъ, какъ указано въ § 473: польскій языкъ не имѣетъ мягкаго r; поэтому ляхи, ассимилируясь южнорусамъ въ Бѣлоруссіи, превратили южнорусское ŕ въ концѣ слова и передъ согласными въ r; ŕ передъ гласными они измѣнили непосредственно въ rj (въ сочетаніяхъ rja, rju, rje, rji); отсюда дальше rr и r. Думаю, что бѣлорусское отвердѣніе ŕ не можетъ быть отождествлено съ діалектическимъ малорусскимъ (сѣверномалорусскимъ и галицкимъ) отвердѣніемъ ŕ; въ малорусскомъ отвердѣніе ŕ едва ли не пошло отъ того, что въ предѣлахъ цѣлаго ряда словъ происходило чередованіе r и ŕ въ зависимости отъ отвердѣнія ŕ передъ гласными передняго ряда i и e; morê, morí замѣнили moŕò, moŕi въ силу измѣненія всѣхъ вообще сочетаній мягкихъ согласныхъ съ гласными передняго и средняго ряда въ сочетанія твердыхъ согласныхъ съ гласными средняго ряда; это могло повести къ измѣненію moŕa, moŕu въ mora, moru; ср. появленіе -la вмѣсто -ŕa въ восточномалорусскихъ говорахъ въ формахъ причастія ж. р. подъ вліяніемъ lí вмѣсто -rí. Въ бѣлорусскомъ нарѣчіи такой причины отвердѣнія ŕ указать нельзя, и остается предположить иноязычное вліяніе. Судя по памятникамъ, отвердѣніе ŕ восходитъ къ XV вѣку, но едва ли можно сомнѣваться, что въ живой рѣчи оно упрочилось гораздо раньше. Приведу нѣсколько примѣровъ изъ памятниковъ: прегразны̑ Сб. XV в. Публ. библ. № 391; говорꙋ́, крычā̑, прамы̑ Библ. кн. XVI в. Вил. Публ. библ. (Карскій въ Р. Ф. В. 1892 № 1); цр̄а, створоу, Браньскы̑, ѡбращеши, пекаромь, дщеръ Супр. сб. 1520 г.; по мору, пры нихъ, вѣрыли, тры, Кипрыянъ, з Марынна городка, прысягу, Василеи Дмитрэевич Позн. сб. XVI в., и мн. др.

Въ совр. бѣлорусской территоріи отвердѣніе ŕ распредѣляется далеко неравномѣрно. Проф. Карскій дѣлитъ бѣлорусскіе говоры на твердоэрые и мягкоэрые; твердое r, по его указанію, имѣютъ говоры западные, мягкое— говоры сѣверовосточные. Но, кажется, правильнѣе было бы опредѣлить мягкоэрые говоры вообще какъ восточные, ибо и на юговостокѣ, что̀ видно на діалектической картѣ проф. Карскаго, r произносится мягко. Нельзя не согласиться съ проф. Карскимъ, что мягкость ŕ (сохраненіе мягкаго r) обязана вліянію сосѣднихъ сѣверновеликорусскихъ и южновеликорусскихъ гово-

ровъ; слѣдовательно, и здѣсь, какъ и при дзеканьѣ-цеканьѣ, рѣзко выдержано противоположеніе запада востоку; и это дѣлаетъ вѣроятнымъ ляшское происхожденіе разсматриваемой черты.

Глава III. Явленія сѣверноруссніе.

§ 480. Сѣверорусская эпоха, сѣверорусскія явленія противополагаются сѣверновеликорусскимъ. Критеріемъ для такого противоположенія могутъ служить слѣдующія соображенія: во-первыхъ, древность того или другого явленія, засвидѣтельствованная памятниками; во-вторыхъ, распространеніе его во всей вообще области современныхъ сѣверновеликорусскихъ говоровъ; въ-третьихъ, данныя въ пользу того, что изслѣдуемое явленіе не случилось въ позднѣйшую эпоху совмѣстнаго жительства сѣверорусовъ съ восточнорусами, когда они въ силу политическихъ и экономическихъ связей образовали одно великорусское цѣлое. Сѣверорусское нарѣчіе исконно распадалось на восточную и западную вѣтви; отличительныя особенности говоровъ, входившихъ въ составъ западной вѣтви, заимствованы ими главнымъ образомъ отъ тѣхъ ляшскихъ племенъ сѣверной части современной Бѣлоруссіи и Псковской области, которыя смѣшались съ насѣвшими на нихъ сѣверорусами. Разсмотрю сначала общія всему сѣверному нарѣчію явленія, а затѣмъ явленія западныхъ его говоровъ.

§ 481. Выше намъ пришлось отмѣтить нѣсколько характерныхъ для сѣверорусскаго нарѣчія чертъ, отличавшихъ его частью отъ южнаго и восточнаго, частью отъ одного южнаго нарѣчія. Сюда относятся: сохраненіе g, перешедшаго въ обоихъ другихъ нарѣчіяхъ въ γ (§ 446); отсутствіе ź (кромѣ однако въ положеніи за ž), сохранявшагося діалектически въ южномъ нарѣчіи; отсутствіе ś, сохранившагося въ нѣкоторыхъ говорахъ южнаго нарѣчія; наконецъ, отсутствіе чертъ, разсмотрѣнныхъ въ предъидущей главѣ, обособившихъ южное нарѣчіе.

Смѣшеніе ч и ц.

§ 482. Одной изъ древнѣйшихъ и типичнѣйшихъ особенностей сѣверорусскаго нарѣчія было смѣшеніе č и ć. Судя по нѣкоторымъ современнымъ говорамъ, можно думать, что č и ć собственно не смѣшивались, но перешли въ одинъ общій звукъ, средній между č и ć, слѣдовательно, въ ć шепелявое; но рядомъ существуютъ говоры, которые дѣйствительно смѣшали этимологическія č и ć, сохраняя раздѣльность обоихъ звуковъ, но употребляя ихъ

несогласно съ этимологіей; наконецъ, видимъ говоры, въ которыхъ ć было вытѣснено ć, а также и такіе, гдѣ произошло обратное этому вытѣсненіе. Обращаясь къ памятникамъ, видимъ, что и они свидѣтельствуютъ какъ о смѣшанномъ употребленіи ч и ц, такъ и о вытѣсненіи ч черезъ ц и, наконецъ, о вытѣсненіи ц черезъ ч. Соображая все это, приходится искать такое объясненіе разсматриваемому явленію, которое выяснило бы его во всемъ его разнообразіи. Всего естественнѣе предположить здѣсь наличность иноязычнаго вліянія, и именно ляшскаго. Сѣверорусы, двигаясь изъ средняго Поднѣпровья, вверхъ по Днѣпру въ сѣверное Поднѣпровье и въ озерную область, должны были встрѣтить на своемъ пути ляшскія племена, Радимичей и другія племена, населявшія совр. Бѣлоруссію. Пробиваясь черезъ ляховъ, сѣверорусы могли смѣшаться съ ними, увлекая ихъ въ дальнѣйшія движенія, ассимилируя ихъ себѣ, но и воспринимая нѣкоторыя черты и отъ нихъ. Ляшскія племена восточной отрасли принадлежали, конечно, по своему говору къ племенамъ мазуракающимъ, т. е. измѣнившимъ č, ž, š въ c, z, s; рядомъ существовавшія здѣсь ć, ź, ś произносились ими, какъ всѣми вообще поляками, шепеляво. Результатомъ смѣшенія русскихъ племенъ съ подобными польскими было въ нѣкоторыхъ изъ нихъ шепелявое произношеніе ć, ź, ś и смѣшеніе ć̀ съ шепелявымъ ć, замѣна ć̀ звукомъ ć шепелявымъ; другія русскія племена, не усвоивая себѣ ś, ź шепелявыхъ, замѣнили однако свое ć̀ шепелявымъ ć; третьи, подъ указаннымъ иноязычнымъ вліяніемъ, не усвоивая себѣ вообще шепеляваго произношенія, смѣшали этимологическія ć̀ и ć (не различавшіяся въ мазуракающихъ говорахъ). Такимъ образомъ общимъ для всѣхъ сѣверорусскихъ говоровъ явленіемъ было смѣшеніе ć̀ и ć; нѣкоторыя изъ нихъ смѣшали ć̀ и ć въ звукѣ ć шепелявомъ; что до шепеляваго произношенія ś и ź, то оно, какъ увидимъ, было усвоено только окраинными говорами сѣверорусскаго нарѣчія.

Примѣчаніе. Предположеніе о томъ, что смѣшеніе ć̀ и ć въ сѣверорусскихъ говорахъ черта запмствованная, представляется мнѣ необходимымъ потому, что иначе трудно понять это явленіе. Если бы ć̀ перешло въ ć по той или иной физіологической причинѣ, то непонятно было бы, какъ же могло сохраниться въ тѣхъ же говорахъ ć̀ и даже получить распространеніе насчетъ ć; если бы ć̀ и ć совпали въ одномъ звукѣ (скажемъ ć шепелявомъ), то неясно, какимъ образомъ отдѣльные сѣверорусскіе говоры пришли къ измѣненію ć шепеляваго въ ć и ć̀ и къ смѣшанному употребленію этихъ звуковъ.

§ 483. Памятники доказываютъ, что смѣшеніе ć̀ и ć было чертой, исконно свойственною сѣверорусскому нарѣчію. Оно находится въ древнѣй-

шихъ памятникахъ новгородскаго письма, кромѣ Остр. ев. Такъ въ Минеѣ 1095 г.: оц҃ьскымь 4б, тропчею въ три лича 10а, вѣньчь 15а, родительница 14б, въ страдальчихъ 14б, въ тьмьничи 19а, и т. д. Въ Минеѣ 1096 г.: коньцание 15а, вѣньчьмь 17а, 50б, преже коньча 54а, срд҃ьнам 64б. Въ Минеѣ 1097 г.: срд҃цьною 83б, прочьветь 123а. Для XII в. укажу напр. на Стих. 1157 года: паце 55а, цада 11в, об҃ъцьнень 7а, цловѣкъ 97в, чьсара 130а, цьто 162в, вчеленим 38в и др. Отъ XIII в. до насъ дошло нѣсколько новгородскихъ грамотъ; всѣ онѣ смѣшиваютъ ч и ц; напр., догов. 1265 г.: коупцинѣ, на цѣмь то, заволоцьк; догов. 1270 г.: проць. про коупче. Въ Вопрош. Кирика: свѣцю, руче въздѣвати: въ духовной Климента: савиница. Отъ XIV в. до насъ дошли новгородскія лѣтописи: Синодальный списокъ во всѣхъ трехъ частяхъ своихъ представляетъ смѣшеніе буквъ ч и ц.

§ 484. Явленіе это не ограничивалось одною Новгородскою областью. Мы находимъ его на Сѣверной Двинѣ, что видно изъ многочисленныхъ грамотъ XV в.,—въ Суздальской области, что видно, напримѣръ, изъ Лавр. лѣтописи: робичица 99 об., ѡколо Торопча 154, сѣцяхуся (впрочемъ, въ Лавр. эти случаи крайне рѣдки); также изъ Синод. рукописи 1296 года, писанной въ Сузд. области, — въ Вологдѣ, Ростовѣ, Ярославлѣ.

Примѣчаніе. О распространенности изслѣдуемаго явленія на западѣ, въ Псковѣ, Полоцкѣ, Смоленскѣ, скажу дальше.

§ 485. Современные сѣверорусскіе говоры сохраняютъ эту черту древности до сихъ поръ. Среди нихъ имѣются говоры, преимущественно цокающіе, далѣе такіе, которые замѣняютъ преимущественно ц на ч, наконецъ, говоры, представляющіе на мѣстѣ ч и ц одинъ общій звукъ — шепелявое ć.

Среди сѣверорусскихъ говоровъ многіе не смѣшиваютъ ć и ć. Думаю, что различеніе обоихъ звуковъ, этимологическое ихъ возстановленіе совершилось подъ вліяніемъ восточнорусскихъ говоровъ. Такъ напр., въ пріокской области, быть можетъ, издревле существуютъ говоры, не допускающіе смѣшенія ć и ć; весьма часто эта черта сопровождается другою, чуждою сѣверорусскому нарѣчію, а именно, редукціей неударяемыхъ и непредударныхъ о, е, а. Изъ пріокской области шла одна изъ колонизаціонныхъ волнъ, наводнившихъ Сѣверо-двинскій край: отсутствіе смѣшенія ч и ц во многихъ говорахъ Архангельскаго и Холмогорскаго уѣзда, такъ же какъ, напр., переходъ въ нихъ конечнаго о въ а, естественно признать слѣдствіемъ вліянія этой колонизаціонной волны.

Діалектическое отвердѣніе конечнаго ť въ 3 л.

§ 486. Современное сѣверновеликорусское нарѣчіе противополагается сосѣднимъ нарѣчіямъ—бѣлорусскому и южновеликорусскому послѣдовательно проведеннымъ во всей его области отвердѣніемъ ť изъ ťь въ 3 л. ед. числа. Равнымъ образомъ находимъ t вмѣсто ť въ 3 л. мн., но въ одномъ изъ современныхъ говоровъ (въ Заонежьѣ) ť держится здѣсь до сихъ поръ, однако, только въ окончаніи—uť (рядомъ—ať). Памятники не позволяютъ признать это явленіе предшествующимъ образованію великорусскихъ (т. е. общихъ сѣвернорусскому и восточнорусскому нарѣчіямъ) особенностей. Можно указать рядъ новгородскихъ памятниковъ XIV—XV в., сохраняющихъ ť (пишется — ть), напр., Синод. списокъ Новгор. лѣтописи, новгородскія договорныя XIII—XIV в., Бѣлозерскую уст. гр. 1488 г. (А. А. Э. I, № 123), и мн. др.; равнымъ образомъ упорно держится ť на Сѣв. Двинѣ въ XV в. и даже въ XVI в. Тѣмъ не менѣе глубокая древность явленія свидѣтельствуется, во-первыхъ, широкимъ распространеніемъ его въ совр. сѣверновеликорусской области; быть можетъ, оно отчасти объясняется тѣмъ, что твердое t въ 3 л. упрочилось въ центральныхъ говорахъ великорусскихъ (напр. въ московскомъ); во-вторыхъ, показаніями памятниковъ, представляющихъ -ть уже съ XIII в. Такъ въ Новг. гр. 1257—63 и совр. копіи съ договорной 1189—99 г. находимъ: оучинитъ, придетъ, оубьютъ; въ гр. 1266—77: гостить; въ Русской Правдѣ по Кормч. 1282: то которыи дѣчькыи дѣтии ихъ дѣлитъ, въ двинскихъ грамотахъ XV в.: стоитъ, преступитъ, идетъ, дадутъ, дастъ, заложитъ, будетъ, восходятъ.

§ 487. Отвердѣніе ť произошло фонетически и указываетъ, вѣроятно, на общее стремленіе замѣнять въ концѣ слова мягкія согласныя твердыми, если этому не препятствуетъ вліяніе аналогіи со стороны случаевъ, гдѣ мягкость согласныхъ защищена положеніемъ передъ гласной; такъ въ инф. ť сохраняется подъ вліяніемъ — tí (брать, ср. нести́); въ им. ед. мягкія согласныя сохраняются подъ вліяніемъ косв. падежей (krov́, ср. krovi), и т. д.

Примѣчаніе 1. Въ нѣкоторыхъ памятникахъ -ть, можетъ быть, обязано вліянію церковно-слав. оригинала или церковной рѣчи, гдѣ -ть (отсюда t) могло держаться искони. — Отвердѣніе ť въ 3 л. извѣстно и въ сѣверномалор. и въ галицкихъ говорахъ.

Примѣчаніе 2. Возможно, что вытѣсненію ť черезъ t содѣйствовала связь съ формой указат. мѣстоименія тъ. На это указывало бы, во-первыхъ, діалектическое -то въ 3 л. ед.: идето, ходито (уже отсюда о проникло во 2 л.: идёшо); во-вторыхъ, также и то, что, судя по

указанному выше говору Заонежья, твердое t явилось раньше въ 3 л. ед., позже въ 3 л. мн. Этотъ говоръ наблюдается въ сѣверной части Петрозав. уѣзда и прилегающей къ нему части Повѣнецкаго уѣзда: жнуть, насажывають, жмуть, доставають, могуть, гребуть, навезуть, придуть, ѣдуть, выпишуть; въ сказкѣ: идуть, стучать, гремять калики перехожіи (Шахм.); цитають, играють, давають, поють (Рыбниковъ).

Діалектическое измѣненіе сочетаній $\overset{s}{\check{s}}\overset{c}{\acute{c}}$ и $\overset{z}{\check{z}}\overset{z}{\acute{z}}$.

§ 488. Общею многимъ сѣверноруссскимъ говорамъ, быть можетъ, даже и всему сѣверному нарѣчію чертою, слѣдуетъ, кажется, признать переходъ сочетаній $\overset{s}{\check{s}}\overset{c}{\acute{c}}$ и $\overset{z}{\check{z}}\overset{z}{\acute{z}}$ въ $\overset{s}{\check{s}}\overset{c}{\acute{c}}$ и $\overset{z}{\check{z}}\overset{z}{\acute{z}}$, гдѣ $\overset{c}{\acute{c}}$ и $\overset{z}{\acute{z}}$ обозначаютъ шепелявыя ć, ź. Въ западныхъ говорахъ, какъ увидимъ, отсюда могли являться и $\overset{s}{\acute{s}}\overset{c}{\acute{c}}$, $\overset{z}{\acute{z}}\overset{z}{\acute{z}}$ съ шепелявыми ś и ź, но въ восточныхъ говорахъ, гдѣ вообще были извѣстны только шепелявыя $\overset{c}{\acute{c}}$ и $\overset{z}{\acute{z}}$ (а не $\overset{s}{\acute{s}}$ и $\overset{z}{\acute{z}}$), это измѣненіе не было извѣстно. И въ восточныхъ и въ западныхъ говорахъ $\overset{s}{\check{s}}\overset{c}{\acute{c}}$ и $\overset{z}{\check{z}}\overset{z}{\acute{z}}$ перешли затѣмъ въ $\overset{s}{\check{s}}\overset{j}{\acute{j}}$ и $\overset{z}{\check{z}}$j; переходъ этотъ шелъ путемъ утраты взрывнаго элемента во второй части сочетаній. Впослѣдствіи сочетанія $\overset{s}{\check{s}}\overset{j}{\acute{j}}$ и $\overset{z}{\check{z}}$j измѣнились, вслѣдствіе ассимиляціи $\overset{j}{\acute{j}}$ и j предшествующимъ согласнымъ, въ $\overset{s}{\check{s}}\overset{s}{\check{s}}$ и $\overset{z}{\check{z}}\overset{z}{\check{z}}$; ср. подобное произношеніе въ значительной части современныхъ сѣверновеликорусскихъ говоровъ. Но въ XI—XIV вѣкахъ сочетанія $\overset{s}{\check{s}}\overset{j}{\acute{j}}$ и $\overset{z}{\check{z}}$j держались на новгородскомъ сѣверѣ; это доказывается, думаю, памятниками.

§ 489. Сочетаніе $\overset{z}{\check{z}}$j передавалось буквами жг, что мы находимъ въ сѣверныхъ памятникахъ, начиная съ XI в. Изобразить j черезъ г было вполнѣ естественно для писцовъ, которые въ церковномъ свое произношеніи читали г нерѣдко какъ j, ср. сдѣланныя въ § 307 указанія. Что до $\overset{s}{\check{s}}\overset{j}{\acute{j}}$, то передача этого сочетанія на письмѣ оказалась затруднительной, ибо звукъ $\overset{j}{\acute{j}}$ не былъ извѣстенъ въ самостоятельномъ употребленіи; изобразить его черезъ шч представлялось, конечно, неудобнымъ. Памятники, сохраняя вообще традиціонное щ, которое читалось какъ $\overset{s}{\check{s}}\overset{j}{\acute{j}}$, имѣютъ при немъ и написаніе шг, опуская, слѣдовательно, второй элементъ сочетанія $\overset{s}{\check{s}}\overset{j}{\acute{j}}$; ср. съ этимъ передачу $\overset{z}{\check{z}}$j не только черезъ жг, но и черезъ ж.

§ 490. Приведу примѣры для жг изъ памятниковъ: дъжгь 60а, одъжги, ижгилъ 133а, въжгелавъши 144в Минея 1095 г. № 194; дъжгь 101а, дъжгемь 76в, бездъжьемь 77в, въжгелѣвъши 81а Минея XI в. № 221; одъжгивъи Стих. 1157, 80в; одъжгающи Майск. Минея Синод. XII в. № 166, 171в; пригвоэжгено Прол. XIII в. (Св. и Зам. № 87); дъжгь 84а, ѡдъжги 41а Парем. 1271 г.; дъжгь Синод. Новг. 1-й 105б; дъжгить 62в,

бездожгнн 59a, дожды 85в Суздр. рукоп. 1296 г. Син. № 836; з' дожгемъ Комм. Новг. 1-й, 427; дъжгь 29d, 30a, дъжгаѧть 26a, ѡдъжгни 84c Ев. 1270 г. Примѣры изъ псковскихъ памятниковъ указаны ниже, § 496.

Примѣчаніе. Замѣчательно, что церковное жд (которому въ русскомъ языкѣ соотвѣтствовало этимологически ж) передавалось также въ произношеніи черезъ ǯǯ, откуда, согласно § 485, ǯj. Ср. жг на мѣстѣ церковнослав. жд, напр., въ: прѣжге Минея 1095, 84a, рожгеніе ib. 165в, рожгеныхъ ib. 136в, побѣжгенъ ib. 164a; чюжгни Псалт. XIV в. Соф. (Д. Абрамовичъ, I, 110).

§ 491. Приведу примѣры для ж и ш, употребленныхъ какъ обозначеніе сочетаній ǯj и ʃ́χ: бездъжье Минея XI в. № 221, 78a; въжелѣвъши, Майск. Минея XII в. № 166, 19b, ражьгъсѧ ib. 53a, въжелаѥмоуоумꙋ ib. 21a, ражьгъсѧ ib. 53a; въжелѣвъше Стих. 1157, 141в; въжелѣхъ Суздр. рпсь 1296 Синод. № 836, 56в, джить (вм. дъжгить) ib. 86a; пженоуть Ев. 1270, 89a, пженоутьсѧ 32a; — свашенъши, просвѣшенша, соудиши мѣстн. ед., съмоушаеть, възовоушаго, живоушии, поюшимъ Минея XI в. № 221; прошеніѥ Минея 1095, 116в, 141a, прошеніе ib. 84в; славашаѧ Минея авг. Типогр. № 125, 111 об., носашааго 112 об., просвѣшение 18 об.

Примѣчаніе. Не надо упускать изъ виду предложеннаго В. Н. Щепкинымъ объясненія ш вм. щ въ старослав. памятникахъ: ш можетъ свидѣтельствовать о шт оригинала, оставшемся недописаннымъ (Разс. о яз. Савв. кн., 37); возможно, что такъ же явилось ш и въ нѣкоторыхъ древнерусск. памятникахъ.

Діалектическое измѣненіе ѣ въ і.

§ 492. Монофтонгизація ѣ въ е въ сѣверпорусскомъ нарѣчіи можетъ представляться чертою, общею этому нарѣчію съ восточнорусскимъ. Но переходъ ѣ въ і характеризуетъ рядъ діалектовъ сѣверпорусскихъ, лишь спорадически появляясь въ восточнорусскихъ (южновеликорусскихъ) говорахъ (имѣю въ виду здѣсь, конечно, только ударяемые слоги). Это даетъ основаніе думать, что сѣверпорусское ѣ исконно отличалось по звуку отъ восточнорусскаго ѣ. Послѣднее, какъ кажется, сохраняло дольше другихъ нарѣчій то исконное различіе въ произношеніи ѣ, которое завпсѣло отъ положенія его въ словѣ (ср. § 15). Вѣроятно, что общерусскій праязыкъ сохранялъ произношеніе іе въ концѣ слова и передъ мягкой согласной, рядомъ съ еа передъ твердою согласною; отсюда, какъ увидимъ, въ восточпорусскомъ ê передъ мягкой согласной, е—въ концѣ слова и передъ твердой согласной. Сѣ-

вернорусское нарѣчіе измѣнило, какъ кажется, іе въ концѣ слова и передъ мягкой согласной въ іе̂, а еӓ передъ твердой согласной въ іе, т. е. замѣнило вторыя части обѣихъ сложныхъ гласныхъ болѣе закрытыми звуками: обпер. ḿеӓга, ḿіеґіlѣ, gubіе перешли въ ḿіега, ḿіеґіl, gubіе̂. Такое предположеніе объясняетъ, какъ кажется, ту различную судьбу, которую имѣло ѣ въ сѣверноруссклхъ говорахъ. Мы находимъ здѣсь, во-первыхъ, говоры, измѣнившіе іе въ е открытое, а іе̂ въ ê закрытое; во-вторыхъ, говоры, измѣнившіе іе въ е открытое, а іе̂ въ і; въ-третьихъ, говоры, измѣнившіе іе и іе̂ въ ê закрытое; въ-четвертыхъ, говоры, измѣнившіе іе и іе̂ въ і. Разсмотрѣніе всѣхъ этихъ явленій входитъ въ задачу спеціальнаго изслѣдованія о великорусскомъ нарѣчіи. Здѣсь ограничусь лишь немногими указаніями.

§ 493. Приведу примѣры для говоровъ, представляющихъ на мѣстѣ ископнаго ѣ звуки і передъ мягкой согласной и ê передъ твердой и въ концѣ слова (подъ ударсніемъ). Тотем. хґіівеć, хґêр, gґііґі, gґêц, jіś, jês, śіґе, śêга, na svíte, svêt, śêno, sńêk, ďіґі, víńik, ońê, fśê. (О. Брокъ). Примѣры для говоровъ, представляющихъ на мѣстѣ ѣ въ концѣ слова и передъ мягкой согласной і, а передъ твердой е. Костром. у.: стрпча, лпнь, вйтеръ, диверь, мпсяцъ, отдплёнъ (Н. Виноградовъ). Бѣлоз. у.: лзетъ, диверь, захтили, цидить, встрпця (бр. Соколовы). Нолинск. у.: митить, спмя, повпсить. здпсь (прогр. № 52). Ярослав. губ.: отвѣтъ-отвитить, јѣсъ-јпсь, влѣсъ-лпсьница (Тихвинск. въ Р. Ф. В. 1890 № 3). — Примѣры для говоровъ, гдѣ ѣ вообще замѣнено чередъ ê: хлѣп, сѣно, сѣпи, тѣсто Пудож. (Шахм.). Примѣры для говоровъ, измѣнившихъ ѣ вообще въ і. Новгор. у. Тёсовская волость: здилаютъ, старовиры, желизна, милкой, силъ, синокосъ, хлибопашество (Н. М. Каринскій). Краспоуф.: викъ, грихъ, спрый, дивка, бида, рика (прогр. № 139). Слободск.: свитъ, дило, рипа, клитка, нитъ. зивать (прогр. № 65). Пошех. у. с. Захарьевщино: хлибъ, сино, дило, мпль. нпмець. обпдня (отв. на прогр. Якушк.).

§ 494. Приведу примѣры для и вмѣсто ѣ изъ древнихъ сѣверпорусскихъ памятниковъ. Новгор. ев. 1355: тило, человпкомъ, колипома, желизными, болихъ, пинязь, запричая, к женп, на мѣсти и др. (Соболевскій въ Ж. М. Н. П. 1886). Ев. до 1362: опрпснокъ, о хлѣбихъ, видихъ, скорбити (ib.). Требникъ гр. Шереметева XIV в.: на колину, притикам, въ облачихъ. въ страни, въсхоти, хотпшпм, говпнпе. Двинск. гр. XV в. № 28: спна. на писку, в рицки, дитемъ, въ сосъники, соби; № 54: по володпнью, мпсто, многогрпшпъп, на Сюзмп рикѣ; № 110: мпсто, на литпон стороны, дитеи, в викѣ, парьфпнеи, шндрпевп. Новгор. лѣт. Комм.: корилу, прпхалъ. сгори, нитуть,

загорися, хотн, поболивъ, проскипомъ, медвидь, шистомъ, в городки. Новг. лѣт. по Арх. сп. XVI—XVII в.: шлъ молебны, невирно, велилъ, сино, телігы, билому, безъ отмины, ціло, поихалъ, тима, повисіли, бѣлки лишей. Сб. XVI в. Соф. № 1448: восхоти, человицы, висть, писпеписець, сивере, имиа и др. (А. Поповъ, Книга бытія неба и земли). Богдан. Злат. XVI в., какъ указываетъ его изслѣдователь Л. Л. Васильевъ, обнаруживаетъ столько случаевъ употребленія и вм. ѣ, что ихъ «приходится считать не десятками и сотнями, а тысячами»: цилъ, побида, обрилъ, слипъ, линостію, звистно, свита, мисець, слишець, болизнеми, чародиемъ, блговищѹ, бисовьскими и т. д. Виленск. сп. Лѣт. Авр. нач. XVI в.: в печенигы, питоу, повелиша, разгнѣваса, дитинца, по дви нощи, по старіни. Новоросс. сп. Новг. 4-й: паче миры, прібигло, повелї, в рѣці, за рикѹ, побиди, чоловико^{м}, прибижавъ. Ипат. лѣт.: ефримъ, ѡслипилъ, ѡсвитиши, раздилиса, стрилити, видинье. Палея 1494: оприскокы, на холми, дивица, оузри Заор., прѣгришивъ, и т. д.

Волог. евангеліе XVI в. Синод. арх. № 58, какъ показалъ Л. Л. Васильевъ, представляетъ такой говоръ, гдѣ ѣ передъ твердыми согласными звучитъ какъ е, а передъ мягкими какъ и: бесъ, гневъ, крепка, мероу, снегъ, векъ, опреснокъ, хлеба, слепа, делаю, задеша, ѡбрежоуть, со свещами (ж, ш, щ произносились лицомъ, писавшимъ евангеліе, очевидно твердо, въ противоположность ч, ц, остававшимся мягкими)—хлиби, винець, колини, биси, клить, вичныи, во вики, в михи, развие, довлиеть, ѿсицы, и т. д.

Примѣчаніе. Замѣна и черезъ ѣ на письмѣ доказываетъ произношеніе ѣ какъ и. Въ рядѣ памятниковъ, названныхъ выше, замѣчается это графическое явленіе, служащее такимъ образомъ подтвержденіемъ тому, что ѣ дѣйствительно произносилось ихъ писцами какъ и.

§ 495. Рядомъ съ этими данными находимъ рядъ памятниковъ сѣвернор. нарѣчія, свидѣтельствующихъ о раннемъ совпаденіи звука ѣ со звукомъ е. Такъ напр. въ Кормчей 1282 года находимъ: поръвѣть, ѡбѣль, по холоньи речи, г҃. гривне продаже, ѡ перевесехъ, железа и т. д. Во многихъ двинскихъ грамотахъ XV в. смѣшеніе буквъ е и ѣ свидѣтельствуетъ о совпаденіи этихъ звуковъ, напр. въ № 109: месту, владелъ, железа, оуделу, детемъ, перевесищо, реки; въ № 92: по ѡбе стороии, на губе, въ Левкове води, въ половине, место, темъ, собе; въ № 68: деверь, на Еванцеве жени, надобе, белъ р. мн.; въ № 81: по речкѣ, рекѹ, розделнои грамоте и т. д.

Примѣчанія 1. Далеко не всякій памятникъ, смѣшивающій буквы е и ѣ, можетъ служить надежнымъ свидѣтельствомъ въ пользу смѣшенія соотвѣтствующихъ звуковъ въ живой рѣчи. Дѣло въ томъ, что

въ церковномъ чтеніи ѣ произносилось какъ е, и это неминуемо вело къ смѣшенію ихъ на письмѣ. Вотъ почему даже въ древнѣйшихъ южныхъ памятникахъ можно видѣть смѣшеніе буквъ е и ѣ. Смѣшеніе е и ѣ въ первыхъ двухъ частяхъ Синод. списка Новгор. 1-й лѣтописи, содержащихъ много архаическаго, перешедшаго изъ древняго оригинала, едва ли не обязано механическому воспроизведенію оригинала, при которомъ ѣ передавалось черезъ е; третья часть почти свободна отъ этого смѣшенія. Новгородскія договорныя XIII в. смѣшиваютъ е и ѣ въ противоположность позднѣйшимъ.

Примѣчаніе 2. Можно указать рядъ сѣверноруссскихъ памятниковъ XIV и XV в., гдѣ ѣ употребляется правильно. Ограничусь ссылкой на новгородскія договорныя XIV в. или на сорокъ двинскихъ грамотъ XV в. изъ общаго числа восмидесяти: въ нихъ не найдемъ случаевъ смѣшенія е и ѣ.

Примѣчаніе 3. Совершенно особо стоитъ вопросъ о произношеніи ѣ въ началѣ слога. Повидимому, указанный выше переходъ еа въ іе не имѣлъ мѣста въ положеніи послѣ j; сочетаніе jеа измѣнилось въ jе. Это объясняетъ намъ появленіе написанія ѥ вм. ѣ въ началѣ слога въ памятникахъ, правильно вообще употребляющихъ ѣ: ср. ѥдъ, ѿѥхалъ въ новгородскихъ договорныхъ XIV в. Равнымъ образомъ это объясняетъ, почему въ положеніи за j въ описанномъ Брокомъ тотемскомъ говорѣ ѣ совпадаетъ съ е: ср. произношеніе ješ, jes, jedu, jехаu (правда, при jêš, jês, jêm, jêхаť). — Ср. § 194.

Явленія, свойственныя западнымъ и южнымъ говорамъ сѣверноруссскаго нарѣчія.

§ 496. Сѣверноруссы, пробившись черезъ верхнее Поднѣпровье, двинулись въ двухъ главныхъ направленіяхъ: сѣверовосточномъ, приведшемъ ихъ къ обладанію озерною областью и верхнимъ Поволжьемъ, и сѣверозападномъ — по теченію Западной Двины. Назовемъ племена, двинувшіяся въ первомъ направленіи, Словѣнами, а племена, оставшіяся въ верхнемъ Поднѣпровьѣ и занявшія бассейнъ Западной Двины, Кривичами. Кривичи—это, слѣдовательно, западная отрасль сѣверноруссскаго племени. Словѣне, благодаря своему движенію на сѣверъ и сѣверовостокъ, скорѣе, чѣмъ Кривичи, отошли отъ вліянія ляшскихъ племенъ; напротивъ, Кривичи тѣсно сжились съ ними, встрѣтившись и въ области Западной Двины съ колонизаціонными волнами Ляховъ. Это повело къ лингвистическому обособленію Кривичей отъ Словѣнъ.

§ 497. Въ составъ западной отрасли сѣверноруссkаго нарѣчія входили говоры, характеризовавшіеся наличностью въ нихъ звуковъ и и ц на мѣстѣ общерусскаго діалектическаго й; такіе говоры имѣлись и въ составѣ восточной отрасли, но тамъ господствующими были говоры, замѣнившіе исконное ц черезъ v и представлявшіе vѣ, vь, откуда v, v́, на мѣстѣ й другихъ діалектовъ.

Вмѣстѣ съ восточною отраслью говоры западной отрасли пережили слѣдующія явленія. Во-первыхъ, смѣшеніе с́ и ć, а діалектически переходъ с́ и ć въ ć шепелявое. Такъ находимъ въ Смоленской области смѣшеніе ч и ц въ памятникахъ XIII в. Укажу, напримѣръ, на грамоту около 1240 года: соуличами, немьчиць, коуноемьчи дат., романовиці мѣстн. и др. Также на грамоту 1229 года въ сп. А. Нѣкоторые смоленскіе памятники мѣны ч и ц не имѣютъ, напр. списки D и E съ грамоты 1229 года, также обѣ грамоты 1284 года. Отсюда, равно какъ и изъ того обстоятельства, что мѣна ч и ц извѣстна до сихъ поръ только въ сѣверной части Смоленской области, мы въ правѣ заключить, что въ Смоленскѣ обнаруживались двѣ стихіи — сѣверноруссkая и, вѣроятно, южноруссkая. Полоцкіе памятники также знаютъ смѣшеніе ч и ц; ср., напр., грам. 1265 (Р. Л. А. XXV[a]): полочькаѧ, немечькомоу; въ рижскихъ памятникахъ XIII—XIV в. мѣна ч и ц довольно обычна; можно думать, что въ Ригѣ писали на языкѣ Полоцка или Пскова. Мѣна ч и ц не чужда и совр. бѣлорусскимъ говорамъ, пограничнымъ съ сѣверновеликорусскими; ср. табацокъ, зацымъ Себеж., за цымъ, мацыхи, дыцка, падцырича Велиж., тоўкаць (= толкачь) Лепп. и др. (Карскій, Бѣлоруссы, II, 497). Это указываетъ, думаю, насколько далеко къ сѣверо-западу сидѣли сѣверноруссы. Мѣну ч и ц находимъ и въ Псковской области, напр. въ Порховск., Холмск., Великолуцк. уѣздахъ. Она извѣстна и въ древнепсковскомъ нарѣчіи, при чемъ оказывается, что нѣкоторые памятники представляютъ рѣшительное преобладаніе ц надъ ч, напр. Погод. сп. Псковск. 1-й лѣт. (Н. М. Каринскій, Языкъ Пскова, 84). Въ Палеѣ 1494 г. Н. М. Каринскій насчиталъ до 400 случаевъ мѣны ч и ц, при чемъ ц вм. ч встрѣчается значительно чаще, чѣмъ ч вм. ц (ib. 29). Быть можетъ, это доказываетъ, что въ соотвѣтствующихъ говорахъ звуки с́ и ć совпали въ одномъ звукѣ, шепелявомъ ć, которое и изображалось буквой ц.

Во-вторыхъ, западные говоры получили тѣ же сочетанія ž̑j и š̑č̑, какъ и восточные, на мѣстѣ ž̑ž̑ и š̑č̑. Ср. написанія жг въ псковскихъ памятникахъ, напр. въ Ап. 1307: дожгь, надъжгити, рожгья, пригвожгъше (Собол. Очерки, 120), Паракл. 1369: дожгя, приважгяя (ib. 126), Прол. 1383: пригвожгѣнъ, рожгья (ib. 130), Типогр. пс. XIV в.: яжгеніе (ib. 134);

дѣжгъ, дѣжгеве, пригвожгень въ Сб. № 1262 (Каринскій); дѣжгемъ. нижгеноу въ Сб. № 53/255 (Каринскій), бездожгие, дожгоу въ Сб. № 68/270 (ib.); дожгъ въ Сб. 1584 Рум. № 358, л. 279, дожга въ Синод. № 154, дожгьцю въ Ипат. 104в, въжгегъ ib. 105а. Впрочемъ, какъ вѣрно указываетъ Каринскій, жг въ псковскихъ памятникахъ употребляется сравнительно рѣдко; быть можетъ, оно заимствовано изъ новгородскихъ памятниковъ; такъ оно отсутствуетъ въ Палеяхъ 1477 и 1494 гг., между тѣмъ какъ послѣдняя обнаруживаетъ въ большомъ количествѣ черты мѣстнаго говора; характерно жг вм. жг въ Типогр. ев. XIV в. № 3 (Каринскій, 148), напр. ижгену, одогжившю, что указываетъ на непониманіе начертанія жг соотв. оригинала; въ Сб. № 1262 имѣется написаніе дрождгами, въ Сб. № 53/255 ижженѣ, въ Сб. до 1584 г. Рум. № 358. дожь 273, дожа 273. Быть можетъ, ź̇j измѣнилось въ ź̇j въ псковскомъ говорѣ, что и было причиной не столь частаго употребленія написанія жг: на ź̇j указываютъ написанія дозга, наезгати, недосзгмы, съезгався въ Погод. Псков. 1-й (при дожга, дожгевны[x]).

Въ-третьихъ, западные говоры измѣнили предположительно, такъ же какъ восточные, еа въ іе (откуда и іѣ), а іе въ іѣ. Это видно изъ наличности и вмѣсто ѣ въ древнепсковскихъ памятникахъ; примѣры выше въ § 494.

§ 498. *Шепелявыя* ś, ź. Главнымъ отличіемъ западныхъ говоровъ отъ восточныхъ было появленіе въ нихъ шепелявыхъ звуковъ ŝ, ź̂ на мѣстѣ ś, ź, повлекшее за собою совпаденіе псконныхъ š и ś, ž и ź, а также смѣшеніе звуковъ š и s, ž и z. Согласно высказаннымъ выше соображеніямъ, эти явленія вызваны вліяніемъ ляшскихъ мазуракающихъ говоровъ, т. е. такихъ, которые замѣняли š и ž черезъ s и z и произносили ś и ź, какъ всѣ вообще польскіе говоры, шепеляво. Слѣдовательно, можно думать, что западные говоры сѣверноруссkаго нарѣчія смѣшали š, ž и s, z, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ замѣнили ś, ź и ŝ, ź̂ черезъ шепелявыя ś, ź. Шепелявыя ś, ź, а также смѣшеніе буквъ с, з и ш, ж въ памятникахъ сѣверозападной Руси обнаруживаются рано. Такъ въ Рижской грамотѣ около 1300 года читаемъ: лишни люди вмѣсто лисни (лихіе), смоленьще, витебьще (вм. смоленьсцѣ, витебьсцѣ). Въ псковскихъ памятникахъ, извѣстныхъ съ XIV в., смѣшеніе буквъ с, з и ш, ж весьма обычно, и оно свидѣтельствуетъ, конечно, о наличности въ Псковѣ разсматриваемаго звукового явленія. Приведу примѣры: а на то послуши Отводная зап. XIV в. Вастечской земли, что близъ рѣки Псковы (Срезн., Др. пам. 300); дъще вм. дъсцѣ Прол. 1383 г., когоздо, вразду, зѣланіе, поносеные, мъсцѣю высокою, ѿвьрже очи, примѣшитися, искушьна Ап. 1307, Павла и друзины его, поясъ сьшь (т. е. сьсь, сесь) Ап. 1309—1312; узяссся, сествия, усопсая, по-

шиси, допеши, вшю силу, проялбе Паракл. 1369, поясѣть, жерно, вълежете, дружии, всяку рожьгу Лук. ев. 1409, согрѣшиси, наказю, порадоваша сатана Палея 1494, оу снека[х], Ижеславъ, померже, оумнозишася Сб. Сиш. № 154, послшу, пусками, зазгоша, спѣзпа, жата, вжемше, на шію пощь, рѣка стомла помрѣзсы Погод. сп. Псков. 1-й; держаю, въ грѣшехъ, мысцею Псалт. И. Публ. Библ. (А. Сорочанъ, Р. Ф. В. 1911). пенежи, ѿ кнѫжа, залуются, послше гр. Псковск. кн. Ив. Алекс. и т. д. (см. А. И. Соболевскій, Очерки; Н. М. Каринскій, Языкъ Пскова XV в.). Въ приведенныхъ примѣрахъ замѣнѣ черезъ ш, ж подверглись только нскошю мягкія с, з; но въ нѣкоторыхъ памятникахъ видимъ такую замѣну и для твердыхъ с, з; такъ въ Погод. Псков. 1-й: ѫжь кнѧзь великои вм. ѫзъ 190, кажноу вшѵ вм. казну всю 130б; въ Сб. № 1262: крашпоую, къшлое, шишано, смъшломъ, ѿ помъшлъ, грожно.

Въ современныхъ псковскихъ говорахъ это старое явленіе почти исчезло, очевидно, подъ вліяніемъ нахлынувшихъ въ Псковскую область другихъ русскихъ племенъ, именно восточнорусскихъ. Только мѣстами и, повидимому, въ скудныхъ остаткахъ замѣчаются случаи замѣны с, з черезъ ш, ж, напр. Опочецк. штакан, штановой, штрашная, штякло (Тр. Моск. діал. комм.). Въ южныхъ уѣздахъ Псковской губерніи И. Е. Евсѣевъ отмѣтилъ въ единичныхъ случаяхъ произношеніе ш какъ с или сш: сшкапъ, мясоцикъ; обратно: полшотни (Ж. Ст. I, в. 3). Ж. Монмитоннэ указалъ въ Псковскомъ уѣздѣ мягкое ш въ пешня, крашива, шяштра, шито, шени, неши, вшю, шпашибо; обратно: музикъ, сазалъ, Бозе, цузá старана (Соболевскій въ Оп. р. діал. 30). С. К. Буличъ въ одной мѣстности Лужскаго уѣзда указалъ на произношеніе «мягкаго з близко къ польскому ź, т. е. представляющее уже переходную ступень къ мягкому ж» (прогр. № 5). Въ Новоржевскомъ у. И. И. Замотинъ въ отв. на прогр. привелъ сци вм. щи, сцитина вм. щетина.

§ 499. *Отвердѣніе* р. Другимъ отличіемъ западныхъ говоровъ отъ восточныхъ могло быть твердое произношеніе р. Изъ собраннаго Н. М. Каринскимъ матеріала изъ псковскихъ памятниковъ XV в. можно заключить о твердомъ произношеніи искоиного р въ Псковѣ. Правда, графика псковскихъ памятниковъ находилась въ сильной зависимости отъ памятниковъ бѣлорусскихъ, съ одной стороны, южнославянскихъ, съ другой; твердое р могло быть заимствовано какъ изъ той, такъ и изъ другой письменности, ср. хотя бы написанія лоу, ла, лъ и т. п. вмѣсто лю, лѧ, ль, перешедшія въ псковскія рукописи изъ южнослав. оригиналовъ. Но, во-первыхъ, отвердѣніе можно указать и въ оригинальныхъ псковскихъ памятникахъ, какъ-то въ

лѣтописяхъ и записяхъ, напр. въ Псковск. 1-й лѣт.: манастыры, патрыкеєвичь, старынахъ (ср. соображенія Н. М. Каринскаго, Языкъ Пскова, с. 181); во-вторыхъ, видимъ его въ чисто русскихъ словахъ и въ названіяхъ мѣстностей, напр. рыге, рызкоп въ той-же Псковск. 1-й лѣт. (ib., с. 84—85). Можно думать поэтому, что отвердѣніе р въ древнепсковскихъ говорахъ однородно съ отвердѣніемъ р въ бѣлорусскомъ. Какъ тамъ, такъ и тутъ передъ нами результатъ ляшскаго вліянія на русскій говоръ — тамъ на говоръ южнорусскій, здѣсь на сѣверноруссвій. Въ настоящее время псковскіе говоры уже не знаютъ отвердѣвшаго ṕ: думаю, что какъ въ этой ихъ особенности, такъ и въ возстановленіи этимологическихъ ж, ш — с, з. смѣшавшихся въ древнепсковскомъ нарѣчіи, сказалось вліяніе восточнорусовъ.

§ 500. *Цеканье и дзеканье.* Возможно, что сѣверноруссвіе говоры Смоленской, Полоцкой и Псковской области перенялн у ляшскихъ племенъ также и цеканье-дзеканье. Отмѣчу, съ одной стороны, правда, скудныя показанія псковскихъ памятниковъ, какъ напр. расчиснусгасѧ ему челюсти Палея 1477 (Каринскій) вм. растиснустасѧ. Съ другой стороны — наличность этого явленія въ южныхъ говорахъ псковскихъ, сосѣднихъ съ бѣлорусскими, но несомнѣнно сѣверноруссвихъ по своему происхожденію (ср. въ нихъ наличность взрывнаго g).

§ 501. *Сочетанія* gl, kl *изъ* dl, tl. Такія сочетанія на мѣстѣ общерусскаго l, въ соотвѣтствіи съ общеславянскими и совр. западнославянскими dl, tl, находимъ какъ въ древнепсковскихъ памятникахъ, такъ и въ единичныхъ, правда, случаяхъ въ современныхъ псковскихъ говорахъ: вегли, жерегло, перецок (перечелъ). Подробно объ этомъ явленіи сказано въ § 181, гдѣ приведены основанія для признанія этого явленія заимствованнымъ изъ ляшскихъ говоровъ. Исчезновеніе и этой паносной черты изъ совр. псковскихъ говоровъ однородно съ исчезновеніемъ въ нихъ другихъ паносныхъ непсконнорусскихъ чертъ — отвердѣнія ŕ, смѣшенія ś, ź съ š, ž, и др.

§ 502. *Однородныя явленія въ юговосточныхъ говорахъ сѣверноруссвой области.* Можно думать, что въ близкомъ сожительствѣ съ ляшскими племенами сѣверноруссы оказывались не только въ Смоленской, Полоцкой и Псковской области, но также и восточнѣе, въ области верхняго Поволжья и Оки, если дѣйствительно эти области были нѣкогда колонизованы ляшскими выходцами, какъ о томъ повѣствуетъ Несторова лѣтопись. Не исключена, конечно, возможность и позднѣйшаго движенія съ запада въ Тверскую, Московскую и Рязанскую земли. Но устойчивость и широкое распространеніе нѣкоторыхъ звуковыхъ чертъ, уже знакомыхъ намъ изъ бѣлорусскихъ

и псковскихъ говоровъ, въ названныхъ земляхъ даютъ основаніе предполагать, что онѣ сложились уже давно и слѣдовательно, если признать ихъ ляшскими,—въ результатѣ вліянія на сѣверорусовъ со стороны давнихъ ляшскихъ выходцевъ въ пріокскія области. Сюда относятся *цеканье* и *дзеканье*. Это явленіе отмѣчено въ Моложскомъ уѣздѣ, въ такъ называемой Ситчинѣ (бассейнѣ рѣки Сити); такъ въ Станиловскомъ приходѣ отмѣчается послѣдовательное произношеніе д и т мягкихъ какъ дз и ц: дзеревня, дзвери, дзѣти, дзядзя, ндзи, зяць, цёмно, цесць, цёска (Э. С. I); въ Покровско-Ситской волости: ицёто, сцелаёшо, т. е. ндзёто, здзѣлаёшо (ib.); въ отвѣтахъ на прогр. Е. И. Якушкина по Станиловской, Брейтовской и Покровско-Ситской волостямъ отмѣчено: цюрьма, цѣло, цѣспо, цепер, цяпу, дзѣвка, дзьяконъ, дзьепкёмъ, т. е. денькомъ, и др. Цеканье указывается и въ Пошехонскомъ уѣздѣ: цихо, цепер, цѣпь, любиць, и т. д. (отвѣты на прогр. Якушк.). Въ Тверскомъ уѣздѣ, въ окающемъ говорѣ Васил. волости отмѣчено: дзенешку, до цемна (В. Черныш., Св. о пѣк. гов.). *Шепелявость* ś, ź отмѣчена проф. Будде въ вятскихъ говорахъ; возможно, что эта черта ничего общаго съ ляшскимъ вліяніемъ не имѣетъ. Но едвали можно отдѣлить отъ западнорусскаго явленія шепелявое произношеніе мягкихъ с и з въ Васил. волости Тверской губ., гдѣ имѣется и цеканье-дзеканье; такъ шепеляво произносятся здѣсь мягкія с и з, напримѣръ, въ землю, фсево, возьму, сведи; вмѣсто с и з мягкихъ здѣсь иногда просто ш и ж мягкія: кужница, вижбѣ, вжять, здѣшь, шѣили и т. д. (В. Черныш., l. c.).

Глава IV. Явленія восточнорусскія.

§ 503. Восточнорусское нарѣчіе легло въ основаніе, съ одной стороны, южновеликорусскаго нарѣчія, съ другой, бѣлорусскаго. Южновеликорусское нарѣчіе нельзя назвать прямымъ продолжателемъ восточнорусскаго потому, что оно произошло изъ той его отрасли, которая вошла въ ближайшую связь съ сѣверорусскимъ нарѣчіемъ, образовавъ вмѣстѣ съ нимъ великорусскую языковую группу. Равнымъ образомъ не можетъ быть признано прямымъ продолжателемъ восточнорусскаго и бѣлорусское нарѣчіе, которое, какъ мы видѣли, представляетъ соединеніе восточнорусскихъ элементовъ съ южнорусскими и ляшскими. Отсюда слѣдуетъ, что восточнорусское нарѣчіе возстанавливается путемъ сравнительнаго изученія южновеликорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій: общія тому и другому нарѣчію явленія могутъ быть возведены къ восточнорусской эпохѣ. Такихъ явленій немного, но они сильнѣйшимъ образомъ видоизмѣнили всю древнюю фонетику. Сюда от-

носятся: редукція гласныхъ а, о, е въ неударяемыхъ слогахъ, завис̀вшее отъ нея аканье, т. е. переходъ редуцированной гласной въ предударномъ слог̀ въ а, далѣе—измѣненіе дифтонга ѣ въ е, отвердѣніе ć; кромѣ того измѣнилась въ е неударяемая-редуцированная гласная, когда, подъ вліяніемъ грамматической аналогіи, она получала на себя ударѐніе. Особо должны быть разсмотрѣны явленія нѣкоторыхъ сѣверныхъ говоровъ восточнорусскаго нарѣчія.

Редукція неударяемыхъ гласныхъ а, о, е.

§ 504. Въ общеслав. праязык̀, какъ мы вид̀ли, редукціи подверглись краткія гласныя й и ĭ при всякомъ положеніи по отношенію къ ударѐнію: позже, также еще въ общеславянскую эпоху, редуцировалось то ĭ въ конц̀ слова, которое являлось на мѣст̀ ĭ, но только въ положеніи не подъ ударѐніемъ. Такимъ образомъ въ общеслав. праязык̀ изъ краткихъ гласныхъ свой звукъ сохранили только открытыя гласныя, точн̀е гласныя широкаго образованія о и е, между тѣмъ какъ гласныя узкаго образованія й и ĭ подверглись редукціи. При этомъ й еще до своей редукціи перешло изъ задняго ряда въ средній, потерявъ свою лабіализацію; сл̀довательно, редуцировались собственно ў и ĭ. На мѣст̀ ў явился звукъ ъ, на мѣст̀ ĭ звукъ ь—редуцированныя гласныя широкаго образованія.

Въ восточнорусскомъ нарѣчіи редукціи подверглись иныя по характеру своему гласныя, а именно гласныя широкаго образованія: а, о, ȯ, ӧ, е, ӓ: редуцировались он̀ только въ неударяемомъ положеніи; подъ ударѐніемъ эти гласныя сохранили свой первоначальный звукъ. Редукція этихъ гласныхъ стоитъ въ несомнѣнной связи съ ихъ краткостью; гласныя о, ȯ, ӧ, е, ӓ были кратки исконно; но гласная а (въ общерусскомъ она восходила къ ā, ā̆, ā̆) было исконно долгой; полудолгой она становилась въ общеслав. праязык̀ при извѣстныхъ условіяхъ, а сокращенію подверглась тамъ только въ конц̀ слова. Въ виду этого можно думать, что редукціи неударяемаго а предшествовало его сокращеніе. Дальнѣйшее заключеніе отсюда сд̀лаемъ ниже, а теперь укажу, какія редуцированныя гласныя замѣнили названныя гласныя полнаго образованія. На мѣст̀ а посл̀ твердой согласной и о (извѣстной только посл̀ твердой согласной) явилась гласная редуцированная (короче краткой) средняго ряда, которую условно обозначимъ буквой ɑ: общерусск. vodá, xvalí, storoná, staŕiká, ĺíra, próso, vólosy, ná vodu и т. п. измѣнились въ vɑdá, xvɑlí, stɑrɑná, stɑŕiká, ĺírɑ, prósɑ, vólɑsy, ná vɑdu; этотъ звукъ сохранился до сихъ поръ въ южновеликорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ, напр. въ московскомъ нарѣчіи—въ положеніи въ непредударномъ слог̀ (въ словахъ, какъ старику, волосы, на воду, просо, липа, которыя

могутъ быть условно трапскрибированы, какъ стърику, волъсы, на въду, просъ, липъ, если изображать редуцированный звукъ черезъ букву ъ), въ калужскихъ и смоленскихъ говорахъ также и въ предударныхъ слогахъ (събака, въда, къбак), и т. д. На мѣстѣ а послѣ мягкой согласной, o, ö, e, ä (извѣстныхъ только послѣ мягкой согласной) явилась гласная редуцированная (короче краткой) передняго ряда, которую условно обозначимъ буквой ɛ: общерусск. ṕaťí, pŕamóje, gŕadá, śoĺó, ź̌oná, kóź̌a, vóĺa, prośíťa, ńeśí, bʹĕĺíla, sláv'ĕ, véśoĺá, ṕataká и т. п. измѣнились въ ṕɛťí, pŕɛmóje, gŕɛdá, śɛĺó, źɛná, kóź̌ɛ, vóĺɛ, prośíťɛ, ńɛśí, bɛĺíĺa, véśɛĺá, ṕɛtaká; звукъ ɛ сохранился до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ южновеликорусскихъ говорахъ; въ московскомъ, егорьевскомъ и др. онъ измѣнился въ предударномъ слогѣ въ звукъ e полнаго образованія (моск. ė, егор. e), но въ большей части онъ перешелъ въ i (пити, грида, сило, висила, питака, иисп, слави).

Примѣчаніе. Какъ увидимъ, редуцированные звуки α, ɛ въ рядѣ случаевъ замѣнены въ разныхъ говорахъ гласными полнаго образованія частью подъ дѣйствіемъ звуковыхъ причинъ (напр. въ предударномъ слогѣ, какъ vadá, ńaśí), частью подъ вліяніемъ аналогіи (напр. въ конечномъ слогѣ, въ случаяхъ какъ vóĺa, sláva).

§ 505. Редукція широкихъ гласныхъ неударяемыхъ при сохраненіи безъ измѣненія узкихъ неударяемыхъ гласныхъ можетъ быть объяснена двоякимъ путемъ: или такъ, что сохраненіе узкихъ гласныхъ при редукціи широкихъ зависѣло отъ того, что редукція поражала только широкія гласныя (тогда какъ въ общеслав. праязыкѣ или позже, въ словенскомъ языкѣ, редукція поражала только узкія гласныя); или такъ, что редукція поражала только краткія гласныя и не распространялась на долгія (отсюда слѣдовало бы, что въ восточнорусскомъ нарѣчіи исконное ā стало краткимъ, между тѣмъ какъ исконныя ī, ȳ, ū сохранили свою долготу). Я склоняюсь признать болѣе вѣроятнымъ второе объясненіе, имѣя въ виду высказанныя ниже, въ § 506, соображенія въ пользу того, что дѣйствительно и подъ ударепіемъ исконное ā сократилось, между тѣмъ какъ ī, ȳ, ū, ѣ сохранялись долгими. Принимаю поэтому, во-первыхъ, сокращеніе исконно долгихъ гласныхъ широкихъ, т. е. звука a различнаго происхожденія; оно могло имѣть мѣсто еще въ общерусскомъ праязыкѣ, но возможно, что сокращеніе произошло позже, въ восточнорусскомъ нарѣчіи; вслѣдствіе такого сокращепія оказывалось, что всѣ широкія гласныя кратки, всѣ узкія долги; ср. подобныя отношенія во многихъ совр. европейскихъ языкахъ. Во-вторыхъ, принимаю редукцію всѣхъ краткихъ (т. е. широкихъ) гласныхъ въ положеніи ихъ не подъ удареніемъ; это явленіе уже спеціально восточно-русское.

§ 506. Въ общеслав. праязыкѣ появленіе редуцированныхъ гласныхъ вело за собой удлиненіе гласной предшествующаго слога; мы видѣли, что краткая гласная переходила при этомъ въ полудолгую, а полукраткая въ краткую (nosъ съ ŏ, sъnъ съ ъ краткимъ въ первомъ слогѣ). Въ восточнорусскомъ нарѣчіи замѣчалось, думаю, сходное явленіе, но удлиненію подверглась гласная не предшествующаго слога, а сосѣдняго слога ударяемаго. При этомъ, однако, удлинялись не всѣ гласныя, а только тѣ, которыя могли быть вообще долгими. Согласно § 504 долгими могли быть только узкія гласныя, слѣдовательно, гласныя i, y, u, ѣ (je); равнымъ образомъ могло удлиняться исконное o подъ восходящимъ ударѐніемъ, ибо согласно § 322[1], оно звучало въ этомъ положеніи какъ uo. Напротивъ, не могли удлиняться гласныя a, ä, ö, e,—и также o не исконное, а восходящее къ ъ. Останавливаясь пока только на слогахъ предударныхъ, видимъ, что, при наличности здѣсь редуцированной полукраткой гласной, въ слѣдующемъ ударяемомъ слогѣ могли стоять или гласныя долгія узкія (типъ ˊ), напр. naśí, praśú, bєŕí, stałý, kaĺěna, karúva, ŕєrú, или гласныя краткія широкія (типъ ˇ ˘), напр. ŕєrá, vєšölуї, vadá, bєŕémєńi, ŕєróm. Въ восточнорусскомъ нарѣчіи слова второго типа (ˇ ˘) сохранялись безъ измѣненія; напротивъ, еще въ восточнорусскую эпоху слова перваго типа (ˇ ˊ) должны были подвергнуться измѣненію, вслѣдствіе наступившаго здѣсь общаго сокращенія долгихъ гласныхъ; сокращеніе долгой ударяемой гласной имѣло слѣдствіемъ удлиненіе полукраткой гласной предшествующаго слога; удлиняясь, ɑ (полукраткая редуцированная гласная средняго ряда) переходило въ a; ɛ (такая же гласная передняго ряда) переходило въ однихъ діалектахъ въ a, а въ другихъ въ ė, т. е. въ звукъ средняго ряда полнаго образованія, или въ e, т. е. въ звукъ передняго ряда полнаго образованія. Такимъ образомъ, еще въ восточнорусскую эпоху naśí, praśú, stałý, kaĺěna, karuva, bєŕí, vєdú, ŕєrú̀ перешли, въ результатѣ сокращенія ударяемой гласной, въ naśí, praśú, stałý, kaĺěna, karúva; далѣе—въ однихъ діалектахъ: baŕí, vadú, ŕarú, въ другихъ bėŕí, vėdú, ŕėrú, въ третьихъ beŕí, vedú, ŕerú. Противоположеніе двухъ установленныхъ нами для восточнослав. эпохи рядовъ: ˇ ˊ (откуда ˘ ˊ) и ˊ ˙ доказывается отношеніями, господствующими до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ южновеликорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ. Разсмотрѣніе такихъ говоровъ можетъ служить доказательствомъ выставленной выше гипотезы во всемъ ея объемѣ, т. е. въ объемѣ всѣхъ заключающихся въ ней положеній: 1) о существованіи двухъ рядовъ ˘ ˙ и ˇ ˙ въ восточнорусскую эпоху, различавшихся въ удар. слогѣ тѣмъ, что въ рядѣ ˘ ˙ это была узкая гласная, а въ рядѣ ˇ ˙ широкая, 2) о происхожденіи ˇ ˙ изъ ˇ ˊ, 3) о сокра-

щеніи широкихъ гласныхъ и сохраненіи долготы узкихъ гласныхъ въ эпоху, предшествующую редукціи, 4) объ удлиненіи узкихъ гласныхъ, вызванномъ редукціей въ предшествующемъ слогѣ. Но сначала сдѣлаю нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній относительно природы гласныхъ ударяемыхъ.

§ 507. Природа широкой гласной a, узкой гласной ū не требуетъ дополнительныхъ разъясненій; равнымъ образомъ не нуждаются въ нихъ гласныя широкія ȯ, ö, замѣнившія e передъ твердой согласной, ш такжс ä, замѣнившее e въ концѣ слова. Что до звука e передъ мягкой согласной, то его звукъ, какъ видно и изъ современныхъ діалектическихъ данныхъ, былъ широкимъ—и это въ противоположность господствующему теперь и въ южновеликорусскомъ и въ бѣлорусскомъ узкому произношенію его передъ мягкой согласной (ср. моск. saĺéйjɛ, ʤɛ́ev́éйkα при предполагаемомъ восточнорусскомъ sαĺeйjɛ, ʤɛ́ev́eйkα; ср. обоянск. дирявенька, не дрявенька); ср. съ этимъ сохраняющееся до сихъ поръ широкое произношеніе e передъ мягкой согласной въ нѣкоторыхъ сѣверновеликорусскихъ го̀ворахъ, напр. въ тотемскихъ (у Брока: e не ê въ sʦeĺut, beŕek, ʧeĺpiśa и т. д.). Звукъ ȳ имѣлъ при себѣ исконно краткую разновидность ў; а именно, какъ мы знаемъ, въ положеніи передъ i̯ звукъ y былъ кратокъ (§ 33 прим. 2); краткое y, въ противоположность ȳ, было звукомъ широкаго образованія въ общерусскомъ праязыкѣ: это видно изъ перехода его въ великорусскомъ нарѣчіи въ o (рою, худой); вслѣдствіе этого оно не подверглось удлиненію въ зависимости отъ редукціи въ предшествующемъ слогѣ: восточнорусск. prαstyĭ, śv́ɛtyĭ, не prastyĭ, śv́atyĭ (ср. обоянск. свитой, не святой). Равнымъ образомъ ī имѣло при себѣ краткую разновидность ĭ; какъ мы знаемъ, звукъ i въ положеніи передъ i̯ былъ кратокъ (§ 36 прим. 1), и это краткое i, въ противоположность ī, было звукомъ широкаго образованія въ общерусскомъ праязыкѣ: это видно изъ перехода его въ великорусскомъ нарѣчіи въ e (шея, пей); вслѣдствіе этого оно не подверглось удлиненію въ зависимости отъ редукціи въ предшествующемъ слогѣ: восточнорусск. ʦ́ɛʦ́ĭĭ, не ʦ́aʦ́ĭĭ (ср. южновеликор. тритéй, не трятéй).

§ 508. Изъ предидущаго мы видѣли, что восточнорусское нарѣчіе имѣло два o: одно изъ нихъ восходитъ къ исконному o, которое подъ восходящимъ удареніемъ переходило въ ω (т. е. ȣo): kωŭ́a, narωdá, karωva, другое произошло изъ ъ и подъ восходящимъ удареніемъ не подлежало переходу въ ω: śaĺom, ṕɛsok. Въ § 323 мы сдѣлали отсюда выводъ, что растяженіе o подъ восходящимъ удареніемъ въ ω произошло до перехода ъ въ o, ибо иначе замѣнѣ черезъ ω подверглось бы и это o. Едва ли было бы осторожно вывести отсюда что редукція широкихъ неударяемыхъ гласныхъ произошла до паденія глухихъ: совр. діалект. южновеликорусское śaĺω при

śiĭom ведетъ къ восточнорусскому śaĭω при śɛom и далѣе къ śɛĭω при śɛom, восходящимъ къ śöĭω при söĭom; редукція ö подверглось уже тогда, когда въ слѣдующемъ слогѣ на мѣстѣ исконныхъ o и ъ явились ω и o.

Что до звука, соотвѣтствующаго исконному ѣ, то онъ, согласно даннымъ, представляемымъ нѣсколькими южновеликорусскими говорами, не потерялъ своей дифтонгичности въ восточнорусскую эпоху, но она удерживалась только подъ удареніемъ; въ неударяемомъ положеніи іе рано измѣнилось въ е; ср. отсутствіе дифтонгизаціи о въ цо въ неударяемыхъ слогахъ и дифтонгизацію его подъ восходящимъ удареніемъ. Вслѣдствіе этого подъ удареніемъ исконное ѣ было звукомъ узкимъ, а въ неударяемомъ положеніи широкимъ; редуцируясь въ этомъ послѣднемъ положеніи, оно подъ удареніемъ сохраняло долготу, удлиняясь за редуцированною гласной. bɛdá, bɛĭť, перешли въ bɛdá, bɛĭť, откуда baĭť; ɛťɛť. на śeĭɛ перешли въ ɛťɛť, на śɛĭɛ, откуда ɛťɛť, на śaĭť.

§ 509. Приведу данныя изъ современныхъ южновеликорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ, подтверждающія выставленныя положенія. Главнымъ образомъ подлежитъ доказательству, что въ восточнорусскую эпоху рядомъ съ типомъ ˘ ˚ (съ широкой гласной подъ удареніемъ) существовалъ типъ ˘ ˚ (съ узкой гласной подъ удареніемъ). Эти два типа наблюдаются, напримѣръ, въ слѣдующихъ говорахъ: обоянскомъ, землянскомъ и задонскомъ, мосальскихъ и жиздринскихъ, донскихъ, смоленскихъ, могилевскихъ и другихъ бѣлорусскихъ.

Въ обоянскомъ говорѣ, представленномъ многочисленными записями И. И. Машкина, сохранились весьма послѣдовательно старыя отношенія, но только послѣ мягкихъ согласныхъ; послѣ твердыхъ они стерлись, при чемъ остается неяснымъ, стерлись ли они только въ письменной передачѣ Машкина (который могъ затрудняться при передачѣ звука ɑ и условно могъ передать его буквой а, обозначающею и гласную полнаго образованія), или также и въ живой рѣчи (мы увидимъ, что во многихъ говорахъ предударныя ɑ и ɛ замѣнялись подъ вліяніемъ звуковой аналогіи гласными полнаго образованія). Послѣ мягкихъ согласныхъ въ обоянскомъ говорѣ сохранились оба указанные выше типа: *типъ* ˘ ˚, когда подъ удареніемъ находятся звуки а, о изъ ъ, о изъ ô, о изъ ö, о изъ ў (ы), е; *типъ* ˘ ˚, когда подъ удареніемъ находятся звуки і, и, у (ы), е изъ ѣ, о изъ исконнаго о (при чемъ весьма вѣроятно допустить его произношеніе какъ цо или какъ ô). Закономѣрность чередованія въ записяхъ Машкина обоихъ типовъ, при чемъ на мѣстѣ ˋ послѣдовательно является і, а на мѣстѣ предударной краткости — а, была впервые указана Л. Л. Васильевымъ, познакомившимся съ этими записями по печатному ихъ изданію въ

Курскомъ сборникѣ. Замѣчательное наблюденіе Л. Л. Васильева подтвердилось вполнѣ подлинными рукописями Машкина, относящимися къ 50-мъ годамъ прошлаго столѣтія и хранящимися въ И. Геогр. Обществѣ и И. Академіи Наукъ. Приведу рядъ примѣровъ для обоихъ типовъ, оговаривая, что нарушеніе закономѣрности почти совсѣмъ незамѣтно въ этихъ записяхъ. Примѣры для типа ˘ ˚ (i–á и т. д.): пинькя, дивятай, рика, митла, нимой, риткомъ, зитёкъ, питакъ, визать, бире, правиде, свикровья, винецъ, злыи дила, биремя, диревья, съ диньгами, дапикать, жирёлакъ, типерь, дивчонка, слипой, напиречить, пиривёслы, къ мистечку, свитецъ, у зитья, динёчки, чиломъ вамъ, брихачка, пратиной (сдѣлапный изъ пеньки или льна), свитой, тритьякъ, билóкъ, липёха, рибой, пичалитца, падвичóркавать, тисать, шшипóтникъ (крестящійся щепотью), шимиткóй (торопливый), улипётавать, абрижáтца, рибёнка, тв. ед. силомъ, мишокъ, клитьба (клятьба), книзёкъ, залигать, зимля, у пирвой, тилокъ, тилята, стиречь, спирва, диревню и др. Примѣры для типа ˘ ˚ (а–í и т. д.): кядрóвай, пянькёвай, сяло, крястовай, мястовъ, дяловъ, на сядлу, бялѣича, вядметь, яму, у бяду, пявѣсту, падвяжи, сястрицы, брявно, бряхунъ, падъ мяжою, вярзила, вястима, галяпистай, дапяку, матяршиною, заглядѣлси, у кляти, у курянѣ (курень), увяздѣ, пясгóда, пиряѣхали, жняцы, пирвясло́, къ сваяму мастярству, палятѣлъ, сябры, пазиляпѣла, навсягды, тялѣга, у яздѣ, святлица, къ стянѣ, бирявно, бряховка, стрянýтца, дявуня, жалѣзы, ляшшина (орѣшина), макрядина, стрякучка, тряплò, учанúкъ, шшмятнýтца (торопливо, опрометливо броситься), бязъ гривны, тяплѣя, р. ед. зямли, стюдяно, пябось, р. ед. клятьбы, вядро, у бяду, залягло, рядно, зярно, плясуха, свякруха, святыш, съ камушка бялова, и др. Исключенія, какъ указано, почти непзвѣстны. Тѣ, которыя на лицо, объясняются вліяніемъ другого говора: пирхóта, ляхá (при лихá, вин. ляхý), рябой (въ пѣснѣ), царкóвнай, сябёръ (при спбёръ), спбрóвшина при сябрóвшина, ядрёнай при йдрёнай (й=ju), астирвинúтца, дивчуръ при дявчуръ («мужчина, особенно расположенный къ дѣвицамъ») и пемн. др. Возможно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣемъ вліяніе яналогіи: сябёръ подъ вл. сябры. Случаи какъ йго, йму вм. яго, яму явились въ слабоударяемомъ положеніи.

Представленный записями В. И. Тростянскаго говоръ Землянскаго и Задонскаго уѣздовъ Воронежской губерніи обнаруживаетъ тѣ же отношенія, что обоянскій, опять таки послѣ мягкихъ согласныхъ. Типъ ˘ ˚ является, когда подъ удареніемъ находятся гласныя а, о изъ ъ, о изъ ô, о изъ ö, о изъ ў, е. Примѣры: тв. ед. перóм, венок, селенья, деревню, завезала, везе, лисочкям, девчонка, ребята, бере, ва зелёнай сат, тветочки, метѣлачкя, насерётки, раствелá, свекровья, лесок, дьечок, беда, зернá, берёзу, па плечам,

серпом, теперь. Типъ ˘ ˚ является, когда подъ удареніемъ гласныя і, у, и, ję изъ ѣ, ǫ изъ исконнаго о. Примѣры: ляти, сняси, лятїел, збяру, ребятишшав, у зелянўǫм саду, вядуть, ў сялўǫ, нязгўǫда, слядўǫв, стрялўǫю, пярўǫ, дяржи, твятѝ, слязуǫю, с дятьмѝ, ва лясу, сястрицы, рявнивай, читвярик, на бясїѣдя, далякўǫ. Немногочисленныя исключенія объясняются вліяніемъ другихъ говоровъ: сядая борода, бяда, слядочки, па залатым пясочкям, за рашоткою, часбчик, падняла́, ва слязах, наняла, ня знаю, шшалка́ла. Въ случаяхъ, какъ у нево, ничево, севодня, ево, тваево, вліяніе другого говора обнаруживается и на звукѣ в вм. южновеликорусскаго γ.

Въ мосальскихъ и жиздринскихъ говорахъ, по моимъ наблюденіямъ, различіе типовъ ˘ ˚ и ˘ ˚ замѣчается какъ послѣ мягкихъ согласныхъ (въ предударномъ слогѣ чередуются і и а), такъ и послѣ твердыхъ согласныхъ (въ предударномъ слогѣ чередуются ɑ, откуда ы, у,—и а). Типъ ˘ ˚ господствуетъ, когда подъ удареніемъ находится гласная а. Примѣры послѣ твердой согласной: дɑсáда, Тытьяпа, пупáл, пупрáвили, сɑмувáрчик, пышлá, ны мáсло, пɑжáр, пурядɑшна, не лɑмáйтя, Нɑтáпа, сɑбáка, дычкá, у пɑпá, для скытá, дыжжá, кыбáк, глызá, кылпáк, жынá, и т. д. Примѣры послѣ мягкой согласной: зимля, лиса, бида, тилятɑм, слипая, нильзя, атприγать, взпла, авсица, нɑчивать, лиγавɑя, систра, пинькя, питнáцɑть и т. д. Напротивъ, господствуетъ типъ ˘ ˚, когда подъ удареніемъ находятся узкія гласныя і, у, и. Примѣры: мятлы р. ед., жанился, пɑбяγу, лимяши, гряши, дирявушка, жану, пляту, зямлѝ, ня думай, ў лясу, рɑздялить, пяску, цалѣе, и т. д. Въ случаяхъ, гдѣ подъ удареніемъ находятся звуки о или е (изъ е и ѣ), замѣчается колебаніе, въ особенности послѣ мягкой согласной. Такъ, напримѣръ, въ предударномъ слогѣ является і (типъ ˘ ˚) въ случаяхъ: питьсотъ, нидѣля, дитей, забиреть, тилѣγа, типéря, γлидѣть, видметь (преимущественно передъ е); въ предударномъ слогѣ является а (типъ ˘ ˚) въ случаяхъ: пясок, вядром, верьтяно, Хвядóтьевна, бядовай, нямношко, сямой, стяклом, зялёнай, сярёх, пиряхот, лясоў, царькóвный, яшшо, вядро, зямельки, жалѣзо (преимущественно передъ о).

Сходныя отношенія держатся въ смоленскихъ говорахъ, какъ можно судить по записямъ В. Н. Добровольскаго. Типъ ˘ ˚ при ударяемомъ а. Примѣры послѣ твердой согласной: пыга, быяръ, удыва, стыкана, скыта, дысаду, пылаты, пупа, дурука, лумать, лупату. Примѣры послѣ мягкой согласной: дила, вирьхами, бирна (бревна), чирвякъ, глидять, ни плачь, у твитахъ, рика, двиряхъ, жирибца. Типъ ˘ ˚ при ударяемыхъ і, у, и, ѣ. Примѣры: тялѣгу, дятьми, сваяму, кастяную, Дняпру, пирякстимъ, язык. Когда подъ удареніемъ звуки о или е, въ предударномъ слогѣ колебаніе, въ

особенности послѣ мягкой согласной: бязь денихъ, сяребриная, скатярётку, плячо, ляснэй, дяньжонки; висельля, скатиретькыю, жирибецъ, систёръ, типерь (возможно, впрочемъ, что написанія съ и обязаны ошибкѣ, ср. рядомъ: вяселья, скатяретку).

Рядъ могилевскихъ говоровъ, судя по записямъ Е. Р. Романова, представляютъ господство типа ˘ ˚, когда подъ ударсніемъ а. Примѣры послѣ тв. согл.: гырящь, твыя, скызавъ, пыслявъ, пыставила, балывався; послѣ мягкихъ: узила, дзисятку, зыглидався, косъцинáя, ина, двинатцыць, съ тримя, звизавъ, рибяты, поцикла, симпатцыци, спишаць, клищами, зьвинчались, крихцяць, и т. д. Рядомъ видимъ типъ ˘ ˚ при ударяемыхъ і, у, и, ѣ, о, е. Напримѣръ: зыбярéмила, дяцёнкымъ, пярóдныя дычкá, пытрябила, пякýць, пыляцѣвъ, грябиця, яе, яны, цяперь, сьпячи́, сяребриная, масьцяры́, нявѣстки, пысячець возъ дровъ, упярёдъ, лябядзиныя пяро, ряку, и т. д. (Мстиславск. у., Ром. VI, 178—188). Или въ Климов. у.: послѣ твердой согласной: хызяину, булувáтца: послѣ мягкой, при удар. а: отвичаць, ни знаць, пириночивавъ, повиньчавъ, разьдзиватца, по лисахъ; рядомъ, при ударяемыхъ і, у, и, ѣ, о, е: вярёвки, нямного, бярець, вянецъ, полядзѣвъ, яны, шарсьцинка, зывядзиця, пяро, вялякъ, нязьвѣсно, приняси, къ яму, у цябе, дзяржись, зьвярьё (Ром. VI, 70—81). Или въ Сѣнн. у.: послѣ твердой согласной: кызавъ, пыдъ камянь, нычавъ, пызадъ, гылывами, ныгами, кыня, сыбакъ; послѣ мягкой при удар. а: заижжавъ, дзивицьмя, литающь, пувчиса, навизала, зимля, обпила, зыклила, зьмія; рядомъ, при удар. і, у, и, ѣ, о, е: зялѣзную, бяжиць, мядьвѣдь, зьпясець, поляге́нько, яе, цячець, клянину, ляжиць, скро́сь зямлю, зьмяю (Ром. VI, 382—394).

Въ средне-донскомъ говорѣ, описанномъ Калмыковымъ (Изв. II Отд., т. III), послѣ твердыхъ согласныхъ находимъ всегда ˘ ˚, но послѣ мягкихъ ˘ ˚ чередуется съ ˇ ˚, въ зависимости отъ того, какая гласная находится подъ удареніемъ. При ударяемыхъ і, и, у находимъ а: бяру, бярусь, часы, няси; при ударяемыхъ а, е, о находимъ і: рика, рикою, висло, слиза, ширстиной, гриховъ, глидять, нисеть, къ виснѣ, и т. д.

§ 510. Бóльшая часть южновеликорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ отступили однако отъ сложныхъ отношеній восточнорусской эпохи. Изъ двухъ типовъ ˘ ˚ и ˘ ˚ второй получилъ перевѣсъ надъ первымъ и вытѣснилъ его. Такимъ образомъ въ предударныхъ слогахъ была проведена однообразная система. Сюда относятся, напр., московское нарѣчіе и сходныя съ нимъ, гдѣ послѣ твердыхъ согласныхъ послѣдовательно проводится а, послѣ мягкихъ согласныхъ ѣ (і); напр. вада, гарéт', карúт', нашý, парбк, храмóй — сѣлó, сѣ́той, бѣда́, вѣдú, мѣлú, чѣсý. Также нѣкоторые тульскіе,

южнорязанскіе, тамбовскіе, виленскіе и др. говоры, гдѣ въ предударномъ слогѣ является а въ положеніи какъ за твердыми, такъ и за мягкими согласными: наγá, паю́, балиґ-бядá, вязу́, нясѝ, гнядóй, и т. д. — Въ нѣкоторыхъ говорахъ природа звука предударнаго слога обусловливалась вліяніемъ слѣдующей за нимъ согласной, причемъ передъ твердой согласной являлось а, передъ мягкой і: нясу́, пяро́, жаны́, вялá — писѝ, пирína, жыíних, вилѝ. — Подробное разсмотрѣніе различныхъ системъ «аканья», т. е. замѣны редуцированной гласной въ предударномъ слогѣ, относится къ спеціальнымъ очеркамъ южновеликорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій.

§ 511. Повторю еще разъ доводы въ пользу предложенной выше гипотезы, разъясняющей происхожденіе аканья. Разсматривая всѣ системы аканья, включая сюда и тѣ, которыя упомянуты выше въ § 508, ни одну изъ нихъ мы не можемъ признать первоначальною. Дѣйствительно, появленіе редуцированныхъ гласныхъ на мѣстѣ а, о, е неударяемыхъ было несомнѣнно слѣдствіемъ одного общаго закона, распространявшаго свое дѣйствіе одинаково какъ на слоги предударные, такъ и на прочіе неударяемые слоги; между тѣмъ во всѣхъ бѣлорусскихъ и южновеликорусскихъ говорахъ видимъ въ предударныхъ слогахъ также и звукъ а полнаго образованія; только въ части этихъ говоровъ находимъ кромѣ а или рядомъ съ а также и звуки неполнаго образованія (откуда у, і); въ виду этого такіе говоры должно признать архаичными и среди нихъ наиболѣе архаичными тѣ, въ которыхъ чередованіе гласныхъ неполнаго образованія и гласной а зависитъ отъ природы ударяемой гласной, ибо подобное различеніе гласныхъ въ предударномъ слогѣ должно быть признано болѣе древнимъ состояніемъ, чѣмъ то однообразіе, которое наступало, въ силу естественнаго вліянія звуковой аналогіи, въ другихъ говорахъ. Если мы допустимъ, что измѣненіе неударяемыхъ звуковъ о, а въ словахъ vodá, xožú, krasávica, staŕiká, staŕik, posyłáť происходило подъ дѣйствіемъ одного общаго закона о редукціи, мы должны ждать вмѣсто нихъ въ древнѣйшемъ періодѣ одинаково: vαdá, xαžú, krαsávica, stαŕiká, stαŕik, pαsyłáť. Ясно, что говоры, сохранившіе α въ случаяхъ vαdá, krαsávica, этой чертой своей древнѣе тѣхъ, которые имѣютъ vadá, krasávicα (при stαŕiká, pαsyłáť). Непервопачальность а въ этихъ говорахъ въ слогѣ предударномъ слѣдуетъ и изъ общихъ соображеній. Если звукъ а въ неударяемомъ слогѣ подлежалъ редукціи, то какимъ образомъ могъ бы онъ сохраниться въ случаяхъ, какъ samá, krasávicα, maĺina, staŕik? И какимъ образомъ а могло оказаться къ тому же замѣстителемъ звука о, такъ же какъ а, подлежавшаго редукціи, въ словахъ, какъ vadá, našú,

kasíť и т. д., вмѣсто vodá, nošú, kosíť? Если бы мы предположили, что положеніе въ предударномъ слогѣ способствовало сохраненію звука, при чемъ, слѣдовательно, на него не распространялся законъ о редукціи, то непонятно, почему звукъ о не сохранился въ предударномъ слогѣ, а перешелъ въ а. Изъ предидущаго слѣдуетъ, что наиболѣе архаичными должно признать тѣ говоры, которые въ наибольшемъ числѣ случаевъ сохранили ɑ въ слогѣ предударномъ. И если въ этихъ говорахъ въ предударномъ слогѣ всетаки является и а, то это а не можетъ быть древнимъ: ясно, что оно замѣнило ɑ подъ вліяніемъ той или иной звуковой причины. Вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что переходъ ɑ въ а ограничивался опредѣленными условіями, стоящими въ прямой связи съ природой ударяемой гласной,—что онъ былъ вызванъ ею. Въ предударномъ слогѣ, согласно всему сказанному, первоначально являлось ɑ; если же вмѣсто ɑ здѣсь явилось а, то, слѣдовательно, въ природѣ ударяемой гласной произошло извѣстное измѣненіе, повлекшее за собой измѣненіе гласной предударнаго слога. Переходъ полукраткой редуцированной гласной ɑ въ краткую гласную полнаго образованія а можно опредѣлить какъ удлиненіе звука. Ясно, что это удлиненіе вызвано тѣмъ или инымъ измѣненіемъ ударяемой гласной. Всего вѣроятнѣе допустить, что количественное измѣненіе предударнаго слога вызывалось количественнымъ же измѣненіемъ слога ударяемаго; если предположимъ, что гласная подъ удареніемъ, бывшая долгою въ силу редукціи гласной предшествующаго слога, сократилась (по общему закону о сокращеніи долгихъ гласныхъ), то заключимъ, что именно такое сокращеніе ударяемой гласной было прямою причиной перехода ɑ въ а въ предударномъ слогѣ. Но, какъ мы видѣли, передъ слогомъ съ ударяемыми i, u, y неизвѣстны ни ɑ, ни ɛ ни въ одномъ бѣлорусскомъ и южновеликорусскомъ говорѣ; отсюда заключаемъ, что сокращеніе i, u, y произошло еще въ восточнорусскомъ періодѣ, но уже послѣ редукціи неудар. гласныхъ; напротивъ, передъ слогомъ съ ударяемымъ а весьма распространенно произношеніе съ ɑ и ɛ въ предударномъ слогѣ до сихъ поръ; довольно часто найдемъ ɑ и ɛ также передъ слогомъ съ ударяемымъ о (въ нѣкоторыхъ говорахъ только съ такимъ о, которое восходитъ къ ъ и къ е) и съ ударяемымъ е; отсюда заключаемъ, что а, о (изъ ъ), е оставались краткими въ слогѣ подъ удареніемъ, несмотря на редукцію гласной предшествующаго слога, въ восточнорусскомъ періодѣ. На этомъ построено наше предположеніе о томъ, что гласная а сократилась въ восточнорусскомъ нарѣчіи, а можетъ быть, еще и въ общерусскомъ праязыкѣ раньше, чѣмъ гласныя i, u, y, ô, ê.

§ 512. Въ предъидущемъ мы разсматривали только гласныя слога предударнаго и выясняли причину замѣны въ этомъ слогѣ ɑ, ɛ черезъ а. Что

до такой же замѣны въ концѣ слова, то она довольно распространенна и въ бѣлорусскихъ и въ южновеликорусскихъ говорахъ. Не сомнѣваюсь въ томъ, что въ этомъ отношеніи произношеніе московскаго нарѣчія, гдѣ находимъ ɑ и ɛ въ такомъ положеніи, болѣе архаично, ибо, конечно, слѣдствіемъ закона о редукціи долженъ былъ быть переходъ а, о въ ɑ, напримѣръ, въ словахъ, какъ sɬavɑ, sɬovɑ (им. ед.), domɑ, ḿiɬɑ (нарѣчіе), и т. д. Если на мѣстѣ ɑ, ɛ находимъ діалектически звукъ а, то это можетъ быть слѣдствіемъ только той или иной позднѣйшей причины. Возможно, что и здѣсь переходъ ɑ въ а въ слогѣ, непосредственно слѣдующемъ за ударяемымъ, должно понимать какъ удлиненіе полукраткаго ɑ, вызванное сокращеніемъ гласной въ ударяемомъ слогѣ. Такимъ образомъ пришлось бы допустить, что, прежде всего а явилось въ случаяхъ, какъ śíɬa, úxa (р. ед.), rýba, śéna, kóža (изъ śíɬɑ, úxɑ и т. д.), и уже отсюда переносилось какъ въ случаи sɬáva, ŕóbra, móxa, ťésťa, nósa (гдѣ подъ удареніемъ исконно широкія гласныя, не подлежавшія удлиненію подъ вліяніемъ редукціи въ сосѣднемъ слогѣ), такъ и въ случаи jáγɑda, kóґɑba, γóґɑda, и т. д. (гдѣ конечный слогъ съ ɑ не сосѣдилъ съ ударяемымъ слогомъ). Но допускаю и другую возможность, которую признаю болѣе вѣроятною, а именно предполагаю, что разсматриваемая редукція не вела къ удлиненію предшествующаго ударяемаго слога и что также сокращеніе ударяемой гласной не вело за собой удлиненія въ слѣдующемъ за ней слогѣ полукраткой редуцированной гласной; поэтому фонетически должны были получиться и удержаться только sɬóvɑ, śíɬɑ, rýbɑ, sɬávɑ и т. д.; но редукція предшествующаго слога вела и здѣсь къ усиленію слѣдующаго (въ данномъ случаѣ неударяемаго) слога; вслѣдствіе этого jáγoda, γóroda, móɬodo переходили не въ jáγɑdɑ, γóґɑdɑ, móɬɑdɑ, а въ jáγɑda, γóґɑda, móɬɑda; конечное а вызвано наличностью полукраткой редуцированной гласной въ предидущемъ слогѣ. Изъ такихъ случаевъ а въ нѣкоторыхъ говорахъ переносилось на мѣсто конечнаго ɑ и въ случаи, какъ sɬáva, sɬóva, śíɬa, rýba; между тѣмъ другіе говоры измѣнили jáγɑdɑ, móɬɑdɑ, γóґɑdɑ, подъ вліяніемъ аналогіи со стороны произношенія sɬávɑ, śíɬɑ, rýbɑ, въ jáγɑdɑ, móɬɑdɑ, γóґɑdɑ, ср. моск. jágɑdɑ, móɬɑdɑ, góґɑdɑ.

§ 513. Замѣна начальнаго ɑ черезъ а (въ слогѣ непредударномъ) обычна, какъ кажется, въ большинствѣ «акающихъ», бѣлорусскихъ и южновеликорусскихъ, говоровъ, напр. моск. обарот, агуре́ц, азадачи́т, апаздА́л, и т. д. Думаю, что и здѣсь а замѣнило ɑ,—въ данномъ случаѣ вслѣдствіе фонетическаго своего положенія въ началѣ слова, ср. замѣну ɑ также и другими гласными въ этомъ положеніи, напр. рязанск. пγурцы́, итвали.

Замѣну ɑ, ɛ черезъ а находимъ еще въ конечномъ закрытомъ слогѣ.

Возможно, что она объясняется такъ же, какъ замѣна α, ɛ черезъ а въ концѣ слова; т. е., напр., zá ɣarat, návaɬak, výpɬakaʦ, pŕigavar и т. п. повели къ появленію а въ сходномъ положеніи и въ такихъ случаяхъ, какъ ɣórad, vóɬak, pɬákaʦ. góvar, móɬat; равнымъ образомъ ná ɬašaʦ, ná véʦar, ná bɛŕak повліяли на появленіе а въ случаяхъ, какъ ɬošaʦ, véʦar, béŕak.

§ 514. Что до замѣны α, ɛ черезъ а въ западныхъ говорахъ бѣлорусскаго нарѣчія, являющейся и въ третьемъ слогѣ передъ удареніемъ и въ предпослѣднемъ слогѣ за удареніемъ, то это новая черта, стоящая въ рѣшительномъ противорѣчіи съ самыми основаніями аканья и редукціи неударяемыхъ слоговъ, вызвавшей, аканье. Вѣроятнѣе всего видѣть въ этой особенности такъ называемыхъ «сильно-акающихъ» бѣлорусскихъ говоровъ указаніе на то, что самое аканье въ этихъ говорахъ — черта напосная; если признать, что бѣлорусскіе говоры въ основаніи своемъ представляли южнорусскую фонетику, то аканье ихъ естественно объяснить вліяніемъ восточнорусовъ, смѣшавшихся съ первоначальными обитателями Бѣлоруссіи. Усвоивая себѣ эту чуждую черту, предки совр. бѣлорусовъ тамъ, гдѣ ассимиляція съ новыми пришельцами шла болѣе туго и болѣе постепенно (а именно на югѣ и на западѣ бѣлорусской территоріи), частью распространили ее за тѣ звуковые предѣлы, которыми она ограничивалась въ восточнорусскомъ нарѣчіи (отсюда сильное аканье: замѣна α, ɛ черезъ а тамъ, гдѣ фонетически такой замѣнѣ не слѣдовало быть), частью же не допустили ея естественнаго распространенія: такъ во многихъ южныхъ и западныхъ бѣлорусскихъ говорахъ (въ томъ числѣ сильно-акающихъ) видимъ сохраненіе этимологическихъ о, е въ слогахъ заударныхъ, также и конечныхъ въ словѣ (грамматическихъ окончаніяхъ). Итакъ признаемъ діалектическое бѣлорусское произношеніе: съ одной стороны, staranа́, ɣaɬavá, śaradá, čatyróx, ʒaśací, съ другой, móro, sérco, zéllë, дзицятко моё рбднаё, ср. далѣе: требо вм. треба, оженіўсё, сйнё моро трепятáлосё и т. п., — новымъ, чуждымъ исконно акающимъ говорамъ и явившимся на почвѣ смѣшенія акающихъ говоровъ съ неакающими.

§ 515. Необходимо оговорить здѣсь замѣну ɛ черезъ α, которую находимъ въ концѣ слова въ современныхъ бѣлорусскихъ и южновеликорусскихъ говорахъ, откуда можно заключить что она восходитъ еще къ восточнорусской эпохѣ. А именно здѣсь звукъ ɛ послѣ мягкой согласной въ грамматическихъ окончаніяхъ, когда ему соотвѣтствовали звуки α, а, о послѣ твердой согласной въ родственныхъ формахъ, замѣнялся черезъ α. Такъ окончаніе им. ед. ɛ въ словахъ, какъ moŕɛ, poĺɛ, ŕѣńіɛ, которому въ

родственныхъ формахъ соотвѣтствовали звуки o и ɑ (напр. śaĺó, sáĺɑ, próśɑ, ruž̨ó), замѣнилось черезъ ɑ: моск. moŕɑ, poĺɑ: окончанія ɛm̀i, ɛx, ɛm, напр. въ voĺɛm̀i, voĺɛx, voĺɛm, подъ вліяніемъ ɑm̀i, ɑx, ɑm и am̀i, ax, am (rybɑm̀i, śt̑nam̀i), замѣнялись черезъ ɑm̀i, ɑx, ɑm: моск. voĺɑm̀i, voĺɑx, voĺɑm; окончаніе р. ед. ɛ въ kńaźɛ, muźɛ подъ вліяніемъ ɑ, a (bratɑ, poraˈ) замѣнялось черезъ ɑ: моск. kńaźɑ, muźɑ.

Судьба звука Ѣ.

§ 516. Изъ указаній, сдѣланныхъ въ § 507, слѣдуетъ, что звукъ ѣ въ восточнорусскомъ нарѣчіи сохранялъ свое дифтонгическое произношеніе подъ удареніемъ, переходя въ монофтонгъ въ неударяемомъ положеніи. На сохраненіе дифтонгическаго произношенія ѣ подъ удареніемъ указываетъ не только измѣненіе предударной редуцированной гласной въ гласную полнаго образованія (a, ė, e), но также дифтонгическое его произношеніе въ нѣкоторыхъ современныхъ южновеликорусскихъ говорахъ; такое произношеніе (какъ je) отмѣчено напр. Тонышинымъ въ Рязанскомъ уѣздѣ, В. Тростянскимъ въ Землянскомъ и Задонскомъ, также Жиричкимъ въ Ефремовскомъ уѣздѣ. Совершенно очевидно, что этотъ дифтонгъ je долженъ быть возведенъ къ тому исконному дифтонгу ie, eā, который являлся въ общерусскомъ праязыкѣ въ соотвѣтствіи съ такимъ же общеславянскимъ дифтонгомъ. Новымъ и характернымъ для восточнорусскаго нарѣчія явленіемъ было измѣненіе ѣ неударяемаго въ монофтонгъ; этотъ монофтонгъ совпалъ со звукомъ e; изъ того обстоятельства, что e исконное (сохранявшееся только передъ палатальными согласными) и e изъ ѣ редуцировались вмѣстѣ со звуками a, o, заключаю, что e звучало въ восточнорусскую эпоху открыто. Слѣдовательно, признаю восточнорусскимъ явленіемъ переходъ ѣ неударяемаго въ e открытое: bedá, ńešáť, ćená, ťetá; отсюда bɛdá, mɛšáť, ćɛná, ťɛtá. Такое же измѣненіе претерпѣло ѣ неударяемое въ концѣ слова: sťavɛ, v rodɛ. Обычнымъ явленіемъ оказывается дальнѣйшій переходъ ɛ въ i въ бѣлорусскихъ и южновеликорусскихъ говорахъ: sťavi, v rodi. Измѣненіе ɛ въ a, встрѣчающееся діалектически, объясняется въ порядкѣ, указанномъ въ § 512: gorodɛ измѣнилось въ gɔrɑdá; отсюда a переносилось діалектически и въ такіе случаи, какъ v doma, v ťeťa, f śeńa, и т. п.

§ 517. Повидимому, въ связи съ совпаденіемъ e и ѣ въ неударяемомъ положеніи стоитъ и совпаденіе e и ѣ подъ удареніемъ. Можно думать, что это явленіе діалектически восходитъ къ восточнорусской эпохѣ, такъ какъ

это черта общая большей части южновеликорусскихъ говоровъ и говорамъ бѣлорусскимъ. Дошедшіе до насъ западнорусскіе памятники доказываютъ, что совпаденіе е и ѣ при всякомъ положеніи въ словѣ имѣло мѣсто въ весьма отдаленную эпоху жизни бѣлорусскаго языка. Такъ, напримѣръ, находимъ смѣшеніе буквъ е и ѣ въ спискѣ А смоленской грамоты 1229 года, при чемъ встрѣчающіяся здѣсь написанія съ е вмѣсто ѣ нельзя сопоставлять съ написаніями е вмѣсто ѣ въ древнѣйшихъ памятникахъ нашей письменности (напр. кіевскомъ сборникѣ 1073 года, новгородскихъ минеяхъ 1095 — 1097 годовъ) именно потому, что мы найдемъ здѣсь не только е вмѣсто ѣ (какъ: оу Смольнеске, всемь, темь, Немчича), но также, въ большомъ числѣ случаевъ, ѣ вм. е: дѣржати, оутвѣрдать, пѣрвоѥ, четвѣрти, дѣрѣвъмь и дѣревъмь, боудѣте, и даже ѣ вм. ь: весатѣ, языкомѣ, Регньбодѣ, Ризѣскими, и т. д. Тоже въ смол. грамотѣ ок. 1240: Немѣчьскомоу, Смолѣньска, оуръвѣть, почьнѣть. Въ рядной Полоцка съ Ригой около 1330 года находимъ ѣ вм. е передъ мягкой согласной: рѣмѣнь, рѣмѣнемь, привѣзеть, вѣсти, Немѣць, Любѣцьскии, вѣрхъ, коупцѣвъ, бѣрковьска, а передъ твердой согласной только въ словѣ Немцѣмъ дат. мн.; въ сущности то же, что въ гр. 1229 (А) и гр. ок. 1240. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что звуки е и ѣ совпали передъ мягкой согласной, ибо, какъ увидимъ, вѣроятно еще въ восточнорусскую эпоху е передъ мягкой согласной измѣнилось въ ѣ (между тѣмъ какъ передъ твердой согласной оно звучало какъ ö). Въ XIV в. можно указать нѣсколько бѣлорусскихъ грамотъ, совершенно изгнавшихъ букву ѣ. Наличность рядомъ съ этимъ бѣлорусскихъ памятниковъ со строго выдержаннымъ употребленіемъ ѣ объясняется тѣмъ, что среди бѣлорусскихъ говоровъ держались такіе, которые сохраняли свою южнорусскую фонетику; особенно упорно должны были держаться южнорусскіе элементы въ городахъ. Такъ, напримѣръ, договорная 1349 года литовско-русскихъ князей съ королемъ Казиміромъ выдерживаетъ различіе между е и ѣ, употребляя вмѣстѣ съ тѣмъ ѣ на южнорусскій ладъ и въ словахъ вѣлми и своѣи. Отсылая къ труду проф. Карскаго, гдѣ собраны нѣкоторыя данныя по вопросу о смѣшеніи е и ѣ въ бѣлорусскихъ памятникахъ (II, 234 и сл.), отмѣчу, что на востокѣ, въ пріокскихъ областяхъ, памятниковъ съ ясно выраженными особенностями южновеликорусской фонетики мы раньше XV в. не находимъ; правильное употребленіе е и ѣ въ московскихъ грамотахъ XIV в. можно, кажется, отнести насчетъ сѣверноруссkаго вліянія. На основаніи общаго бѣлорусскому и южновеликорусскому нарѣчіямъ перехода ѣ въ е подъ ударепіемъ, древности этого явленія въ бѣлорусскомъ, наличности различія ѣ и е въ нѣкоторыхъ совр. южновеликорусскихъ говорахъ заключаю,

что переходъ ѣ въ е (его монофтонгизація) имѣлъ мѣсто въ діалектахъ восточнорусскаго нарѣчія.

Переходъ е въ ê подъ вліяніемъ слѣдующей палатальной согласной.

§ 518. Можно думать, что къ восточнорусской эпохѣ относится переходъ е въ ударяемомъ слогѣ передъ палатальной согласной въ ê. Этому переходу подлежало е изъ исконнаго е и изъ исконнаго ь: śêm̀, šêśt́, ŕêč́, k ŕêč́i, pĺêč́i — d́êń, t́êśt́, ĺêśt́, ŕêń; перешло въ ê и то е, которое, какъ мы видѣли, восходило діалектически къ ѣ: śêĺi, v́êśt́, na m̀êśt́ɛ. Такое произношеніе е какъ ê передъ палатальными согласными извѣстно и въ бѣлорусскомъ и въ южновеликорусскомъ нарѣчіи: отсюда можно заключить о томъ, что оно восходитъ къ восточно-русской эпохѣ. То обстоятельство, что редуцированная гласная въ южновеликорусскихъ говорахъ, сохранявшихъ ее въ предударномъ слогѣ, не замѣнялась черезъ а передъ слогомъ съ ударяемымъ е передъ мягкой согласной (замѣняясь такимъ способомъ передъ слогами съ ударяемыми узкими гласными, ср. § 508), доказываетъ, что переходъ е въ ê въ указанномъ положеніи моложе явленій, связанныхъ съ редукціей неударяемыхъ гласныхъ; слѣдовательно, въ эпоху, когда происходила ихъ редукція, напр., слова v́eśeĺi̯ä, ŕeč́eńi̯ä звучали съ е въ предударномъ слогѣ; отсюда v́ɛśeĺi̯ɑ, ŕɛč́eńi̯ɑ, что уже позже, но еще въ восточнорусскомъ нарѣчіи перешло въ v́ɛśêĺi̯ɑ, ŕɛč́êńi̯ɑ.

Такой же переходъ е въ ê извѣстенъ и въ сѣверновеликорусскомъ нарѣчіи. Но, какъ указали наблюденія О. Брока, онъ проведенъ не во всѣхъ говорахъ; такъ до сихъ поръ въ Тотемскомъ говорѣ е передъ мягкой согласной не звучитъ какъ ê. Въ виду этого, а также и того, что переходъ е въ ê въ восточнорусскомъ наступилъ сравнительно поздно (послѣ редукціи неударяемыхъ гласныхъ), можно думать, что сѣверноруссное измѣненіе е въ ê произошло независимо отъ восточнорусскаго. Сѣверноруссное измѣненіе е въ ê можно сопоставить съ происшедшимъ въ сѣверноруссскихъ діалектахъ измѣненіемъ а въ е между мягкими согласными (źêt́, vźêĺi, вмѣсто źat́, vźaĺi).

Примѣчаніе. Приведенныя въ § 517 написанія полоцкой грамоты 1330 года доказываютъ, что въ то время уже произошло измѣненіе е въ ê, при чемъ въ одномъ звукѣ ê совпали и старое е передъ мягкой согласной и замѣститель ѣ въ такомъ же положеніи.

Переходъ αi̯ въ ėi̯ подъ удареніемъ.

§ 519. Къ числу восточнорусскихъ явленій относится переходъ дифтонга αi̯, попавшаго подъ удареніе, въ ėi̯. Какъ видно изъ предидущаго, дифтонги ai̯, oi̯ въ неударяемыхъ слогахъ переходили въ αi̯: дат. ед. dobrαi̯, мѣстн. ед. słavnαi̯, р. ед. ḿiłαi̯ (изъ ḿiłoi̯, замѣнившаго ḿiłoѣ). Такое же αi̯ являлось и въ слабоударяемыхъ словахъ, какъ tαi̯ им. ед. (вмѣсто общерусскаго toi̯ изъ tъ̆i̯), tαi̯ дат. и мѣстн., также род. ед., adnαi̯ дат., мѣстн., род. ед.; эти слова были проклитиками и въ качествѣ таковыхъ неударяемыми. Рядомъ, подъ удареніемъ, продолжали свое существованіе формы toi̯, adnoi̯. Когда проклитики tαi̯ или adnαi̯ по той или иной причинѣ логическаго характера получали на себѣ удареніе, они, превращая α подъ удареніемъ въ ė, переходили въ tėi̯, adnėi̯. Что такое произношеніе восходитъ къ восточнорусской эпохѣ, видно изъ того, что мы находимъ его какъ въ южновеликорусскихъ, такъ и въ бѣлорусскихъ говорахъ. Примѣры. Въ южновеликорусскомъ: у тэй Бѣлев. (Будде), на тэй, у тэй, къ аднэй Обоян. (Рѣзановъ), по тэй улицы, съ тэй стороны, по однэй лопаточки Мещов. (В. Чернышевъ), съ тэй стороны, отъ аднэй каровы Дон. (Калмыковъ), да аднэй душы, тэй женѣ Мосал. (Шахм.), бизъ однэй Ворон. (Филат.). Въ бѣлорусскомъ: тэй домъ Рогач. (Ром. III, 159), тэй панъ ib. (ib. 390), тэй слянный чортъ Бых. (Ром. III, 310), тэй Черик., Рогач., Горецк. (Ром. VI, 32, 40, 325), тэй сортъ Ельн. (Добров., Э. С. I, 178); другіе примѣры см. у Е. Ѳ. Карскаго, Бѣлоруссы, II, 165—166.

Примѣчаніе. Съ такимъ ė изъ α ср. ė въ южновеликор. тэк, тэкс; и здѣсь э замѣнило α слабоударяемаго tαk (такъ).

Отвердѣніе ć.

§ 520. Возможно, что къ восточнорусской эпохѣ относится отвердѣніе ć: твердое с находимъ и въ южновеликор. и въ бѣлор. нарѣчіи; между тѣмъ, въ сѣверноруссномъ ć діалектически мягко и до сихъ поръ. Древность отвердѣнія с въ бѣлорусскомъ доказывается тѣмъ, что старое ć не смѣшалось съ новымъ ć изъ t́. Такъ, напримѣръ, въ Супрасльскомъ сборникѣ 1520 года, написанномъ въ Друцкой области, находимъ замѣну новаго ć изъ t́ черезъ ć шепелявое (пишется ч), но старое с такой замѣнѣ не подвергается, и это ясно доказываетъ его твердость. Вообще же памятники не даютъ опредѣленныхъ указаній на твердость и мягкость с, ибо написанія, какъ цю, ци, не всегда могутъ служить доказательствомъ мягкаго произно-

шенія с: они могли быть перенесены изъ болѣе древнихъ оригиналовъ или держаться въ силу подражанія старымъ пріемамъ письма (ср. ши, жи въ нашемъ письмѣ). Что же касается южновеликорусскихъ памятниковъ, то таковыхъ отъ стараго времени до насъ не дошло почти совсѣмъ; московскіе памятники XIV вѣка обнаруживаютъ сильное сѣверноруссное вліяніе; поэтому, напримѣръ, написанія, какъ колца, отца, гуслиа въ Дух. Калиты 1328 года, нельзя приводить въ доказательство мягкости с въ южновеликорусскихъ говорахъ XIV в.: вспомнимъ, что вообще консонантизмъ московскаго нарѣчія сѣверноруссній. Если въ бѣлорусскихъ памятникахъ найдемъ указанія на мягкость с, то не забудемъ, что ѕ могло держаться подъ вліяніемъ южнорусскихъ говоровъ, долгое время господствовавшихъ въ Бѣлоруссіи.

Явленія, свойственныя сѣвернымъ говорамъ восточнорусскаго нарѣчія.

§ 521. Восточнорусы, двигаясь къ сѣверу и сѣверозападу, въ бассейны Оки и верхняго теченія Волги, встрѣтились здѣсь прежде всего съ сѣверноруссами; сожительство восточнорусовъ съ сѣверноруссами вызвало къ жизни великорусское племя, а въ языкѣ этого племени спеціальныя великорусскія явленія. Но, повидимому, восточнорусы встрѣтили въ указанныхъ областяхъ не однихъ сѣверноруссовъ: здѣсь сидѣли также потомки ляшскихъ племенъ, вѣроятно, ко времени вторженія восточнорусовъ, уже покоренные сѣверноруссами и ассимилировавшіеся съ ними. Только такое предположеніе можетъ объяснить намъ наличность въ сѣверныхъ говорахъ южновеликорусскаго нарѣчія ляшскихъ чертъ. Такія черты находимъ, напримѣръ, въ акающихъ говорахъ Бронницкаго уѣзда Московской губерніи; изслѣдователь говоровъ названнаго уѣзда, Н. М. Каринскій, противополагаетъ такимъ акающимъ говорамъ другіе акающіе говоры, гдѣ такихъ особенностей не имѣется: далѣе находимъ тѣ же черты въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи. Это тѣ же черты, которыя мы видѣли въ бѣлорусскихъ и нѣкоторыхъ сѣверноруссскихъ говорахъ.

§ 522. По сообщенію Н. М. Каринскаго дзеканье и цеканье, при томъ иногда съ шепелявымъ оттѣнкомъ, распространены въ акающихъ говорахъ Бронницкаго уѣзда. «Особенность эта — сообщаетъ проф. Каринскій— свойственна говору стариковъ, старухъ и молодыхъ бабъ; отъ парней и мужчинъ среднихъ лѣтъ я ничего подобнаго не слыхалъ». Напр. мет҆ел҆, сад҆ила: рядомъ: hд҆е, д҆е, д҆ейги, бацюшка, ф цимпайцѣ. Обильныя данныя для дзеканья и цеканья въ Касимовскихъ говорахъ находимъ у проф. Будде, который высказалъ при этомъ предположеніе, что особенность эта занесена въ

Касимовскій уѣздъ вятичами, бывшими отъ рода ляховъ (см. Къ исторіи великор. говоровъ, с. 288 и сл., 298—299). Проф. Будде, рядомъ съ простымъ дзеканьемъ и цеканьемъ, отмѣчаетъ тѣ же явленія съ шепелявымъ оттѣнкомъ; на мѣстѣ ć, ʒ́ находимъ не только ć, ʒ́, но и ç, ź ($т^{с}$, $д^{з}$ рядомъ съ $т^{ш}$, $д^{ж}$). Примѣры: $рад^{з}и́мый$, $д^{з}ялоў$, $д^{з}ень$, студзёну, $ад^{з}ёжу$, зăхат^{с}ѣл, $т^{с}ёрйма$, мăлат^{с}и́ть, $т^{с}$ялó, малот^{с}им; нид^{ж}ѣля, сид^{ж}ѣли, $д^{ж}$ялúтца, $ад^{ж}$ёжка, $д^{ж}ит^{ш}$ями, мăлат^{ш}и́ли, $т^{ш}$ялá и т. д. (l. c., 140—142). Въ Спасскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи отмѣчено $т^{ш}$ялá. Эти звуки ć, ʒ́ и шепелявыя ć, ź проф. Будде встрѣчалъ по преимуществу на пространствѣ между рѣками Гусемъ и Нармою, близъ Владимірской губерніи. Дзеканье отмѣчено Н. Н. Дурново въ Волоколамскомъ и Клинскомъ уѣздахъ; «дзеканье — сообщаетъ наблюдатель — въ большей части деревень не рѣзкое; элементъ взрывный въ дифтонгѣ тс и дз преобладаетъ, при чемъ дифтонгъ этотъ очень мягокъ; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ деревняхъ дзекаютъ очень рѣзко» (Тр. моск. діал. комм., I).

§ 523. Шепелявое произношеніе ś и ź относимъ также насчетъ ляшскихъ особенностей. Такія ś, ź отмѣчены, напр., въ Бронницкомъ уѣздѣ въ тѣхъ же частяхъ его, гдѣ дзекаютъ и цекаютъ: Макс^{ш}им; с^{ш}нес^{ш}ли, пас^{ш}идити, з^{ж}има. При этомъ исконныя š и ž тверды и шепеляво вообще не произносятся, между тѣмъ с^{ш}, з^{ж} «произносятся чрезвычайно мягко» (Н. М. Каринскій). Въ акающемъ говорѣ дер. Давыдкова Клинскаго уѣзда отмѣчено у нѣкоторыхъ лицъ: из^{ш}мѣняютъ, вез^{ш}дѣ, куз^{ж}нец, гряс^{ш}ь, з^{ш}иму, вс^{ш}ѣ, вос^{ш}имь, здѣс^{ш}ь, с^{ш}емьдис^{ш}ят (В. Чернышевъ). Эти шепелявыя ś и ź имѣются и въ Касимовскомъ уѣздѣ; проф. Будде обозначаетъ ихъ буквами шь, ш', ç, ш^{с}—с^{ш}. Примѣры: фс^{ш}ѣ, пѣс^{ш}ьни, ваз^{ж}ьми, з^{ш}имою, з^{ж}ять, кас^{ш}и́л (с. 140, 134). Въ единичныхъ случаяхъ отмѣчено шепелявое (мягкое) произношеніе этимологическихъ š и ž: у Иванушьки, на головушьки, кудрюшьки; быть можетъ, мягкость ихъ удержалась здѣсь подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго k; вообще же š и ž отвердѣли; носçю — это этимологическое носю, замѣнившее ношу подъ вліяніемъ формъ другихъ лицъ наст. вр. Шепелявое произношеніе свистящихъ отмѣчено Н. Н. Соколовымъ во многихъ акающихъ говорахъ Тверской губерніи, но оно, кажется, сопровождается и мягкимъ, шепелявымъ произношеніемъ исконныхъ ś и ź.

§ 524. Быть можетъ, къ числу ляшскихъ особенностей должно быть отнесено отвердѣніе č, замѣчаемое во многихъ средневеликорусскихъ говорахъ; вообще же такое отвердѣніе чуждо и южновеликорусскому и сѣверновеликорусскому нарѣчію (въ послѣднемъ, впрочемъ, оно встрѣчается діалектически, при чемъ появленіе č и c твердыхъ на мѣстѣ ç', въ кото-

ромъ совпали раньше этимологическія ć и ć, совершилось подъ вліяніемъ южновеликорусскихъ, точнѣе средневеликорусскихъ говоровъ). Твердое ć въ средневеликорусскихъ говорахъ сопоставьте съ бѣлорусскимъ ć твердымъ. Такъ въ Егорьевскомъ уѣздѣ В. Чернышевъ отмѣчаетъ, что звукъ ч «произносится часто очень твердо». Твердое ć наблюдалъ проф. Будде и въ Касимовскомъ уѣздѣ (с. 129 н. т.).

Глава V. О древнѣйшихъ явленіяхъ, общихъ сѣверноруссскому и восточнорусскому нарѣчіямъ.

§ 525. Къ такимъ явленіямъ относится переходъ звуковъ у и і въ положеніи передъ i̯ въ o и e. Мы знаемъ (§§ 32 прим., 37, 39, 130), что звуки у и і еще въ общеслав. праязыкѣ были кратки передъ i̯ въ противоположность звукамъ у и і въ другомъ положеніи, гдѣ они оставались долгими или полудолгими. Противоположеніе въ русскихъ нарѣчіяхъ судьбы у и і передъ i̯ судьбѣ ихъ въ другихъ положеніяхъ доказываетъ, что въ моментъ, когда совершалось разсматриваемое явленіе, у и і различались по произношенію въ зависимости отъ своего положенія и происхожденія: передъ i̯ они были, очевидно, звуками открытыми, ненапряженными, оставаясь закрытыми, напряженными во всѣхъ другихъ условіяхъ. Оба явленія — переходъ у въ о и переходъ і въ е произошли, конечно, одновременно; отличіе перваго изъ нихъ отъ второго въ томъ, что звукъ у, бывшій самъ нелабіализованнымъ, перешелъ въ звукъ лабіализованный и при томъ болѣе широкій — о, между тѣмъ какъ і перешло въ звукъ болѣе широкій — е, не лабіализировавшійся. Но, повидимому, это различіе зависѣло не отъ природы обѣихъ подлежавшихъ измѣненію гласныхъ, а отъ природы предшествовавшихъ имъ согласныхъ. Звуку і предшествовали согласныя палатальныя, вполнѣ приспособившіяся къ слѣдующей гласной, между тѣмъ какъ звуку у предшествовали согласныя лабіализованныя, не приспособленныя къ слѣдовавшему за ними звуку у (т. е. ы). Указаніе на лабіализованность согласныхъ передъ у даны въ §§ 216, 111, 7 пр., при чемъ эта лабіализованность, впослѣдствіи утраченная, возведена къ вліянію на согласныя гласной ū, родоначальника звука у. Можно думать, что у открытое перешло непосредственно въ ė, т. е. въ е средняго ряда (ср. польское ė на мѣстѣ исконнаго ъ, напр. mech, sen, łeb); но ė перешло въ ȯ (о средняго ряда, звукъ серединный между о и ö), а затѣмъ въ о подъ вліяніемъ лабіализованнаго произношенія предшествующихъ согласныхъ. Итакъ уi̯, іi̯ перешли въ ėi̯, еi̯, а позже ėi̯ измѣнилось въ ȯi̯, оi̯.

Примѣчаніе. Въ § 419 предложено объясненіе перехода уi̯, іi̯ въ оi̯, еi̯ въ результатѣ удлиненія краткихъ у и і передъ слогомъ,

утратившимъ полукраткую гласную (передъ слогомъ съ і), при чемъ измѣненіе у, і въ о, е было аналогично измѣненію ъ, ь въ о, е при тѣхъ же условіяхъ; уже изъ положенія передъ і въ концѣ слога (доброи, мойка, синей, платейцо) о, е переносились на мѣсто ў, і передъ і, примыкавшимъ къ другому слогу (лукоян, яицея).

§ 526. Приведу примѣры. Древнѣйшіе восходятъ къ XIII в. Такъ находимъ въ копіи второй половины XIII в. съ новгор. договора 1189—1199 г.: ѡже оубьють таль или попъ новгороцкое или нѣмецкъе новѣгородѣ (вм. новгороцкой, нѣмецкой); тамъ же: жеребее вм. жеребии; въ писанной тѣмъ же писцомъ новгор. договорной ок. 1263 г.: трен р. мн. вм. трии; въ Русской Правдѣ по Кормчей 1282 г.: р. мн. бес трен коунъ; въ Синод. спискѣ XIV в. Новг. 1-й лѣтописи: кнѧ̄ дѣцкои л. 237 (Б. М. Ляпуновъ, обративъ вниманіе на единичность подобной формы, отмѣтилъ, что «дѣцкой» — это названіе служилаго человѣка, быть можетъ, чуждое языку писца и усвоенное имъ изъ другого нарѣчія); возможно, что стрьı, стръемь, крьıше въ первыхъ двухъ почеркахъ Синод. списка слѣдуетъ читать какъ строи, строемь, кроше. Въ Псков. св. XIV в., описанномъ Бандуровымъ (Р. Ф. В. 1902): камень жьрновнои, въ послѣднеи дн̄ь. Въ еванг. 1339 г. московскаго происхожденія: кнлзь великои 216б (въ записи). Въ Лавр. лѣтописи 1377 г. суздальскаго происхожденія: то вдамъ ти которои ти городъ любъ (1097 г.), старѣишеи градъ (1096 г.), старѣишеи братъ (1024 г.), сынъ меншеи (992 г.), строя (1059 и 1093 гг.), строема (1078 г.). Въ письменности XV—XVI в. -ои, -еи указаннаго происхожденія являются въ памятникахъ некняжнаго происхожденія господствующими. Такъ напр. въ Конш. спискѣ XVI в. Домостроя: вслкои овощь, свеколнои росолъ, запасъ серебрянои и ѡловянои, дворовои, коньскои, бережнои, доброи, домашнеи ѡбиходъ (но въ княжныхъ словахъ -ыи, -іи: животворящіи, сѣщенческіи). То же въ Судебн. Ив. Вас. по сп. Унд. XVI в. № 824: дворецкои, боярскои, селецкои, приказнои, ѣдомои, стороннеи чл̾вкъ, стряпчеи, ѡколничеи, прочеи (но постоянно великии кн̄зь). Ломоносовъ въ своей Грамматикѣ употреблялъ преимущественно окончанія -ой, -ей: сладкой, скверной, точной, десятой, посадской, сотской, пѣвчей, прежней, Божей (окончанія -ый, -ій въ словахъ церковнаго происхожденія: великій, истинный, при истинной, богатый — послѣднее слово, какъ видно изъ γ, южнорусскаго происхожденія; также въ причастіяхъ: спящій, ходящій, питаемый, знаемый, напитанный; также въ превосх. степени: свѣтлѣйшій, лутчій, и т. д.). Въ рукописномъ сборникѣ XVIII в. былинъ, записанныхъ Киршею Даниловымъ, также почти постоянно -ой, -ей: Владимеръ столнои киевскои, свои тугои лукъ раз-

рывчетои, на четвертои день, третеи неводъ (но почему то, какъ указано редакторомъ изданія, П. Н. Шеффером, выдержано написаніе молоды: рѣже окончаніе -ы въ другихъ прилагательныхъ: честны король, сильны хвастаетъ). Въ совр. сѣверновеликорусскомъ господствующими окончаніями являются -ой, -ей: старой, доброй, зимней; но въ отдѣльныхъ говорахъ, допускающихъ редуцированное произношеніе неударяемыхъ гласныхъ, слышатся и -ъй, -ый (что въ транскрипціи латинскими буквами мы передали бы черезъ -ąi, -ęi): добръй, т. е. почти добрый; синый, т. е. почти синій; возможно, что діалектически ъй, ый перешли въ ый, ий. Въ южновеликорусскомъ подъ удареніемъ всегда -ой, -ей, а въ неударяемомъ положеніи, вслѣдствіе редукціи звуковъ о, е, -ъй, -ый, вмѣсто чего діалектически являются также -ый, -ий: тупой, витой, глухой, тугой, морской при краснъй, милъй, нижный (вм. чего и красный, мильй, нижний). Діалектически же вм. ъй является ай. Такъ напр. въ Обоянскомъ говорѣ «окончаніе м. р. ый, ій почти не употребляется; его всегда замѣняетъ ай, яй: батюшка радймай, лютай, ядристай, бѣленькяй, густенькяй» (Рѣзановъ).

Примѣчаніе 1. Переходъ -уi въ -оi произошелъ раньше измѣненія въ великорусскомъ нарѣчіи сочетаній ky, gy, xy въ ki, ǵi, x́i; измѣненіе это, однородное съ такимъ же измѣненіемъ въ южнорусскомъ (см. § 473 и сл.), предполагаетъ утрату согласными (въ частности согласными задненебными) своей лабіализаціи передъ у, утрата же эта была слѣдствіемъ приспособленія согласной къ слѣдующей за нею гласной. Какъ указано въ § 525, самый переходъ -уi въ -оi свидѣтельствуетъ о лабіализованной природѣ предшествующей согласной.

Примѣчаніе 2. Что южновеликор. и сѣверновеликор. діалектическое произношеніе съ -ый замѣняетъ, согласно съ § 526, произношеніе -ъй (изъ -ой), а не восходитъ къ первоначальному -ый, видно изъ того, что здѣсь слышится -ый (-ъй), а не -ій послѣ задненёбныхъ: ьохкый, немецкый, скольскый, строгый, тугоухый не могутъ восходить къ первонач. ьгъкыи, нѣмьчьскыи и т. д., ибо послѣднія измѣнились бы въ ьохкий, немецкий. — Ср. діалект. южновеликор. выймю вм. вымъю (изъ вымою).

Примѣчаніе 3. Написанія -кии, -гии, -хии въ сѣверноруссkихъ памятникахъ XIV и сл. вѣковъ считаю теперь вызванными искусственно наличностью церковныхъ и вообще книжныхъ заимствованій на -ый, -ий. Ср. въ дух. Ивана Калиты: поясъ золотъ фражьскии; въ дух. Ив. Ив. 1356 № 25: достоканъ цр̃ьгороⷣскии, въ дух. Дм. Ив. 1389 № 34: лугъ ходыньскии, другии (лугъ), пѣгии, поясъ золо̑ старъи новгороⷣ-

скии; въ двинск. гр. XV в. №№ 7 и 77: другии лоскутъ, № 86: сочькии, и мн. др.

Примѣчаніе 4. Малорусскому и бѣлорусскому нарѣчію совершенно чуждо измѣненіе ый въ ой; что до той (им. ед. указ. мѣстоименія), то оно восходитъ къ тьи, замѣнившему тыи нефонетически, подъ вліяніемъ формы тъ. Равнымъ образомъ не знаютъ названныя нарѣчія перехода ий въ ей; сей (цей) восходитъ къ сьи, замѣнившему сии нефонетически, подъ вліяніемъ сь; малор. и бѣлор. -ей въ им. ед. существительныхъ (жеребей, соловей), въ род. мн. существ. (гусей, людей, костей) восходитъ къ -ьи, при чемъ -ьи замѣнило первоначальное -ии подъ вліяніемъ нефонетическимъ (см. §§ 399 и сл.).

§ 527. Сочетаніе ѐi̯, замѣнившее уi̯ непосредственно (см. § 525), въ нѣкоторыхъ говорахъ не перешло въ оi̯, а сохранилось какъ ѐi̯; это зависѣло отъ того, что на ѐ не оказали здѣсь ассимилирующаго вліянія предшествующія ему лабіализованныя согласныя, которыя, очевидно, сами, приспособляясь къ слѣдующему ѐ, теряли свою лабіализацію. Восточнорусскіе говоры перенесли свое ѐi̯ въ бѣлорусскую область Примѣры для ѐi̯ въ бѣлорусскихъ говорахъ: им. ед. маладэй, лисавэй, бальнэй, палявэй, чужей, другей, дарагэй, сухей Ельн. (Добров. Смол. Э. С. I); магутнэй, благей, рябей, кривэй, худэй, князь маладэй и др. Ржев. (Э. С. I); примѣры изъ Витебскаго, Быховскаго, Леппельскаго, Сѣнненскаго, Себежскаго и нѣк. другихъ уѣздовъ см. у Карскаго, Бѣлоруссы, I, 2, 166. Въ южновеликорусской области эй отмѣчено въ южной части Тульской и сѣверной половинѣ Орловской губерніи (Е. Ѳ. Будде, О говорахъ Тульской и Орловской губ., Спб. 1904; 103—104); также въ Жиздринскомъ уѣздѣ Калужской губ. (см. ниже, § 528). Въ сѣверноруссной области также сохранились, впрочемъ, весьма немногочисленные говоры съ такимъ же ѐi̯. Мнѣ извѣстно два такихъ говора. Первый изъ нихъ находится въ южной части Петрозаводскаго уѣзда близъ Свири (с. Муромля) и описанъ А. Георгіевскимъ въ № 30 отвѣтовъ на великорусскую программу; рядомъ съ господствующимъ подъ удареніемъ окончаніемъ эй, въ слогахъ неударяемыхъ является также ой: гнѣдэй, слѣпэй, воропэй, голубэй, молодэй, золотэй, большей; также пѣгэй, высокэй, сильнэй при красной, черной, бѣлой. Второй подобный говоръ находимъ въ с. Коштугахъ Вытегорскаго уѣзда; онъ извѣстенъ по описанію К. Филимонова (Олон. Губ. Вѣд.); звукъ ѐ по указанію изслѣдователя выговаривается «твердо какъ лат. e (Deus) — гортаннымъ звукомъ (г)»; мы находимъ его въ удар. и неудар. положеніи: скупэй, худэй, тѣснэй, грязнэй, форэй, цёр-

нэй, добрэй, молодэй; к, г, х передъ э не мягки: строгэй, бойкэй, топкэй, рѣдкэй, ловкэй.

Примѣчаніе 1. Возможно, что такое же измѣненіе первоначальнаго ый представляютъ тѣ древнерусскіе памятники, которые пишутъ еи вмѣсто ожидаемаго ыи или ои. Ср. -еи въ древнепсковскихъ памятникахъ: Новоросс. сп. Новгор. 4-й: нбснеи чл̄къ 56 об.; Псковск. 2-я лѣт. Синод. XV в.: въ новеи городо̑; Псковск. 1-я лѣт. Погод.: рѣчнеи, краснеи, стареи, и др. — Также можно было бы объяснить и -еи въ свьискеи Новг. 1-я Синод., неревьскеи ib.; сочкеи, купечкеи Дв. гр. XV в. № 88 и др.

Примѣчаніе 2. Чередованіе -эй и -ый въ бѣлорусскихъ говорахъ вызывало вытѣсненіе звука ы черезъ э также и тамъ, гдѣ ы по своему происхожденію было звукомъ долгимъ, напряженнымъ, а потому не подлежавшимъ переходу въ ѣ. Ср. въ им.-вин. мн.: браты тэя, злэя Мстисл. (Карск.), раги залатэя Орш. (ib.), гнилэя калоды Ельн. (Добров. I, 176), крутэя горы (ib.), у чужэя земли (ib. 511), старэя Горецк. (Ром. VI, 288), злэя духи Климов. (ib. 406), худэи, простэи Лукоян. (Б. Ляпуновъ). — Тоже въ западныхъ говорахъ южновеликор. нарѣчія, ср. напр. въ Карач. у.: никакэ́я мѣры, кавальнички мъладэ́я, патковачки сталянэ́я (Е. Ѳ. Будде, О гов. Тульск. и Орл. губ. 79). — Таково же вѣроятно происхожденіе окончанія эи въ нѣкоторыхъ другихъ великор. говорахъ: шэи, сухэи Курмыш., Василь-Сурск., Макар., Покров.-Владим. и др. (Б. Ляпуновъ). — Въ указанныхъ въ § 527 обоихъ олонецкихъ говорахъ чередованіе -эй съ -ой (а -ой вм. -эй могло вызываться не только вліяніемъ сосѣднихъ говоровъ, но также окончаній -ого, -ому, -ом) вело за собою вытѣсненіе и исконнаго -ой черезъ -эй: со мнэй, съ пилэй, подъ подошвэй, старшинэй, и т. д. Въ Карачевск. у. отмѣчено: мнѣ маладэ́й, басэ́й въ твор. ед., святэй р. ед., па пичнэ́й чясьти, на фтарэ́й нядѣли (Е. Ѳ. Будде, О гов. Тульск. и Орл. губ., 73, 78); рядомъ: ньіеть. мыю, крыетцъ.

Примѣчаніе 3. Появленіе тэй, аднэй не можетъ быть поставлено въ связь съ появленіемъ -эй въ окончаніи им. ед. прилагательныхъ. Это видно изъ многихъ говоровъ южновеликорусскихъ, съ одной стороны, бѣлорусскихъ, съ другой, гдѣ рядомъ съ тэй, аднэй въ окончаніи им. ед. прилаг. являются -ой (южновеликор.), -ый (бѣлор.). Процессъ, приведшій слабоударяемыя слова тый, аднъй къ тэй, аднэй, описанъ въ § 519.

§ 528. Въ нѣкоторыхъ южновеликорусскихъ говорахъ сохранилась вторая промежуточная ступень отъ звука у (т. е. ы) къ о, а именно ȯ (непосредственно восходящее, согласно предидущему, къ ѐ). Это ȯ мнѣ пришлось наблюдать въ 1895 г., напр. въ Милѣевской волости Жиздринскаго уѣзда, а также въ пограничныхъ селеніяхъ Брянскаго уѣзда; звукъ этотъ казался мнѣ близкимъ къ звуку ö франц. словъ leur, demeure, нѣмецк. Mönch, Löcher, но болѣе заднимъ, чѣмъ ȯ, слѣдовательно, болѣе близкимъ къ о. Я слышалъ этотъ звукъ въ такихъ словахъ какъ мȯю, крȯю, рȯю, намȯи, между тѣмъ какъ въ окончаніи им. ед. (худоій, плахой, кривой и т. п.) слышится -ой: это -ой, вѣроятно, объясняется вліяніемъ окончаній -ого, -ому, -ом (худой вм. худȯй подъ вліяніемъ худого). Появившееся позже моихъ наблюденій описаніе жиздринскихъ говоровъ А. Никольскаго (Р. Ф. В. 1901—1903) отмѣчаетъ въ Милѣевской и сосѣдней Теребеньской волости произношеніе мэю, рэю и вмѣстѣ съ тѣмъ еще: какэй, такэй; ближайшаго опредѣленія звука э А. Никольскій не даетъ. Существованіе произношенія мȯю дѣлаетъ вѣроятнымъ, что окончаніе -эй, разсмотрѣнное въ предшествующемъ §, дѣйствительно восходитъ фонетически къ -ый.

Важнѣйшіе труды по изученію русскаго языка.

— Аппель, К. Ю. О бѣлорусскомъ нарѣчіи. (Р. Ф. В. 1880, 1).

Богородицкій, В. А. Гласные безъ ударенія въ русск. языкѣ. (Р. Ф. В. 1880, 3).—Введеніе въ изученіе русскаго вокализма. (Р. Ф. В. 1882, 1, 2 и 4; 1883, 1 и 2). — Общій курсъ русской грамматики. Каз. 1904. — [*Рец.* Е. Ѳ. Будде (Изв. 1905, кн. 1)]. — Нѣсколько словъ по поводу рецензіи проф. Е. Ѳ. Будде на мое сочиненіе «Общій курсъ русской грамматики». (Изв. II Отд. 1908, кн. 4).—Опытъ физіологіи общерусскаго произношенія въ связи съ экспериментально-фонетическими данными. Казань. 1909.—Краткій очеркъ діалектологіи и исторіи русскаго языка. Казань. 1910.—Общій курсъ русской грамматики. Изд. 4-е. Казань. 1913.

Бодуэнъ-де-Куртенэ, И. А. Глоттологическія (лингвистическія) замѣтки. Вып. I. Воронежъ. 1877.—Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка. Вып. I. Воронежъ. 1882.

Брандтъ, Р. Ѳ. Начертаніе славянской акцентологіи. Спб. 1880.—Грамматическія замѣтки. I. Изд. 2-е. Спб. 1886.—Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка. Вып. I. М. 1892.

Broch, Ol. Zum Kleinrussischen in Ungarn. (Arch. f. slav. Ph. XVII, 1895; XIX, 1897).—Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im östlichen Ungarn. Kristiania. 1897.—Weitere Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im östlichen Ungarn. Kristiania. 1899.—Aus der ungarischen Slavenwelt. (Arch. f. slav. Ph. XXI, 1899).—Угрорусское нарѣчіе села Убли (Земплинскаго комитата). Спб. 1899.—Описаніе одного говора изъ югозападной части Тотемскаго уѣзда. (Сб. II Отд., т. 83, 1907 г.).

Будде, Е. Ѳ. Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій. Варшава. 1892.—Главнѣйшія черты народнаго русскаго говора въ Казанской губерніи. (Р. Ф. В. 1894, 3).—Къ исторіи великорусскихъ говоровъ. Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія народнаго говора въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи. Казань. 1896.—Изъ исторіи русскаго литературнаго языка конца XVIII и начала XIX вѣка. (Ж. М. Н. П. 1901, № 2).—О говорахъ Тульской и Орловской губерній. (Сб. II Отд., т. 76, 1904 г.).—Опытъ грамматики языка А. С. Пушкина. (Сб. II Отд., т. 77, 1904 г.).—Лекціи по исторіи русскаго языка. Казань. 1907.—[*Рец.* Н. Н. Дурново. (Изв. II Отд. 1908, кн. 3)].—Очеркъ исторіи современнаго литературнаго русскаго языка. (XVII—XIX вѣкъ). (Энц. слав. фил., в. 12, 1908).

Буслаевъ, Ѳ. И. О преподаваніи отечественнаго языка. 1-е изд. М. 1844.—Историческая грамматика русскаго языка. Изд. 5-е. М. 1881.

Васильевъ, Л. Л. Гласные въ слогѣ подъ удареніемъ въ моментъ возникновенія аканья въ Обоянскомъ говорѣ. (Изв. II Отд. 1904, кн. 1).—Къ исторіи звука ѣ въ московскомъ говорѣ въ XIV—XVII вѣкахъ. (Изв. II Отд. 1905, кн. 3)—Къ характеристикѣ сильно-акающихъ говоровъ. (Р. Ф. В. 1907, 4).—О случаѣ сохраненія общеславянской группы -dl- въ одномъ изъ старыхъ нарѣчій русскаго языка. (Р. Ф. В. 1907, 4).

Verchratskij, A. Ein weiterer Beitrag zur Betonung im Kleinrussischen. (Arch. f. slav. Ph. III, 1879).

Werchratskij, J. Ueber die Mundart der marmaroscher Ruthenen. Stanislau. 1883.—Ueber die Mundart der galizischen Lemken. (Arch. f. slav. Ph. XIV, 1892; XVI, 1894).—Die ruthenischen Mundarten (Österreich. Monarchie in Wort und Bild. 1898).—Про говор Долівский. (Зап. Наук. Тов. ім. Шевченка, т. XXXV, 1900 г.).—Знадоби для пізнаня угорско-руских говорів. I ч. Говори з наголосом движимим. Льв. 1899; II ч. Говори з наголосом сталим. Льв. 1901.—Про говір галицких Лемків. Льв. 1902.—Говір Батюків. (Збірник фільольог. секції Наук. Тов. ім. Шевченка, т. XV, 1912).

Востоковъ, А. Х. Русская грамматика, по начертанію его же сокращенной грамматики полнѣе изложенная. Спб.—Филологическія наблюденія. (Посм. изд.). Спб. 1865.

Hankiewicz, Cl. Ein Beitrag zur Lehre vom kleinrussischen Accent. (Arch. f. slav. Ph. II, 1877).

Hanusz, I. Ueber die Betonung der Substantiva im Kleinrussischen. (Arch. f. sl. Ph. VII, 1884).

Гнатюк, В. Руські оселї в Бачцї (в полудневній Угорщинї). (Зап. Наук. Тов. ім. Шевченка, т. XXII, 1897).—Русини Пряшівської епархії і їх говори. (Зап. Наук. Тов. ім. Шевченка, т. XXXV, 1902).—Словаки чи Русини. (Зап. Наук. Тов. ім. Шевченка, т. XLII, 1903).—[*Рец.* Fr. Pastrnek: Rusini jazyka slovenského. (Статьи по славяновѣдѣнію, II, 1907)].

Голоскевичъ, Г. К. Описаніе говора с. Бодачевки (Колодіевки) Ушицкаго уѣзда Подольской губерніи. (Изв. II Отд. 1909, кн. 4).—Евсевіево евангеліе 1283 года. (Изсл. по русск. яз. III, 2, 1914 г.).

Гротъ, Я. К. Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка. (Сб. II Отд., т. XVIII, 1878).—Филологическія розысканія. Изд. 3-е. Спб. 1885.

Даль, В. И. О наречіяхъ русскаго языка. (Вѣстникъ И. Р. Г. О. V, 1852 г.; также въ I т. Толковаго словаря живаго великорусскаго языка).

Дикаревъ, М. А. Очеркъ Воронежскаго мѣщанскаго говора сравнительно съ украйно-русскимъ нарѣчіемъ. (Пам. кн. Ворон. губ. на 1892 г.).—[*Рец.* Е. Ѳ. Будде (Р. Ф. В. 1892, 2)].

Дурново, Н. Н. Описаніе говора деревни Парфёнокъ Рузскаго у. Московской губ. (Р. Ф. В. 1901, 1—2, 3—4; 1902, 1—2; 1903, 1—2, 3—4).—[*Рец.* Л. Л. Васильева (Изв. II Отд. 1904, кн. 2)].—Діалектологическая карта Калужской губерніи. (Сб. II Отд., т. 76, 1904 г.).—Die grossrussische Dialektologie in den letzten fünf Iahren. (1897—1901). (Arch. für slav. Ph. XXVII,

1905).—Очеркъ исторіи русскаго языка. В. 2. Историческая морфологія. 1. Исторія формъ склоненія и спряженія. Харьковъ. 1913.

Житецкій, П. И. Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. Кіевъ. 1876. — [*Рец.* А. А. Потебни (Отчетъ о 20-мъ прис. Увар. нагр., 1877)].— Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв. Ч. I. Кіевъ. 1889. — [*Рец.* А. А. Кочубинскаго (Отчетъ о 32-омъ прис. Увар. нагр., 1890)].— Къ исторіи литературной русской рѣчи въ XVIII в. (Изв. II Отд. 1903, кн. 2).

Зеленинъ, Д. К. Отчетъ о діалектологической поѣздкѣ въ Вятскую губернію. Спб. 1903. (Сб. II Отд., т. 76, 1914 г.).—Великорусскіе говоры съ неорганическимъ и непереходнымъ смягченіемъ задненебныхъ согласныхъ. Спб. 1913.

Зілинський, Ів. Дещо з фонетики українських говорів. Львів. 1908.— Проба упорядкованя українських говорів. («Привіт Ів. Франкови в сорокліте його письм. праці». Львів. 1914).

Карауловъ, М. А. Говор Палѣх Жиздринскаго уѣзда Калужской губерніи. (Р. Ф. В. 1900, 1 — 2). — Матеріалы для этнографіи Терской области. Говоръ гребенскихъ казаковъ. (Сб. II Отд., т. 71, 1902 г.).

Карпинскій, Н. М. О нѣкоторыхъ говорахъ по теченію рѣкъ Луги и Оредежа. (Р. Ф. В. 1898, 3—4).—О говорахъ восточной половины Бронницкаго уѣзда. (Изв. II Отд. 1903, кн. 1 и 2).—Остромирово евангеліе, какъ памятникъ древнерусскаго языка. (Ж. М. Н. П. 1903, № 5).—Языкъ Пскова и его области въ XV вѣкѣ. Спб. 1909.—[*Рец.* И. В. Ягича (Arch. f. slav. Ph. XXXI, 1910)].

Карскій, Е. Ѳ. Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. М. 1885.— Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. (Р. Ф. В. 1890, 2 и 4; 1891, 4; 1892, 1; 1893, 1 и 3).—Къ вопросу о разработкѣ стараго западно-русскаго нарѣчія. Вильна. 1893.—Западнорусскіе переводы псалтыри въ XV—XVII вѣкахъ. Варшава. 1896.—Западнорусскій сборникъ XV в. (Изв. II Отд. 1897, кн. 4).— Матеріалы для изученія бѣлорусскихъ говоровъ. (Изв. II Отд. 1897, кн. 2; 1898, кн. 3; 1899, кн. 3; 1900, кн. 4; Сб. II Отд., т. 75, 1904; ib., т. 82, 1907; ib., т. 88, 1910).—Матеріалы для изученія сѣверно-малорусскихъ говоровъ, а также переходныхъ отъ бѣлорусскихъ къ малорусскимъ. (Полѣсье). В. I. (Изв. II Отд. 1898, кн. 3); в. II. (Сб. II Отд., т. 75, 1903 г.).—Къ вопросу о разграниченіи русскихъ нарѣчій. (Изв. XII Археол. съѣзда въ Харьковѣ. 1902). — Замѣтки по бѣлорусскимъ говорамъ. (Р. Ф. В. 1901, 3—4). — Къ вопросу объ этнографической картѣ бѣлорусскаго племени. (Мог. Г. В. 1902 г.). — Бѣлоруссы. Т. I. Варшава. 1903; т. II, 1. В. 1908; т. II, 2. В. 1911; т. II, 3. В. 1912.

Klich, E. Teksty białoruskie z powiatu nowogródzkiego. (Mater. i prace kom. językowej. T. II, 1903).

Колосовъ, М. А. Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XV столѣтіе. Варшава. 1872. — Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области великорусскаго нарѣчія. (Сб. II Отд., т. XVII, 1877 г.). — Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка. Варшава. 1878.

Коршъ, Ѳ. Е. Weitere Beobachtungen über die Aussprache des Russischen. (Arch. f. slav. Ph. III, 1877 г.).—«Слово о полку Игоревѣ». (Изслѣд. по русск. яз., т. II, 1909 г.).

Крымскій, А. Е. Филологія и Погодинская гипотеза. Кіевъ. 1904. — Деякі неповні критеріі для діалектольогічної класифікаціі старо-руських рукописів. (Наук. сб. присьвяч. М. Грушевському. Львів. 1906). — Древне-кіевскій говоръ. (Изв. II Отд. 1906, кн. 3). — Украинская грамматика. Т. I, в. 1-й. М. 1907; т. I, в. 2-й. М. 1908; т. II, в. 1-й. М. 1907.

Лавровскій, П. А. О языкѣ сѣверно-русскихъ лѣтописей. Спб. 1852.

Ломоносовъ, М. В. Россійская грамматика. Спб. 1757.

Ляпуновъ, Б. М. Нѣсколько словъ о говорахъ Лукояновскаго уѣзда Нижегородской губерніи. (Живъ. Ст. 1894). — Изслѣдованіе о языкѣ Синодальнаго списка 1-ой Новгородской лѣтописи. В. I. Спб. 1899. — [*Рец.* А. И. Соболевскаго. (Ж. М. Н. П. 1900, № 1)]. — Отвѣтъ на рецензію профессора А. И. Соболевскаго (Ж. М. Н. П. 1900, № 6).

Mazon, A. Morphologie des aspects du verbe russe. Paris. 1908. — Emplois des aspects du verbe russe. Paris. 1914.

Мансикка, В. Говоръ Грязовецкаго уѣзда Волог. г. (Р. Ф. В. 1912, 3—4). — О говорѣ Шенкурскаго уѣзда Архангельской губ. (Изв. II Отд. 1912, кн. 2).

Матеріалы для изученія великорусскихъ говоровъ: в. 1 (Изв. II Отд. 1896, кн. 2); в. 2 (ib., кн. 3), в. 3 (ib., кн. 4); в. 4 (Изв. II Отд. 1897, кн. 1); в. 5 (Изв. II Отд. 1898, кн. 1 и 2); в. 6 (Изв. II Отд. 1899, кн. 1); в. 7 (Изв. II Отд. 1900, кн. 2); в. 8 (Сб. II Отд., т. 83, 1907), в. 9 (Сб. II Отд., т. 87, 1910).

Матеріалы по русской діалектологіи. (Изъ Варш. Унив. Изв. 1914 г.).

Meillet, Aug. De quelques déplacements d'accent dans les dialectes slaves. (Arch. f. slav. Ph. XXV, 1903).

Miklosich, Fr. Vergleichende Grammatik der slav. Sprachen. I — IV. Wien. 1875—83. [III томъ, содержащій сравнительную морфологію славянскихъ языковъ, переведенъ Н. В. Шляковымъ подъ ред. Р. Ѳ. Брандта. М. 1884—87 г.].

Михайловъ, А. В. Опытъ введенія въ изученіе русскаго литературнаго языка и письма. Варшава. 1911. — [*Рец.* Е. Ѳ. Карскаго Ж. М. Н. П. 1911, № 6].

Михальчукъ, К. П. Нарѣчія, поднарѣчія и говоры Южной Россіи въ связи съ нарѣчіями Галичины. (Труды Этногр.-стат. экспед. Мат. и изсл., собр. П. П. Чубинскимъ. VII, 2. Спб. 1877). — Къ южно-русской діалектологіи. (Кіевск. Ст. 1893). — Что такое малорусская (южно-русская) рѣчь? (Кіевск. Ст. 1899, № 9).

Недешевъ, И. Историческій обзоръ важнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ. (Р. Ф. В. 1884, 3—4).

Некрасовъ, Н. П. О значеніи формъ русскаго глагола. Спб. 1865. — Замѣтки о языкѣ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» по Лаврентьевскому списку лѣтописи. (Изв. II Отд., 1896, кн. 4; 1897, кн. 1).

Никольскій, А. А. Народные говоры Жиздринскаго уѣзда Калужской губерніи. (Р. Ф. В. 1901, 1—2, 3—4; 1902, 3—4; 1903, 1—2).

Обнорскій, С. П. О языкѣ Ефремовской кормчей XII вѣка. (Изсл. по русск. яз. III, 1, 1912 г.).

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. Синтаксисъ русскаго языка. Изд. 2-е. Спб. 1912. — [*Рец.* на 1-е изд. Д. Н. Кудрявскаго (Изв. II Отд. 1902, кн. 4)].

Ogonowski, Em. Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache. Lemberg. 1880.

Поповъ, А. В. Синтаксическія изслѣдованія. Воронежъ. 1881.—[*Рец.* Ф. Ѳ. Фортунатова (Отч. о 26 присужд. Увар. пр., 1884)].

Потебня, А. А. Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка. Воронежъ. 1866.—Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи. (Фил. Зап. 1870).—Къ исторіи звуковъ русскаго языка. Т. I. Воронежъ. 1876; т. II. Варшава. 1880. — Ueber einige Erscheinungsarten des slavischen Palatalismus. (Arch. f. slav. Ph. III, 1879). — Этимологическія замѣтки. (Р. Ф. В. 1879, 1 и 2).—Къ исторіи звуковъ русскаго языка. II. Этимологическія и другія замѣтки. (Р. Ф. В. 1879). — О нѣкоторыхъ случаяхъ вліянія небности на согласные звуки. (Р. Ф. В. 1879, 3—4).—Замѣтки этимологическія и о народной поэзіи. (Р. Ф. В. 1880, 1, 2 и 4; 1881, 1, 2 и 3).—Изъ записокъ по русской грамматикѣ. I—II. Харьковъ. 1888; III. Харьковъ. 1899.

Пѣшковскій, А. М. Русскій синтаксисъ въ научномъ освѣщеніи. М. 1914.

Симони, П. К. Русскій языкъ въ его нарѣчіяхъ и говорахъ. Опытъ библіографическаго указателя. I. Великорусское нарѣчіе (Изв. II Отд., 1896 г.).

Smal Stockij, St. Ueber die Wirkungen der Analogie in der Declination des Kleinrussischen. (Arch. f. slav. Ph. VIII, 1885 и IX, 1886).

С. Смаль-Стоцкий і Ф. Гартнер. Руска граматика. Львів. 1893.—Smal-Stockyj, St. v. und Gartner, Th. Grammatik der ruthenischen (ukraïnischen) Sprache. Wien. 1913.—[*Рец.* П. Г. Голанова (Изв. II Отд. 1913, кн. 2)].

Соболевскій, А. И. Изслѣдованія въ области русской грамматики. Варшава. 1881.—Статьи по славяно-русскому языку. Варш. 1883. [Отт. изъ Р. Ф. В.].—Статьи по славяно-русскому языку. Варш. 1894. [Отт. изъ Р. Ф. В.]. — Очерки изъ исторіи русскаго языка. Кіевъ. 1884.—[*Рец.* А. А. Потебни (Изв. II Отд. 1896, кн. 4)]. — Два древнихъ памятника галицко-волынскаго нарѣчія. (Р. Ф. В. 1884, 3—4). — Смоленско-полоцкій говоръ въ XIII—XV вв. (Р. Ф. В. 1886, 1—2).—Очеркъ русской діалектологіи. I. Великорусское нарѣчіе. II. Бѣлорусское нарѣчіе. III. Малорусское нарѣчіе. (Жив. Ст. 1892 г.).—Одно изъ рѣдкихъ явленій славянской фонетики. (Ж. М. Н. П. 1893, № 11). — Замѣтки по славянской грамматикѣ. (Ж. М. Н. П. 1895 г.).—Изъ исторіи русскаго языка. (Ж. М. Н. П. 1897, № 5; ib. 1901, № 10). — Опытъ русской діалектологіи. В. I. Нарѣчія великорусское и бѣлорусское. Спб. 1897. — [*Рец.* Е. Ѳ. Карскаго (Изв. II Отд. 1897, кн. 4)]. — О русскихъ говорахъ вообще и бѣлорусскихъ въ частности. (Изв. II Отд. 1904, кн. 2). — Къ исторіи русскаго языка. (Р. Ф. В. 1905, 1).—Замѣтки о сѣверскихъ говорахъ. (Р. Ф. В. 1905, 3). — Замѣтки въ области русской діалектологіи. (Р. Ф. В. 1906, 3—4).—Лекціи по исторіи русскаго языка. Изд. 4-е. М. 1907. — Важная особенность стараго псковскаго говора. (Р. Ф. В. 1909, 3—4).—Мелкія замѣтки по славянской и русской фонетикѣ. (Р. Ф. В. 1910, 3—4). — Мелкія замѣтки по морфологіи. (Р. Ф. В. 1910, 3—4). — Матеріалы и изслѣдованія въ области славянской филологіи и археологіи. (Сб. II Отд., т. 88, 1910 г.). — Русскіе говоры и польскій языкъ. (Р. Ф. В. 1911, 3—4).—Лингвистическія и археологическія наблюденія. (Р. Ф. В. 1913—1914).

Срезневскій, И. И. Мысли объ исторіи русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій. Спб. 1887.

Тимченко, Е. Українська граматика. Ч. І. Киев. 1907. — Причинки до української діалектології. (Зап. Наук. Тов. в Київі, т. І, 1908). — Функціи генитива въ южнорусской языковой области. (Р. Ф. В. 1909).

Томашівський, С. Етнографічна карта Угорської Руси. (Статьи по славяновѣдѣнію, т. III, Спб. 1910).

Томсонъ, А. И. Къ синтаксису и семасіологіи русскаго языка. Одесса 1903.

Труды Московской Діалектологической Комиссіи. (Р. Ф. В. 1907, 1908, 1909, 1910, 1911, 1912, 1913).

Филатовъ, К. Очеркъ народныхъ говоровъ Воронежской губерніи. (Р. Ф. В. 1897, 1—2, 3—4; 1898, 1—2, 3—4).

Фортунатовъ, Ф. Ѳ. О залогахъ русскаго глагола. (Изв. II Отд. 1899, кн. 4). — Составъ Остромирова евангелія. (Сб. въ честь В. И. Ламанскаго. Спб. 1908).

Халанскій, М. Г. Черты народнаго говора Щигровскаго уѣзда Курской губерніи. (Р. Ф. В. 1879, 1, 3 и 4; 1880, 1 и 2, 3 и 4; 1881, 2 и 4; 1883, 3 и 4). — Свѣдѣнія и замѣтки о говорахъ русскаго языка. (О нѣкоторыхъ особенностяхъ народнаго говора въ сѣверной части Путивльскаго уѣзда Курской губ.). (Р. Ф. В. 1881, 4). — Свѣдѣнія и замѣтки о говорахъ русскаго языка. (Саяны). (Р. Ф. В. 1889, 1). — Народные говоры Курской губерніи. (Сб. II Отд., т. 76, 1904 г.).

Чернышевъ, В. И. Свѣдѣнія о Мещовскомъ говорѣ. (Изв. II Отд. 1898, кн. 2). — Дополненія къ свѣдѣніямъ о говорѣ г. Мещовска. (Сб. II Отд., т. 68, 1901 г.). — Законы и правила русскаго произношенія. Изд. 2-е. Варшава. 1908. — Правильность и чистота русской рѣчи. Опытъ русской стилистической грамматики. В. 1-й. Фонетика. Изд. 1-е. Спб. 1911; в. 2-й. Изд. 2-е. Части рѣчи. Петроградъ. 1915. — [*Рец.* на 1-е изд. И. В. Ягича (Arch. f. slav. Ph. XXXIII, 1912); П. А. Бодуэна-де-Куртенэ. (Изв. II Отд. 1907, кн. 2)].

Шимановскій, В. Къ исторіи древнерусскихъ говоровъ. Варшава. 1887. — Звуковыя и формальныя особенности народныхъ говоровъ Холмской Руси. Варшава. 1897.

Щерба, Л. В. Русскіе гласные въ качественномъ и количественномъ отношеніи. Спб. 1912. — [*Рец.* А. И. Томсона (Arch. f. slav. Ph. XXXIV, 1913); Б. П. Китермана (Изв. II Отд. 1913, кн. 1)]. — Bemerkungen auf die Rezension Thomsons (Arch. f. slav. Ph. XXXV, 1914).

Ягичъ, И. В. Четыре критико-палеографическія статьи. Спб. 1884. — Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка. Спб. 1889. — [*Рец.* А. И. Соболевскаго (Р. Ф. В. 1889, 3—4)]. — Einige Streitfragen. 2. Verwandschaftsverhältnisse innerhalb der slavischen Sprachen. (Arch. f. slav. Ph. XX, 1909).

Важнѣйшіе словари:

Опытъ областнаго Великорусскаго словаря. Спб. 1852.

Дополненіе къ Опыту областнаго Великорусскаго словаря. Спб. 1858.

Толковый словарь живаго Великорусскаго языка Владиміра Даля.

Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія, сост. И. Носовичемъ. Спб. 1870.

Словарь областного Архангельскаго нарѣчія. Собр. и сост. А. Подвысоцкій. Спб. 1885.

Малоруско-нѣмецкий словар Уложив Євгеній Желеховскій. I—II. Leipzig. 1886.

Матеріалы для словаря древнерусскаго языка по письменнымъ памятникамъ. Трудъ И. И. Срезневскаго. 1890—1912.

Словарь русскаго языка, сост. Отдѣленіемъ р. яз. и слов., т. I (1891) и сл.

Словарь Украинскаго языка, собранный редакціей журнала «Кіевская Старина». Редактировалъ Б. Д. Гринченко. I—IV. Кіевъ. 1907—1909.

Словарь областного Олонецкаго нарѣчія. Собр. и сост. Г. Куликовскій. Спб. 1898.

Областной словарь Колымскаго русскаго нарѣчія. Собр. и сост. В. Г. Богоразъ. Спб. 1901. (Сб. II Отд., т. 68).

Кашинскій словарь. Сост. И. Т. Смирновъ. (Сб. II Отд., т. LX, 1901 г.).

Сборникъ матеріаловъ для изученія Ростовскаго (Яросл. губ.) говора. Сост. В. Волоцкимъ. (Сб. II Отд., т. 72, 1903 г.).

Матеріалы для объяснительнаго областного словаря Вятскаго говора. П. М. Васнецова. Вятка. 1908.

Западное вліяніе на русскій языкъ въ Петровскую эпоху. Трудъ Н. А. Смирнова. (Сб. II Отд., т. 88, 1910 г.).

Смоленскій областной словарь. Сост. В. Н. Добровольскій. Смоленскъ. 1914.

Этимологическій словарь русскаго языка. Сост. А. Преображенскій. Выпуски первый—десятый. М. 1910—1914. (А—плѣнъ).

Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen von Franz Miklosich. Wien. 1886.

Slavisches etymologisches Wörterbuch von Dr. Erich Berneker. Lieferung 1—11. Heidelberg 1908=1913 (А—могъ).

Транскрипція.

Въ настоящемъ трудѣ употребляется болѣе или менѣе послѣдовательно транскрипція, предложенная О. Брокомъ въ в. 5,2 Энциклопедіи Славянской Филологіи. Соотвѣтствіе буквъ латинскаго алфавита, снабженныхъ частью діакритическими значками, русскимъ буквамъ и опредѣленіе соотвѣтствующихъ звуковъ:

a = a, b = б, c = ц, č = ч, d = д, e = e, f = ф, g = г, h = придыханіе, i = и, j = йотъ, k = к, l = западноевропейское л, ĺ = русское л (въ лапа), m = м, n = н, o = o, p = п, r = p, s = c, š = ш, t = т, u = y, v = в, w = губногубное в, x = x, y = ы, z = з, ž = ж, ʒ́ = дз, ǯ = дж.

ä = e нижняго образованія; ö = лабіализованное e; ü = лабіализованное i; ï = средній звукъ между i и y.

ạ = звукъ между ä и a; ẹ = звукъ e средняго ряда; ọ = звукъ между ö и o; ụ = звукъ между ü и u.

ъ = редуцированный звукъ средняго ряда; ь = редуцированный звукъ передняго ряда; ь̈ = лабіализованное ь; ɑ = редуцированный звукъ средняго ряда.

ą, ę, ǫ, ą̈ и т. д. = a, e, o, ä носовыя.

â, ê, ô, û и т. д. = a, e, o, u закрытыя, напряженныя.

r̩, l̩, ĺ̩, n̩, m̩ = r, l, ĺ, n, m слоговыя.

r̥, l̥, n̥, m̥ = r, l, n, m глухія.

b̕, ć, d̕, f′, ĺ и т. д. = b, c, d, f, l мягкія.

b̑, ć, d̑, f̑, l̑ и т. д. = b, c, d, f, l полумягкія.

dⁿ, kⁿ, nⁿ, rⁿ и т. д. = d, k, n, r лабіализованныя.

ă, ĕ, ŏ, ĭ, ŭ и т. д. = a, e, o, i, u краткія.

ì, ŭ, ъ̆, ь̆, y̆ и т. д. = i. u. ъ, ь, y полукраткія.

a̱, e̱, o̱ и т. д., или a̲, e̲, o̲ и т. д. = a, e, o полудолгія.

ā, ī, ū, ȳ, ґ и т. д. = a, i, u, y, ґ долгія.

i̯, u̯, ъ̯, ь̯ и т. д. = i, u, ъ, ь неслоговыя.

á, ó, ý и т. д. = полудолгія a, o, y съ восходящимъ экспир. ударе-ніемъ.

à, ò, è, ì и т. д. = краткія a, o, e, i съ экспир. ударе-ніемъ.

a̋, ő, e̋, ı̋ и т. д. = краткія a, o, e, ı съ нисход. музык. ударе-ніемъ.

â, ô, ê, î и т. д. = долгія или полудолгія a, o, e, i съ нисход. музык. ударе-ніемъ.

ā̂, ī̂, ū̂, ȳ̂ и т. д. = сверхдолгія a, i, u, y съ восход. музык. ударе-ніемъ.

Вмѣсто латинской транскрипціи мѣстами употреблена и русская. Диакритическіе (надстрочные и подстрочные) значки въ общемъ тѣ же. При этомъ рядомъ съ русскими буквами должны быть сохранены буквы h, j, l (для западноевроп. l), ă, ŏ, ŭ, ı, á, ó, u, e (вмѣсто ė можно дать э). ǯ (дз). ǰ (дж), w (губногубное в).

Указатель.

-аа- изъ ăа въ имперфектѣ въ русскомъ § 201
а въ началѣ слова восходитъ къ ha въ общеслав. § 101
aj въ сербск. Jурај § 401 пр.
Аканье § 506 и сл.
ала вм. оло § 262
ал діалект. древнеболгарское въ серединѣ словъ § 82 пр. 2
алькати, алъдии § 82 пр. 2
алынья § 262
-ан- въ прилагательныхъ въ русскомъ § 199
-ан-, -анин- въ русскомъ § 200
антихста р. ед. § 374 пр. 2
ар, ал вм. р, л слоговыхъ § 371
ара вм. оро § 262
аро вм. ожидаемаго оро въ русск. § 246
архангла р. ед. § 398
ā переходитъ въ а въ русскомъ § 198
ą̄ общеслав. § 20; ą̄ вм. у въ окончаніи прич. наст. вр. § 20 прим. 2;—перешло въ русскомъ въ а § 191
барахло § 262
бію § 405
бревно §§ 258, 384
веретея § 405 пр. 3
верея § 405 пр. 3
Веснебологъ § 242[1]
взметь § 386
Витобескъ § 409
Вівдя § 462 пр.
во вм. го въ памятникахъ § 447 пр.
во предлогъ § 393
Восходящее ударепіе на сверхдолгой гласной §§ 134, 144 пр., 157; — на полудолгой § 143.
воз- § 395
вообще § 337 пр. 1
въдале § 363
вы предлогъ §§ 393 пр. 2, 408
выз- § 408 пр. 2
gd общеслав. § 92 пр. 2
Гжатскъ § 371 пр. 1
гл древненсковское изъ дл §§ 181, 501; гл въ другихъ сѣверноруссквхъ говорахъ § 182
глибокий малор. § 371 пр. 3
Глухія носовыя вм. слоговыхъ §§ 56, 79
Глухія плавныя вм. слоговыхъ §§ 54[2], 79
гнеётъ § 405
голомя § 242[1]
голымень § 260
гортань §§ 258, 373 пр. 3
гостея, гостья § 406 пр. 1
грубіянъ § 405 пр. 1
γ въ сѣверновеликорусскихъ заимств. словахъ § 310 пр. 1
γv — происхожденіе сочетанія § 62 пр.
he- и ho- въ мѣст. корнѣ §§ 57 пр., 98 пр. 1
hedinъ при jedinъ § 57 пр.
-ho въ окончаніи род. над. мѣстоим. склоненія общеслав. § 59
дá ста вм. до ста § 408 пр. 2
дёсна § 191 пр. 2
джерело § 210 пр.
Дзеканье бѣлор. §§ 477, 500.
дл въ позди. заимствованіяхъ изъ польскаго § 183

dlu = въ западнослав. яз. § 221 пр. 1
для § 410
dn перешло въ n въ общеслав. § 184 пр.
Долгія гласныя общеслав. §§ 29, 30; два вида долготы §§ 30, 120; сокращеніе долготы въ общеслав. § 32 пр.
доржать § 258
Дрюцкъ § 406 пр. 3
дсять § 410
дърва §§ 314 пр. 2, 374 пр. 3
дьно вм. дъно § 118 пр. 1
-е въ окончаніи им. ед. именъ сущ. м. р. § 397
-е въ окончаніи отечественныхъ именъ § 397
ежевика § 227 пр. 2
ёжъ § 227 пр. 2
ездебка § 404 пр. 2
емати § 404 пр. 2
е послѣ согл. предлога переходитъ въ ѣ § 429
ер и ор въ вѣтер, вѣдер и вітор, вѣдор § 369 пр.
ері въ произв. глаголахъ въ малор. § 247
еро вм. ожидаемаго ере въ русскомъ § 246
-еск въ именахъ городовъ § 386
-еск суффиксъ § 391; -ество суффиксъ § 391
есте вм. есть § 397
ę — замѣняетъ ѣ̨ въ ок. прич. наст. вр. общеслав. § 21 прим. 2
жг вм. жд въ церковнослав. словахъ § 490 пр.
жг въ памятникахъ § 490
žlu — въ западнослав. языкахъ § 221 пр. 1
жн изъ зн, зги § 312⁴
жьрьць § 384
забіяка § 405 пр. 1
завтра, завтря, завтрее §§ 364 пр. 1, 405 пр. 2
заём, заим § 403
замай § 362
занже § 410
зародъ § 246
zvizdati § 187 пр. 1
Знаки надстрочные § 334²
зн изъ зги § 312⁴
золоба вм. зълоба § 118 пр. 2, 336
золовка § 427 пр. 1
золодѣи § 336
ив, ис, ик вм. в, с, к § 408 пр. 2
и въ стукни, прыгни § 360 пр. 2
игумна § 398
избу § 404 пр. 1
измълъ § 221 пр. 2
иллють малор. § 371 пр. 2
имѣахъ, какъ новообразованіе §§ 88 пр. 1, 201 пр.
индрав § 377 пр. 3
ир, иль вм. р, л слоговыхъ § 371
i̯ чередуется съ j общеслав. §§ 43, 63
j вм. i̯ въ ударяемыхъ слогахъ § 45; — вм. i̯ послѣ согласной § 44
je- въ мѣст. корнѣ чередовалось съ he-, ho- § 57 пр., 98 пр. 1
jediпъ при hediпъ § 57 пр.
jѣ въ началѣ слова чередуется съ i̯ѣ общеслав. (jasli при ѣda) § 99 пр. 1
камня р. ед. § 398
кербь § 258
керез § 246 пр.
кивцы § 306 пр. 1
кімната § 462 пр.
кл древнепсковское изъ тл §§ 181, 501; кл въ другихъ сѣверноруссскихъ говорахъ § 182
ко предлогъ § 393
колея § 405 пр. 3
корачки § 248
коробъ § 242¹
король § 244
коромола § 242¹
коропъ § 244
кревный § 409
крышка вм. крошка § 372 пр. 1
кстить § 374 пр. 1
къреста § 258

кы предлогъ §§ 393 пр. 2, 408
лебедь § 191 пр. 2
ликоствовати § 391 пр.
ло въ русскихъ словахъ, заимствованныхъ изъ польскаго § 249
лы, ли начальныя неяснаго происх. § 371 пр. 4
льда § 398
маланья § 262
мгла, мегла § 377 пр. 1 и пр. 2
мед малор. § 457
мезда § 377 пр. 2
Мещовскъ § 384
Мистиславъ § 377 пр. 2
много, мнуого § 464 пр. 2
мовити § 258
мраморъ § 244
мстить § 377 пр. 1
Музыкально-экспираторная долгота §§ 30, 120
муравей §§ 246, 377 пр. 3
Мценскъ § 384
мызда § 377 пр. 2
мью § 363 пр. 2
надолобъ § 427 пр. 1
наровъ §§ 246, 377 пр. 3
Носовыя въ славянскихъ заимствованіяхъ западно-финскихъ языковъ § 193 пр. 2
нѣ вм. не малор. § 464 пр. 3
Обоянскій говоръ § 324 пр.
овинъ § 227 пр. 1
-о въ окончаніи именъ § 397
о: два разныхъ звука въ восточнорусскомъ § 508
одинъ § 227 пр. 2
о дифтонгизируется въ великорусскихъ говорахъ §§ 215, 322[1]
ожеледь § 245
озьму § 364 пр. 4
ола въ произв. глаголахъ § 247
ол вм. ел въ мітолки § 370 пр. 2
олі малор. въ произв. глаголахъ § 247
олы вм. оло § 260
ора въ произв. глаголахъ § 247
ордынскій § 319
ор и ер въ вітор, вѣдор — вѣтер, вѣдер § 369 пр.
оры вм. оро § 260
ослопъ § 427 пр. 1
осподарь § 310 пр. 2
острогъ § 249
отимати § 428 пр. 2
паполома § 244 пр.
певно § 409
пелевня § 245
пелескаться § 245
перецъ § 384
печея § 405
піяный § 405
піявка § 405 пр. 1
Полногласіе второе §§ 252 пр., 313 пр., 421—427
полудновать § 242[1]
полымя §§ 250, 261
полынья §§ 250, 261
Помостье § 409
попряникъ § 409
постромка § 249
потолка р. ед. § 398
почва § 384
прапорщикъ § 248
придолоб § 427 пр. 1
приторно § 242[1]
Причастія: мѣсто ударенія § 158
Причастія на -а въ общерусскомъ праязыкѣ § 191 пр. 3
Причастія на -въ южнор. § 468
причтъ § 386 пр.
пріятель § 405 пр. 1
прочь § 410
прямо § 202
пряникъ § 409
псаломъ § 375 пр.
Псковъ § 374 пр. 1.
распъ § 79 пр.
румёный § 199 пр.
ръпътъ § 384
ры начальное неяснаго происх. § 371 пр. 4

Сверхдолгія гласныя имѣли на себѣ восходящее удареніе §§ 134, 135
серебро вм. сьребро § 118 пр. 2, 336
сіять § 405 пр. 1
скербь §§ 258, 314 пр. 2, 381 пр.
скользкій § 211 пр. 2
скоропия § 244
скорынья §§ 250, 261
слонца бѣлор. § 259
Смоленеска, Смоленеску § 389
Снопородъ § 242[1]
солнечный § 409
соломя § 244
солопити § 242[1]
солощій § 242[1]
сообща § 337 пр. 1
со предлогъ § 393
стержень § 372 пр. 3
сторовъ § 242[1]
строгій § 249
стьрмление § 314 пр. 2
сы предлогъ §§ 393 пр. 2, 408
сьи въ общер. § 400
сѣм § 410
сямо § 202
таj сербск. § 400 пр.
так § 410
тарышка § 261
твѣт § 187 пр. 4
телеса § 195 пр. 1
течия § 405
товарыщь § 319
токило § 306 пр. 1
толока § 242[1]
толонуть § 427 пр. 1
трезвый § 242[1]
трогать § 374 пр. 1
Троецкой § 404 пр. 2
тъи въ общер. § 400
уборокъ § 244
удова § 365 пр. 3
у и в: смѣшеніе въ памятникахъ §§ 441, 442
умѣяхъ, какъ новообразованіе § 88 пр. 1
унук § 365 пр. 3
успленіе § 188 пр. 2
хваѣръ § 248 пр.
хобръ § 248 пр.
Цеканье бѣлор. § 477, 500
половати § 195 пр. 1
членъ § 245
человѣкъ § 54 пр. 2, 241
четвероногъ § 242[1]
четвьргъ § 258
чимось § 409
чия § 405
шелемъ § 245
шея § 406 пр. 2
шолымя § 260
шорохъ § 246
шти вм. шести § 398
-шь во 2 л. ед. § 350 пр.
ъ, какъ знакъ твердости § 411; — какъ слогоотдѣлитель § 412
ыр, ыл въ западномалор. вм. р, л слоговыхъ § 373
ь, какъ знакъ мягкости §§ 312[2], 334, 411; — какъ слогоотдѣлитель § 412
ѣ вм. е въ церк. словахъ § 458
югъ § 229 пр. 1
Юрьи им. ед. § 407
ютро § 229 пр. 1
юха § 229 пр. 1
э бѣлор. (валэ) § 430
Экспираторно-музыкальная долгота §§ 30, 120
этотъ § 227 пр. 3
яблонь § 242[1]
яблыко § 370 пр. 3
яицъ § 404 пр. 1
ялина малор. § 227 пр. 3
ястребъ § 191 пр. 2

Важное дополненіе.

Къ стр. 101, стрк. 19 св. Въ настоящее время можно сослаться еще на напечатанную Псковскую писцовую книгу № 355 въ V томѣ Сборника Московскаго Архива Министерства Юстиціи (М. 1913); см. тамъ выраженія отъ жерегла, отъ жерагла на стр. 93, 94.

Благодаря любезности И. Д. Кузнецова, печатающаго въ настоящее время «Рыбопромышленный словарь Псковскаго водоема», могу сообщить, что И. Д. Кузнецовымъ на Псковскомъ озерѣ записано слово «Жероглò — жерло, горло, узкій проливъ: жерогло ризца, глубина на жероглѣ» (ризецъ—вентерь). Въ названный словарь войдетъ еще слово «Жаглò — жало, остріе: жагло какое вострое»; тоже слово Жаглó со значеніемъ «жало пчелы» и указаніемъ на Псковскій уѣздъ вошло и въ «Словарь русскаго языка» (II, 1); тамъ же приведено изъ Лужскаго уѣзда жагло въ значеніи «жало змѣи». Теперь не можетъ быть сомнѣнія, что жаглó, какъ и жереглó, восходятъ къ *жадлó, *жередлó, ср. польск. żądło, źródło.

Къ стр. 328, стрк. 14 и сл. Къ числу случаевъ, гдѣ въ совр. псковскомъ нарѣчіи сохранилось старое смѣшеніе ш и с, относится слово пéрши: часть невода (сообщено И. Д. Кузнецовымъ, вѣрно объясняющимъ перши какъ перси).

Опечатки.

Стр.:	*строк.:*	*напечатано.*	*читать.*
52	3 св.	aụ̑	aụ̑
54	10 »	гласная	согласная
76	14 сн.	знакомъ ˇ	знакомь ˇ
80	15—16 св.	Экспираторное понижеиіе	Понижеиіе
85	7 св.	Примѣчаніе	Примѣчаніе 1.
86	6 сн.	Примѣчаніе	Примѣчаніе 1.
91	9 св.	dŭsām	vŏdām
100	17 сн.	tĺ находимъ и dĺ	tl находимъ и dl
100	13 сн.	dĺ	dl
112	4 сн.	Примѣчаніе	Примѣчаніе 1.
114	5 сн.	отдѣлгныхъ	отдѣльныхъ
127	6 св.	Примѣчаніе	Примѣчаніе 1.
149	5 св.	ere	ére
151	5 св.	242a	242^{1}
157	4 сн.	Примѣры	§ 257 Примѣры
177	4 св.	Въ заимствованныхъ	$§305^{1}$. Въ заимствованныхъ
181	4 св.	$§ 312^{2}$	$§ 312^{3}$
181	10 сн.	$§ 312^{3}$	$§ 312^{4}$
200	5 св.	и полукраткихъ	и другихъ полукраткихъ
249	17 сн.	Примѣчаніе 1	Примѣчаніе
272	13 сн.	гл. I	гл. V
278	18 св.	южновеликорусскіе	великорусскіе
297	10 св.	г)	в)
307	14 св.	Примѣчаніе 1	Примѣчаніе